

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 3 2023

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 3 2023

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:

канд. ист. наук *С.В. Кузьминых*, канд. ист. наук *А.А. Чижевский*

Редакционная коллегия номера:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.** д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Элиста); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrastep.ru

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 3 2023

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh**,
Candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Editorial board:

Vaskul Igor O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Elista); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrastep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

К 130-летию со дня рождения Б.С. Жукова*

Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Б.С. Жуков – лидер московской палеоэтнологической школы (по материалам переписки с А.М. Тальгреном)	8
Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. (<i>Москва, Россия</i>) Письма Б.С. Жукова М.В. Воеводскому (1925–1929 гг.)	67
Детлова Е.В. (<i>Красноярск, Россия</i>), Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>), Наглер А.О. (<i>Берлин, Германия</i>) Б.С. Жуков и его заграничные контакты	81
Лопатина О.А. (<i>Москва, Россия</i>) Б.С. Жуков и его исследовательский подход к изучению древностей IV–I тыс. до н.э. лесной зоны Восточной Европы	96
Сергиевская А.П. (<i>Москва, Россия</i>) Б.С. Жуков: взгляд из семьи	109

Древности раннего железного века и раннего средневековья лесной и лесостепной полосы Восточной Европы*

Голубева Е.Н., Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Каменные скребки Курманаковской IV стоянки позднего бронзового века в Нижнем Прикамье: морфолого-функциональный анализ	121
Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Морозов В.В. , Смирнов А.Л. (<i>Москва, Россия</i>), Аськеев И.В. (<i>Казань, Россия</i>) Результаты исследований Татарско-Азибейской III стоянки в 2020 году	136
Проценко А.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Погребальный обряд как источник социальных реконструкций (по материалам кара-абызской культуры)	160
Воробьева С.Л. (<i>Уфа, Россия</i>) Хозяйство носителей кара-абызской культуры по материалам работ археологических экспедиций Национального музея Республики Башкортостан на памятниках у горы Курман-Тау	171
Смирнов А.Л., Добровольская М.В., Куприянов Д.А. (<i>Москва, Россия</i>), Ханина Л.Г. (<i>Пушино, Россия</i>), Челогаева Е.О. (<i>Москва, Россия</i>), Бобровский М.В. (<i>Пушино, Россия</i>) Культурный слой городищ железного века и раннего средневековья в истоках Волги и Западной Двины (Руна-Заборовка, Заборовка-Лихуша, Ворошилово, археологический комплекс Верхмарево)	198

Проблемы археологии Евразии

Епимахов А.В. (<i>Челябинск, Россия</i>), Пантелеева С.Е., Корякова Л.Н. (<i>Екатеринбург, Россия</i>), Краузе Р., Столарчик Э. (<i>Франкфурт-на-Майне, Германия</i>) Хронологическое соотношение культурных традиций бронзового века в Южном Зауралье (срубно-алакульские и черкакульские древности)	224
Купцова Л.В., Халяпин М.В. (<i>Оренбург, Россия</i>) Погребения с сейминско-турбинским инвентарем из Оренбургского Предуралья: хронологический, палеодиетический и миграционный аспекты	235
Красноперов А.А. (<i>Ижевск, Россия</i>), Камалеев Э.В. (<i>Уфа, Россия</i>) Удила из погребения 86 Камышлы-Тамакского I могильника: к вопросу о ранних комплексах пьяноборской культуры	249
Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. (<i>Барнаул, Россия</i>) Костяные (роговые) детали плетей в предметном комплексе населения Алтая жужанского времени (по материалам некрополя Чобурак-I)	257
Колоколов А.М. (<i>Тула, Россия</i>) Элементы поясной гарнитуры с памятников VIII–X веков Окско-Донского водораздела	268

* Материалы конференции «Ананьинский мир: процессы культурогенеза в финале эпохи бронзы и раннем железном веке в Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения Б.С. Жукова)» 3–6 октября 2022 г.

Бадеев Д.Ю. (<i>Москва, Россия</i>), Валиев Р.Р. (<i>Казань, Россия</i>) Кожевенно-пошивочные мастерские на территории торгово-ремесленного района средневекового Болгара	282
Коваль В.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Валы и Рвы Тигашевского городища	293
Адаксина С.Б., Мыц В.Л. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Заметки ученых и путешественников конца XVII – начала XIX веков о Крыме и Крымском ханстве	311
Мыц В.Л. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Начало «Османской археологии Крыма» и возвращение Менги I Гирея к власти в 1478 году	325

Персоналии

Выборнов А.А. (<i>Самара, Россия</i>), Ставицкий В.В. (<i>Пенза, Россия</i>) Ю.А. Зеленева – исследователь средневековой археологии Поволжья	337
Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>), Мельникова О.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) К истории уральской археологии в послевоенные годы: письма И. А. Талицкой О. Н. Бадеру	343
Список сокращений	366
Правила для авторов	367

CONTENT

To the 130th Anniversary of the Birth of B.S. Zhukov

Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) B.S. Zhukov is a Leader of the Moscow Paleolithic School (based on correspondence with A.M. Tallgren)	8
Kuzminykh S.V., Belozerova I.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) B.S. Zhukov's Letters to M.V. Voyevodsky (1925–1929)	67
Detlova E.V. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>), Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Nagler A.O. (<i>Berlin, Germany</i>) B.S. Zhukov and his Contacts Abroad	81
Lopatina O.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) B.S. Zhukov and his Research Approach to the Study of Antiquities of the IV–I Millennium BC of the Eastern Europe Forest Zone	96
Sergievskaya A.P. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) B.S. Zhukov: family memoirs	109

Early Metal Age and Early Middle Ages Antiquities of the Forest and Forest-Steppe Zone of the Eastern Europe

Golubeva E.N., Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Stone Scrapers of the Kurmanakovo IV Site of the Late Bronze Age in the Lower Kama Region: morphological and functional analysis.....	121
Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Morozov V.V., Smirnov A.L. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Askeyev I.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Research Results of the Tatarskiy Azibey III Site in 2020.....	136
Protsenko A.S. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Burial Rite as a Source of Social Reconstructions (based on the materials of Kara-Abyz Culture)	160
Vorobyeva S.L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) The Economy of the Kara-Abyz Culture Bearers Based on the Materials of the National Museum of the Republic of Bashkortostan Archaeological Expeditions on the Sites at the Kurman-Tau Mountain.....	171
Smirnov A.L., Dobrovolskaya M.V., Kupriyanov D.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Khanina L.G. (<i>Pushchino, Russian Federation</i>), Chelogayeva E.O. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Bobrovsky M.V. (<i>Pushchino, Russian Federation</i>) Cultural Layer of the Iron Age and Early Middle Ages Hillforts in the River-Heads of the Volga And Western Dvina (Runa-Zaborovka, Zaborovka-Likhusha, Voroshilovo, Verkhmarevo Archaeological Complex).....	198

Issues of Eurasian Archaeology

Epimakhov A.V. (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>), Panteleeva S.E., Koryakova L.N. (<i>Ekaterinburg, Russian Federation</i>), Krause R., Stolarczyk E. (<i>Frankfurt am Main, Germany</i>) Chronological Correlation of the Bronze Age Cultural Traditions in the Southern Trans-Urals (Srubnaya-Alakul and Cherkaskul antiquities).....	224
Kuptsova L.V., Khalyapin M.V. (<i>Oreburg, Russian Federation</i>) Burials with Seima-Turbino Inventory from the Orenburg Cis-Urals: chronological, paleodietological and migration aspects	235
Krasnopeorov A.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>), Kamaleev E.V. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Horse Bits from Burial 86 of the Kamyshly-Tamak I Burial Ground: on the issue of early assemblages of the Piany Bor archaeological culture.....	249

Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S. (<i>Barnaul, Russian Federation</i>) Bone (Antler) Details of Whips in the Artifact Complex of the Altai Population of the Rouran Period (on the materials of the Choburak-I necropolis).....	257
Kolokolov A.M. (<i>Tula, Russian Federation</i>) Belt Set Details from Archaeological Sites of the VIII–X Centuries from Oka and Don Watershed.....	268
Badeev D.Yu. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Valiev R.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Leather and Sewing Workshops on the Trade and Craft District of Medieval Bolgar	282
Koval V.Yu. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Ramparts and Ditches of the Tigashevo Fortified Settlement.....	293
Adaksina S.B., Myts V.L. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Notes Taken by Scientists and Travelers of the Late XVII – Early XIX Centuries about the Crimea and the Crimean Khanate	311
Myts V.L. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Beginning of Crimea "Ottoman Archaeology" and Return of Mengli I Giray to Power in 1478	352

Personalia

Vybornov A.A. (<i>Samara, Russian Federation</i>), Stavitsky V.V. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Yu.A. Zeleneev – Researcher of the Volga Region Medieval Archaeology	337
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Melnikova O.M. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) To the History of the Ural Archaeology in the Post-War Years: letters by I.A. Talitskaya to O.N. Bader	343
List of Abbreviations	366
Instructions for Authors	367

К 130-летию со дня рождения Б.С. Жукова

УДК 902 (902.26)/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.8.66>**Б.С. ЖУКОВ – ЛИДЕР МОСКОВСКОЙ ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ С А.М. ТАЛЬГРЕНОМ)¹**

©2023 г. С.В. Кузьминых

Б.С. Жуков и А.М. Тальгрэн принадлежат к числу ключевых фигур в российской, финской и европейской археологии 1920-х годов. Основоположником палеоэтнологического направления исследований в Московском университете стал Д.Н. Анучин с его известной триадой – синтезом доисторической археологии, антропологии и этнографии. Жуков, его ученик, в начале 1920-х гг. пошел дальше и на практике воплотил идеи учителя, предложив исследовательскую программу и объединив коллектив молодых ученых – археологов, антропологов, этнологов, специалистов других научных дисциплин. Жуков как лидер палеоэтнологической школы не просто воспринял анучинскую идею о междисциплинарном подходе к изучению человека в его прошлом и настоящем, а осуществил ее в ходе масштабных комплексных экспедиций и глубоких научных исследований. Школа Жукова как научное направление развивалась непродолжительное время в середине и второй половине 1920-х годов. В ней выросло поколение археологов, антропологов и этнологов, внесших неоценимый вклад в развитие российской и мировой науки. Именно к этим вопросам и обращена настоящая статья. В ее основу легла переписка Б.С. Жукова с финским археологом А.М. Тальгреном.

Ключевые слова: археология, Б.С. Жуков, А.М. Тальгрэн, Институт антропологии МГУ, московская палеоэтнологическая школа, диалог в переписке, международные научные связи.

B.S. ZHUKOV IS A LEADER OF THE MOSCOW PALEOETHNOLOGICAL SCHOOL (BASED ON CORRESPONDENCE WITH A.M. TALLGREN)²

S.V. Kuzminykh

B.S. Zhukov and A.M. Tallgren belong to the number of key figures in the Russian, Finnish and European archaeology of the 1920s. The founder of the paleoethnological direction of research at Moscow University was D.N. Anuchin with his famous triad – synthesis of prehistoric archaeology, anthropology and ethnography. In the early 1920s, Zhukov, his student, went further and put into practice his teacher's ideas by proposing a research program and uniting a team of young scientists – archaeologists, anthropologists, ethnologists, and specialists in other scientific disciplines. Zhukov, as a leader of the paleoethnological school, not only accepted Anuchin's idea of an interdisciplinary approach to the study of man in his past and present, but realized it during large-scale complex expeditions and in-depth scientific research. Zhukov's school as a scientific direction developed for a short time in the middle and second half of the 1920s. A generation of archaeologists, anthropologists and ethnologists who made invaluable contributions to the development of Russian and world science grew up there. These questions are under review in the presented article. It is based on the correspondence between B.S. Zhukov and the Finnish archaeologist A.M. Tallgren.

Keywords: archaeology, B.S. Zhukov, A.M. Tallgren, Institute of Anthropology of Moscow State University, Moscow Paleoethnological School, dialogue in correspondence, international scientific relations.

Имена Бориса Сергеевича Жукова (1892–1933) и Арне Михаэля Тальгрена¹ (1885–1945) не нуждаются в представлении (рис. 1, 2). А.М. Тальгрэн – одна из ключевых фигур в истории финской, российской и в целом европейской археологии первой трети XX века. Изучение его научного наследия крайне важно для понимания путей развития и судеб русской и советской археологии этого периода. В финской и российской историографии

¹ Статья подготовлена по госзаданию Института археологии РАН, № НИОКТР 122011200264-9.

² The article was prepared according to the State task of the Institute of Archaeology RAS, No. R&D 122011200264-9.

Рис. 1. Борис Сергеевич Жуков. 1924–1925 гг. Ветлужская экспедиция. Архив О.Н. Бадера.
Fig. 1. Boris Sergeevich Zhukov. 1924–1925. Vetluga expedition. O.N. Bader's archive.

Рис. 2. Арне Михаэль Тальгрэн. 1930-е годы. Архив Музейного ведомства Финляндии.
Fig. 2. Aarne Michaël Tallgren. 1930s. Archive of the Finnish Heritage Agency.

разработаны темы о формировании Тальгрена как археолога, его научных путешествиях в Россию и СССР, редакторской деятельности, политических взглядах и пристрастиях, исследовании важнейших проблем археологии бронзового и раннего железного веков Северной Евразии; опубликованы краткая биография и библиография трудов ученого (Kivikoski, 1954; 1954a; Nordman, 1968, p. 60–66; Kokkonen, 1985; Салминен, 2007; 2011; Salminen, 2014; 2021; Кузьминых, 2011; 2014; 2017; 2023; Кузьминых и др., 2014; Кузьминых, Сафонов, 2015; Кузьминых, Салминен, 2015; 2016; Кузьминых, Усачук, 2016; Детлова и др., 2019; и др.).

Финский ученый внес огромный вклад в историю русской и советской археологии 1910–1940-х гг., который еще требует историографической оценки. Особенно это касается роли Тальгрена в создании оригинальных концепций развития бронзового и раннего железного веков Северной Евразии (Tallgren, 1911; 1916; 1917; 1919; 1926; 1927; 1929; 1930; 1931; 1931a; 1933a; 1933b; 1934; 1936a; 1936b; 1937; 1937a), которые – наряду со взгляда-

ми В.А. Городцова (1910; 1915; 1925; 1927; 1927a; 1928) – дали важнейший импульс для формирования данной проблематики в археологических исследованиях в Российской империи, СССР и современных России, Украине и других постсоветских странах. Требуется углубленного изучения деятельность Тальгрена в качестве редактора журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» и прежде всего аспект, связанный с привлечением к сотрудничеству советских археологов. Столь же важна и совершенно не раскрыта тема неофициального наставничества Михаила Марковича, которая ждет изучения на базе широкого круга архивных источников. Известно, что многие молодые археологи СССР в 1920–1930-е годы, как свидетельствуют их письма финскому ученому в собраниях РАТ и РА НБФ, обращались к нему за советами и консультациями, а некоторые из них даже называли Тальгрена своим учителем.

Б.С. Жуков в 1920-е годы являлся безусловным лидером московской палеоэтнологической школы, основы которой были заложены Д.Н. Анучиным с его знаменитой триадой –

синтезом доисторической археологии, антропологии и этнографии. Ядром исследовательской программы школы Жукова стала идея междисциплинарного подхода к изучению человека в его прошлом и настоящем. На практике она осуществлялась в ходе комплексных экспедиций, объединявших усилия археологов, антропологов, этнографов, лингвистов, географов и представителей других научных дисциплин. Интеграции такого рода исследований ученый придавал ключевое значение.

Костяк московской палеоэтнологической школы составили ученики Бориса Сергеевича по кафедре антропологии физико-математического факультета (М.В. Воеводский, А.Е. Алихова, Е.И. Горюнова, С.П. Толстов, Т.А. Трофимова, Г.Ф. Дебец, П.И. Зенкевич, М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров и др.) и ограниченно выпускники этнологического факультета 1 МГУ (О.Н. Бадер, А.В. Збруева, М.В. Талицкий). Последние, безусловно, испытали влияние и В.А. Городцова, возглавлявшего кафедру первобытной археологии на этом факультете.

Жуков объединил своих учеников и сотрудников в рамках гибких организационных структур, созданных в Институте и Музее антропологии 1 МГУ (археологический кружок, палеоантропологическая лаборатория, Антропологическая комплексная экспедиция), Музее Центрально-Промышленной области и Центральном музее народоведения. Усилия молодого целеустремленного коллектива были направлены на реализацию палеоэтнологической программы исследований, обращенной прежде всего на изучение древностей центра Русской равнины – от неолита до позднего Средневековья.

Лекционные курсы Б.С. Жукова, В.В. Бунака, Б.А. Куфтина по всем дисциплинам «анучинской триады», вовлечение студентов с университетской скамьи в практическую деятельность всех палеоэтнологических лабораторий, находившихся под крылом Жукова, непереносимое участие учеников в полевых работах Ветлужской и Антропологической комплексной экспедиций наилучшим образом способствовало их становлению и взрослению как исследователей.

Палеоэтнологическая школа Жукова как научное направление институционально развивалась непродолжительное время в середине и второй половине 1920-х годов. Тем не менее в ней выросло поколение археологов,

антропологов и этнологов, воспринявших традиции исключительного уважения к источнику, строгости и точности в методике исследований, приверженности к комплексному подходу в изучении ископаемых и живых культур. На переломном этапе развития советской археологии на рубеже 1920–1930-х гг. большинство учеников Жукова не встало под знамена схоластической яфетической теории или теории стадиальности, избежало участия в политизированных кампаниях и дискуссиях конца 1920-х – начала 1930-х гг. – они продолжили активную полевую деятельность и изучение конкретного археологического материала. Сказалась прививка школы Жукова, сформировавшая у его учеников надежный внутренний «стержень», а именно: основательные методические навыки, верность целям и ценностям палеоэтнологии, осознание ее ключевой роли при изучении ископаемых и живых культур. Эти определяющие факторы позволили ученикам Жукова в 1932 и в последующие годы влиться в состав Московского отделения ГАИМК–ИИМК и включиться прежде всего в масштабные новостроечные работы тех лет.

Борис Сергеевич Жуков во второй половине 1920-х гг. стал одной из ключевых фигур советской археологии. В 1926 г. ученый возглавил Археологический подотдел Музейного отдела Главнауки НКП РСФСР. В Институте антропологии 1 МГУ он занимал должности ученого секретаря, зам. директора, руководил Палеоантропологической лабораторией. Под его началом успешно работали Ветлужская, Антропологическая комплексная по ЦПО, Крымская, Камско-Вятская, Черноморская экспедиции (Археологические..., 1962, с. 25, 30, 31, 38–40, 50, 51, 61, 62). В 1926 и 1928 гг. были проведены два важнейших совещания палеоэтнологов Центрально-Промышленной области, на которых была намечена программа исследований столичных и региональных ученых, состоялся обмен опытом, прежде всего методическим, раскопок и обработки археологического материала (Бадер, 1927; Жуков, 1927б; Материалы..., 1927; Протоколы..., 1927). Идейным вдохновителем совещаний являлся А.А. Спицын (рис. 3), а организаторами – Б.С. Жуков и О.Н. Бадер. Признанием высокого научного авторитета стало приглашение исследователя в 1929 г. на Международный археологический

конгресс, посвященный столетнему юбилею Германского археологического института (Schukov, 1930)². К концу 1920-х гг. вышли основополагающие труды ученого (Жуков, 1926; 1927; 1927б; 1928а; 1928б; 1929; 1929а; Joukov, 1929). В те годы Борис Сергеевич проявил себя как выдающийся популяризатор науки. Студентам, преподавателям вузов и школ, ученым и читающей аудитории тех лет памятна серия его книг: «Происхождение человека», «Первые шахтеры и металлорудники», «Древнейшие строители из камня и дерева» (Жуков, 1923; 1924б; 1925а). Примечательно, что именно Жуков стал автором раздела «Археология» в политически значимом сборнике «Общественные науки СССР. 1917–1927», посвященном 10-летию Октябрьской революции (Жуков, 1928).

После ареста, ссылки и безвременной кончины в лагере в 1933 г. имя Жукова на несколько десятилетий выпало из лексикона отечественной науки. Палеоэтнологические школы Москвы и Ленинграда на рубеже 1920–1930-х гг. подверглись шельмованию, были признаны чуждыми марксизму и вредными, их лидеры в своем большинстве подверглись репрессиям, а организационные структуры разгромлены (Платонова, 2010, с. 180–197). В политизированной атмосфере того времени и с потерей лидера московская палеоэтнология как научно-организационная структура не имела шансов на выживание. Ученики Жукова, прежде всего О.Н. Бадер и М.В. Воеводский, стремились сохранить палеоэтнологическое направление исследований в Институте антропологии МГУ, но в изменившихся условиях реальные условия для продолжения этих работ сложились в Московском отделении ГАИМК–ИИМК, тем более что к середине 1930-х гг. сгладились противоречия двух московских археологических школ – городцовой и жуковской³. Ученики Городцова и Жукова, составившие костяк МО ГАИМК–ИИМК, сохранили в своей научной и полевой деятельности верность идеям и подходам своих учителей, осуществили сближение и взаимное обогащение двух основных научных направлений отечественной археологии.

В отличие от Городцова Жуков до сих пор остается недооцененной фигурой в советской археологии 1920-х годов. Научный путь ученого и в целом история московской палеоэтнологической школы крайне скупо освещены

Рис. 3. В.И. Смирнов, Л.С. Китицына, А.А. Спицын, О.Н. Бадер в Музее антропологии 1 МГУ. Конец 1920-х гг. Архив О.Н. Бадера.

Fig. 3. V.I. Smirnov, L.S. Kititsyna, A.A. Spitsyn, O.N. Bader at the Anthropological Museum of 1 Moscow State University. The end of the 1920s. O.N. Bader's archive.

в российской историографии (Бадер, Бунак, 1963; Бадер, 1968; Кузьминых, 2004; Формозов, 2008; Платонова, 2010, с. 179, 180, 185, 186, 197, 206–210; Кузнецов, 2013; Клейн, 2014, с. 40–47; и др.). Причиной тому, конечно, негласное табу, которое долгое время распространялось на имя и деятельность ученого и действовало не менее жестко официальных запретов. Крайне редко и избирательно исследователи, включая и учеников Жукова, осмеливались упоминать и цитировать его имя в контексте руководителя экспедиции или автора раскопок того или иного памятника⁴. Кроме того, более полувека опубликованные труды Бориса Сергеевича оставались невостребованными. «Забытыми» оказались и архивные источники, связанные с деятельностью ученого и его научной школы. Работа над их изучением только-только начинается.

Статьи, публикуемые в настоящем сборнике, приоткрывают некоторые страницы

биографии Жукова, характеризуют его как создателя московской палеоэтнологической школы, умелого организатора науки и выдающегося исследователя древностей центра Русской равнины. Но это только начало пути в освоении богатейшего научного наследия ученого, в том числе эпистолярного.

В настоящей статье внимание обращено к переписке Жукова с финским исследователем Тальгреном, которая пришлась на самые плодотворные годы научной, педагогической и организаторской деятельности российского археолога. Публикуемые письма знакомят нас с ранее неизвестной информацией, связанной со становлением палеоэтнологического направления исследований в Институте антропологии 1 МГУ, погружают в поиски, раздумья и сомнения ученого при анализе новейших археологических материалов, характеризуют Жукова как подлинного лидера московской палеоэтнологической школы. Именно на эти вопросы, которые невозможно раскрыть только по официальным источникам (к тому же достаточно скудным), я и обращаю внимание читателя.

О переписке Б.С. Жукова и А.М. Тальгрена. В Рукописном архиве Национальной библиотеки Финляндии (РА НБФ) в фонде Тальгрена (Coll. 230.11) отложилось 16 писем Жукова за 1924–1929 гг. Переписка велась по годам весьма неравно: по два письма за 1924 (№ 1, 2) и 1928 гг. (№ 7, 8), три за 1925 (№ 3–5), одно за 1926 г. (№ 6) и восемь за 1929 г. (№ 9–16); нет корреспонденции за 1927 г. У письма № 9 указана дата 3.01.1928 г., но по контексту изложения становится ясно, что произошла описка: речь идет о 3.01.1929 г. Большая часть отправлений российского ученого совершена поздней осенью и зимой, т. е. по возвращении из экспедиций и в месяцы активной камеральной обработки полученных раскопками материалов до и после Нового года. Лишь в 1925 и 1929 гг. часть писем отправлена в Хельсинки весной, в марте – мае, причем в 1929 г. причиной интенсивного обмена посланиями стали чрезвычайные обстоятельства, вызванные сложностями с изданием юбилейного Спицынского сборника (ESA IV) и готовящейся поездкой Жукова на международный конгресс в Берлин.

Примечательно, что в отличие от многих российских и советских археологов, чьи письма отложились не только в РА НБФ, но и в

рабочем архиве финского ученого в Музейном ведомстве Финляндии (РАТ), в последнем не выявлены письма Жукова. В научном архиве Института антропологии МГУ вообще отсутствуют письма от частных лиц и организаций, адресованные Жукову; может быть, они отыщутся в Центральном архиве ФСБ России. Эпоха наложила свой отпечаток – послания Тальгрена в архивах советских археологов исключительно редки. Его письма сохранили В.А. Городцов (Кузьминых, Сафонов, 2015), А.А. Захаров (ОПИ ГИМ. Ф. 453), И.И. Мещанинов (СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 531), Г.К. Ниорадзе (архив Н.Ю. Смирнова), К.М. Поликарпович (Чубур, 2009, с. 43, 44) и др. О содержании некоторых писем Тальгрена Жукову мы можем только догадываться из контекста ответов Бориса Сергеевича.

При подготовке писем к публикации соблюдены принципы научного издания исторических документов, как и в предыдущих работах автора (Кузьминых 2011; 2014; и др.). Тексты писем даются с минимальной правкой стиля, орфографии и пунктуации Жукова. Некоторые сокращения, инициалы фамилий и сами фамилии в ряде случаев восстановлены в квадратных скобках. Они же использованы при ссылках на труды Тальгрена, Жукова и других авторов в самом тексте писем. В угловых скобках заключены неразборчивые при чтении слова. Привычные сокращения «и т. д.» (и так далее), «проф.» (профессор), «губ., у.» (губерния, уезд) и др. оставлены без изменения. Краткие ссылки на монографии, сборники, статьи во вступительном очерке к письмам, в примечаниях к ним и комментариях даны в круглых скобках; полное описание литературы приведено в библиографическом списке. В «подвале» помещены примечания, комментарии и биографические справки, помогающие лучше раскрыть содержание писем; здесь же – указания на пометки Тальгрена или подчеркивания им тех или иных слов и фраз.

Все письма Жукова – автографы, написаны на листах стандартной белой бумаги черными чернилами, в редких случаях выцветшими (№ 16). Исключение – письмо № 12 (16.01.1929), которое носит официальный характер: слева вверху имеется отпечаток углового штампа Антропологического им. Д.Н. Анучина института.

Письма Жукова впервые в полном объеме вводятся в научный оборот. Ранее они неод-

нократно, но ограниченно использовались и цитировались в трудах финского исследователя Тимо Салминена (Salminen, 2003; 2014) и российских ученых А.А. Формозова и Л.С. Клейна. В свое время Александр Александрович при моем содействии познакомился с этими письмами и ввел из них информацию в очерк о Жукове (Формозов, 2008). Лев Самуилович в своей «Истории российской археологии» использовал их в подаче Формозова (Клейн, 2014, с. 40–47).

О диалоге Б.С. Жукова и А.М. Тальгрена. Жизненные пути российского и финского ученых, увы, не привели к личному знакомству, хотя встречи могли состояться в 1924, 1925 и 1928 гг. в Москве и, возможно, в Нижнем Новгороде, а в 1929 г. в Хельсинки. Но каждый раз возникали обстоятельства, разводившие их пути-дороги. В 1924 г. Михаил Маркович познакомился с близкими коллегами Жукова – директором Государственного музея Центрально-Промышленной области В.В. Богдановым (по рекомендации которого и начался диалог Бориса Сергеевича с финским археологом) и Б.А. Куфтиным (причем его встреча с Тальгреном состоялась не в Институте антропологии, а случайно в Историческом музее) (письмо № 1)⁵. В 1928 г. Жуков и Тальгрэн снова разминулись – с коллекциями Музея антропологии 1 МГУ и Музея народоведения Михаила Марковича и его ученика Нильса Клеве в той поездке познакомили М.В. Воеводский и Е.И. Горюнова (№ 7). В 1929 г. Борис Сергеевич, возвращаясь из Германии, конечным пунктом своего заграничного маршрута избрал Хельсинки. Здесь, в Национальном музее, сердечный прием ему оказали археологи Ю. Айлио, А. Европеус, К. Нордман (№ 16). По какой-то причине Тальгрэн был в отъезде, но ожидать скорого возвращения коллеги Жуков уже не мог: завершался срок его зарубежной визы.

Диалог российского и финского ученых в итоге шел только в переписке. Письма Жукова донесли до нас его основные темы, детали и подробности.

Московская палеоэтнологическая школа и ее становление. Главным жизненным делом Б.С. Жукова стало, безусловно, формирование научной палеоэтнологической школы. Возглавив после кончины Д.Н. Анучина палеоэтнологическое направление исследований в Институте антропологии 1 МГУ, Борис Серге-

евич главные усилия направил на организацию, укрепление и развертывание университетского преподавания антропологических дисциплин, в частности палеоэтнологии.

Из первых писем Тальгрену мы узнаем, что на кафедре антропологии «читаются курсы «Палеоантропология», «Палеоантропология Восточной Европы», ведутся два практикума – малый и большой – по палеоэтнологии, имеется семинарий и специальные занятия по этой дисциплине и есть научные работники, которые работают над специальными темами...» (№ 2). Занятия по палеоэтнологии ведет на кафедре Б.С. Жуков, по этнологии – Б.А. Куфтин (№ 1). Для улучшения учебного процесса Борис Сергеевич «озабочен собиранием материала в объектах (подлинных и копиях) для возможно полного обставления занятий» (№ 2). Он обращается к Тальгрену, который преподавал в то время в университете Тарту, с просьбой об обмене не только муляжами археологических предметов, но и частью музейных коллекций. О такой возможности Михаил Маркович сообщал в одном из писем. В связи с балтийско-валдайскими истоками Льялова Жуков очень надеется получить образцы балтийской неолитической керамики. Он ожидает от профессора Тартуского университета список предлагаемых к обмену материалов с тем, чтобы организовать отсылку интересующих Тальгрена объектов (керамика Льялова, Балахны, окских стоянок, подмосковных и ветлужских городищ и пр.) (№ 3).

К 1924 г. вокруг Жукова уже сложился круг учеников и единомышленников, уже заметны первые успехи коллектива, и он с уверенностью пишет Тальгрену, что «питомцы нашей молодой еще школы смогут работать по ранним доисторическим культурам наравне с заграничными исследователями» (№ 1). Первоначальным полигоном, на котором ученики Жукова оттачивали методику раскопок и обработки археологических материалов, стали неолитические стоянки – Льяловская, Балахнинские и Больше-Козинские, раскопанные в 1923 и 1924 гг.

Полевые работы на городищах Ветлуги в 1925 г. Борис Сергеевич доверил О.Н. Бадеру (Одоевское, Богородское, Русенихинское), А.Е. Алиховой и Е.И. Горюновой (Чортово), оставив за собой общее руководство отрядами экспедиции и раскопки поселения «Пано-

Рис. 4. Борис Сергеевич Жуков на Ветлуге. 1925 г. Архив О.Н. Бадера.
Fig. 4. Boris Sergeevich Zhukov on the Vetluga River. 1925. O.N. Bader's archive.

Рис. 5. Сбор Ветлужской экспедиции на Керженце. 1926 г.:
 1 – П.И. Зенкевич, 2 – С.П. Толстов, 3 – А.И. Горюнов, 4 – Б.С. Жуков, 5 – М.Г. Левин, 6 – Т.А. Трофимова,
 7 – А.Е. Алихова, 8 – Е.И. Горюнова, 9 – Е.Р. Лебедева, 10 – О.Н. Бадер. Архив О.Н. Бадера

Fig 5. Vetluga expedition team at Kerzheytse. 1926:

1 – P.I. Zenkevich, 2 – S.P. Tolstov, 3 – A.I. Goryunov, 4 – B.S. Zhukov, 5 – M.G. Levin, 6 – T.A. Trofimova,
 7 – A.Ye. Alikhova, 8 – Ye.I. Goryunova, 9 – Ye.R. Lebedeva, 10 – O.N. Bader. O.N. Bader's archive.

во городище» (рис. 4, 5). В итоге Ветлужской экспедицией было раскопано 10 памятников (№ 5). Осенью оперативно началась камеральная обработка материалов городищ. Их обилие потребовало выделения и обустройства палеоэтнологического кабинета, что в условиях дефицита площадей в старом здании

МГУ на Моховой, д. 11, было чрезвычайным событием. Этой радостной для своего коллектива новостью Борис Сергеевич поспешил поделиться с финским коллегой (№ 5). Сама обработка материалов Ветлужской экспедиции осуществлялась во всех трех лабораториях, организованных Жуковым (№ 6).

Развитие палеоэтнологии как научно-го направления, благодаря усилиям и энергии Жукова, получило институциональное закрепление: осуществлялась специализация студентов на кафедре антропологии 1 МГУ, были созданы палеоэтнологические лаборатории в Институте антропологии, Музее Центрально-промышленной области и Центральном музее народоведения. Не менее важным являлся переход на новый качественный уровень полевых и научных исследований. С самого начала раскопок Льяловской стоянки Жуков опробует новые методы и подходы практической работы с археологическими источниками (Жуков, 1925; 1927). Они вошли и в арсенал последующих работ Ветлужской и Антропологической комплексной экспедиций (№ 6). В письмах Тальгрёну немало строк посвящено междисциплинарным методам полевых исследований, новым подходам к обработке и анализу массового археологического материала.

При изучении Льяловской стоянки Борис Сергеевич возлагал «большие надежды на методы определения возраста торфа и почвенных слоев по пыльце деревьев, моллюскам, коловрашкам и т. д. и на разработку на основе этих данных истории климатического режима в отдельных районах» (№ 2). Исследователь надеялся получить на этой основе «надежные вехи для датировки неолитических и раннеметаллических культур». Изучение торфяниковых памятников мыслилось им только в контакте с геоботаниками (№ 2). Жуков неоднократно спрашивал Тальгрёна о новостях «из области Балтийской палеоэтнологии» (№ 3), об использовании споро-пыльцевого анализа в странах Балтийского региона для датировки торфяниковых стоянок. Он отмечает, что в России есть сторонники и противники метода пыльцы, но лично его «очень соблазняет этот метод, который я стараюсь при помощи некоторых коллег проверить по остаткам некоторых животных организмов (моллюски, коловратки и др.)» (№ 3).

При раскопках ветлужских городищ Жуков и его ученики уделили особое внимание стратиграфии не только жилых площадок, но и валов и рвов; ими отбирался «богатый послойный материал по фауне и керамике». Вся масса костей диких и домашних животных поступила в обработку А.Н. Формозову (1951), а кости рыб – Г.В. Никольскому (1935).

Уже первый полевой сезон работ на Ветлуге привел Бориса Сергеевича к важнейшему выводу: ветлужские материалы «должны дать ключ к хронологической расшифровке костеносных городищ прикамского типа, к каковым относятся ветлужские» (№ 5).

Наиболее массовым материалом, полученным при раскопках ветлужских городищ, являлась керамика. Ее изучению Жуков придавал особое значение⁶. По завершении раскопок 1925 и 1926 гг. он сообщает Тальгрёну (24.11.1926) о завершении работы по анализу керамики ветлужских городищ и раскрывает ее детали: «В лаборатории произведено изучение (с количественным учетом) керамики этих городищ по слоям. <...> Будем иметь характеристику керамики каждого культурного напластования на основе изучения состава, морфологии поверхностей сосудов, толщины стенок, строения частей, размеров, орнамента и пр. Удастся установить ряд переходов, и, по-видимому, относительная хронология культур этих городищ будет достаточно установлена» (№ 6).

Еще в 1926 г. Жуков сделал принципиальный вывод о близости некоторых комплексов керамики ветлужских городищ «керамике Ананьина, Котловского могильника и др.». Другой важный вывод последовал по итогам обследования в том же году р. Унжи: «Ветлуга является, очевидно, западной границей распространения «костеносных» камских городищ раннего облика». Жуков отмечает, что намеченная ранее финским ученым (Tallgren, 1919) «граница распространения культур бронзы в районе Ветлуги и Унжи чрезвычайно верна» (№ 6). В переписке затронут и вопрос об истоках культуры ранних ветлужских городищ. Их связь с предшествующими культурами Жуков устанавливает по материалам раскопанного им поселения «Паново городище», «где вместе с неолитическим каменным инвентарем найдена керамика, настолько идентичная нижним горизонтам некоторых городищ, что обломки хочется склеить между собой» (№ 6).

Древности центра Европейской России в диалоге ученых. Жуков, зная об интересе финского ученого к целому ряду памятников Русской равнины, не раз возвращался к их обзору. С первого же письма особое внимание обращено на Льяловскую стоянку. Рассказ о раскопках памятника в 1923–1924 гг. сопровож-

ждается характеристикой стратиграфии, материальной культуры (каменные орудия, керамика и т. д.), его месте в системе культур того времени (№ 1). Продолжая разговор о генезисе Льялова, Жуков видит в нем «яркое и несомненное доказательство балтийских (Муллеруп-Эртебёлле) влияний на восток», картину «морфологической промежуточности льяловской культуры между балтийско-валдайскими и окскими» (№ 2).

Неудачной оказалась попытка публикации Льялова в одном из финских изданий. Тальгрэн готов был содействовать в ее продвижении, получив первую версию статьи, но Борис Сергеевич предпочел подготовить более полный вариант для российского журнала (Жуков, 1925) после того, как Б.А. Куфтин без его согласия опубликовал часть материалов из раскопок 1923 г. (Куфтин, 1925). Жуков уже не стал тратить время на обещанную для альманаха «*Finno-Ugrischen Forschungen*» статью (№ 3, 4), хотя намеревался дополнить первоначальный вариант материалами раскопок 1925 г. (№ 4).

В концептуальных воззрениях финского археолога особое место занимал Сейминский могильник и его связь с теми или иными культурами центра Русской равнины (Кузьминых и др., 2014; Кузьминых, 2023) – Тальгрэна интересовали любые новые сведения о памятнике. Жуков сообщил о своих раскопках в Сейме в 1922 г. Могилы с бронзовым инвентарем обнаружить не удалось, но был вскрыт культурный слой, остатки костров, землянка, кухонные отбросы, каменный инвентарь и керамика, т. е. явные признаки поселения (№ 1).

В январе 1929 г. Жуков написал Михаилу Марковичу о планах издания монографии о Сейме, но до этого он бы хотел провести там летом «контрольные раскопки и попробовать выделить комплекс стоянки хотя бы по керамике» (№ 11). В июне работы на памятнике были проведены, и российский археолог пришел «в ужас от разрезов, которые показали безобразие раскопок моих предшественников» (№ 16). Вновь были выявлены исключительно поселенческие материалы («около двух пудов керамики»). Запланированная монография о Сейме вышла спустя сорок лет (Бадер, 1970). О.Н. Бадер посвятил ее памяти своего учителя и друга.

Заметное место в диалоге Жукова и Тальгрэна отведено новой культуре эпохи поздней

бронзы, выделенной в середине 1920-х гг. и названной двойко: «поздняковская» (Бадер, 1927, с. 72; Жуков, 1929) и «подборновская» (Куфтин, 1927). В историографии за ней закрепилось первое наименование. Первые разведочные материалы, выявленные Бадером весной 1925 г. на Поздняковском поселении близ Мурома, поначалу казались загадочными. Сообщая Михаилу Марковичу о новой культуре «с богатой по орнаменту плоскодонной керамикой», Жуков был в затруднении «высказаться о ее культурном родстве и связях», видя в ней «нечто не родственное ни культуре гребенчатой керамики, ни Фатьянову»; для него было ясно лишь одно, что это культура металлической эпохи (№ 4). В этом же письме отмечается, что «нынешней же весной подобная культура обнаружена в Касимовском уезде» – речь идет о Подборновском поселении, выявленном Б.А. Куфтиным (1927).

Изучение памятников новой культуры стало одной из приоритетных задач Жукова и Бадера – в 1926 г. они провели раскопки Поздняковского поселения (Археологические..., 1962, с. 31). В конце года Борис Сергеевич пишет Тальгрэну о том, что они усиленно ведут обработку материалов памятника (№ 6). Безусловно, сказывалась конкуренция с Куфтиным, который претендовал на роль первооткрывателя культуры. Жуков и Бадер, памятуя о не лучшем совместном опыте исследования Льяловской стоянки (№ 4), явно не желали оставаться у него в тени. В этом письме сформулированы уже более ясные представления о культуре Поздняковского поселения, а именно: «это своеобразная культура бронзовой эпохи с прекрасным кремневым инвентарем (скребки) и интересной плоскодонной керамикой, которая имеет, между прочим, меандровый орнамент» (№ 6).

В ходе полевых исследований 1927 и 1928 гг. на Оке были выявлены новые памятники, в том числе и погребальные (Археологические..., 1962, с. 38–40). Делясь с финским коллегой информацией о летних работах 1928 г., Жуков наиболее интересными называет «раскопки курганной культуры под Муромом» (№ 7), имея в виду прежде всего Мало-Окуловский могильник. Жуков и Бадер планировали оперативно опубликовать материалы изучения поздняковских поселений в «Трудах» Государственного музея ЦПО

(Bahder, 1929, S. 100) и анонсировали издание книги «Поздняя культура Муромского уезда, Владимирской губернии»⁷. К сожалению, в силу занятости подготовить ее к печати тогда не удалось. Общая характеристика культуры и ее место в системе древностей бронзового века были даны в конце 1920-х в обобщающих статьях в *ESA IV* (Jukov, 1929, p. 75–78; Bahder, 1929, S. 100, 101). Эти же представления о поздней культуре легли в основу более поздних очерков О.Н. Бадера (1970).

ESA IV – сборник к 70-летию А.А. Спицына и проблемы, связанные с его изданием. Александр Андреевич Спицын среди московских палеоэтнологов пользовался особым почтением (№ 1). Патриарх русской археологии не менее двух раз в году приезжал знакомиться с новыми коллекциями к Жукову и его ученикам (№ 7), был вдохновителем и постоянным участником совещаний палеоэтнологов ЦПО (Материалы..., 1927; Протоколы..., 1927). И когда Борис Сергеевич узнал об идее Тальгрена ознаменовать 70-летие Спицына изданием сборника в его честь, он написал финскому археологу (11.10.1928), что «глубоко сочувствует этой идее» (№ 7). Для него несомненны громадные заслуги Александра Андреевича в развитии русской археологии, но он отдает должное и современной деятельности Спицына, которая «неразрывно связана с работой нашего более молодого поколения» (№ 7).

Жуков предложил для юбилейного сборника блок статей: свою о модификации неолитических культур в центре Русской равнины по данным керамического материала (Joukov, 1929), М.В. Воеводского о некоторых методах изучения керамики (Voévodski, 1929), О.Н. Бадера о результатах палеоэтнологического обследования районов Волго-Окского междуречья (Bahder, 1929), А.В. Збруевой о культуре Липкинской стоянки под Вязниками (Zbrujeva, 1929), Е.И. Горюновой о полевых изысканиях могильников поволжских финнов позднего Средневековья (Goriounova, 1929), А.Е. Алиховой о раскопках Старосошенского и Бутского мошанских могильников (Alikhova, Préobraženski, 1929) и С.П. Толстова о Кутадонском терюханском могильнике (Tolstov, 1931). Все статьи, кроме последней, редактор *ESA* смог поместить в юбилейном издании. Последовали и вопросы: об объеме статей («суммарно или по отдельности»), сроке их

предоставления, необходимости перевода на иностранные языки и где – в Москве или в Гельсингфорсе.

Спустя полтора месяца (28.11.1928) Жуков информирует Тальгрена о шагах по подготовке юбилейного сборника, сообщая, что он и его сотрудники готовят семь статей общим объемом около 150 000 типографских знаков, или 3½ печатных листов, примерно около 60 страниц (№ 8). Борис Сергеевич надеется, что редактор *ESA* разрешит им прислать тексты на две недели позже, к 15 января 1929 г., чтобы использовать для подготовки статей рождественские каникулы. Еще один вопрос касался оплаты переводов на французский язык за все статьи (около 200 р., или 120 долларов); отмечалось, что эта сумма непосильна для авторов.

Спустя месяц с небольшим ситуация с подготовкой сборника коренным образом изменилась. В начале января 1929 г. Борис Сергеевич сообщил в Хельсинки, что «работы моих сотрудников и моя сдача переводчику», что «рукописи и иллюстрации мы вышлем Вам вовремя»; рассчитывает он и на возмещение расходов по переводу. Но главное в этом письме кроется во фразе о «некоторых недоразумениях», которые «недавно произошли в связи с тем, что за границей труды советских ученых оказались напечатанными наряду с трудами русских ученых-эмигрантов» (№ 9).

Речь идет о резонансном в СССР и Европе «деле» академика С.А. Жебелёва», развернувшегося в 1928–1929 гг. и ставшего предтечей знаменитого «Академического дела» (Тункина, 2000). Ситуацию с участием советских ученых в спицынском сборнике осложнило то, что 16.12.1928 г. Тальгрэн опубликовал в газете «Helsingin Sanomat» «Открытое письмо руководству Главнауки» с осуждением травли академика Жебелёва (Салминен, 2012, с. 181), в результате чего и сам оказался под прессом критики прессы и учреждений СССР. В те дни финский археолог написал М.И. Ростовцеву (30.01.1929), что «исключен из числа членов Академии истории материальной культуры, и русским ученым воспрещено печатание своих трудов в *ESA*» (Бонгард-Левин, Тункина, 1997, с. 513). В этой связи Жуков понимал, чем грозит ему и его коллективу любой неосторожный шаг, и 3.01.1929 г. он просит редактора *ESA* прислать официальное извещение, что «в Спицынском томе их труды не окажут-

ся напечатанными рядом с трудами ученых-эмигрантов», что «в Eurasia подобный факт не сможет иметь места» (№ 9). Борис Сергеевич дает понять, что выражает мнение и коллег из Исторического музея Д.Н. Эдинга, Б.Н. Гракова, О.А. Кривцовой-Граковой, которые также надеются получить такое подтверждение.

Еще через неделю, 10 января, Жуков сообщает, что Збруева из-за болезни отстала с переводом от остальных коллег, поэтому посылает рукопись на русском языке с тем, чтобы ее перевод на немецкий язык был сделан в Хельсинки (№ 10).

Спустя пять дней, 15 и 16 января, Жуков направил очередное письмо (№ 11) и официальный ответ, согласованный с начальником Главнауки НКП РСФСР М.Н. Лядовым, о возможности участия московских палеоэтнологов в спицынском сборнике (№ 12). Из письма следует, что статьи Жукова, Бадера, Воеводского, Горюновой и иллюстрации к ним сданы ВОКС для отправки Тальгрена, что работу Збруевой редактор ESA, вероятно, уже получил, что статьи Алиховой – Преображенского и Толстова находятся еще в переводе и будут высланы через неделю. Борис Сергеевич отмечает, что при каждой статье есть список пожеланий и некоторые объяснения в связи с печатанием. Кроме того, он разъясняет, почему пришлось отступить от обозначенных размеров статей (особенно его текста), и просит принять «во внимание обширность и материалов и мое желание дать в каждой из работ нечто совершенно новое и по-своему ценное». Еще одна просьба касается скорейшего перевода гонорара переводчикам, в долларах, на имя Бадера или Жукова. Последний вопрос касается сроков корректуры и выхода сборника.

Получив от Тальгрена список участников спицынского сборника, Борис Сергеевич согласовал его с начальником Главнауки Лядовым. Для официальных советских властей и руководства Академии наук важно было отсеять из сборника наиболее одиозных, с их точки зрения, ученых-эмигрантов, в частности М.И. Ростовцева. Понимая, что его участие в чествовании Спицына может негативно сказаться на судьбе ESA IV, Михаил Иванович, памятуя, какую реакцию вызвала в политических кругах и у руководства АН СССР его статья в «*Seminarium Kondakovianum* II» (Бонгард-Левин, Тункина, 1997, с.

514), отказался от представления своей рукописи. «Дело» Жебелёва и открытое письмо Тальгрена руководству Главнауки уже остановило от участия в сборнике ряд сотрудников ГАИМК, Эрмитажа, Этнографического отдела Русского музея и Кунсткамеры – не дрогнули и представили свои статьи только В.И. Равдоникас (Ravdonikas, 1929), Т.С. Пассек и Б.А. Лытынин (Passek, Latynine, 1929). Уход из сборника команды Жукова и других московских археологов (а их статьи составляли более трети объема) делали призрачной саму идею юбилейного сборника.

Борис Сергеевич, будучи сотрудником Лядова по Наркомпросу (где с 1926 г. занимал пост руководителя Археологического подотдела), сумел найти нужные аргументы, чтобы убедить руководителя Главнауки санкционировать участие советских авторов в юбилейном спицынском сборнике. В официальном ответе Жукова, согласованном с Лядовым (№ 12), это обусловлено недопущением редакцией ESA в статьях ученых-эмигрантов «каких-либо неблагоприятных выпадов или политических инсинуаций по адресу СССР и его органов». Борис Сергеевич надеется, что редактор журнала пришлет свои «любезные обещания по этому поводу, которые могли бы служить нам соответствующей гарантией». О том, как складывается ситуация, Жуков намерен известить Спицына и коллег из ГАИМК. Он отмечает, что с получением от Тальгрена «соответствующего ответа всякие препятствия к выходу в свет сборника будут устранены» (№ 12).

Казалось бы, все препятствия с юбилейным изданием были преодолены, но через месяц редактор ESA прислал письмо, крайне удивившее Жукова (№ 13). Тальгрен задается вопросом, что же делать со сборником. Для его российского коллеги ответ (20.02.1929) более чем ясен: «Было бы наиболее правильным во что бы то ни стало издать сборник в ближайшее время». Борис Сергеевич уверен, что если этого не сделать сейчас, «то придется отказаться от издания и в будущем». Ему не ясна логика Михаила Марковича: Жуков полагал, что все препятствия к изданию сборника уже устранены. В этой связи возник закономерный вопрос: не будет ли Тальгрен против, если московские палеоэтологи опубликуют переданные в ESA статьи «в несколько расширенном и измененном виде на русском

языке в наших журналах и других изданиях». При задержке с изданием спицынского сборника они готовы представить для него другие работы. Такая перспектива явно не входила в планы редактора журнала.

В этом же письме снова возник вопрос об оплате переводов, и Жуков просит Тальгрена самого произвести подсчет и рассчитать стоимость исходя из 25 р. за 1 п. л. Кроме того, он пытается уяснить, какого рода расписки в получении денег должны представить в редакцию журнала переводчики.

Спустя месяц Борис Сергеевич откликается (20.03.1929) на письмо финского коллеги, который наконец-то порадовал известием о том, что сборник в честь Спицына выйдет (№ 14). Жуков сообщил о получении письма Тальгрена, разрешившего для советских археологов проблемы с изданием ESA IV, и 125 р. для оплаты труда переводчиков. Но его озадачило сообщение Михаила Марковича о макетировании иллюстраций, часть которых он намерен был сократить. Жуков напоминает, что все рисунки в статьях его сотрудников характеризуют новый неопубликованный материал – при его подаче важно не нарушить стройность работ. Он извиняется за плохое качество переводов и просит обязательно прислать корректуры статей (№ 14).

Планируя в апреле 1929 г. поездку в Германию, Борис Сергеевич просит Тальгрена направить корректуру его статьи в конце апреля или в мае не в Москву, а в Берлин. Он надеется, что если финский ученый приедет на юбилей Германского археологического института, то «мы сможем совместно распланировать рисунки» (№ 15).

В начале августа 1929 г. Жуков, как явствует из его письма Михаилу Марковичу (№ 16), приехал на три дня в Москву, где его ждал долгожданный юбилейный выпуск ESA IV и большое количество оттисков. Борис Сергеевич извиняется, что не откликнулся с благодарностью раньше: «нахожусь все время в разъездах по отрядам экспедиции...». Отмечая немалое количество ошибок в тексте статей и иллюстрациях, Жуков пишет, что он и его сотрудники готовы выслать исправления.

На этой ноте завершилась история с участием московских палеоэтнологов в сборнике в честь 70-летия А.А. Спицына. Сам юбилейный выпуск ESA вышел в немалой степе-

ни благодаря такту, настойчивости и гибкости Бориса Сергеевича, сумевшего убедить руководство Главнауки в том, что этот сборник отражает достижения передовой советской науки и работает на ее положительный имидж. Необходимо отдать должное и редактору журнала, который стал в СССР персоной *non grata* после своего открытого письма в Главнауку в защиту академика Жебелёва, но пошел на компромисс и издал ESA IV. Выход сборника стал поистине царским подарком для Спицына (Кузьминых, 2011). Лично для Жукова публикация статьи в тальгреновском журнале (Joukov, 1929) стала презентацией для западных коллег того опыта исследований в области методики анализа и классификации археологического материала, который в конце 1920-х гг. был в арсенале Жукова и его научной школы.

Конфронтация городцовой и жуковской школ. В подготовке и издании сборника к 70-летию Спицына ярко проявилась конфронтация двух ведущих московских археологических школ – городцовой и жуковской. Она не обсуждалась в письмах Жукова Тальгрену и переписке редактора ESA с потенциальными авторами сборника. Но весьма примечательно, что на приглашение участвовать в юбилейном издании среди московских археологов в конце 1928 г. откликнулись в полном составе Жуков и его команда, а Городцов и его ученики (в основном сотрудники ГИМ и аспиранты ИАИ РАНИОН), также получившие приглашение, по сути его проигнорировали, кроме Е.Г. Пчелиной, Б.Н. Гракова и О.А. Кривцовой-Граковой.

Причиной тому, вероятно, не только разладившиеся к середине 1920-х гг. отношения Городцова и Тальгрена⁸, но и нежелание Василия Алексеевича и его учеников сходиться под одной обложкой с Жуковым и его сотрудниками. Да и Спицын для Городцова являлся скорее фигурой соперничества, но не почитания, как для московских палеоэтнологов. Достаточно познакомиться с протоколами 1-го совещания палеоэтнологов ЦПО, чтобы понять, на чьей стороне симпатии участников совещания (Протоколы..., 1927). Вновь примечательно отсутствие на совещаниях палеоэтнологов ЦПО Городцова и большинства археологов ГИМ и ИАИ РАНИОН, хотя, конечно же, они были приглашены.

Свою роль в конфронтация лидеров двух научных школ сыграла рецензия Жукова на книгу «Археология. Ч. 1. Каменный период» и ответ на нее Городцова (Платонова, 2010, с. 206–208). Внешне это не отразилось на поведении ученых, когда они, например, стали членами экспертной комиссии Главнауки по оценке раскопок Г.А. Бонч-Осмоловского в гроте Киик-Коба (Платонова, 2010, с. 173, 174; Городцов, 2015, с. 198–209), но тем не менее на протяжении 1920-х гг. конфликт двух школ проявлялся в разных формах. Жуков не выносил его в деталях на обсуждение с Тальгреном, но дважды в его письмах отмечено, что «рост и укрепление нашей кафедры не совсем по душе некоторым московским коллегам по науке» (№1). Следующее письмо содержит более пространственный комментарий: «Как это ни странно для нашего времени, но обновленная московская археологическая школа не только не прививает этнологическое мышление, но сознательно давит его схемой и априорной датировкой» (№ 2). И в том, и в другом случае речь, конечно, идет о Городцове и его школе.

Международные научные связи московских палеоэтнологов не ограничивались публикациями в зарубежных изданиях. В одном из первых писем (№ 2) Борис Сергеевич отмечает, что Институт антропологии 1 МГУ после поездки В.В. Бунака в Прагу принят в объединение Международного антропологического института и установил связи с коллегами на западе. Для Жукова ценной является информация о том, как работают научные объединения палеоэтнологического профиля в скандинавских странах. Для него крайне важны общение и обмен опытом с коллегами из стран Балтийского региона. Не случайно в ряде писем (№ 2, 3) он интересуется у Тальгрена планами проведения съездов доисториков этих стран.

Осмысление материалов Льяловской стоянки, балтийско-валдайские истоки ее культуры (Жуков, 1924а; 1925; 1927) определяют стремление ученого установить научные связи с коллегами из Германии, Дании, Швеции, Франции, занимающихся проблемами неолита. Жуков просит Михаила Марковича рекомендовать ему тех археологов в Европе, с кем бы он мог установить контакты. Судя по пометкам Тальгрена на письме (№ 5), в числе рекомендуемых лиц названы шведы Нильс Никлассон, Суне Линдквист,

Отто или Олов Янсе, немец Густав Коссинна, австриец Адольф Мор, датчанин Кнуд Фриис Йохансен, норвежец Антон Вильгельм Брёггер. С кем из них российский ученый состоял в переписке, встречался ли где-либо, доподлинно неизвестно. Известно, что во время зарубежной поездки в 1929 г. он планировал встретиться в Копенгагене с Йохансеном. Об этом есть упоминание в открытке, отправленной Воеводскому из Гамбурга⁹.

Заграничные научные поездки советских ученых к концу 1920-х гг. практически сошли на нет, если то не были большие международные конгрессы доисторических и протоисторических наук, антропологов и археологов, на которые обычно направлялись официальные делегации. Исключением стал Международный съезд археологов в Берлине, посвященный столетию Германского археологического института. Жуков получил на него персональное приглашение (причем немецкая сторона взяла на себя все расходы по поездке) и выступил с заказным докладом¹⁰. О планах командировки в Берлин он пишет Тальгреному (20.02.1929) и сообщает, что хотел бы побывать в Париже и в скандинавских странах (№ 13). Через месяц (20 марта) – новая информация. Борис Сергеевич планирует доклад о мезолитических культурах Крыма и неолите центра Русской равнины; в Берлин планирует выехать к 19 апреля. Конечно, его интересует, будет ли Тальгреном на юбилей Германского археологического института. Жукову хочется, «наконец, познакомиться и о многом переговорить» (№ 14).

Информация в следующем письме (12 апреля) уже более определенная. Борис Сергеевич сообщает, что поедет на юбилей в Берлин и останется на некоторое время в Германии. В конце командировки, в июне, он намерен возвращаться в Москву через Финляндию и в этой связи просит содействия Михаила Марковича «в получении виз и устройстве с работами». Если поездка в Германию вне планов Тальгрена, Жуков просит написать ему в Берлин о ходе дел с изданием ESA IV. Кроме того, ему нужен совет финского археолога: к кому из немецких коллег он мог бы обратиться для ориентировки в музеях и библиотеках Германии и надеется на рекомендательные письма Тальгрена (№ 15).

Выше уже отмечалось, что Жукову удалось посетить Хельсинки, встретиться с фински-

Рис. 6. Чортово городище на р. Ветлуге. 1925 г. Архив О.Н. Бадера.
Fig. 6. Chortovo hillfort on the Vetluga River. 1925. O.N. Bader's archive.

ми археологами в Национальном музее, но с Михаилом Марковичем он вновь разминулся. Не судьба... В своем последнем письме (6.08.1929) российский ученый информирует коллегу о планах поездки на IV Международный конгресс археологов в Барселоне в сентябре месяце. Приглашение было получено, возможно, от испанских коллег в конце апреля на съезде в Берлине. В Барселоне им запланированы доклады о методике раскопок и о мегалитической культуре на Северном Кавказе. Тальгрону он заметил: «Выбрал последнюю тему как более близкую и интересную романским археологам» (№ 16). Завершается письмо надеждой на встречу в Барселоне. Однако ни поездки в Испанию, ни встречи с Михаилом Марковичем, увы, не случилось.

Экспедиционные планы и новости составляют значительную часть информации в письмах Жукова как руководителя крупных археологических экспедиций. Первоначально это были подробности работ в Льялово, о которых выше шла речь. Любопытен выбор Ветлужского края как полигона комплексных палеоэтнологических исследований: «Меня очень интересует Ветлуга в связи с проблемами нашего неолита и бронзы, а также как почти неизученная в отношении доисторических культур водная артерия» (№ 3). Как уроженец Нижегородского края и знаток родной стари-

ны Жуков осознавал перспективность обследования и раскопок уже известных памятников на Ветлуге и Унже для установления их культурно-хронологической периодизации. Этот план был блестяще реализован в ходе двухлетних работ Ветлужской экспедиции (№ 3–6) (рис. 6–9).

В перечне исследованных памятников проходят поселения поздняяковской культуры, стоянки Языково, Николо-Перевоз, Волосовская, Больше-Козинская, Владычинская-Береговая 1, Пирово городище (№ 6, 13), палеолитические стоянка в гроте Киик-Коба (№ 3) и Супоневская (№ 6), микролитические стоянки Крыма (№ 13), вятские костеносные городища (Пижемское, Белоглазовское, Аргыжское), марийский могильник XVII – начала XVIII в. Большое Поле (№ 5) и др. Жуков и в 1924, и в 1925 г. стремился позвать финского коллегу на раскопки Ветлужской экспедиции, сообщает ему расписание работ ее отрядов (№ 3, 4), но в условиях малодоступности объектов и дефицита времени это было нереальной задачей.

О результатах работ на Ветлуге выше уже говорилось, но важно отметить, что в 1927 г. Антропологическая комплексная экспедиция по ЦПО планировала провести сплошное археологическое обследование р. Суры. Цель работ – соединить муромско-окскую область с областью камских городищ, и Жуков полагал,

Рис. 7. Раскопки Чортова городища. Лодки Ветлужской экспедиции. Слева на корме О.Н. Бадер. 1925 г.
Архив О.Н. Бадера.

Fig. 7. Excavations on the Chortovo settlement. Boats of the Vetluga expedition. Left at the stern is O.N. Bader. 1925. O.N. Bader's archive.

Рис. 8. Лодки Ветлужской экспедиции на маршруте. 1925 г. Архив О.Н. Бадера.
Fig. 8. The boats of the Vetluga expedition on the way. 1925. O.N. Bader's archive.

Рис. 9. Летнее лесное жилище марийцев на р. Ветлуге. 1925 г.
Архив О.Н. Бадера.
Fig. 9. Summer forest dwelling of the Mari people on the Vetluga River. 1925.
O.N. Bader's archive.

что ключ к выполнению этой задачи «может оказаться на р. Суры» (№ 6). К сожалению, поиски Алиховой и Воеводского затронули лишь Мокшу и Пьяну, часть левобережных притоков Суры, а не все ее нижнее и среднее течение. Если бы в полном масштабе разведочные работы были осуществлены, Жуков и его команда открыли бы ту свиту городищ балановской культуры эпохи средней бронзы и именьковской культуры раннего Средневековья, исследованных в 1950–1960-е гг. П.Д. Степановым и А.Х. Халиковым.

В письмах Жукова сообщается немало сведений о полевых работах других российских исследователей: о раскопках С.Н. Замятнина палеолитических Ильской и Гагаринской стоянок, П.П. Ефименко – в Чувашии и Воронежской области, Бонч-Осмоловского – в Крыму, Г.П. Сосновского – могильников андроновской культуры в Минусинской котловине (№ 6). Борис Сергеевич обращает внимание финского археолога на работы других отрядов Антропологической комплексной экспедиции: на Вятке, Мокше и Пьяне, Бадера – в Фатьяново и Мытищах (№ 16).

Жуков посчитал необходимым познакомиться Тальгрена с результатами экспертизы раскопок Бонч-Осмоловского в гроте Киик-Коба, отметив здесь два культурных слоя: 1) домустьерская аморфная культура с останками человека и 2) молодой слой с орудиями в совершенной технике и разнообразными типами остроконечников. Для продолжения дальнейших работ с материалами памятника было крайне важно, что комиссия подтвердила отнесение культурных слоев к раннему палеолиту и установила искусственность углубления в скале, в котором были выявлены человеческие кости (№ 4).

Публикации, получение и обмен литературой являются доминирующей темой в переписке Тальгрена с археологами России и СССР. Тема эта отражена в большом числе публикаций (Сакса, Таавитсайнен, 2000; Salminen, 2003; 2014; 2021; Кузьминых, 2011; 2014; 2017; Салминен, 2012; Кузьминых и др., 2014; Кузьминых, Усачук, 2016; Детлова и др., 2019). Книжные запросы Жукова несколько выделяют его из числа других корреспондентов Михаила Марковича. Запрашивая труды финского ученого (№ 1, 3, 5, 6, 11, 13) и благодаря его за присланные издания (№ 5, 6, 11), он интересуется и разыскивает прежде всего

книги и статьи, касающиеся его текущей в тот момент работы с конкретными памятниками (например, с Льяловской и Языковской стоянками, городищами Поветлужья, микролитическими стоянками Крыма) или какими-либо проблемами. Среди последних – взаимоотношения южнорусского палеолита с неолитом, пути распространения неолитических культур, истоки возникновения гребенчатой керамики, споро-пыльцевой анализ при изучении торфяниковых памятников, ветлужские «костеносные» городища и их связь с камскими и др.

Тальгрэн регулярно получал оттиски статей Жукова, его научно-популярные брошюры (Жуков, 1923; 1924б; 1925а), издания Института антропологии 1 МГУ, включая номера «Русского антропологического журнала». Борис Сергеевич в свою очередь информировал финского ученого о сданных в печать работах и уже вышедших. В первые годы переписки особое внимание было обращено на Льялово (№ 1, 2, 5); в дальнейшем он знакомит Михаила Марковича с обзором палеоэтнологических исследований в России за 1921–1924 гг. (Жуков, 1926); интересуется возможностью издать в Финляндии что-либо из новых материалов – Одоевское или Чортово городища, стоянку «Паново городище» (?) (№ 5).

Особенно насыщены издательскими планами последние письма Жукова. В 1929 г. планируется завершение статей: 1) о комплексных методах в изучении человека и 2) о морфологических признаках погребений эрзи, терюхан, мокши, мари и некоторых более древних финнов (№ 11). Судьба первой статьи неизвестна, вторая опубликована только в виде тезисов (Жуков, 1929а). В ближайших планах Жукова работы по неолитическим и мезолитическим (микролитическим, по его терминологии) культурам Крыма, а также монографии по Позднякову, Волосову I и Сейме в соавторстве с Бадером (№ 15).

В середине января Борис Сергеевич сообщает Тальгрэну о выходе летом из печати 1 тома «Трудов» Ветлужской экспедиции, в котором издаются работы его, Бадера и Воеводского о ветлужских городищах (10 п. л.), его о Пановской стоянке (4 п. л.), его и Воеводского о 1-й серии элементов орнамента. Жуков отмечает, что «обещают издать хорошо и не урезать иллюстраций» (№ 11).

В начале августа он написал финскому коллеге: «Ветлужские наши работы сейчас верстают. Из-за массы рисунков типография работает медленно. Однако надеемся к концу года выпустить» (№ 16). Но, увы, аресты – первый в сентябре 1930 г. и повторный в апреле 1931 г. – привели к тому, что набор тома был рассыпан. Спустя 20 лет часть текстов этого тома была по инициативе О.Н. Бадера опубликована в урезанном виде в МИА-22 (Бадер, 1951; Воеводский, 1951; Формозов, 1951).

Затронутыми темами не ограничивается перечень разнообразных вопросов и проблем, затронутых в письмах российского ученого. Жуков ставит Тальгрена в известность о том, что взвалил на себя бремя руководства Археологическим подотделом Главнауки НКП РСФСР (№ 6). В другом письме (20.02.1929) сообщается о подготовительном заседании к Всесоюзному Археологическому съезду. «По-видимому, организация съезда теперь наладится, но съезд едва ли состоится ранее весны 1930 года» (№ 13). К сожалению, этот прогноз не оправдался: год «великого перелома» внес свои коррективы. Руководство Наркомпроса, ГАИМК и АН СССР посчитало за лучшее положить проект съезда под сукно, нежели выступить с инициативой его проведения. Его удалось реализовать в новых исторических условиях, в 1945 году, когда состоялось Всесоюзное археологическое совещание, ставшее ключевым фактором послевоенного развития советской археологии (Кузьминых, Серых, 2021). Еще одна новость касалась переезда из Иркутска в Москву Г.П. Соснов-

ского, который в 1926 г. стал аспирантом Жукова в Институте антропологии 1 МГУ (№ 6). Правда, Георгий Павлович не нашел себя в жуковском коллективе и на следующий год покинул его, став сотрудником ГАИМК в Ленинграде.

Завершая очерк, важно отметить: Б.С. Жуков и А.М. Тальгрэн оставили яркий след в российской, финской и европейской археологии 1920-х годов. Продолжая палеоэтнологическое направление исследований, заложенное в Московском университете Д.Н. Анучиным с его знаменитой триадой – синтезом доисторической археологии, антропологии и этнографии, Жуков, его ученик, в начале 1920-х гг. на практике воплотил идеи учителя. Борис Сергеевич предложил исследовательскую программу и объединил коллектив молодых ученых – археологов, антропологов, этнологов, специалистов других научных дисциплин. Анучинскую идею о междисциплинарном подходе к изучению человека в его прошлом и настоящем Жуков осуществил в ходе масштабных комплексных экспедиций и глубоких научных исследований. Школа Жукова как научное направление развивалась непродолжительное время – в середине и второй половине 1920-х годов. В ней выросло поколение археологов, антропологов и этнологов, внесших неоценимый вклад в развитие российской и мировой науки. Многими своими направлениями исследований современная российская археология восходит к тем корням, что берут истоки в московской палеоэтнологической школе.

Благодарности. Искренняя признательность за помощь при работе с письмами коллегам Тимо Салминену и Гарри Галену (Финляндия), Марии-Исабель Мартинец-Наваретте (Испания), Ирине Валентиновне Белозёровой, Ольге Анатольевне Лопатиной, Илье Евгеньевичу Сафонову, Алексею Николаевичу Сорокину (Россия).

Примечания:

¹ В России и СССР известен, прежде всего, как Михаил Маркович Тальгрэн. Судя по архивным материалам в РАТ и РА НБФ, на это имя оформлены официальные документы ученого при поездках в Россию до 1917 г. (проездные документы, запросы в Археологическую комиссию, Открытые листы на право раскопок, разрешения на владение оружием во время экспедиций и т.д.). Так он представился своим коллегам в Петербурге, Москве и Казани во время первой поездки в Россию в 1908 г. (Сакса, Таавитсайнен, 2000, с. 63; Кузьминых, 2011, с. 5). Именно так обращались к нему близкие коллеги и ученики из европейских стран (Г. фон Мергарт, Э.Х. Миннз, Э. Лайд и др.), подчеркивая этим теснейшую связь Тальгрена с русской археологией.

² См. подробнее в статье Е.В. Детловой, С.В. Кузьминых, А.О. Наглера в настоящем номере.

³ См. подробнее об этих противоречиях: (Платонова, 2010, с. 206–210).

⁴ Нельзя отказать в смелости А.В. Збруевой (1952, с. 8), указавшей Б.С. Жукова как руководителя Ветлужской экспедиции 1925–1926 гг. в связи с исследованиями ананьинских городищ на Ветлуге. Подобной отсылки нет в труде О.Н. Бадера (1951), подготовленном совместно с Б.С. Жуковым и М.В. Воеводским в конце 1920-х гг.

⁵ Здесь и далее идут указания на номера публикуемых писем.

⁶ См. об этом подробнее в статье О.А. Лопатиной в настоящем номере (Лопатина, 2023).

⁷ Работа под этим названием указана на задней обложке сборника (Материалы... 1927) среди готовящихся к печати изданий Государственного музея ЦПО.

⁸ См. подробнее о взаимоотношениях ученых: (Кузьминых, Сафонов, 2014; 2015).

⁹ См. подробнее в статье С.В. Кузьминых и И.В. Белозёровой в настоящем номере (Кузьминых, Белозерова, 2023).

¹⁰ См. подробнее в статье Е.В. Детловой, С.В. Кузьминых, А.О. Наглера в настоящем номере (Детлова и др., 2023).

Письма Б.С. Жукова А.М. Тальгрёну

№ 1

18.IX.24 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Приношу Вам свою глубокую благодарность за Ваше внимание и за те книги, которые Вы мне любезно прислали через Вл. Вл. Богданова¹.

После Вашего посещения Москвы, в течение которого нам, к сожалению, не удалось познакомиться, т[ак] к[ак] мы в Антропологическом имени Д.Н. Анучина институте Университета узнали о Вашем приезде слишком поздно, и мой коллега Б.А. Куфтин² встретился с Вами у В.А. Городцова³ (в Истор[ическом] музее) чуть ли не накануне Вашего отъезда, – по предложению В.В. Богданова я написал краткий очерк своих раскопок Льяловской неолитической стоянки⁴ с освещением ее материала, а также заметку о своих полевых работах за эти последние годы. И то, и другое было доставлено В.В. Богданову и предназначено для отсылки Вам и напечатания в заграничных журналах, как мне передавал В.В. Богданов, в Гельсингфорсе и Париже. Однако эти заметки задержаны отправкою ввиду того, что вышли некоторые затруднения с изготовлением фотографий главнейшего материала. Можно надеяться, что эти фотографии через 2–3 недели будут готовы, но не дожидаясь их я посылаю Вам настоящее письмо, которое и без того несколько запоздало ввиду моего лишь недавнего возвращения в Москву.

Надеясь, что Вы найдете исчерпывающие ответы на интересующие Вас вопросы о Льяловской стоянке в моем очерке, я ограничусь пока немногими словами. Стоянка эта исследовалась мною в течение 1923–24 гг. путем сравнительно краткосрочных раскопок,⁵ которые я вел со студентами нашей кафедры (антропологии), проходящими довольно широкую подготовку по изучению доисторических культур и обязательный полевой практикум. Как Вы, вероятно, слышали, все лекции и практикумы по палеоэтнологии при кафедре после кончины Д.Н. Анучина⁶ осуществляются мною, а по этнологии – Б.А. Куфтиным.

Культурный слой в Льялове состоял из торфа с богатыми включениями раковин Unio [Линдгольм, 1925] и другими остатками человеческой кухни [Мещеряков, 1925]. Он располагался выше глинисто-песчаного слоя и прикрывался торфом. Исследование остатков пылицы деревьев в слоях торфа дали для культурного слоя тахітит лиственных пород (смешанного дубового леса) [Доктуровский, 1925], что позволило отнести стоянку в историко-климатическом отношении к концу атлантического периода Балтики (по Блитт-Сернандеру⁷).

Характерными признаками Льяловской культуры (совершенно единой, как это показали объективные исследования слоя in situ) являются сочетание кремневых макролитических орудий (удлиненных канпиньинского⁸ типа «pıcs», миндалевидных типа наших новгородо-тверских, шведских, южно-балтийских и др.), роговой и костяной индустрии, сходной с прибалтийской (Svaerdborg⁹, Kunda¹⁰, Altmark¹¹ и др.), с немногими изделиями из кремня, считаемых у нас поздненеолитическими (2 наконечника стрел, несколько скребков, сланцевая просверленная подвеска и пр.). Мы имеем здесь, следовательно, соединение преобладающих по числу изделий грубой оббивной техники (в крупных орудиях) с несколькими изделиями «отжимной» неолитической техники. К этому нужно добавить значительное количество коническо-круглодонной керамики с гребенчатым и кругло-ямочным орнаментом довольно хорошего обжига, но с менее богатым сочетанием орнаментальных элементов, чем в керамике Волосова¹², Балахны¹³ и других стоянок нашей области. В роговой и костяной индустрии Льялова – обломки плоских гарпунов мелкозубчатых и прекрасный тяжелый гарпун из оленьего рога с 3-мя зубцами, сходный с № 14 таблицы 1 Bliebernicht [1924] из Пернова¹⁴. Имеется костяной симметричный наконечник стрелы, подобный изображенному у Ebert [1913] из Перновской стоянки и др. Имеется также обломанный топор из рубчатой кости (лося?).

Стоянка у Льялова, по моему мнению, дает несомненные свидетельства культурных пережитков донеолитических и раннеолитических культур Прибалтики в Подмосковном районе в эпоху, может быть, начала расцвета культуры гребенчатой керамики¹⁵. До настоящего времени я не опубликовал этих работ, так как хотелось издать Льялово наиболее полно. Думаю, что в этом году удастся опубликовать их с достаточным количеством рисунков. Сама коллекция скоро будет выставлена мною в Областном музее Моск[овского] края.

В связи с опубликованием этой стоянки у меня к Вам есть огромная просьба. Будьте добры сообщить мне, можно ли действительно рассчитывать на опубликование в распространенной заграничной палеоэтнологической печати очерка этих работ с рисунками, и в каком объеме может быть очерк. Соответственно Вашему ответу на этот вопрос я мог бы переработать тот очерк, который уже предназначен для отсылки Вам. Другая просьба, которой очень стесняюсь Вас затруднять, следующая: работая по вопросам русского неолита, я исчерпал заграничную литературу, какая сейчас имеется в Москве. В частности, я имею и Ваш блестящий очерк «L'ethn[ographie] préh[istorique] de la Russie du nord, etc.» [Tallgren, 1923] и очень благодарен Вам как за присланный мне ее экземпляр, так и за работу Bliebernicht'a¹⁶ [Bliebernicht, 1924]. Но чего я никак не мог достать, так это № Finsk. Forn. Tid.¹⁷ со статьей Pälsi о хронологической классификации гребенчатой керамики [Pälsi, 1915], на которую ссылается как Ailio (в работе о Ладужской стоянке) [Ailio, 1922, S. 29], так и Nordmann (Some Baltic Problems) [Nordman, 1915]. Нельзя ли как-нибудь получить ее, а также и некоторые другие работы (последних лет) Pälsi¹⁸, Ailio¹⁹ и других по неолиту Прибалтики и России. Бывший недавно в Москве проф. Савицкий из Варшавы²⁰ говорил мне о том, что в Гельсингфорсе или Стокгольме вышла недавно монография по русскому неолиту (кажется Eberg'a)²¹, которой у нас в Москве также нет. Не буду распространяться далее на эту тему: уже и то, что упомянуто мною, должно немало затруднить Вас! Я был бы крайне признателен Вам, если бы Вы оказали мне свое содействие в получении хоть части этих работ.

Своего сейчас Вам ничего не посылаю в виду того, что две работы, которые могут Вас интересовать, должны вскоре выйти из печати, после чего сочту долгом их прислать. Одна в «Рус[ском] антроп[оологическом] журн[але]» о проблемах насельников Прибалтики в связи с вопросами русского неолита [Жуков, 1924а], другая – о доисторических культурах Нижегородского края [Жуков, 1924]. Обе сильно запаздывают выходом из-за условий печатания у нас. Лежит у меня без движения оригинальный материал по моим раскопкам в Балахне (неол[итическая] стоянка)²², на Сейме, где я копал в 1922 году после, кажется, 8-ми [лет] предшествовавших работ; уже не нашел бронзовых изделий, но обнаружил культурный слой, остатки костров, землянку, кухонные отбросы, каменный инвентарь и керамику²³. Лежит без движения и накапливается также материал по подмосковным курганным культурам.

Однако если с изданием монографических тем дело до сих пор обстоит неважно, то раскопок удалось осуществить за последние годы довольно много. Но главные наши усилия еще при покойном Д.Н. Анучине и теперь направлены к организации, укреплению и развертыванию университетского преподавания антропологических дисциплин и, в частности, палеоэтнологии. Здесь достигнуто многое, и я надеюсь, что питомцы нашей молодой еще школы смогут работать по ранним доисторическим культурам наравне с заграничными исследователями. Этот рост и укрепление нашей кафедры не совсем по душе некоторым московским коллегам по науке²⁴, чем и объясняется то, что Вы в Москве узнали о нашей кафедре и об областном Музее слишком поздно, а о Льяловском материале – преимущественно от маститого и глубокоуважаемого А.А. Спицына²⁵.

Простите, что утомляю Вас длинным письмом. Если есть возможность, не откажите передать в Финл[яндское] общество древностей²⁶, музей и др[угие] организации просьбу Антропологического имени Д.Н. Анучина Института I Моск[овского] университета о присылке литературы (журналов и монографий) для библиотеки Ин[ститу]та в обмен на «Рус[ский] антр[опологический] журнал»²⁷ и другие возможные издания.

Глубоко уважающий Вас Бор. Жуков.

Адрес для пересылки книг Борису Сергеевичу Жукову и Антропологическому имени Д.Н. Анучина институту I Московского государственного университета:

Москва, Политехнический музей, Центральное бюро краеведения, сост[оящее] при Российской академии наук.

Надпись на внутренней упаковке:

Для Антропологического имени Д.Н. Анучина института I МГУ или для проф. Б.С. Жукова.

Адрес для писем:

Москва, Моховая 11, Антропологический имени Д.Н. Анучина институт, Б.С. Жукову.

№ 2

Москва 9.XI.24 г.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Приношу Вам глубокую благодарность от себя и своих коллег по Антропологическому институту за присылку весьма ценных для нас изданий и надеюсь в ближайшее время выслать Вам номер «Русского антропологического журнала», который на днях вышел из печати, но еще не доставлен нам. Надеюсь также в скором времени переслать Вам оттиски моих работ, из которых Вас, я думаю, заинтересует работа о доисторических культурах Нижегородского края, выходящая в местном краеведческом сборнике [Жуков, 1924]. Ее корректура уже была у меня, и я не знаю только, пойдут ли в печать рисунки, где, между прочим, имеется изображение бронзового кинжала с двумя конями на рукоятке, еще нигде не изданного²⁸.

Сердечно Вас благодарю за любезное предложение по поводу Льяловского материала. Я хотел было Вам выслать его сейчас, но как раз на днях у меня будет в руках материал по обработке пыльцы Льяловского торфяника, которую дает проф. ботаник Доктуровский [1925], и тогда я Вам вышлю все вместе. У меня еще есть надежда, что в этом году в распоряжении Акад[емии] истор[ии] мат[ериальной] культуры или «Русск[ого] антроп[ологического] журнала» будет достаточное число печатных листов, чтобы издать Льялово с подробными описаниями (листа на 3) [Жуков, 1925]. Поэтому я бы предложил для напечатания у Вас более сжатый очерк с несколькими чертежами и фотографическими репродукциями материалов²⁹. Статью написал на русском языке с надеждою, что перевод на французский язык будет сделан в Гельсингфорсе под Вашей любезной редакцией. Если это для Вас неудобно, можно заказать, конечно, его и в Москве.

По вопросу о генезисе Льяловской культуры я могу определенно сказать (и Вы это увидите по фотографиям), что мы имеем в данном случае перед собою яркое и несомненное доказательство балтийских (Муллеруп-Эртебёлле)³⁰ влияний на восток. Подмосковная культура, не имея шлифованных каменных изделий кроме одной сланцевой подвески, при характерно «балтийском» комплексе (или, вернее, балтийско-валдайском) миндалевидных и других грубо обработанных орудий (в нынешнем году найден настоящий кампиньтский ріс³¹), при индустрии из рога и кости, имеет гребенчатую керамику и несколько каменных изделий волго-окского типа (скребки, наконечники стрел).

Таким образом, ее облик более поздний³², а не более ранний, чем Свердборг, Эртебёлле, Альтмарк и др. Датировка ее по данным флоры дала в прошлом году указанное на конец атлантического климатического периода Балтики, т.е. опять-таки на более позднее время, чем эпоха кьёккенмёддингов³³, не говоря уже о Маглемозе³⁴. Насколько мне удалось познакомиться с волго-окским неолитом, я могу утверждать, что «пиковидные» (как я их называю) орудия миндалевидной и удлиненной формы вкраплены в окском неолите, что они там встречаются в качестве второстепенных и дегенерирующих. Если вспомнить, что и гарпуны с крупными зубцами представлены в Волосове – получается картина морфологической промежуточности льяловской культуры между балтийско-валдайскими и окскими.

Я возлагаю большие надежды на методы определения возраста торфа и почвенных слоев по пыльце деревьев, моллюскам, коловрашкам и т.д. и на разработку на основе этих данных истории климатического режима в отдельных районах. Это дало бы нам надежные вехи для датировки неолитических и раннеметаллических культур. Кое-какой сравнительный материал по неолиту у меня подбирается, и я работаю в контакте с геоботаниками.

Вы выдвинули в Вашем письме крайне интересные проблемы о взаимоотношениях русского южного палеолита с неолитом и о путях распространения неолитических культур. Мои мысли по этим вопросам намечены в двух работах, о которых я упомянул выше [Жуков, 1924; 1924a] и которые я Вам пришлю по их выходе. Вкратце скажу, что, по-моему, мы имеем на всем пространстве примерно от Карпат к северу и востоку особый верхний палеолит, развившийся на основе, близкой к Ориньяку³⁵; палеолит еще не расклассифицированный по горизонтам, но,

во всяком случае, морфологически не идентичный французскому (известно ли Вам, кстати, что П.П. Ефименко³⁶ в прошлом году раскопал несколько палеолитических стоянок в Костенках и окрестностях, различных по стратиграфии, культурному облику и фауне³⁷, а в нынешнем году Г.А. Бонч-Осмоловский³⁸ открыл и раскопал интересную палеолитическую пещерную стоянку в Крыму³⁹).

Связь этого «лессового» палеолита с «пржедмостским» человеком⁴⁰, к сожалению, пока еще не установлена на русской территории. Его культурные связи скорее чувствуются, чем устанавливаются с микролитическими культурами тарденаузского облика⁴¹ Польши и нашими южными. Однако для меня является совершенно бесспорным, что волна микроиндустрии с нашего юга идет на север, дегенерируя и вливаясь в неолитические комплексы вплоть до низовьев Оки: ее следы и пережитки установлены в Рязанской губернии, а я лично констатировал такие же пережитки в Балахне и особенно в маленькой стоянке дер. Горшихи под Балахной⁴². С другой стороны к нашей Оке двигалась волна макроорудий, балтийская, которая могла существовать параллельно и одновременно южной. Где встретились эти волны, мы еще не знаем. Рассуждая теоретически, быть может в районе слияния Оки и Волги. Несомненно лишь то, что эта встреча произошла в расцвете неолита, когда протоморфная индустрия⁴³ той и другой волны совершенно дегенерировала.

Основной вопрос для нас – район возникновения гребенчатой керамики? Она, несомненно, тесно связана с балтийской волной, но где ее исходные формы? Конечно, они не те, на которые указывает Айлио, не в Волосове, где найдено сколько угодно и чего угодно: сосуд, воспроизведенный на стр. 26 SMYA XXIX: 1 [Ailio, 1922] меня не убеждает, т.к. подобная керамика с выпуклым⁴⁴ орнаментом прослеживается на Оке с поздним, быть может, бронзовым комплексом. Мне хочется искать исходных форм на северо-востоке, но, конечно, они могут быть на Оке, а, может быть, и еще где-нибудь, вне зависимости от путей распространения балтийской волны. Моя льяловская керамика не выказывает признаков большой примитивности, как ее принято понимать; по материалу и технике эта керамика выше Волосовской толстостенной. В ней есть черта примитивности лишь в комбинациях орнамента и, может быть, отчасти в элементах его.

Во всяком случае, работы Айлио и Ваши, с которыми я познакомился пока еще только предварительно, – для нас сейчас эпоха, т.к. мы имеем, наконец, настоящий научный подход к нашим древним культурам, если не считать интересную работу А.А. Спицына о Бежецком крае [Спицын, 1903].

Как это ни странно для нашего времени, но обновленная московская археологическая школа не только не прививает этнологическое мышление, но сознательно давит его схемой и априорной датировкой⁴⁵. Кстати, я видел Галичский материал нынешнего года⁴⁶, и на меня он произвел впечатление явной неолитической культуры с влияниями чуждой этой культуре металлической.

Наш институт, после поездки В.В. Бунака⁴⁷ в Прагу, принципиально принят в объединение Международного Антроп[ологического] ин[ститу]та. Установлена связь с Западом. Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы сообщили, как работают научные объединения по нашим дисциплинам в скандинавских странах и, между прочим, сообщили бы, нельзя ли и на каких условиях можно было бы получить для нашего Института (для учебных целей) хотя бы муляжи свердборского или муллеруповского материала? Быть может, есть что-нибудь муляжированное и у Вас или можно, быть может, получить дубликатный, хотя бы керамический, подлинный материал по тем или иным балтийским культурам. Мы могли бы дать взамен муляжи некоторых неолитических объектов. Вы ведь, вероятно, знаете, что в нашем Антропологическом музее имеется прекрасный подлинный материал по французскому палеолиту⁴⁸, много материала по неолиту русскому и иностранному, есть эолиты Рюто, слепки главнейших ископаемых черепов, найденных до войны [Алексеева и др., 1986], и т.д. Теперь, с развитием наших программ, когда читаются курсы “Палеоантропология”, “Палеоантропология Восточной Европы”, ведутся два практикума – малый и большой – по палеоэтнологии, имеется семинарий и специальные занятия по этой дисциплине и есть научные сотрудники, которые работают над специальными темами, я озабочен собиранием материала в объектах (подлинных и копиях) для возможно полного обставления занятий.

Один из наших пробелов – Маглемозе; по кьёккенмёддингам есть немного, по датскому неолиту кое-что, но нет почти ничего по восточной и северной Балтике, по Скандинавии, так

что хорошая коллекция муляжей, не говоря уже о подлинной керамике, была бы нам очень нужна. Еще один вопрос: не предполагаются ли съезды доисториков Балтийских стран в этом году?

Еще раз благодарю Вас за присланное и желаю Вам всего лучшего.
Искренно преданный Вам Бор. Жуков.

№ 3

[18.05.1925]

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Приношу Вам мою сердечную благодарность за присланные Вами отски Ваши работ⁴⁹ и посылаю Вам в свою очередь некоторые из своих работ, вышедших в последнее время⁵⁰. Не получив от Вас окончательного ответа на мое предложение Вам статьи о Льяловской культуре, полагаю, что мое последнее письмо к Вам, по-видимому, затерялось. Получили ли Вы также наш “Русск[ий] антроп[ологический] журнал”, посланный на Ваше имя в обмен на присланные Вами №№ Finsk[a] Fornm[innesföreningens] Tidskift? Посылали ли Вы нам еще №№ этого журнала после присланного № XXXIV? Мы нечего с тех пор не получали и первую присылку после этого были Ваши последние отски, адресованные мне. Большая просьба на будущее время: адресуйте, пожалуйста, непосредственно на I Моск[овский] университет, Антропологический имени Д.Н. Анучина институт⁵¹. По этому адресу лучше всего доходят и книги, и корреспонденция.

Я с наслаждением читал и перечитывал Вашу статью «L’Orient et l’Occident dans l’âge du fer» [Tallgren, 1924]. Действительно, проблема доисторических финнов на нашей территории необъятна и нам необходимы новые, свежие полевые исследования по этому вопросу, как, впрочем, и по целому ряду других. К сожалению, мы еще не имеем возможность организовать в должном объеме раскопки, хотя предстоящим летом исследовательская деятельность должна сильно окрепнуть по сравнению с прошлым годом. Я лично буду руководить этнолого-палеоэтнологической экспедицией, организованной нашим Антропологическим исследовательским институтом в районе Ветлужского края. Предполагаю произвести детальное обследование известных ветлужских памятников, поискать ранних культур и произвести раскопки некоторых городищ и могильников. Меня очень интересует Ветлуга в связи с проблемами нашего неолита и бронзы, а также как почти неизученная в отношении доисторических культур водная артерия. Экспедиция займет июль и август месяцы, а до этого времени проведу раскопки новой, открытой разведками моего ученика [О.Н. Бадера] культуры, по-видимому, бронзового века в окрестностях Мурома⁵². Это не Фатьяново, не Сейма, а что-то тяготеющее к югу, к Полтавской губернии: кремневый инвентарь и серая, довольно объемистая керамика, плоскодонная и слабо орнаментированная рядовыми вдавлениями изнутри сосуда. Кроме того, в июне, вероятно, поеду с комиссией в Крым засвидетельствовать условия находок Бонч-Осмоловского в пещере Киик-Коба в 30 верстах от Симферополя⁵³.

Вы, вероятно, слышали, что этот молодой исследователь открыл там в прошлом году палео-литическую стоянку весьма древнего облика с остатками человека, которые предварительно обработаны и выказывают неандерталоидные признаки⁵⁴. Любопытно, что там, согласно наблюдениям исследователя, верхний палеолитический слой с мамонтом и носорогом перекрывал остатки человека и его культуры, которые связаны с нижним слоем, заключающим кости Megaceros и Saiga. Кремневая индустрия выказывает близость с «Misoquien»...

Дня два тому назад я вернулся с весенних студенческих раскопок. Работали мы на подмосковных курганах и захватили также Льяловскую стоянку⁵⁵, где оставалась небольшая не раскопанная площадь. Находок, конечно, здесь немного, преимущественно керамика, хотя эти последние раскопки дали несколько оригинальных изделий из рога и кости. В самом начале мая я копал дюнную неолитическую стоянку близ с. Большого Козина в Нижегородской губернии⁵⁶, где открыта эта новая стоянка, родственная Балахнинской, и находящаяся от последней приблизительно в 15-ти верстах. Ее раскопки будут, вероятно, продолжены летом одним из моих учеников⁵⁷. Как видите, работы предстоит у меня немало, но, к сожалению, ни одна из них не может быть развернута в надлежащем объеме, т.к. музеи и учреждения, субсидирующие раскопки, еще не совсем окрепли. Можно надеется, что в будущем году материальные

возможности улучшатся, т.к. наши научные учреждения растут и крепнут буквально с каждым месяцем.

Был бы очень рад, если бы Вы поделились со мною новостями из области Балтийской палеоэтнологии. Укрепляется ли метод датировки неолитических памятников в торфяниках по анализу пыльцы? Среди наших ботаников есть яростные противники метода пыльцы вообще и, наоборот, ревностные его защитники. Меня лично очень соблазняет этот метод, который я стараюсь при помощи некоторых коллег проверить по остаткам некоторых животных организмов (моллюски, коловратки и др.). Нет ли новостей по отношению к культуре Маглемозе и более поздним культурам рога и кости? Я очень заинтересовался работой Bliebernicht [1924], но, к сожалению, описываемый им материал – случайный и, по-видимому, не совсем однородный. Очень приветствую работу Ailio «Fragen der Russ[ischen] Steinzeit» [Ailio, 1922], хотя его материал тоже далеко не несомненен. Быть может, на Оке имеется действительно колыбель неолита этого района, но здесь вопрос о более древних и более новых неолитических культурах гораздо сложнее, чем, как мне кажется, понимает его Ailio, а его древнейший слой культуры гребенчатой керамики, намечающийся, по-видимому, по работе Уварова [1881], опять-таки сомнителен для меня. Во всяком случае, эта попытка Ailio наметить возникающие проблемы весьма ценна для нас, русских исследователей.

Боюсь быть навязчивым, но позволю себе снова вернуться к вопросу о статье по Льялову. Как я Вам писал, мне очень хотелось бы поместить через Вас статью об этой культуре в виде сжатого очерка с фотографиями важнейших типов изделий, включая позднейшие. Более детальное описание, правда, далеко не исчерпывающее, я даю в статье «Льяловская неол[итическая] стоянка», сданной мною в печать в «Рус[ский] антроп[ологический] журнал» [Жуков 1927]. Однако в силу условий печатания там вряд ли удастся издать нужное количество рисунков и фотографий, и, к тому же, журнал до сих пор не сдан в набор⁵⁸. В виду этого, если возможно издать статью на русском языке с тем, что ее переведут у Вас, если Вы не будете слишком строги к качеству фотографий с материалами и если вообще возможно напечатать статью, пожалуйста, известите меня об этом. Я бы или постарался закончить эту работу до конца июня, или же отложил бы ее на сентябрь месяц с обязательством представить ее к 1-му октября.

В одном из писем Вы сообщили о возможности обмена музейным материалом, в частности балтийской неолитической керамикой. Быть может, если это возможно осуществить, Вы выслали бы мне список предметов, которые могли бы передать в Антроп[ологический] музей. Имея этот список, я предпринял бы хлопоты по разрешению отсылки Вам интересующих Вас объектов (керамика Льялова, окских стоянок, Балахны, подмосковных городищ, ветлужских городищ и пр.).

Не собираетесь ли посетить Москву? Если да, я был бы очень счастлив пригласить Вас на свои раскопки. Расписание мое таково: 5–12 июня – Муром, около 25-го июня буду в Москве и мог бы съездить в Льялово, с конца июля и августе – Ветлуга, а в сентябре сперва в Москве, откуда можно быстро съездить как в Льялово, так и в Муром.

Не предполагается ли в будущем году съезд палеоэтнологов в Балтийских странах?

Желаю Вам всего лучшего.

Искренно Вас уважающий Бор. Жуков.

18.V.25 г.

P.S. Посылаю бандеролью отписки и извиняюсь за невзрачный вид оттиска по Нижегородским культурам: у меня был всего 1 экземпляр из-за недосмотра редакции сборника [Жуков, 1924]. Б.Ж.

№ 4

30.V.25 г.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Получил Ваше письмо в перерыве между 2-мя поездками на работы и очень извиняюсь, что своевременно не мог ответить.

В Муромском районе мы нашли культуру с богатой по орнаменту плоскодонной керамикой и с отсутствием более совершенных орудий, чем кремневые, весьма типичных форм⁵⁹. Затрудняюсь на основании беглого осмотра в процессе раскопок высказаться о ее культурном родстве и связях, но думается, что это, во-первых, нечто не родственное ни культуре гребенчатой кера-

мики, ни Фатьянову, а, во-вторых, что-то заходящее по времени бытования в металлическую эпоху. Любопытно, что нынешней же весною подобная культура обнаружена в Касимовском уезде, где так же, как у меня в Позднякове, это была стоянка⁶⁰.

Вернулся я только что из Крыма, куда ездил с В.В. Бунаком и В.А. Городцовым для экспертизы местонахождения раннепалеолитической культуры Г.А. Бонч-Осмоловским⁶¹. По-видимому, мы имеем здесь дело с двумя культурными слоями, – более древним [слоем], близким к домостерской аморфной культуре, к которому принадлежат, по-видимому, и останки человека, и с другим, более молодым слоем, где мы имеем более совершенную технику и разнообразные типы остроконечников и *racloirs*. Любопытно, что мамонт встречен исключительно в верхнем культурном палеолитическом слое, тогда как нижний дает *Megaceros* и *Bos* (очевидно *priscus*).

Комиссия наша подтвердила отнесение культурных слоев к раннему палеолиту и установила искусственность происхождения того углубления в скале (дне) пещеры, где были обнаружены человеческие кости. Очевидно, здесь было искусственно расширено естественное углубление в скале.

Завтра я отправлюсь со своей экспедицией на Ветлугу, где пробуду до сентября⁶². Я был очень встревожен известием, что Вы собираетесь быть в Москве как раз в то время, когда меня не будет. Если бы это Вас устраивало, я предложил бы Вам такую комбинацию: Вы побываете у нас в Университете и застанете там или ассистента Н.А. Синельникова⁶³, или сотрудника Антроп[ологического] музея М.В. Воеводского⁶⁴. Через них можно было бы известить меня о Вашем приезде. Я предложил бы Вам, если это Вам интересно, посетить мои раскопки, для чего нужно через Н.-Новгород или через жел[езную] дорогу Вологда–Пермь приехать в гор. Ветлугу к Д.А. Маркову, члену местного общества краеведения⁶⁵. Он будет в курсе, где я нахожусь. Другая комбинация – условиться встретиться в Нижнем, где Вы нашли бы интересную для Вас полную коллекцию по Сейме, монтированную моими учениками. Я бы приехал для свидания в Нижний. Было бы очень жаль, если мы опять не увидались.

Работа моя по Льялову находится в печати [Жуков, 1925], а за это время один из коллег, присутствовавший на моих раскопках, поспешил опубликовать часть моего материала раскопок 1923 года⁶⁶. Для Finn[isch-]Ugr[ische] Forschungen я дал бы статью с включением материала раскопок нынешнего года.

Всего Вам лучшего. Ваш Бор. Жуков

№ 5

9.X.25 г.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Спешу принести Вам глубокую благодарность за экземпляр Вашей последней работы⁶⁷, любезно присланный Вами, который я сегодня получил.

Возвратившись недавно из экспедиции в Ветлужский край, я получил и в Нижнем, и в Москве информацию о Вашем пребывании в России и, конечно, очень сожалею, что и в этот раз нам не удалось с Вами встретиться и познакомиться лично. Я Вас поджидал на Ветлуге, но, по правде сказать, не очень рассчитывал, что Вы приедете, т.к. пути сообщения там плохи и нужно потратить много времени, чтобы доехать. Рассчитывал я также получить от Вас известие о сроке Вашего приезда в Нижний и, ввиду этого, оставил у руководителей тамошнего музея расписание своего ветлужского маршрута. Предполагаю, что Вы не получили моего письма, написанного незадолго перед экспедицией, как, вероятно, не дошло до меня Ваше письмо, которое, по словам моего сотрудника Воеводского, Вы хотели мне написать после посещения Москвы. Весною я посылал Вам вновь несколько оттисков своих работ; получили ли Вы их?

В настоящее время я вернулся в Москву, начал все свои лекции и занятия и сейчас занят, кроме разработки многих новых материалов, полученных мною летом (я и мои ближайшие сотрудники раскопали более 10-ти памятников), устройством палеоэтнологического кабинета в нашем Институте в университете, в специальной полученной мною комнате. Это, при нашей тесноте, – большое событие, в особенности в виду имеющихся возможностей наладить интересную работу с моими учениками, и я не мог не поделиться этой радостью с Вами.

Большая к Вам просьба написать мне Ваши впечатления от виденных Вами материалов, связанных с моими работами. Меня особенно интересует Ваше мнение о Льяловской стоянке (моя работа выходит из печати в трудах нашего Ин[ститу]та⁶⁸, я уже имею 2-ю корректуру)

[Жуков, 1925], об экспозиции Льялова в областном музее, о культуре стоянки близ Позднякова (Муромск[ого] у.), материал, которой Вы частично видели в еще не разобранных паке-тах, а также об экспозиции в Нижегородском музее (в ужасных шкапах!), выполненной моими сотрудниками. Мне лично кажется, что экспозиция Льялова и, например, Чуркина⁶⁹ и Сеймы – это отправной пункт для нашей дальнейшей работы в области музейной экспозиции для палеоэтнологических объектов, и мне очень важно знать по этому поводу Ваше мнение.

Результатами работы экспедиции я доволен. Не говоря уже о значительных антропологических и этнографических материалов, которые она собрала, отмечу, что мною раскопана неолитическая стоянка (открытая сотрудником О.Н. Бадером во время работы экспедиции), находящаяся в 45 в[ерстах] к северу от г. Ветлуги⁷⁰, у села Рождественского. Эта стоянка под названием «Паново городище»⁷¹, была посещена в свое время Нефедовым⁷², который, однако, ничего там не нашел. Материал, полученный нами, достаточно полон для характеристики культуры: это поздний неолит с интересною керамикой ямочно-гребенчатого типа, но выказывающей переходы к комплексам более поздним. Два дня тому назад мы начали разборку этих материалов.

Наиболее широко были поставлены работы по исследованию городищ, которые были обследованы и раскопаны в последовательном порядке, начиная от Одоевского⁷³ до Русенихи у Воскресенска⁷⁴ (это самое южное из них, открытое экспедицией). Особенно богатых материалов по быту мы не нашли в виду большой изуродованности памятников, но я считаю ценным, что вся эта стройная цепь городищ хорошо исследована нами со стороны стратиграфии, причем имеется богатый послойный материал по фауне и керамике. Мне думается, что эти материалы, среди которых имеются как наиболее ранние, так и позднего облика, должны дать ключ к хронологической расшифровке костеносных городищ прикамского типа, к каковым относятся ветлужские. Местами удалось вскрыть очень яркие картины: так, например, на Чортовом городище⁷⁵ я разрезал вал, где оказалось, что нижний культурный слой лежит горизонтально, над ним идет, поднимаясь, глинистая плотная стерильная насыпь (до 2-х метров мощностью), а над нею идет верхний культурный слой⁷⁶. Хорошо удалась фотография с этого разреза, дающая яркую, эффектную картину.

Наиболее поздним памятником явился черемисский могильник⁷⁷, раскопанный нами (25 погребений) специально для этнологической увязки с прошлым черемис современных, изучающихся в Центр[альном] музее народоведения (бывш. Румянцевском), а также для увязки скелетного материала. Этот памятник, давший богатейший материал по костюму (сохранилось шерстяное цветное плетение, кожа, дерево и пр.), украшениям, оружию и пр., очень поздний: примерно конца XVII – нач. XVIII в. Есть датирующие монеты (ранняя дата), а позднюю дату дает лес, растущий на могильнике, возраст которого исчисляется примерно в 120 лет. Этот памятник находится сейчас в работе (препаровка, монтаж) и будет выставлен и изучен в связи с современными черемисскими коллекциями.

Вот в общих чертах наши работы за это лето. О весенних (Льялово, курганы, Поздняково, крымская пещера) я Вам уже писал. Сезон прошел, как видите, довольно удачно в смысле возможностей развернуть полевые работы.

В связи с теми материалами, которые сейчас имеются в моем распоряжении и которые, конечно, не удастся за зиму целиком опубликовать, я позволю себе снова спросить Вас, не будет ли возможным издать что-нибудь (например, одно из городищ (Одоевское, Чортово) или общий очерк по городищам, или неолитическую стоянку «Паново городище») у Вас? Я несколько виноват перед Вами за Льялово, о котором мы с Вами переписывались, но я не мог точно знать, когда и сколько напечатают мне в Москве. По выходе моей работы Вы увидите, желательна ли иметь ее в том или ином виде (с добавлением материалов 1925 года) напечатанную у Вас.

В связи с выходом в свет некоторых моих работ был бы очень рад получить от Вас несколько указаний лиц (в Германии, Дании, Швеции, Франции), занимающихся проблемами неолита, для установления с ними связи нашего Института⁷⁸.

Шлю Вам искренний привет и наилучшие пожелания.

Уважающий Вас Бор. Жуков.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Спешу выразить Вам свою глубокую признательность за присланную Вами мне Вашу книгу «La Pontide préscythique» [Tallgren, 1926] и принести Вам свое искреннее поздравление по поводу выхода в свет этого столь ценного и необходимого в настоящее время труда. Только что получив ее, я успел с нею в общих чертах ознакомиться и считаю долгом выразить Вам по поводу нее свое искреннее восхищение.

Хотя прошло уже около 3-х месяцев после возвращения моего с летних работ этого года, но из-за чрезвычайной перегруженности делами я не мог собраться написать Вам о результатах раскопочной кампании, проведенной мною и моими сотрудниками летом текущего года⁷⁹. Я продолжал работы экспедиции нашего Института, руководя ею, причем экспедицией были обследованы: а) верховья реки Ветлуги с некоторыми прилегающими районами, б) р. Унжа от Кологрива до устья, в) части южных уездов Нижегородской губернии. Кроме того, я работал вместе с П.П. Ефименко по раскопкам вновь открытой позднемадленской богатой стоянки близ г. Брянска⁸⁰, произвел новые раскопки Волосовской стоянки и раскопки новой неолитической стоянки близ с. Большого Козина в 18 верстах от г. Балахны⁸¹.

Мой ближайший сотрудник и ученик Отто Николаевич Бадер⁸² произвел чрезвычайно интересное обследование стоянок неолита и бронзы в Вязниковском районе на р. Клязьме⁸³, а также произвел раскопки неолитической поздней стоянки на Спас-Клепиковских озерах Рязанской губернии⁸⁴. Если заметить, что по работам экспедиции имеются оригинальные материалы по 3-м позднефинским могильникам (черемисскому XVIII–XIX вв. [у д. Одошнур Ветлужского у.], эрзянскому XVI–XVII вв. и терюханскому XVI–XVII вв.) [в Арзамасском у. близ дд. Кардовиль и Сарлей, сс. Корина, Б. Мокателем, Тотторшево] и одному могильнику IX–X вв. (финскому) из района г. Лукоянова [близ с. Перемчалки]⁸⁵, можно видеть, что мы имеем в этом году порядочно свежего материала. Его обработка началась в 3-х лабораториях, которые я имею в этом году в Москве: в Институте, Областном музее Моск[ского] края и Центральном музее народоведения, где развертываю работу по изучению поздних культур, связывающихся с этнографией современного населения.

Все раскопки проводились с применением новых усложненных и введенных нами с прошлого года методов, и особенно удачно в отношении тонкости выяснения деталей прошли Волосовские раскопки, где мне удалось разрезать неолитическую землянку, давшую, между прочим, одну прекрасную находку – скульптурное изображение головки глухаря, сделанное из рога. Это небольшой амулет чрезвычайно художественной работы с сохранившейся на одной стороне красною краской, которой была окрашена прорезь клюва. Вскоре вещь будет сфотографирована, и я вам пришлю отпечаток.

Заканчиваю работу по анализу культур ветлужских (=камских) городищ. В лаборатории произведено изучение (с количественным учетом) керамики этих городищ по слоям. Эта работа, производившаяся почти в течение года, теперь близка к окончанию⁸⁶. Будем иметь характеристику керамики каждого культурного напластования на основе изучения состава, морфологии поверхностей сосудов, толщины стенок, строения частей, размеров, орнамента и пр. Удастся установить ряд переходов, и, по-видимому, относительная хронология культур этих городищ будет достаточно точно установлена. Некоторые комплексы близки к керамике Ананьина⁸⁷, Котловского могильника⁸⁸ и др. После обследования Унжи могу сообщить, что Ветлуга является, очевидно, западной границей распространения «костеносных» камских городищ раннего облика.

«Костеносная» культура дает в более поздней фации грубую плоскодонную неорнаментированную керамику из чистой глины без примесей, а последняя, в свою очередь, модифицируется в еще более поздних городищенских культурах, представленных и на Унже. Инвентарь этих последних культур еще не ясен, так как поздние городища бедны находками. Связи городищ с более ранними культурами устанавливаются по одной стоянке на Ветлуге (так называемой «Паново городище»), где вместе с неолитическим каменным инвентарем найдена керамика, настолько идентичная нижним горизонтам некоторых городищ, что обломки хочется склеить между собою.

Все это позволяет мне засвидетельствовать перед Вами, что намеченная в Вашей работе [Tallgren, 1919] граница распространения культур бронзы в районе Ветлуги – Унжи чрезвычайно верна. Добавлю, что по нижнему течению Ветлуги мы имеем находки сверленных топоров-молотов, тогда как выше по ее течению таковых неизвестно⁸⁹. В связи с изучением городищ планирую на будущее лето обследование р. Суры, этой интересной артерии, соединяющей муромско-окскую область с областью камских городищ. Хочется мне проследить взаимоотношения между «дьяковыми» и «камскими» городищами, и у меня есть данные, что ключ может оказаться на р. Суре.

Работы по ветлужским городищами и по стоянке «Паново» будут в этом году сданы в печать в «Труды» экспедиции. Кроме этого, работаю усиленно по обработке материалов вновь открытой Бадером и раскопанной мною вместе с ним стоянке Поздняковской⁹⁰ близ Муромы [Бадер, 1927; Жуков, 1929]. Я Вам, кажется, писал, что это своеобразная культура бронзовой эпохи с прекрасным кремневым инвентарем (скребки) и интересной плоскодонной керамикой, которая имеет, между прочим, меандровый орнамент. Двигается работа и по изучению волго-окского неолита. Хотя я и не люблю предварительных работ, но, вероятно, придется издать часть вологовского материала. На днях должна выйти из печати моя обзорная работа о палеоэтнологических исследованиях в России за 1921–24 гг. [Жуков, 1926]. Я ее Вам тотчас же после ее выхода пришлю.

Пришлось мне недавно взять на себя тяжелое бремя по руководству археологическим отделом в Главнауке Наркомпроса [РСФСР]. Эту работу вел, как Вы, конечно, знаете, В.А. Городцов. Он недавно подал там в отставку, и я, по настоянию моих ленинградских и провинциальных коллег, не счел возможным уклониться от принятия на себя этой работы⁹¹.

У меня к Вам есть большая просьба, многоуважаемый Михаил Маркович, о присылке, если это возможно, Вашей недавно вышедшей работы об археологических исследованиях в России за последние годы [Tallgren, 1925]. Этой работы я не имею и очень ею интересуюсь. Рад был узнать из Вашей работы, что труд П.С. Рыкова выходит из печати. Недавно П.С. Рыков был у меня и ожидал как раз выхода в свет своей работы [Рыков, 1927]. Знаете ли Вы о вновь открытой и раскопанной С.Н. Замятниным⁹² мустьерской стоянке близ станицы Ильской на Кубани?⁹³ Им же открыта палеолитическая стоянка в Тамбовской губернии⁹⁴. Знаете ли о работах П.П. Ефименко в Чувашской области и в Воронежск[ой] губ[ернии]⁹⁵, о новых раскопках Бонч-Осмоловского в Крыму⁹⁶ и о ряде других наших новостей? Очень интересны раскопки Г.П. Сосновского по андроновской культуре⁹⁷. Г.П. Сосновский⁹⁸ переехал в Москву и поступил аспирантом к нам в институт, т[ак] что работает теперь у меня⁹⁹.

Желаю Вам всего лучшего.

Уважающий Вас Бор. Жуков.

№ 7

11.X.28 г.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Позвольте, прежде всего, выразить Вам мое глубочайшее сожаление в том, что нам снова не удалось встретиться с Вами при Вашем посещении Москвы. Оказалось, что в дальнейшем я проезжал по волжским городам как раз вслед за Вами¹⁰⁰, но и здесь мы так и не увиделись. Я счастлив, что при посещении Вами института тут оказался М.В. Воеводский, который имел возможность познакомить Вас с тем, что у нас делается в лаборатории за последние годы. Мне было также приятно узнать, что Вы имели беседу о наших работах по финнам в Центральном музее народоведения с Е.И. Горюновой¹⁰¹. Сам я вернулся в Москву лишь несколько дней тому назад, закончив летний экспедиционный сезон небольшим обследованием дольменов в районе Новороссийска¹⁰².

Мне передавали, что Вы намерены осуществить блестящую мысль об ознаменовании юбилея А.А. Спицына изданием сборника, ему посвященного. Если это так, позвольте выразить Вам по этому поводу свое глубочайшее сочувствие этой идее. Уже не говоря о громадных заслугах Александра Андреевича в развитии нашей науки, такое ознаменование его юбилея вполне своевременно; оно отдает должное той деятельности А.А. Спицына в настоящее время, которая неразрывна с работой нашего более молодого поколения. Я счастлив отметить, что работы мои и моих сотрудников протекают при постоянном сердечном контакте с А.А. Спицыным, который раза два в год приезжает к нам в Москву для бесед и работ над нашими матери-

алами. Совершенно естественно, в силу всего этого, что я спешу от имени всей моей группы палеоэтнологов откликнуться на поданную Вами мысль о сборнике и обратится к Вам с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Считаете ли Вы желательным предоставление Вам для сборника работ моей¹⁰³ о модификации неолитических культур территории Ц.П.О. по данным керамического материала [Joukov, 1929], М.В. Воеводского о некоторых методах изучения керамики [Voévodski, 1929], О.Н. Бадера о результатах палеоэтнологического обследования районов Волго-Окского междуречья [Bahder, 1929], А.В. Збруевой¹⁰⁴ о культуре Липкинской стоянки под Вязниками [Zbrujeva, 1929], Е.И. Горюновой о полевых изысканиях по позднефинским культурам [Goriounova, 1929], А.Е. Алиховой¹⁰⁵ о раскопках Старосошенского и Бутского мокшанских могильников [Alikhova, Préobraženski, 1929] и С.П. Толстова¹⁰⁶ о Кутадонском терюханском могильнике [Tolstov, 1931]. (Последние три работы – краткая предварительная информация)¹⁰⁷.

2. На какой объем должны были бы быть рассчитаны работы в случае их желательности: суммарно или по отдельности.

3. К какому сроку необходимо их представить.

4. Нужно ли их переводить на иностранные языки здесь, или же перевод мог бы быть сделан в Гельсингфорсе.

Сообщением возможно более скорого ответа на эти вопросы Вы весьма нас обяжете.

Летними работами нынешнего года по линии наших лабораторий я весьма удовлетворен. Полагаю, что наиболее интересными для Вас явятся результаты раскопок курганной бронзовой культуры под Муромом, раскопки вятских костеносных городищ (Пижемского, Белоглазовского и Аргыжского), а также раскопки богатейшей торфяной неолитической стоянки у Языкова (Кашинского района Тверск[ой губ[ернии])¹⁰⁸, где помимо 60-ти пудов коллекционного материала позднеьяловского облика с элементами Волосова в верхних горизонтах найдена подстилающая культура керамики не¹⁰⁹ ямочно-гребенчатого облика¹¹⁰.

Одновременно с письмом посылаю Вам через ВОКС несколько оттисков.

Примите уверение в моем глубочайшем к Вам уважении.

Бор. Жуков.

№ 8

[28.11.1928]

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

По получении Вашего столь лестного для меня и моих сотрудников письма я предпринял шаги к подготовке для юбилейного сборника в честь А.А. Спицына намечавшихся нами работ, следуя Вашим указаниям о размере каждой из них. Таким образом, мы готовим 7 работ 8-ми авторов, общим объемом около 150.000 типографических знаков (около 3½ печатных листов = около 60 страниц). В связи с Вашими указаниями у меня имеются два вопроса: 1) Можно ли прислать Вам работы к 15 января, дабы могло быть использовано для их окончания столь ценное для нас время, как Рождественские каникулы. 2) Можно ли рассчитывать на оплату с Вашей стороны перевода на французский язык в сумме 50–60 рублей за печатный лист, т.е. около 200 рублей (120 долларов) за все работы. Эта сумма по нашей расценке Госиздата является весьма скромной, но, принимая во внимание необходимость затрат на рисунки и фотографии к работам, довольно непосильной для авторов. Не откажите известить меня о Вашем мнении по поводу указанных вопросов.

Получили ли Вы посланные мною вслед за первым моим письмом некоторые мои работы?

Примите уверение в совершенном к Вам уважении и преданности.

Бор. Жуков

28.XI.28 г.

№ 9

[3.01.1929]

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Работы моих сотрудников и моя сданы переводчику. Основываясь на Вашем последнем письме, мы рассчитываем, что расходы по переводу будут Вами возмещены в той сумме, кото-

рая Вами намечена, остальное пойдет из личных средств авторов. Надеюсь, что рукописи и иллюстрации мы вышлем Вам вовемя.

Учитывая некоторые недоразумения, которые недавно произошли в связи с тем, что за границей труды советских ученых оказались напечатанными наряду с трудами русских ученых-эмигрантов¹¹¹, мы просили бы Вас прислать нам официальное извещение, что в Спицынском томе «Eurasia», которая, мы уверены, не субсидируется из эмигрантских источников, подобный факт не сможет иметь места.

Если мы получим такое извещение своевременно, я сумею оповестить об этом некоторых московских коллег (Д.Н. Эдинга¹¹², Б.Н. Гракова¹¹³ и других), которые так же, как и мы, озабочены этим вопросом.

Не считаете ли Вы нужным, чтобы вместе с французским текстом мы прислали Вам также и русские оригиналы, дабы Вы при «шлифовке» перевода, за высокое качество которого я не ручаюсь, могли хорошо ориентироваться?

В ожидании Вашего любезного ответа остаюсь искренно уважающий Вас Бор. Жуков.
Москва, 3.I.28 г.¹¹⁴

№ 10

[10.01.1929]

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Ввиду болезни А.В. Збруевой ее работа несколько отстала от остальных. Боясь, что перевод ее у нас может задержать остальные работы, я высылаю Вам рукопись А.В. Збруевой для перевода на месте, хотя бы на немецкий язык¹¹⁵. Иллюстрации к этой работе будут высланы одновременно с остальными работами через несколько дней. Ожидаю Вашего любезного ответа на посланное мною Вам на днях письмо.

Искренно уважающий Вас Бор. Жуков.
10.I.29 г.

№ 11

15.I.29 г.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам официальный ответ по поводу интересующего нас с Вами дела.

Статьи наши и иллюстрации к ним почти все готовы. Вы получите через два дня извещения о том, что работы Жукова, Бадера, Воеводского и Горюновой и иллюстрации к ним сданы Вс[есоюзному] обществу культ[урной] связи для спешной отсылки Вам. Работу Збруевой (к сожалению, не переведенную нами) Вы, вероятно, уже получили. Не откажите сообщить о получении работ. Работы Алиховой и Преображенского и Толстова не вышли от переводчика к моему отъезду в Ленинград, вследствие чего они будут высланы Вам дополнительно через неделю.

Вы увидите из работ (перевод которых сделан, как мне кажется, не очень хорошо), что пришлось несколько отступить от данных Вами размеров работ. В особенности это касается моей работы, которая вышла вдвое более объемистой. Однако я смею надеется, что это не поставит Вас в затруднительное положение, и Вы не будете слишком недовольны этим, если примете во внимание обширность тем и материалов и мое желание дать в каждой из работ нечто совершенно новое и по-своему ценное.

Если возможно, не задержите с высылкой гонорара переводчикам и сообщите, в каком виде должны быть изготовлены их расписки в получении денег. Перевод желательно сделать в долларах и адресовать на имя Отто Николаевича Бадера или на мое имя – лучше, как ученого секретаря Антропологического научно-исследовательского института I Моск[овского] университета.

Когда можно приблизительно ждать корректур и выхода в свет всего сборника?

Получили ли Вы несколько моих работ, посланных через О[бществ]о культ[урной] связи? После Вашего письма я наводил там справки и мне сказали, что работы отосланы Вам.

Если имеете возможность прислать мне новые, вышедшие у Вас работы, буду счастлив их получить. У меня имеются Finsk[a] Fornm[innesföreningens] Tidskift XXIX, XXXII, XXXIV, XXXV, Suom[en] Mus[eo] XXX–XXXII, Eurasia I и II, а также ряд Ваших работ. Из последних

Collect[ion] Zaouss[ailov] имеется лишь 1 выпуск [Tallgren, 1916], Collect[ion] Tovost[ine] [Tallgren, 1917] нет совсем.

Вероятно, летом выйдет наш I том «Трудов» [Ветлужской] экспедиции. Присланы корректуры. В этом томе издается наша работа о ветлужск[их] городищах (10 печ[атных] листов)¹¹⁶, моя о Пановской стоянке (4 л[иста])¹¹⁷ и 1-я серия элементов орнамента¹¹⁸. Обещают издать хорошо и не урезать иллюстраций. Сейчас я заканчиваю статью о комплексном методе в изучении человека¹¹⁹ и предварительную сводку по морфологическим признакам погребений эрзи, терюхан, мокши, мари и некоторых более древних финнов¹²⁰. На ближайшей очереди работы по позднекаменным и микролитич[еским] культурам Крыма [Жуков, 1927а], а также монографии по Позднякову и Волосову I¹²¹. Нижегородский музей мечтает об издании всех старых и новых материалов по Сейме, я дал свое согласие, но хочу предстоящим летом в последний раз произвести раскопки на Сейме и попробовать выделить комплекс стоянки хотя бы по керамике¹²².

Ваш Бор. Жуков

P.S. При каждой работе Вы найдете список пожеланий к Вам в связи с печатанием, а также и некоторые объяснения.

Б.Ж.

№ 12

[16.01.1929]

Профессору А.М. Тальгрону. Гельсингфорс.¹²³

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Получив Ваш любезный ответ по поводу участников в юбилейном сборнике «Eurasia Septentrionalis Antiqua» в честь проф. А.А. Спицына я имел сегодня беседу с начальником Главнауки Наркомпроса М.Н. Лядовым¹²⁴. Наша участие в сборнике наряду с некоторыми из исследователей-эмигрантов принципиальных возражений не встречает при условии недопущения редакцией в статьях заграничных авторов данного сборника каких-либо неблагоприятных выпадов или политических инсинуаций по адресу СССР и его органов. Я надеюсь, что Вы не откажетесь прислать нам Ваши любезные обещания по этому поводу, которые могли бы служить нам соответствующей гарантией.

Таким образом, можно считать, что по получении от Вас соответствующего ответа всякие препятствия к выходу в свет сборника будут устранены. Через 2–3 дня Вам будут высланы через О[бществ]о культурных связей с заграницей рукописи работ: а) моей, б) М.В. Воеводского, в) О.Н. Бадера и г) Е.И. Горюновой, а также и иллюстрации к ним. Через 7–8 дней будут высланы и остальные работы: а) А.Е. Алиховой и П.Ф. Преображенского и б) С.П. Толстова.

Завтра я выезжаю в Ленинград, где извещу коллег и А.А. Спицына обо всем вышеизложенным.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении и преданности.

Ученый секретарь Антропологического н[аучно-]и[сследовательского] института Бор. Жуков.

№ 13

20.И.29 г.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Ваше письмо, полученное мною сегодня, меня очень удивило и опечалило. Мы приняли здесь все меры к тому, чтобы сборник в честь А.А. Спицына мог выйти в свет. Ваше предыдущее письмо, мои двукратные переговоры с начальником Главнауки М.Н. Лядовым, переговоры с ним же Н.Я. Марра¹²⁵, а также моего сотрудника С.П. Толстова обеспечили участие в сборнике русских советских исследователей и устранили все возможные препятствия к этому. Таким образом, очевидно, что если какие-либо препятствия остались, то они не связаны с какими-либо помехами с нашей стороны, за исключением той просьбы о недопущении политических выпадов, которую Вы столь любезно исполнили, прислав соответствующие гарантии.

Вы спрашиваете моего совета, как Вам поступить с изданием сборника. Полагаю, что было бы наиболее правильным во что бы то ни стало издать сборник в ближайшее время. Если же Вам почему-либо неудобно это сделать теперь, то придется, очевидно, отказаться от этого и в будущем. А в таком случае – почему Вы считаете неудобным печатать работы наших исследователей в ближайшем (очередном) номере ESA, хотя бы он и не был посвящен А.А. Спицыну?

Я не совсем понимаю Вашу точку зрения, т.к. повторяю, что у нас считают, что все препятствия к изданию при нашем сотрудничестве устранены.

Если печатание наших работ откладывается на неопределенное время, то нас заботит вопрос, будете ли Вы иметь что-либо против того, если некоторые из нас, и в частности я, опубликуем посланные Вам работы в несколько расширенном и измененном виде на русском языке в наших журналах и других изданиях. В самом деле, если Вы сможете принять от нас работы только через ½ года или еще позже, то мы к тому времени будем в состоянии дать Вам другие труды, не задерживая опубликования тех, издание которых у нас считается более или менее срочным. Я очень прошу сообщить мне Ваше мнение об этом, после чего я известил бы Вас, какие из работ от нашей лаборатории могут ожидать того срока, который Вам угодно будет назначить, и какие издать теперь же.

Вы спрашиваете далее об оплате переводов. Вчера нами отправлена Вам последняя работа (Преображенского и Алиховой) из нашей лаборатории. Таким образом, Вы имеете от нас 5 работ, переведенных на французский язык, 1 работу (Бадера), переведенную на немецкий, и 1 (Збруевой), не переведенную нами. Общего подсчета переведенных работ я не производил, попрошу Вас это сделать и рассчитать, как Вы предполагали, кажется по 25 р. за 1 печатный лист (40.000 букв). Переводчикам еще не уплачено, при расчете с ними мы возьмем на себя расходы сверх этой суммы. Деньги можете адресовать на имя ученого секретаря Антропологического научно-исследовательского института при I Моск[ском] гос[ударственном] университете (Моховая 11) Б.С. Жукова, сообщив в переводе, что высылаемая сумма предназначена для расплаты за переводы таких-то работ из такого-то расчета за каждую (или, суммарно, за столько-то печатных листов). Сообщите, пожалуйста, также, какого рода расписки и кому адресованные (редактору ESA?) должны быть высланы Вам через меня нашими переводчиками.

Я очень извиняюсь перед Вами, глубокоуважаемый Михаил Маркович, за беспокойство, причиненное Вам забывчивостью М.В. Воеводского: его письмо к Вам [РО НБФ. Coll. 230.11] было сюрпризом для меня. Высылаю Вам обратно мое официальное отношение и еще раз прошу извинить за беспокойство.

Вы ничего не сообщаете о том, получили ли высланные мною Вам уже давно через ВОКС несколько оттисков и книги. Не откажите в любезности при случае сообщить об этом, т.к. этот вопрос меня волнует.

Очень просил бы Вас выслать мне ESA III¹²⁶, который я не имею, а также некоторую другую литературу, которой у меня нет и которую, быть может, Вы сможете прислать.

Снова собираюсь за границу, на этот раз – на Берлинский археологический юбилей¹²⁷, где имею в виду читать доклады «Tardenoisien in der Krim», «Neolithikum im Wolgagebiet» [Schukov, 1930]. После мечтаю побывать в Париже и вернуться через Скандинавию. Не знаю, удастся ли.

Только что закончилось у нас первое организационное широкое заседание – подготовительное к Всесоюзному археологическому съезду. Было много приезжих коллег. По-видимому, организация съезда теперь наладится, но съезд едва ли состоится ранее весны 1930 года¹²⁸.

Вся эта неделя прошла у нас в лаборатории в непрерывном обмене мыслями и новостями с приезжими гостями. Посланную Вам работу [Joukov, 1929] я зачитывал в Ленинграде в большом заседании Академии [истории] материальной культуры и остался весьма удовлетворенным тем вниманием и успехами, которые она встретила¹²⁹. Керамика Языково 1 у нас пока еще никем не понимается, в том числе и мною. Это пока – новость, не встречающая аналогий, и я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы при случае ознакомили Ваших коллег с фотографией этого комплекса и сообщили мне мнения. А.А. Спицын предполагает близость с одним из бронзовых комплексов Сев[ерной] Германии, но мне кажется, что это не совсем так. Языковская керамика этого комплекса весьма слабого обжига. Ее невозможно мыть щеткой в воде, т.к. она начинает тогда отмучиваться.

Из других новостей интересно, что найденная мною на очаге типично тарденаузской стоянки керамика (в Крыму), сходная с керамикой из кьёккенмёддингов, полностью повторилась на другой, правда развешанной, но также микролитической стоянке. Таким образом, у меня есть теперь от нее 3 днища типа <...>¹³⁰ и несколько шеек.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении.

Ваш Бор. Жуков.

№ 14

20.III.29 г.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Ваше письмо и перевод на 125 р. я получил. Расплатился с переводчиками, и теперь не знаю, какие расписки и кому адресованные нужно изготовить и выслать Вам, т.к. Вы об этом ничего не пишете.

Надеюсь, что Вы получили теперь работу Преображенского–Алиховой. Ваше сообщение относительно рисунков меня несколько озадачило. Дело в том, что во всех наших работах, кроме работы Толстова, даны рисунки нигде не опубликовавшиеся. Таким образом, если после того как рисунки будут сведены в таблицы, их окажется слишком много, придется Вам, очевидно, их сокращать по Вашему усмотрению, если это можно сделать, не нарушая стройности работ, значимость которых я усматриваю главным образом в том, что публикуется совершенно новый материал.

Я очень извиняюсь перед Вами за плохое качество переводов, но заказывал их в расчете на то, что Вы, как Вы писали мне, подвергнете их шлифовке. Конечно, мы будем все очень просить Вас прислать нам корректуры, дабы устранить все возможные ошибки в смысле каждой из работ.

Я питаю надежду, что мне удастся выехать в Берлин к 19.IV. на юбилей Арх[еологического] ин[ститу]та, который прислал мне любезное приглашение и даже принимает на себя расходы по поездке. Если это удастся, буду читать доклад о тарденаузских культурах Крыма и неолите в Средне-русской области. Быть может, и Вы будете там, так что нам удастся, наконец, познакомиться и о многом переговорить.

Очень рад, что сборник Спицына все-таки выйдет. Это, несомненно, послужит хорошим стимулом для ликвидации всех тех досадных осложнений, которые возникли в истекшие месяцы.

Примите уверение в моем совершенном к Вам уважении и преданности. Бор. Жуков

№ 15

[12.04.1929]

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

По-видимому, я приеду на юбилей Германского археологического института в Берлин и останусь на некоторое время после съезда в Германии. Таким образом, если я Вам буду нужен для чтения корректур в конце апреля или в мае, то придется направлять корректуры не в Москву, а в Германию. Я надеюсь, что и Вы приедете на юбилей, и если к тому времени будут готовы корректуры и клише, мы сможем совместно распланировать рисунки. Еще неизвестно, поеду ли я после Германии в Копенгаген, Стокгольм и Гельсингфорс, как бы это было мне нужно для некоторых научных работ.

Но если это осуществится, то, может быть, возвращаясь из-за границы в Москву, я попаду и в Финляндию (в июне) и тогда буду просить Вас оказать возможное содействие в отношении получения виз и устройства с работами.

Не откажите, пожалуйста, если Вы сами не поедете в Берлин, написать мне туда по адресу юбилейного бюро письмо с сообщением о ходе дела с изданием наших работ, а также посоветовать мне, к кому из берлинских коллег я мог бы обратиться за советами и помощью в деле наилучшей и быстрой ориентировки в музеях и библиотеках Германии в связи с научными работами по ознакомлению с материалами тех культур, которые входят в круг моих интересов. Быть может, если это Вас не затруднит, Вы напишете также от себя кому-нибудь просьбу оказать мне такое содействие, т.к. я в первый раз попадаю в Берлин и являюсь там совершенно чужим человеком.

Шлю Вам привет, наилучшие пожелания и надеюсь с Вами встретиться.

Уважающий Вас Бор. Жуков.

12.IV.29 г.

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Позвольте, прежде всего, поблагодарить Вас за присылку ESA IV и оттисков, количество которых меня очень обрадовало. Простите, что не имел возможности раньше написать Вам: нахожусь все время в разъездах по отрядам экспедиции и только на три дня теперь приехал в Москву. Как выяснилось здесь, я, по-видимому, поеду на IV Межд[ународный] конгресс в Барселону (в сентябре)¹³¹. Может быть, и Вы будете там. Так обидно, что не удалось с Вами встретиться в Гельсингфорсе: я уехал, вероятно, накануне Вашего приезда, но, к огромному сожалению, не мог оставаться больше ни одного дня. Финляндия была последнею страной в моем маршруте и поэтому волею-неволею пришлось так быстро проехать. Я был очень тронут тем сердечным приемом, который мне оказали проф. Айлио и д-ра Еуропеус¹³² и Нордман¹³³. Прошу Вас передать им мою сердечную благодарность за радушие и мой горячий привет¹³⁴.

Мне говорила А.В. Збруева о письме, полученном ею от Вас. Действительно, в статьях ESA IV много ошибок, которые придется как-нибудь исправлять. Очень большая неприятность выходит из-за ошибки в подписи статьи Горюновой. Она вышла подписанной лабораторией Института, тогда как в оригинале стояла лаборатория Центрального музея народоведения. Совершенно необходимо исправить эту досадную ошибку. Также и в статье Бадера стоит просто палео-лаборатория, когда должно быть «Лаборатории Ин[ститу]та и Областного музея Моск[овского] края». Все эти лаборатории, хотя и находятся под моим руководством, но представляют собою отделы разных учреждений, из которых каждое заинтересовано в авторстве по материалу и работам своих сотрудников. В мою работу вкрались как будто только две ошибки: на стр. 67 14-я строка снизу напечатано «euregieure», а надо «inferieure», а на стр. 81 (8-я строка) нет № страницы 81 в ссылке (раде...).

Очень жаль, что, вероятно, по техническим соображениям заключительная схема вышла такой мелкой и мало разборчивою.

В работах моих сотрудников из-за непрочитанных корректур (отчасти по их вине) порядочно ошибок, в особенности у Бадера. Например, в его 6-м рисунке профили сосудов (слева) напечатаны «кверху ногами». Фамилия Збруева напечатана Zdrujev, тогда как, напри[мер], Алихова – Alikhova, Горюнова – Goriounova.

Конечно, Вы сообщите нам, когда нужно будет Вам прислать исправления (это относится к сотрудникам, т.к. у меня лично, кроме указанных для моей работы, замечаний нет).

Завтра уезжаю на раскопки Языкова, где надеюсь поискать побольше материалов из нижнего слоя, а оттуда – на раскопки Н[иколо-]Перевозской стоянки¹³⁵. Копал в июне Сейму, пришел в ужас от разрезов, которые показали безобразие раскопок моих предшественников. Вскрыли мы довольно большую площадь исключительно с признаками стоянки¹³⁶. Нашли около двух пудов керамики и каким-то чудом уцелевший среди старых раскопов ножичек (бронзовый)¹³⁷ на маленьком, оставшемся нетронутым участке.

Думаю в Барселоне читать [доклад] о методике раскопок и о мегалитической культуре на С[еверном] Кавказе (район Геленжика), работы по которой в этом году развернутся. Выбрал последнюю тему как более близкую и интересную романским археологам.

Жду завтра сотрудниц Збруеву и Алихову с раскопок городища Грохань¹³⁸ и Свиногорья¹³⁹ (на Каме). Был там неделю тому назад. Узнал, что материалы с Грохани доставлял Нефедову крестьянин-кузнец, который рыл ямы не только на этом городище, но и на других памятниках по соседству и, конечно, соединил весь материал вместе¹⁴⁰. Мой разведочный отряд, прошедший р. Пижму (приток Вятки), нашел в одном могильнике бляху, которая по описанию близка к пьяноборским¹⁴¹. Другие отряды собрали довольно интересный материал по финнам районов Мокши и Пьяны¹⁴². Бадер копается сейчас на классическом Фатьяновском могильнике. Есть результаты¹⁴³. Осенью он будет продолжать исследование нового Мытищенского фатьяновского могильника в Иваново-Вознес[енской] губернии¹⁴⁴.

Ветлужские наши работы сейчас верстают. Из-за массы рисунков типография работает медленно. Однако надеемся к концу года выпустить.

Позвольте еще раз искренно поблагодарить Вас и надеяться на возможную встречу в Барселоне. Ваш преданный Бор. Жуков.

Примечания:

¹ Богданов Владимир Владимирович (1868–1949), этнолог, фольклорист, музейный деятель; см. подробнее: (Левин, 1949; Решетов, 2005; Керимова, 2018). В год написания письма (1924) директор Государственного музея Центрально-Промышленной области, заведующий Отделом восточных славян Центрального музея народоведения, хранитель Отдела этнографии Румянцевского музея, председатель Московского отделения Центрального бюро краеведения.

² Куфтин Борис Алексеевич (1892–1953), этнолог, археолог, академик АН Грузинской ССР; см. подробнее: (Дебеч, 1954; Джапаридзе, 1993; Алымов, Решетов, 2003). В 1920-е гг. наряду с Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером активно занимался исследованием памятников эпох неолита и бронзы Окского бассейна. Среди важнейших раскопанных им памятников – Льяловская стоянка, Подборновское поселение и др.

³ Городцов Василий Алексеевич (1860–1945), выдающийся русский и советский археолог, многолетний сотрудник РИМ–ГИМ, преподаватель МАИ и Народного университета им. А.Л. Шанявского, профессор 1 МГУ и МИФЛИ, один из организаторов археологической службы в Советской России; см. подробнее: (Жук, 2005; Белозёрова, Кузьминых, 2015).

⁴ Льяловская неолитическая стоянка, или стоянка Льялово 1, расположена в Солнечногорском р-не Московской обл. в верховьях р. Клязьмы; см. подробнее о памятнике и истории его изучения: (Король и др., 1995, № 1241).

⁵ Здесь и далее подчеркнутые фразы или их части выделены А.М. Тальгреном чертой слева на полях.

⁶ Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923), географ, антрополог, этнограф, археолог, публицист, общественный деятель; см. подробнее: (Богданов, 1941; Карпов, 1958; Алымов, 2004; Ефимова, 2009).

⁷ Схема (шкала) Блитта–Сернандера — последовательность климатических периодов Северной Европы позднего плейстоцена и голоцена, основанная на исследованиях торфяников Дании, которые провели норвежец Аксель Блитт (1876) и швед Рутгер Сернандер (1908). Их классификация была включена в последовательность пыльцовых зон, которую позднее разработал Леннарт ван Пост, один из основателей палинологии.

⁸ Кампиньи (Campany) – археологическая культура раннего и развитого неолита (VI–IV тыс. до н. э.) в Северо-Западной Европе (в основном на севере Франции и в Бельгии).

⁹ Svaerdborg (Свердборг) – памятник мезолитической культуры Маглемозе на острове Зеландия (Дания).

¹⁰ Kunda (Кунда) – памятник мезолитической культуры Кунда VIII–VI тыс. до н.э. (Эстония).

¹¹ Местоположение памятника выяснить не удалось.

¹² В Волосовском археологическом микрорайоне (Навашинский р-н Нижегородской обл.) выявлен ряд памятников (Николаенко, 2008, № 1105–1226). Старший и Младший Волосовские могильники локализируются на высоком правом берегу р. Велетьмы недалеко от места впадения ее в Оку. Первый из них В.А. Городцов располагает на холме «А», второй – на холме «В», а Волосовскую стоянку (давшую название известной археологической культуре неолита-энеолита) – на холме «С», т.е. территориально разграничивает эти памятники (Городцов, 1914). На холме «В» погребения Младшего Волосовского могильника прорезали культурный слой поселения с керамикой двух типов: «текстильной» эпохи поздней бронзы и ямочно-гребенчатой эпохи неолита (Попова, 1966, с. 45, 46; Кузьминых, Чижевский, 2006; 2006а). На поселении Волосово 1 исследованы три жилища полуземляночного типа: овальное в плане (раскопки В.А. Городцова 1910 г.) и четырехугольные (раскопки Б.С. Жукова в 1926–1927 гг. и И.К. Цветковой в 1950 г.) (Николаенко, 2008, с. 274). В.П. Третьяков (1990, с. 15) высказал предположение, что Городцов ошибся в определении формы сооружения, и связано это с неудачной методикой, а именно: выборкой заполнения первоначально выявленного контура котлована. Практика показала (Никитин, 1991, с. 15–19), что в песчаных грунтах верхние контуры жилищ волосовской культуры могут быть «размытыми», но при раскопках сплошной площадью ниже выявляются их четырехугольные очертания.

¹³ В современной черте г. Балахна в разные годы исследована свита поселений позднего неолита (Каменский, Спицын, 1903; Бадер, Воеводский, 1935; Николаенко, 2013, № 1545, 1546, 1548), из которых эпонимным является Балахнинское; см. подробнее о памятнике и истории его изучения: (Николаенко, 2013, № 1548).

¹⁴ Перново – стоянка на р. Пярну в Эстонии; см. подробнее: (Bliebernicht, 1924).

¹⁵ Культура гребенчатой керамики, или культура типичной гребенчатой керамики, выделена на материалах Финляндии, северо-запада России и стран Балтии; см. подробнее: (Лозе, 1984; Кузьминых, 2007а; Нордквист, Мёккёнен, 2015; Никитин, 2015).

¹⁶ После этого слова вставка А.М. Тальгрена над строкой – Eesti.

¹⁷ Наискосок всего предложения А.М. Тальгрена написал: SMYA XVIII–XIX, XXXII.

¹⁸ Пяльси Сакари (Pälsi Sakari) (1882–1965), финский археолог, этнограф, писатель, путешественник, доктор философии, профессор (1962); см. подробнее: (Sakari Pälsi... 2017).

¹⁹ Айлио Юлиус Эдвард (Ailio Julius) (1872–1933), финский геолог, археолог, политический деятель, с 1920 руководитель отдела доистории Национального музея, доцент Хельсинкского университета (1910–1926); см. подробнее: (Tallgren, 1933; 1936, S. 239–242; Filip, 1966, S. 13; Nordman, 1968, p. 50–53).

²⁰ Савицкий Людвик (Sawicki Ludwik) (1893–1972), польский археолог; см. подробнее: (Filip, 1969, S. 1215;

Trzeciakowski, 2010).

²¹ Б.С. Жуков упоминает известного шведского археолога Нильса Оберга (Nils Åberg) (1888–1957), профессора Стокгольмского университета, ученика О. Монтелиуса, соавтора типологического метода в археологии (см. о нем: Filip, 1966, S. 2, 3). Речь идет, возможно, о его книге (Åberg, 1918), но не исключено, что Жуков неправильно понял Савицкого и речь идет о книге Ю. Айлио (Ailio, 1922).

²² См. о работах Б.С. Жукова в Балахне (Жуков, 1922).

²³ См. о работах Б.С. Жукова на Сейминском поселении и могильнике в 1922 г. (Бадер, 1970, с. 89–91, 129–132).

²⁴ См. о сути конфликта с представителями городцовской школы (Платонова, 2010, с. 205–211). Расхождение теоретических и методических основ жуковской и городцовской школ стало предметом полемики Б.С. Жукова (1925б) и В.А. Городцова (1926) и их учеников (Пряхин, 1986, с. 110, 111). В начале 1929 г. была проведена дискуссия между двумя научно-студенческими кружками 1 МГУ, которыми руководили Городцов и Жуков. Ученики Городцова возражали против подмены понятия «археология» термином «палеоэтнология», отстаивали тезис о самостоятельности археологии в качестве одной из общественных наук.

²⁵ Спицын Александр Андреевич (1858–1931), выдающийся русский и советский археолог, многолетний сотрудник Императорской Археологической комиссии, РАИМК–ГАИМК), преподаватель Петербургского – Ленинградского университета, чл.-корр. АН СССР (1927). Изучал, систематизировал, публиковал древности России самых различных эпох; см. подробнее: (Тихонов, 2003; Платонова, 2004; 2010, с. 100–111).

²⁶ Финское Археологическое общество или ассоциация древностей было основано в 1870 г. по инициативе Й.Р. Аспелина; см. об истории общества в первые 50 лет его деятельности и в последующие годы: (Tallgren, 1920; 1936).

²⁷ «Русский антропологический журнал» издавался в Российской империи и СССР в 1900–1930 гг. Учредителем журнала стал антропологический отдел ИОЛЕАЭ при Московском университете. С 1932 г. взамен РАЖ стал выходить «Антропологический журнал». Обязанности главного редактора исполнял секретарь антропологического отдела А.А. Ивановский.

²⁸ С изображением этого кинжала А.М. Тальгрэн был знаком по схематическому рисунку в письме В.А. Городцова от 2.06.1917 г. (РО НБФ. Coll. 230.3).

²⁹ Этот план не осуществился.

³⁰ Муллеруп-Эртебелле – памятники североевропейских неолитических культур, локализованных в Дании. Одна из самых значительных мезолитических культур Европы – маглемозе – названа по торфянику, находящемуся близ г. Мулерупа (Зеландия), где в 1900 г. были обнаружены остатки древнего поселения. Название второй восходит к поселению, обнаруженному близ населенного пункта Эртебелле на берегу Лим-фьорда.

³¹ Термин подчеркнут А.М. Тальгреном.

³² Подчеркнуто А.М. Тальгреном.

³³ Эпоха кьёккенмёддингов, или куч кухонных отбросов, соответствуют, по Б.С. Жукову, началу атлантического периода (время Литорины) (Жуков, 1925, с. 73) или V–IV тыс. до н.э. Культура раковинных куч оставлена рыбаками и охотниками на морского зверя прибрежной полосы Европы от Португалии до Прибалтики.

³⁴ Эпоха маглемозе – мезолитическая культура VIII – 1 пол. VII тыс. до н. э., остатки которой первоначально были обнаружены на территории Дании. Культура Маглемозе, относящаяся ко времени Анцилового моря, соответствует пребореальному и бореальному периоду Балтики (Жуков, 1925, с. 73).

³⁵ Ориньякская культура – археологическая культура кроманьонцев раннего этапа позднего палеолита. Названа по раскопкам в пещере Ориньяк (Aurignac) в департаменте Верхняя Гаронна (Франция). Впервые выделена в начале XX в.

³⁶ Ефименко Петр Петрович (1884–1969), археолог, один из крупнейших исследователей палеолита в России и СССР, зав. сектором палеолита и неолита ГАИМК–ИИМК (1938–1950), директор ИА АН УССР (1946–1954), акад. АН УССР (1945); см. подробнее: (Формозов, 2002; Гаврилов и др., 2007; Кухарчук, 2015).

³⁷ См. подробнее о раскопках П.П. Ефименко в Костенках в 1923 г. (Ефименко, 1926а).

³⁸ Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич (1890–1943), археолог, антрополог, этнограф. Руководитель этнографических и археологических экспедиций в Крыму (1923–1933); открыл и исследовал погребение неандертальца в гроте Киик-Коба; разработал новую методику раскопок палеолитических памятников; одним из первых применил статистические методы изучения кремневой индустрии; создал хронологическую шкалу палеолита-мезолита Крыма; см. подробнее: (Платонова 1995; 2006).

³⁹ См. подробнее о раскопках Г.А. Бонч-Осмоловского в Крыму в 1924 г. (Бонч-Осмоловский, 1934; 1940).

⁴⁰ Пржедмостский человек – кроманьонцы верхнего палеолита, сохранившие некоторые неандерталоидные черты.

⁴¹ Подчеркнуто А.М. Тальгреном. Культуры тарденаузского облика – археологические культуры позднего мезолита на севере Франции, в Бельгии, Англии и Германии. Близкие культуры отмечаются на Пиренейском полуострове, в Центральной и Восточной Европе, включая европейскую часть России. Тарденаузская культура

выделена А. Мортилье в 1896 г. и названа по стоянкам в окрестностях г. Фер-ан-Тарденуа.

⁴² Стоянка Горшиха, или стоянка Балахна 3, – памятник эпохи мезолита в черте г. Балахна; назван по бывшей д. Горшиха; исследован Б.С. Жуковым в 1916 и 1921 гг.; каменные орудия выполнены в традициях бутовской культуры; см. о памятнике: (Николаенко, 2013, № 1547).

⁴³ Термин «протоморфная» в отношении каменной индустрии» явно заимствован Б.С. Жуковым из антропологии, и это не удивительно, памятуя о его базовом образовании на кафедре антропологии физико-математического факультета Московского университета.

⁴⁴ А.М. Тальгрэн слово подчеркнул, а поверх него поставил знак вопроса.

⁴⁵ Б.С. Жуков снова полемизирует с городцовой археологической школой, имея в виду прежде всего труды В.А. Городцова (1923; 1923а).

⁴⁶ Речь идет о раскопках В.А. Городцова на Туровском поселении в 1924 г. (Городцов, 1928).

⁴⁷ Бунак Виктор Валерьянович (1891–1979), антрополог, анатом, один из основателей советской антропологической школы, в 1923–1948 директор Института антропологии и заведующий кафедрой антропологии МГУ; см. подробнее: (Васильев, Урысон, 2004).

⁴⁸ Упоминаемые здесь и далее археологические коллекции Института антропологии хранятся поныне в собрании МА МГУ и используются в учебной практике и научных исследованиях студентов кафедры антропологии МГУ.

⁴⁹ Финский ученый, вероятнее всего, прислал некоторые оттиски своих статей, касающиеся научных интересов Б.С. Жукова; см. библиографию «русских» работ А.М. Тальгрена (Kivikoski, 1954а; Кузьминых, Салминен, 2015).

⁵⁰ Среди них, вероятно, присланы статьи (Жуков, 1924; 1924а; 1925), а также научно-популярные работы, вышедшие в первой половине 1920-х гг. (Жуков, 1923; 1924б; 1925а).

⁵¹ Подчеркнуто А.М. Тальгреном.

⁵² Речь идет об открытии поздняковской культуры позднего бронзового века. Эпонимный памятник – поселение Поздняково 1 выявлен О.Н. Бадеров в 1924 г., исследовался Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером в 1925 г. и Б.С. Жуковым и С.Ф. Преображенским в 1927 г.; см. подробнее: (Николаенко, 2008, № 1294).

⁵³ См. подробнее об инспекции раскопок Г.А. Бонч-Осмоловского в гроте Киик-Коба: (Городцов, 1928а; 2015, с. 198–209; Платонова, 2010, с. 173, 174).

⁵⁴ См. первую информацию об этих исследованиях: (Археологические... 1962, с. 27).

⁵⁵ См. информацию об этих работах: (Археологические... 1962, с. 31).

⁵⁶ Речь идет, вероятно, о поздненеолитическом Большекозинском 1 поселении, исследованном Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером в 1925 г.; см. подробнее: (Николаенко, 2013, № 1566).

⁵⁷ О.Н. Бадер продолжил раскопки Большекозинского 1 поселения и в дальнейшем опубликовал материалы памятника вместе с М.В. Воеводским (Бадер, Воеводский, 1935, с. 304, 307–312, 318–346).

⁵⁸ Действительно, этот номер журнала задержался с изданием: статья Б.С. Жукова увидела свет лишь через два года (Жуков, 1927).

⁵⁹ Речь идет о раскопках Поздняковского 1 поселения – эпонимного памятника культуры эпохи поздней бронзы (Бадер, 1927, с. 72; Археологические... 1962, с. 31).

⁶⁰ Речь идет о раскопках Б.А. Куфтиным Подборновского (Поповка 1) поселения; см. о памятнике: (Куфтин, 1927; Краснов, Михальченко, 1993, № 262).

⁶¹ См. подробности этой поездки в дневниках В.А. Городцова (2015, с. 198–209).

⁶² См. о кратких результатах работ Ветлужской экспедиции в 1925 г.: (Археологические... 1962, с. 30, 31).

⁶³ Синельников Николай Александрович (1885–1941), антрополог, ученик Д.Н. Анучина. С 1924 сотрудник кафедры антропологии, а с 1934 и Института антропологии МГУ. Инициатор развития МА МГУ как научно-просветительского учреждения; см. подробнее: (Балахонова, 2020). Фамилия А.М. Тальгреном подчеркнута.

⁶⁴ Воеводский Михаил Вацлавович (1903–1948), археолог, ученик Б.С. Жукова. С 1923 в Музее при Институте антропологии МГУ (от препаратора до зам. директора по научной работе), с 1933 параллельно в МО ГАИМК–ИИМК. Преподавал в МГУ. Возглавлял Среднеазиатскую (1928–1929), Окскую (1936), Самаркандскую (1939), комплексную Деснинскую экспедиции (1936–1948). Исследовал первоклассные палеолитические стоянки (Тимоновскую, Авдеевскую, Песочный Ров, Пушкарёвские и др.). Труды по палеолиту, мезолиту и неолиту Восточной Европы, истории древнего и средневекового гончарства, методике археологических исследований; см. подробнее: (Замятин, 1948; Белозёрова, Кузьминых, 2015).

⁶⁵ Марков Дмитрий Аркадьевич (1879–1968), педагог, краевед. В 1925 директор Ветлужского педагогического училища, председатель совета и заведующий музеем Ветлужского научного общества по изучению местного края; см. подробнее: (Молодцов, 1995).

⁶⁶ В примечании к статье Б.С. Жуков отмечает, что «в то время, как настоящая работа готовая к печати задержалась выходом в свет по условиям печатания, Б.А. Куфтин напечатал в «Трудах исследователей Рязанского края» «предварительный отчет» о раскопках 1923 года [Куфтин, 1925], опубликовав часть материалов по Льяловской стоянке» (Жуков, 1925, с. 37).

⁶⁷ Речь идет, вероятно, о книге (Tallgren, 1925a).

⁶⁸ Фраза подчеркнута А.М. Тальгреном.

⁶⁹ Чуркинский могильник (Шишка), расположенный близ д. Чуркино Балахнинского р-на Нижегородской обл., – грунтовый могильник, традиционно относящийся к фатьяновской культуре, но несущий явные традиции атликасинской культуры; см. подробнее: (Николаенко, 2013, № 1609).

⁷⁰ Слово подчеркнута А.М. Тальгреном.

⁷¹ См. подробнее о поселении Паново городище: (Комаров, 1999, № 512). Для «Трудов Антропологической комплексной экспедиции» Б.С. Жуков подготовил статью «Культура стоянки пережиточного каменного века «Паново городище». После ареста Жукова типографский набор сборника в итоге был рассыпан. На руках у ряда авторов сохранилась его верстка, а сами материалы статьи в том или ином виде вошли в публикации О.Н. Бадера (1951; 1951a).

⁷² Нефёдов Филипп Диомидович (1848–1902), революционер-народоволец, археолог, этнолог, писатель и публицист; см. подробнее: (Никольский, 1903; Евгеньев, 2018, с. 139, 140).

⁷³ Основной комплекс материалов Одоевского городища относится к вятско-ветлужской культуре АКЦИО; см. подробнее о памятнике: (Бадер, 1951, с. 114–134; Комаров, 1999, № 515).

⁷⁴ Основной комплекс материалов городища Русениха относится к вятско-ветлужской культуре АКЦИО; см. подробнее о памятнике: (Бадер, 1951, с. 144–146; Николаенко, 2013, № 1971).

⁷⁵ Речь идет о Федоровском (Чортовом) городище, нижний культурный слой которого содержит материалы вятско-ветлужской культуры АКЦИО; см. подробнее: (Бадер, 1951, с. 135–140; Николаенко, 2013, № 1811).

⁷⁶ Соотносится с материалами древнемарийской культуры.

⁷⁷ Речь идет о Большепольском (Большое Поле) марийском могильнике в Воскресенском р-не Нижегородской обл.; датируется 17 – нач. 18 в.; см. подробнее: (Археологические... 1962, с. 30; Никитина, 2002; Николаенко, 2013, № 1947).

⁷⁸ Поверх строки финский археолог написал скорописью фамилии ряда европейских археологов, которых, по-видимому, рекомендовал Б.С. Жукову для установления контактов. Читаются фамилии Niklasson, Kossinna, Mahr, Fr. J., Lindqvist, Janse, Brøgger. Нильс Никлассон (Nils Niklasson, 1890–1966), шведский археолог, работавший тогда в Галле (Германия); Густав Коссинна (Gustaf Kossinna, 1858–1931), известный немецкий археолог, филолог, историк, профессор Берлинского университета; Адольф Мор (Adolf Mahr, 1887–1951), австрийский археолог, в то время сотрудник Венского музея естественной истории, с 1927 г. старший хранитель древностей Национального музея Ирландии в Дублине; Фр. J., вероятно, Кнуд Фриис Йохансен (1887–1971), датский археолог-классик, с 1926 г. профессор археологии Копенгагенского университета; Суне Линдквист (Sune Lindqvist, 1887–1976), шведский археолог, с 1927 г. профессор археологии университета Упсалы; Янсе – Отто Янсе (Otto Janse, 1867–1957), археолог из Исторического музея в Стокгольме, исследователь средневековых культур, или его племянник Олов Янсе (Olov Janse, 1892–1985), в то время археолог в St. Germain-en-Laye (Франция), исследователь предыстории Азии; Антон Вильгельм Брёггер (Anton Wilhelm Brøgger, 1884–1951), норвежский археолог, профессор скандинавской археологии и директор Исторического музея в университете Осло.

⁷⁹ См. краткую информацию о работах Антропологической комплексной экспедиции в 1926 г.: (Археологические... 1962, с. 38–40).

⁸⁰ Речь идет о стоянке Супонево; см. подробнее: (Археологические... 1962, с. 38; Кашкин, 1993, № 41).

⁸¹ См. о работах в Волосово и Большом Козине: (Археологические... 1962, с. 38).

⁸² Бадер Отто Николаевич (1903–1979), археолог, специалист по археологии каменного и бронзового веков Восточной Европы, ученик В.А. Городцова и Б.С. Жукова, в 1920-е ближайший сотрудник Б.С. Жукова по работам Ветлужской и Антропологической комплексной экспедиций; см. подробнее: (Крайнов, 1975; Мельникова, 2003; Кузьминых, 2004).

⁸³ Речь идет о раскопках поселения Пировы городища (в литературе упоминается и как Пирово городище); см. о памятнике: (Бадер, 1927; Bader, 1929; Археологические... 1962, с. 38; Зимина и др., 1995, № 91), а также о поселении Холомониха, или Липовская усадьба; см. подробнее: (Бадер, 1927; Bader, 1929; Зимина и др., 1995, № 75).

⁸⁴ Речь идет о раскопках стоянки Владычинская-Береговая I; см. подробнее: (Краснов, Михальченко, 1993, № 316).

⁸⁵ См. краткую информацию (Археологические... 1962, с. 39) и публикацию материалов этих могильников (Alikhova, Preobraženski, 1929; Goriounova, 1929; Алихова, 1948; Горюнова, 1948; 1948a).

⁸⁶ Эта работа готовилась Б.С. Жуковым и М.В. Воеводским для «Трудов Антропологической комплексной экспедиции». В кратком виде ее итоги были подведены в статье М.В. Воеводского (1951).

⁸⁷ Речь идет об Ананьинском могильнике (Археологическая карта... 1983, № 793), но не ананьинской культуре.

⁸⁸ Котловский могильник – памятник классической ананьинской культуры (шнуровой керамики) АКЦИО; см. подробнее: (Археологическая карта... 1983, № 762).

⁸⁹ См. о распространении каменных сверленных топоров в бассейне Ветлуги (Соловьев и др., 2012, рис. 1).

⁹⁰ Слово подчеркнуто А.М. Тальгреном.

⁹¹ См. подробнее о деятельности Б.С. Жукова на посту руководителя археологического подотдела Главнауки НКП РСФСР: (Сорокина, 2016).

⁹² Замятнин Сергей Николаевич (1899–1958), археолог. Археологическую деятельность начал в Воронеже: зав. археологическим отделом губернского музея, инструктор по делам музеев и охране памятников ГубОНО. С 1924 г. в Ленинграде: аспирант (1926–1929), сотрудник ГАИМК–ИИМК, преподавал в ЛГУ и ЛИФЛИ. В 1933 возглавил отдел археологии ИАЭ–ИАЭА. Один из создателей журнала «Советская археология». Открыл выдающиеся памятники палеолита на территории СССР (Гагарино, Костёнки, Сатани-Дар и др.). Труды по палеолиту Русской равнины и Закавказья; см. подробнее: (Гаврилов, Тихонов, 2008; Бухтоярова, 2013).

⁹³ Ильская многослойная стоянка эпохи среднего палеолита рассматривается в настоящее время как один из опорных памятников для изучения культур восточного Микока; см. подробнее: (Щелинский, 2009).

⁹⁴ Речь идет о Гагаринской палеолитической стоянке: (Замятнин, 1935; Археологические... 1962, с. 49).

⁹⁵ См. об этих работах П.П. Ефименко: (Ефименко, 1926; Археологические... 1962, с. 37, 38).

⁹⁶ См. о работах Бонч-Осмоловского в Крыму: (Археологические... 1962, с. 33, 34).

⁹⁷ См. об этих работах: (Сосновский, 1934; Археологические... 1962, с. 35).

⁹⁸ Сосновский Георгий Петрович (1899–1941), археолог, ученик Б.Э. Петри и Г. Мергарта, в 1930-е играл ведущую роль в изучении палеолита Сибири, автор многих трудов о древностях Азиатской части СССР разных эпох; см. подробнее: (Китова, 2010; Вдовин и др., 2012).

⁹⁹ Г.П. Сосновский в 1926 г. поступил в аспирантуру Института антропологии 1 МГУ, но в 1927 г. оставил ее, став сотрудником ГАИМК в Ленинграде.

¹⁰⁰ Речь идет о длительной научной поездке А.М. Тальгрена 1928 г., когда летом того года финский археолог и его ученик Нильс Клеве совершили путешествие по маршруту Ленинград – Москва – Ростов Великий – Нижний Новгород – Казань – Сарапул – Пермь – Самара – Саратов – Покровск – Воронеж – Владикавказ – Тбилиси – Пятигорск – Днепропетровск – Херсон – Одесса – Киев – Чернигов – Петрозаводск (Kivikoski, 1954, р. 105, 106).

¹⁰¹ Горюнова Екатерина Ивановна (1902–1995), археолог, ученица Б.С. Жукова, специалист по археологии поволжско-финских народов эпохи средневековья; см. подробнее: (Смирнов, 1996).

¹⁰² Информация о работах Б.С. Жукова по дольменам в районе Новороссийска не нашла отражения в трудах В.И. Марковина (1979) и других исследователей.

¹⁰³ Здесь и далее в этом предложении А.М. Тальгрэн двумя чертами подчеркнул фамилии рекомендованных авторов.

¹⁰⁴ Збруева Анна Васильевна (1894–1965), археолог. Окончила ФОН 1 МГУ (1925), ученица В.А. Городцова и Б.С. Жукова. С 1925 в ГИМ (внештатный сотрудник), в 1931–1936 в Музее народоведения и Музее антропологии при МГУ, с 1936 в МО ИИМК–ИИМК–ИА АН СССР. Труды по археологии бронзового и раннего железного веков Волго-Уралья; см. подробнее: (Тихонов, Бадер 1967).

¹⁰⁵ Алихова Анна Епифановна (1902–1989), археолог, ученица Б.С. Жукова, специалист по археологии раннего железного века центра Русской равнины, средневековой мордвы, золотоордынского города Мохша; см. подробнее: (Воронина, 2003; Белозёрова, Кузьминых, 2015а).

¹⁰⁶ Толстов Сергей Павлович (1907–1976), этнолог, археолог, историк, востоковед, ученик Б.С. Жукова, в 1920-е автор трудов по этнографии народов центра Русской равнины; см. подробнее: (Рапопорт, Семенов, 2004; Неразлик, 2004; Алымов, 2007).

¹⁰⁷ Слева на полях А.М. Тальгрэн прописал номера 1–7, обозначив количество статей, предложенных для спицынского сборника Б.С. Жуковым.

¹⁰⁸ См. краткую информацию об этих работах: (Археологические... 1962, с. 38, 39).

¹⁰⁹ А.М. Тальгрэн обратил внимание на «не» и подчеркнул частицу.

¹¹⁰ Речь идет о накольчатой керамике, которая в работах Д.А. Крайнова будет отнесена к раннеэнеолитической верхневолжской культуре (Крайнов, Хотинский, 1977; Крайнов, 1996).

¹¹¹ Речь идет о нашумевшем «деле академика Жебелёва» и о резонансе, которое оно вызвало в СССР и за рубежом; см. подробнее: (Тункина, 2000).

¹¹² Эдинг Дмитрий Николаевич (1887–1946), археолог, геолог, выпускник МАИ (1910), ученик В.А. Городцова, с 1918 сотрудник РИМ–ГИМ, исследователь Уницкой палеолитической стоянки и Сарского городища на Верхней Волге, Горбуновского и Кировоградского торфяников на Среднем Урале; см. подробнее: (Смирнов, 1953; Аграфонов и др., 2009, с. 88–92; Устинова, Чаиркина, 2015).

¹¹³ Граков Борис Николаевич (1899–1970), археолог, историк-антиковед, ученик М.М. Покровского и Н.И. Новосадского. Работал в ГИМ (1919, 1921–1929), ИАИ РАНИОН (1928–1931), МО ГАИМК–ИИМК (1931–1953), преподавал в МИФЛИ (1933–1941), МГУ (1922–1924, 1941–1969). Создал в 1940–1960-е московскую школу скифо-сарматской археологии. Труды по археологии раннего железного века, классической филологии и античной керамической эпиграфике; см. подробнее: (Кузьминых 2007; Плешивенко 2011).

- ¹¹⁴ В дате письма Б.С. Жуков допустил опечатку: судя по его содержанию, оно написано 3.01.1929 г.
- ¹¹⁵ Так и вышло: статьи А.В. Збруевой и О.Н. Бадера в ESA IV опубликованы на немецком языке, Б.С. Жукова и других его учеников – на французском.
- ¹¹⁶ Вышла в сокращенном виде в 1951 г. (Бадер, 1951).
- ¹¹⁷ Текст о Пановской стоянке использовался в ряде работ О.Н. Бадера (1951; 1951а).
- ¹¹⁸ Вышла в сокращенном виде в 1951 г. (Воеводский, 1951).
- ¹¹⁹ Опубликованная версия этой статьи не выявлена.
- ¹²⁰ Опубликованы лишь тезисы этой статьи (Жуков, 1929а).
- ¹²¹ Издание первой монографии (Б.С. Жуков и О.Н. Бадер. Поздняковская культура Муромского уезда, Владимирской губернии) уже анонсировалось (Материалы... 1927, с. 93, обложка), но не состоялось.
- ¹²² См. об этих работах: (Археологические... 1962, с. 39; Бадер, 1970, с. 91, 92).
- ¹²³ Единственное письмо, которое носит официальный характер: слева сверху угловой штамп Антропологического им. Д.Н. Анучина института, исходящий номер 5, от 16.01.1929 г.
- ¹²⁴ Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич (1872–1947), революционер, партийный деятель, историк, в 1928–1929 начальник Главнауки.
- ¹²⁵ Марр Николай Яковлевич (1864–1934), филолог, историк, востоковед, этнограф, археолог, акад. ПАН (1912), вице-президент АН СССР (1930–1934), руководитель РАИМК–ГАИМК (1919–1934), Института яфетидологических исследований АН СССР (1921–1934), публичной библиотеки в Ленинграде (1924–1930); см. подробнее: (Миханкова, 1948; Платонова, 1998; Алпатов, 2004).
- ¹²⁶ ESA III – важный для Б.С. Жукова том со статьями А.М. Тальгрена (Tallgren, 1928; 1928а; 1928b), Б.Н. Гракова (Grakov, 1928), М.Х. Шмидехельм (Schmiedehelm, 1928), Н.Н. Бортвина (Bortvin, 1928), А.А. Захарова (Zakharov, 1928), Г. Рэнка (Ränk, 1928) и рецензиями А.М. Тальгрена о новейших трудах по археологии Северной Евразии; см. их перечень: (Kivikoski, 1954а, р. 144).
- ¹²⁷ Речь идет о международной конференции в Берлине, посвященной 100-летию Германского археологического института (Дложевский, 1929).
- ¹²⁸ В итоге Всесоюзный археологический съезд, в организацию которого так много сил вложил В.А. Городцов, на рубеже 1920–1930-х гг. не состоялся; см. подробнее: (Вдовин и др., 2008; Серых, 2014).
- ¹²⁹ Речь, по-видимому о докладе Б.С. Жукова на пленуме ГАИМК.
- ¹³⁰ Далее помещена схема днища сосуда с шиповидным завершением.
- ¹³¹ Речь идет о IV Международном конгрессе археологов, состоявшемся в Барселоне в сентябре 1929 г.; см. подробнее: (Boletín... 1930).
- ¹³² Европеус (Эйряляя) Арне (Europaеus, Äyгäräа Aarne Elias) (1887–1971), финский археолог, профессор Хельсинкского университета (1938–1954), многолетний сотрудник Национального музея Финляндии, автор трудов о культурах неолита и раннего металла Фенноскандии и Восточной Европы; см. подробнее: (Брюсов, 1964; Nordman, 1968, S. 56–58; Aarne Äyгäräа... 1989).
- ¹³³ Нордман Карл (Nordman Carl Axel) (1892–1972), финский археолог; см. подробнее: (Meinander, 1991; Salminen, 2014, р. 39–41, 50–63).
- ¹³⁴ В дни пребывания Б.С. Жукова в Хельсинки интерес к его личности проявляли специальные службы Финляндии. Востоковед Гарри Гален (Harry Halen) натолкнулся в архивных материалах на показания одного из видных финских этнологов о беседах с Жуковым с изложением его взглядов на текущие события в СССР (устное сообщение Гарри Галена).
- ¹³⁵ Стоянка Николо-Перевоз 1, или поселение Сущево 1, – памятник неолита, бронзового и раннего железного веков; см. подробнее: (Король и др., 1995, № 1308).
- ¹³⁶ См. описание этих работ Б.С. Жукова в: (Бадер, 1970, с. 91, 92).
- ¹³⁷ См. его изображение: (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 58: 5).
- ¹³⁸ Городище Грахань – памятник раннего железного века и средневековья; см. подробнее: (Археологическая карта... 1981, № 725; Чижевский, Хисаметдинова, 2020, с. 170–175).
- ¹³⁹ Современное наименование Свиногорское 2 (Каравашек) городище – памятник раннего железного века; см. подробнее: (Археологическая карта... 1981, № 759; Чижевский, Хисаметдинова, 2020, с. 175–178).
- ¹⁴⁰ Согласно этой информации Б.С. Жукова, а также изложенной в статье А.В. Збруевой (1947) медные и бронзовые орудия эпохи раннего металла, которые причислены к находкам с Грохани, следует рассматривать как происходящие из района городища Грохань, но не из самого памятника.
- ¹⁴¹ Речь идет, по-видимому, об украшении времени азелинской культуры. На Пижме отмечены могильники Кочергинский и около д. В. Покста и Худякова (Археологические... 1962, с. 39).
- ¹⁴² Речь идет, вероятно, о работах А.Е. Алиховой.
- ¹⁴³ Могильник Фатьяново – несохранившийся эпонимный памятник, давший название фатьяновской культуре бронзового века; см. подробнее: (Археологические... 1962, с. 39; Комаров, 2005, № 70).

¹⁴⁴ См. подробнее о памятнике: (Археологические... 1962, с. 39; Бадер, 1959).

ЛИТЕРАТУРА

- Аграфонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В.* История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009. 287 с.
- Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б.* Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии Московского государственного университета: Палеолит – современная эпоха: [Каталог]. М.: МГУ, 1986. 223 с.
- Алихова А.Е.* Пережчалкинский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1948. С. 173–210.
- Алихова А.Е.* Старосотенский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1948а. С. 212–258.
- Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 282 с.
- Алымов С.С.* Д.Н. Анучин: «Естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 7–48.
- Алымов С.С.* На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 125–144.
- Алымов С.С., Решетов А.М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы Вып. 2 / Сост., отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 227–268.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с.
- Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель / ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.
- Бадер О.Н. и Воеводский М.В.* Стоянки Балахнинской низины // Бадер О.Н., Воеводский М.В., Дмитриев П.А., Зубарева А.В., Третьяков П.Н., Шмидт А.В. Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. С. 298–346.
- Бадер О.Н.* Краткая информация о палеоэтнологических полевых исследованиях Государственного музея Центрально-Промышленной области // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е Совещание палеоэтнологов Центрально-Промышленной области 27–29 мая 1926 года / Отв. ред. Б.С. Жуков, О.Н. Бадер. М.: Гос. музей ЦПО, 1927. С. 69–73.
- Бадер О.Н.* Городища Унжи и Ветлуги // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 110–158.
- Бадер О.Н.* Древнее Поволжье в связи с вопросом этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951а. № 2. С. 15–41.
- Бадер О.Н.* Мытищинский могильник фатьяновского типа // КСИИМК. Вып. 75 / Отв. ред. Т. С. Пассек. М.: АН СССР, 1959. С. 143–153.
- Бадер О.Н.* Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. 1968. № 4. С. 234–238.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
- Бадер О.Н., Бунак В.В.* Памяти Б.С. Жукова // Вопросы антропологии. 1963. № 15. С. 146–148.
- Балахонова Е.И.* Синельников Николай Александрович (1885–1941). К 135-летию со дня рождения // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 4. С. 129–137.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.* Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: Триумф принт, 2015. С. 14–85.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.* Научное наследие М.В. Воеводского и А.Е. Алиховой (по материалам ОПИ ГИМ) // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания: Тез. докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН, 2015а. С. 8–10.
- Богданов В.В.* Дмитрий Николаевич Анучин: Антрополог и географ (1843–1923). М.: МОИП, 1941. 68 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* Письма М.И. Ростовцева А.М. Таллыгрину // Скифский роман / Ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. С. 501–515.

Бонч-Осмоловский Г.А. Итоги изучения крымского палеолита // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Вып. 5 / Ред. Д.А. Петровский и др. М.–Л.: Гос. науч.-техн. геол.-развед. изд-во, 1934. С. 114–183.

Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба / Палеолит Крыма. Вып. 1. М.–Л.: АН СССР, 1940. 266 с.

Брюсов А.Я. Арне Европеус Эйрпяя // СИЭ. 1964. Т. 5.

Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК, 2013. 23 с.

Васильев С.В., Урысон М.И. Виктор Валерианович Бунак: патриарх отечественной антропологии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 233–260.

Вдовин А.С., Детлова Е.В., Макаров Н.П. «Я только еще учусь работать, и каждый Ваш совет и в особенности критические замечания послужат мне только на пользу»: Г.П. Сосновский в 1918–1922 гг. // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПбФ АРАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 104–123.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В. Из истории организации общесоюзного археологического съезда (1920-е гг.) // Из истории отечественной археологии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 108–124.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Воронина Р.Ф. Анне Епифановне Алиховой 100 лет // РА. 2003. № 3. С. 166–168.

Гаврилов К.Н., Кузьминых С.В., Тихонов И.Л. Ефименко Петр Петрович // БРЭ. 2007. Т. 9. С. 712–713.

Гаврилов К.Н., Тихонов И.Л. Замятнин Сергей Николаевич // БРЭ. 2008. Т. 10. С. 229.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // ДТМАО. Т. XXIV. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Сопко, 1914. С. 40–216.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. М.: Синод. тип., 1915. С. 121–226.

Городцов В.А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.–Пг.: Гос. изд-во, 1923. 397 с.

Городцов В.А. Археологическая классификация // Никольский В.К. Очерк первобытной культуры. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923а. С. 5–18.

Городцов В.А. Археологическая классификация: (Объяснительный текст к 2 таблицам классификации). М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 1 с.

Городцов В.А. Письмо в редакцию. Ответ Б.С. Жукову // Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 462–464.

Городцов В.А. Типологический метод в археологии / Общество исследователей Рязанского края. Серия методическая. Вып. 6. Рязань, 1927. 9 с.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1927а. Стлб. 610–626.

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // ТСА РАНИОН. 1928. Т. II. С. 46–60.

Городцов В.А. Галичские клад и стоянка // ТСА РАНИОН. 1928а. Т. III. С. 13–54.

Городцов В.А. К определению древности мезолитической стоянки в пещере Киик-Коба // ИТОАИЭ. Т. 2 (59) / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1928а. С. 33–38.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: Триумф принт, 2015. 687 с.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944. М.: Триумф принт, 2015а. 695 с.

Горюнова Е.И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1948. С. 6–55.

Горюнова Е.И. Коринский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1948а. С. 56–87.

Дебец Г.Ф. Памяти Б.А. Куфтина [1892–1953] // СЭ. 1954. № 1. С. 166–168.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Малов Н.М. П.С. Рыков и П.Д. Рау в зеркале переписки с учеными Западной Европы (А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Э.Х. Миннз, Т. Арне) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2019. С. 224–298.

Джапаридзе О.М. К 100-летию со дня рождения академика Б.А. Куфтина // РА. 1993. № 3. С. 246–249.

Дложевський С.С. 1-й Міжнародний з'їзд археологів у Берліні // Україна. 1929. Кн. 6. С. 173–175.

Доктуровский В.С. Определение возраста Льяловской стоянки по пыльце в торфе // Труды Антропологического института. Вып. I / Приложение к Русскому антропологическому журналу. Т. XIV, вып. 1–2 / Ред. В.В. Бунак. М., 1925. С. 83–84.

Евгеньев А.А. История Оренбургской археологии. Т. 1. XVIII век – начало XX века. Оренбург: ОГАУ, 2018. 364 с.

Ефименко П.П. Средне-Волжская экспедиция [1926 г.] // Сообщения [РАИМК]. 1926. Т. 1. С. 318–319.

Ефименко П.П. Экспедиции по изучению палеолитических культур // Сообщения [РАИМК]. 1926а. Т. 1. С. 319–320.

Ефимова С.Г. Д.Н. Анучин – «собиратель русской науки» // Антропология. 2009. № 1. С. 5–16.

Жук А.В. Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: ОмГУ, 2005. 535 с.

Жуков Б.С. Древнейшие строители из камня и дерева. М.: Знание, 1925а. 55 с.

Жуков Б.С. Неолитическая дюнная стоянка близ гор. Балахны // Русский антропологический журнал. 1922. Т. XII. Кн. 1–2. С. 110–119.

Жуков Б.С. Происхождение человека. Пг.–М.: Френкель, 1923. 152 с.

Жуков Б.С. Доисторические культуры Нижегородского края // Краеведческий сборник Т. 1 / Ред. С.И. Архангельский и др. Нижний Новгород: Изд. Нижегород. пед. ин-та, 1924 (обл. 1925). С. 69–86.

Жуков Б.С. К вопросу о древнейших насельниках Прибалтики в связи с некоторыми проблемами неолита Восточной Европы // Русский антропологический журнал. 1924а. Т. XIII. Вып. 3–4. С. 229–246.

Жуков Б.С. Первые шахтеры и металлисты. М.: Знание, 1924б. 39 с.

Жуков Б.С. Неолитическая стоянка вблизи с. Льялова, Москов. уезда // Труды Антропологического института. Вып. I / Ред. В.В. Бунак. М., 1925. С. 37–78. (Прилож. к РАЖ. Т. XIV, вып. 1–2.)

Жуков Б.С. Рец.: Городцов В.А. Археология. Т. I. Каменный период // Печать и революция. Кн. 8. М.: Госиздат, 1925б. С. 206–209.

Жуков Б.С. Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918–1925 гг. // Этнография. 1926. № 1–2. С. 179–192.

Жуков Б.С. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова Московского уезда // Русский антропологический журнал. 1927. Т. 16. Вып. 1–2. С. 58–75.

Жуков Б.С. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской яйле в июне 1927 г.: (Предварительное сообщение) // Крым. 1927а. № 2 (4). С. 99–107.

Жуков Б.С. Из методологии изучения культур стоянок и городищ (автореферат) // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е Совещание палеоэтнологов Центрально-Промышленной области 27–29 мая 1926 года / Отв. ред. Б.С. Жуков, О.Н. Бадер. М.: Гос. музей ЦПО, 1927б. С. 13–18.

Жуков Б.С. Археология // Общественные науки в СССР 1917–1927 / Ред. В.П. Волгин, Г.О. Гордон, И.К. Луппола. М.: Работник просвещения, 1928. С. 90–100.

Жуков Б.С. Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического Института (1925–1927) // Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ. 1928. Т. 1. Вып. 1–2. С. 264–286.

Жуков Б.С. Задачи изучения национальных меньшинств Нижегородского края // Труды Третьей губернской конференции по изучению производительных сил Нижегородской губернии / Производительные силы Нижегородской губернии. Вып. 8 / Ред. С.С. Станков. Н. Новгород: Тип. Нижполиграф, 1928б. С. 320–340

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1. С. 54–77.

Жуков Б.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп: (По материалам волго-финских погребенных культур) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной обла-

сти: (Этнологические исследования и материалы): 2-е совещание этнологов ЦПО. 7–10 декабря 1927 г.) / Ред. В.В. Богданов и С.П. Толстов. М.: Гос. музей ЦПО, 1929а. С. 31–35.

Замятнин С.Н. Раскопки у села Гагарина (верховья Дона, Центрально-Черноземная область) // Палеолит СССР / Известия ГАИМК. Вып. 118 / Отв. ред. А.Н. Ауэрбах. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 26–77.

Замятнин С.Н. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского (1903–1948) // СА Т. XII / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 213–216.

Збруева А.В. Городище Грохань // КСИИМК. Вып. XVI / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 52–64.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Зими́на М.П., Краснов Ю.А., Леонтьев А.Е., Михайлова Л.А., Самойлович Н.Г., Седова М.В. Археологическая карта России. Владимирская область. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.

И жизнь, и слезы, и любовь... / сост. А.Г. Плешивенко. Запорожье: «ЛИПС» ЛТД, 2011. 368 с.

Каменский В.И., Спицын А.А. Раскопки близ г. Балахны // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб, 1903. С. 94–103.

Карпов Г.В. Путь ученого: очерки жизни, научной и общественной деятельности Д.Н. Анучина. М.: Географгиз, 1958. 343 с.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Брянская область. М.: ИА РАН, 1993. 304 с.

Комаров К.И. Археологическая карта России. Костромская область. М.: Восточная литература, 1999. 368 с.

Король Г.Г., Николаенко Т.Д., Чернов С.З., Янишевский Б.Е. Археологическая карта России. Московская область. Часть 2. М.: ИА РАН, 1995. 272 с.

Керимова М.М. Фонд В.В. Богданова в научном архиве Института этнологии и антропологии РАН // Кубанские исторические чтения: Матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Н.П. Курусканова, Б.В. Улезко. Краснодар: ИЭА РАН, 2018. С. 209–213.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.

Китова Л.Ю. Георгий Петрович Сосновский // РА. 2010. № 3. С. 146–153.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения. Школы и личности. Т. 2. Археология советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. 640 с.

Крайнов Д.А. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зими́на. М.: Наука, 1975. С. 5–13.

Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 166–173.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 42–68.

Краснов Ю.А., Михальченко С.Е. Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1993. 270 с.

Кузнецов А.А. Новые материалы к биографии Б.С. Жукова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 238–244.

Кузьминых С.В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004. № 4. С. 142–150.

Кузьминых С.В. Граков Борис Николаевич // БРЭ. 2007. Т. 7. С. 611.

Кузьминых С.В. Гребенчато-ямочной керамики культура // БРЭ. 2007а. Т. 7. С. 653.

Кузьминых С.В. А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // Тверской археологический сборник. Вып. 8 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 5–27.

Кузьминых С.В. «Монтелиус» туркестанских степей: переписка М.П. Грязнова и А.М. Тальгрена (1926–1930 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 122–141.

Кузьминых С.В. А.М. Тальгрэн и археология Сибири // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе Т. III. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2017. С. 149–153.

Кузьминых С.В. Галичский «клад»: историографический этюд // Прочнее меди. Сборник статей к 80-летию В.А. Дергачева / Отв. ред. Л.В. Дергачева. Кишинев: Stratum Plus, 2023. С. 495–504.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрэн и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41.

Кузьминых С.В., Салминен Т. (сост.). Список опубликованных работ А.М. Тальгрэна, связанных с проблематикой русской и советской археологии // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 43–49.

Кузьминых С.В., Салминен Т. А.М. Тальгрэн – редактор журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 40–44.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений // РА. 2014. № 4. С. 145–154.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн: от диалога к разрыву отношений // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. V / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2015. С. 167–170.

Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всесоюзное археологическое совещание 1945 г. как ключевой фактор послевоенного развития советской археологии // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-г годов): Матер. междунар. науч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 36–37.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н. «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!»: (Хельсинкская коллекция писем Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрэну) // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы: Сборник в честь 60-летия И.В. Манзуры / Отв. ред. С.Терна, Б. Говедарица. Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 379–427.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 162–170.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Младший Волосовский могильник: к истории проблемы // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006а. С. 28–31.

Куфтин Б.А. Льяловская неолитическая культура на р. Клязьме в Московском уезде и ее отношение к окскому неолиту Рязанской губернии и раннеолитическим культурам Северной Европы: Предварительный отчет о раскопках 1923 г. // К материалам по археологии Рязанского края / Труды Общества исследователей Рязанского края. Вып. 5. Рязань: Гостиполит, 1925. С. 17–39.

Куфтин Б.А. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губернии // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е Совещание палеоэтнологов Центрально-Промышленной области 27–29 мая 1926 года / Отв. ред. Б.С. Жуков, О.Н. Бадер. М.: Гос. музей ЦПО, 1927. С. 45–48.

Кухарчук Ю.В. Ефименко Петр Петрович (1884–1969) // Институт археології Національної академії наук України. 1918–2014 / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ: АДЕФ-Україна, 2015. С. 300–304.

Левин М.Г. Владимир Владимирович Богданов (К 80-летию со дня рождения) // СЭ. 1949. № 1. С. 161–162.

Линдгольм В.К. Моллюски из слоев торфяника близь села Льялова, Москов. уезда, содержащих стоянку неолитического человека // Труды Антропологического института. Вып. I / Ред. В.В. Бунак. М., 1925. С. 85–90. (Прилож. к РАЖ. Т. XIV, вып. 1–2.)

Лозе И.А. Памятники гребенчато-ямочной керамики в Восточной Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наука, 1984. С. 28–34.

Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.

Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е Совещание палеоэтнологов Центрально-Промышленной области 27–29 мая 1926 года / ред. Б.С. Жуков и О.Н. Бадер. М.: Гос. музей ЦПО, 1927. 94 с.

Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.) / МИКВАЭ. Т. 7. Ижевск: УдГУ, 2003. 180 с.

Мещеряков Д.П. Торфяник у села Льялова, как место неолитической стоянки // Труды Антропологического института. Вып. I / Ред. В.В. Бунак. М., 1925. С. 79–82. (Прилож. к РАЖ. Т. XIV, вып. 1–2.)

Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.: АН СССР, 1948. 450 с.

Молодцов В.М. Ветлужский краевед Д.А. Марков // Ветлужская сторона. Вып. 1. Кострома: ДиАр, 1995. С. 95–99.

Неразлик Е.Е. Сергей Павлович Толстов (1907–1976) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. С. 462–484.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 152 с.

Никитин В.В. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Казань: Изд. Дом Казанская недвижимость, 2015. 364 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2008. 464 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2013. 405 с.

Никольский Г.В. Материалы по ихтиофауне городищ бассейнов рек Ветлуги и Вятки // Зоологический журнал. 1935. Т. XIV. Вып. 1. С. 79–96.

Никольский Д.П. Памяти Филиппа Диомидовича Нефедова // Живая старина. 1903. № 1/2. С. 261–264.

Нордквист К., Мёккёнен Т. Переосмысление типичной гребенчатой керамики по А. Эйрпя // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Замятинский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Г.А. Хлопачёв. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 85–87.

Платонова Н.И. Г.А. Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 121–144.

Платонова Н.И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. Вып. 5 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 1998. С. 371–382.

Платонова Н.И. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – 1 треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. статей, посвящ. 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, А.А. Ковалев, О.А. Щеглова. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 43–73.

Платонова Н.И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // Археологические вести. 2006. № 12. С. 301–315.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Попова Т.Б. Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников // Археологический сборник / Труды ГИМ. Вып. 40 / Ред. А.П. Смирнов. М.: Сов. Россия, 1966. С. 42–48.

Протоколы заседаний Первого совещания палеоэтнологов ЦПО // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е Совещание палеоэтнологов Центрально-Промышленной области 27–29 мая 1926 года / Отв. ред. Б.С. Жуков, О.Н. Бадер. М.: Гос. музей ЦПО, 1927. С. 74–87.

Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 1930-х гг.). Воронеж: ВГУ, 1986. 286 с.

Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И. Сергей Павлович Толстов – выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 184–232.

- Решетов А.М.* Богданов Владимир Владимирович // БРЭ. 2005. Т. 3. С. 641.
- Сакса А.И., Таавитсайнен Ю.-П.* Переписка Б.А. Латынина и Т.С. Пассек с А.-М. Тальгреном (1926–1931) // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. Сборник материалов / сост. Н.Г. Горбунова, Н.К. Качалова, Ю.Ю. Пиотровский. СПб: ГЭ, 2000. С. 63–75.
- Салминен Т.* Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 100–110.
- Салминен Т.* И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века // РА. 2011. № 4. С. 130–139.
- Салминен Т.* Три различных сети контактов: русские связи Т. Арне, А.М. Тальгрена и Геро фон Мергарта // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПбФ АРАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 176–184.
- Серых Д.В.* Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
- Смирнов А.П.* Дмитрий Николаевич Эдинг [1887–1946] // УЗ ПГУ. 1953. Т. IX. Вып. 3. С. 193–195.
- Смирнов К.А.* Памяти Екатерины Ивановны Горюновой (1902–1995) // РА. 1996. № 2. С. 250–251.
- Соловьев Б.С., Карпелан К., Кузьминых С.В.* Каменные сверленные топоры Марийского Поволжья // Материалы и исследования по археологии Поволжья Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2012. С. 62–91.
- Сорокина И.А.* Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918–1926 годы) // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 244–256.
- Сосновский Г.П.* Древнейшие шерстяные ткани Сибири // ПИДО. 1934. № 2. С. 92–96.
- Спицын А.А.* Бологовская стоянка каменного века // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб, 1903. С. 239–277.
- Тихонов Б.Г., Бадер О.Н.* А.В. Збруева: [Некролог] // КСИА. Вып. 112 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1967. С. 3–7.
- Тихонов И.Л.* «Интерес к археологии появился у меня в университете» А.А. Спицын // Знаменитые универсанты: очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Знаменит. универсанты, 2003. С. 91–111.
- Третьяков В.П.* Волосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н. э. Л.: ИА РАН, 1990. 212 с.
- Тункина И.В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Вып. II / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–161.
- Уваров А.С.* Археология России. Каменный период. Т. I. М.: Синодальная типография, 1881. 477 с.
- Устинова Е.А., Чаиркина Н.М.* Исследования Д.Н. Эдинга на Урале // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 50–58.
- Формозов А.А.* О Петре Петровиче Ефименко: материалы к биографии // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А. Формозов. М.: Наука, 2002. С. 73–126.
- Формозов А.А.* О Борисе Сергеевиче Жукове: (Материалы к биографии) // Формозов А.А. Статьи разных лет. Курск: КГМУ, 2008. С. 71–84.
- Формозов А.Н.* Материалы к истории фауны Приветлужья // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 181–191.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А.* Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. №2. С. 8–277.
- Чубур А.А.* Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Минск: Белорусская наука, 2009. 216 с.
- Щелинский В.Е.* Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России // АО 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 23–34.
- Aarne Äyräpää.* Tutkija Opettaja Kansalainen 1980-luvun näkökulmia / Toim. Matti Huurre. Helsinki: Museovirasto, 1989. 61 s.

Äberg Nils. Das nordische Kulturgebiet in Mitteleuropa während der jüngeren Steinzeit. Bd. 1–2. Uppsala: Verlag Almqvist und Wiksell, 1918. 276 s., 320 Abb., 11 Faltkarten.

Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit / Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. Vol. XXIX: 1. Helsingfors, 1922. 110 s.

Alikhova A.E., Prébrazhenski S. Sur quelques modifications chtonologiques de la civilization de Mordva-Mokcha // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. IV. 1929. Pp. 332–339.

Bahder Otto. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. S. 90–101.

Bliebernicht E.G. Neue Funde aus dem Pernaufusse: Fundebericht von den J. 1920–1922 // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Bd. XXXIV: 2. 1924. S. 1–19, Taf. 1–2.

Boletín de la Real Academia de la Historia. Vol. 96. 1930. Pp. 516–518.

Bortvin N.N. The Verkhny-Kizil Find // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928. Vol. III. Pp. 122–131.

Ebert M. Die baltischen Provinzen Kurland, Livland und Estland 1913 // Prähistorische Zeitschrift. Vol. V: 3–4. Berlin, 1913. S. 498–559.

Filip Jan. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Vol. 1. Prag: Akademia, 1966. 664 S., XL taf.

Filip Jan. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Vol. 2. Prag: Akademia, 1969. 1758 S., XCII taf.

Goriounova Cathétine. Matériaux pour la caractéristique des nécropoles maryennes (Tchérémisses) // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 321–331.

Grakov B. Monuments de la culture scythique entre le Volgaet les monts Oural // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. III. P. 25–62.

Joukov B. Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du métal en Europe du Nord-Est // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 61–81.

Kivikoski Ella. A. M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Supplementary Volume. 1954. Pp. 77–121.

Kivikoski Ella. The Bibliography of A. M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Supplementary Volume. 1954a. Pp. 122–145.

Kossina G. Die Indogermanen. Ein Abriß. 1. Teil: Das indogermanische Urvolk / Mannus-Bibliothek. VI. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch, 1921. 79 S.

Meinander C.F. Carl Axel Nordman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1991. 182 S.

Nordman C.A. Archaeology in Finland before 1920 / The History of Learning and Science in Finland 1828–1918. Vol. 14a. Helsinki, 1968. 82 p.

Nordman C.A. Till frågan om den förhistoriska arkeologins metod // Nya Argus. 1915. S. 3–18.

Nordman C.A. Archaeology in Finland before 1920. Helsinki, 1968. 82 p. (The History of Learning and Science in Finland 1828–1918; T. 14a.)

Pälsi S. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Bd. XXVIII: 1. 1920. S. 1–180.

Passek Tatiana et B.A. Latynine. Sur la question des «kamennye baby» // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 290–311.

Ränk Gustav. Das estnische Nationalmuseum und die ethnographische Arbeit in Eesti 1922–1927 // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928. Vol. III. S. 164–180.

Ravdonokas V.I. Die Grabsitten in den «finnischen» Kurganen im südöstlichen Ladogagebiet // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. S. 214–228.

Rykov P. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga: (Nach den Ergebnissen der Ausgrabungen in den J. 1924 und 1925) // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1927. Vol. I. S. 51–84.

Sakari Pälsi. Elämä ja Työt / Toim. Mirja Metsola ja Jukka Relas. Helsinki: Into, 2017. 386 s.

Salminen Timo. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935 / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 110. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 2003. 278 p.

Salminen Timo. Kollegat, Ystävät ja Kiistakumppanit. Suomalaisten arkeologien kamsainväliset yhteydet 1870–1950 / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 122. Helsinki: Tammerprint Oy, 2014. 424 p.

Salminen T. Contributions by soviet authors to the Eurasia Septentrionalis Antiqua between 1927 and 1934: viewpoints on east european prehistory // Fennoscandia archaeologica. Vol. XXXVIII. Helsinki, 2021. Pp. 59–72.

Schmiedehelm M. Ein Grabfeld der älteren Eisenzeit in Lügänuuse (Estland) // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928. Vol. III. S. 93–121.

Schukov B.S. Tardenoisien in der Krim. Neolithikum im Wolgagebiet // Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929. Berlin: Walter de Gruyter, 1930. S. 281–290.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XXV: 1. Helsinki, 1911. IX, 229 S.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p., XVI pl.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 93 p., XII pl.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XXXI: 1. Helsinki, 1919. 203 p.

Tallgren A.M. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen 50-vuotiskertomus // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. XXX: 3. Helsinki, 1920. 280 p.

Tallgren A.M. L'éthnographie préhistorique de la Russie du nord et des états Baltiques du nord // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis; Bd. IV: 4. Tartu, 1923. 23 p.

Tallgren A.M. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finno-ougrien jusqu'au IX: e siècle de notre ère // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XXXV: 3. 1924. 31 p.

Tallgren A.M. Neues über russische Archäologie // Anzeiger – Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. XVII. Anzeiger, 1925. S. 1–40.

Tallgren A.M. Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. / Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. Bd. VIII: 1. Tartu, 1925a. 204 s.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux / Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. II. Helsinki, 1926. 248 p.

Tallgren A.M. Euroopa muinasaeg pronksiaja algusest ajaloolise ajani [Доистория Европы от начала бронзового века до средневековья] / Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabineti Toimetused. Vol. V. Tartu, 1927. 180 p.

Tallgren A.M. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. III. 1928. P. 3–24.

Tallgren A.M. Permian Studies. A. The Genealogy of the Permian Idols. B. The Permian-Scythian Fish and Its Descendants. C. Certain Pendants or Chain-holders // Anzeiger – Finnisch-ugrische Forschungen. Vol. III. Anzeiger, 1928a. Pp. 63–92.

Tallgren A.M. Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928b. Vol. III. S. 141–163.

Tallgren A.M. Zur osteuropäischen Archäologie // Anzeiger – Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. XX. Anzeiger; Helsinki, 1929, S. 1–46.

Tallgren A.M. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930. Vol. V. Pp. 109–182.

Tallgren A.M. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. Vol. VI. S. 126–145.

Tallgren A.M. Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. LXI. 1931a. S. 81–97.

Tallgren A.M. Julius Ailio: Muistopuhe // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaft. Helsinki, 1933. S. 123–131.

- Tallgren A.M. Dolmens of North Caucasia // *Antiquity*. 1933a. Pp. 190–202.
- Tallgren A.M. Zum Ursprungsgebiet des sog. skythischen Tierstils // *Acta Archaeologica*. T. IV. København, 1933b. S. 258–264.
- Tallgren A.M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1934. Vol. IX. P. 1–46.
- Tallgren A.M. Geschichte der antiquarischen Firschung in Finland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1936. Vol. X. S. 199–261.
- Tallgren A.M. Sur la méthode de l'archéologie préhistorique // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1936a. Vol. X. P. 16–24.
- Tallgren A.M. Problems concerning the Central-Russian Gorodishche Civilisation // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1936b. Vol. X. Pp. 171–185.
- Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1937. Vol. XI. Pp. 1–46.
- Tallgren A.M. Studies of the Pontic Bronze Age // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1937a. Vol. XI. Pp. 103–121.
- Trzeciakowski Jan. Profesor Ludwik Sawicki // *ArcheoBiogramy* [on-line]. Muzeum Archeologiczne w Poznaniu. [Доступ 2010-12-27].
- Voévodski M. Les moyens méthodiques pour l'étude de la céramique // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV. 1936. Pp. 82–89.
- Zakharov A.A. Materials on the Archaeology of Siberia (Dr. V.V. Ragloff's Excavations in the Berel Steppe) // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III. 1928. Pp. 132–140.
- Zbrujeva A.V. Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Vladimir // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV. 1936. S. 102–115.

Информация об авторе:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

REFERENCES

- Agrafonov, P. G., Prazdnikov, V. V., Spiridonova, E. V. 2009. *Istoriya yaroslavskoy arkheologii (History of Yaroslavl archaeology)*. Moscow: "Kvadrika" Publ. (in Russian).
- Alekseeva, T. I., Efimova, S. G., Erenbaurg, R. B. 1986. *Kraniologicheskie i osteologicheskie kollektzii Instituta i Muzeya antropologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta: Paleolit – sovremennaya epokha (Craniological and Osteological collections of the Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University: Paleolithic – Modern era)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Alikhova, A. E. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F. et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 173–210 (in Russian).
- Alikhova, A. E. 1948a. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F. et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 212–258 (in Russian).
- Alpatov, V. M. 2004. *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm (The history of a myth: Marr and marrism)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
- Alymov, S. S. 2004. In Tishkov, V. A., Tumarkin, D. D. (eds.). *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Outstanding native ethnologists and anthropologists of the XX century)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–48 (in Russian).
- Alymov, S. S. 2007. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* (5), 125–144 (in Russian).
- Alymov, S. S., Reshetov, A. M. 2003. In Tumarkin, D. D. (ed.). *Repressirovannye etnografy (Ethnographers – Political Prisoners)* 2. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 227–268 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Kama River area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Voronin, N. N., Tikhanova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR. 1919–1956 gg. Ukazatel' (Archaeo-*

logical expeditions of the State Academy of the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR. 1919-1956. Index). Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bader, O. N. & Voevodsky, M. V. (ed.). In Bader, O. N., Voevodsky, M. V., Dmitriev, P. A., Zubareva, A. V., Tret'yakov, P. N., Shmidt, A. V. 1935. *Iz istorii rodovogo obshchestva na territorii SSSR (From the history of the tribal society on the territory of USSR)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 106. Moscow; Leningrad: "Gossotsekiz" Publ., 100–165 (in Russian).

Bader, O. N. 1927. In Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). *Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 69–73 (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 110–158 (in Russian).

Bader, O. N. 1951a. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 15–41 (in Russian).

Bader, O. N. 1959. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 75. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 143–153 (in Russian).

Bader, O. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 234–238 (in Russian).

Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bader, O. N., Bunak, V. V. 1963. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 15, 146–148 (in Russian).

Balakhonova, E. I. 2020. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Bulletin of the Moscow University. Series XXIII. Anthropology)* (4), 129–137 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In Gorodtsov, V. A. *Dnevnik (1928–1944) (Journals (1928–1944))*. Book 1: 1928–1935. Moscow: "Triumf" Publ., 14–85 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In Gaidukov, P. G., Tunkina, I. V. (eds.). *Uchenye i idei: stranitsy istorii arkheologicheskogo znaniya (Scientists and ideas: pages of the history of archaeological knowledge)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 8–10 (in Russian).

Bogdanov, V. V. 1941. *Dmitriy Nikolaevich Anuchin: Antropolog i geograf (1843–1923) (Dmitry Nikolayevich Anuchin: Anthropologist and geographer (1843–1923))*. Moscow: Moscow Society of Nature Testers (in Russian).

Bongard-Levin, G., Tunkina, I. V. 1997. In Bongard-Levin, G. (ed.). *Skifskiy roman (Scythian novel)*. Moscow: "Rossiiskaia politicheskaya entsiklopediya" Publ., 501–515 (in Russian).

Bonch-Osmolovsky, G. A. 1934. In Petrovskii, D. A. et al. (eds.). *Trudy II Mezhdunarodnoy konferentsii Assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy (Proceedings of the II International conference of the Association for the study of Europe Quaternary)* 5. Moscow; Leningrad, 114–183 (in Russian).

Bonch-Osmolovsky, G. A. 1940. *Grot Kiik-Koba (Kiik-Koba Rock-Shelter)*. Series: *Paleolit Kryma* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bryusov, A. Ya. 1964. In *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya (Soviet Historical Encyclopedia)* Vol. 5 (in Russian).

Bukhtoyarova, I. M. 2013. *Sergey Nikolaevich Zamyatnik i ego vklad v izuchenie paleolita (Sergey Nikolayevich Zamyatnin and his contribution to the study of the Paleolithic)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Petersburg: Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vasil'ev, S. V., Uryson, M. I. 2004. In Tishkov, V. A., Tumarkin, D. D. (eds.). *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Outstanding native ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: "Nauka" Publ., 233–260 (in Russian).

Vdovin, A. S., Detlova, E. V., Makarov, N. P. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evrasiiskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 104–123 (in Russian).

Vdovin, A. S., Kuzminykh, S. V., Serykh, D. V. 2008. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Iz istorii otechestvennoi arkeologii (From the History of Russian Archaeology)* 1. Voronezh: Voronezh State University, 108–124 (in Russian).

Voevodskii, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkeologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 159–180 (in Russian).

Voronina, R. F. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 3, 166–168 (in Russian).

Gavrilov, K. N., Kuzminykh, S. V., S. V., Tikhonov, I. L. 2007. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 9. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 712–713 (in Russian).

Gavrilov, K. N., Tikhonov, I. L. 2008. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 10. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 229 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1910. *Bytovaia arkeologiia. Kurs lektsii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Household Archaeology. Course of Lectures Read at the Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: A.I. Snegireva Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkeologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 24. Moscow: G. Lissner, D. Sopko Publ., 40–216 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1915. In *Otchety imperatorskogo Rossiiskogo Istoricheskogo muzeia za 1914 god (Reports of the Imperial Russian Historical Museum for 1914)*. Moscow: Synodal Printing House Publ., 121–226 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkheologiia Rossii. Kamennyi period (Archaeology of Russia. The Stone Period)* I. Moscow; Petrograd: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1923a. In Nikolskii, V. K. *Ocherk pervobytnoy kul'tury (Essay on primitive culture)*. Moscow; Petrograd: "Gosizdatelstvo" Publ., 5–18 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1925. *Arkheologicheskaya klassifikatsiia: (Ob'yasnitel'nyy tekst k 2 tablitsam klassifikatsii). (Archaeological classification: (Explanatory text to 2 classification tables))*. Moscow; Leningrad: "Gosstatizgiz" Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1926. In *Novyi Vostok (New East)* (13–14), 462–464 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1927. *Tipologicheskii metod v arkeologii (Typological method in archaeology)*. Series: Obshchestvo issledovateley Ryazanskogo kraia. Seriya metodicheskaya (Society of the Ryazan region researchers. Methodical series) 6. Ryazan (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1927a. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* Vol. 7. Moscow: "Sovetskaya entsiklopediia" Publ., 610–626 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1928a. In *Trudy seksii arkeologii Instituta arkeologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 46–60 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1928a. In *Trudy seksii arkeologii Instituta arkeologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 3. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 13–54 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1928a. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkeologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnograph)* 2 (59). Simferopol, 33–38 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 2015. *Dnevnik (1928–1944) (Journals (1928–1944))*. Book 1: 1928–1935. Moscow: "Triumf" Publ (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 2015. *Dnevnik (1928–1944) (Journals (1928–1944))*. Book 2: 1936–1944. Moscow: "Triumf" Publ (in Russian).

Goryunova, E. I. 1948a. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 6–55 (in Russian).

- Goryunova, E. I. 1948a. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 56–87 (in Russian).
- Debets, G. F. 1954. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 166–168 (in Russian).
- Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V., Malov, N. M. 2019. In Lopatin V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 15. Saratov: Saratov State University, 224–298 (in Russian).
- Dzhaparidze, O. M. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 246–249 (in Russian).
- Dlozhevskii, S. S. 1929. In *Ukraina (Ukraine)* 6, 173–175 (in Ukrainian).
- Dokturovskii, V. S. 1925. In Bunak, V. V. (ed.). *Trudy Antropologicheskogo institute (Proceedings of the Anthropological Institute)* 1. Moscow: Anthropological Institute, 83–84 (in Russian).
- Evgeniev, A. A. 2018. *Istoriya Orenburgskoy arkheologii (History of Orenburg archaeology)* 1. Orenburg: Orenburg State Agrarian University (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1926. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy of the Institute of Material Culture)* I. Leningrad, 318–319 (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1926a. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy of the Institute of Material Culture)* I. Leningrad, 319–320 (in Russian).
- Efimova, S. G. 2009. In *Antropologiya (Anthropology)* (1), 5–16 (in Russian).
- Zhuk, A. V. 2005. *Vasilii Alekseevich Gorodcev v riazanskii period ego zhizni, sluzhby i nauchnoi deiatel'nosti (Vasily Alekseevich Gorodtsev in the Ryazan Period of His Life, Service and Scientific Activity)*. Omsk: Omsk State University (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1925. *Drevneyshie stroiteli iz kamnya i dereva (The most ancient builders of stone and wood)*. Moscow: "Znanie" Publ. (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1927a. In *Russkiy antropologicheskii zhurnal (Russian Anthropological Journal)*, 12 (1–2), 110–119 (in Russian).
- Zhukov, B. S. *Proiskhozhdenie cheloveka (Human origin)*. Moscow; Petrograd: "Frenkel" Publ. (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1924. In Arkhangel'skii, S. I. et al. (eds.). *Kraevedcheskii sbornik (Local History Collection of Papers)* 1. Nizhny Novgorod, 69–86 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1927a. In *Russkiy antropologicheskii zhurnal (Russian Anthropological Journal)*, 13 (3–4), 229–246 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1924. *Pervye shakhtery i metallisty (The first miners and metalworkers)*. Moscow: "Znanie" Publ. (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1925. In Bunak, V. V. (ed.). *Trudy Antropologicheskogo institute (Proceedings of the Anthropological Institute)* 1. Moscow: Anthropological Institute, 37–78 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1925. In *Pechat' i revoliutsiia (Printing and Revolution)* 8. Moscow: "Gosizdat" Publ., 206–209 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1926. In *Etnografiya (Ethnography)* 1–2, 179–192 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1927a. In *Russkiy antropologicheskii zhurnal (Russian Anthropological Journal)*, 16 (1–2), 229–246 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1927a. In *Krym (Crimea)* 4 (2), 99–107 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1927. In Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). *Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 13–18 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1928. In Volgin, V. P., Gordon, G. O., Luppola, I. K. (eds.). *Obshchestvennyye nauki v SSSR 1917–1927 (Social sciences in the USSR 1917–1927)*. Moscow: "Rabotnik prosveshcheniya" Publ., 90–100 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1928. In *Izvestiya Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov pri fiziko-matematicheskoy fakul'tete MGU (Bulletin of the Association of research institutes at the faculty of physics and mathematics of Moscow State University)* 1 (1–2), 264–286 (in Russian).

Zhukov, B. S. 19286. In Gorbachev, A. M., Portugalov, G., Stankov, S. S. (eds.). *Proizvoditel'nye sily Nizhegorodskoy gubernii (Productive forces of the Nizhny Novgorod Governorate)* 8. Nizhny Novgorod, 320–340 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929. In *Etnografiya (Ethnography)* 1, 54–77 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow, 31–35 (in Russian).

Zamyatnin, S. N. 1935. In Auerbakh, A. N. (ed.). *Paleolit SSSR (Paleolithic of USSR)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) 118. Moscow; Leningrad: "Sotsekgiz" Publ., 26–77 (in Russian).

Zamyatnin, S. N. 1968. In Artamonov, V. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 234–238 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1947. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVI. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 9–11 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zimina, M. P., Krasnov, Yu. A., Leont'ev, A. E., Mikhailova, L. A., Samoilovich, N. G., Sedova, M. V. 1995. *Arkheologicheskaiia karta Rossii. Vladimirskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Vladimir Oblast)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pleshivenko, A. G. (comp.) 2011. *I zhizn', i slezy, i lyubov'... (And life, and tears, and love...)*. Zaporozh'e: "LIPS LTD" Publ. (in Russian).

Kamenskii, V. I., Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* V (1). Saint Petersburg, 94–103 (in Russian).

Karpov, G. V. 1958. *Put' uchenogo: ocherki zhizni, nauchnoy i obshchestvennoy deyatelnosti D.N. Anuchina (Scientist's way: essays on D.N. Anuchin's life, scientific and public activity)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Kashkin, A. V. 1993. *Arkheologicheskaiia karta Rossii. Bryanskaya oblast' (Archaeological Map of Russia: Bryansk Oblast)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Komarov, K. I. 1999. *Arkheologicheskaiia karta Rossii. Kostromskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Kostroma Oblast)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korol, G. G., Nikolaenko, T. D., Chernov, S. Z., Yanihsevsky, B. E. 1995. *Arkheologicheskaiia karta Rossii. Moskovskaya oblast' (Archaeological Map of Russia: Moscow Oblast)*. Part 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kerimova, M. M. 2018. In Kuruskanova, N. P., Ulezko, B. V. (eds.). *Kubanskiie istoricheskie chteniia (Kuban historical readings)*. Krasnodar, 209–213 (in Russian).

Kitova, L. Yu. 2007. *Istoriia sibirskoi arkheologii (1920–1930-e gody): izuchenie pamiatnikov epokhi metalla (History of Siberian Archaeology (1920–1930s): Study of the Metal Period Sites)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 3, 146–153 (in Russian).

Klein, L. S. 2014. *Istoriia rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti (History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and Personalities)* 2. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Krainov, D. A. 1975. In P. M. Kozhin, L. V. Kol'tsov, M. P. Zimina (eds.). *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii (Monuments of the Ancient History of Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–13 (in Russian).

Krainov, D. A. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 166–173 (in Russian).

- Krainov, D. A., Khotinskii, N. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 42–68 (in Russian).
- Krasnov, Yu. A., Mikhal'chenko, S. E. 1993. *Arkheologicheskaiia karta Rossii: Riazanskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Ryazan Oblast)*. Part 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kuznetsov, A. A. 2013. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 1 (5), 238–244 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 4, 142–150 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2007. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* Vol. 7. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 611 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2007a. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* Vol. 7. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 653 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8). Tver: "Triada", 5–27 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 10 (2), 122–141 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2017. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaul–Belokurikhe (Proceedings of the 5th (22nd) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul, Belokurikha)* III. Barnaul: "Azbuka" Publ., 149–153 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2023. In Dergacheva, L. V. (ed.). *Prochnee medi. Sbornik statey k 80-letiyu V.A. Dergacheva (More Lasting than bronze. Essays in honour of Valentin Dergachev on the occasion of his 80th birthday)*. Kishinev: Stratum Plus, 495–504 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V., Salminen, T., Safonov, I. E. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 7–41 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Salminen, T. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10 (I). Tver: Tver State United Museum, 43–49 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Salminen, T. 2016. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (issues of interpretation and preservation))*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 40–44 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 4, 145–154 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2015. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* V. Kazan: "Otechestvo" Publ., 167–170 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Serykh, D. V. 2021. In Sorokina, I. A. (ed.). *Sovetskaia arkheologiia do i posle Velikoi Otechestvennoi voiny (vtoraia polovina 1930-kh – konets 1940-kh godov) (Soviet Archaeology Before and After the Great Patriotic War (Second Half of 1930s – Late 1940s))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 36–37 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Usachuk, A. N. 2016. In Terna, S., Govedaritsa, B. (eds.). *Kul'turnye vzaimodeystviya. Dinamika i smysly (Cultural interactions, changes and meanings)*. Kishinev: Stratum Plus, 379–427 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2006. In Obydenova, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Urals and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa: "Gilem" Publ., 162–170 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktной Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe within contact Eurasian spase)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 28–31 (in Russian).
- Kuftin, B. A. 1925. In *K materialam po arkheologii Ryazanskogo kraia (To materials on the Ryazan region archaeology)*. Series: *Trudy Obshchestva issledovateley Ryazanskogo kraia (Proceedings of the researchers society of the Ryazan region)* 5. Ryazan: "Gospolit" Publ., 17–39 (in Russian).

- Kuftin, B. A. 1927. In Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). *Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 45–48 (in Russian).
- Kukharchuk, Yu. V. 2015. In Tolochko, P. P. (chief – ed.). *Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraini. 1918–2014 (Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 1918–2014)*. Kiev: “ADEF-Ukraine” Publ., 300–304 (in Russian).
- Levin, M. G. 1949. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 161–162 (in Russian).
- Lindgolm, V. K. 1925. In Bunak, V. V. (ed.). *Trudy Antropologicheskogo instituta (Proceedings of the Anthropological Institute)* 1. Moscow: Anthropological Institute, 85–90 (in Russian).
- Loze, I. A. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Novoe v arkheologii SSSR i Finlyandii (Recent in Soviet and Finnish archaeology)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 28–34 (in Russian).
- Markovin, V. I. 1978. *Dol'meny Zapadnogo Kavkaza (Dolmens of the Western Caucasus)*. Moscow: “Nauka”: Publ. (in Russian).
- Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). 1927. *Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region (in Russian).
- Melnikova, O. M. 2003. *Permskaya nauchnaya arkheologicheskaya shkola O.N. Badera (1946–1955 gg.) (O.N. Bader's Perm scientific archaeological school (1946–1955))*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 7. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
- Meshcheryakov, D. P. 1925. In Bunak, V. V. (ed.). *Trudy Antropologicheskogo instituta (Proceedings of the Anthropological Institute)* 1. Moscow: Anthropological Institute, 79–82 (in Russian).
- Mikhankova, V. A. 1948. *Nikolay Yakovlevich Marr. Ocherk ego zhizni i nauchnoy deyatel'nosti (Nikolai Yakovlevich Marr. An essay on his life and scientific activity)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Molodtsov, V. M. 1995. In *Vetluzhskaya storona (Veluga country)* 1. Kostroma: “DiAr” Publ., 95–99 (in Russian).
- Nerazlik, E. E. 2004. In Sevostyanov, G. N. (ed.). *Portrety istorikov. Vremya i sud'by (Portraits of historians. Time and fates)* 4. Moscow: “Nauka” Publ., 462–484 (in Russian).
- Nikitin, V. V. 1991. *Medno-kamennyi vek Mariiskogo kraia (seredina III – nachalo II tysiacheletia do n. e.) (The Copper and Stone Age of Mari Region (Middle of 3rd – Early 2nd Millennia BC))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).
- Nikitin, V. V. 2015. *Kul'tura nositelei posudy s grebenchato-iamochnym ornamentom v Mariisko-Kazanskom Povolzh'e (Pit-Combed Ware Culture in the Mari and Kazan Part of the Volga Basin)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. House (in Russian).
- Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
- Nikolaenko, T. D. 2008. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region)*. Part 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Nikolaenko, T. D. 2013. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region)*. Part 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Nikol'skii, G. V. 1935. In *Zoologicheskyy zhurnal (Russian Journal of Zoology)* 1 (14), 79–96 (in Russian).
- Nikol'skii, G. V. 1903. In *Zhivaia starina (Living Antiquity)* 1/2. 261–264 (in Russian).
- Nordkvist, K., Mekkenen, T. 2015. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Drevnie kul'tury Vostochnoj Evropy: etalonnye pamjatniki i opornye komplekсы v kontekste sovremennykh arheologicheskikh issledovaniy (Ancient Cultures of Eastern Europe: Reference Sites and Support Complexes in the Context of Contemporary Archaeological Studies)*. Series: *Zamyatninskiy sbornik (Zamyatnin Volume of Papers)* 4. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 85–87 (in Russian).

Platonova, N. I. 1995. In Tikhonov, I. L. (ed.). *Sankt-Peterburg i otechestvennaya arkheologiya. Istorio-graficheskie ocherki (St. Petersburg and national archaeology. Historiographical essays)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 121–144 (in Russian).

Platonova, N. I. 1998. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News) 5*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Dmitrii Bulanin” Publ., 371–382 (in Russian).

Platonova, N. I. 2004. In Vishnyatskii, L. B., Kovalev, A. A., Shcheglova, O. A. (eds.). *Arkheolog: detektiv i myslitel' (The archaeologist: detective and thinker)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 43–73 (in Russian).

Platonova, N. I. 2006. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News) 12*, 301–315 (in Russian).

Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaiia tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second half of 19th – first third of 20th centuries)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

Popova, T. B. 1966. In Smirnov, A. P. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Bulletin) Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 40*. Moscow: “Sovetskaya Rossiya” Publ., 42–48 (in Russian).

In Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). 1927. *Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 74–87 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1986. *Istoriya sovetskoy arkheologii (1917 – seredina 1930-kh gg.) (History of Soviet archaeology (1917 – mid-1930s))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Rapoport, Yu. A., Semenov, Yu. I. 2004. In Tishkov, V. A., Tumarkin, D. D. (eds.). *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Outstanding native ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: “Nauka” Publ., 184–232 (in Russian).

Reshetov, A. M. 2005. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia) Vol. 3*. Moscow: “Great Russian Encyclopedia” Publ., 641 (in Russian).

Saksa, A. I., Taavitsainen, Yu.-P. 2000. In Gorbunova, N. G., Kachalova, N. K., Piotrovskii, Yu. Yu. (comp.). *Sud'ba uchenogo (Scientist's fate)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 63–75 (in Russian).

Salminen, T. 2007. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) 29 (1)*, 100–110 (in Russian).

Salminen, T. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology) 4*, 130–139 (in Russian).

Salminen, T. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evraziiskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection of Papers)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoiarsk: Krasnoiarsk State Pedagogical University Publ., 176–184 (in Russian).

Serykh, D. V. 2014. *Vserossiiskie Arkheologicheskie sezdy kak forma organizatsii otechestvennoi arheologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (All-Russian Archaeological Congresses as a Form of Organization of Russian Archaeological Science in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries.)*. Kazan: “Otechestvo” publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1953. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University) IX (3)*, 193–195 (in Russian).

Smirnov, K. A. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology) 2*, 250–251 (in Russian).

Solov'ev, B. S., Karpelan, K., Kuzminykh, S. V. 2012. In Zelenev, Yu. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Archaeological Materials and Studies of the Volga Region) 6*. Ioshkar-Ola: Mari State University, Mari Research Institute for Language, Literature and History, 62–91 (in Russian).

Sorokina, I. A. 2016. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology) (245)*, 244–256 (in Russian).

Sosnovskii, G. P. 1934. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Issues of Pre-Capitalist Societies History) (2)*, 92–96 (in Russian).

- Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* V (1). Saint Petersburg, 239–277 (in Russian).
- Tikhonov, B. G., Bader, O. N. 1967. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 112. Moscow: “Nauka” Publ., 3–7 (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 2003. In Oltsich, N. Ya. (ed.). *Znamenitye universanty: ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta (Famous universants: essays on students of St. Petersburg University)* 2. Saint Petersburg: “Znamenit. Universanty” Publ., 31–111 (in Russian).
- Tret'iakov, V. P. 1990. *Volosovskie plemena v Evropeiskoi chasti SSSR v III–II tys. do n.e. (Volosovo Tribes in the European Area of the USSR in 3rd-2nd Millennia B.C.)*. Leningrad: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Tunkina, I. V. 2000. In Gavrilov, A. K. (ed.). *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii (Ancient world and we. Classical heritage in Europe and Russia)*. Saint Petersburg: “Aleteyya” Publ., 116–161 (in Russian).
- Uvarov, A. S. 1881. *Arkheologiia Rossii. Kamennyi period (Archaeology of Russia. The Stone Period)* I. Moscow: “Sinodal'naia tipografiia” Publ. (in Russian).
- Ustinova, E. A., Chairkina, N. M. 2015. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 48 (3), 50–58 (in Russian).
- Formozov, A. A. 2015. In Kamenetskii, I. S., Formozov, A. A. (eds.). *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii (Essays on the History of Russian Archaeology)* III. Moscow: “Nauka” Publ., 73–126 (in Russian).
- Formozov, A. A. 2008. In Formozov, A. A. *Stat'i raznykh let (Articles of various years)*. Kursk: Kursk State University, 71–84 (in Russian).
- Formozov, A. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 181–191 (in Russian).
- Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–277 (in Russian).
- Chubur, A. A. 2009. *Konstantin Mikhaylovich Polikarpovich: zhizn', otkrytiya, ucheniki (Konstantin Mikhailovich Polikarpovich: life, discoveries, students)*. Minsk: “Belorusskaya nauka” Publ. (in Russian).
- Shchelinskii, V. E. 2009. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1991–2004 gg. (Archaeological Discoveries of 1991–2004. European Russia)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 23–34 (in Russian).
- Aarne, Äyräpää. 1989 *Tutkija Opettaja Kansalainen 1980-luvun näkökulmia*. Toim. Matti Huurre. Helsinki: Museovirasto (in Finnish).
- Äberg, Nils. 1918. *Das nordische Kulturgebiet in Mitteleuropa während der jüngeren Steinzeit*. Bd. 1–2. Uppsala: Verlag Almqvist und Wiksell.
- Ailio, J. 1922. *Fragen der russischen Steinzeit*. Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft XXIX: 1. Helsingfors.
- Alikhova, A. E., Préobraženski, S. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 332–339.
- Bahder, Otto. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 90–101.
- Bliebernickt, E. G. 1924. *Neue Funde aus dem Pernaufusse: Fundebericht von den J. 1920–1922*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Bd. XXXIV: 2, p. 1–19, taf. 1–2.
- Boletín de la Real Academia de la Historia*. 1930. Vol. 96, 516–518 (in Spanish).
- Bortvin, N. N. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 122–131.
- Ebert, M. 1913. In *Prähistorische Zeitschrift*. Vol. V: 3–4. Berlin, 1913, 498–559.
- Filip, Jan. 1966. *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas*. Vol. 1. Prag: Akademia.
- Filip, Jan. 1969. *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas*. Vol. 2. Prag: Akademia.
- Goriounova, Cathétine. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 321–331.
- Grakov, B. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 25–62.

- Joukov, B. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 61–81.
- Kivikoski, Ella. 1954. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Supplementary Volume, 77–121.
- Kivikoski, Ella. 1954a. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Supplementary Volume, 122–145.
- Kossina, G. 1921. *Die Indogermanen. Ein Abriß. I. Teil: Das indogermanische Urvolk*. Mannus-Bibliothek. VI. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch.
- Meinander, C. F. 1991. *Carl Axel Nordman*. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.
- Nordman, C. A. 1968. *Archaeology in Finland before 1920*. Series: The History of Learning and Science in Finland 1828–1918. Vol. 14a. Helsinki.
- Nordman, C. A. 1915. In *Nya Argus*, 3–18 (in Swedish).
- Pälsi, S. 1920. In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Vol. XXVIII: 1, 1–180 (in Finnish).
- Passek Tatiana et B. A. Latynine. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 290–311.
- Ränk, GustavESA. 1928. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 164–180.
- Ravdonokas, V. I. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 214–228.
- Rykov, P. 1927. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. I, 51–84.
- Sakari, Pälsi. *Elämä ja Työt*. Helsinki: Into, 2017 (in Finnish).
- Salminen, T. 2021. In *Fennoscandia archaeologica*. Vol. XXXVIII, 59–72.
- Salminen, Timo. 2003. *Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 110. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys (in Finnish).
- Salminen, Тимо. 2014. *Kollegat, Ystävät ja Kiistakumppanit. Suomalaisten arkeologiien kamsainväliset yhteydet 1870–1950*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 122. Helsinki: Tammerprint Oy (in Finnish).
- Schmiedehelm, M. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 93–121.
- Schukov, B. S. 1930. In *Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929*. Berlin: Walter de Gruyter, 281–290.
- Tallgren, A. M. 1911. *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XXV: 1. Helsinki.
- Tallgren, A. M. 1916. *Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze*. Helsingfors.
- Tallgren, A. M. 1917. *Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa*. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors.
- Tallgren, A. M. 1919. *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XXXI: 1. Helsinki.
- Tallgren, A. M. 1920. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen 50-vuotiskertomus*. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. XXX: 3. Helsinki (in Finnish).
- Tallgren, A. M. 1923. In *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis* Bd. IV: 4. Tartu.
- Tallgren, A. M. 1924. In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Vol. XXXV: 3.
- Tallgren, A. M. 1925. In *Anzeiger – Finnisch-ugrische Forschungen*. Vol. XVII. Anzeiger, 1–40.
- Tallgren, A. M. 1925a. *Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr.* Series: Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. Bd. VIII: 1. Tartu.
- Tallgren, A. M. 1926. *La Pontide préscythique après l'introduction des métaux*. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. II. Helsinki.
- Tallgren, A. M. 1927. *Euroopa muinasaeg pronksiaja algusest ajaloolise ajani*. Series: Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabineti Toimetused. Vol. V. Tartu (in Estonian).
- Tallgren, A. M. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 3–24.
- Tallgren, A. M. 1928a. In *Anzeiger – Finnisch-ugrische Forschungen*. Vol. III. Anzeiger, 63–92.
- Tallgren, A. M. 1928b. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 141–163.
- Tallgren, A. M. 1929. In *Anzeiger – Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. XX. Anzeiger; Helsinki, 1929, p.1–46.

- Tallgren, A. M. 1930. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. V, 109–182.
- Tallgren, A. M. 1931. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. VI, 126–145.
- Tallgren, A. M. 1931a. In *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. Bd. LXI, 81–97.
- Tallgren, A. M. 1933. In *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaft*. Helsinki, 123–131.
- Tallgren, A. M. 1933a. In *Antiquity*, 190–202.
- Tallgren, A. M. 1933b. In *Acta Archaeologica*. Vol. IV. København, 258–264.
- Tallgren, A. M. 1934. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IX, 1–46.
- Tallgren, A. M. 1936. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. X, 199–261.
- Tallgren, A. M. 1936a. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. X, 16–24.
- Tallgren, A. M. 1936b. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. X, 171–185.
- Tallgren, A. M. 1937. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. XI. 1937, 1–46.
- Tallgren, A. M. 1937a. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. XI, 103–121.
- Trzeciakowski, Jan. *Profesor Ludwik Sawicki*. In ArcheoBiogramy [on-line]. Muzeum Archeologiczne w Poznaniu. [Доступ 2010-12-27].
- Voévodski, M. 1936. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 82–89.
- Zakharov, A. A. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 132–140.
- Zbrujeva, A. V. 1936. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 132–140.

About the Author:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.67.80>**ПИСЬМА Б.С. ЖУКОВА М.В. ВОЕВОДСКОМУ (1925–1929 ГГ.)**

©2023 г. С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова

Письма Б.С. Жукова относятся к периоду его наиболее продуктивной научной, педагогической и административной деятельности. Пять писем и две открытки адресованы М.В. Воеводскому в 1925–1929 гг. Жуков предстает в них как руководитель Ветлужской и Антропологической комплексной экспедиций и как лидер уникального научного коллектива – Палеоэтнологической лаборатории Института антропологии 1 МГУ. В корреспонденции раскрываются рабочая кухня исследований самого Жукова, его учеников и сотрудников, манера и стиль руководства и общения Бориса Сергеевича со своими подчиненными. Жуков, организованный и требовательный к себе, в той же мере строг к коллегам, если это касается их общего дела. Его письма Воеводскому являются важным документальным источником к истории московской палеоэтнологической школы 1920-х годов. Они знакомят нас с организацией ее экспедиционных, камеральных и научных работ, результатами раскопок на Ветлуге, в бассейнах Оки и Верхней Волги, новостями из командировок Жукова в Геленджик и даже в Германию.

Ключевые слова: археология, Б.С. Жуков, М.В. Воеводский, переписка, Ветлужская и Антропологическая комплексная экспедиции, Институт и Музей антропологии МГУ.

B.S. ZHUKOV'S LETTERS TO M.V. VOYEVODSKY (1925–1929)

S.V. Kuzminykh, I.V. Belozherova

B.S. Zhukov's letters belong to the period of his most productive scientific, pedagogical and administrative activity. Five letters and two postcards were addressed to M.V. Voyevodsky in 1925–1929. Zhukov appears in them as the head of the Vetluga and Anthropological complex expedition and as a leader of the unique scientific team – the Paleo-ethnological laboratory of the Institute of Anthropology of the 1 MSU (Moscow State University). The correspondence reveals ins and outs of Zhukov's own studies, his students and specialists research, the manner and style of Boris Sergeyevich's leadership and communication with his subordinates. Zhukov, organized and demanding to himself, is in the same measure strict with colleagues if it concerns their common cause. His letters to Voyevodsky are an important documentary source for the history of the Moscow Paleo-ethnological school of the 1920s. They acquaint us with the organization of its expedition, cameral and scientific work, the results of excavations on Vetluga River, in the basins of the Oka and Upper Volga, news from Zhukov's official journey to Gelendzhik and even to Germany.

Keywords: archaeology, B.S. Zhukov, M.V. Voyevodsky, correspondence, Vetluga and Anthropological complex expeditions, Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в рукописном фонде М.В. Воеводского и А.Е. Алиховой¹ хранится семь писем и открыток Б.С. Жукова (ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54). Корреспонденция адресована в 1925–1929 гг. Михаилу Вацлавовичу Воеводскому (1903–1948), яркому представителю московской палеоэтнологической школы, одному из ближайших учеников и сотрудников Жукова тех лет по Институту антропологии 1 МГУ и работам Ветлужской и Антропологической комплексной экспедиций² (рис. 1).

С Институтом и Музеем антропологии была связана вся трудовая жизнь М.В. Воеводского. В 1923 г. еще студентом кафедры антрополо-

гии физико-математического факультета 1 МГУ он стал работать препаратором в музее. Вершиной его карьерного роста в Институте антропологии стала должность заместителя директора по научной работе. После ареста и кончины Бориса Сергеевича Жукова³ большая часть его учеников-археологов влилась в коллектив Московского отделения ГАИМК–ИИМК, воссозданного в 1932 г. (Белозёрова и др., 2019). Параллельно с 1933 г. стал служить в МО ГАИМК – МО ИИМК – ИИМК и Михаил Воеводский, приняв на свое попечение лабораторию камеральной обработки – дело, которое ему было близко по работам Ветлужской и Антропологической экспедиций. Юношеская непримиримость между

Рис. 1. Мстислав Вацлавович Воеводский.
Фото. Кафедра археологии МГУ.

Fig. 1. Mstislav Vatslavovich Voevodsky. Photo. Department of Archaeology of Moscow State University.

студентами В.А. Городцова и Б.С. Жукова в дискуссиях конца 1920-х гг. (Пряхин, 1986, с. 110, 111) не помешала им в начале следующего десятилетия объединиться и плодотворно работать под одной крышей.

Пять писем (№ 1–4, 7) и открытка (№ 5) направлены Борисом Сергеевичем из экспедиций, еще одна открытка (№ 6) – из Германии. Вся корреспонденция без исключения – деловая и характеризует прежде всего манеру и стиль Жукова как администратора, руководителя большой экспедиции и научного коллектива.

В 1925 г. начались исследования Ветлужской экспедиции (Археологические..., 1962, с. 30, 31). Из археологов вместе с Жуковым в них участвуют О.Н. Бадер, Е.И. Горюнова и А.Е. Алихова. В первом письме, отправленном Воеводскому с Вахтана – основной базы экспедиции (рис. 2), Борис Сергеевич вкратце рассказывает об организации работ («работаем 3-мя отрядами»), своих действиях как руководителя («веду установку работы, разъезжая от одних к другим»), итогах раскопок, полученных на конец июля (изуче-

ны марийский Большепольский могильник XVII – начала XVIII в., поселение «Паново городище» эпохи бронзы, Одоевское городище раннего железного века и Средневековья). Важным результатом раскопок Жуков считает выяснение стратиграфии Одоевского городища и других памятников. Лаконичны сведения о работах этнографического и антропологического отрядов экспедиции и планах на август месяц. Но главная цель письма – донести до Воеводского, остававшегося «на хозяйстве» в Москве, информацию о дальнейшем продвижении отрядов экспедиции по Ветлуге, пунктах остановок (для получения корреспонденции), адресах в Нижнем Новгороде (для перевода денежных экспедиционных средств).

Три последующих письма (№ 2–4) в наибольшей степени характеризуют отношения Жукова-руководителя с сотрудниками Палеоэтнологической лаборатории Института антропологии 1 МГУ и возглавляемых им экспедиций. Организованный, требовательный в большом и малом к себе, он в той же мере строг к своим ученикам и коллегам, если это касается общего дела: будь то подготовка иллюстративного блока к «Трудам» Ветлужской экспедиции или сдача в Нижегородский музей коллекций, прошедших камеральную обработку, позднеолитического Большекозинского поселения, ветлужских городищ раннего железного века и Средневековья, древнемордовского Перемчалкинского могильника. От своевременной передачи коллекций зависела денежная поддержка коллектива в зимние месяцы. В письмах 1927 г. (№ 2, 3) Борис Сергеевич не стесняется указать Воеводскому на разгильдяйство, если его четкие указания оставались невыполненными. И, вероятно, как руководитель Жуков осознает, что все упущения будут выполнены, если доверяет своему студенту и лаборанту решение финансовых вопросов, оставляет поручения для старших коллег – В.В. Богданова, Е.И. Горюновой и О.Н. Бадера. При этом в действии остается важнейший педагогический принцип («Доверяй, но проверяй!»): «Не уезжайте из Москвы до тех пор, пока не выполните всех этих дел, и напишите мне об их выполнении».

Важно отметить, что при всей строгости и требовательности Борис Сергеевич в летнюю экспедиционную кампанию 1928 г. (№ 4)

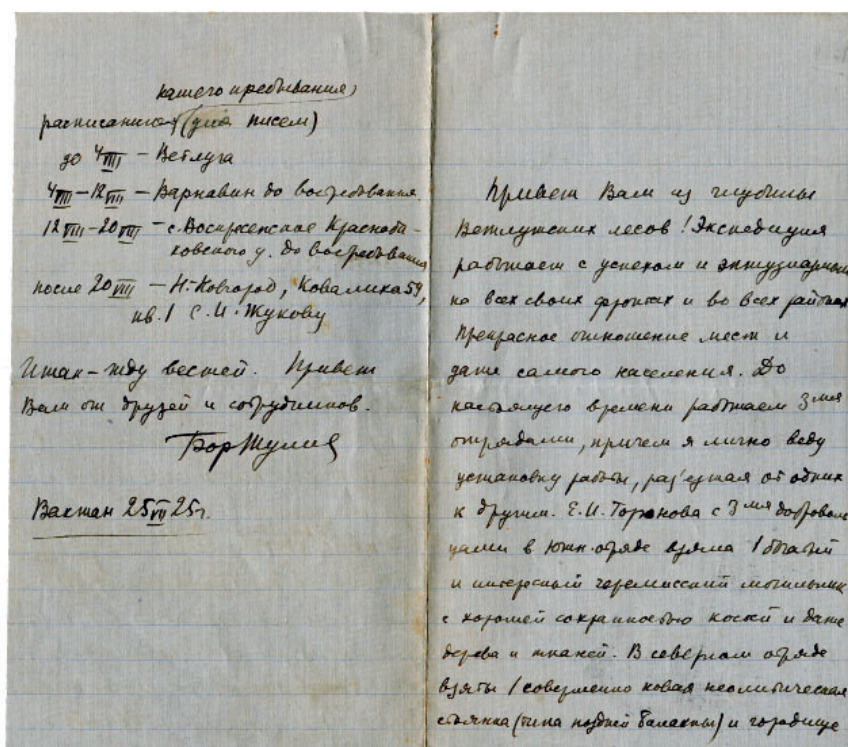

Рис. 2. Письмо Б.С. Жукова М.В. Воеводскому от 25.07.1925 г. из Вахтана, Ветлужская экспедиция (ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 15–16).

Fig. 2. B.S. Zhukov's letter to M.V. Voyevodsky dated 25.07.1925 from Vakhtan, Vetluga expedition (Written Sources Department of the State Historical Museum. F. 595. Ed. hr. 54. L. 15-16).

поздравил М.В. Воеводского и А.Е. Алихову с успешными раскопками эрзянских грунтовых могильников Борнуково XIV–XVII вв. на р. Пьяне, отметив, что «результаты Пьяны оправдали ожидания». В этом же письме Жуков не запрещает, но все же сожалеет о планируемой его учеником экспедиции в Киргизию. Борису Сергеевичу в этой ситуации жаль распыления научных сил коллектива: «Ничего не буду иметь против, если лопнет Ваш Туркестан». Рекогносцировочные исследования М.В. Воеводского и М.П. Грязнова в Киргизии и Туркмении тем не менее в 1928 г. состоялись (Археологические..., 1962, с. 57).

В августе 1928 г. Жуков из Геленджика (где он примеряется к организации работ по обследованию причерноморских дольменов) шлет друзьям-сотрудникам открытку (№ 5), ожидая от них «известий об окончании работ по отрядам» Антропологической комплексной экспедиции. Особое поручение адресовано Воеводскому, а именно: Борис Сергеевич «для окончательной проработки» ждет от него присылку иллюстративного альбома «Трудов» Ветлужской экспедиции (рис. 3).

В мае-июне 1929 г. Жуков совершил свою единственную зарубежную научную поездку, участвуя в Берлине в работе международного симпозиума, посвященного 100-летию Германского археологического института⁴. Домой в Россию он возвращался через Данию, Швецию и Финляндию, планируя по пути познакомиться с материалами по мезолиту, неолиту и эпохе раннего металла скандинавских стран. Кроме того, будучи «государственным археологом», занимая пост руководителя археологического подотдела Главнауки НКП РСФСР, его интересовала организация археологической службы в этих государствах. В открытом письме Воеводскому, отправленном из Гамбурга (рис. 4), Борис Сергеевич печется о подготовке к отправке в поле отрядов Антропологической экспедиции, включая получение денег для АКЭ и его жалования. Выезд в экспедицию намечался на 9 июня, то есть на следующий день по возвращении из Финляндии.

Сам Жуков направился в район Геленджика, а затем в Крым. Здесь Черноморская экспедиция Института антропологии прове-

Рис. 3. Открытка Б.С. Жукова М.В. Воеводскому от 22.08.1928 г. из Геленджика (ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 23об).

Fig. 3. B.S. Zhukov's postcard to M.V. Voyevodsky dated 22.08.1928 from Gelendzhik (Written Sources Department of the State Historical Museum. F. 595. Ed.hr. 54. L. 23 ob.).

Рис. 4. Открытка Б.С. Жукова М.В. Воеводскому от 28.05.1929 г. из Гамбурга (ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 24об).

Fig. 4. B.S. Zhukov's postcard to M.V. Voyevodsky from Hamburg dated 28.05.1929 (Written Sources Department of the State Historical Museum. F. 595. Ed. hr. 54. L. 24 ob.).

ла раскопки могильников Геленджик I и II, стоянки раковинной культуры близ цементного завода, средневековых некрополей в долине р. Жане, обследовала 30 дольменов, а на Ай-Петринской Яйле в Крыму – 12 мезолитических местонахождений (Археологические..., 1962, с. 62). Через три недели после выезда, 28 июня 1929 г., он пишет Воеводскому с рядом просьб финансового плана (№ 7), Бадеру адресованы поручения по отправке в музей коллекций стоянок Языково, Нико-ло-Перевоз и Больше-Козино, ему же Жуков просит передать всю переписку «о тальгрен-новском издании».

В томе IV журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua», посвященном 70-летию А.А.

Спицына, вся жуковская палеоэтнологическая команда приняла самое деятельное участие⁵. Но процесс подготовки статей, их перевод и редактирование вызвали немало сложностей, затем возникли проблемы политического характера, связанные с «делом Жебелёва» (Тункина, 2000) и участием в спицынском сборнике русских археологов-эмигрантов. На Жукова легло согласование всех этих вопросов с редактором ESA А.М. Тальгреном (Кузьминых, 2023). В итоге сложности удалось разрешить к радости всех авторов юбилейного сборника.

Это письмо оказалось последним. Мстислав Вацлавович бережно сохранил письма и открытки своего учителя, наставника и

друга. Они передают нам пульс многогранной деятельности Жукова как лидера московской палеоэтнологической школы 1920-х гг., раскрывают рабочую кухню исследований его учеников и сотрудников, ярко характеризуют Бориса Сергеевича как администратора и руководителя больших комплексных экспедиций и уникального научного коллектива. Большинство учеников Б.С. Жукова, влившихся в начале 1930-х гг. в Московское отде-

ление ГАИМК–ИИМК, сохранили верность палеоэтнологическому направлению в своих трудах и поисках и, безусловно, обогатили советскую археологию методами и приемами полевых, камеральных и кабинетных исследований, воспринятых в жуковской школе. М.В. Воеводский принадлежит к числу самых достойных продолжателей этой школы: палеоэтнологический стержень явственно проступает во всем его творчестве.

Примечания:

¹ См. краткую информацию об этом фонде: (Белозёрова, Кузьминых, 2015).

² См. подробнее о жизни и научной деятельности ученого: (Замятнин, 1948; Чубур, 2003; Белозёрова, Кузьминых, 2015).

³ См. подробнее в воспоминаниях А.П. Сергиевской в настоящем номере.

⁴ См. подробнее об этой поездке: (Детлова и др., 2023).

⁵ См. об этом подробнее: (Кузьминых, 2023).

Благодарности:

Авторы выражают искреннюю признательность за помощь и содействие при подготовке этой статьи Александре Петровне Сергиевской, Денису Валерьевичу Пежемскому (Россия), Тимо Салминену (Финляндия).

Письма Б.С. Жукова М.В. Воеводскому

[25.07.1925]

Привет Вам из глубины ветлужских лесов! Экспедиция работает с успехом и энтузиазмом на всех своих фронтах и во всех районах. Прекрасное отношение мест и даже самого населения. До настоящего времени работаем 3-мя отрядами¹, причем я лично веду установку работы, разъезжая от одних к другим. Е.И. Горюнова² с 3-мя добровольцами в южном отряде взяла один богатый и интересный черемисский могильник с хорошей сохранностью костей и даже дерева и тканей³. В северном отряде взяты совершенно новая неолитическая стоянка (типа поздней Балахны)⁴ и городище Одоевское с 2-мя наслоениями⁵. Отряд едет дальше к Ветлуге⁶ и по дороге обследует еще несколько памятников. Материал раскопок достаточно богат, а главное – выяснены стратиграфия Одоевского [городища] и т.д.⁷ Этнографическая часть имеет неистощимый интересный материал⁸. Ведутся записи, зарисовки, фотографирование и приобретение.

Антропометры взяли в Ветлуге около 300 объектов и здесь, на Вахтане, возьмут несколько сот, из коих 60% Ветлужского уезда⁹. 3-го августа произойдет перегруппировка: антропометры, Толстов¹⁰ и его помощница пройдут Уренским районом, а остальные все двинутся от Ветлуги по реке. Затем все соединяться у ст[анции] Ветлужской. В Ветлуге настолько заинтересовано все население, начиная от предубика¹¹, что мой доклад собрал битковую разношерстную аудиторию. Думаю, что на раскопках под Ветлугой получим человек 40 рабочей силы. Пока еще нигде не нанимали копателей. Что здесь убийственно – дороги, которые убивают массу времени. Путешествия на лошадях за 40 верст по отчаянным дорогам вошли в мой обиход.

Ждали и еще ждем сегодня Н. А-ча¹² на Вахтан. Пишите и шлите деньги, сообщите о них.

Деньги (в экспедицию, а не мое жалование) надо пересылать с расчетом, что мы: 1) до 4/VIII в Ветлуге, а 2) после – их надо переводить в Н. Новгород Губмузей А.И. Иконникову¹³ для меня; в последнем случае необходимо известить меня по следующему расписанию нашего пребывания (для писем): до 4/VIII – Ветлуга; 4/VIII–12/VIII – Варнавин, до востребования; 12/VIII–20/VIII – с. Воскресенское Краснобаковского у., до востребования; после 20/VIII – Н. Новгород, ул. Ковалиха, 59, кв. 1 С.И. Жукову¹⁴.

Итак, жду вестей. Привет Вам от друзей и сотрудников.

Бор. Жуков.

Вахтан, 25/VII–25 г.

2.

[до конца июня 1927 г.]

Миша!

Ваше счастье, что иллюстрации сейчас не сдаются в работу, будут сданы осенью. Я никак не ожидал, что Вы за все время не удосужитесь даже объяснить, что нужно сделать Люке¹⁵, с которой живете в одной квартире, а свалите это на меня, как имеющего больше свободного времени, равно как свалите и «Альбом»¹⁶ со всей технической работой по нему, имея палеоэтнологическую жену.

Возвращаю Вам все полностью и надеюсь в конце июня получить от Вас это в надлежащем виде.

По приезде вызывайте для работ Таню¹⁷, которая будет работать еще две недели. Нужно обязательно сделать регистр[ационные] фото. Можно ли это до приезда Enfaxt¹⁸, или нет?

Затем необходимо¹⁹, чтобы при проезде в июле можно было бы свезти в Нижний: а) Козинские коллекции (копать еще раз Козино, вероятно, не будем²⁰); б) все остатки по Ветл[ужским] город[ищам] и чтобы после пребывания Анфаны²¹ в Москве были отосланы и Перемчалки²². Благодаря этим задержкам создаются крупные неприятности с Иконниковым, и задержки Козина и Перемчалок приводят к тому, что мы лишимся всякой денежной поддержки зимой от Музея (на обработку)²³. Поэтому фотографируйте склеенные козинские сосуды, профилируйте их и уложите всё Козино в ящик (перерисовав и описав кремень) с инструкцией, как выставлять. Около 20/VII [-1927] я приеду в Москву.

Б. Ж.

ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 20-20об

3.

[Без даты]

Миша!

Я никак не ожидал такого разгильдяйства с Вашей стороны и думал, что Вы господин своего слова. Ставлю Вам совершенно серьезно на вид, что из-за Вашей беспечности я не мог кончить дела с муляжами, о чем, также как и о поступке Б.А.²⁴, которому я определенно заявил, что отпускаю Вас до воскресенья вечера, я заявлю в предметной комиссии.

Будьте добры:

1) В зависимости от результатов дела, о котором Вам скажет Н.А., немедленно прислать мне почтой список коллекций с точными легендами, как мы с Вами говорили, по адресу: Н.-Новгород, ул. Ковалиха, 59, кв. 1. Коллекцию по списку изготовьте по совету с Ник. Ал., а когда все будет готово, сговоритесь с Грекуловым о работе.

2) Черновик дневника Льяловских (неолит) раскопок²⁵ оставьте на хранение у себя на квартире, если Е.И. [Горюнова] не возьмется сдать его мне к моему приезду.

3) Материалы по Святому озеру²⁶ выдайте для монтировки О. Бадеру²⁷, а также выдайте ему для хранения, но не монтировки два кургана Никольских²⁸ при полевой описи.

4) Льяловских материалов никаких не выдавайте. Я об этом сговорился с Богдановым²⁹. Исключение из этого – несколько вещей, о которых нужно напомнить Богданову. Он хотел дать их перерисовать.

5) Договоритесь с Н.А. о трате денег, которые я получил. Купите что необходимо.

6) Не уезжайте из Москвы до тех пор, пока не выполните всех этих дел, и напишите мне об их выполнении.

Бор. Жуков

ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 21-21об

4.

Июня 8, 1928 г.³⁰

Дорогой Миша!

Вы, вероятно, не получили моего письма, адресованного на Гагаринский³¹, в котором я просил срочно выслать мне расписку васильурского учителя, хранящего лодку, написать кто он и как его искать, а также послать ему предупреждающее письмо, что я хочу эвакуировать оттуда лодку. Очень вышло нехорошо, что я 5-го не имел этого документа. Теперь просьба выслать его мне (с письмом) заказным письмом в Васильурск до востребования.

Поздравляю Вас с успехом. Считаю, что результаты Пьяны³² оправдали ожидания.

Ничего не буду иметь против, если лопнет Ваш Туркестан³³. На Тверь и Ленинск³⁴ на Вас и А.Е.³⁵ расчет на 100%, причем если Вы будете свободны, то в Ленинске, в связи с работами нужно будет сделать обследования, можно ли еще рассчитывать на Талицкого³⁶? Напишите окончательно о себе, а о нем мне в Васильсурск. Срок работ: 26-3 Языково, 4-11 Ленинск.

Далее о Козине. О чем Вы спрашиваете? Если о раскопках, то их нынче не осилить, если об обработке – то все возможности давно исчерпаны, на нас справедливо злятся и никаких денег больше не дадут. Единственно, что я могу сделать, это разрешить Вам употребить остатки Вашей пьянской эпопеи на Козине, причем только в том случае, если Вы сумеете сдать счетов на всю полученную сумму плюс 50 р. брянских. Фотографируете сами, у Вас есть время и специалист-консультант Н.А.С. Пора Вам самому учиться фотографировать.

О мандате и листе обязательно наведите справки на почте. Они Вам были посланы, в частности, мандат Нижгубплана послан в Б. Якшень. О Супоневских деньгах³⁷ справляйтесь. Далее – не прозевайте заказать оттиски «Трехлетнего очерка АКЭ» [Жуков, 1928]. Привет!

Ваш Б. Жуков.

ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 22-22об

5.

Почтовая карточка³⁸
[22.08.1928]

Шлю привет друзьям-сотрудникам из Геленджика³⁹. Ожидаю известий об окончании работ по отрядам. От [Михаила] Вацлавовича, в частности, жду присылки «альбома»⁴⁰ для окончательной проработки. Здесь имеется краеведческий музей, с которым я намерен войти в переговоры по поводу работ по обследованию дольменов. Бор. Жуков.

ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 23-23об

6.

Почтовая карточка⁴¹
Гамбург
[28.05.1929]

Дорогой Миша! Я писал Из[ольде] Теоф[иловне]⁴² и просил ее перевести мне на советскую железнодорожную станцию на финляндской границе 50 р. из моих денег. Пожалуйста, напомните ей и просите сообщить мне по адресу: Гельсингфорс, Тальгрону, для меня, сделано ли это. Названия станции я не знаю, надо узнать. Я приеду, вероятно, 8-го июня и прошу в этот день иметь наготове и передать мне мое очередное жалование по ун[иверсите]ту. Т.к. я собираюсь 9-го выехать в Нижний [Новгород], было бы хорошо подготовить к 8-му все дела по отправке отрядов АКЭ, иметь полученные деньги и т.д. Передайте об этом Отто. Завтра утром еду в Копенгаген к Иоханесену⁴³, а затем далее⁴⁴. Привет всем! Бор. Жуков.

ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 24-24об

7.

28/VI-29 г.

Дорогой Миша!

Если, паче чаяния, я Вас не застаю в Москве (что было бы очень нежелательно) в конце недели, прошу Вас:

1. Передать отчетность в 125 р. (снабжение) Зенкевичу⁴⁵.

2. Оставить ему же 50 р. Брянских⁴⁶ (возмещение из Туркест[анских] средств ссуды⁴⁷). Если бы это стеснило сейчас Ваши кредиты, то в крайнем случае можете их перевести на мое имя в Геленджик до востребования к 15 августа, но известить меня, что это сделано (или будет сделано) заблаговременно и вполне определенно.

3. Передать Отто исчерпывающие данные и материалы по организации Языкова, Н[иколо-]Перевоза⁴⁸. Также сведения о том, как договорено с <...> по поводу передачи Языкова прошлого года⁴⁹ (когда отправляем?).

4. Упаковать Козино⁵⁰, т[ак] чтобы в Нижний был готов транспорт коллекций, кот[орые] надо теперь же отправлять.

5. Передать Отто сведения о Тальгреновском издании (переписку)⁵¹.

Ваш Б. Жуков.

ОПИ ГИМ. Ф. 595. Ед. хр. 54. Л. 25.

Примечания:

¹ Речь идет о работах археологического (рук. О.Н. Бадер, Е.И. Горюнова), антропологического (рук. П.И. Зенкевич, Т.А. Трофимова) и этнографического (рук. С.П. Толстов, М.Г. Левин) отрядов Ветлужской антропологической комплексной экспедиции; см. подробнее: (Жуков, 1926; 1928). Общее руководство работами экспедиции осуществлял Б.С. Жуков.

² Горюнова Екатерина Ивановна (1902–1995), археолог, ученица Б.С. Жукова, специалист по археологии поволжско-финских народов эпохи средневековья; см. подробнее: (Смирнов, 1996).

³ Речь идет о Большепольском (Большое Поле) марийском кладбище XVII – начала XVIII в. в Воскресенском р-не Нижегородской обл.; см. подробнее: (Археологические... 1962, с. 30; Никитина, 2002; Николаенко, 2013, № 1947).

⁴ Речь идет о поселении «Паново городище»; см. подробнее: (Комаров, 1999, № 512).

⁵ Ранние отложения Одоевского городища связаны с вятско-ветлужской культурой АКИО, а поздние – с древнемарийской; см. подробнее: (Бадер, 1951, с. 114–134; Комаров, 1999, № 515).

⁶ Имеется в виду город Ветлуга (*авт.*).

⁷ О результатах раскопок 1925 г. см. в: (Жуков, 1926; 1928; Бадер, 1951, с. 117–122).

⁸ О результатах этнографических исследований 1925 г. см. в: (Жуков, 1926; 1928).

⁹ О результатах антропологических исследований 1925 г. см. в: (Жуков, 1926; 1928).

¹⁰ Толстов Сергей Павлович (1907–1976), этнолог, археолог, историк, востоковед, ученик Б.С. Жукова, в 1920-е автор трудов по этнографии народов центра Русской равнины; см. подробнее: (Рапопорт, Семенов, 2004; Неразлик, 2004; Алымов, 2007).

¹¹ Предуик – председатель уездного исполнительного комитета (*авт.*).

¹² Н. А-ч, Н.А., Ник. Ал., Н.А.С. – Синельников Николай Александрович (1885–1941), антрополог, ученик Д.Н. Анучина. С 1924 сотрудник кафедры антропологии, а с 1934 и Института антропологии МГУ. Инициатор развития МА МГУ как научно-просветительского учреждения; см. подробнее: (Балахонова, 2020). В экспедициях Б.С. Жукова являлся, кроме того, фотографом.

¹³ Иконников А.И., с 1924 г. и.о. заведующего Нижегородского губернского музея.

¹⁴ Жуков Сергей Иванович (1860–1932), сын Ивана Александровича Жукова (1827–1891), основателя «Нижегородского биржевого листка», и отец Б.С. Жукова; с 1892 издатель газеты «Волгарь»; в 1925 работал статистиком-экономистом ярмарочного комитета Нижегородской ярмарки; см. подробнее о нем: (Смирнов, 2020, с. 340–345).

¹⁵ Люка – ласковое обращение к Анне Епифановне Алиховой (1902–1989), археологе, ученице Б.С. Жукова, жене М.В. Воеводского, специалисту по археологии раннего железного века центра Русской равнины, средневековой мордвы, золотоордынского города Мохша; см. подробнее: (Воронина, 2003; Белозёрова, Кузьминых, 2015).

¹⁶ Судя по всему, речь идет об иллюстративном приложении к готовящемуся к изданию томе «Трудов» Ветлужской экспедиции (*авт.*).

¹⁷ Таня – вероятно, Трофимова Татьяна Алексеевна (1905–1986), антрополог, ученица В.В. Бунака, Б.С. Жукова, Б.А. Куфтина, специалист по антропологии и палеоантропологии народов Восточной Европы и Средней Азии; см. подробнее: (Аксянова, 2014).

¹⁸ Кто или что зашифровано под Enfaxt, выяснить не удалось (*авт.*).

¹⁹ Здесь и далее подчеркивания Б.С. Жукова (*авт.*).

²⁰ Речь идет о позднеолитических Больше-Козинских стоянках; см. о них: (Бадер, Воеводский, 1935; Николаенко, 2013, № 1566).

²¹ Анфана – еще одно ласкательное прозвище Анны Епифановны Алиховой.

²² Перемчалки – Перемчалкинский древнемордовский могильник близ с. Перемчалки Лукояновского у.; см.: (Алихова, 1948).

²³ Речь идет, судя по упоминанию А.И. Иконникова, о Нижегородском музее.

²⁴ Б.А. – по-видимому, Борис Анатольевич Куфтин (1892–1953), этнолог, археолог, академик АН Грузинской ССР; см. подробнее: (Дебец, 1954; Джапаридзе, 1993; Алымов, Решетов, 2003). В 1920-е гг. наряду с Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером активно занимался исследованием памятников эпох неолита и бронзы Окского бассейна. Среди важнейших раскопанных им памятников – Льяловская стоянка, Подборновское поселение и др.

²⁵ Речь идет, скорее всего, о дневнике раскопок 1925 г. (Археологические... 1962, с. 31).

²⁶ На Святом озере (севернее города Шатура) были исследованы поселения неолита и бронзового века Коренец 1–2, Святое озеро (Ключка) и Коренецкий курганный могильник эпохи бронзы (Комаров и др., 1996, № 1900, 1901, 1904, 1908).

²⁷ Бадер Отто Николаевич (1903–1979), археолог, специалист по археологии каменного и бронзового веков Восточной Европы, ученик В.А. Городцова и Б.С. Жукова, в 1920-е ближайший сотрудник Б.С. Жукова по работам Ветлужской и Антропологической комплексной экспедиций; см. подробнее: (Крайнов, 1975; Мельникова, 2003);

Кузьминых, 2004).

²⁸ Речь идет, вероятно, о Никольском курганном могильнике XII–XIII вв. под Москвой (Бадер, 1947. С. 99–101).

²⁹ Богданов Владимир Владимирович (1868–1949), этнолог, фольклорист, музейный деятель; см. подробнее: (Левин, 1949; Решетов, 2005; Керимова, 2018). В год написания письма (1924) директор Государственного музея Центрально-Промышленной области, заведующий Отделом восточных славян Центрального музея народоведения, хранитель Отдела этнографии Румянцевского музея, председатель Московского отделения Центрального бюро краеведения.

³⁰ Письмо написано на листе из блокнота с шапкой «Начальник Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического Научно-исследовательского института при I Московском Государственном университете» (авт.).

³¹ Гагаринский пер., д. 2, кв. 2 – домашний адрес М.В. Воеводского (авт.).

³² Речь идет о грунтовых могильниках Борнуково (Бурнаковка) XIV–XVII вв., принадлежащих мордве-эрзе; см. подробнее: (Алихова, 1959; Николаенко, 2004, № 216. 217).

³³ Экспедиционная поездка М.В. Воеводского и М.П. Грязнова в Киргизию и Туркмению в 1928 г. все же состоялась; см. подробнее: (Археологические... 1962, с. 57; Воеводский, Грязнов, 1938).

³⁴ Ленинск – бывший г. Талдом, административный центр Ленинского у. Московской губ. в 1921–1929 гг.

³⁵ А.Е. – Анна Епифановна Алихова.

³⁶ Талицкий Михаил Васильевич (1906–1942), археолог, ученик Б.С. Жукова. В 1920–1930-е участвовал в разведочных поисках АКЭ в Московской области (Талицкий, 1941), проводил исследования в зоне строительства канала Москва – Волга (Бадер и др., 1935) и Ярославской гидроэлектростанции (Бадер, Талицкий, 1935), палеолитических стоянок Пещерный лог (Талицкий, 1946) и Островской близ Перми (Талицкий, 1940; 1940а), средневекового Кочергинского могильника (Талицкий, 1940б) в Верхнем Прикамье. Осенью 1941 г. ученый ушел добровольцем на фронт, в августе 1942 погиб; см. о нем: (Бадер М.А., 1953).

³⁷ Речь идет о деньгах, предназначенных на раскопки Супоневской палеолитической стоянки (Археологические... 1962, с. 38).

³⁸ Почтовая карточка, адресованная: Москва, Моховая, 11, Антропологический институт I Моск[овского] Гос[ударственного] университета, Михаилу Вацлавовичу Воеводскому 22/VIII-28 г.

³⁹ Б.С. Жуков вел здесь исследования дольменов. Из письма А.М. Тальгрену (11.10.1928): «Сам я вернулся в Москву лишь несколько дней тому назад, закончив летний экспедиционный сезон небольшим обследованием дольменов в районе Новороссийска». С докладом о причерноморских дольменах Жуков планировал выступить на Международном конгрессе археологов в Барселоне в сентябре 1929 г. (Кузьминых, 2023).

⁴⁰ Альбом – вероятно, иллюстративная часть «Трудов Ветлужской антропологической комплексной экспедиции» (авт.).

⁴¹ Почтовая карточка, адресованная: Москва, Гагаринский пер., д. 2, кв. 2, Михаилу Вацлавовичу Воеводскому 28/V-29 г.

⁴² Изольда Теофиловна – вероятно, главбух Института антропологии тех лет (авт.).

⁴³ Йохансен Кнуд Фриис (1887–1971), датский археолог-классик, с 1926 профессор археологии Копенгагенского университета. А.М. Тальгрен рекомендовал Б.С. Жукову установить научные контакты с коллегой из Дании наряду с другими известными европейскими археологами (Кузьминых, 2023). Жуков воспользовался этой рекомендацией во время своей поездки на юбилей Германского археологического института.

⁴⁴ Далее на пути в Россию Б.С. Жуков посетил Швецию и Финляндию (авт.).

⁴⁵ Зенкевич Пантелеймон Иванович (1903–1975), антрополог, выпускник кафедры антропологии МГУ, в 1927 защитил диплом на тему «К антропологии русского населения Нижегородского Заволжья». С 1926 в Институте антропологии МГУ – от лаборанта до зам. директора по научной работе; см. подробнее: (Строкина, 2018).

⁴⁶ Вероятно, речь идет о сэкономленных деньгах, выделенных в 1928 г. на раскопки Супоневской стоянки (авт.).

⁴⁷ Возможно, речь идет о ссуде, предназначенной на организацию работ Пскентской экспедиции в Узбекистане в 1929 г. (Археологические... 1962, с. 63).

⁴⁸ Судя по всему, речь идет о подготовке к передаче в музейное хранение коллекций Языковской и Николо-Перевозской стоянок (авт.).

⁴⁹ Работы в Языково в 1928 г. не отражены в отчетной документации (Археологические... 1962, с. 38, 39).

⁵⁰ Речь идет, вероятно, о передаче коллекции поздненеолитического Большекозинского I поселения, исследованного Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером в 1925 г.; см. о памятнике: (Николаенко, 2013, № 1566).

⁵¹ Речь идет о переписке с А.М. Тальгреном по поводу статей Б.С. Жукова и его учеников для журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua IV», посвященного 70-летию А.А. Спицына; см. подробнее: (Кузьминых, 1923).

ЛИТЕРАТУРА

- Акьянова Г.А.* Творческий вклад Т.А. Трофимовой в антропологию Евразии // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2014. № 4. С. 88–100.
- Алихова А.Е.* Перемчалкинский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1948. С. 173–210.
- Алихова А.Е.* Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Археологический сборник. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. С. 169–194.
- Альмов С.С.* На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // ЭО. 2007. № 5. С. 125–144.
- Альмов С.С., Решетов А.М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы Вып. 2. / сост., отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература 2003. С. 227–268.
- Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.
- Бадер М.А.* Михаил Васильевич Талицкий (1906–1942) // Ученые записки Молотов. ун-та. Т. IX. Вып. 3. Харьков, 1953. С. 192–193.
- Бадер О.Н.* Материалы к археологической карте Москвы и её окрестностей // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I / МИА. № 7 / Ред. А.В. Арциховский. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 88–167.
- Бадер О.Н.* Городища Унжи и Ветлуги // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 110–158.
- Бадер О.Н., Воеводский М.В.* Стоянки Балахнинской низины // Бадер О.Н., Воеводский М.В., Дмитриев П.А., Зубарева А.В., Третьяков П.Н., Шмидт А.В. Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 298–346.
- Бадер О.Н., Талицкий М.В.* Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средневологострой). Участок Скиятино–Молога. Могильник у д. Рыболовки // Археологические работы Академии на новостройках 1932–1933 гг. Вып. 1 / Известия ГАИМК. Вып. 109 / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 156–157.
- Бадер О.Н., Талицкий М.В., Збруева А.В., Пассек Т.С., Елизарова Н.А., Бадер М.А.* Работы на строительстве канала Москва – Волга. Археологические памятники // Археологические работы Академии на новостройках 1932–1933 гг. Вып. 1 / Известия ГАИМК. Вып. 109. / Отв. ред. И. Мещанинов. М.-Л.; Соцэкгиз, 1935. С. 39–65.
- Балахонова Е.И.* Синельников Николай Александрович (1885–1941). К 135-летию со дня рождения // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 4. С. 129–137.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.* Научное наследие М.В. Воеводского и А.Е. Алиховой (по материалам ОПИ ГИМ) // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН, 2015. С. 8–10.
- Белозёрова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В.* К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК–ГАИМК // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 172–188.
- Воеводский М.В., Грязнов М.П.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. 1938. № 3 (4). С. 162–179.
- Воронина Р.Ф.* Анне Епифановне Алиховой 100 лет // РА. 2003. № 3. С. 166–168.
- Дебец Г.Ф.* Памяти Б.А. Куфтина [1892–1953] // СЭ. 1954. № 1. С. 166–168.
- Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О.* Б.С. Жуков и его зарубежные контакты // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 81–95.
- Джапаридзе О.М.* К 100-летию со дня рождения академика Б.А. Куфтина // РА. 1993. № 3. С. 246–249.
- Жуков Б.С.* Человек Ветлужского края (по данным Ветлужской антропологической комплексной экспедиции 1925 г) // Производительные силы Нижегородской губернии. Вып. III / Ред. А.М. Горбачев, А.Б. Португалов, Б.Г. Рождественский, С.С. Станков. Н. Новгород, 1926. С. 239–256.

Жуков Б.С. Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического Института (1925–1927) // Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ. 1928. Т. 1. Вып. 1–2. С. 264–286.

Замятнин С.Н. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского (1903–1948) // СА. Т. XII / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 213–216.

Иваненко С.И. Эволюция русского православия к просвещению и научному знанию // Вопросы научного атеизма. Вып. 37: Православие в истории России / Отв. ред. В.И. Гараджа. М.: Мысль, 1988. С. 271–287.

Керимова М.М. Фонд В.В. Богданова в научном архиве Института этнологии и антропологии РАН // Кубанские исторические чтения: Матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Н.П. Курусканова, Б.В. Улезко. Краснодар: ИЭА РАН, 2018. С. 209–213.

Комаров К.И. Археологическая карта Костромской области - Археологическая карта России: Московская область. Часть 3 / сост. Г.Г. Король, Т.Д. Николаенко, С.З. Чернов, Б.Е. Янишевский. М.: ИА РАН, 1996. 272 с.

Король Г.Г., Николаенко Т.Д., Чернов С.З., Янишевский Б.Е. Археологическая карта Московской области. Археологическая карта России. Костромская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Восточная литература 1999. 368 с.

Крайнов Д.А. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина. М.: Наука, 1975. С. 5–13.

Кузьминых С.В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004. № 4. С. 142–150.

Кузьминых С.В. Письма Б.С. Жукова А.М. Тальгрону (1924–1929 гг.) // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 8–44.

Левин М.Г. Владимир Владимирович Богданов (К 80-летию со дня рождения) // СЭ. 1949. № 1. С. 161–162.

Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.) / МИКВАЭ. Т. 7. Ижевск: УдГУ, 2003. 180 с.

Неразлик Е.Е. Сергей Павлович Толстов (1907–1976) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4: Новая и новейшая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. С. 462–484.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2013. 406 с.

Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 1930-х гг.). Воронеж: ВГУ, 1986. 286 с.

Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И. Сергей Павлович Толстов – выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 184–232.

Решетов А.М. Богданов Владимир Владимирович // БРЭ. 2005. Т. 3. С. 641.

Смирнов К.А. Памяти Екатерины Ивановны Горюновой (1902–1995) // РА. 1996. № 2. С. 250–251.

Смирнов С.А. Башкировы. Триумф и трагедия. Н. Новгород: Отчина, 2020. 408 с.

Строкина А.Н. Наши замы. Воспоминания о П.И. Зенкевиче и В.П. Волкове-Дубровине // Известия Института антропологии МГУ. Вып. 5. / Отв. ред. Е.Л. Воронцова. М.: НИИ и Музей антропологии, 2018. С. 76–89.

Талицкий М.В. Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова // КСИИМК. Вып. IV / Отв. ред. С.Н. Бибииков. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 41–42.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7 / Отв. ред. И.М. Губкин. М.; Л.: АН СССР, 1940а. С. 136–140.

Талицкий М.В. Кочергинский могильник // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. №1 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР, 1940б. С. 159–168.

Талицкий М.В. Коломенский район, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934 – 1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 61–67.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка «Пещерный лог» // КСИИМК. Вып. XII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 9–14.

Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. II / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–161.

Чубур А.А. Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии (к 100-летию со дня рождения). Брянск: Брянск. филиал Моск. гос. социал. ун-та, 2003. 44 с.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Белозёрова Ирина Валентиновна, старший научный сотрудник, Государственный исторический музей (г. Москва, Россия); irina.belozero@yandex.ru

REFERENCES

Aksyanova, G. A. 2014. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia)* (4), 88–100 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 1. Saransk: “Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo” Publ., 173–210 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: Mordovian Book Publ., 169–194 (in Russian).

Alymov, S. S. 2007. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 5, 125–144 (in Russian).

Alymov, S. S., Reshetov, A. M. 2003. In Tumarkin, D. D. (ed.). *Repressirovannye etnografy (Ethnographers – Political Prisoners)* 2. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 227–268 (in Russian).

In Voronin, N. N., Tikhonova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (1919–1956 gg.): Ukazatel' (Archaeological Expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (1919–1956): Index)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bader, M. A. 1953. In *Uchenye zapiski Molotovskogo universiteta (Scientific Bulletin of the Molotov University)* IX (3). Khar'kov, 192–193 (in Russian).

Bader, O. N. 1947. In Artsikhovskiy, A. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy (Materials and studies on the archaeology of Moscow)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 7. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 88–167 (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 110–158 (in Russian).

Bader, O. N. & Voevodsky, M. V. (ed.). In Bader, O. N., Voevodsky, M. V., Dmitriev, P. A., Zubareva, A. V., Tret'yakov, P. N., Shmidt, A. V. 1935. *Iz istorii rodovogo obshchestva na territorii SSSR (From the history of the tribal society on the territory of USSR)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) 106. Moscow; Leningrad: “Gosotsekgiz” Publ., 100–165 (in Russian).

Bader, O. N., Talitskiy, M. V. 1935. In Meshchaninov, I. (ed.). *Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh 1932–1933 gg. (Archaeological Activities of the Academy at New Construction sites in 1932–1933)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) (1). Moscow-Leningrad: “Sotsekgiz” Publ., 156–157 (in Russian).

Bader, O. N., Talitskiy, M. V., Zbrueva, A. V., Passek, T. S., Elizarova, N. A., Bader, M. A. 1935. In Meshchaninov, I. (ed.). *Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh 1932–1933 gg. (Archaeological Activities of the Academy at New Construction sites in 1932–1933)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) (1). Moscow-Leningrad: “Sotsekgiz” Publ., 39–65 (in Russian).

- Balakhonova, E. I. 2020. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia)* (4), 129–137 (in Russian).
- Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In Gaidukov, P. G., Tunkina, I. V. (eds.). *Uchenye i idei: stranitsy istorii arkheologicheskogo znaniia (Scientists and Ideas: Pages of the History of Archaeological Knowledge)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 8–10 (in Russian).
- Belozerov, I. V., Gaidukov, P. G., Kuzminykh, S. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 162–179 (in Russian).
- Voevodsky, M. V., Gryaznov, M. P. 1938. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 4 (3), 162–179 (in Russian).
- Voronina, R. F. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 166–168 (in Russian).
- Debets, G. F. 1954. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 166–168 (in Russian).
- Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V., Nagler, A. O. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 81–95 (in Russian).
- Dzhaparidze, O. M. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 246–249 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1926. In Gorbachev, A. M., Portugalov, G., Stankov, S. S. (eds.). *Proizvoditel'nye sily Nizhegorodskoy gubernii (Productive forces of the Nizhny Novgorod Governorate)* 3. Nizhny Novgorod, 239–256 (in Russian).
- Zhukov, B. S. 1928. In *Izvestiya Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov pri fiziko-matematicheskoi fakul'tete MGU (Bulletin of the Association of research institutes at the faculty of physics and mathematics of Moscow State University)* 1 (1–2), 264–286 (in Russian).
- Zamyatnin, S. N. 1948. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 213–216 (in Russian).
- Ivanenko, S. I. 1988. In Garadzha, V. I. (ed.). *Voprosy nauchnogo ateizma (Issues of scientific atheism)* 37. Moscow: “Mysl” Publ., 271–287 (in Russian).
- Kerimova, M. M. 2018. In Kuruskanova, N. P., Ulezko, B. V. (eds.). *Kubanskiye istoricheskie chteniya (Kuban historical readings)*. Krasnodar, 209–213 (in Russian).
- Komarov, K. I. 1996. In Korol, G. G., Nikolaenko, T. D., Chernov, S. Z., Yanihsevsky, B. E. (comp). *Arkheologicheskaya karta Rossii. Moskovskaya oblast' (Archaeological Map of Russia: Moscow Oblast)*. Part 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Korol, G. G., Nikolaenko, T. D., Chernov, S. Z., Yanishevskii, B. E. 1999. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *Arkheologicheskaya karta Rossii. Kostromskaya oblast' (Archaeological Map of Russia: Kostroma Oblast)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Krainov, D. A. 1975. In P. M. Kozhin, L. V. Kol'tsov, M. P. Zimina (eds.). *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii (Monuments of the Ancient History of Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 5–13 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 142–150 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, (in Russian).
- Leven, M. G. 1949. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 161–162 (in Russian).
- Mel'nikova, O. M. 2003. *Permskaya nauchnaya arkheologicheskaya shkola O.N. Badera (1946–1955 gg.) (Perm scientific archaeological school of O.N. Bader (1946–1955))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 7. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
- Nerazlik, E. E. 2004. In Sevost'yanov, G. N. (ed.) *Portrety istorikov. Vremia i sud'by. T. 4: Novaia i noveishaia istoriia (Portraits of Historians. Time and Fates. Vol. 4: Modern and Contemporary History)*. Moscow: “Nauka” Publ., 462–484 (in Russian).
- Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
- Nikolaenko, T. D. 2013. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region)*. Part 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1986. *Istoriya sovetskoy arkheologii (1917 – seredina 1930-kh gg.) (History of Soviet archaeology (1917 – mid-1930s))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Rapoport, Yu. A., Semenov, Yu. I. 2004. In Tishkov, V. A., Tumarkin, D. D. (ed.). *Vydayushchiesya otechestvennye etnografy i antropologi XX veka (Outstanding native ethnographers and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: “Nauka” Publ., 184–232 (in Russian).

Reshetov, A. M. 2015. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 3. Moscow: “Great Russian Encyclopedia” Publ., 641 (in Russian).

Smirnov, K. A. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 250–251 (in Russian).

Smirnov, S. A. 2020. *Bashkirovy. Triumf i tragediya (Bashkirovs. Triumph and tragedy)*. Nizhny Novgorod: “Otchina” Publ. (in Russian).

Strokina, A. N. 2018. In Vorontsova, E. L. (ed.). *Izvestiya Instituta antropologii MGU (Journal of Institute of Anthropology MSU)* 5. Moscow, 76–89 (in Russian).

Talitskiy, M. V. 1940. In Grekov, B. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* IV. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 41–42 (in Russian).

Talitskiy, M. V. 1940a. In Gubkin, I. M. (ed.). *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary)* 56. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 136–140 (in Russian).

Talitskiy, M. V. 1940b. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 159–168 (in Russian).

Talitskiy, M. V. 1941. In Golmsten, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia (Archaeological Research in the Russian Federation in 1934–1936: Brief Reports and Data)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 61–67 (in Russian).

Talitskiy, M. V. 1946. In Grekov, B. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 33–42 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2000. In Gavrilov, A. K. (ed.). *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii (The ancient world and us. Classical heritage in Europe and Russia)* II. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., 116–161 (in Russian).

Chubur, A. A. 2003. *Mikhail Vatslavovich Voevodskiy: stranitsy biografii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) (Mikhail Vatslavovich Voevodsky: biography pages (to the 100th anniversary of his birth))*. Bryansk: Bryansk Branch of Moscow State Social University (in Russian).

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Belozerova Irina V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; irina.belozero@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902 (902.26)/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.81.95>**Б.С. ЖУКОВ И ЕГО ЗАГРАНИЧНЫЕ КОНТАКТЫ**

©2023 г. Е.В. Детлова, С.В. Кузьминых, А.О. Наглер

Б.С. Жуков – один из немногих известных в Европе советских археологов. Однако международные контакты до поры остаются наименее изученной страницей его биографии. В статье рассматриваются два эпизода, относящиеся к этой теме. Первый связан с поездкой Б.С. Жукова в Берлин в 1929 г. и его выступлением на Международном археологическом съезде, посвященном 100-летию со дня основания Германского археологического института, а также с перепиской ученого с дирекцией этого института. Второй касается диалога Б.С. Жукова с немецким археологом Геро фон Мергарт. В рамках статьи впервые на русском языке публикуются ценные для истории науки документы: текст доклада Б.С. Жукова «Тарденуаз в Крыму. Неолит в Поволжье», напечатанный в сборнике материалов берлинского съезда в 1930 г., письмо ученого в дирекцию Германского археологического института, в котором он благодарит за избрание членом-корреспондентом Института и делает замечания относительно корректуры доклада, а также письмо Б.С. Жукова Г. Мергарту, которое сохранилось в личном архиве немецкого археолога в Марбургском университете.

Ключевые слова: археология, Б.С. Жуков, Геро фон Мергарт, советские археологи, Германский археологический институт, Международный археологический съезд в Берлине в 1929 г., Крым, Поволжье, тарденуаз, неолит.

B.S. ZHUKOV AND HIS CONTACTS ABROAD

E.V. Detlova, S.V. Kuzminykh, A.O. Nagler

B.S. Zhukov is one of the few Soviet archaeologists known in Europe. However, international contacts still remain the least studied page of his biography. The authors discuss two episodes related to this topic. The first one is connected with B.S. Zhukov's trip to Berlin in 1929 and his speech at the International Archaeological Congress, dedicated to the 100th anniversary of the founding of the German Archaeological Institute, as well as with the correspondence of the scientist with the administration of this institute. The second one concerns B.S. Zhukov's dialogue with the German archaeologist Gero von Merhart. Within the framework of article the documents valuable for the history of science are published in Russian for the first time: the text of B.S. Zhukov's paper «Tardenoise in the Crimea. Neolithic in the Volga region», published in the collection of materials of the Berlin Congress in 1930, a letter from the scientist to the administration of the German Archaeological Institute, in which he thanks for being elected a corresponding member of the Institute and makes comments on the proofreading of the report, as well as a letter from B.S. Zhukov to G. Merhart, that is kept in the personal archive of the German archaeologist at the University of Marburg.

Keywords: archaeology, B.S. Zhukov, Gero von Merhart, soviet archaeologists, German Archaeological Institute, International Archaeological Congress in Berlin in 1929, Crimea, Volga region, Tardenoise, Neolithic

О таких исследователях, как Борис Сергеевич Жуков (1892–1934), говорят: «ученый с европейским именем», «ученый мирового уровня». И действительно – он был одним из немногих русских и советских археологов, кто пользовался большим авторитетом на Западе. Несмотря на то, что о Жукове написано и сказано многое, его международное сотрудничество и связи с мировым научным сообществом остаются пока что одной из наименее изученных страниц его биографии. Не претендуя на то, чтобы осветить все связи Жукова с зарубежными коллегами, в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотре-

нием его контактов с немецкими учеными. При этом мы затронем два аспекта: первый можно назвать «институциональным», он касается отношений с научными учреждениями; второй – персональный или личностный – диалог Жукова с археологами Австрии и Германии.

В статьях о Жукове довольно редко упоминается членство Бориса Сергеевича в зарубежных научных обществах, например, тот факт, что в январе 1930 г. он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института. В центральном архиве Института сохранилось личное досье учено-

го. Эта «биографическая папка» довольно скромна и содержит следующие документы:

Машинопись от президента Германского археологического института Герхарда Роденвальда от 15.01.1930 об избрании Жукова членом-корреспондентом Института и с просьбой сообщить точные сведения о нем для изготовления диплома.

Рукописный ответ Жукова от 25.01.1930 с благодарностью за избрание и надеждой на продолжение сотрудничества.

Бумажный фрагмент, на котором рукой ученого написаны его личные данные (имя, место работы, адрес), – для анкеты, которую Институт рассылал всем новоиспеченным членам.

Рукописное письмо Жукова от 7.05.1930 (прил. 1).

Для того, чтобы понять, что предшествовало избранию Жукова членом-корреспондентом Германского археологического института и этой переписке, надо вернуться к эпизоду, когда Борис Сергеевич в 1929 г. вместе с другими советскими археологами был приглашен в Берлин.

Как справедливо заметил В.Ф. Генинг в своих «Очерках по истории советской археологии», «к концу 20-х – началу 30-х годов относится выход советских археологов на международную арену» (Генинг, 1982, с. 32). Одним из масштабных научных событий, в котором приняли участие наши ученые, был Международный съезд в Берлине, приуроченный к 100-летию Германского археологического института. В рамках юбилейных торжеств были организованы различного рода мероприятия. Подробнее о том, как проходил съезд, о его деловой и культурной программе, мы узнаем, во-первых, из заметки одного из приглашенных советских участников, известного антиковеда С.С. Дложевского (Дложевский, 1929), а также из сборника материалов съезда, изданного постфактум по его итогам. Программное заседание секции «Первобытная и древняя история Европы», которое проходило 22 апреля в Актовом зале Государственной библиотеки искусств (председательствовали Карл Шуххарт, граф Анри Бегуен и Освальд Менгин), в 4 часа пополудни открывал профессор Борис Жуков из Москвы докладом «Тарденуаз в Крыму. Неолит в Поволжье»¹. На выступление докладчикам было отпущено 30 минут – совсем немного, чтобы

представить высокому собранию результаты многолетних исследований.

Если сравнить берлинский доклад Жукова, его содержание и стиль изложения с другими научными публикациями ученого – глубокими, объемными, для которых свойственны скрупулезное описание и детальная проработка материала, то эти тексты существенно отличаются. Озвученный в Берлине доклад имеет более презентационный характер. Скорее всего, так и было задумано: выступления на съезде были нацелены на общее, схематичное и довольно поверхностное ознакомление иностранной аудитории с археологией обширной территории, страны или региона и не предполагали погружение в нюансы и своеобразие локальных исследований.

Даже при беглом знакомстве с докладом Жукова бросаются в глаза некоторые присущие как данной публикации, так и творчеству ученого в целом уникальные черты, например, свободное владение автором европейским материалом. Содержание изложено доступным и понятным даже дилетанту языком, но вместе с тем – профессионально, по существу, с аргументированным обоснованием каждого тезиса.

В соответствии с названием доклада «Тарденуаз в Крыму. Неолит в Поволжье» повествование распадается на две половины. Первая часть отведена мезолиту Крыма, вторая – более знакомой и более близкой Жукову теме верхневолжского неолита. В подходе к изучению и интерпретации самих памятников Борис Сергеевич остается верен принципам комплексного палеоэтнологического подхода к изучению в данном случае стоянок крымского нагорья (Балин-Кош, Ат-Баш и Юсуповской) и памятников Верхнего Поволжья и центра Русской равнины (Волосово, Балахна, Сейма, особенно пристальное внимание уделено исследуемым ученым на протяжении многих лет стоянкам Языково и Льялово).

В подробном анализе этой публикации нет необходимости, так как далее (прил. 2) следует ее полный текст (перевод с немецкого языка).

О каких правках в гранках статьи идет речь в письме Жукова дирекции Германского археологического института, мы можем только предполагать. Во-первых, что касается выбора темы, – скорее всего, она была продиктована пожеланиями организаторов, так как

Крым всегда привлекал внимание немецких археологов в качестве приоритетной области исследования. Тогда как для Жукова это было относительно новое направление по сравнению с более знакомыми и близкими волжско-окскими стоянками. В пользу разграничения и обособленности этих тем говорит и довольно резкий переход повествования к неолиту Верхнего Поволжья. Именно эта часть доклада, как и вторая половина его названия, вероятно, были обусловлены личным выбором московского палеоэтнолога. Во-вторых, некоторый схематизм изложения материала также следует отнести на счет требований редакции сборника к печатному тексту сообщений. Некоторые разногласия могли возникнуть и относительно объема статьи: несмотря на то, что она довольно лаконична для творчества Жукова – всего девять страниц, но почти в три раза превосходит доклады других авторов и, видимо, превысила допустимый лимит.

Борис Сергеевич, как явствует из его писем А.М. Тальгрону, посетил Германию впервые и был незнаком с немецкими археологами (Кузьминых, 2023). С кем из них он общался на съезде в рамках официальных мероприятий и неформального общения, мы сказать не можем. Контакты, установленные в Берлине, к сожалению, не могли быть прочными и продолжительными из-за трагических перипетий в судьбе ученого и в целом в отечественной науке на рубеже 1920–30-х гг. Далее Жуков, посетив ряд немецких научных центров, проследовал во Францию, а затем – в Данию, Швецию и Финляндию, где встречался со скандинавскими коллегами.

Несколькими годами ранее попытка установить контакты с немецкими собратьями по цеху все же была. Тем самым мы подходим к следующей теме нашего исследования – личным связям Жукова с иностранными археологами. Если не принимать во внимание обширную переписку ученого с Тальгреном, информация и материалы по данной теме более чем скудны. Вернее сказать, они исчерпываются одним-единственным письмом, обнаруженным в личном архиве первого штатного профессора древней истории Германии Геро фон Мергарта.

Г. Мергарт (1886–1959), австриец по происхождению, в годы Первой мировой войны как военнопленный офицер австро-венгерской армии попал в Сибирь, жил и трудился здесь

на протяжении почти семи лет, заведовал отделом доисторической археологии в Красноярском музее, внес весомый вклад в развитие сибирской археологии. Его труды были высоко оценены и признаны российскими археологами, особенно монография «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926). В Марбургском университете, в котором Мергарт долгие годы преподавал после возвращения на родину, сохранился богатый личный архив ученого, и что важно – его переписка с русскими коллегами. Среди этих материалов – и то самое единственное письмо Жукова. Этот значимый для истории науки документ, нигде доселе не публиковавшийся, довольно примечателен и обладает некоторыми уникальными чертами, отличающими его от писем других русских корреспондентов Мергарта.

Во-первых, инициатива в установлении контакта исходила от Жукова. В большинстве случаев инициатором отношений с русскими учеными являлся Мергарт, который был заинтересован в получении сведений и специальной литературы по российской археологии, необходимых ему для работы. Так было в случае с Б.Э. Петри, В.А. Городцовым, А.М. Тальгреном, А.В. Шмидтом и другими коллегами. Однако встреча Мергарта с Жуковым могла состояться и раньше. Летом 1921 г. по пути на родину австрийский археолог на месяц останавливался в Москве, где по просьбе Д.Н. Анучина, руководителя Московского археологического общества и учителя Жукова, выступал с докладами по сибирскому палеолиту в Обществе друзей Российского Исторического музея и МАО, общался непосредственно с Анучиным, Городцовым, познакомился с П.П. Ефименко; все они выступили с комментариями по докладам Мергарта. Вполне вероятно, что среди слушателей на этом заседании наряду с другими молодыми археологами и антропологами Москвы присутствовал и Жуков (в 1921 г. он закончил аспирантуру и стал преподавателем НИИ антропологии 1 МГУ), но тогда в силу каких-то соображений не посчитал нужным обратить на себя внимание.

Во-вторых, посредником между Жуковым и Мергартом выступил не Тальгрэн, хотя именно он чаще всего содействовал установлению контактов советских коллег с европейскими. На сей раз этому поспособствовал Н.К. Ауэрбах, красноярский археолог, ученик Город-

цова. Об этом факте становится известно не только из приведенного ниже письма Жукова Мергарту, но и из письма Мергарту самого Ауэрбаха: «Нового у нас по археологии ничего не выходило, кроме интересной работы Жукова по раскопкам Льяловской неолитической стоянки. Напечатана она в приложении к «Русскому антропологическому журналу» за 1925 г. кн. 1–2. Написал Жукову и просил его выслать эту книжку Вам» (АМУ, Ауэрбах – Мергарту. Без даты, предположительно 1926 г.).

В-третьих, обращает на себя внимание деловой тон письма: без излишней лирики, сантиментов и отступлений на бытовые темы и новости, ясно, лаконично и по существу – напоминает скорее стиль западноевропейского делового общения. С профессиональной точки зрения – отсутствие дискуссии, обсуждения памятников, уточняющих вопросов относительно находок и т. п. Все-таки области исследований Жукова и Мергарта практически не пересекались и отстояли довольно далеко друг от друга, если не считать их общего с Тальгреном интереса к древностям Фатьянова, Сеймы, Галича, Младшего Волосова. Традиционны в письме просьбы о литературе, обмене печатными работами, содействии в установлении контактов с организациями и научными учреждениями своих государств. Если говорить о нюансах «внутрицеховой кухни», т. е. отношений с коллегами-соотечественниками, то при чтении сразу бросается в глаза фраза о том, что Жуков работает «в ином уклоне по сравнению с московскими археологами». Под этим подразумевается то, что таким образом Борис Сергеевич сразу же противопоставляет себя взглядам и научной школе Городцова. Возможно, Жуков был в курсе конфликта Мергарта с Городцовым, который случился в 1924–1925 гг. (Детлова и др., 2014).

Упоминается в письме и имя финского археолога Аарне Михаэля Тальгрена (1885–1945), знакомого обоим ученым. Тальгрэн – известный специалист в области русской и в целом восточноевропейской археологии, планировавший как раз в то время издание журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*». О его выдающейся роли как связующего звена между советской и европейской наукой распространяться подробно не будем, об этом написано более чем достаточно (Кузьминых и др.,

2014; Детлова и др., 2019). Интересно другое, а именно: как в действительности относился финский ученый к своим многочисленным русским корреспондентам.

Так, в одном из писем Тальгрена Мергарту мы встречаем иронические и не всегда безобидные реплики в адрес советских коллег, вызванные их частными просьбами и вопросами. Под прицел критики Тальгрена в одном из писем попал и Жуков: «Подождите, мсье Геро, как Вы думаете, сколько людей в мире разделяют мои интересы? Ну, 4–5, из которых Вы – номер первый. Вы полагаете, в России есть таковые. Да, конечно, но русские пассивны и наивны. Что пишет, например, Худяков? Примерно так: «Дорогой Михаил Маркович. Я всегда, всегда говорю, что Вы сделали для нашей археологии столь колоссально много. Ваши заслуги незабвенны. Я знаю, что Вас интересуют все вопросы. И хочу Вас спросить, какого Вы мнения относительно двух курганов в селе Н.Н. в Вятской губернии. Их еще никто не исследовал. Не думаете ли Вы, что они относятся к бронзовому веку!». Или: «Я нашел череп. Каким временем его можно датировать?». Замечательно, не правда ли! Или профессор Жуков: «Дорогой Михаил Маркович. Как Вам понравилась моя выставка в музее в Москве?». Или проф. Рыков из Саратова: «Дорогой М.М. Я бы хотел узнать Ваше авторитетное мнение о татарском изразце» и т. д. Конечно, я немного иронизирую, но примерно так и выглядят письма, которые я массово получаю из России. А на мои собственные вопросы я ни разу не получил вразумительных ответов, часто вообще никакого ответа на первое письмо. С этими людьми вообще невозможно дискутировать на научные темы» (АМУ. Тальгрэн – Мергарту. 29.10.1925).

Если мы продолжим искать точки соприкосновения Жукова и Мергарта, то их тоже окажется немало.

Во-первых, это собственно палеоэтнология и подход к изучению памятников. Историографы характеризуют Мергарта то как представителя эмпирической школы, то как сторонника теории культурных кругов. Однако причислить его однозначно и безоговорочно к какому-то одному направлению или школе неправильно – научный стиль австрийского ученого вобрал в себя методы и подходы разных течений, и во многом они были

гораздо более близки к палеоэтнологическим, нежели к каким-то иным. К изучению любого памятника он подходил комплексно. Как и Жуков, самое пристальное внимание Мергарт, дипломированный геолог, уделял геологии и стратиграфии – особенно явственно это прослеживается в ранних работах, связанных с сибирскими палеолитом и неолитом. Детальная проработка и подробное описание географических условий, находок, внимание к картографии местности, анализ как всего комплекса, так и отдельных находок, их структурных элементов, построение схем, таблиц, предположения относительно очагов происхождения культур и распространения этих культур по территории Евразии, их развитие (прогресс или, наоборот, деградация) и трансформация – неперенные составляющие любого мергартовского исследования. И да – большое значение придается миграциям и заимствованиям. Наиболее полно научный стиль австрийского археолога воплотился в его самом известном труде – монографии «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926).

Позволим себе еще одно наблюдение в копилку схожести подходов Жукова и Мергарта. Речь о таком археологическом источнике, как керамика. Керамическому материалу как основополагающему маркеру культур Мергарт всегда придавал исключительное значение. Этой теме посвящена первая из его археологических работ, написанная еще во времена студенчества, – «Захоронения с расписной керамикой из Байльнгриса (Верхний Пфальц)» (Merhart, 1912). Знакомство с сибирскими древностями австрийский археолог также начал с находок фрагментов керамики в годы своего пребывания в Канске в 1916–1919 гг. Кроме того, в архиве ученого в Марбурге сохранилась его неопубликованная рукопись «Заметки о керамике Енисейской губернии», в которой он обобщил весь доступный ему на то время материал, связанный с сибирскими местонахождениями. Основная масса древних артефактов, с которой Мергарту довелось работать в Красноярском музее, это опять-таки керамический материал. К тому же в музей он поступил на должность реставратора, и больше всего ему приходилось иметь дело именно с реставрацией керамики (об одном из таких полукомичных-полутрагичных эпизодов своей «сибирской эпопеи», конфузе при реставрации неолитиче-

ского сосуда, живо и с юмором поведал автор в своих мемуарах «Далёко: картины из сибирских будней» (Merhart, 2008, S. 73)). Отмечая сходства и различия в технике и декоре, собственные керамике разных культур, Мергарт сделал вывод о существовании «евразийского государства гребенчатой керамики» – это его предположение разделял и А.А. Спицын, с которым австрийский археолог общался в Петрограде летом 1921 г. (Мергарт, 2019, с. 61).

Единственный компонент, который в работах Мергарта был исключен из рассмотрения, – этнологический. Отчасти это было продиктовано политическими причинами (нежеланием увязывать археологические культуры и древнейшее прошлое человечества с расовыми и национальными различиями и тем самым давать в руки тоталитарным режимам инструмент идеологических манипуляций), отчасти вызвано тем, что, по мнению ученого, ограниченность имеющихся источников, только лишь вещеведческий анализ не способны дать достаточно информации о носителях культур (Theune, 2001, S. 158, 159).

Помимо общих черт научного почерка ученых, еще одним немаловажным компонентом деятельности обоих можно назвать их выдающиеся успехи и заслуги на педагогическом поприще. Жуков подготовил звездную россыпь археологов и антропологов, прославивших российскую науку (О.Н. Бадер, М.В. Воеводский, А.В. Збруева, А.Е. Алихова, Е.И. Горюнова, Н.Н. Чебоксаров, М.Г. Левин, Г.Ф. Дебец, Т.А. Трофимова и др.). Мергарт был «отцом-основателем» своей научной школы археологии и за годы преподавания на кафедре древней истории Марбургского университета и руководства Марбургской семинарией древней истории дал путевку в жизнь многим выдающимся немецким археологам. Педагогические прямые Жукова и Мергарта пересеклись в судьбе Г.П. Сосновского, известного советского палеолитоведа. Сосновскому вообще несказанно повезло: он был учеником как минимум трех замечательных археологов – Б.Э. Петри, Г. Мергарта, Б.С. Жукова – и имел возможность почерпнуть лучшее из методик и взглядов на археологию своих наставников. Но если отношения Сосновского с Петри не сложились, то с Мергартом было наоборот: «единственным профессионалом», у которого он может чему-то научиться,

Сосновский считал Мергарта (АМУ. Сосновский – Мергарту. 25.10.1920). Ближе всех к нему был Мергарт и чисто по-человечески: своему наставнику молодой ученый сообщал о своих успехах и росте, испрашивал совета в разных жизненных ситуациях, поверял планы на будущее. Сосновский был самым аккуратным и самым «плодовитым» из русских корреспондентов австрийского археолога: их переписка продолжалась почти вплоть до конца 1920-х гг. и насчитывает более 30 писем. В своих письмах Сосновский часто упоминает других археологов, например, С.А. Теплоухова. Но о Жукове, как это ни странно, не пишет ни разу. Имя Жукова в контексте отношений Мергарта с российским научным сообществом вообще возникает лишь однажды – в письме Петри Мергарту в связи с проблемой вывоза археологических материалов за рубеж. Петри советует Мергарту обратиться за содействием к его «другу профессору Б.С. Жукову», который «заведует сейчас в Москве отделом Главнауки» (АМУ. Петри – Мергарту. 23.10.1927).

Завершая наш небольшой очерк о тех нитях, которые связывали Жукова с немецкой археологией и археологами, остается лишь с сожалением констатировать, что этот многообещающий российско-германский диалог был скоротечен и непродолжителен. Молния, увы, бьет по самым высоким точкам. Слишком незаурядна и заметна была фигура Жукова, чтобы не попасть под каток репрессий нача-

ла 1930-х гг. В тот период шла острая борьба в отечественном краеведении между учеными, группировавшимися вокруг Центрального бюро краеведения и выступавшими за бережное сохранение исторического наследия (и в их числе был Жуков), и их антагонистами (прежде всего молодыми марксистами) в лице Общества краеведов-марксистов, рассматривающих изучение той или иной народности исключительно с классовых позиций. В этой борьбе Жуков не мог остаться в стороне. В его аресте в сентябре 1930 г. свою фатальную роль сыграла и недавняя заграничная поездка, и переписка с иностранными учеными. Если бы Борис Сергеевич пожил подольше, то стал бы одним из признанных лидеров советской и европейской археологии, величиной мирового масштаба, не уступающей по известности и влиянию таким фигурам, как А.М. Тальгрэн, В.А. Городцов, А.А. Спицын, М.И. Ростовцев, Э.Х. Миннз и др. И конечно, история его отношений с немецкими археологами получила бы продолжение. Немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении документы, бесспорно, важны для реконструкции международного аспекта деятельности ученого. Однако есть еще немало моментов, которые нуждаются в более пристальном внимании и изучении (путешествие во Францию, детали пребывания в скандинавских странах). Надеемся, будущие исследования дадут на них ответы.

Примечание:

¹ Примечательно, что выступление Жукова предшествовало докладу корифея европейской археологии Гуго Обермайера, к фундаментальному труду которого «Доисторический человек» (Обермайер, 1913) в свое время учитель Жукова Д.Н. Анучин написал блестящее предисловие (Анучин, 1913).

Благодарности:

За возможность ознакомиться с документами из фондов Центрального архива Германского археологического института (Берлин) выражаем искреннюю признательность его сотрудникам: директору Евразийского отдела г-ну профессору Свенду Хансену, секретарю дирекции Евразийского отдела г-же Эльжете Рыбковской и сотруднице архива Иоганне Мюллер фон дер Хэген. За профессиональные консультации по вопросам терминологии палеолита сердечно благодарим д.ф.н., к.и.н., профессора А.М. Буровского (Санкт-Петербург) и ведущего научного сотрудника отдела палеолита ИИМК РАН, д.и.н. Л.Б. Вишняцкого (Санкт-Петербург).

Переводы с немецкого языка выполнены Е.В. Детловой.

*Приложение 1.***Письмо Б.С. Жукова в дирекцию Археологического Института Немецкого Рейха***(рукопись, немецкий язык)*

7.05.1930

Уважаемые господа коллеги!

Несколько дней назад я послал вам корректуру моего доклада «Тарденуаз в Крыму». Эту корректуру я получил лишь 10–12 апреля (она была отправлена в феврале), так что досадная задержка корректуры произошла не по моей вине.

Так как почта не всегда регулярна, то я пользуюсь случаем, чтобы уведомить вас, что получил ваше извещение от 15.01. о моем избрании членом-корреспондентом в связи с организованным Институтом Винкельмановским праздником, и глубоко признателен за высокую честь. Я сразу же послал вам просимые сведения. Но теперь я терзаюсь сомнениями, получили ли Вы это письмо, потому что после того я не получил известий из Института.

С глубоким уважением,

Борис Жуков

Профессор, доктор Борис Сергеевич Жуков, доцент I Московского университета. Адрес: Зубовский бульвар, 15, кв. 22, Москва 21.

Приложение 2.

Доклад Б.С. Жукова «Тарденуаз в Крыму. Неолит в Поволжье» [Schukov B.S. Tardenoisien in der Krim. Neolithikum im Wolgagebiet // Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929. Berlin: Walter de Gruyter, 1930. S. 281–290].

Работы о фазах тарденуаза в Крыму хорошо известны в западной литературе, а именно по результатам раскопок в гроте Кизил-Коба, которые были проведены в 80-е гг. прошлого века Мережковским¹. С тех пор до 1920-х гг. это исследование культур не пополнялось новыми материалами. Только в 1920-х гг. геологу Моисееву² и г-же Висниовской на основании новых археологических изысканий удалось выявить множество местонахождений тарденуазской кремневой индустрии. Эти места находились в своеобразных географических условиях: вблизи источников, преимущественно на нагорье расположенного выше всех, возвышающегося на 1000 м над уровнем моря горного хребта на территории Ялты, в карстовом ландшафте, а также на горных склонах. При изучении этих местонахождений Моисеев произвел пробные раскопки, причем горизонты тарденуазских отложений удалось зафиксировать непосредственно под дерном или немного глубже. Т.к. толщина земляного пласта, который покрывает каменный массив горных склонов, незначительна, то были веские причины предположить вымывание этого верхнего земляного слоя, так что русские археологи пришли к убеждению, что все открытые тарденуазские стоянки Крымского высокогорья смыты и вымыты. Отсюда вытекало заключение, что едва ли следует надеяться на открытие целого комплекса находок на этих стоянках, хотя на его поверхности наряду с кремневыми орудиями нередко находят железные наконечники стрел и византийскую керамику. Противу этого пояснения Моисеева, что на некоторых стоянках выявлены еще хорошо сохранившиеся слои и что в них иногда попадаются обломки сырой керамики и останки животных, не произвели особого впечатления, тем более что эти пояснения давались неспециалистам.

Когда в 1926 г. я был в Ялте, то был пленен богатыми сборами Моисеева в тамошнем музее. При их осмотре среди прочего мне бросился в глаза плоский камень с зигзагообразным орнаментом из богатой, но сильно разрушенной тарденуазской стоянки, известной как Балин-Кош. Невольно напрашивалось сравнение этой находки с галькой из Мас-д'Азиля.

В следующем, 1927, году мне удалось приступить к систематическому изучению стоянок на нагорье. Это исследование, в котором в 1927–1928 гг. приняли участие мой ассистент Бадер, а также и другие сотрудники, и мои ученики, состояло сначала в розысках, которые предприняли выделенные специально для этого группы сотрудников на тарденуазских местонахождениях, в ходе которых они произвели съемку местности (картографию) и составили описание таковой. Для установления наличия культурного слоя были проведены пробные раскопки. На основании этих розысков затем были начаты раскопки, там, где можно было рассчитывать на успех³.

Таким образом было обследовано несколько местонахождений в области плоскогорья Ай-Петри. На каждом были собраны кремневые орудия, также на стоянке Балин-Кош, которая была признана полностью разрушенной, но все же дала более 6000 тарденуазских находок, среди них – сотни обработанных кремней. В то же самое время были проведены раскопки на двух других стоянках, из которых первая, Ат-Баш, находится вблизи крутого, обращенного к морю скальному обрыву непосредственно над курортом Симеиз. Другая расположена немного дальше на северо-восток, на склоне горы, неподалеку от пруда в бывшем Юсуповском имении.

Лагерная стоянка Ат-Баш залегает в типичном карстовом ландшафте на месте источника. Если пройти примерно 200 м, попадешь на край крутого склона Ай-Петри, где на высоте 1200 м открывается великолепный вид на море и на лежащий далеко внизу на побережье поселок Симеиз. На противоположной стороне на расстоянии 4–5 км начинаются густые лиственные леса крымского высокогорья, в которых еще водятся олени. В ходе раскопок были вскрыты протяженные участки немного пологой лужайки, вплотную прилегающей к скальному склону, который защищает стоянку на северо-западе. Разрез выявил следующее напластование почв:

На глубине от 0 до 15–20: дерн и слой гумуса.

На глубине от 20 до примерно 35–40 см: слой из светлой, желтоватой глины с мелкими вкраплениями известняка, немного измененной структуры.

На глубине от примерно 40 см до 1 м и более: слой из плотной желтой глины с темно-коричневыми железосодержащими включениями, которые указывают на химически выветренные известняки.

Еще глубже залегает слой из вязкой глины, которая заполняет углубления скрытого скального основания и на его поверхности.

Находки происходят отчасти из второго слоя глины с частицами известняка, а также и из верхних залегающих слоев с железосодержащими включениями.

Хотя возраст четвертичных формаций Крыма именно в этой области геологами еще недостаточно изучен, можно допустить, что слой с железистыми включениями – один из наиболее древних.

На глубине, которая соответствует горизонту тарденуазских отложений, эта стоянка в части шахтного ствола раскопок переходит в отчетливо окрашенный темный культурный слой. А тот в форме линзы покоится на скрытом внизу природном скальном рельефе, который образовывал своего рода мульду 2 м в диаметре. Сама эта мульда, как было установлено, включает еще два довольно больших камня. Линзовидный культурный слой содержал вкрапления с остатками золы, маленькие кусочки угля и заполнял все трещины и изгибы скального основания. Кроме обычных тарденуазских объектов из камня здесь был найден обломок днища небольшого сосуда.

Когда мы анализировали условия залегания тарденуазских находок, отметили, что в Ат-Баше сохранился культурный слой *in situ*, который содержит тарденуазскую индустрию и архаичную керамику, что основная масса тарденуазских находок залегает в этом ареале и на соответствующей глубине и что верхний слой находок можно рассматривать как вторичное отложение, которое могло возникнуть путем вымывания более древних отложений в верхней части местонахождения. В этой верхней части порой встречаются также обломки византийской керамики, что полностью подтверждает наше предположение. Схожие условия залегания тарденуазской индустрии были установлены и в ходе раскопок стоянки у пруда бывшего имения Юсуповых, где тарденуазская индустрия была обнаружена вместе с фрагментами керамики, которые оказались полностью идентичными найденным в Ат-Баше.

Таким путем стоянка Ат-Баш и стоянка на месте бывшего Юсуповского пруда⁴ дали целый комплекс тарденуазских каменных орудий, который относился к определенной ступени развития. Эти комплексы в целом довольно близки друг другу, но различаются некоторыми типами и количественным соотношением. Обе стоянки дали орудия, изготовленные из довольно массивных обломков, преимущественно скребла. Показательны большие и маленькие круглые скребла. Типичны для обеих стоянок также призматические и пирамидальные, плоские нуклеусы, ребристые пластинки, первичные продукты раскола нуклеуса и масса лезвий различной величины. На части выявляются следы резки, другие ретушированы вдоль режущей кромки спинки или с гладкой стороны. Также есть экземпляры, которые выполнены в изогнутых линиях и относятся к типу «*lame a encoche*» («пластина с выемкой») или «*lame denticulee*» («зубча-

тая пластина»). Далее есть лезвия с притупленной вертикальной ретушью по краю и иные, в целом не столь многочисленные. Одиночно появляются burins («резцы») поздненеолитического облика. Довольно многочисленны «grattoirs sur bout de lame» («концевые скребки на пластинах»), имеющие порой довольно тонкие и изогнутые, круглые или прямые лезвия.

Не останавливаясь на других типичных предметах, мы переходим к геометрическим формам. Среди них мы видим прямоугольные, сегментовидные и трапециевидные, с плоской ретушью на спинке, которые характерны для поздней фазы тарденуаза. Среди прочих следует упомянуть крохотное орудие, похожее на маленький «tranchet» («топорик»).

Особенный интерес представляет сопутствующая керамика. Это фрагменты грубого, слабо обожженного изделия, с заостренным дном и орнаментом на шейке, которые напоминают по форме керамику датского кьеккенмеддинга. Кроме фрагмента днища из жилого слоя Ат-Баша и нескольких обломков из слоя непосредственно окрестностей и Юсуповского пруда подобные фрагменты найдены на стоянках Балин-Кош. Аналоги, но с орнаментированными фрагментами керамического дна мы встречаем как уже архаичную форму раннего неолита Поднепровья.

Наконец, нужно еще отметить продолговатые камни и пластинки известнякового сланца с зигзагообразным орнаментом, которые были открыты на разрушенном местонахождении Балин-Кош. Т.к. находки кремневых инструментов и керамики Балин-Кош близки, то, вероятно, можно допустить сопоставление орнаментированных камней с окрашенной галькой Мас-д'Азиль. Резюмируя вышесказанное, мы можем констатировать: 1. Находки обследованных нами стоянок Крыма представляют позднюю фазу тарденуазской культуры, причем к этой культуре примыкают богатые комплексы форм каменной индустрии. 2. Тарденуазская культура Крыма родственна тарденуазской культуре Средиземноморья и Западной Европы и одновременно имеет признаки, которые позволяют сделать вывод об общности этих культурных элементов с таковыми схожих культур маглемозе Мас-д'Азиль и более древних датских мусорных куч (груды моллюсков); 3. О возрасте фаз тарденуазской культуры в Крыму пока нельзя сказать ничего окончательного; если этот возраст все же соответствует основным связям, которые возникли между тарденуазскими культурами Средиземноморья и Крыма как давней провинции этой области, то в сужающихся фрагментах дна гончарных изделий Балин-Кош и Ат-Баш мы располагаем, вероятно, древнейшими керамическими находками Европы.

Очевидно, что тарденуазская культура Крыма не была культурой рыболовов и охотников, вследствие чего опровергается связь микролитов с рыболовством. В Крыму такая культура могла исходить только от населения, которое посещало высокогорье во время летней охоты, т.к. зимой Ай-Петри лежит в глубоком снегу. В качестве зимних жилищ этим людям могли служить пещеры окраинных гор, в которых прежде Мережковский⁵, а совсем недавно Бонч-Осмоловский⁶ установили слои нескольких фаз тарденуазской культуры.

В ходе экспедиций, которые в последние годы были проведены под моим руководством в центральных областях Восточной Европы, было раскопано несколько дюжин местонахождений неолита и эпохи раннего металла⁷. Кроме местонахождений, которые были исследованы впервые, среди них находятся и такие, которые были известны уже со времен ранних раскопок – стоянки Волосово, Балахна и Сейма, откуда был получен новый материал для контроля ранних наблюдений. Все эти местонахождения находятся в области Волги и Оки, по большей части в лесной зоне, а также вблизи водоразделов восточноевропейских рек, которые связывают эту область с Балтийским, Черным, Каспийским и Белым морями. Среди этих памятников, как, например, Языково, есть стоянки на дюнах и стоянки в алювиальной почве.

При обследовании этих памятников материал отдельных слоев можно объединить; порой внутри этих слоев можно было выявить керамические группы, которые различались по своей морфологической форме. Таким образом получилось несколько керамических комплексов, которые можно было определить стратиграфически и локально; при их анализе удалось выявить некоторые особенности этого неолита.

Неолит лесной зоны Восточной Европы развивался на основе взаимодействия трех следующих более древних компонентов: 1. Местной эпипалеолитической культуры. 2. Сильного влияния культур с макролитами (тип южно-балтийских культур и маглемозских кьеккенмеддингов) и 3. Пришедших с юга влияний архаичных микролитических культур (тип тарденуазских). Другими основными чертами неолита лесной зоны европейского Севера являются: 1. Типы хозяйствования, которые подразумевают лишь охоту и рыбную ловлю. Домашние животные

отсутствуют, за исключением собак, нет следов земледелия. 2. Отсутствие погребальных ритуалов.

Человеческие скелеты найдены исключительно в культурных слоях стоянок; это были частью костные останки, которые лежали недалеко от очага, и в редких случаях – правильно уложенные скелеты, как, например, на стоянке Языково. Здесь найдены два скелета, которые были разделены в ходе мелиорационных работ, но части которых остались неповрежденными; они лежали спиной вверх. 3. Наличие остатков жилищ, которые, по моему мнению, относятся к типу прямоугольных землянок. Подобные хижины еще сегодня можно встретить в некоторых областях у русских крестьян. Они служат временными пристанищами во время рыбной ловли или лесозаготовительных работ.

Как известно, к типичным инструментам этого неолита относятся необработанные топоры, тесла и долота, которые по типу приближаются к *Walzenbeils*⁸. Сюда же относятся некоторые, возможно, связанные с примитивным анимизмом, элементы натуралистического искусства и декорированная гребенкой керамика. Не приступая к территориальной и хронологической дифференциации каменной индустрии, здесь я рассмотрю лишь керамику. Старейшей керамикой нашего лесного неолита до сих пор считается грубый сосуд с толстыми стенками, который состоит из смеси глины и гальки. Эта керамика имеет элементы штрихованного орнамента. Впервые я открыл ее в 1928 г. в древнейшем пласте стоянки Языково⁹. Ее праформа пока не известна. Очевидно, она приближается к типу эсбо–сперрингс в Финляндии, которую в 1926 г. опубликовал Аарне Европеус¹⁰.

Хорошо известный ранний тип изделий, обозначенных Айлио как гребенчатая керамика¹¹, – эта фаза названа мной «ямочно-гребенчатой керамикой архаичного стиля». Это керамика с округлым днищем и слабо выделенной шейкой, с орнаментом в виде простых лент из оттисков ямок и гребенчатого штампа. Орнамент покрывает весь сосуд. Эта керамика типична для стоянки Льялово в Московской губернии¹². Как ее производное появляется изделие подобной формы со сложным, частично зигзагообразным орнаментом. Некоторые части сосудов остаются свободными от этого декора. Данная керамика типична для базового комплекса стоянки Языково¹³.

Как показывает стратиграфия в Льялове и Языкове, эта керамика относится ко времени, которое предшествовало образованию верхнего горизонта затопленных в торфяных болотах древесных остатков. Она, очевидно, относится к концу атлантического периода балтийского климата.

Далее эта керамика дает дериваты вида собственно гребенчатой керамики. Данные комплексы имеют локальные различия. На Волге, недалеко от Нижнего Новгорода, эти производные формы появляются преимущественно с гребенчатыми элементами, которые образуют скудный орнамент, в частности, на шейках сосудов. Величина сосудов возрастает. Другой дериват в западных областях представляет собой котлообразные изделия с толстыми стенками. Глина смешана с галькой и птичьим пухом. Декор состоит из вертикальных лент и из больших и длинных гребенчатых мотивов, которые образуют узор «елочкой».

Вместе с этими локальными модификациями керамики в лесных культурах появляются сосуды, которые имеют напоминающий плетеные изделия декор. Сосуды такого рода еще сохраняют старую форму дна, но шейка выражена более отчетливо. Развитие данной архаичной текстильной керамики неолитических местонахождений происходит явно в первой половине I тыс. до н.э. Это является переходом культур лесного неолита в железный век. Повсеместно в процессе развития возникает плоское дно сосуда, а сама керамика приобретает тип, подобный известному из укрепленных городищ, который мы обозначаем группой памятников Дьяково. Здесь изменение образа жизни обусловлено появлением домашних животных, земледелия и металлообработки.

Так в свете моих исследований происходит нормальное завершение неолита на Волге и Оке в середине I тыс. до н.э. Но это закономерное развитие локального лесного неолита прерывается на некоторых участках исследуемой области. В различные периоды вторгаются культуры из других областей; так с Балтики приходит культура ладьевидных топоров и шаровидной керамики, которые представлены на Волге в фатьяновской культуре. С юга из степей Окской области вливаются некоторые бронзовые культуры с характерной керамикой. Наконец, область

гребенчатой керамики подразделяется на несколько секторов, и вследствие чуждых влияний образуются комбинированные культурные типы.

Затем чередуется несколько областей, в которых развивается не менее трех типов культур железного века. Позднее выделяются дериваты, которые могут быть связаны с финскими культурами, тогда как в северных диких лесных областях еще существуют неолитические культуры.

Взаимосвязи между лесным неолитом и культурами металлического периода становятся яснее после проведения раскопок. В формировании локальных и хронологических культурных комплексов прослеживается ряд закономерностей. Тем самым выявляются некоторые изменения в классификации гребенчатой керамики европейского Севера, которую предложил профессор Ю. Айлио¹⁴.

Приложение 3.

Письмо Б.С. Жукова Г. Мергарту (рукопись, русский язык)

21 [28]. 03. 26

Глубокоуважаемый коллега!

Н.К. Ауэрбах¹⁵ сообщил мне о выраженном Вами желании установить дружественную научную связь с нашим Антропологическим Институтом, которая до сих пор Вам не удавалась. Со своей стороны я несколько месяцев тому назад сделал также подобную попытку, послав через «Общество культурной связи»¹⁶ на Ваше имя некоторые работы. Очевидно, что эта посылка до Вас не дошла. Теперь я посылаю Вам новую посылку с книгами и очень прошу Вас не отказать известить меня об ее получении. Зная по Вашим работам и по сообщениям проф. Тальгрена о Вашем интересе к доистории Восточной Европы и Сибири, я очень рад предоставить в Ваше распоряжение некоторые работы по неолиту, которые удалось издать за последние годы. Как Вы увидите из статьи о Льяловской стоянке¹⁷, я работаю в ином уклоне по сравнению с московскими археологами. Я веду преподавание палеоэтнологии по Антропологическому Институту Московского университета и в последние годы особенно занят, помимо разработки ряда проблем неолита и ранне-металлических культур, разработкою вопросов полевой, лабораторной и музейной палеоэтнологической методологии¹⁸.

Льщу себя надеждою, что Вы известите меня о получении посылаемых мною Вам отписок и не откажете выслать мне со своей стороны отписки Ваших работ.

Антропологический Институт делал неоднократно попытки вступить в обмен с редакциями периодических изданий в Австрии, но до сих пор получает лишь «Mitteilungen»¹⁹. Быть может, Вы могли бы сообщить об этом редакции «Wiener Prehist[orische] Zeitschrift»²⁰. Институт может выслать в обмен свои «Труды».

Примите, коллега, уверения в моем искреннем к Вам уважении.

Бор. Жуков

Борис Сергеевич Жуков, Антропологический Институт I Московского университета. Москва, Моховая 11.

Примечания:

¹ См. Формозов, 1961, с. 76–78.

² См. Моисеев, 1920, с. 297–303; 1923, с. 122–125.

³ См. Археологические... 1962, с. 50, 51.

⁴ См. Бадер, 1940.

⁵ См. Формозов, 1961, с. 76–78.

⁶ См. Бонч-Осмоловский, 1926.

⁷ См. Археологические... 1962, с. 8, 12, 18, 19, 25, 30, 31, 38–40.

⁸ Так именовались подобные изделия в немецкой археологической литературе.

⁹ См. Жуков, 1929а.

¹⁰ См. Europaëus, 1925.

¹¹ См. Ailio, 1922, S. 35–43.

¹² См. Жуков, 1925; 1927а.

¹³ См. Жуков, 1929а.

¹⁴ См. Ailio, 1922, S. 44–58.

¹⁵ Ауэрбах Николай Константинович (1892–1930), археолог, историк, краевед, библиограф; см. подробнее: (Громов, 1931; Вдовин, Макаров, 2015; Архив ИАЭТ. Ф. 2).

¹⁶ «Общество культурной связи с заграницей» или Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) — советская общественная организация, основанная в 1925 г. В 1958 г. преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

¹⁷ См. Жуков, 1925.

¹⁸ См. Жуков, 19276, 19296.

¹⁹ «Mitteilungen» — имеется в виду «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien» — журнал Венского антропологического общества, издаваемый с 1870 г.

²⁰ «Wiener Prähistorische Zeitschrift» — журнал, издаваемый Венским обществом первобытной истории с 1914 г.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин Д.Н. Предисловие // Обермайер Г. Доисторический человек / Пер. с нем. П.Ю. Шмидта. Предисл. Д.Н. Анучина. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. С. XI–XXIII.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.

Бадер О.Н. Изучение эппалеолита Крымской яйлы // СА. Т. V / Отв. ред. В.В. Струве. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 93–100.

Бонч-Осмоловский Г.А. Доисторические культуры Крыма // Крым. 1926. № 2. С. 74–94.

Вдовин А.С., Детлова Е.В., Макаров Н.П. «Я только учусь работать, и каждый Ваш совет и в особенности критические замечания послужат мне только на пользу»: Г.П. Сосновский в 1918–1922 гг. // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых / Отв. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПФ АРАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 104–123.

Вдовин А.С., Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах — ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 16–25.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.

Громов В.В. Николай Константинович Ауэрбах (1892–1930) // СГАИМК. 1931. № 2. С. 31–32.

Детлова Е.В. С.А. Теплоухов и Геро фон Мергарт: диалог длиною в век // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 157–165.

Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В.А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки // Stratum plus. 2014. № 1. С. 211–227.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М.П. Грязнова и Г. Мергарта // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 112–121.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Малов Н.М. П.С. Рыков и П.Д. Рау в зеркале переписки с учеными Западной Европы (А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Э.Х. Миннз, Т. Арне) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15 / Под ред. В.А. Лопатина. Саратов: СГУ, 2019. С. 224–298.

Дложевський С.С. 1-й Міжнародній З'їзд археологів у Берліні // Україна. 1929. Кн. 6. С. 173–175.

Жуков Б.С. Неолитическая стоянка вблизи с. Льялова, Москов. уезда // Труды Антропологического института. Вып. I / Ред. В.В. Бунак. М., 1925. С. 37–78. (Прилож. к РАЖ. Т. XIV, вып. 1–2.)

Жуков Б.С. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова Московского уезда // Русский антропологический журнал. 1927а. Т. 16. Вып. 1–2. С. 58–75.

Жуков Б.С. Из методологии изучения культур стоянок и городищ (Автореферат) // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е Сопещание палеоэтнологов Центрально-Промышленной области 27–29 мая 1926 года / Ред. Б.С. Жуков и О.Н. Бадер. М.: Гос. музей ЦПО, 19276. С. 13–18.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929а. № 1. С. 54–77.

Жуков Б.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп: (По материалам волго-финских погребенных культур) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной обла-

сти: (Этнологические исследования и материалы): 2-е совещание этнологов ЦПО 7–10 декабря 1927 г. / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М., 1929б. С. 31–35.

Кузьминых С.В. Письма Б.С. Жукова А.М. Тальгрону (1924–1929 гг.) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С 8–66.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрэн и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41.

Мергарт Г. Воспоминания о Советской России. Письма / вступит. статьи, публ., коммент. Е.В. Детловой и С.В. Кузьминых; Отв. ред. А.С. Вдовин. Красноярск: КККМ, 2019. 100 с.

Моисеев А.С. Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле и на Южном берегу Крыма // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1920. № 57. С. 297–303.

Моисеев А.С. Каменный век на Крымской яйле // Природа. 1923. № 7–12. С. 122–125.

Обермайер Г. Доисторический человек / Пер. с нем. П.Ю. Шмидта. Предисл. Д.Н. Анучина. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. XXIV, 687 с.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: АН СССР, 1961. 128 с.

Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit. Helsingfors, 1922. 110 s. (Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft; T. XXIX: 1.).

Europaëus A. Stenålderskeramik från kustboplatser i Finland // Nordiska arkeologimötet i Helsingfors / Ed. C.A. Nordman. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1927 Pp. 45–77. (SMYA; Vol. XXXVI: 1).

Merhart G. Gräber mit bemalter Keramik aus Beilngries (Oberpfalz) // Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns. München, 1912. S. 37–55.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll&Co, 1926. 190 s.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen / Ed. by H. Parzinger. Wien: Böhlau, 2008. 287 s.

Schukov B.S. Tardenoisien in der Krim. Neolithikum im Wolgagebiet // Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929. Berlin: Walter de Gruyter, 1930. S. 281–290.

Theune C. Gero von Merhart und die archäologische Forschung zur vorrömischer Eisenzeit // Eine hervorragend nationale Wissenschaft. Deutsche Prähistoriker zwischen 1900 und 1995. Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2001. S. 151–168.

Информация об авторах:

Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей (г. Красноярск, Россия); detlova2012@yandex.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Наглер Анатолий Оскарович, доктор археологии, научный сотрудник Евразийского отдела, Германский археологический институт (г. Берлин, Германия); anatoli.nagler@dainst.de

REFERENCES

Anuchin, D. N. 1913. In Obermayer, H. *Doistoricheskiy chelovek (Prehistoric man)*. Saint Petersburg: “Brokgauz-Efron” Publ. (in Russian).

In Voronin, N. N., Tikhanova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (1919–1956 gg.): Ukazatel' (Archaeological Expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (1919–1956): Index)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bader, O. N. 1940. In Struve, V. V. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* V. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 93–100 (in Russian).

Bonch-Osmolovsky, G. A. 1926. In Krym (*Crimea*) 2, 74–94 (in Russian).

Vdovin, A. S., Detlova, E. V., Makarov, N. P. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evraziiskii arkeologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection of Papers)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoïarsk: Krasnoïarsk State Pedagogical University Publ., 104–123 (in Russian).

Vdovin, A. S., Makarov, N. P. 2015. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 48 (3), 25–30 (in Russian).

Gening, V. F. 1982. *Ocherki po istorii sovetskoï arkeologii (U istokov formirovaniia marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoï arkeologii. 20-e – pervaiia polovina 30-kh godov) (Essays on the History of Soviet Archaeology (At the Origins of the Marxist Theoretical Background of Soviet Archaeology))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Gromov, V. V. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 2, 31–32 (in Russian).

Detlova, E. V. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 157–165 (in Russian).

Detlova, E. V., Burovsky, A. M., Kuzminykh, S. V. 2014. In *Stratum plus (Stratum plus)* 1, 211–227 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriia i praktika arkeologicheskikh issledovaniï (Theory and practice of archaeological research)* 10 (2), 112–121 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V., Malov, N. M. 2019. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 15. Saratov: Saratov State University, 224–298 (in Russian).

Dlozhevs'ky, S. S. 1929. In *Ukraina (Ukraine)* 6, 173–175 (in Ukrainian).

Zhukov, B. S. 1925. In Bunak, V. V. (ed.). *Trudy Antropologicheskogo institute (Proceedings of the Anthropological Institute)* 1. Moscow: Anthropological Institute, 37–78 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1927a. In *Russkiy antropologicheskii zhurnal (Russian Anthropological Journal)*, 16 (1–2), 58–75 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1927b. In Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). *Materialy k doistorii Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial Region, 13–18 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929a. In *Etnografiya (Ethnography)* 1, 54–77 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929b. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniia Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial Region, 31–35 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 8–66 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V., Salminen, T., Safonov, I. E. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 7–41 (in Russian).

Megart, G. 2019. *Vospominaniia o Sovetskoy Rossii. Pis'ma (Memories of Soviet Russia)*. Krasnoïarsk: Krasnoïarsk Regional Museum of Local Lore (in Russian).

Moiseev, A. S. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 57, 297–303 (in Russian).

Moiseev, A. S. 1923. In *Priroda (Nature)* (7–12), 122–125 (in Russian).

Obermayer, H. 1913. *Doistoricheskii chelovek (Prehistoric man)*. Saint Petersburg: “Brokgauz-Efron” Publ. (in Russian).

Formozov, A. A. 1961. *Ocherki po istorii russkoï arkeologii (Essays on the history of Russian archaeology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ailio, J. 1922. *Fragen der russischen Steinzeit. Helsingfors. Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft*. Vol. XXIX: 1.

Europaeus, A. 1927. In Nordman, C.A. (ed.). *Nordiska arkeologimötet i Helsingfors*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XXXVI: 1. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 45–77 (in Swedish).

Merhart, G. 1912. In *Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns*. München, 37–55.

Merhart, G. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Anton Schroll&Co.

Merhart, G. 2008. *Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien: Böhlau.

Schukov, B. S. 1930. In *Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929*. Berlin: Walter de Gruyter, 281–290.

Theune, C. 2001. In *Eine hervorragend nationale Wissenschaft. Deutsche Prähistoriker zwischen 1900 und 1995. Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2001. S. 151–168.

About the Authors:

Detlova Ekaterina V. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Dubrovinsky, Str. 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; detlova2012@yandex.ru

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Nagler Anatoly O. Doctor of Historical Sciences, Researcher of the Eurasian Department, German Archaeological Institute. Podbielskiallee 69-71, Berlin, 14195, Germany; anatoli.nagler@dainst.de

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.96.108>

Б.С. ЖУКОВ И ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНОСТЕЙ IV–I ТЫС. ДО Н.Э. ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2023 г. О.А. Лопатина

В статье рассмотрены методологические подходы в научном творчестве Б.С. Жукова, одного из ярких представителей российской археологии 20-х гг. 20 в. Показаны основные принципы палеоэтнологического направления, в русле которого он работал. Дан обзор выступлений ведущих российских этнологов и палеоэтнологов на Совещаниях 1926 и 1927 гг. Подчеркивается, что основные обсуждаемые там проблемы были связаны с разработкой культурно-исторического метода. Обобщены основные положения главной работы Б.С. Жукова «Теория хронологических и территориальных модификаций...» 1929 г. Дается высокая оценка этой работе, которая, во-первых демонстрировала определенные методы аналитической работы с источниками, во-вторых, приводила в систему обширный материал IV–I тыс. до н.э. преимущественно с территории лесного Поволжья. Рассмотрены новаторские приемы обработки керамических коллекций, введенные Б.С. Жуковым.

Ключевые слова: археология, Б.С. Жуков, палеоэтнология, методика, культурно-исторический метод, Нижегородский край, керамика, неолит, репрессии.

B.S. ZHUKOV AND HIS RESEARCH APPROACH TO THE STUDY OF ANTIQUITIES OF THE IV–I MILLENNIUM BC OF THE EASTERN EUROPE FOREST ZONE

O.A. Lopatina

The paper considers methodological approaches in B.S. Zhukov's scientific activity, one of the bright representatives of Russian archaeology in the 20s of the XX century. The basic principles of the paleoethnology he used in his studies are presented. An overview of the speeches of leading Russian ethnologists and paleoethnologists at the meetings of 1926 and 1927 is given. It is emphasized that the main problems discussed there were related to the development of the cultural-historical method. The main theses of B.S. Zhukov's main work "The theory of chronological and territorial modifications..." of 1929 are generalized. A high assessment is given to this work, which, firstly, demonstrated certain methods of analytical work with sources and, secondly, put extensive material of the IV–I millennium BC in the system, mainly from the territory of the Volga forest region. Innovative methods of study pottery collections introduced by B.S. Zhukov are considered.

Keywords: B.S. Zhukov, paleoethnology, methodology, cultural and historical method, Nizhny Novgorod region, pottery, Neolithic, repression.

Юбилейная дата, 130-летие со дня рождения Б.С. Жукова (рис. 1), дает повод обратиться к научному наследию этого замечательного учёного, рассмотреть те исследовательские подходы, которые им разрабатывались. На волне активных послереволюционных преобразований в организации науки, которые Б.С. Жуков воспринял с большим энтузиазмом (Жуков, 1928а), активно обсуждались пути развития археологии, ее место в системе наук о человеке, задачи и методы исследований. Одним из центров, где новые подходы и методы бурно развивались, в том числе трудами Б.С. Жукова, стала кафедра антропологии Московского университета, а

также тесно связанные с ней Антропологический музей, Антропологический институт, музей Центрально-промышленной области, Центральный музей народоведения. Сильные традиции анучинской школы стали тем фундаментом, на котором проходило становление новых направлений в антропологии, этнологии, археологии. Общеметодические подходы, которые разрабатывались в то время, имели большой научный потенциал и все шансы для дальнейшего продуктивного развития, если бы этот рост не был подорван т.н. «великим переломом», начавшимся в конце 20-х гг.

Преждевременная гибель в лагере не дала Б.С. Жукову завершить начинания, над кото-

Рис. 1. Б.С. Жуков (1892–1933).
Fig. 1. B.S. Zhukov (1892–1933).

рыми он так активно работал. Вместе с тем многие предпринятые им нововведения, в особенности, касающиеся методов полевых исследований, подходов к обработке и анализу массового археологического материала, прочно вошли в археологическую практику, хотя не везде и не сразу. По прошествии времени актуальность этих подходов становится совершенно очевидной.

Традиционно с именем Б.С. Жукова связывают в нашей науке разработку палеоэтнологического направления. Сильные позиции этого направления существовали и в Санкт-Петербургском университете, где оно развивалось Ф.К. Волковым и его школой, однако именно Б.С. Жуков в 20-ые годы сформулировал основные цели и задачи палеоэтнологии, попытался определить ее место среди других наук о человеке и его культуре (Жуков, 1928а; Жуков, 1929а). Будучи логичным продолжением анучинской научной школы, палеоэтнологическое направление в трудах Б.С. Жукова последовательно развивало принципы комплексного подхода. Доисторические культуры следовало рассматривать в тесной связи с географической средой, физическим типом носителей и во взаимосвязи с современными культурами.

Во многом благодаря Б.С. Жукову палеоэтнология стала институционально закрепленной, хотя и в течение непродолжительного времени. В Москве на кафедре антропологии МГУ было организовано преподавание со специализацией по этому предмету. Действовали 3 палеоэтнологические лаборатории: в Антропологическом институте, музее Центрально-промышленной области, Центральном музее народоведения (Кузнецов, 2013, с. 242, 243).

Основной принцип, в русле которого Б.С. Жуков развивал свои идеи, был связан с тем, что археология рассматривалась им в рамках этнологической науки (см. подробнее Кузьминых, Лопатина, в печати). Он писал об «уничтожении формальных граней между погребенными и современными культурами при их интерпретации», что изучение древних памятников должно происходить в «концепции этнологической науки». Палеоэтнология (археология), по его мнению, имеет тот же объект исследования, решает те же задачи, что этнология. Различия между ними лишь в «методике собирания материала», в «частных методах полевого анализа и фактов в момент их обнаружения» (Жуков, 1927, с. 15).

Бурное развитие этнологии в 20-е годы способствовало формированию таких взглядов. Важными научными центрами стали созданные в Москве в это время на волне краеведческого движения, музей Центрально-промышленной области и Центральный музей народоведения, имеющие в основном этнографическую направленность. Непосредственное отношение к Центральному музею народоведения имел и Б.С. Жуков, занимая там должность заведующего отделом помимо своей основной деятельности на кафедре антропологии МГУ и в Институте антропологии.

Для палеоэтнологии как части этнологической науки были свойственны те же теоретические и общие методические подходы, которые были характерны и для этнологии. В России в 20-х годах XX в. до т.н. «большого перелома» этнология продолжала развиваться в основном в русле европейских теоретических концепций (Соловей, 2022, с. 327–372). Культурно-историческое направление, возникшее на основе идей диффузионизма и культурных кругов (труды Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера) и как реакция на эволюционист-

Рис. 2. Б.С. Жуков в экспедиции (в среднем ряду)
Fig. 2. B.S. Zhukov in the expedition (in the middle row)

ский подход, получило развитие и в России, где оно было активно воспринято. Подтверждением этого служат материалы Совещаний этнологов и палеоэтнологов ЦПО проходивших в 1926 и 1927 гг. в Москве. В основных, программных докладах, которые представили П.Ф. Преображенский, В.В. Богданов, Д.К. Зеленин, Б.С. Жуков и Б.А. Куфтин были достаточно четко обозначены принципы культурно-исторического подхода, отмечены также его проблемные точки. Этот подход, по мнению С.С. Алымова и А.М. Решетова, получил в России совершенно оригинальную интерпретацию (Алымов, Решетов, 2003, с. 232).

Показательно, что на Совещаниях обсуждалась вместе как археологическая (палеоэтнологическая), так и этнологическая тематика. Именно в русле культурно-исторического подхода, общность задач археологии (палеоэтнологии) и этнологии, которую отстаивал Б.С. Жуков, становилась очевидной. Важно обратить внимание, что в ходе Совещаний преимущественно этнологами обсуждались важные положения культурно-исторического подхода, имеющие прямое отношение и к исследованиям погребенных культур.

Так, В.В. Богданов противопоставляя эволюционному направлению «культурно-историческое понимание исследуемых явлений народного быта», говорил о важности «трех условий: 1) исторической датировки, 2) хронологической последовательности, 3) территориальной связи одних бытовых явлений с другими» (Богданов, 1927а, с. 9). Рассматривая этнологию как историческую науку, В.В.Богданов призывал проводить изучение «в исторической перспективе, идущей от нашего времени вглубь веков». При этом обращалось внимание на важность изучения материальной культуры; предлагался территориальный принцип исследований, при котором рассматривались бы не конкретные этносы, а определенные территории. Большое значение придавалось методам полевых исследований, в частности разработке анкетных опросов для изучения народных промыслов (Богданов, 1929б).

Чрезвычайно близкими идеям В.В. Богданова были подходы Б.А. Куфтина, которые также основывались на приоритете изучения объектов материальной культуры, в процессе которого «даже сложный факт социальной жизни, закрепленный в материальном объекте, становится легко фиксируемым и досто-

Рис. 3. Антропологическая комплексная экспедиция ЦПО, 1926 г.

Передний ряд слева направо: Т.А.Трофимова, П.И.Зинкевич, Е.П.Воеводская; задний ряд: Н.П.Толстов, С.П.Толстов, Б.С.Жуков, А.Б.Ставицкая

Fig. 3. The anthropological complex expedition of the Central Industrial Oblast, 1926.

Front row, left to right: T.A. Trofimova, P.I. Zinkevich, Ye.P. Voyevodskaya; back row: N.P. Tolstov, S.P. Tolstov, B.S. Zhukov, A.B. Stavitskaya

верным» (Куфтин, 1929, с. 128). В ходе сравнительного анализа и сопоставления фактов культуры особое внимание Б.А. Куфтин уделял архаичным, реликтовым чертам материальной культуры, выделяя «исходные формы и наслоения» (Куфтин, 1927, с. 33). Такой подход применен им при исследовании костюма русского населения Мещеры, технологии гончарства, жилища крымских татар. Как и В.В. Богданов, Б.А. Куфтин большое внимание уделял созданию системы описания отдельных сторон быта.

В рамках культурно-исторического подхода Д.К. Зеленин рассматривал вопрос о конвергентности и диффузии определенных явлений культуры, а также вопрос о культурных центрах, из которых распространялись новые идеи и моды, и культурных районах объединенных «большим или меньшим единством культурных комплексов». Эти вопросы предлагалось решать с помощью картографирования элементов материальной культуры, в особенности народной техники: 1) разновидностей налепной техники в гончар-

стве¹, 2) основных типов орудий и вещей для обработки кож и мехов, 3) разновидностей техники плетения обуви, 4) различных приспособлений земледельческой техники. Изучение географического распространения конкретных технологических особенностей, по мнению Д.К. Зеленина, помогло бы выяснить характер древнейших взаимоотношений между разными этническими группами (Зеленин, 1929).

П.Ф. Преображенский уделил внимание методологическому спору между старой эволюционистской и новой «исторической школой» европейской этнологии. Представляя взаимодействие и взаимопроникновение культур как важные составляющие процесса исторического развития человечества, он подчеркивал сложность этого процесса. В связи с этим указывал на два самоограничения, к которым должна прийти культурно-историческая школа: «признание возможности параллельного ряда развития» и «необходимость в каждом случае культурной диффузии устанавливать условия культурной ассимиляции

и аккультурации» (Преображенский, 1929, с. 15).

В докладах Б.С. Жукова обсуждались как общие теоретические подходы, так и практические вопросы полевой методики. Говоря об общих задачах, которые должны решаться палеоэтнологической наукой, он подчеркивал необходимость изучения истории племенных групп и культур, проблем их формирования и «взаимоотношений между культурами и расами прошлого, между культурами и средою» (Жуков, 1927, с. 14). Б.С. Жуков рассмотрел объекты изучения палеоэтнологии, представил свое понимание культурного комплекса, попытался определить методы выявления культурных элементов и групп (Жуков, 1929а).

Особое внимание уделял Б.С. Жуков методам практической работы с археологическими источниками. Те масштабные полевые исследования, которые были им задуманы, не могли осуществляться без принципиально новых подходов в этой области.

Поэтому в качестве программных положений он выдвигает условия «1) систематизации приемов полевой практики при возможно максимальном использовании соответствующей методики естественных наук» и «2) систематизации приемов проработки материала с расширением лабораторного метода и применением методов точных наук» (Жуков, 1927, с. 16). По утверждению самого Бориса Сергеевича эти положения на практике были введены им с 1925 г. в процессе работ на Льяловской, Пановской стоянках и на городищах Поволжья и других памятниках (рис. 2; 3). Они последовательно осуществлялись в ходе работ созданной им Антропологической комплексной экспедиции (АКЭ), усилиями самого Б.С. Жукова и представителями его школы, в особенности О.Н. Бадером (Жуков, 1928б; 1929б, с. 55).

Культурно-исторический подход вместе с использованием прогрессивной полевой методики стали той основой, на которой Б.С. Жуков проводил свои исследования, и результатом которых стал основной его труд «Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики». Эта объемная статья, опубликованная в 1929 г. в журнале «Этнография», была написана в основном на материалах, полученных в результате работ АКЭ. Она стала результа-

том обобщения большого корпуса источников IV–I тыс. до н.э., отличалась глубиной анализа и обстоятельной проработкой материала. В работе была предложена сложная схема культурного развития населения лесного, отчасти лесостепного Поволжья (рис. 4).

Впервые в нашей стране планомерному археологическому исследованию по конкретной программе подвергались не единичные памятники или их группы, а определенная территория с определенными географическими условиями, при этом очень мало или практически совсем не изученная. Районы полевых исследований относились в основном к Нижегородскому краю и некоторым сопредельным территориям: верхнее течение Волги в районе Твери, побережья рек Клязьмы и Тешы, нижнее течение Оки, верховья Мокши, междуречье Ветлуги и Унжи. Расположение здесь границы между лесной и лесостепной зонами Восточной Европы, а также разнонаправленных водных артерий делало эту территорию перспективной для изучения взаимодействий культур прошлого.

Основные методические принципы, которые положены Б.С. Жуковым в основу этого исследования можно обобщить следующим образом.

1. Определение понятия «неолит». Возражая против данного В.А. Городцовым хронологического определения этапов «палеолита», «неолита» и др. и считая, что такой подход вынуждает, к примеру, «называть культурой железного века всякую культуру начала первого тыс. до н.э.» Б.С. Жуков предлагает иное их понимание. Циклы историко-культурного развития объясняются на основании индустриально-технических признаков, не зависящих от времени существования. Так, для «неолита» характерно использование шлифованных орудий и керамики, что отличает его от мезолита, для «энеолита» – привозных орудий из меди или бронзы, для металлической эпохи – собственное производство металлических изделий (Жуков, 1929б, с. 56, 57).

2. Необходимость рассматривать влияние природных условий и географических факторов при изучении памятников археологии. Исходя из того, что «каждый памятник отражает природную среду своего района и своей эпохи», Б.С. Жуков полагал, что географические факторы способны объяснять закономер-

ности развития культур неолита на рассматриваемой территории. С этими представлениями тесно связан и внедренный им так называемый «метод районных исследований», основанный на «систематическом изучении максимального количества памятников в отдельных районах» (Жуков, 1927, с. 16; Жуков, 1929б, с. 58, 59).

3. Важность изучения «всей совокупности морфологических и стратиграфических признаков каждого из памятников» и «всего добываемого раскопками коллекционного материала». Особое значение в этой связи Б.С. Жуков придавал керамике (см. ниже). Он высоко оценивал преимущества этого источника по сравнению с другими категориями находок в силу массовости и больших возможностей для установления типологических вариаций (Жуков, 1929б, с. 59, 60).

4. Создание прочной относительной хронологической базы с помощью методов естественных наук и собственно археологических методов. Опорой для этого должны были послужить, во-первых, геологические работы по стратиграфии неолита, работы по стратиграфии торфяников и их споро-пыльцевому исследованию. Во-вторых, т.н. «расслоенные памятники» с отделимыми стратиграфическими слоями и с содержащимися в них своеобразными комплексами находок (Жуков, 1929б, с. 63, 64).

5. Представление о примате местных неолитических культур, что, однако не исключало допущения о локальных внедрениях чужеродных культур в круг лесного неолита. Такие явления следует рассматривать «не как результат переселений новых этнических групп, но скорее как локальные восприятия новых культур, распространяющихся затем в виде расходящихся более слабых волн по периферии» (Жуков, 1929б, с. 71). Т. о. Б.С. Жуков предостерегал от объяснений миграционными движениями резких изменений в облике культуры.

6. Выделение памятников с «гибридными» и «чистыми» керамическими комплексами для определения характера взаимосвязей между культурами. «Чистыми» названы те, которые являются характерными для руководящих культур, причем как для местных, так и для чужеродных (пример Льялово, Малое Окулово I, Волосово I, Поздняково, Малое Окулово II, Докукино). «Гибридными» – те, в

которых «при малых отличиях в морфологическом составе культурного слоя... или даже при отсутствии таких различий оказываются различные по своему морфологическому облику керамические группы (или комплексы)» (Жуков, 1929б, с. 65).

7. Введение понятия «культурный комплекс», под которым понималась совокупность элементов культуры и их сочетания. Культурный комплекс характеризуется тем, что он «связан с жизнедеятельностью определенной человеческой группы», «ограничен на определенной территории», а также «обусловлен степенью хозяйственно-бытового и технического развития» этой группы, при этом «является связанным в той или иной степени с внешними культурными влияниями» (Жуков, 1929а, с. 33). Исходя из этого, Б.С. Жуковым были приняты соответствующие наименования для культурных комплексов, например, «культура Малоборской стоянки» для гибридного комплекса этой стоянки и «культура типа комплекса Льяловской стоянки» или «Льяловская культура» для чистого комплекса этого памятника (Жуков, 1929б, с. 58).

По мнению Б.С. Жукова неолитические культуры на рассматриваемой территории проходят определенные циклы своего развития, претерпевая определенные модификации. Особенности керамики наиболее отчетливо характеризуют эти циклы. Так, самый ранний керамический цикл связан с материалами стоянки Языково I (толстостенная керамика с дресвой, с орнаментом в виде длинных параллельных линий). Следующий цикл представлен комплексом «круглоямочно-гребенчатой керамики», как, например, в материалах стоянок Льялово, Малое Окулово I. Длительная модификация ямочно-гребенчатого цикла приводит к большей дифференциации форм сосудов и уменьшению значения кругло-ямочного элемента, развитию собственно «гребенчатого керамического цикла». Становятся более выраженными локальные особенности, как в комплексах памятников Волосово I, Языково 2, Большое Козино IV, в «неолитоидном комплексе стоянки Паново». Наиболее поздний керамический цикл представлен комплексами с текстильной керамикой: Паново, Липки (с кремневым инвентарем), Докукино, Николо-Перевоз (с признаками эпохи железного века) (Жуков, 1929б, с. 68–71).

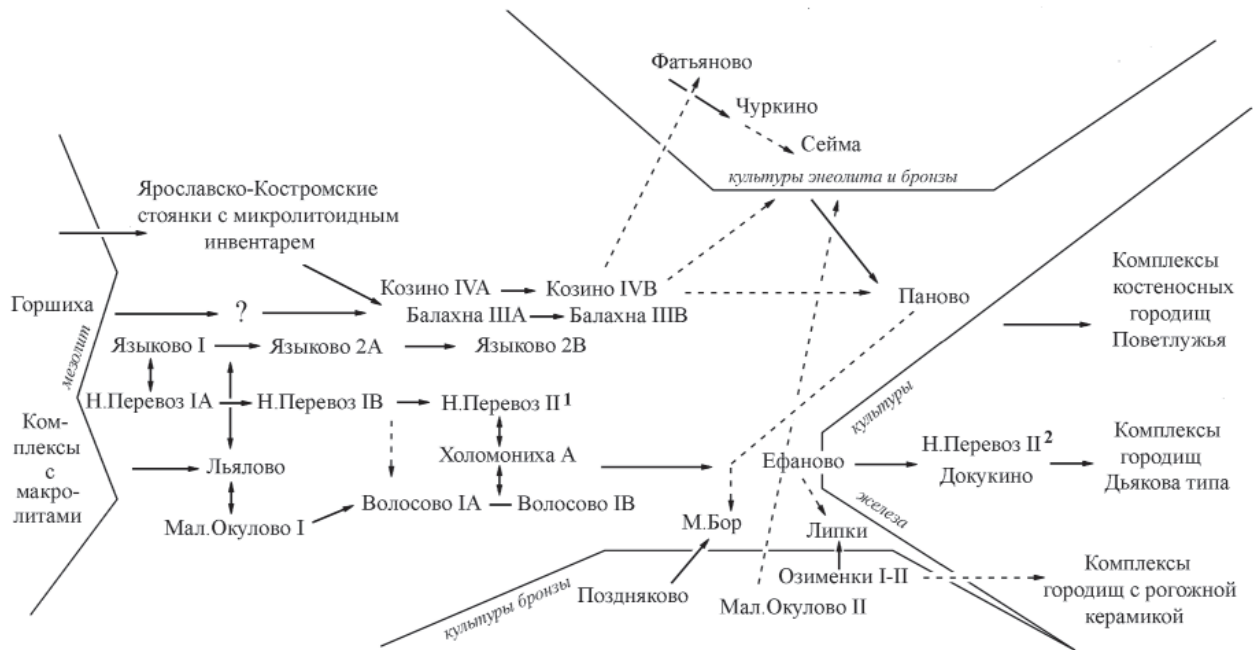

Рис. 4. Схема хронологических и культурных взаимоотношений памятников неолита и других культур на территории центральной части Восточной Европы (по Б.С. Жукову, 1929б).

Fig. 4. The scheme of chronological and cultural relationships of Neolithic sites and other cultures on the territory of the central part of Eastern Europe (by B.S. Zhukov, 1929b).

Определив культурно-хронологическую связь комплексов, Б.С. Жуков приходит к выводу о том, что все рассмотренные керамические группы в их последовательности «характеризуют собой общий ход модификации керамики лесного охотничье-рыболовственного неолита... Этот ход можно рассматривать как звенья прямого цикла развития туземных культур». (Жуков, 1929б, с. 71) По его мнению, эпоха местного лесного неолита продолжается вплоть до середины I тыс. до н.э. (см. доклад Б.С. Жукова на Германском археологическом съезде (статья Е.В. Детловой, С.В. Кузьминых и А.О. Наглера в настоящем сборнике).

Подводя итоги своей работы, Б.С. Жуков, ставит важную задачу «выяснения закономерностей или «механики» формирования этнических образований» в отношении погребенных культур, что является, по его мнению, основной задачей палеоэтнологии. Эта сложная проблема остается мало разработанной и до сих пор. На примерах конкретных комплексов памятников были проиллюстрированы явления *расщепления, обособления, гибридации, мутации, ассимиляции*. Так, *расщепление* прослеживалось в отношении неолитиче-

ского комплекса древней ямочно-гребенчатой керамики на дальнейшие циклы развития по линии Балахна – Козино – Паново и по линии Волосово – Холомониha (рис. 4).

Обособление свойственно трем городищенским культур («костеносной, Дьяковой и рогожно-керамической»), которые возникают на территории с «менее локально-дифференцированным неолитическим подслоем».

Гибридизация возникает при взаимодействии неоднородных компонентов. Она прослеживается в керамике таких памятников как Липки, Малый Бор, Паново, Сейма. То же явление наблюдается и в гораздо более позднее время в Костромских и Владимирских курганах со славяно-финским инвентарем.

Явления *мутаций* связаны с определенными скачками в развитии культур, и объясняются, по-видимому, неравномерностью этого развития, а также изменением хозяйственно-бытовых условий. Результатом мутации является керамический комплекс стоянок Языково 2 и Волосово IB. С мутациями связано появление городищ, вызванное определенными хозяйственными причинами.

В качестве *ассимиляции* рассматривается влияние фатяновской культуры на комплек-

сы Балахны и Паново. А также влияние городищенских культур на сохраняющиеся остатки неолитических культур (Жуков, 1929б, с. 66, 71, 73–75).

Как видно, в использованных терминах явно просматриваются биологизмы, что можно объяснить несформированностью терминологического аппарата. Б.С. Жуков отнюдь не настаивал на их использовании, хотя выбранные термины довольно ясно передавали суть наблюдаемых явлений.

Рассматривая исследовательские подходы Б.С. Жукова нельзя не остановиться отдельно на тех подходах и методах, которые использовались им в отношении археологической керамики. Керамику он считал наиболее показательным элементом материальной культуры, на котором «более четко отражаются эволюционные сдвиги и локальные влияния, чем на каменном инвентаре». Находки керамики в сравнении с другими объектами «всегда более обильны, разнообразны и менее случайны» (Жуков, 1929б, с. 59, 60). То значение, которое придавалось керамике как источнику, требовало разработки методов работы с ней, в первую очередь методов первичного учета, которые в то время были еще очень слабо развиты. Изучение керамики требовало специальной программы, которая включала бы характеристику отдельных признаков и их сочетаний, опиралась бы на количественные данные и позволяла бы выделять типы и их разновидности в керамических комплексах (Жуков, 1927, с. 18).

Справедливо отмечая, что методы морфологического изучения керамики пока не разработаны, Б.С. Жуков начал с внедрения определенных способов фиксации морфологических особенностей керамики, по сути, совершенно новаторских и чрезвычайно прогрессивных. Прежде всего, высокие требования предъявлялись к точности рисунка, точнее чертежа. Процедурная сторона лабораторной обработки керамики наиболее полно описана, в статье о Льяловке стоянке. Б.С. Жуков пишет о необходимости точного чертежа профиля и измерения диаметров на разных участках фрагментов, о важности правильной ориентировки венчиков. Были разобраны правила вычерчивания профиля и реконструкции формы сосуда, представлены необходимые инструменты и приспособления. «Обломок зажимался на химическом штативе, ориен-

тировался в вертикальной плоскости и обводился с помощью диаграфа Мартина» (Жуков, 1925, с. 63, 64). С помощью специальных шаблонов измерялись диаметры фрагментов венчиков.

Здесь уместно вспомнить известную статью М.П. Грязнова в журнале Советская археология о «Технике графической реконструкции форм и размеров глиняной посуды по фрагментам», вышедшую в 1946 г. почти 20 лет спустя после работы Б.С. Жукова, где говорилось о том, что «Далеко не все археологи, занимающиеся изучением керамики, реконструируют по имеющимся черепкам целые сосуды. Одних останавливает трудоемкость такой работы. Другие просто не знакомы с ее техникой» (Грязнов, 1946, с. 306). К сожалению, многие археологи долгое время не обращали внимания на необходимость процедур, которые в настоящее время стали общепринятыми.

Трудоемкая работа лабораторной обработки керамики выполнялась коллективом сотрудников палеэтнологической лаборатории Антропологического Института, учениками Б.С. Жукова, в частности А.Е. Алиховой, Е.И. Горюновой, Н.А. Синельниковым. Разработкой темы связанной с технологией производства сосудов занялся М.В. Воеводский.

Система аналитического описания керамики, предложенная Б.С. Жуковым, включала учет разных блоков информации: технологии изготовления, формы и размеров сосудов, их орнаментов. Регистрировались такие особенности как «цвет, состав глиняной массы, характер наружной и внутренней поверхности сосудов, техника изготовления, расположение орнамента, форма сосудов и их отдельных частей (венчик, шейка, плечики, днище), размеры сосудов и их частей, выделение элементов орнамента, сочетания этих элементов и характер орнаментальных узоров». При этом обращалось внимание на то, что «ценность тех или иных указанных признаков для типологической характеристики керамики оказалась далеко не одинаковой» ввиду общей малой разработанности методов ее морфологического изучения (Жуков, 1929б, с. 60).

Важность разработки системы описания керамики была обозначена еще В.А. Городцовым в 1901 г. в работе «Русская доисторическая керамика». Предложенный им порядок

описания содержал много важных наблюдений, тем не менее, большого практического значения не приобрел во многом в силу неоднозначности и субъективности выделенных признаков. Заменить рисунок, как рассчитывал В.А.Городцов, системой унифицированного описания было не возможно (Городцов, 1901, с. 3).

Система аналитического описания, предложенная Б.С. Жуковым, была ориентирована на дальнейшую статистическую обработку данных и их сравнение. Т.н. «статистика», в настоящее время является обычной практикой в работе с керамикой, тогда же являлась совершенно новым подходом, который требовал учета всего добываемого раскопками материала, а не только выборочных фрагментов. При исследовании керамики Льяловской стоянки статистические подсчеты сразу дали очень выразительные результаты. На основании процентного соотношения групп керамики с разными элементами орнамента, ямочным и гребенчатым, а также групп с разными искусственными примесями (раковина и толченый гранит) была показана культурно-хронологическая специфика материалов этого памятника.

Из других ценных новшеств, введенных Б.С. Жуковым в лабораторную практику, следует отметить, например, подбор фрагментов по отдельным сосудам. Учет единиц сосудов, а не их фрагментов как более объективный способ при обработке серий керамики (Жуков, 1929б, с. 60) в дальнейшем, уже после смерти учителя, применялся О.Н. Бадером и М.В. Воеводским в ходе исследования керамики стоянок Балахнинской низины. Жуковские подходы были реализованы наиболее полно при работе с этим материалом (Бадер, Воеводский, 1934, с. 322-335).

К сожалению, многие материалы конкретных памятников уже подготовленные Борисом Сергеевичем к печати так и не были изданы, это «Раскопки неолитической торфяной стоянки близ д. Языкова», «Культура стоянки пережиточного каменного века «Паново городище», «Поздняковская культура Муромского уезда Владимирской губернии» (в соавт. с О.Н. Бадером), «Городища Поветлужья» (в соавт. с О.Н. Бадером и М.В. Воеводским). Остался неопубликованным также и «Альбом элементов орнамента доисторической керамики территории СССР», представлявший

собой первый том из серии Трудов Антропологической комплексной экспедиции. Эти работы уже проаннотированные и находящиеся в печати были уничтожены сразу после его ареста. Работа о городищах Поветлужья увидела свет только в виде отдельных статей О.Н. Бадера (Бадер, 1951) и М.В. Воеводского (Воеводский, 1951) в 22 номере МИА за 1951 г., который полностью состоял из работ учеников Б.С. Жукова и его коллег по АКЭ.

Разгром палеэтнологического направления в Москве и в Санкт-Петербурге негативно сказался на развитии науки. Однозначная оценка этого процесса неоднократно давалась в исследованиях последних десятилетий (Мерперт, 1995, с. 12, 13; Тихонов, 2003, с. 125-130; Платонова, 2010, с. 177-197). Были прерваны многие прогрессивные начинания палеэтнологического направления, показавшие в дальнейшем свою перспективность. Вместе с тем школа Б.С. Жукова, созданная в 20-ые годы, продолжала существовать и после его ареста и гибели, хотя никогда официального признания не имела. В работах учеников Б.С. Жукова О.Н. Бадера, М.В. Воеводского, М.В. Талицкого, А.Е. Алиховой, Е.И. Горюновой, А.В. Збруевой неизменно ставились задачи выделения культурных комплексов на основе внимательного изучения стратиграфии и анализа массового материала, а также задачи выяснения хронологических особенностей этих комплексов.

Попытки оценить вклад Б.С. Жукова в науку долгое время не предпринимались. Лишь после его реабилитации в 1959 г. вышли две небольшие статьи О.Н. Бадера и В.В. Бунака в журнале «Вопросы антропологии» (Бадер, Бунак, 1963) и О.Н. Бадера в журнале «Советская археология», посвященные памяти Бориса Сергеевича (Бадер, 1968).

С позиций сегодняшнего дня можно говорить о том, что Б.С. Жуков был не только создателем школы, организатором науки, но и выдающимся исследователем древностей лесной зоны Восточной Европы. Предложенная им схема культурогенеза приводила в систему обширный корпус материалов, добытых и обработанных по единой методике, территориально охватывала значительную часть Восточной Европы, представляла цельную картину развития культур от мезолита и раннего неолита до начала железного века. Основные позиции этой схемы выдер-

жали проверку временем. Исследователям лесного неолита хорошо известно, что ранняя хронологическая позиция неолитического комплекса Языково 1, как ее определил Б.С. Жуков, долгое время оспаривалась в работах А.Я. Брюсова и М.Е. Фосс. Их точка зрения оказалась ошибочной, но господствовала до тех пор, пока Д.А. Крайнов в 70-ые гг. не ввел понятие верхневолжской культуры (Крайнов, Хотинский, 1977), «открыв» заново ту хронологическую последовательность, которая была установлена еще в 20-е годы Б.С. Жуковым. Другие звенья этой схемы, именно в жуковской интерпретации, касающиеся взаимосвязи и происхождения культурных комплексов, неоднократно находили отражение в научной литературе.

В парадигме новой марксистско-ленинской археологии схема Б.С. Жукова в ее цельном виде имела мало шансов для выживания, т.к. демонстрировала методологию, связанную с культурно-историческим подходом. Она совсем не вписывалась новые установки, возобладавшие с кон. 20-х – нач. 30-х гг. Теперь, по мнению новой генерации историков-марксистов, следовало изучать общественно-экономические формации и производительные силы прошлого. Обилие культур «нуждалось в беспощадном укрупнении по принципу социально-хозяйственного един-

Примечание:

¹ Картографирование элементов гончарного производства, как по данным этнографии, так и археологии было реализовано гораздо позже, в работе А.А. Бобринского, (Бобринский, 1978).

Благодарности:

Автор благодарит Александру Петровну Сергиевскую за предоставленные из семейного архива фото Б.С. Жукова. На обороте полевых фотографий сведения отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

- Альмов С.С., Решетов А.М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы Вып. 2. / сост., отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература 2003. С. 227–268.
- Арциховский А.В.* Новые методы археологии // Историк-марксист. Т. 14. М.: изд-во Коммунистической академии, 1929а. С. 136–155.
- Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: Изд-во АН СССР, 1951а. С. 110–158.
- Бадер О.Н.* Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. 1968. № 4 С. 234–238.
- Бадер О.Н., Воеводский М.В.* Стоянки Балахнинской низины // Известия ГАИМК. 1934. № 27. С. 298–346.
- Бадер О.Н., Бунак В.В.* Памяти Б.С. Жукова // Вопросы антропологии. 1963. № 15. С. 146–148.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Богданов В.В.* Задачи этнологического изучения Центрально-промышленной области // Вопросы этнологии Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Государственный Музей Центрально-промышленной области, 1927а. С. 9–12.

ства». Изучение «эволюции орнаментов» на керамике признавалось не нужным, «унылым занятием», которому противопоставлялось более важное вещеведение (Арциховский, 1929). Т.н. «метод наложения», за который А.В. Арциховский критикует палеоэтнологов, Б.С. Жуковым никогда даже не упоминался. Не удивительно, что в новом учебнике А.В. Арциховского «Основы археологии», написанного как обзор развития производительных сил и производственных отношений, эталонно-исследованная Льяловская стоянка в удостоилась лишь краткого упоминания.

Так или иначе, основные направления и подходы развивавшиеся Б.С. Жуковым и его школой, начиная от методики полевых и лабораторных исследований и заканчивая проблемами культурогенеза, со временем прочно вошли в исследовательскую археологическую практику. Их развивали не только непосредственные ученики Б.С. Жукова, но многие из тех, кто в стороне от политических дискуссий ушел в работу с конкретным материалом, в полевую деятельность. Именно им, по словам А.А. Формозова, «ведшим скрупулезные раскопки, владевшим конкретным материалом, вдумчиво искавшим пути осмысления собранных фактов, наша наука обязана сохранением своих лучших традиций» (Формозов, 2004, с. 62).

Богданов В.В. Срочная необходимость поставить этнологическое изучение рыбацкого быта и местных рыбных промыслов на территории Центрально-промышленной области // Вопросы этнологии Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Государственный Музей Центрально-промышленной области, 1927б. С. 41–46.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве (1899) Т. I. / Ред. графиня Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гепеля, 1901. С. 567–672.

Грязнов М.П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам // СА. Вып. VIII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 306–318.

Жуков Б.С. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда // Русский антропологический журнал. 1925. Т. XIV. Вып. 1–2 (Приложение). С. 37–75.

Жуков Б.С. Из методологии изучения культур стоянок и городищ // Материалы к доистории Центрально-промышленной области / Ред. Б.С. Жуков, О.Н. Бадер. М.: Государственный Музей Центрально-промышленной области, 1927. С. 13–18.

Жуков Б.С. Археология // Общественные науки в СССР 1917–1927 / Ред. В.П. Волгин, Г.О. Гордон, И.К. Луппола. М.: Работник просвещения, 1928а. С. 90–100.

Жуков Б.С. Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического Института (1925–1927) // Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ. 1928. Т. 1. Вып. 1–2. С. 264–286.

Жуков Б.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых, 1929а. С. 31–35.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929б. № 1. Кн. VII. С. 54–77.

Зеленин Д.К. Перспективный план работ по этнографическому изучению Центрально-промышленной области // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых, 1929. С. 23–27.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 102–113.

Кузнецов А.А. Новые материалы к биографии Б.С. Жукова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 238–244.

Кузьминых С.В., Лопатина О.А. Б. С. Жуков в истории отечественной археологии: к юбилею ученого // РА. (в печати)

Куфтин Б.А. Задачи, методы и достижения в изучении костюма Центрально-промышленной Области // Вопросы этнологии Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Государственный Музей Центрально-промышленной области, 1927. С. 33–36.

Куфтин Б.А. Задачи и методы полевой этнологии. Собрание этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. 1929. № 2. С. 125–129.

Мерперт Н.Я. Введение // Антология советской археологии (1917–1933) / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М., 1995. С. 3–14.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Преображенский П.Ф. Вопросы развития советской этнологии // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых, 1929. С. 14–22.

Соловей Т.Д. История российской этнологии в очерках. XVIII – начало XXI в. М.: Этносфера, 2022. 608 с.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки. СПб.: СПбГУ, 2003. 332 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.

Информация об авторе:

Лопатина Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lopatina.olga@gmail.com

REFERENCES

Alymov, S. S., Reshetov, A. M. 2003. In Tumarkin, D. D. (ed.). *Repressirovannye etnografy (Ethnographers – Political Prisoners)* 2. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 227–268 (in Russian).

Artsikhovskii A.V. 1929. In *Istoriik-marksist (Marxist Historian)* 14. Moscow: “Kommunisticheskaia akademiia” Publ., 136–155 (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 110–158 (in Russian).

Bader, O. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 234–238 (in Russian).

Bader, O. N., Voevodsky, M. V. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* (27), 298–346 (in Russian).

Bader, O. N., Bunak, V. V. 1968. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 15, 146–148 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy: Istochniki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe: sources and methods of study)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian)

Bogdanov, V. V. 1927. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Voprosy etnologii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Issues of the Central Industrial region ethnology)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 9–12 (in Russian).

Bogdanov, V. V. 1927. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Voprosy etnologii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Issues of the Central Industrial region ethnology)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 41–46 (in Russian).

Voevodskiy, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 159–180 (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1901, In countess Uvarova, Slutsky, S. S. (ed.). *Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda v Kieve (Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Kiev)* I. Moscow: “Tipografiya G. Lissnera i A. Gepelya” Publ., 567–672 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1946. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 104–122 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1925. In *Russkiy antropologicheskii zhurnal (Russian Anthropological Journal)* XIV (1–2), 37–75 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1927. In Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). *Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 13–18 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1928. In Volgin, V. P., Gordon, G. O., Luppola, I. K. (eds.). *Obshchestvennye nauki v SSSR 1917–1927 (Social sciences in the USSR 1917–1927)*. Moscow: “Rabotnik prosveshcheniya” Publ., 90–100 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1928. In *Izvestiya Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov pri fiziko-matematicheskoy fakul'tete MGU (Bulletin of the Association of research institutes at the faculty of physics and mathematics of Moscow State University)* 1 (1–2), 264–286 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929a. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow, 31–35 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929b. *Etnografiia (Ethnology)* 1, VII, 54–77 (in Russian).

Zelenin, D. K. 1929. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow, 23–27 (in Russian).

Krainov, D. A., Khotinsky, N. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 102–113 (in Russian).

Kuznetsov, A. A. 2013. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 1 (5). 238–244 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Lopatina, O. A. (in print.). In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (in Russian).

Kuftin, B. A. 1927. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Voprosy etnologii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Issues of the Central Industrial region ethnology)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 33–36 (in Russian).

Kuftin, B. A. 1929. In *Etnografiia (Ethnography)* 2, 125–129 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1995. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Antologiya sovetskoy arkheologii (1917–1933) (Anthology of Soviet Archaeology (1917-1933))*. Moscow, 3–14 (in Russian).

Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaya tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second half of 19th – first third of 20th centuries)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

Preobrazhensky, P. F. 1929. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow, 14–22 (in Russian).

Solovei, T. D. 2022. *Istoriya rossiyskoy etnologii v ocherkakh. XVIII – nachalo XXI v. (The history of Russian ethnology in essays. XVIII – early XXI century)*. Moscow: “Etnosfera” Publ. (in Russian).

Tikhonov, I. L. 2003. *Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki (Archaeology at St. Petersburg University. Historiographical essays)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Formozov, A. A. 2004. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki (Russian Archaeologists in the Totalitarianism Period: Historiographic Essays)*. Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).

About the Author:

Lopatina Olga A., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lopatina.olga@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.

УДК 9

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.109.120>**Б.С. ЖУКОВ: ВЗГЛЯД ИЗ СЕМЬИ**

©2023 г. А.П. Сергиевская

Воспоминания А.П. Сергиевской, внучки Б.С. Жукова, связаны с историей ее семьи с глубокими корнями и богатыми традициями. В контексте семейной хроники показаны факты личной и научной биографии Бориса Сергеевича. Подробно рассказывается о дореволюционном периоде его жизни в Нижнем Новгороде, о том, как проходило формирование научных увлечений и интересов. Рассматривается московский период, наполненный интенсивной работой на кафедре антропологии МГУ, в НИИ и Музее антропологии и связанный с лишениями первых послереволюционных лет. Воспоминания дают представление о многогранных талантах Б.С. Жукова, которые проявились не только в науке, но и в его музыкальных и литературных увлечениях. Важны сведения о последних годах жизни ученого, обстоятельствах его ареста, ссылки и кончины. Статья иллюстрирована выдержками из писем и документов из семейного архива, а также фотографиями.

Ключевые слова: археология, история науки, Б.С. Жуков, воспоминания, семейный архив, Нижний Новгород, Институт и Музей антропологии, репрессии.

B.S. ZHUKOV: FAMILY MEMOIRS

A.P. Sergievskaya

The memoirs of A.P. Sergievskaya, B.S. Zhukov's granddaughter, are related to the history of her family with deep roots and rich traditions. In the context of the family chronicle, Boris Sergeyevich's personal and scientific biography is presented. It tells in detail about the pre-revolutionary period of his life in Nizhny Novgorod and the formation of his scientific hobbies and interests. The author considers his Moscow period that was full of intensive work at the department of anthropology of Moscow State University, at the Scientific Research Institute and the Museum of Anthropology and was associated with the hardships of the first post-revolutionary years. Memories give an idea of the versatile talents of B.S. Zhukov that became apparent not only in science, but also in his musical and literary hobbies. Information about the last years of the scientist's life, the circumstances of his arrest, exile and death is also important. The article is illustrated with extracts from letters and documents from the family archive, as well as photos.

Keywords: archaeology, history of science, B.S. Zhukov, memoirs, family archive, Nizhny Novgorod, Institute and Museum of Anthropology, repression.

Мне не пришлось лично познакомиться с моим дедом Б.С. Жуковым, он умер за 13 лет до моего рождения, но я выросла в семье Жуковых, состоявшей из женщин четырех поколений: матери, жены, дочери и меня, внучки Бориса Сергеевича. В результате катаклизмов, потрясших нашу страну за период с 10-х до 50-х годов прошлого века (революция, Гражданская война, репрессии, Великая Отечественная война), в доме не осталось мужчин. Так мы и жили в женском царстве, идеальными героями которого были мой «Дедушка Боря», как было принято его называть, и мой дядя Алик, младший сын покойного. Правда, дядя Алик представал передо мной в основном в образе идеального мальчика и юноши, талантливого, послушного, целеустремленного. Он немного успел за отпущенные ему 18 лет, пропав без вести на Сталинградском

фронте в 1942 году. Дед тоже прожил недолго, всего 40 лет, но память о себе оставил долгую, прочную, отражающую все грани его уникальной натуры. Осталось довольно много документов, писем и фотографий, хотя многое и пропало. Остались воспоминания близких и дальних родственников, которых в нашей семье было много, и каждый помнил деда по-своему. Все это помогает сформировать образ Бориса Сергеевича, которому в декабре 2022 г. исполнилось бы 130 лет, а в мае 2023 будет 90 лет со дня его безвременной кончины.

В мою задачу не входит писать о Б.С. Жукове как о выдающемся ученом, это дело специалистов. А вот о Борисе Сергеевиче как человеке, его личности, характере, его разносторонних интересах, дарованиях, о нем как о сыне, муже и отце попробую рассказать.

Рис. 1. Родители Б.С.Жукова – Сергей Иванович и Людмила Матвеевна.

Fig. 1. B.S.Zhukov's parents – Sergey Ivanovich and Lyudmila Matveevna.

Борис Сергеевич Жуков родился 1 декабря (18 ноября ст. ст.) 1892 г., о чем в Метрической книге Одигитриевской церкви Нижнего Новгорода сделана соответствующая запись. Семья, в которой он родился, была очень незаурядной. Отец его, Сергей Иванович Жуков, был издателем газеты «Волгарь», одной из крупнейших в Поволжье (рис. 1; 2).

Основал газету его отец Иван Александрович, родом из рыбинских хлеботорговцев (рис. 3). Он имел явные литературные наклонности, начал с публикации статей в различных изданиях, а затем основал собственную газету, став, таким образом, пионером поволжской частной прессы.

Сначала она издавалась в Рыбинске как «Рыбинский биржевой листок», в 1875 году был переезд в Нижний Новгород и приобретение собственной типографии. Газета стала называться «Нижегородский биржевой листок». В 1891 году И.А. Жуков скончался и газету унаследовал его сын Сергей, который дал газете более звучное имя «Волгарь». Газета стала очень популярной в Поволжье, ее тираж превышал 6000 экземпляров. Она содержала самые разнообразные материалы: официальную информацию, российские и

заграничные новости, политические статьи, фельетоны, печатались литературные произведения с продолжением, освещались театр, музыка, скачки, публиковались различные объявления и рекламы. Именно в «Волгаре» были впервые напечатаны несколько ранних рассказов Алексея Пешкова (Максима Горького), в частности рассказ «Дед Архип и Ленька». Автор обратился в газету будучи в крайней нужде, после того как ему отказали в других издательствах. Об этом имеются семейные воспоминания.

С.И. Жуков вел разностороннюю общественную деятельность: он состоял в оживленной переписке с видным деятелем и исследователем Нижегородского края А.С. Гациским (письма сохранились), несколько сроков подряд избирался гласным Городской Думы, много занимался благотворительностью по примеру своего тестя М.Е. Башкирова, в семью которого он вошел после женитьбы в 1869 году на его старшей дочери Людмиле Матвеевне. Именно семья Башкировых оказала влияние на всю дальнейшую судьбу Бориса Сергеевича, единственного сына Сергея Ивановича и его жены.

Матвей Емельянович Башкиров, сын основателя торгового дома «Емельян Башкиров и сыновья» был известнейшим нижегородским предпринимателем, хлебопромышленником,

Рис. 2. Борис-гимназист с отцом и бабушкой.
Fig. 2. Boris is a gymnasium pupil with his father and grandmother/

Рис. 3. Иван Александрович Жуков.

Рис. 3. Ivan Aleksandrovich Zhukov.

меценатом и благотворителем (рис. 4). Трех братьям Башкировым, Николаю, Якову и Емельяну, принадлежали крупнейшие паровые мельницы в Поволжье, многочисленный грузовой флот, фабрики и земельные угодья. Они являлись поставщиками Императорского двора, вели обширную торговлю с заграницей через свое представительство и хлебную биржу в Санкт-Петербурге, где имели крупную недвижимость. Много недвижимости также было в Нижнем Новгороде, Самаре и Москве. У Матвея Емельяновича была большая семья: три сына и шесть дочерей. Для каждого из них он построил дома в Нижнем Новгороде, также было приобретено имение «Зименки» неподалеку от одноименной деревни в 20 км вниз по течению Волги на высоком обрывистом берегу. Имение первоначально принадлежало князьям Дадиани, затем графам Шереметевым, но обширная территория находилась в упадке. М.Е. Башкиров привел ее в порядок и построил кроме главного дома еще дома для всех детей, причем для Сергея Ивановича с семьей была выделена отдельная большая территория, называвшаяся «Жуковка». Жители соседних деревень до сих пор так называют это место.

Борис, как уже упоминалось, был единственным ребенком, что являлось исключением для семьи: у других отпрысков Матвея Емельяновича было по несколько детей.

Таким образом, сын рос в уникальных условиях, ему досталась вся родительская любовь и забота. Казалось бы, выросший в таких условиях ребенок должен был быть эгоистичным и избалованным сыночком богатых родителей. Однако ничего подобного не произошло. Наоборот, Борис был воспитан в строгости, уважении к старшим, был приучен к порядку и дисциплине. Здесь, наверное, сочетались изначальные черты характера, присущие его натуре, и старания воспитателей, прежде всего матери, Людмилы Матвеевны.

Она была женщиной незаурядной. Высшее образование ей получить не удалось, т. к. в то время в Нижнем Новгороде отсутствовали высшие учебные заведения, так же как и традиция давать высшее образование девушкам. Поэтому она получила только среднее образование, окончив Нижегородскую Марининскую гимназию. У нее были прекрасные математические способности, была очень начитана, чему, конечно, способствовала издательская деятельность ее мужа, имела широкий кругозор. У нее был явный педагогический талант, который она применяла, занимаясь с сыном, а потом с внуками, решала с ними математические задачи любой сложности. Со мной решать задачи она не успела, умерла за год до того, как я пошла в школу, но

Рис. 4. Матвей Емельянович Башкиров.

Fig. 4. Matvey Emelyanovich Bashkirov.

успела научить меня читать в 4 года, причем как-то ненавязчиво и незаметно и как-то очень быстро. Никто в семье не верил, что я действительно могу читать как взрослая, меня проверяли, заставляли читать вслух серьезные книги, так как думали, что свои детские я знаю наизусть. Людмила Матвеевна прожила в нашей семье до самой смерти в 1953 году, ей было 83 года, так что я ее помню уже очень пожилой. Но еще за несколько лет до смерти, пока была в силах, она ходила в библиотеку в Парк Горького через Крымский мост (мы жили на Зубовском бульваре), несмотря на то, что дома была богатейшая библиотека: все книги были уже давно прочитаны. Очков не носила принципиально. Внимательно читала все доступные газеты, правда иногда с лупой, и слушала радио из черной тарелки.

В имении Башкировых Людмила Матвеевна как старшая дочь пользовалась непререкаемым авторитетом. Ее отец, Матвей Емельянович, рано овдовел, и она была старшей дамой обширного семейства. В имении всегда собиралось много гостей. Людмила Матвеевна проявляла свои явные организаторские таланты в устройстве различных приемов. Ее салон посещали практически все именитые нижегородцы с весны до осени. Из Нижнего до пристани у Зименской горы ходил свой пароход «Матвей Башкиров», на котором прибывали и отправлялись домой гости. Приезжали разные знаменитости, такие как Ф.И. Шаляпин, ставший уже известным Максим Горький и другие известные люди. Прабабушка была великая картежница. Кроме известных (винт, преферанс) играли в такие игры, названия которых я ни от кого, кроме нее, не слышала. Она также знала невероятное количество пасьянсов, теперь совершенно неизвестных. В Москве, уже по моим детским воспоминаниям, к ней приезжали наши знакомые, чтобы научиться их раскладывать. Меня она тоже научила играть в карты и раскладывать пасьянсы в раннем возрасте. У нее, как и у моей бабушки, была редкая сила духа. Она сумела сохранить любовь к жизни и трезвый ум, несмотря на все случившиеся в ее жизни катастрофы, в которых она потеряла все: любимых людей – отца, мужа, сына и любимого внука – и весь прошлый образ жизни главной дамы обширного и богатого семейства.

Воспитываясь в этом семействе, Борис

Сергеевич получил начальное образование с боннами и домашними учителями из лучших учебных заведений города: иностранные языки, музыка, пение, рисование, подготовка к гимназическому курсу. Затем учеба в Нижегородском Дворянском институте им. Александра II, который он окончил с золотой медалью. Здание Института находится в центре Нижнего Новгорода на ул. Варварка. Сейчас в нем Нижегородская городская библиотека. До сих пор на стенах главного зала сохранились медальоны с написанными золотом именами отличников, среди которых и Борис Жуков.

Интерес к науке, и в частности к археологии, стал проявляться у Бориса Сергеевича достаточно рано. Как уже упоминалось, имение Башкировых стоит на высоком берегу Волги, и вся эта сторона, начиная от Нижнего Новгорода и дальше вниз по течению, изрыта многочисленными ключами. Часто случаются оползни, иногда катастрофические. Даже некоторые постройки в имении, расположенные слишком близко к обрыву, не избежали этой участи. С раннего детства Борис в компании своих многочисленных сверстников из семьи бродили по этим осыпавшимся склонам, находили и собирали так называемые «чертовы пальцы» – белемниты и различные предметы материальной культуры. Из них составлялись коллекции, приглашались для консультации учителя.

Как раз в это время в Нижнем Новгороде работал выдающийся русский археолог, сотрудник Российского Исторического музея В.А. Городцов. Он приехал на Волгу с целью изучения коллекций Нижегородского музея. В это время начали активно исследоваться окрестные археологические памятники, например, артефакты, случайно обнаруженные в районе прокладки железнодорожной ветки в районе станции Сейма. Борис Сергеевич живо интересовался этими изысканиями, установил контакт с Городцовым и, как рассказывали его мать и жена, уже с 16 лет начал принимать участие в раскопках, провел первые полевые работы, обследовав Балахинскую неолитическую стоянку. Так был сделан выбор профессии, и в 1910 году Борис Сергеевич Жуков успешно выдержал экзамен и был зачислен в студенты естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Его способности были сразу же замечены, и куратором

Рис. 5. Б.С. Жуков-студент с родителями.
Fig. 5. B.S. Zhukov—student with parents.

его стал профессор Д.Н. Анучин, что предопределило повышенный интерес деда не только к археологии, но также к антропологии и этнографии. Учеба продолжалась долгих семь лет, т. к. шла одновременно с многочисленными экспедициями. Раскопки велись в основном на Волжско-Окской равнине, что давало Борису Сергеевичу возможность общаться с близкими и привлекать их к участию в этой работе.

Учась в Москве, дед жил сначала у родственников, в доме своей тетки в Олсуфьевском переулке, ближе к концу учебы переехал на Басманную, 31, в особняк, построенный Матвеем Емельяновичем специально для приезжающих на учебу внуков. В вестибюле дома висела мраморная доска с надписью золотыми буквами «На благо просвещения внуков». Рядом вырос большой доходный дом, также принадлежавший М.Е. Башкирову. Оба дома сохранились до сих пор, правда, особняк надстроен на три этажа.

Живя в Москве, Борис Сергеевич поддерживал тесную связь с семьей. Переписка с родителями была регулярной и оживленной (рис. 5). Обсуждались любые темы: семья, учеба, погода и природа (дед невероятно

любил природу и практически в каждом письме рассказывал, как распускаются деревья, какие расцветают цветы или, наоборот, как постепенно наступает осень, как желтеют листья и портится погода). Он был глубоким знатоком растений и насекомых и позже приучал своих детей собирать гербарии, коллекции бабочек и т. д. Зная, что дома в Нижнем и Зименках есть великолепные сады, он специально заказывал семена и растения в московских питомниках и возил их в Нижний (рис. 6). Не чурались в письмах и обсуждения политических событий, тем более что это был канун, а затем и начало Первой мировой войны.

Приведу некоторые выдержки из переписки тех лет. Вот забавный ответ отца Борису на его просьбу о покупке мотоцикла (12.04.1912, Борису 19 лет): «Милый Боря! Твое желание я выполнил: мотоциклет смотрел, мне его выкатили, прочитав твою записку. Стоимость его 515 руб. (подчеркнуто и выделено)! Продавец говорит: «уступлю 15 руб.». Мое мнение: даром не брать эту забаву! Конструкция сложная. Аппарат потребует идеальной аккуратности обращения, иначе будет пребывать столько же у тебя, сколько и в починке. Кроме того — замена частей — это прямо разорение для тебя. Например, сменить одну шину — будет

Рис. 6. Вверх по оползню. Первый Б.С. Жуков, последняя его жена Татьяна Николаевна.

Fig. 6. Up the landslide. The first is B.S. Zhukov, the last — his wife Tatyana Nikolaevna.

стоять с лишком 20 рублей. Вот мое мнение, а ты думай, как подсказывает твой рассудок. Твой отец». (Жаль, современная клавиатура не дает возможности передать всю старую орфографию и пунктуацию!) Судя по всему, мотоцикл куплен не был, т. к. никаких упоминаний о нем в семье не сохранилось.

А вот другие темы: из переписки видно, что Борис Сергеевич, учась в университете, активно сотрудничал с газетой «Волгарь», писал рецензии на публикуемые литературные произведения. Из письма 02.02.1916: «Посылаю очередную рецензию. Последняя рецензия моя на книгу Л. Серовой «Елена Древи» почему-то не вышла, не потерялась ли она?». В это время Борис и сам активно печатался в «Волгаре» под псевдонимом Борис Зименский. Сохранились его рассказы на разные темы за период 1915–1916 гг.: «Ивушка» о слепом мальчике, «Кривой жених» из охотничьих рассказов (дед был заядлым охотником), «Пробуждение» о раненом на войне солдате. Писал он и театральные пьесы, о чем несколько ниже. Встречаются в письмах того периода постоянные упоминания об уроках музыки, которые Борис Сергеевич брал регулярно, совершенствуя свое мастерство. Политики тоже не чурались. Из письма от 16.02.1916: «Папа, ты, кажется, очень оптимистично смотришь на посещение Царем Думы? В первый день мне тоже казалось так. Но потом, учитывая общее настроение правительства, мне стало ясно, что это одна декорация, что реальных результатов оно иметь не будет, и это тем более вероятно, что сегодня, например, появилось известие, что отныне все отчеты о Думе будут печататься лишь в редакции Петроградского агентства, которое, как известно, передает все очень односторонне. Получается одна насмешка над Государственной Думой, которую обставили таким образом: ей дана полная свобода говорить что угодно, обсуждать какие угодно вопросы, результатов от этих обсуждений не будет никаких, т. к. Госсовет кладет свою тяжелую руку на все начинания, поэтому и само посещение Думы Царем является теперь не более и не менее как страница, правда светлая и красивая, из русской истории, мелькнувшая и отошедшая далеко от действительности». Написано за год до Февральской революции.

Одновременно назревало и другое важнейшее событие в жизни Бориса Сергеевича,

о котором надо рассказать особо. Как уже упоминалось, все младшие отпрыски обширного семейства (внуки М.Е. Башкирова) тесно общались друг с другом, особенно в теплое время года, когда жили в Зименках, они росли вместе с раннего детства. Разница в возрасте была не очень большая. Поездки на лодках за Волгу в луга, прогулки по лесопарку, окружавшему имение, катание на велосипедах, игра в теннис и крокет, домашние спектакли – все это сближало молодых людей, которые приходились друг другу двоюродными братьями и сестрами. Очень популярны были домашние спектакли. Здесь в полной мере проявились разносторонние художественные наклонности деда. Он сам писал пьесы в стихах и прозе, сам их ставил, делал эскизы декораций. К устройству домашнего театра подошли со всей серьезностью. Родители помогали: мать, используя свои недюжинные организаторские способности, которые позже пригодились совсем в иных обстоятельствах, снабжала всем необходимым для постановок, отец печатал в типографии тексты пьес и афиши. В спектаклях, а ставились также и отрывки из классических пьес, принимали участие члены семьи, а также многочисленные друзья, постоянно гостившие в имении. Бывали и музыкальные вечера, где исполнялись отрывки из опер и романсы.

Борис Сергеевич обладал прекрасным баритоном и посещавший имение Ф.И. Шаляпин очень его хвалил и советовал не зарывать свой талант. Конечно, такие близкие контакты между молодыми людьми иногда имели вполне ожидаемые результаты. Поэтому неудивительно, что вспыхнуло чувство между Борисом Сергеевичем и его двоюродной сестрой Татьяной, дочерью старшего сына Матвея Емельяновича, Николая Матвеевича. Татьяна Николаевна, ученица Мариинского Института благородных девиц, изумительная красавица, была младше деда на три года (рис. 7).

Видя развивающийся на их глазах роман, родственники пытались принять меры. Для начала решили развести молодых людей подальше друг от друга. Было предпринято длительное заграничное путешествие: Николай Матвеевич увез дочь в Египет, а затем в Европу. В Египте возникли определенные трудности, т. к. красавицу Татьяну попытались украсть в гарем местного царька. Все окончилось благополучно, однако по возвра-

Рис. 7. Т.Н. Башкирова (Жукова) –
ученица института благородных девиц.
Fig. 7. T.N. Bashkirova (Zhukova) –
a student of the Institute for noble maidens.

щении оказалось, что ничего не изменилось, и молодые люди по-прежнему хотят быть вместе. Роман продолжился. Переживания Борис отразил в своих стихах. Он обладал большим поэтическим даром. Сохранились тетради его неизданных стихов с 1916 по начало 1920-х годов. Более ранние не сохранились, хотя их названия присутствуют в оглавлении тетрадки, написанном от руки. Видны следы вырванных страниц. Неизвестно, кто их уничтожил. Думаю, что бабушка не хотела, чтобы кто-нибудь читал стихи влюбленного юноши, кроме нее. Также, судя по названиям, там были стихи религиозного и монархического содержания. Лирические стихи написаны в основном в духе поэтов Серебряного века. Есть также подражания былинному стилю, сказки, пьесы, пародии. Вот, например, из лирики:

Элегия

*Лунные блики... лунные тени...
Чутко склоненные ветви сирени...
Как ароматна весна!*

*Если ты грезишь, влюбленный, тревожный,
Если томишься мечтой невозможной, –
Ты не уснешь у окна.*

*Звуки ночные... звуки как шепот...
Призраков лунных таинственный ропот...
С ними трепещет душа...*

*Ищешь ответа во взоре, в улыбке?
Слушай, как ветер скитается зыбкий!
Лунная ночь хороша!*

(1916)

Признание

*И снова и опять душа полна тобой!
Как будто в первый раз она воспламенилась,
Как будто никогда так звонко не струилась
О счастье струнном песнь ликующей волной!*

*В небесной синеве ни облачка вокруг,
А море – зеркало, забывшее о грозах...
Как пламенна весна на этих пышных розах!
Как я люблю тебя, мой светлый нежный друг!*

(1916)

Возница

*Стук да стук, – плетется лошадь
По разбитой мостовой...
«Дед проснись, ведь нам не близко,
Шевели вожжжой!»*

*Но возница равнодушно
Словно каменный сидит.
А понуря лошадка
най, трусит, трусит...*

*«Эй, голубчик, надоело!
Сделай милость, понукай!»
«Не гони, седок, поспеешь,
Дом тебе не рай!»*

*Кабы знать, куда приедешь,
С кем окончишь путь,
Где придется после тряски
Отдохнуть, уснуть,*

*Мы б с тобой тогда, товарищ,
Понеслись, пожалуй, вскачь!
Только, ждущим лучшей доли,
Время – злой палач!»*

*Стук да стук, трусит лошадка
По разбитой мостовой...
Вещий старец усмехнулся –
Шутит он с тобой!*

(1916)

Стихи других жанров не позволяет цитировать ограниченный размер статьи.

Тем временем, после долгих уговоров, закончившихся ничем, молодые люди, наконец, получили разрешение на свадьбу при выполнении двух условий. Во-первых, в случае родственного брака необходимо было

Рис. 8. Татьяна Николаевна и Борис Сергеевич в год свадьбы (1917)

Fig. 8. Tatyana Nikolaevna and Boris Sergeevich in their wedding year (1917)

получить разрешение Священного Синода. Во-вторых, Борис должен окончить Университет и определиться с дальнейшей службой.

Но приближались роковые события. Уже шла Первая мировая война. Семейство принимало активное участие в помощи армии. Делались крупные пожертвования, сдавали даже наградные золотые медали, участвовали в формировании санитарных поездов. М.Е. Башкиров сделал решающий вклад (500 000 руб.) в организацию перевода из Варшавы в Нижний Новгород Политехнического института им. Императора Николая II, тем самым заложив основу в развитие высшего образования в городе, т. к. до этого высших учебных заведений в нем не было. Решили также создать лазарет для раненых воинов. Торговый Дом Башкировых выделил средства. Деятельная Людмила Матвеевна стала патронессой заведения. Организовали лазарет на двух площадках – в соседнем селе Безводное и в Зименках. Оборудовались палаты, приобреталось все необходимое. Чтобы иметь право профессионально ухаживать за ранеными, несколько младших Башкировых, включая Татьяну Николаевну и Бориса Сергеевича (по матери он Башкиров), поступили на медицинские курсы, окончив которые получили право проводить необходимые медицинские процедуры. Эти навыки потом очень пригодились Борису Сергеевичу в других, гораздо более печальных обстоятельствах, а Татьяна Николаевна приняла решение получить профессию врача.

1917 год стал переломным как в жизни

страны в целом, так и в жизни семьи Жуковых-Башкировых. Весной 1917-го Борис Сергеевич окончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре антропологии для подготовки к профессорскому званию, а незадолго до этого, в январе, как только было получено разрешение из Синода, родители благословили юную пару. Венчание состоялось в Гавриило-Архангельском храме при Московском почтамте (рис. 8).

Первое время молодые жили в доме на Басманной, но это продолжалось недолго. Наступил октябрь. Дом очень быстро реквизируют. Пришлось опять переезжать в Олсуфьевский к родственникам, которые сами бедствовали. Началась совершенно другая жизнь. Она кардинально отличалась от прежней. Надо было учиться выживать. Пайки были скудные. Денег очень мало. Борис Сергеевич учился в аспирантуре. Постоянные выезды «в поле» материальных средств не приносили, хотя отнимали много времени. Эти годы были самыми тяжелыми. Татьяна Николаевна ждала первого ребенка. Чтобы как-то прокормить семью, Борис Сергеевич преподавал в средней школе, читал популярные лекции. В это время была создана Комиссия по улучшению быта ученых (Цекубу). С ее помощью деду посчастливилось получить квартиру в преподавательском доме по адресу: Зубовский бульвар, 15. Туда переехали с только что родившейся дочкой Светланой, которой не суждено было долго прожить: в нетопленной квартире она скончалась от дифтерита в младенческом возрасте. В этой квартире родились и двое других детей Бориса Сергеевича и Татьяны Николаевны: дочь Наталья (1921), моя мать, и сын Александр (1924), дома его звали Алик, он не вернулся с войны. Из этой квартиры в 1930 году дед ушел, чтобы отправиться в ссылку. В этой квартире родилась и я. Наша семья прожила в ней до 1962 года. Сейчас в этом доме Литературный музей им. В. Даля. Сотрудники музея бережно сохраняют память об известных ученых – жильцах дома, начиная с академика Вернадского. Там организована постоянная экспозиция: выставлены документы, фотографии, личные вещи. Проводятся тематические вечера. На доме постепенно появляются таблички «Последний адрес» с именами репрессированных ученых, живших в этом доме.

В 1921 году Борис Сергеевич окончил аспирантуру и был зачислен самостоятельным преподавателем на кафедру антропологии 1 МГУ. Параллельно он оформился на педагогический факультет Нижегородского университета и в течение нескольких лет совмещал работу в МГУ и в Нижнем Новгороде в качестве приглашенного профессора, там он тесно сотрудничал с С.И. Архангельским и А.Я. Садовским, консультировал работников Нижегородского исторического музея.

Родители Б.С. Жукова остались в родном городе и терпели всяческие невзгоды. Типография у отца была отобрана. Позже его объявили лишенцем и несколько раз арестовывали. Работал он от случая к случаю на самых мелких должностях, в том числе корректором. Содержание писем Бориса к родителям радикально изменилось. Уже было не до мотоциклов и рецензий на художественную литературу. Вот отрывок из письма от 07.06.1921. В нем Борис Сергеевич сообщает о крестинах дочери Натальи (дома ее звали Тата) и далее пишет: «8 дней я пробыл во Ржеве, устал, т. к. провел 60 лекций. Зато вывез фонд продуктовый. Весь гонорар получил натурой, больше чем на миллион рублей по московским ценам: 3 пуда муки, 18 ф[унтов] сахару, 7 ф. подсолнечного масла, 10 ф. соли, 20 ф. сушеных овощей, 5 ф. мыла и 10 коробок спичек. Вернувшись в Москву, каждое утро встаю рано и отправляюсь на лекции. Сегодня кончил на курсах ликвидаторов безграмотности и, вероятно, 10-го кончится там мой паек. Всю следующую неделю буду читать в Замоскворечье, где курсы заканчиваются 15-го числа. Там платят 10 тысяч за 40 минут лекции.

В Сергиеве [Сергиевом Посаде] буду в ближайшее время также заканчивать курс. У меня там наладилось хорошее дело. Кроме курсов, которые там будут в июле-августе на условиях вроде Ржева, я там имею работу весь будущий год, т. к. Н.Н. Иорданский приглашает меня теперь постоянным «профессором» на условиях ежемесячного приезда один раз на 2 дня с месячным пайком, который идет мне и за лето, паек очень приличный. Вот каким образом (считая еще и Танин паек студенческий) оборачиваюсь без академического пайка. Его, вероятно, удастся получить не раньше осени» (т. е. пайки на основной работе летом не давали и вообще они были весьма скудными – А.С.).

С 1921 г. начинается расцвет педагогиче-

ской и научной деятельности Бориса Сергеевича. Он пользовался огромной популярностью среди студентов, лекции собирали множество слушателей не только на его факультете, но и с других отделений. Помимо преподавания дед параллельно работал в НИИ антропологии МГУ, Государственном музее антропологии, а также в Музее народоведения, где был сначала заведующим отделом, а затем заместителем директора. Основным районом его полевых исследований продолжало оставаться родное Поволжье, затем он распространил свои изыскания на побережье Черного моря. В этот период был опубликован его фундаментальный труд «Происхождение человека», выдержавший до ареста пять изданий (1923–1931), несколько небольших брошюр и ряд статей. Сформировалась его научная школа. Но основные материалы, основанные на многочисленных результатах полевых экспедиций, ждали опубликования, чему, к сожалению, сбыться не удалось.

В мою задачу не входит подробное рассмотрение научной деятельности Бориса Сергеевича. Это задача профессионалов. Хочется только упомянуть, что, будучи действительным членом Международного антропологического института, Б.С. Жуков получил возможность в 1929 году поехать в Берлин на Международный археологический съезд, посвященный 100-летию основания Германского археологического института, где сделал большой доклад и получил одобрение своей деятельности международным сообществом. После Берлина он посетил Париж, Данию, Швецию и Финляндию. С известным финским археологом А.М. Тальгреном он был знаком по переписке, обменивался научными данными. Все это сулило блестящее будущее, но, как оказалось, явилось одной из причин его ареста и ссылки.

А в это время дома росли двое детей, которых он обожал и воспитанию и развитию которых отдавал все свободное время. Дети платили ему тем же (рис. 9, 10). Мама рассказывала, как Борис Сергеевич, который «умел делать все на свете и знал все обо всем», ненавязчиво, по-доброму учил их любить природу, о которой мог рассказывать часами, учил различать растения и составлять гербарии, собирать коллекции бабочек и жуков. В письмах детям того периода, написанных с раскопок, из Москвы в Поволжье, где они отдыха-

Рис. 9. Дети Татьяны Николаевны и Бориса Сергеевича Наталья и Александр

Fig. 9. Tatyana Nikolaevna and Boris Sergeevich's children – Natalya and Aleksander

ли летом, и даже с заграничной конференции он подробно описывал состояние природы в тот сезон и в той местности, где находился. Рассказывал, какие цветы он выращивает в Москве на балконе, в какой последовательности они будут цвести и как за ними надо ухаживать. Из письма с Берлинской конференции: «В Берлине уже нет снега, по дороге я видал цветущую мать-и-мачеху. А сегодня один француз мне рассказывал, что у них уже цветет сирень. В Берлине на улицах продают много цветов, очень красивых». Такие же описания будут и в письмах к детям из ссылки. Летом на Волге обычно снимали помещение в селе Великий Враг рядом с родными Зименками. Выезжали туда большой компанией. Борис Сергеевич присоединялся на некоторое время, когда не был занят раскопками. Учил детей ходить в походы: ставить палатки, разводить костры, ловить рыбу, грести. Дома дети обучались чтению, иностранным языкам, рисованию, пению, игре на фортепиано (дома был рояль, рояль, он сохранился и до моего времени), он сохранился и до моего времени, ходили на занятия в танцевальную группу при Доме Ученых, в котором устраивали концерты. Дед принимал в этом живейшее участие, вникал во все подробности, которые потом описывал в своих письмах к матери в Нижний Новгород. С ранних лет детей приучали к классической музыке, водили в Большой театр на оперы, которые Борис Сергеевич обожал. Жена Татьяна поступила на медицинский факультет МГУ, правда, училась с перерывами, вызванными рождением детей, но окончить его ей было не суждено.

В конце 20-х – начале 30-х годов прошло-

го века произошел новый всплеск классового террора. Начались гонения на интеллигенцию как хранительницу традиционной национальной культуры. Под этот каток попал и Б.С. Жуков. Репрессиям подвергались ученые, сотрудники музеев разной направленности: исторических, краеведческих, художественных. Их обвиняли в саботаже, стремлении сохранить никому не нужные артефакты, прославляющие достижения уничтоженного государственного строя, в противодействии разрушению памятников старины, продаже музейных ценностей за рубеж. Не избежал общей участи и Борис Сергеевич. В это время в отечественном краеведении шла борьба между группами ученых, относившихся к старой школе, выступавших за сохранение достижений предыдущих поколений и бережное отношение к историческому наследию, и рядом молодых сотрудников, пробивавших себе продвижение в карьере путем обвинения старших товарищей в антисоветских настроениях, считавших необходимым создать на месте профессионального краеведения новые структуры на основе деятельности местных кружков молодых краеведов, исповедовавших классовый подход к исследованию проблем происхождения и развития человека. Было создано Общество краеведов-марксистов, противостояние которого со старыми краеведами, группировавшимися вокруг Центрального бюро краеведения, становилось неизбежным.

Рис. 10. Мать Б.С. Жукова с внуками (1937)

Fig. 10. B.S. Zhukov's mother with her grandchildren (1937)

Естественно, Б.С. Жуков не мог оставаться в стороне от этого процесса. Как мог он противостоял превращению академической науки в самодеятельные кружки по интересам. В письме от 08.02.1929 он пишет родителям: «Пришлось в прошлый четверг давать бой в одном заседании по линии археологии. Это – первое выступление, за которым должны последовать непрерывные бои в течение ближайшего года...».

Это не прошло ему даром. 7 сентября 1930 г. Борис Сергеевич был арестован по стандартному обвинению – «участие в контрреволюционной организации» (статья 58.10). Непосредственной причиной ареста был донос С.П. Толстова – одного из его любимых и наиболее перспективных учеников, расчищавшего себе путь наверх по карьерной лестнице. Я могу с полным основанием это утверждать, прочитав в 2017 г. в архиве ФСБ следственное дело Б.С. Жукова, которое незадолго до этого было рассекречено. Поездка за рубеж и контакты с иностранными учеными также сыграли свою отрицательную роль.

В своих показаниях на допросе в качестве свидетеля от 19 октября 1930 г. С.П. Толстов отмечает, что «краеведческая сеть представляет собой компактную, в массе своей антисоветски настроенную массу. Состав краеведческих организаций сложился из представителей прежних (дореволюционных) краеведческих обществ, объединявших либо эсеровски настроенную интеллигенцию, либо просто черносотенные элементы... Вся эта масса имела прочную организационную связь...».

Все обвинения, выдвинутые против него, Б.С. Жуков отрицал. 12 ноября последовало временное освобождение под надзор, но следствие было продолжено, и 28 апреля 1931 г. последовал второй арест. В постановлении говорится, что «гр. Жуков в достаточной степени изобличен как участник контрреволюционной организации и использовал это время (между арестами – А.С.) для предупреждения ее членов о надвигающихся арестах». Борис Сергеевич был заключен под стражу. Период тюремного заключения во время следствия он провел в Бутырской тюрьме. Постановлением от 23 августа 1931 г. Б.С. Жуков, а также Н.А. Дорогутин и С.П. Григоров были осуждены к трем годам заключения в концлагере. В резолютивной части говорится, что они,

«враждебно относясь к Советской власти, являлись руководителями контрреволюционной работы в музеях и краеведческих организациях, вели работу во вред социалистическому строительству, сконцентрировали вокруг себя реакционно настроенный элемент, т. е. виновны в преступлении, предусмотренном ст. 58.10 УК».

Борис Сергеевич был сослан в Алтайский край. В первом письме по прибытии на место (15.11.1931) он сообщает свой адрес: Верхнеобское отделение Сиблага ОГПУ, Боровлянская группа. Село Боровлянка находится недалеко от Бийска. Вот где пригодились деду его фельдшерские навыки, полученные во время работы в лазарете во время Первой мировой войны! По причине тотального дефицита медицинских кадров его назначили на должность «лекпома». В ней он пребывал фактически все время. В этом же письме он просит срочно достать и прислать ему пособия по фельдшерской работе. Настроен достаточно позитивно. Вот несколько строк: «Здесь предгорья Алтая, очень большие лесные массивы сосны, всхолмленный ландшафт. Настроение хорошее благодаря сознанию, что я могу плодотворно применять свою специальность и приносить максимум пользы... Надеюсь в ближайшее время восстановить мои физические силы (после длительных пересылок – А.С.)».

А в Москве наступила тяжелая жизнь для семьи. Университет Татьяне Николаевне пришлось оставить. Надо было кормить детей. Из Нижнего Новгорода приехала свекровь смотреть за ребятами. Из уважаемой дамы-патронессы она превратилась в жену лишенца: мужа несколько раз арестовывали и в результате выслали в Саратов, где он и скончался в 1932 году. Бабушке, не имевшей диплома, пришлось работать за крошечную зарплату в нескольких местах: лаборантом, медсестрой, делать уколы на дому. Чуть не отобрали квартиру, обошлось уплотнением.

Потянулись долгие дни и месяцы разлуки. Письма из лагеря приходили часто, не всё в них понятно, т. к. частично они написаны эзоповым языком. Борис Сергеевич подробно описывал свою работу, окружение, интересовался мельчайшими подробностями жизни семьи. Переживал, что ему присылают посылки с едой, отрывая от себя: он прекрасно понимал, чего это стоило. О своих проблемах с питанием писал вскользь, иногда лишь упоми-

ная, что в связи с необходимостью приобретения картошки «избавился от пиджака», что по вечерам сам готовит себе еду из собранных грибов или пойманных карасей, что было возможно только в определенный сезон, что с питанием становится все хуже, но присылать просил только сухари. В письмах, особенно к детям, он красочно описывает сибирскую природу, растения, насекомых, смену времен года. Писал и о том, что его, как образованного человека, стараются использовать, помимо лечебных дел нагружая составлением отчетов по больнице и различных бухгалтерских документов. Но при этом в немногие свободные часы он развивал бурную деятельность. Невроятно собранный, волевой и целеустремленный человек, он быстро организовал вокруг себя школу, хор и театр, как в юности, ставил пьесы и играл в них. Классические пьесы (Чехов, Островский) разрешали ставить при условии постановки сначала революционной пьесы («Любовь Яровая», «Оптимистическая трагедия»). В клубе появилось плохонькое пианино: «Ты не можешь себе представить, с каким пылом и наслаждением я играю сейчас Вторую сонату Бетховена», – пишет он жене незадолго до смерти.

В своих письмах Борис Сергеевич просит подробнейшим образом сообщать ему об успехах детей в школе, особенно сына, которого приняли сразу во 2-й класс, сетует, что уже выпадает из жизни ребенка, и мальчик живет своей жизнью помимо него. В письме от 23.03.1932 просит жену узнать подробности о съезде по изучению четвертичного периода, жалеет, что она, скорее всего, не смогла лично послушать интересные доклады, чтобы поделиться с ним информацией.

Один раз, летом 1932 года, несмотря на невероятные финансовые и технические труд-

ности, бабушке с мамой удалось навестить деда в ссылке. Он был счастлив увидеть своих любимых, но в то же время поражен и огорчен тем, как была истощена и измучена Татьяна Николаевна. В письмах после этой встречи он снова неоднократно просит не посылать ему ничего из продуктов, кроме сухарей. В начале 1933 г. стали обсуждаться планы жизни после возможного освобождения осенью. Было ясно, что в Москве жить не разрешат. Обсуждались варианты переезда на юг России поближе к морю или куда-либо на просторы Сибири, где жизнь подешевле и можно было бы найти работу. Однако этому не суждено было сбыться. В мае 1933 г. Борис Сергеевич простудился, заболел пневмонией, вылечить которую в лагерных условиях было невозможно, и, проболев несколько дней, скончался. При нем неотлучно находился врач, у которого он работал помощником. Этот доктор прислал бабушке подробное профессиональное описание последних часов деда, к которому относился с огромным уважением.

Когда наступила «оттепель», бабушка подала прошение о реабилитации (1958 г.). Дело было пересмотрено. Лица, составлявшие доносы, были передопрошены и фактически отrekliсь от своих показаний. Деда реабилитировали, однако дело было рассекречено, как уже упоминалось, только в 2017 г., когда я смогла его прочитать. Бабушка больше замуж не выходила, свято храня верность Борису Сергеевичу. Дочь Наталья (моя мама) собиралась по стопам отца поступать на биологический факультет МГУ, но ее не приняли как дочь репрессированного. Она закончила Институт иностранных языков (в студенческие годы была на фронте в качестве военного переводчика) и всю жизнь проработала в Ин`язе, была заведующей кафедрой французского языка.

Информация об авторе:

Сергиевская Александра Петровна (р. 1.12.1946, Москва), внучка Б.С. Жукова. В 1970 г. окончила Московский педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза, где потом почти 20 лет преподавала на переводческом факультете. С 1988 г. работала в системе МИД, в течение 15 лет заведя кафедрой иностранных языков колледжа МИД РФ. Хранитель семейного архива Башкировых–Жуковых. Автор публикаций о роде нижегородских купцов и промышленников Башкировых и о своем деде – Борисе Сергеевиче Жукове.

sasha.sergievskaia@yandex.ru

About the Author:

Sergievskaia Aleksandra P. Moscow, Russian Federation; sasha.sergievskaia@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.

Древности раннего железного века и раннего средневековья лесной и лесостепной полосы Восточной Европы

УДК 902/904; 903.21

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.121.135>

КАМЕННЫЕ СКРЕБКИ КУРМАНАКОВСКОЙ IV СТОЯНКИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ: МОРФОЛОГО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2023 г. Е.Н. Голубева, А.В. Лыганов

Скребки как категория каменного инвентаря культур позднего бронзового Приказанского Поволжья и Приустевого Прикамья слабо освещены в обобщающих исследованиях. Обычно в литературе приводятся только количественные показатели морфологически выраженных каменных орудий, происходящих с территории поселений. В данной статье предложен морфолого-функциональный анализ каменных скребков, происходящих преимущественно из жилища 1 Курманаковской IV стоянки. По керамическому материалу выделены четыре культурно-хронологических горизонта. При этом основной горизонт, связанный с постройкой комплекса жилищ на этой территории, приходится на XIV–XIII вв. до н.э., относится ко времени существования культуры текстильной керамики и атабаевского этапа маклашеевской культуры. Судя по выявленным аналогиям и планиграфии, большинство скребков были связаны именно с этим культурно хронологическим горизонтом. В результате морфолого-функционального анализа среди скребков были выделены пять морфологических групп. Функционально скребки были разделены на скребки по мягкому материалу (шкура) и скребки по твердому материалу (дереву). Трасологическое исследование позволило увеличить число функциональных типов скребков и выявить среди них комбинированные орудия.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, река Мёша, поздний бронзовый век, культура текстильной керамики, атабаевский этап маклашеевской культуры, жилище, скребки, морфология, трасология.

STONE SCRAPERS OF THE KURMANAKOVO IV SITE OF THE LATE BRONZE AGE IN THE LOWER KAMA REGION: MORPHOLOGICAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS

E.N. Golubeva, A.V. Lyganov

Scrapers as a category of stone inventory of the Late Bronze Age cultures in Kazan Volga River and Kama River's mouth regions is poorly covered in generalizing studies. Usually, only quantitative indicators of morphologically expressed stone tools from the areas of settlements are given in the literature. In this paper morphological and functional analyses of stone scrapers found mainly in dwelling 1 of the Kurmanakovo IV site are presented. According to the ceramic material, four cultural and chronological horizons are marked out. At the same time, the main horizon associated with the construction of a complex of dwellings on this territory falls on the XIV–XIII centuries BC with the time of the existence of the textile ceramics culture and the Atabayevo stage of the Maklasheyevka culture. Judging by the revealed analogies and spatial analysis, most of the scrapers were related with this cultural chronological horizon. As a result of morphological and functional analyses, five morphological groups of scrapers were identified. Functionally, the scrapers were divided into two groups; scrapers for soft material (hide, skin) and scrapers for hard material (wood). Use-wear study made it possible to increase the number of functional groups of scrapers and identify combined tools among them.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, Myosha river, Late Bronze Age, textile ceramics culture, Atabayevo stage of the Maklasheyevka culture, dwelling, scrapers, morphology, use-wear analysis.

В 2014 г. в ходе мониторинга памятников археологии в зоне негативного воздействия Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ в Республике Татарстан отрядом Первобытной археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 1 км севернее деревни Курманаково Лаишевского

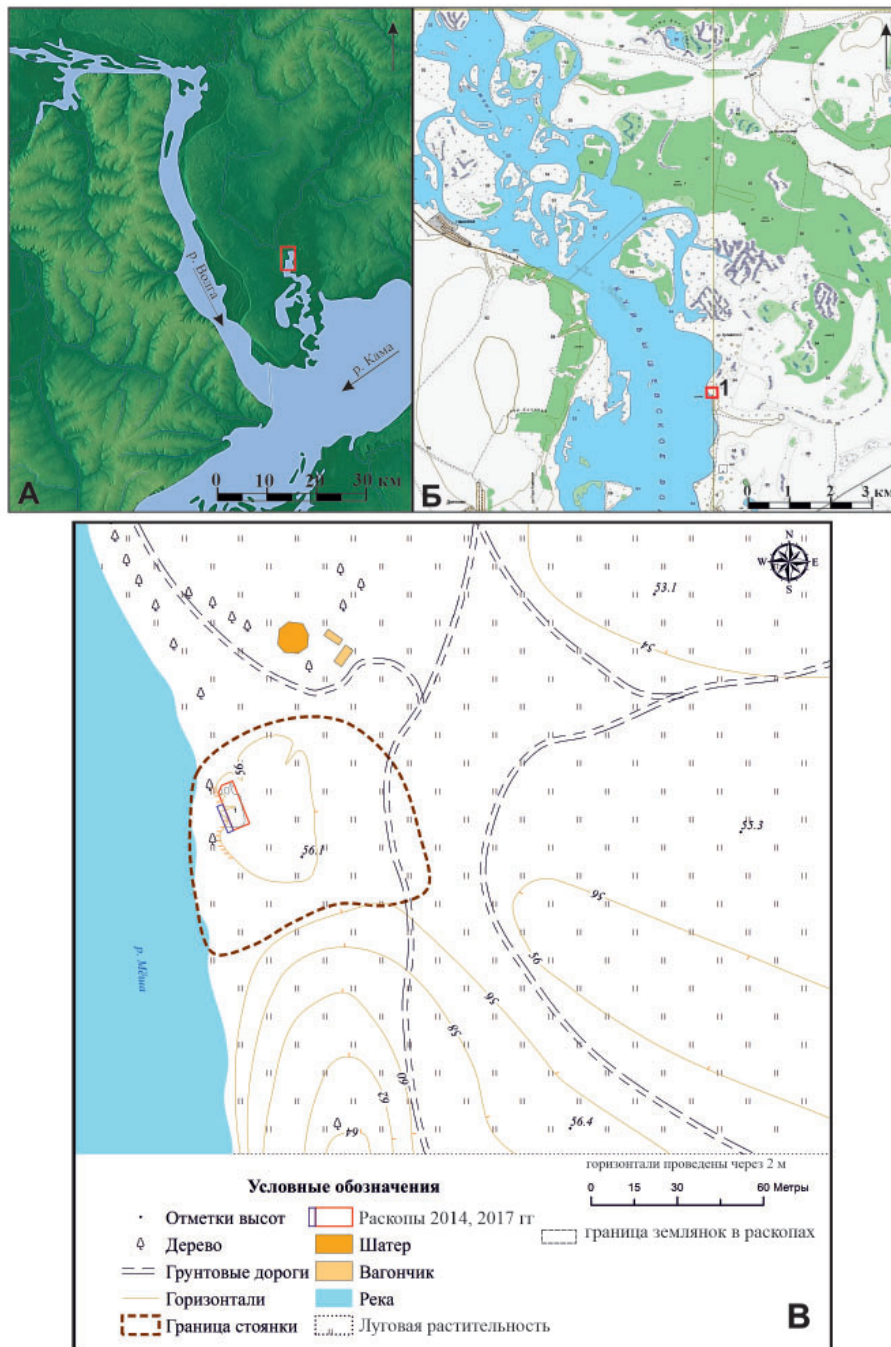

Рис. 1. А – карта приустьевой части рек Кама и Мёша с выделенной округой Курманаковской IV стоянки; Б – ситуационный план округы Курманаковской IV стоянки; В – План Курманаковской IV стоянки с раскопами 2014 и 2017 гг.

Fig. 1. А – map of the mouth part of the Kama and Myosha rivers with the marked out surroundings of the Kumanakovo IV site; Б – layout of objects of the Kumanakovo IV site surroundings; В – plan of the Kumanakovo IV site with excavations in 2014 and 2017.

района РТ была осмотрена Курманаковская IV стоянка. Она располагается в нижнем течении реки Мёши, правого притока реки Камы, на останце дюнного возвышения в разрезе пойменной террасы (рис. 1). На дюне фиксируются две западины от сооружений глубиной до 1 м. Подъемный материал был собран

вдоль береговой полосы (на расстоянии 90 м) и в раздувах грунтовой дороги у южной оконечности дюны (на расстоянии 60 м). Это позволило предположить, что первоначальная площадь стоянки составляла не менее 5000 кв. м. Сейчас поверхность неразрушенного культурного слоя составляет около 3500 кв. м.

В разрушающейся в результате воздействия Куйбышевского водохранилища жилищной западине в 2014 г на площади 20 кв. м был заложен раскоп I. В ходе охранных работ на глубине от 70 до 110 см от поверхности была вскрыта часть постройки – жилища. Исследования продолжились в 2017 г, когда над оставшейся частью жилищной западины был разбит раскоп II площадью в 92 кв. м (рис. 2).

Полевые исследования позволили выявить следующую стратиграфию Курманаквской IV стоянки: в верхней части разреза шёл слой дерна мощностью до 5–7 см. Под ним – слой светло-желто-серого слоистого песка (аллювиальных отложений) мощностью от 12 до 30 см. Находок в нем выявлено не было. По происхождению этот слой, вероятно, образовался в процессе высоких половодий р. Мещи в Новое время и перекрыл культурные напластования первобытной стоянки.

Далее вниз шёл слой серой гумусированной супеси (погребенной почвы), который является культурным слоем стоянки. Здесь выявлены разновременные находки от эпохи энеолита до финала позднего бронзового века, а в верхней части – керамика Нового времени. Мощность этого слоя также значительно разнится на разных участках раскопа. Вне территории жилищной западины мощность слоя достигала 45 см, в самой западине над землянкой мощность этого слоя составила 20–25 см. В то же время на участках, не затронутых котлованом жилища, ниже слоя серой гумусированной супеси, в профилях прослеживался слой светло-серой гумусированной супеси мощностью 5–20 см. Здесь были сосредоточены фрагменты керамики эпохи энеолита и керамики, изготовленной традициях срубной культуры. Судя по стратиграфическим наблюдениям, именно в этом слое в древности был вырыт котлован жилища.

В верхней части заполнения землянки была зафиксирована прослойка из серой супеси с включением пятен желтого песка. Мощность прослойки неодинакова на разных участках. Ближе к центру землянки ее мощность составляла 5–8 см, возле краев землянки, но не у самой стенки, мощность прослойки достигала 25 см. Прослойка насыщена большим количеством фрагментов колотого кварцита разных размеров. Светло-серая супесь с включением пятен желтого песка образовалась, вероятно, после того как сгорела первоначальная

конструкция землянки, а котлован, возможно после отсыпки песком, использовался уже вторично носителями маклашеевской культуры. На это указывают находки финала бронзового века, залегавшие преимущественно в этом слое и на этой глубине, а также большое количество кварцитовых обломков, располагавшихся здесь. Использование кварцитовых орудий наряду с кремневыми характерно именно для носителей маклашеевской культуры (Галимова, 2014).

Основным заполнением котлована землянки являлся слой темно-серой супеси с включением большого количества углей. Наибольшая мощность его (до 1 м) прослеживалась у выявленных краев землянки. Наименьшая мощность слоя (30 см) зафиксирована в центральной части котлована. Этот слой также был выявлен в заполнении материковых ям дна землянки. При этом в нижней части заполнения землянки и в ямах самая ранняя керамика эпохи энеолита, а также маклашеевская керамика финала бронзового века обнаружены не были.

Два жилища зафиксированы на глубине -100 см от 0 в виде одного объемного пятна размерами 6,5×16 м, занимающего фактически всю поверхность двух раскопов. На глубине 140–180 см оба сооружения разделились: между ними был зафиксирован переход, в котором лежала обугленная конструкция из трех бревен – два бревна внизу и одно бревно сверху. Сооружение 1 на этой глубине стало значительно меньше – его размеры составили 11×8 м. Своей единственной полностью сохранившейся восточной стенкой (длиной 11 м) эта землянка была ориентирована с севера на юг с незначительными отклонениями на северо-восток – юго-запад. Западная часть землянки, а также участки прилегающих к ней северной и южной стенок оказались полностью разрушены водохранилищем, так что нельзя судить о ее действительной площади. Глубина уровня выявления котлована у южной стенки достигает 1 м. Дно – плоское с уклоном с юга на север (от стен к центру) на 25–30 см.

Сооружение № 2 размерами 2×5 м было соединено с сооружением № 1 тамбуром-переходом длиной около 2 м и глубиной около 20 см от уровня фиксации. В раскопе зафиксирована только часть южной и западной стенки этого сооружения. Судя по близости к обрыву,

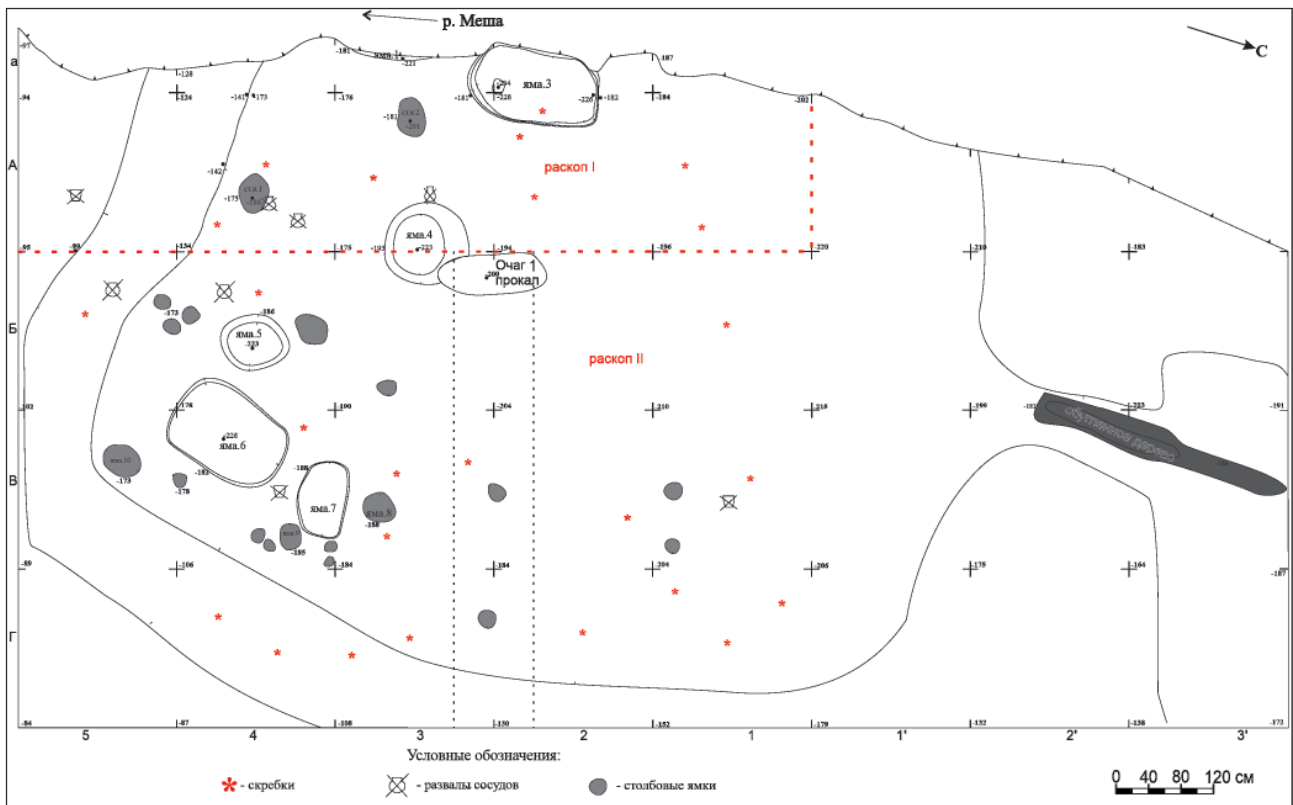

Рис. 2. Общий план раскопов на Курманаковской IV стоянке с отмеченными местонахождениями скребков.

Fig. 2. General plan of excavations on the Kurmanakovo IV site with marked scrapers locations.

сооружение № 2 также в значительной степени разрушено Куйбышевским водохранилищем.

Вдоль краев землянок при выборке на всех пластах в большом количестве фиксировались углистые полосы от сгоревших бревен. Столбовые ямы были зафиксированы вдоль южного и восточного краев сооружения № 1. Вдоль восточного края столбовые ямы шли в два ряда, расстояния между которыми составляли около 2 м. Также вдоль южного края котлована жилища № 1 были выявлены не менее 10 хозяйственных ям различного размера (рис. 2). В центральной части сооружения № 1 был зафиксирован маломощный прокол от наземного очага.

Вероятно, условно выделенные сооружения № 1 и № 2 являются остатками помещений в одном жилище, разделенных между собой. Такой вывод получен на основании того, что эти два разделенных помещения находятся в одном котловане, видимом на поверхности, они были зафиксированы первоначально в виде единого пятна. Перегородка между жилищами № 1 и № 2 невысока – ниже южной и восточной стенок жилища № 1 и составляла 40–50 см от уровня материка. Курманаковским

жилищам наиболее близки по конфигурации постройки атабаевского этапа маклашеевской культуры (Соловьев, 2000, рис. 64; Збруева, 1960; Халиков, 1980, Чижевский, 2007, табл. 2, 3, Лыганов и др., 2019).

Несмотря на четко выраженные напластования в стенках и бровках раскопов, керамика в культурном слое стоянки и в заполнении землянки залегает в перемешанном виде. Всего найдено свыше 2 тыс. фрагментов керамики, относящихся к четырем различным культурно-хронологическим горизонтам.

Первый культурно-хронологический горизонт (кон. III тыс. до н. э.) соответствует финалу энеолита и представлен на стоянке 27 фрагментами пористой легкой керамики с гребенчатым орнаментом (4% от всей определенной керамики). Энеолитическая керамика залегала преимущественно в основании культурного слоя вне территории жилищной западины. Этот керамический комплекс находит свои аналогии в древностях средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности, позднего этапа (Соловьев, 2000, с. 36–39; Никитин, 2017).

Второй горизонт (первая половина II тыс. до н. э.) соответствует времени проникнове-

ния в Предкамье культурного влияния срубной КИО, что отразилось в появлении на территории стоянки носителей керамики изготовленной в т. н. «срубных» традициях (155 фрагментов, или 20% от всей определенной керамики) (Лыганов, 2019, 2019а, 2021). Помимо керамики, изготовленной в «срубных» традициях, на раскопе зафиксирована немногочисленная поздняковская керамика с характерными рядами шнуровых отпечатков по тулову или вдавлениями (24 фрагмента, или 3,3% от всей определенной керамики), которая существовала одновременно или несколько позже керамики, изготовленной в «срубных» традициях (Лыганов, 2021). Временные рамки существования этих двух типов керамики достаточно спорны ввиду слабой разработанности хронологии и периодизации поздняковской культуры и единичных памятников с керамикой в «срубных» традициях. Нижней датой весьма условно можно принять XVIII в. до н. э. как время проникновения влияния в Предкамье срубной культуры на ее развитом этапе.

Судя по некоторым наблюдениям за стратиграфией раскопа, эти керамические комплексы по времени предшествуют появлению здесь атабаевской и текстильной керамики и сооружению жилища-землянки. Так, развалы керамики в «срубных» традициях зафиксированы в основании культурного слоя вне территории жилищного котлована.

К третьему горизонту (XIV–XIII вв. до н. э.) на территории стоянки относится постройка жилища-землянки носителями культурных традиций атабаевского этапа маклашеевской культуры и носителями культуры текстильной керамики (далее – КТК). Керамика этих двух культур самая многочисленная на раскопах – свыше 60% от всей определенной керамики. Керамика атабаевского этапа составляет 251 фрагмент, или 33% от всей определенной керамики, а керамика КТК – 214 фрагментов, или 28% от всей определенной керамики. Эти керамические комплексы встречаются на всех пластах раскопов и во всех материковых хозяйственных и столбовых ямах. На дне землянки зафиксированы развалы сосудов КТК и атабаевского этапа.

Самыми поздними по времени (XII–X вв. до н. э.) могут считаться не столь многочисленные находки (82 фрагмента, или 11% от всей определенной керамики) фрагментов

керамики маклашеевского (позднего) этапа маклашеевской культуры и КТК финала позднего бронзового века. Эта керамика представлена как классической маклашеевской – с примесью в тесте раковины со сгруппированными ямками, идущими ниже воротничка, так и гибридной керамикой с примесью песка в тесте, с текстильными отпечатками по тулову сосуда с ямками, идущими по венчику и по тулову сосудов. Симбиоз керамических традиций отражает процесс дальнейшего смещения носителей культур текстильной керамики и маклашеевской. В основном маклашеевская и текстильная керамика финала бронзы залегает в верхней части заполнения котлована землянки. Она не зафиксирована в нижней части землянки и в материковых сооружениях. Судя по стратиграфическим наблюдениям, носители маклашеевской культуры продолжали использовать котлован жилища более раннего периода. Хорошо сохранившиеся бревна дуба, лежащие в переходе между землянками, относятся к этому времени. По ним получена AMS ^{14}C дата из обугленного бревна дуба, лежащего в переходе между землянками, которая составляет в некалиброванном значении 2966 ± 29 ^{14}C л. н., а в калиброванных значениях – 1σ (68%) 1224–1125; 2σ (96%) 1274–1055 кал. л. до н. э. (UOC-13395, INTCAL20). Это время соответствует проживанию на территории стоянки носителей маклашеевского этапа маклашеевской культуры. В дальнейшем, судя по отсутствию находок раннего железного века, жизнь на поселении прекращается. Вероятно, наблюдаемое пожарище в виде обугленных бревен, в непо потревоженном виде и хорошей сохранности, маркирует процесс, когда люди покидают это место.

На поселенческих памятниках позднего бронзового века Приказанского Поволжья и Приустьевого Прикамья (Казанская стоянка, поселения Займище II и III, Карташиха I и II, Балымское, Атабаевское и др.) кремневые орудия и отходы каменного производства были выявлены сотнями единиц (Калинин, Халиков, 1954, Чижевский и др., 2019). Гораздо меньше кремневых находок фиксируется восточнее на поселениях позднего бронзового века Нижнего Прикамья – Луговские I и II, Тат-Азибейская III, Мальцевская стоянки и др. (Збруева, 1960; Лыганов и др., 2019). Вместе с тем кремневый инвентарь является одной из наименее изученных категорий поселенче-

ских находок. Обычно исследователями лишь определялись морфологические типы орудий (Калинин, Халиков, 1954; Збруева, 1960).

Наиболее массовыми каменными изделиями на поселениях позднего бронзового века региона являются орудия, отнесенные к категории скребков. Так, на приказанских поселениях Займище II и III найдено свыше 300 экз., на Атабаевской, Карташихинских I и II – свыше 150 экз. морфологически выраженных скребков (Калинин, Халиков, 1954). Вместе с тем находки скребков на поселениях в Нижнем Прикамье немногочисленны: на Луговской I стоянке – 5 экз., на Луговской II стоянке – 2 экз. (Збруева, 1960; Лыганов и др., 2019).

Каменный инвентарь Курманаковской IV стоянки представлен как морфологически выраженными орудиями, так и отходами производства. Всего насчитывается 558 единиц из кремня, кварцита и окремнелого известняка. Из них морфологически выраженные орудия насчитывают 71 экз.

Необходимость проведения морфолого-функционального анализа скребков как наиболее представительного вида каменных орудий не единожды отмечалась в работах специалистов: Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинского, А.К. Филиппова, Н.Н. Скакун, Г.Н. Поплевко, М.Ш. Галимовой и других исследователей-трасологов (Филиппов, 1983; Коробкова, Щелинский, 1996; Поплевко, 2007; Галимова, 2010; Поплевко, Гречкина, 2016; Скакун и др., 2017). В своих работах они рассматривают проблему соотношения формы и функций, отмечая необходимость функционального исследования каменного инвентаря, что дает возможность не только расширить информационную базу, но также и увидеть разнообразие функционального использования типологически однородных орудий.

При проведении нашего исследования были использованы морфологический и функциональный (трасологический) методы анализа орудий. Изучение проводилось с помощью стереоскопического микроскопа Микромед МС-2-ZOOM, вар. 1, с увеличением $\times 20$, $\times 40$, $\times 80$ раз. Данное увеличение оказалось достаточным для фиксации характерных для скребковых орудий следов использования (утилизации). Фотофиксация осуществлялась с помощью цифровой камеры для микроскопов Levenhuk C510 NG.

Скребки Курманаковской IV стоянки происходят из заполнения котлована жилища 1 на всех глубинах его выборки, а также из подъемного материала вне территории раскопа. Совсем не найдено скребков в жилище 2. В жилище 1 скребки располагались преимущественно в его южной части вблизи от хозяйственных и столбовых ям, возле стенок жилища и развалов сосудов КТК и атабаевского этапа маклашеевской культуры, при этом не зафиксированы возле очага (рис. 2).

Именно небольшие скребки округлой формы или же концевые скребки с округлым рабочим лезвием, а также подчетыреугольной формы известны на относительно однослойных памятниках маклашеевской культуры двух ее этапов, таких как стоянки Казанская, Луговская II, Мало-Кокузинская, Икская III Быргындинская и др., а также Атабаевское поселение (Калинин, Халиков, 1954; Збруева, 1960; Халиков, 1980; Ашихмина, 2014, рис. 28, 33) (рис. 3). Исходя из этого, мы предполагаем связь таких кремневых орудий на Курманаковской IV стоянке именно с носителями маклашеевской культуры и культуры текстильной керамики. Несмотря на то что скребки схожих типов известны в регионе начиная с энеолита (например, энеолитические стоянки Марийского Поволжья) (Никитин, 2017), в Приказанском Поволжье к финалу волосовской культуры такие скребки оказываются нехарактерными (Лыганов и др., 2018).

Морфологически выраженными скребками в коллекции Курманаковской IV стоянки являются 26 экземпляров. Типологически они разделены на пять групп: концевые скребки на отщепе с округлым рабочим лезвием (6 экз.); концевой и боковой скребок на отщепе подчетыреугольной формы (7 экз.); округлые скребки (4 экз.); концевой и боковой скребок на отщепе подовальной формы (4 экз.) и скребки аморфной формы (5 экз.) (рис. 4). Все морфологически выраженные скребки, кроме одного, были изготовлены на отщепах.

По размерам морфологически выраженные скребки были разделены на три группы: маленькие (менее 2 см) – 7 шт., средние (от 2 до 5 см) – 17 шт., и большие (свыше 5 см) – 1 шт. Они были изготовлены из кремня (21 экз.), окремнелого известняка (3 экз.) и кварцита (1 экз.).

Рис. 3. Скребки с поселенческих памятников маклашеевской культуры (раннего атабаевского и позднего маклашеевского этапов) 1–3 – Казанская стоянка (по: Чижевский и др., 2019; 4–6 – Мало-Кокузинская стоянка (по: Халиков, 1980); 7–8 – Луговская II стоянка (по: Збруева, 1960); 9–12 – Икская III стоянка; 13–14 – Быргындинская стоянка (по: Ашихмина 2014).

Fig. 3. Scrapers from the settlements of the Maklasheyevka culture (early Atabayev and late Maklasheyevka stages): 1–3 – Kazan site (by Chizhevsky et al., 2019); 4–6 – Malye Kokuzy site (by Khalikov, 1980); 7–8 – Lugovoy II site (by Zbruyeva, 1960); 9–12 – Ik III site; 13–14 – Byrgynda site (by Ashikhmina, 2014).

Трасологически удалось определить 36 скребков, использованных в трудовых операциях (46 рабочих частей с учётом орудий с двумя или тремя рабочими лезвиями). Все морфологически выявленные скребки использовались в соответствующей функции. Увеличение количества функциональных скребков произошло за счёт комбинированных/полифункциональных орудий (6 экз.), отщепов с ретушью (5 экз.), используемых в качестве скребков, а также скребков с двумя или тремя рабочими лезвиями (9 экз.).

По виду обрабатываемого материала скребки разделились на скребки по мягкому материалу – шкуре – 27 экз., и по твердому

материалу, предположительно дереву, – 9 экз. (рис. 5).

В функции скребков по шкуре были использованы морфологически выраженные скребки (22 экз.), отщепы с ретушью (3 экз.), морфологически выраженные орудия на отщепе (2 экз.) и двухлезвийный нож (во вторичной функции) (рис. 6: б, в, г; 7: б, в). У шести морфологически выраженных скребков было выявлено по два рабочих лезвия, на них наблюдалось сочетание концевое и бокового лезвий или два боковых лезвия. На одном из них присутствуют следы подправки лезвия. Ещё у одного экземпляра было три скребковых лезвия – концевое, боковое и угловое. Два

Рис. 4. Типологические группы морфологически выраженных скребков.
Fig. 4. Typological groups of the morphologically expressed scrapers.

Рис. 5. Функциональное разделение трасологически выявленных скребков.
Fig. 5. Functional separation of the trasologically identified scrapers.

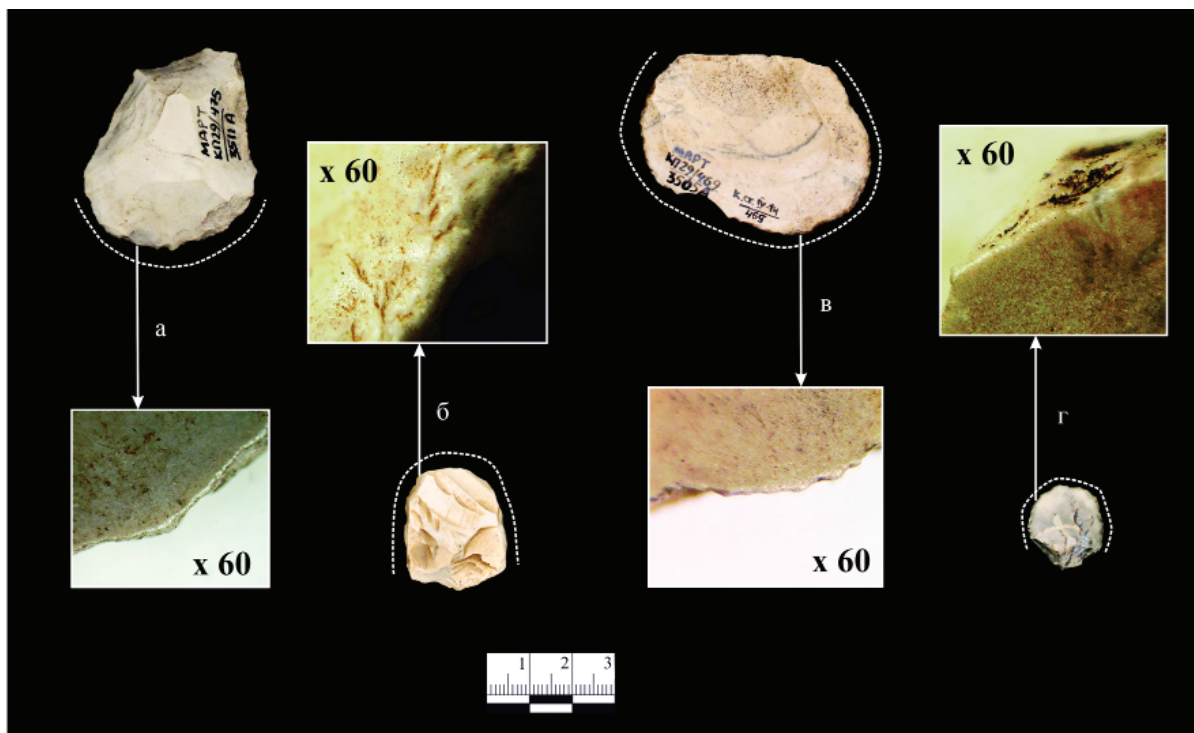

Рис. 6. Микрофотографии следов износа на скребках: а – скребок по твердому материалу (×60); б, в, г – скребки по мягкому материалу (×60).

Fig. 6. Micrographs of use-wear marks on scrapers: а – scraper for hard material (×60); б, в, г – scrapers for soft material (×60).

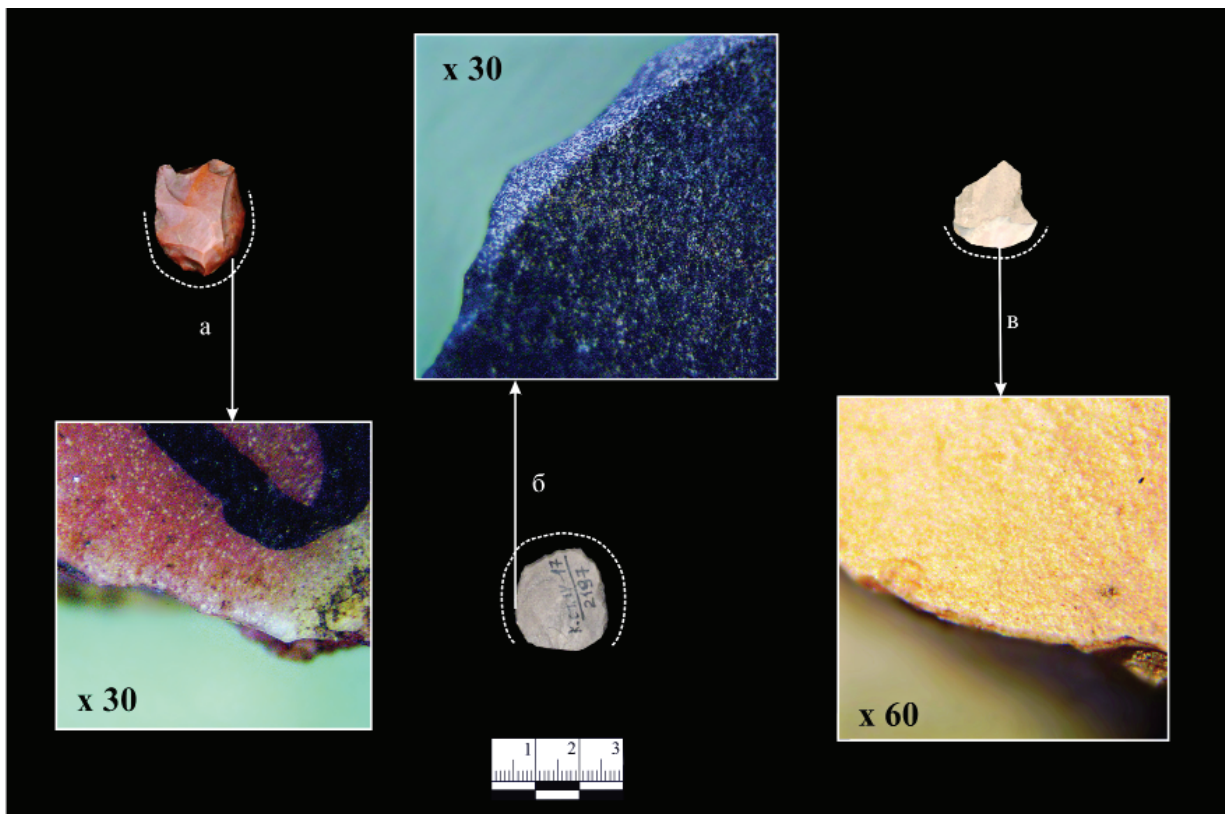

Рис. 7. Микрофотографии следов износа на скребках: а – скребок по твердому материалу (×30); б – скребки по мягкому материалу (×30); в – скребки по мягкому материалу (×60).

Fig. 7. Micrographs of use-wear marks on scrapers: а – scraper for hard material (×30); б – scraper for soft material (×30); в – scrapers for soft material (×60).

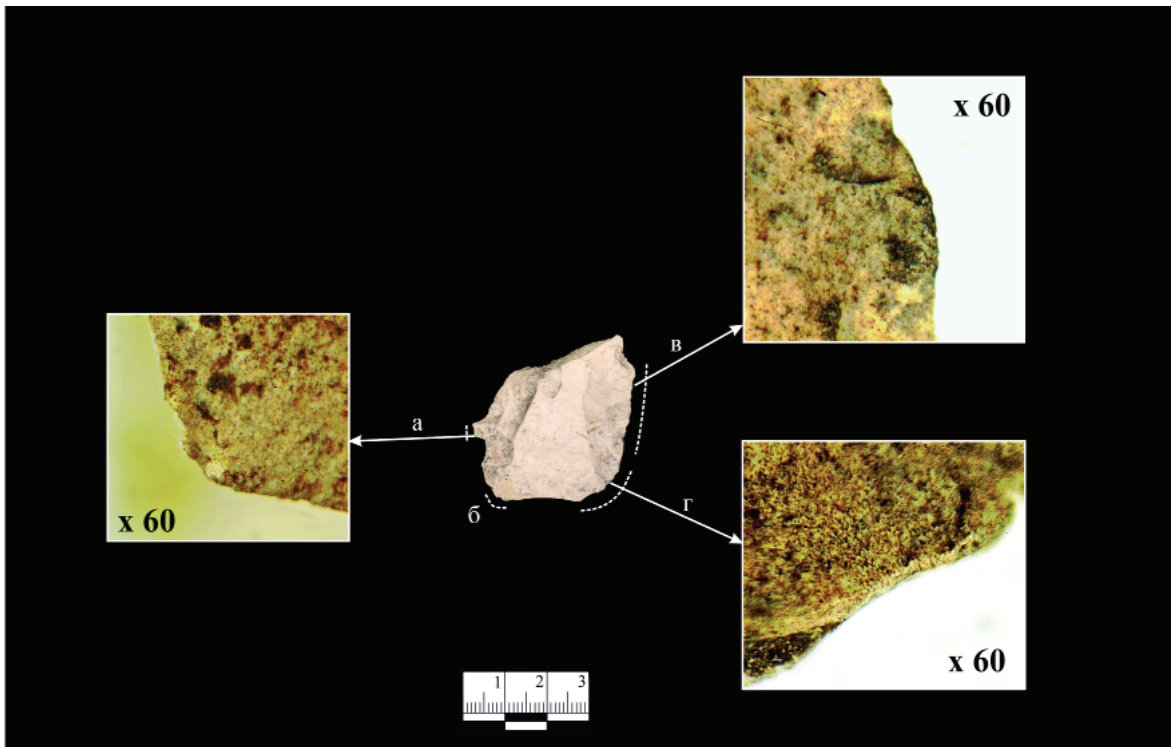

Рис. 8. Полифункциональное орудие по мягкому материалу: а – рабочее лезвие резца (микрофото $\times 60$); б – рабочее лезвие резчика; в – рабочее лезвие ножа (микрофото $\times 60$); г – рабочее лезвие скребка (микрофото $\times 60$).
Fig. 8. Multifunctional tool for soft material: а – working part of the burin (micrographs $\times 60$); б – working part of the cutting tool; в – working part of the knife (micrographs $\times 60$); г – working part of the scraper (micrographs $\times 60$).

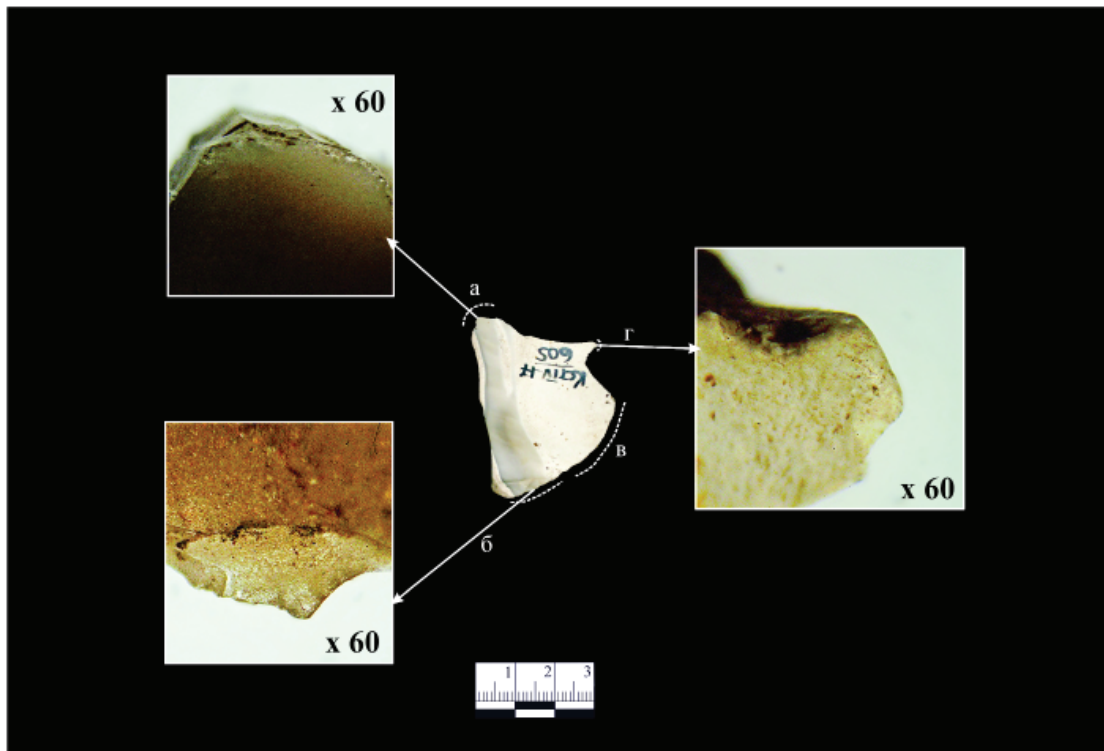

Рис. 9. Полифункциональное орудие по мягкому материалу: а – рабочее лезвие скребка (микрофото $\times 60$); б – рабочее лезвие резчика (микрофото $\times 60$); в – рабочее лезвие ножа; г – рабочее лезвие резца (микрофото $\times 60$).
Fig. 9. Multifunctional tool for soft material: а – working part of the scraper (micrographs $\times 60$); б – working part of the cutting tool (micrographs $\times 60$); в – working part of the knife; г – working part of the burin (micrographs $\times 60$).

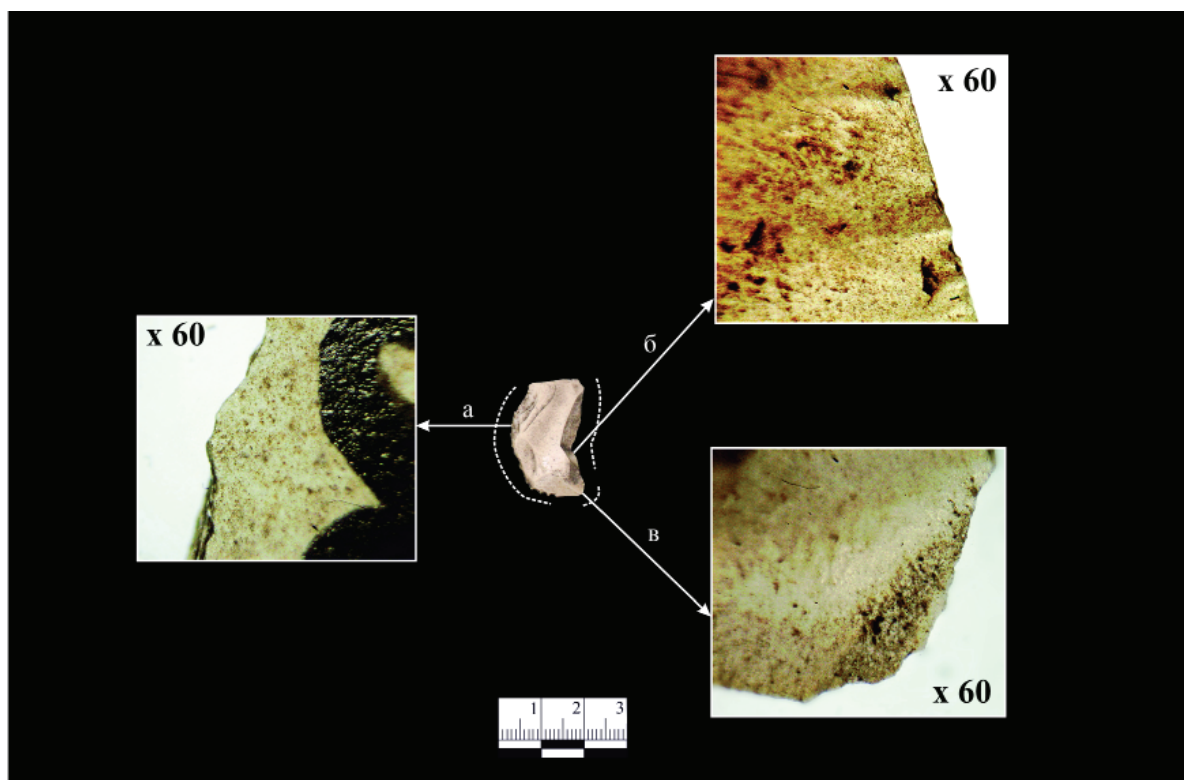

Рис. 10. Полифункциональное орудие по мягкому материалу: а – рабочее лезвие скребка (микрофото $\times 60$); б – рабочее лезвие ножа (микрофото $\times 60$); в – рабочее лезвие резчика (микрофото $\times 60$).

Fig. 10. Multifunctional tool for soft material: а – working part of the scraper (micrographs $\times 60$);

б – working blade of the knife (micrographs $\times 60$); в – working blade of the cutting tool (micrographs $\times 60$).

полифункциональных экземпляра – орудие на отщепе и отщеп с ретушью – сочетали в себе функции скребка по шкуре, ножа, резца и резчика (рис. 8; 9). Сочетание тех же функций было выявлено и на одном из морфологических скребков (рис. 10). Другой скребок сочетал в себе функции скребка и скобеля. Морфологически выраженный двухлезвийный нож также выполнял функцию концевой скребка. Два отщепа с ретушью, которые использовали в качестве скребков, имели слабые следы утилизации, то есть ими работали мало. У двух морфологически выраженных скребков рабочие лезвия, напротив, были сильно сработаны.

В качестве скребков по твердому материалу использовались морфологически выраженные скребки (3 экз.), комбинированные орудия на отщепе (3 экз.), морфологически выраженное орудие на отщепе, фрагмент нуклеуса с ретушью и отщеп с ретушью. Одно из комбинированных орудий на отщепе совмещало функции строгального ножа и скребка (рис. 11), второе – функции пилки (два рабочих лезвия) и скребка (рис. 12), третье – функции ножа, ложка и скребка (рис. 13). Морфологиче-

ски выраженный скребок выполнял функцию скребка-ложка (рис. 6: а). Морфологически выраженное орудие на отщепе имело два рабочих скребковых лезвия – концевое и боковое. Три рабочих лезвия (концевое и два боковых) присутствовали и у одного из морфологически выраженных скребков (рис. 7: а).

Стоит отметить, что у большинства функциональных скребков (прежде всего по мягкому материалу) рабочее лезвие имеет округлый (выпуклый) контур, что, на наш взгляд, является характерной особенностью скребков Курманаковской IV стоянки.

Округлые небольшие скребочки, встречающиеся на некоторых памятниках атабаевского этапа маклашевской культуры (Луговская II, Карташихинская, Атабаевская стоянки), использовались в качестве скребков по шкуре, имели рабочее лезвие в три четвертых периметра и скорее всего предназначались для мелких работ (рис. 3).

Таким образом, в ходе исследования скребки Курманаковской IV стоянки морфологически были разделены на пять групп: концевые скребки на отщепе с округлым рабочим лезвием, концевые и боковые скребки на

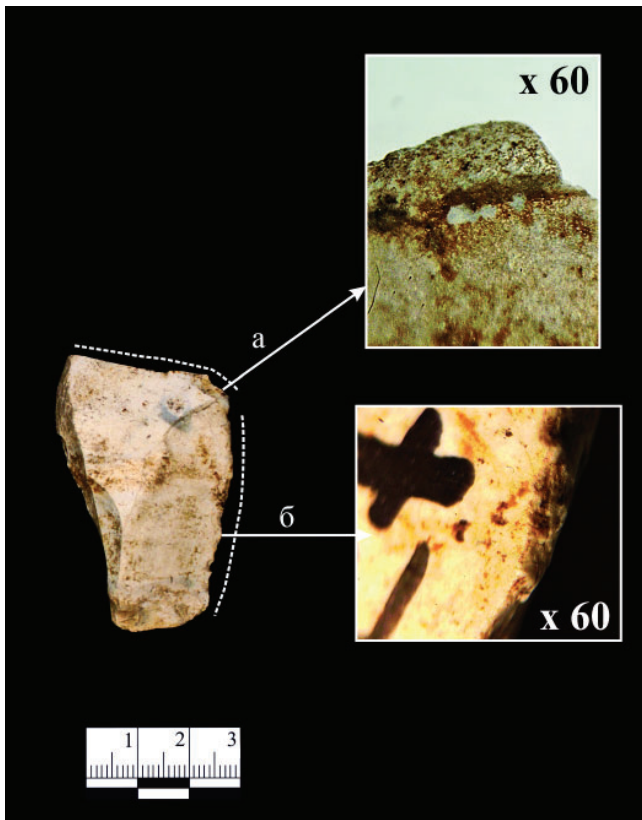

Рис. 11. Полифункциональное орудие по твердому материалу: а – рабочее лезвие строгального ножа (микрофото $\times 60$); б – рабочее лезвие скребка (микрофото $\times 60$).

Fig. 11. Multifunctional tool for hard material: а – working part of the plane knife (micrographs $\times 60$); б – working part of the scraper (micrographs $\times 60$).

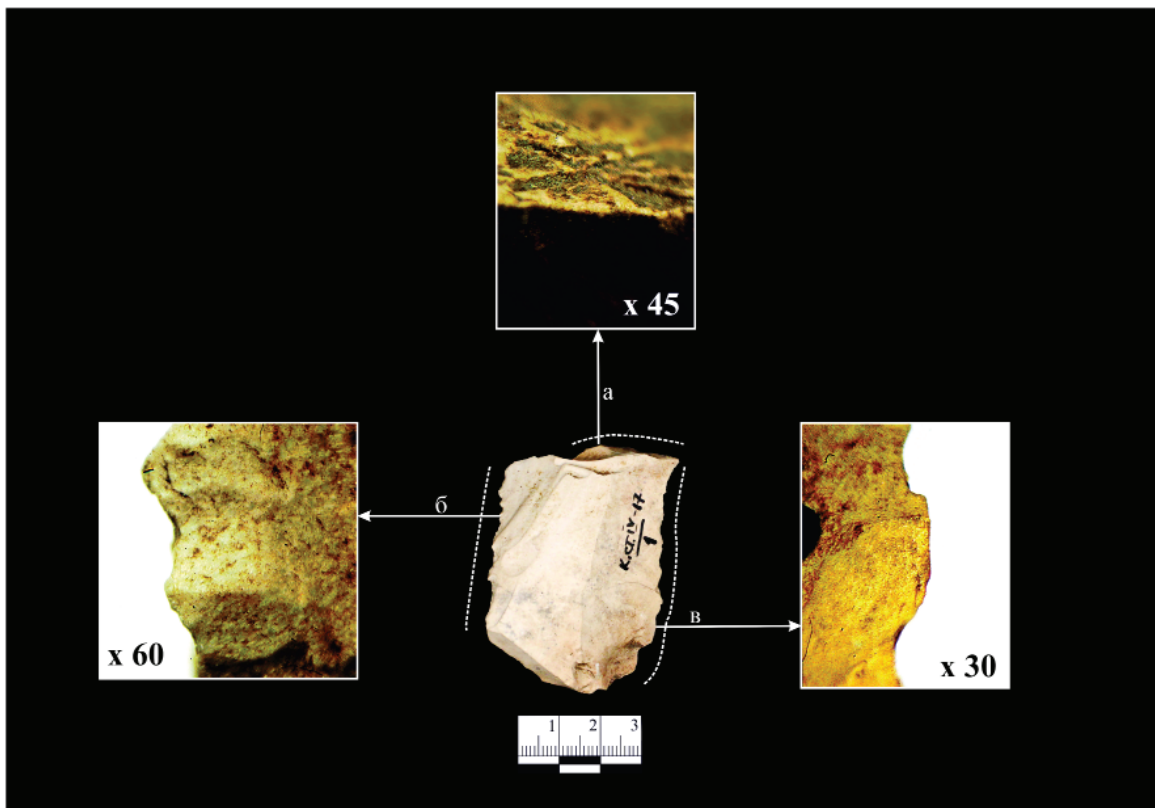

Рис. 12. Полифункциональное орудие по твердому материалу; а – рабочее лезвие скребка (микрофото $\times 45$); б – рабочее лезвие пилки (микрофото $\times 60$); в – рабочее лезвие пилки (микрофото $\times 30$).

Fig. 12. Multifunctional tool for hard material; а – working part of the scraper (micrographs $\times 45$); б – working part of the saw (micrographs $\times 60$); в – working part of the saw (micrographs $\times 30$).

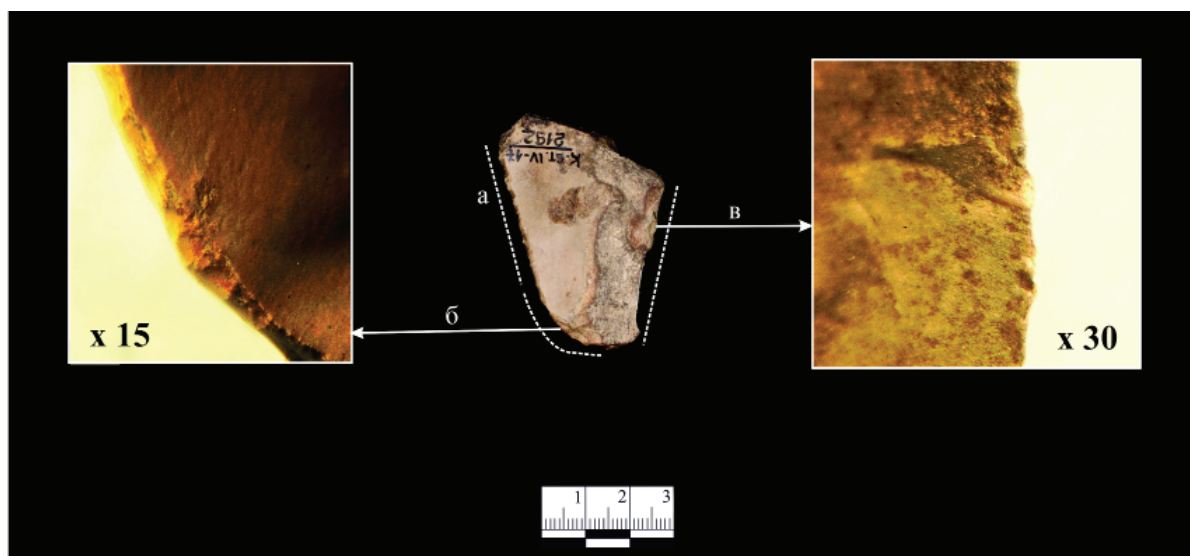

Рис. 13. Полифункциональное орудие по твердому материалу: а – рабочее лезвие скребка; б – рабочее лезвие ложка (микрофото×15); в – рабочее лезвие ножа (микрофото×30).

Fig. 13. Multifunctional tool for hard material: а – working part of the scraper, б – working part of the knife for making spoons (micrographs × 15); в – working part of the knife (micrographs × 30).

отщепе подчетыреугольной формы, округлые скребки, концевые и боковые скребки на отщепе подовальной формы и скребки аморфной формы. Заготовками для подавляющего большинства данных скребков были отщепы средних размеров. Все морфологически выраженные скребки использовались в соответствующей функции. Трасологическое исследование позволило выявить обрабатываемый материал (шкура, дерево)

и существенно увеличить количество функциональных скребков. Также оно позволило выделить полифункциональные орудия: нож-резчик-скребок, строгальный нож – скребок, нож-скребок-ложкарь, пилка-скребок. Результаты проведенного исследования ещё раз подтверждают необходимость всестороннего изучения каменного инвентаря в рамках комплексного анализа, а не только в рамках формально-типологического подхода.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, Отечество, 2014. 300 с.

Галимова М.Ш. О соотношении формы и функции каменных орудий // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 30–41.

Галимова М.Ш. Кремневый и кварцитовый инвентарь населения Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20. / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 187–191.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1951 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 157–246.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.

Лыганов А.В. Курманаковская IV стоянка финала энеолита и позднего бронзового века в нижнем течении реки Меша (предварительные результаты исследований) // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 34–50. DOI: 10.24852/ра2019.3.29.34.50

Лыганов А.В. Археологические исследования Курманаковской IV стоянки // АО 2017 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019а. С. 339–340.

Лыганов А.В. Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в нижнем течении реки Меша // Археология Евразийских степей. 2021. №2. С. 29–46.

Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С. Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 38–98.

Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш. Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на реке Свяга // Поволжская археология 2018. № 3 (25). С. 242–257.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: Мар. гос.ун-т, 2017. 765 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий / Труды ИИМК РАН. Т. XXII. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2007. 338 с.

Поплевко Г.Н., Гречкина Т.Ю. К вопросу соотношения формы и функции скребков (по материалам неолитической стоянки Байбек) // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18. № 6. С. 157–169.

Скакун Н.Н., Терехина В.В., Эсакия К.М. Скребки из поселения Арухло I, Грузия (к вопросу о соответствии формы и функций древних орудий) // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 89–97.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита / Под. Ред. А.Н. Рогачева. Л.: Наука. 1983. С. 9–71.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.

Чижевский, А.А., Галимова М.Ш., Губайдуллина А.В. Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 124–164..

Информация об авторах:

Голубева Екатерина Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kategol@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)*. Vol. 152, book 3, part 1, 30–41 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 187–191 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–95 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–246 (in Russian).

Korobkova, G. F., Shchelinskii, V. E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda (Methodology of Micro- and Macroanalysis of Prehistoric Implements)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 34–50. DOI: 10.24852/pa2019.3.29.34.50 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019a. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries in 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 339–340 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 29–46 (in Russian).

Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Azarov, E. S. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 38–98 (in Russian).

Lyganov, A. V., Khamzin, R. N., Galimova, M. Sh. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 242–257 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshhnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community)*. Series: Arkheologiya Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Poplevko, G. N. 2007. *Metodika kompleksnogo issledovaniia kamennykh industrii (Methodology of the Complex Studies of Stone Industries)*. Series: Труды Института истории материальной культуры (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences) XXII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, “Dmitrii Bulanin” Publ. (in Russian).

Poplevko, G. N., Grechkina T. Yu. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 18, no. 6. 157–169 (in Russian).

Skakun, N. N., Terekhina, V. V., Esakii, K. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 89–97 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Filippov, A. K. 1983. In Rogachev, A. N. (ed.). *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita (Manufacturing Technology in the Paleolithic Period)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 9–71 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 1–24. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2007. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. Kazan: “Alma-Lit” Publ., 93–112 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh., Gubaidullina, A. M. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 124–164 (in Russian).

About the Authors:

Golubeva Ekaterina N. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kategol@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; liganov.anton@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903; 902.63; 903.01/.09; 543.42.062 <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.136.159>

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ТАТАРСКО-АЗИБЕЙСКОЙ III СТОЯНКИ В 2020 ГОДУ

© 2023 г. А.В. Лыганов, В.В. Морозов, А.Л. Смирнов, И.В. Аськеев

В статье публикуются результаты работ на Татарско-Азибейской III стоянке в 2020 г. Площадь разведочного раскопа, заложенного в месте концентрации подъемного материала в виде фрагментов керамики и бронзовых изделий, составила 48 м². Основным слоем, содержащим артефакты на Татарско-Азибейской III стоянке, является слой темно-серой комковатой гумусированной супеси (пашни). Этот слой, сформированный в Новое время, практически полностью разрушил культурный слой стоянки вне материковых сооружений. В нем содержатся находки от неолита до Нового времени во фрагментарном состоянии. В раскопе были зафиксированы частичные остатки двух полуземлянок позднего бронзового века. Судя по конструктивным деталям и характеру керамики, происходящей из придонной части заполнения полуземлянок, сооружение №1 относится к атабаевскому этапу маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н.э.), а сооружение №2 к луговской культуре (XVII–XV вв. до н.э.). Фрагменты керамика эпохи неолита и энеолита и кремневые изделия этого времени (V–IV тыс. до н.э.) встречаются разрозненно по всей площади раскопа и свидетельствует о том, что слой каменного века был значительно переработан, начиная с позднего бронзового века по Новое время. Судя по археозоологическим определениям, видовой состав домашних животных на Татарско-Азибейской III стоянке был близок к составу стада на других поселениях позднего бронзового века Прикамья.

Ключевые слова: археология, Нижняя Кама, озерно-болотный массив Кулегаш, Азибейская дюна, неолит, энеолит, поздний бронзовый век, полуземлянка, луговская культура, атабаевский этап маклашеевской культуры.

RESEARCH RESULTS OF THE TATARSKIY AZIBEY III SITE IN 2020

A.V. Lyganov, V.V. Morozov, A.L. Smirnov, I.V. Askeyev

The article presents the results of works on the Tatarskiy Azibey III site in 2020. The area of the prospect excavation, made in the place of concentration of surface finds (ceramic fragments and bronze items) was 48 m². The general layer which included artifacts on the Tatarskiy Azibey III site is the layer of dark grey lumpy humous loam (arable land). This layer, formed in modern era, has almost completely destroyed the cultural layer of the site outside the structures filling deposits. It contains artifacts from the Neolithic to modern era in a fragmentary state. Two remnants of the Late Bronze Age semi-subterranean dwellings were partially revealed in the excavation. Judging by construction features and ceramics from the bottom part of the filling of semi-subterranean dwellings, construction №1 refers to the Atabayev stage of Maklasheevka culture (XIV–XIII centuries BC), construction №2 – to Lugovoy culture (XVII–XV centuries BC). Neolithic and Eneolithic ware and flint items of that time (V–IV millennium BC) are found in fragments all over the excavation area and indicate that the Stone Age layer was actively used from the Late Bronze Age to modern era. Judging by archaeozoological definitions of species composition of the livestock on the Tatarskiy Azibey III site was similar to herd composition of other settlements of the Late Bronze Age Kama region.

Keywords: archaeology, Lower Kama River, Kulegash wetland, Azibey dune, Neolithic, Eneolithic, Late Bronze Age, semi-subterranean dwelling, Lugovoy culture, Atabayev stage of Maklasheevka culture.

Татарско-Азибейская III стоянка (поселение) расположена в Актанышском районе Республики Татарстан на особой территории озерно-болотного массива Кулегаш (рис. 1, 2: А, Б). Понятие данного озерно-болотного массива подробно раскрыто в работах В.И. Баранова, который понимал его как довольно сложный комплекс болот, связанных единым местоположением и гидрологическим режи-

мом, но различающихся по характеру болотообразовательных процессов в соответствии с меняющимися условиями залегания на стыке двух речных долин рр. Камы и Белой. Подходящая почти вплотную к Кулегашскому массиву долина р. Ик, связана с ним лишь по отдельным, самым южным отрогам болот (Баранов, 1947, с. 48; Очерки..., 1957, с. 257). Таким образом, можно рассматривать весь

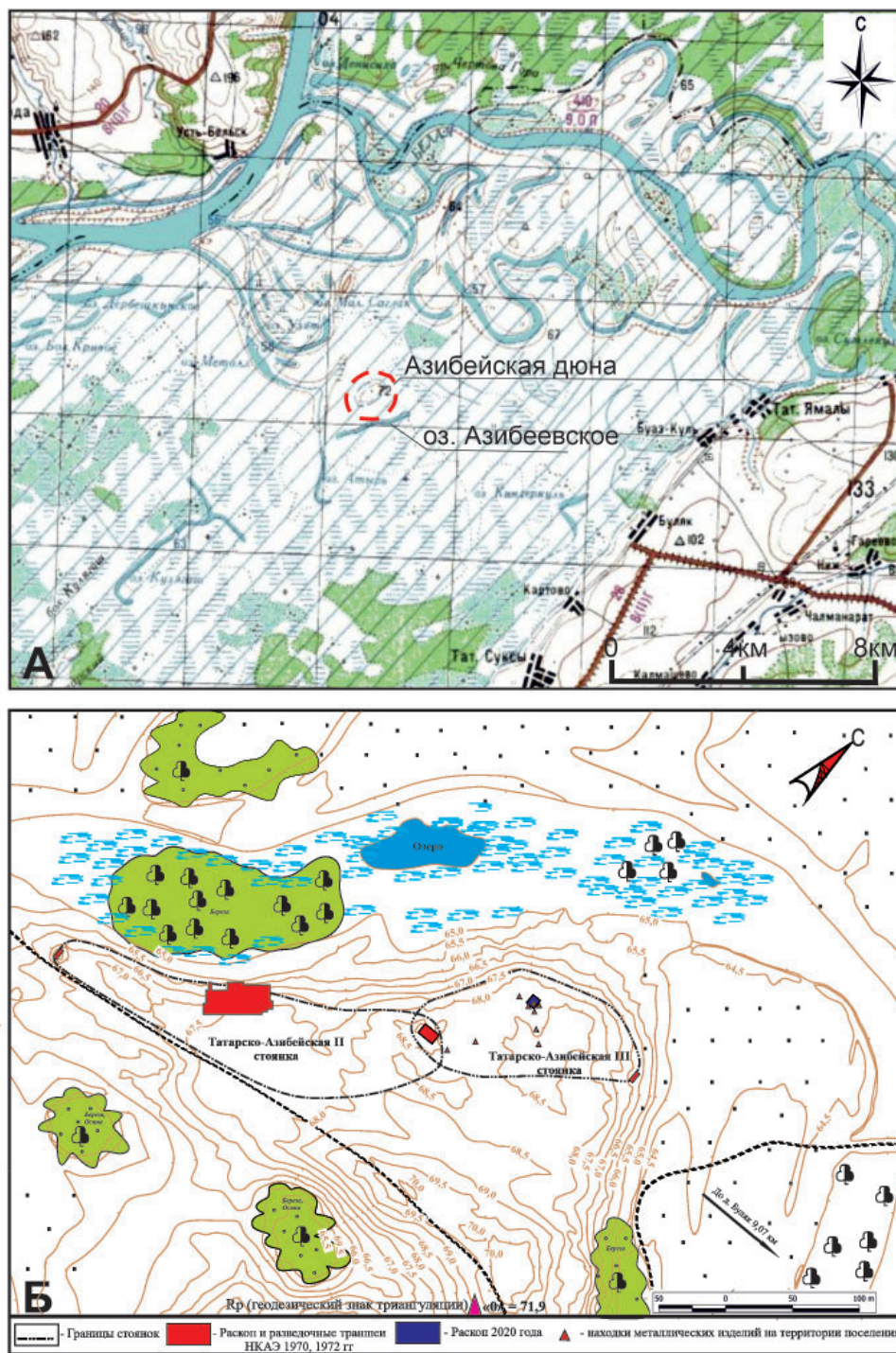

Рис. 1. А – ситуационный план расположения Азибейской дюны в приустьевой части р. Белая до затопления Нижнекамским водохранилищем. Б – топографический план Татарско-Азибейских II и III стоянок.
Fig. 1. А – layout of objects of the Azibey dune in the mouth part of the Belaya River before flooding by the Nizhneka-msk reservoir. Б – topographic plan of Tat. Azibey II and III sites.

озерно-болотный массив как географически цельную территорию, в которой можно выделить отдельные ландшафтные микрорайоны (Баранов, 1947, с. 48).

По характеру меняющихся почвенно-растительных комплексов озерно-болотный массив Кулегаш разбит на несколько ландшафтных

секторов (Баранов, 1947, с. 51), одним из которых является Азибеевский сектор – сектор чистых вейниковых болот, которые чередуются с обширными зарослями тростника.

Между болотами раскинулся большой плоский песчаный останец, расположенный к северу от озера Азибеевское (Баранов, 1947,

с. 56–57). Этот останец – Азибеевская дюна – является денудированным уступом древней надпойменной террасы, возвышающейся над заболоченной округой в период максимальных поводков на 3–5 метров (Баранов, 1947, с. 49). Здесь на данный момент насчитывается свыше 10 памятников археологии, в том числе и Татарско-Азибейская III стоянка. Татарско-Азибейская III стоянка расположена в северной части Азибеевской дюны, на южном берегу заболоченного старичного озера (рис. 1, 2).

С запада Татарско-Азибейская III стоянка имеет общую границу с Татарско-Азибейским II поселением (стоянкой). Границы этих памятников были определены в результате работ 1958, 1964 и 1972 гг. Отмечено, что фактически культурный слой залегает непрерывно, с тем лишь отличием, что Татарско-Азибейское II поселение преимущественно относится в эпохе неолита – раннего энеолита, а Татарско-Азибейская стоянка III – к позднему бронзовому веку (Археологические..., 1989, № 592, 593). Площадка этих памятников представляет собой относительно ровную поверхность с абсолютными отметками 66,5–68,5 м в Балтийской системе высот, с плавным понижением на север к высыхающему и заболоченному палеоруслу (рис. 1, 2).

Археологическое изучение Азибейской дюны было начато А.П. Шокуровым, который отметил здесь ряд памятников археологии на пахоте (Шокуров, 1957, с. 33, 102):

1. Татарско-Азибейская I стоянка, расположенная в одном км к востоку от с. Татарский Азибей между старым кладбищем и тригонометрической вышкой. Исследователем отмечено, что вся территория стоянки распахана техникой и засеяна рожью. На пахоте им был собран подъемный материал, состоящий из кремня и керамики (Шокуров, 1957, с. 33–38).

2. Татарско-Азибейская II стоянка, которая располагалась в 700 м восточнее с. Татарский Азибей, в 250 м севернее первой стоянки на южном берегу безымянного пересыхающего озера, возвышающегося над водным зеркалом на 5–10 м. Культурный слой стоянки нарушен пахотой. Подъемный материал представлен изделиями из кремня и фрагментами глиняных сосудов (Шокуров, 1957, с. 102–106).

В 1958 г. во время проекта составления археологической карты Татарской АССР, экспедицией Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, одним

из отрядов под руководством В.Ф. Генинга была подробно осмотрена Азибейская дюна. В.Ф. Генинг отмечает, что культурный слой на открытой им Татарско-Азибейской стоянке, который не превышал 30 см, уничтожен распашкой (Генинг, 1959, с. 70). В целом, судя по глазомерным планам в полевых отчетах, и А.П. Шокуров, и В.М. Генинг с разницей в два года открыли один и тот же памятник, который сейчас разделен на два поселения и имеет официальное наименование – Татарско-Азибейская II и Татарско-Азибейская III стоянки.

В том же году при осмотре небольших возвышенностей на северном берегу Азибеевского озера археологическим отрядом В.Ф. Генинга открыта Русско-Азибейская стоянка, где на пахоте была собрана керамика эпохи неолита, бронзы и Средневековья (Генинг, 1959, с. 72).

В 1964 г. в рамках подготовки зоны затопления Нижнекамской ГЭС Азибейские стоянки были еще раз осмотрены сотрудниками ИЯЛИ КФАН под руководством Старостина (Старостин, 1965, с. 55–62).

В 1970–1972 гг. Татарским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР на Русско-Азибейской стоянке пятью раскопами было вскрыто 1444 м² площади (Габяшев, Косменко, Старостин, 1971; Габяшев, 1973). Позднее материалы третьего раскопа были опубликованы Р.С. Габяшевым как происходящие с Русско-Азибейской III стоянки (Габяшев, 1981). По раскопам на Русско-Азибейской стоянке был выделен русско-азибейский тип памятников финала неолита с воротничковой керамикой (Габяшев, 1978, 1981).

В 1970 г. во время полевых работ на Русско-Азибейской стоянке Р.С. Габяшевым были заложены разведочные шурфы на Татарско-Азибейском II поселении (Габяшев, 1978а, с. 40), результаты изучения которых не отразились в полевом отчете (Габяшев, Косменко, Старостин, 1971). Выразительная гребенчатая и накольчатая керамика в шурфах, а также соотношение их в культурном слое поселения подтолкнули Р.С. Габяшева провести здесь более широкие работы.

В 1972 г. на Татарско-Азибейском II поселении вскрыто 1092 м² площади, без учета разведочных траншей и шурфов по краям поселения с целью определения границ памят-

ника (Габяшев, 1973, с. 26). По материалам поселения был выделен татарско-азибейский тип памятников финала неолита – раннего энеолита с накольчатой керамикой (Габяшев, 1978а).

В 2005 г. Азибейские стоянки были осмотрены М.Ш. Галимовой, которая сделала вывод о том, что комплекс разновременных стоянок – Татарско-Азибейская III (мезолитическая), Русско-Азибейская и Русско-Азибейская III – располагаются в одних и тех же территориальных границах и могут считаться одним многослойным памятником (Галимова, 2012, с. 8). Всего на Азибейской дюне и вблизи от нее известно 13 памятников археологии: Татарско-Азибейские I–V стоянки, Татарско-Азибейские I–III селища, Русско-Азибейские I–IV стоянки, Русско-Азибейское селище (Свод..., 2007), поставленные на государственную охрану.

В 2020 г. на площади в 48 м² авторами были произведены раскопки на Татарско-Азибейской III стоянке. Раскоп был заложен на месте наибольшей концентрации подъемного материала, в том числе изделий из бронзы (рис. 1, 2).

Стратиграфия. Общими напластованиями вне территории сооружений для Татарско-Азибейской стоянки III является слой темно-серой комковатой гумусированной супеси (пашни) мощностью 36–60 см, на некоторых участках доходящий до материка (рис. 4). Этот слой, сформированный в Новое время, практически полностью разрушил древние напластования стоянки. Здесь содержатся находки от неолита до Нового времени во фрагментарном состоянии.

Под слоем пашни находится переходный к матерiku слой светло-серой – коричневой супеси мощностью 5–25 см. Вероятно, это нижняя часть древней почвы, в которой находятся немногочисленные фрагменты керамики неолита – позднего бронзового века.

Дневные уровни сооружений фиксируются сразу за слоем темно-серой комковатой гумусированной супеси (пашни). Слой пашни мощнее в более глубоком сооружении 1. Вероятно, это связано с тем, что до начала распашки этой территории котлованы построек оставались на поверхности и затем лишь были сnivelированы пахотой.

Сооружение 1 (рис. 2: В, Г; 3, 4). Первые нечеткие контуры сооружения начали фикси-

роваться с глубины 35–40 см от современной поверхности после снятия второго пласта. Выявлено сооружение 1 в юго-восточной части раскопа. Постройка уходит в северную, южную и восточную стенки раскопа. Ориентирована полуземлянка длинной стенкой по линии северо-восток – юго-запад. Постройка имеет прямоугольную форму. Стенки сооружения 1 отвесные, слабо наклонены к центру сооружения. Длина вскрытой части северо-западной стенки около 8 м, юго-западной – 2,8 м. Площадь сооружения, вскрытая раскопом, составляет 28 м². Вдоль стенок на всех пластах зафиксированы следы сгоревшей деревянной конструкции. Глубина сооружения от уровня выявления вдоль стенок 50–60 см, в центральной части до 80 см. Пол ровный, покато углубляется к центру полуземлянки. Перепад глубины пола от краев стенок к центральной части составляет около 30 см. В западной части возле угла сооружения зафиксированы три столбовые ямки. Их очень немного на такое большое сооружение, поэтому можно сделать вывод, о какой-то срубной (рубленой в «лапу») конструкции, впущенной в котлован. О бревенчатых стенах, идущих вдоль бортов котлована полуземлянки, свидетельствуют углистые полосы, выявленные вдоль краев сооружения 1 (рис. 2: В).

Столбовая ямка 1 выявлена на кв. В/1 в углу сооружения 1 на глубине -428 см в виде округлого пятна темно-серой супеси с включением угольков. Диаметр 14 см. Стенки прямые, переходящие в чашевидное дно. Глубина ямки 11 см. Находок не выявлено.

Столбовая ямка 2 выявлена на кв. Г/1 у юго-западной стенки сооружения на глубине -430 см в виде округлого пятна темно-серой супеси с включением угольков. Диаметр 19 см. Стенки прямые, переходящие в чашевидное дно. Глубина ямки 10 см. Находок не выявлено.

Столбовая ямка 3 выявлена на кв. Г/1 у юго-западной стенки сооружения на глубине -431 см в виде округлого пятна темно-серой супеси с включением угольков. Диаметр 22 см. Стенки прямые, переходящие в чашевидное дно. Глубина ямки 11 см. Находок не выявлено.

Помимо столбовых ям на полу сооружения 1 зафиксировано множество аморфных пятен следов от нор грызунов. Они отличаются от заполнения столбовых ям более рыхлым темным заполнением и невыражен-

Рис. 2. А – фото с БПЛА Татарско-Азибейских II и III стоянок на северной оконечности Азибейской дюны, вид с юга; Б – фото с БПЛА расположения Татарско-Азибейских II и III стоянок на северной оконечности Азибейской дюны, вид с севера; В – фото раскопа на уровне выявления границ сооружений 1 и 2, глубина – 60 см от современной поверхности; Г – фото раскопа после выборки сооружений 1 и 2, глубина – 100-110 см от современной поверхности.

Fig. 2. А – photo from the UAV of the Tatarskiy Azibey II and III sites at the northern end of the Azibey dune, view from the south; Б – photo from the UAV of the location of the Tatarskiy Azibey II and III sites at the northern end of the Azibey dune, view from the north; В – photo of the excavation at the level of revealing the boundaries of structures 1 and 2, depth is 60 cm from the modern surface; Г – photo of the excavation after sampling structures 1 and 2, depth – 100–110 cm from the modern surface.

ной формой. К норе следует отнести и яму 1, выявленную под бровкой на кв. Б-В/2.

Датировать сооружение 1 позволяет особенность конструкции (вероятно, срубной полуземлянки) при небольшом количестве столбовых ям. Такие жилища широко известны в древностях атабаевского этапа маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н. э.) (Чижевский и др., 2021). Это сооружения на Атабаевском I поселении, Ошутъяльском III поселении, Займищенской II, Луговской II, Гулькинской, Курманаковской IV стоянках (Калинин, Халиков, 1954; Збруева, 1960, Соловьев, 2002; Лыганов, 2021). Косвенно в пользу этой датировки выступают развалы атабаевской керамики, найденные на полу сооружения 1. Вероятно, сооружение 1 является жилищной постройкой.

Сооружение 2 (рис. 2: В, Г; 3, 4) выявлено на втором пласту на глубине -380–410 см от 0, на кв. А/1–2, Б/1 зафиксировано пятно заполнения сооружения 2 подтреугольной формы, представленное серой супесью, уходящее в северную и западную стенку раскопа. Размеры пятна 230×240 см, поверх пятна фиксируются следы от глубокой вспашки. С глубины 420 см приобретает овальную форму размерами 170×190 см. Стенки сооружения 2 покатые, наклонены к центру сооружения. Площадь сооружения, вскрытая раскопом, составляет около 4 кв². Глубина сооружения от уровня выявления в самой глубокой западной части вдоль стенки раскопа составляет до 67 см. Пол покато углубляется к центру сооружения в западном направлении. Вдоль краев сооружения 2 зафиксированы четыре столбовые ямки. По-видимому, конструкция сооружения 2 была каркасно-столбовая.

Столбовая ямка 5 выявлена на кв. Б/1 у западной стенки раскопа на небольшом уступе стенки сооружения 2 на глубине -422 см в виде округлого пятна темно-серой супеси с включением угольков. Диаметр 14,5 см. Стенки прямые, переходящие в чашевидное дно. Глубина ямки 18 см. Находок не выявлено.

Столбовая ямка 6 выявлена на кв. А/1 у восточной стенки сооружения 2 на глубине -416 см в виде округлого пятна темно-серой супеси с включением угольков. Диаметр 17 см. Стенки прямые, переходящие в чашевидное дно. Глубина ямки 10 см. Находок не выявлено.

Столбовая ямка 7 выявлена на кв. А/2 у восточной стенки сооружения 2 на глубине -415 см в виде округлого пятна темно-серой супеси с включением угольков. Диаметр 16 см. Стенки прямые, переходящие в чашевидное дно. Глубина ямки 12 см. Находок не выявлено.

Столбовая ямка 8 выявлена на кв. А/1 у восточной стенки сооружения 2 на глубине -421 см в виде округлого пятна темно-серой супеси с включением угольков. Диаметр 21 см. Стенки прямые, переходящие в чашевидное дно. Глубина ямки 17 см. Находок не выявлено.

Датировать сооружение 2 можно по находкам в заполнении исключительно луговской керамики XVII–XV вв. до н. э. (Лыганов, 2021а). Постройки каркасно-столбового типа с невыраженными покатыми стенками известны в древностях луговской культуры Дубовогривской II стоянки, Мальцевской IV стоянки (Лыганов, 2016, 2020). Вероятно, уже с прекращением функционирования сооружения 2 связано заполнение его котлована большим количеством костей животных. Интерпретировать сооружение 2 как жилищную постройку или крупную хозяйственную яму не представляется возможным ввиду небольшой площади, исследованной раскопом.

Вещевой комплекс раскопа и стоянки характеризуется несколькими эпохами. Он во многом схож с близлежащей Татарско-Азибейской стоянкой II, однако и существенно отличается по соотношению материала эпохи неолита – энеолита и позднего бронзового века. Именно это и послужило Р.С. Габяшеву основанием в свое время для выделения нескольких памятников, лежащих на одной территории на северной оконечности Азибейской дюны (Габяшев, 1978а, рис. 1).

Керамика эпохи неолита. Наиболее древней керамикой, выявленной на Татарско-Азибейской III стоянке, являются фрагменты керамических сосудов камской неолитической культуры. Эта керамика не образовывала каких-либо скоплений и была равномерно распределена во всех квадратах в пахотном слое, а также в заполнении жилища № 1. Всего был выявлен 21 фрагмент этой керамики, в т. ч. два венчика (рис. 5, табл. 1). Сосуды закрытых форм, срезы венчиков скошены вовнутрь. На одном из них имеется небольшой наплыв с внутренней стороны. Толщина сосудов

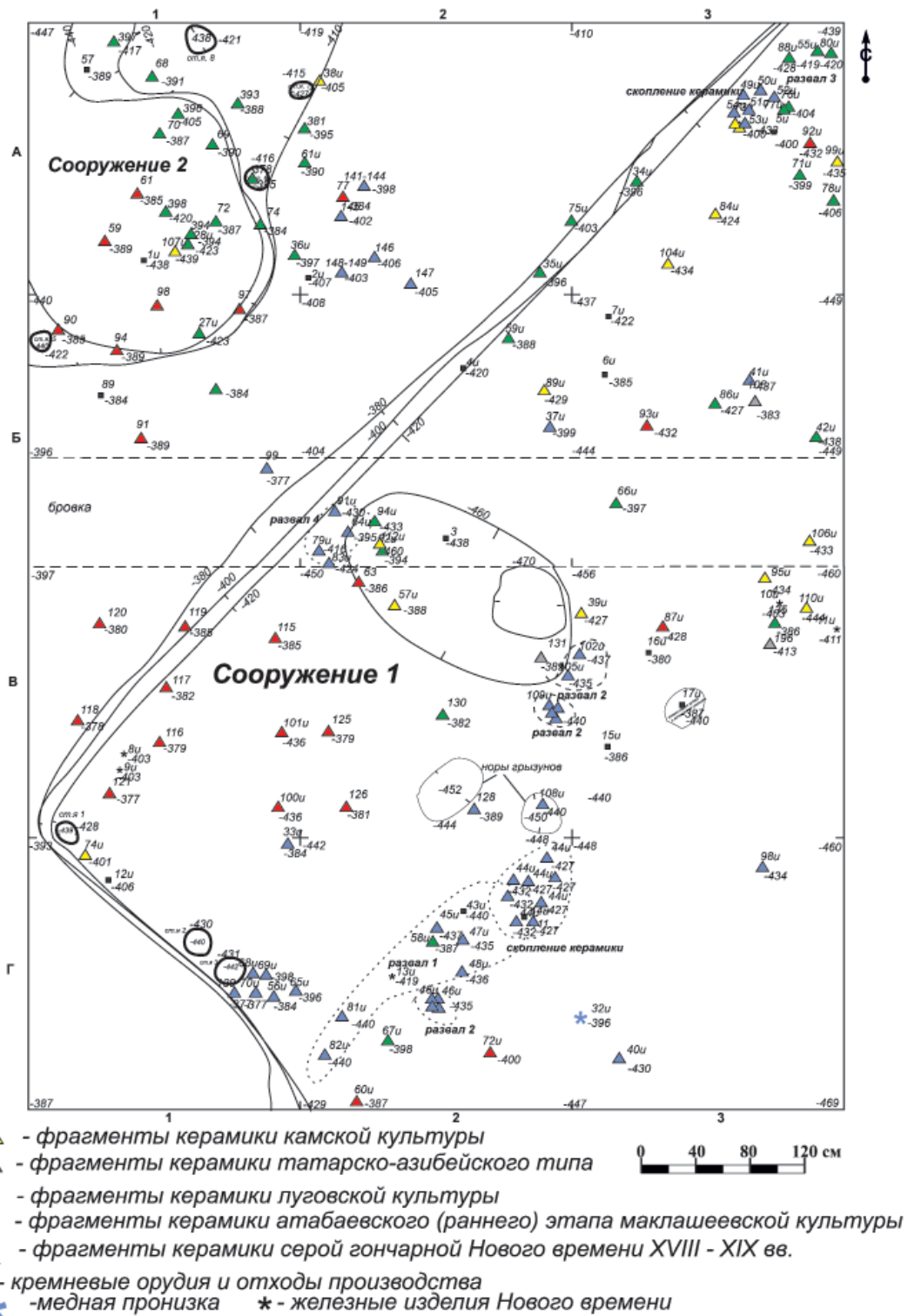

Рис. 3 План раскопа на уровне материка с нанесением всей культурно определяемой керамики.

Fig. 3. Plan of the excavation at the bedrock level with all culturally identifiable ceramics marked.

0,8–1,2 см. В составе формовочной массы фиксируются крупные фракции шамота. Орнамент из гребенчатого штампа покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Орнаментальные мотивы на посуде представлены чередованием различных наклонных линий

длинно-гребенчатого штампа (вертикальный зигзаг, ряды наклонных вертикальных и горизонтальных линий), а также коротких зубчатых отпечатков, играющих роль разделителей орнаментальных зон. Данная посуда имеет многочисленные аналогии в неолите

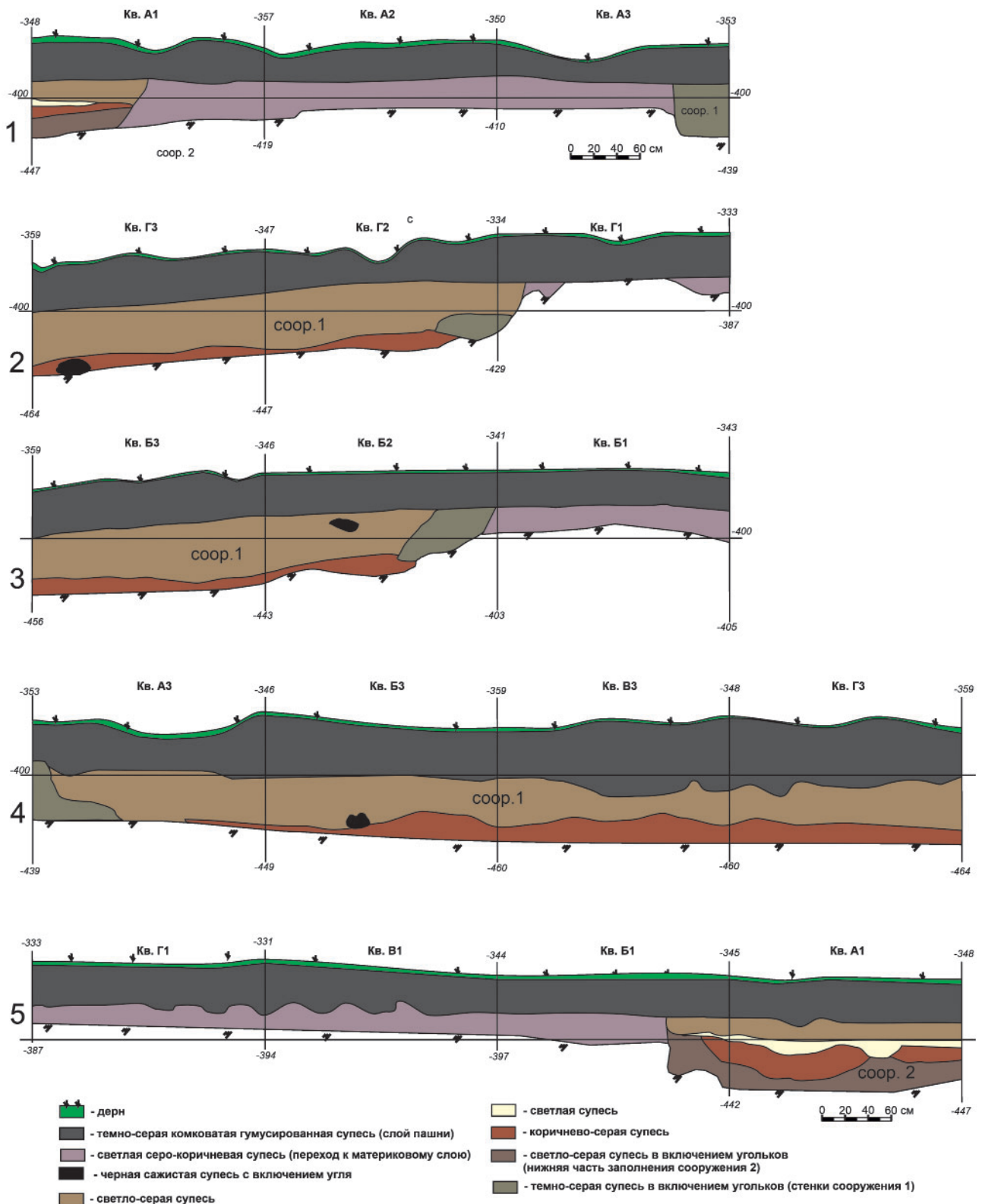

Рис. 4. Профиля раскопа: 1 – северная стенка раскопа; 2 – южная стенка раскопа; 3 – бровка, вид с севера; 4 – восточная стенка раскопа; 5 – западная стенка раскопа.

Fig. 4. Excavation profile: 1 – northern wall of the excavation; 2 – southern wall of the excavation; 3 – border, view from the north, 4 – eastern wall of the excavation; 5 – western wall of the excavation.

Рис. 5. Керамика камской неолитической культуры с территории раскопа.

Fig. 5. Ceramics of the Kama Neolithic culture from the excavation area.

микрорайона: в Икско-Бельском междуречье (Морозов, 2020) и Правобережье устья р. Белой (Выборнов, 1984) и связана с камской неолитической культурой, носители которой к развитому этапу освоили весь бассейн р. Камы. В настоящий момент на основе многочисленной серии радиоуглеродных дат, полученных и верифицированных по различным органогенным образцам, камская культура датируется последней четвертью VI – последней четвертью V тыс. calBC (Выборнов, 2008; Luchagina, Vubornov, 2017; Лычагина, 2020). На основе всех типологических признаков керамика камской культуры Татарско-Азиевской III стоянки может быть отнесена к развитому этапу этой культуры (первой половине V тыс. calBC).

К финалу неолита – раннему энеолиту относится несколько фрагментов накольчатой

керамики татарско-азиевского типа (рис. 6: 1–4). Другая группа керамики этого же времени представлена 41 фрагментом, вероятно от одного развала, имеет следующие характеристики: чашевидный сосуд с небольшим плоским донцем, с толщиной стенки 0,7–0,9 см, с округлым венчиком. Украшен сосуд вдавлениями острой палочки (треугольными наколами), а также гребенчатым штампом, нанесенным при помощи приема «шагания» (рис. 7: 1). В формовочной массе такой керамики прослежены как твердые крупные частицы (шамот или дробленая глина), так и органика, при выщелачивании которой на внешней поверхности сосудов образовались поры. При атрибуции этой керамики было высказано предположение о гибридном статусе этих материалов и ее раннеэнеолитическом возрасте, которое впоследствии

Таблица 1. Татарско-Азибейская III стоянка.

Распределение находок по глубинам и сооружениям

Table 1. Tatarskiy Azibey III site. Distribution of finds by depth and structures

	Камская культура	Татарско-азибейский тип памятников	пористая керамика с треугольными наколами и шагающей гребенкой	Луговская культура	Атабаевский этап маклашевской культуры	Новое время	неопределенно	кремень
1 пласт			1	4	1	2	48	12
2 пласт	1		19	9	4	2	42	12
3 пласт слой вне сооружений				6	12			
3 пласт сооружение 1	5	1	4	15	5	5	43	6
4 пласт сооружение 1	9	2	8	39	9		53	11
5 пласт сооружение 1	4		9	13	31		36	1
3 пласт сооружение 2	1			31			8	2
4 пласт сооружение 2				2				1
5 пласт сооружение 2	1							
Всего	21	3	41	119	62	9	230	45

подтвердилось двумя близкими радиоуглеродными определениями по развалу одного пористого сосуда: (Spb-3421) 4800 ± 120 , 1σ) $3656-3495$, 2σ) $3817-3341$; (Spb-3422) 4732 ± 120 , 1σ) $3471-3373$, 2σ) $3777-3310$. На Татарско-Азибейском II поселении, которое, как уже отмечалось, располагается к западу от III стоянки, известна многочисленная (более 10 000 фрагментов) серия накольчатой посуды, получившая название татарско-азибейского типа (Габяшев, 1978; Морозов и др., 2020). Такая керамика залегала на дне объектов и в кострищах с гребенчатой керамикой, близкой – по Р.С. Габяшеву – к «флажковой», которая кроме собственно вдавлений насечками и коротких зубчатых отпечатков в нескольких случаях украшалась и «шагающей» гребенкой (рис. 6: 7–11). Пористая накольчато-гребенчатая керамика Татарско-Азибейского III поселения впитала в себя как черты накольчатой (различные волнистые линии наколов, срезы венчиков, разреженные зоны или же участки

тулова без орнамента, так и черты керамики, «близкой флажковой» (толщина сосудов, шамот в глиняном тесте, гребенчатые «шагающие» отпечатки). При этом, по наблюдениям некоторых специалистов, какая-то часть новоильинской (флажковой) керамики имела

Рис. 6. Керамика: 1–4 – керамика татарско-азибейского типа с территории раскопа; 5–6 – накольчато-гребенчатая пористая керамика; 7–11 – накольчатая и керамика с шагающей гребенкой.

1–6 – Татарско-Азибейская III стоянка;

7–11 – Татарско-Азибейское II поселение.

Fig. 6. Ceramics: 1–4 – ceramics of the Tatarskiy Azibey type from the excavation area; 5–6 – stroke-combed porous ware; 7–11 – stroked pottery and comb-stepping ware from the Tatarskiy Azibey II settlement.

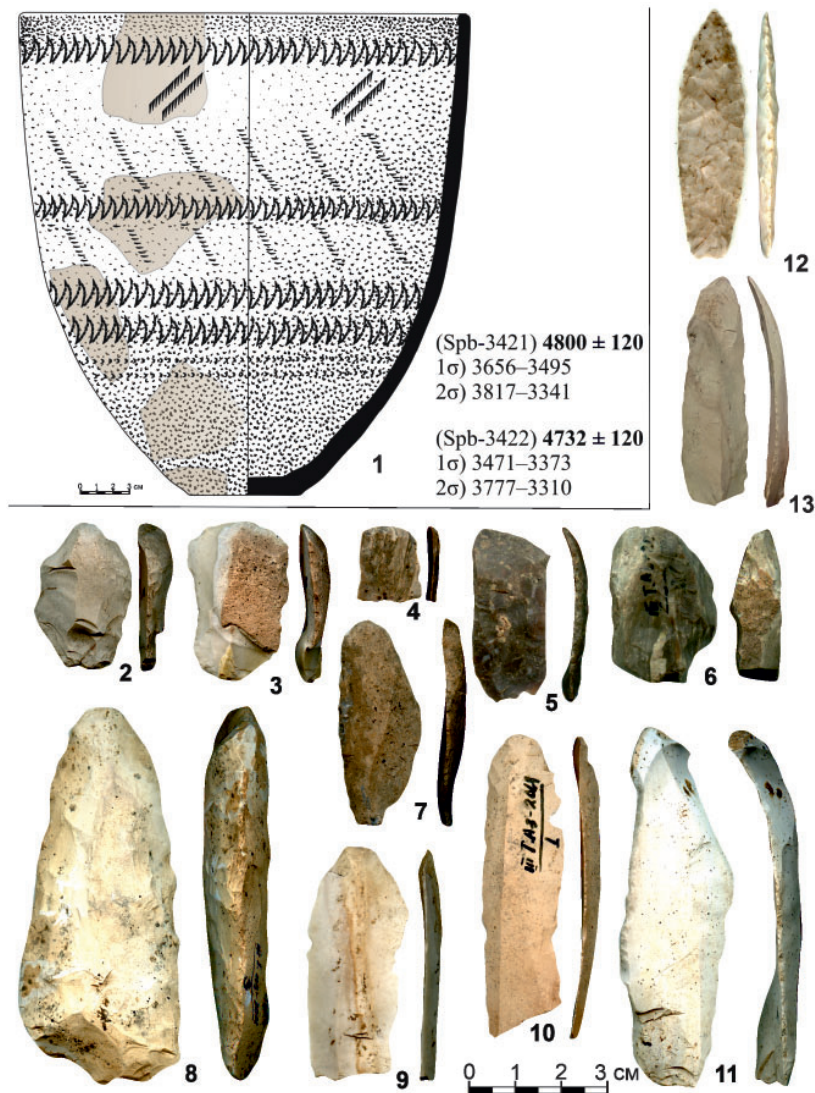

Рис. 7. 1 – реконструкция развала сосуда с накольчато-гребенчатой орнаментацией и радиоуглеродные даты; 2–13 – кремневый комплекс раскопа Татарско-Азибейской III стоянки.
Fig. 7. 1 – reconstruction of a collapsed comb-ornamented vessel and radiocarbon dates. 2–13 – flint assemblage from the excavation and the Tatarskiy Azibey III site.

в примесях органику (пористую структуру) (Выборнов, 1984а; Выборнов и др., 1984).

По накольчатой керамике Татарско-Азибейской II стоянки имеется несколько очень близких дат, полученных в различных лабораториях, значения которых укладываются в диапазон 4830–4790 ВР или 3818–3360 calBC (95,4%) (Выборнов, 2008; Морозов и др., 2020). Эти даты близки нашим двум датам (рис. 7: 1).

Таким образом, накольчато-гребенчатая пористая керамика Татарско-Азибейской III стоянки с большой долей вероятности синхронна накольчатой керамике татарско-азибейского типа с Татарско-Азибейского II поселения. По-видимому, этим же временем

должна датироваться и гребенчатая («близкая флажковой») керамика этих стоянок.

Вероятно, формирование гаринской культуры с пористой керамикой на севере Икско-Бельского междуречья происходило при непосредственном участии населения с татарско-азибейским типом накольчатой керамики и носителей культуры с поздней гребенчатой керамикой. Об этом говорят и полученные даты, которые на сегодняшний день являются самыми древними для гаринской керамики (Выборнов и др., 2019).

Керамика луговской культуры позднего бронзового века (XVII–XV вв. до н. э.) (рис. 8–10). Эта керамика самая массовая на раскопе (119 фрагментов) и в подъемном

Рис. 8. Керамика луговской культуры Татарско-Азибейской III стоянки, подъемный материал.
Fig. 8. The Lugovoy culture pottery from the Tatarskiy Azibey III site. Surface finds.

материале. Керамика луговской культуры характеризуется примесью мелкого шамота и органики в тесте, иногда раковины. Орнамент на луговской посуде состоит из нескольких орнаментальных зон. В подавляющем случае первая орнаментальная зона состояла из рядов горизонтальных линий, нанесенных гладкой гребенкой. На втором месте ряды коротких косо поставленных отрезков, нанесенных сразу под венчиком гладкой гребенкой или гребенкой с близко поставленными зубцами. Дальше по частоте встречаемости идут разнообразные вдавления, вертикальные прочерченные отрезки, елочки. Вторая орнаментальная зона, разделенная с первой двумя-тремя рядами горизонтальных линий, имеет следующие орнаментальные мотивы: горизонтальные елочки, заштрихованные треугольники вершинами вниз, ряды зигзагов, выполненных оттисками гладкой гребенки, заштрихованные ромбы. На Татарско-Азибейской III стоянке присутствует также керамика с чертами андроновской (федоровской) (рис. 9: 1, 9) и черкаскульской культуры (рис. 8: 11, 13). Такое сочетание керамических комплек-

Рис. 9. Керамика луговской культуры из заполнения сооружения 1
Fig. 9. The Lugovoy culture pottery from the filling of the structure 1

сов характерно для поселенческих памятников луговской культуры восточной зоны Нижнего Прикамья (Ашихмина, 2014, рис. 13; Лыганов, 2021, рис. 7).

Эта керамика залегает на всех глубинах и во всех сооружениях, один развал выявлен в сооружении 1. Стоит отметить, что луговская керамика, помимо нескольких фрагментов неолитической, обнаружена в заполнении сооружения 2, что позволяет предварительно соотнести его с этой культурой и датировать XVII–XV вв. до н. э.

Следующая группа керамики является промежуточной между керамикой луговской культуры и атабаевского этапа маклашеевской культуры. С одной стороны, на ней сохраняются отдельные мотивы «луговского» орнамента (горизонтальные елочки), с другой – появляются рельефные элементы декора (валики и воротнички). При этом отсутствуют характерные для атабаевской керамики ряды неглубоких ямок, а валики могут проходить по тулову сосуда. Такая керамика имеет много общего с культурами валиковой керамики степной зоны Евразии и межовской культурой Приуралья

Рис. 10. Керамика луговской культуры из заполнения сооружения 2

Fig. 10. The Lugovoy culture pottery from the filling of the structure 2

Рис. 11. Валиковая керамика из заполнения сооружения 1

Fig. 11. Roller ceramics from the filling of structure 1

(Обыденнов, 1998; Митряков, 2011, с. 22–23; Лыганов и др., 2022). Несмотря на то, что эта керамика занимает некоторое промежуточное положение между двумя культурами, по времени она синхронна атабаевскому этапу маклашеевской культуры. Появление валиковой керамики свидетельствует о направлении восточного и южного вектора связей керамических традиций во второй половине II тыс. до н. э. Интересно совместное залегание развалов валиковой и атабаевской керамики на полу сооружения 1 (рис. 3; 11: 7, 8; 12: 1, 2).

Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н. э.) (62 фрагмента). Керамический комплекс атабаевского этапа маклашеевской культуры еще во многом продолжает традиции луговской культуры. Однако он характеризуется еще большей тонкостенностью, чем луговская керамика, в орнаменте почти всегда присутствуют ряды ямок. Среди примесей в глиняном тесте выгоревшая раковина. Керамика встречается в нижних слоях заполнения сооружения 1, а два развала находятся в его придонной части (рис. 3; 12: 1, 2). Это, а также особенности конструкции постройки позволяют связать

сооружение 1 с атабаевским этапом маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н. э.). Несколько необычен орнамент на этих двух развалах сосудов (рис. 12: 1, 2). Они орнаментированы по шейке с воротничковым утолщением и плечу многорядным горизонтальным зигзагом, «флажками» и рядами горизонтальных отпечатков шнура. Зачастую исследователи относят керамику, орнаментированную флажками, к культуре курмантау или к позднему (маклашеевскому) этапу маклашеевской культуры (Иванов, 1982, с. 55; Чижевский и др., 2019, рис. 9: 11, 16, 17). Однако, по нашему мнению, эта керамика относится к раннему (атабаевскому) этапу маклашеевской культуры. Так, горизонтальный ряд небольших по размерам и неглубоких ямок, расположенных в месте перехода шейки в тулово и сгруппированных по три, характеризуют именно атабаевскую керамику (Чижевский и др., 2021, с. 611, рис. 4) (рис. 12: 7, 8, 9). Далее, орнамент в виде горизонтальных линий, выполненных шнуром, в небольшом количестве, но все же присутствует на атабаевских сосудах со стоянок Луговская II, Гулькинская, Балымская и др. (Збруева, 1960; Халиков, 1980, табл.

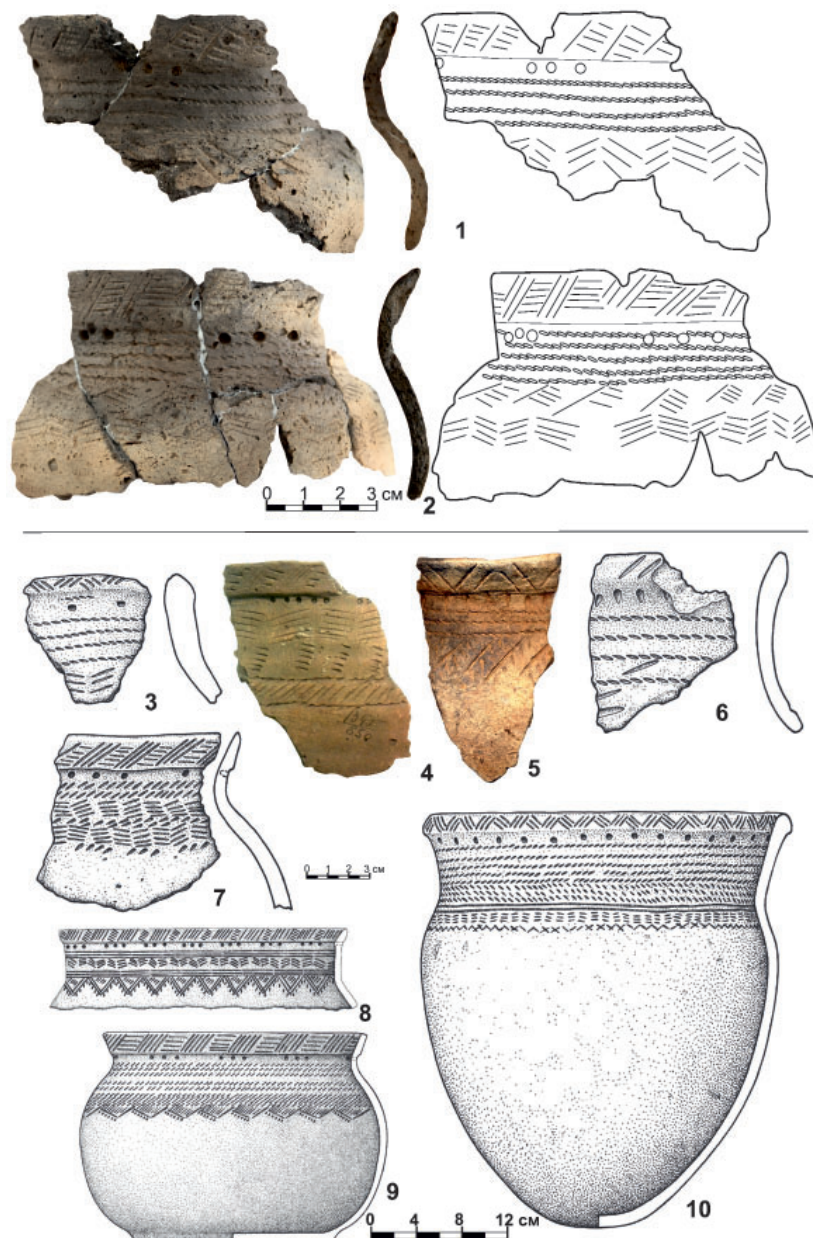

Рис. 12. Керамика: 1–2 развалы сосудов атабаевского этапа маклашеевской культуры в придонной части сооружения 1; 3–10 – керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры из стоянок: 3, 10 – Луговская II стоянка; 4–6 – Гулькинская стоянка; 7, 8 – Каентубинская островная стоянка; 9 – Гулюковская III стоянка
Fig. 12. Ceramics: 1–2 collapsed vessels of the Atabayev stage of Maklasheevka culture on the bottom of the structure 1; 3–10: ceramics of the Atabayev stage of the Maklasheevka culture from the sites: 3, 10 – Lugovoy II site; 4–6 – Gulkinskaya site; 7, 8 – Qayen Tyube island site; 9 - Gulyukovo III site

24, 25; Чижевский и др., 2021, с. 611, рис. 4: 19) (рис. 12: 3, 5, 6, 10). Также для атабаевского орнамента на сосудах вполне характерны «флажки» по воротничку (рис. 12: 4, 7–10). Очень часто встречаются ряды горизонтального зигзага (рис. 12: 4, 7, 8), причем зачастую вместе с «флажками» (рис. 12: 4, 7, 8). Таким образом, форма и орнаментация развалов сосудов из придонной части сооружения 1 вполне соответствуют традициям

атабаевского этапа маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н. э.).

Керамика Нового времени (XVIII–XIX вв.) – 9 фрагментов, находится в слое пашни и верхней части заполнения сооружения 1 (1–3 пласт).

Кремневые изделия и изделия из камня не столь многочисленны (рис. 7). Они характеризуются пластинчатостью, что характерно для эпохи финала неолита и раннего энеолита.

Рис. 13. Металлические изделия Татарско-Азибейской III стоянки: 1, 4–7 – ножи; 2 – пронизка; 3 – бляха; 8 – фрагмент рыболовного крючка с блесной; 9 – кельт с лобным ушком; 10 – резак (нож). 1, 3–10 подъемный материал; 2 – раскоп, сооружение 1.

Fig. 13. Metal products from the Tatarskiy Azibey III site: 1, 4–7 – knives; 2 – elongated bead; 3 – badge; 8 – fragment of a fishing hook with a fishing lure; 9 – celt with a frontal eyelet; 10 – cutter (knife). 1, 3–10 surface finds; 2 – excavation, construction 1.

Ряд изделий изготовлен из т. н. полосчатого кремня, что также характеризует время начала энеолитической эпохи (Галимова, 2012). На территории раскопа они рассеяны по всем штыкам и сооружениям. Это позволяет утверждать, что неолитический – энеолитический слой стоянки значительно переработан.

Как и материал раскопа, подъемный материал, собранный в результате нескольких выездов с июля по октябрь на Татарско-

Азибейской стоянке III, представлен керамикой камской неолитической, луговской культуры, кремневыми изделиями. Интересен кремневый наконечник стрелы (рис. 7: 12), найденный возле одного из старых раскопов Р.С. Габяшева и относящийся, вероятно, к раннему энеолиту (Голубева, Чижевский, 2020, рис. 2: 19–21).

Уникальными являются находки бронзовых изделий эпохи бронзы, найденные с июля

по октябрь 2020 г. Это 9 предметов, найденные по всей территории стоянки, но в основном сконцентрированные возле нашего раскопа. Это пять бронзовых ножей, кельт с лобным ушком, режущий инструмент с орнаментом из ромбов, сделанный из рукояти сейминско-турбинского кинжала, бляшка, фрагмент рыболовного крючка с блесной. Бронзовая пронизка была выявлена в заполнении сооружения 1 (рис. 13: 2). Отдельный анализ этих изделий уже был приведен в специальной работе (Лыганов и др., 2022). Все они соотносятся с выделенными комплексами позднего бронзового века.

Археозоологический контекст. В ходе раскопок из слоев данной стоянки извлечены костные остатки млекопитающих и рыб. Исследование данного материала проведено с использованием стандартных (классических) методов и приемов, используемых в археозоологии и зооархеологии (Петренко, 1984; Reitz, Wing, 2008; Zooarchaeology in Practice, 2018). Видовая, анатомическая, морфологическая и половозрастная диагностика остеологического материала выполнена на базе сравнительной коллекции остатков современных и субфоссильных позвоночных животных лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ. Для всех остатков животных подсчитывалось их общее количество (NISP) и определялось минимальное число особей (MNI). Кости измерены штангенциркулем с точностью до 0,1 мм согласно стандартным схемам промеров (Driesch, 1976; Radu, 2003). Возраст оценивался по степени прорезываемости и стираемости зубов. Высоту в холке крупного рогатого скота определяли по коэффициенту, предложенному В.И. Цалкиным (1970), по таранной кости.

Общее количество костных остатков позвоночных животных по всем пластам и участкам раскопа составило 240 экз. До вида определено 202 экз. костных остатка от 39 особей, принадлежащих семи видам млекопитающих и одному виду рыб (табл. 2 и 3). По количеству в значительной мере преобладали млекопитающие – 239 экз., или 99,6% от всех остатков животных. По количеству выявленных особей доминировали крупный рогатый скот (*Bos taurus*) и домашняя лошадь (*Equus caballus*) (табл. 3).

Основу исследованной коллекции составили кости, отдельные зубы и их фрагменты.

Сохранность и анатомический состав остатков от различных видов млекопитающих мало меняется от слоя к слою. Наибольшая концентрация костей животных выявлена в слоях сооружения 2 (табл. 2). Общая сохранность костей для всего раскопа по всем видам животных составляет 18,3%, что указывает на их высокую степень повреждения как до захоронения, так и в период после захоронения и раскопок. Все костные остатки имеют одинаковую степень фоссилизации и одинаковый цвет костного вещества. Большинство костных остатков сосредоточено в определенных участках в виде отдельных мест скопления. Такое состояние и распределение костных остатков, как правило, относится к кухонным остаткам и местам разделки животных. Эти данные подтверждают, что забой домашнего скота и разделка туш проводились на территории данного поселения. На это также указывает и достаточно высокое количество найденных зубов, фаланг пальцев, метаподий, хвостовых позвонков и их фрагментов (до 39% от всех диагностированных элементов). Из общего количества костей 65% имеют выявленные следы разделки: рубки, резки, соскабливания, отделения эпифизов, прокалывания и пр. Для отдельных видов данное соотношение следов разделки намного выше: так, для крупного рогатого скота – 70%. Также имеется ряд костных фрагментов со следами воздействия огня, по количеству они составляют 7 экз. (3%). В то же время на отдельных костях (12 экз., 5,1%) имеются следы погрызов домашней собаки. Судя по составу костных остатков от млекопитающих и рыб, значимыми агентами их накопления на данной стоянке были: в доминирующей части – животноводство, и в ограниченном виде – охотничий промысел и рыболовство. На существенную роль рыболовства также указывает находка фрагмента медного крючка с блесной (рис. 13: 8). Анализируя характер накопления костных остатков на данном поселении, можно сказать, что все определимые костные остатки – это в основном пищевые отходы (до 95%). Анализ показал, что количество диагностированных костей передних и задних конечностей (относительно друг друга) у таких видов, как лошадь (48% и 52% соответственно) и крупный рогатый скот (44% и 56%), находятся в примерно равной пропорции. Тип разделки туш крупных видов домашних животных был

Таблица 2. Татарско-Азибейская III стоянка. Распределение археозоологического материала по сооружениям и глубинам (240 костей и зубов /390 фрагментов)

Table 2. Tatarskyi Azibey III site. Distribution of archaeozoological material by structures and depths (240 bones and teeth /390 fragments)

Глубина см	КРС (Bos taurus)	Лошадь (Equus caballus)	Овца (Ovis aries)	Свинья(Sus scrofa domestica)	Собака (Canis familiaris)	Лось (Alces alces)	Хомяк (Cricetus cricetus)	Окунь (Perca fluviatilis)	Неопределимые парнокопытные
0-20	6		1				4		1
20-40	3	11	2						2
Соор.1									
40-60	30	4	8	4				1	9
60-80	10	10	4	1					2
80-100	1	4	1						3
Соор. 2									
40-60	2	1				5			
60-80	34	22	15	7	3				20
80-100	1	2	5						1
Всего количество/%	87/36,25%	54/22,5%	36/15%	12/5%	3/1,25%	5/2,1%	4/1,7%	1/0,4%	38/15,8%

Таблица 3. Татарско-Азибейская III стоянка.

Соотношение видов по количеству выявленных особей (MNI) из раскопа

Table 3. Tatarskyi Azibey III site.

The ratio of species by the number of identified animals (MNI).

КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Собака	Лось	Обыкновенный хомяк	Речной окунь	ВСЕГО
14	10	5	5	1	2	1	1	39

достаточно стандартным. Мы также учитываем, что имеет место и сильная фрагментарность материала. Поэтому мы полагаем, что остатки КРС встречались в мелких обломках посткраниального скелета и относились к неопределимым остаткам парнокопытных, а потому окончательная доля КРС в общей коллекции будет выше.

Население данного поселения обладало высоким уровнем животноводческих навыков. Об этом свидетельствуют костные остатки от четырех видов домашних копытных. Форма животноводства: придомное с заготовкой кормов для домашнего скота на зиму с элементами отгонного в вегетационный период. Вероятно, можно утверждать, что данное поселение входило в круг постоянно функционирующих базовых поселков.

В стаде домашних животных преобладали крупный рогатый скот и лошадь, вместе составлявшие более 60% всего поголовья. Животноводство имело комплексный характер без выраженной специализации, главной отраслью которого было молочно-мясное скотоводство. Наличие в культурных слоях костей животных, забитых в различные сезоны года, указывает на то, что это было посе-

ление с круглогодичным проживанием. Кроме того, очень небольшое количество совсем молодых особей среди забитых животных говорит о том, что была возможность кормить молодняк в их первую зимовку.

Несмотря на крайне небольшое число костных остатков от промысловых видов, можно говорить о наличии у жителей данного поселения охотничьего промысла и рыболовства.

На данном исследованном поселении соотношение костных остатков в достаточной мере отличается от соотношения на поселениях поздней бронзы степного и лесостепного Поволжья и Приуралья (Косинцев, 2001, 2003; Kosintsev, 2016). На Татарско-Азибейской III стоянке доминируют кости крупного рогатого скота, на втором месте, в отличие от Поволжья и Приуралья, идут остатки лошади; мелкий рогатый скот в среднем незначительно преобладает над свиньей. Выявленный состав стада домашних животных с данного поселения схож с соотношением костных остатков с ряда поселений с территории Прикамья, относящихся к атабаевскому этапу маклашевской культуры, и лесостепных черкаскульско-межевских поселений (Петренко, 2007; Лыганов, 2011). Животноводство, практику-

Таблица 4. Татарско-Азибейская III стоянка.

Возрастной состав забитых особей крупного рогатого скота
 Table 4. Tatarskiy Azibey III site. Age structure of slaughtered cattle.

Возраст (в месяцах)	Количество
Более 30 месяцев	8 (57,1%)
18-30 месяцев	2 (14,3%)
6-18 месяцев	3 (21,4%)
Менее 6 месяцев	1 (7,1%)

Таблица 5. Татарско-Азибейская III стоянка. Возрастной состав забитых особей лошадей
 Table 5. Tatarskiy Azibey III site. Age structure of slaughtered horses

Возраст (в годах)	Количество
Старые (более 15 лет)	0
Взрослые (5-15 лет)	2 (20%)
Полувзрослые (2-5 лет)	5 (50%)
Молодые (менее 2 лет)	3 (30%)

Таблица 6. Татарско-Азибейская III стоянка. Возрастной состав забитых особей овец
 Table 6. Tatarskiy Azibey III site. Age structure of slaughtered sheep

Возраст (в месяцах)	Количество
Старше 24 месяца	1(20%)
12-24 месяца	1(20%)
6-12 месяцев	3(60%)
Менее 6 месяцев	0

Таблица 7. Татарско-Азибейская III стоянка. Возрастной состав забитых особей свиней
 Table 7. Tatarskiy Azibey III site. Age structure of slaughtered pigs.

Возраст (в месяцах)	Количество
Старше 24 месяца	2(40%)
14-24 месяца	2(40%)
6-14 месяцев	1(20%)
Менее 6 месяцев	0

емое населением данного поселения позднего бронзового века, доказывает нам, что оно входило в когорту характерных животноводческих практик лесостепной части Прикамья.

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*)

Этому виду принадлежит наибольшее количество остатков (36,25%). Среди остатков КРС нет ни одного фрагмента рога, что говорит о комолости большей части особей. Возрастной состав забитых особей: больше половины составляют взрослые и старые особи и примерно треть составляли взрослые и полувзрослые особи, что говорит о преобладании молочного направления в использовании КРС. Особи в возрасте до 1,5 лет составляют примерно 28%, что указывает на меньшую роль мясного направления в использовании крупного рогатого скота (табл. 4).

Высота в холке, вычисленная по длине таранной кости, составляла для двух особей 112 и 128 см.

Домашняя лошадь (*Equus caballus*)

Этому виду принадлежит 22,5% костных остатков, занимает второе место как по общему числу остатков, так и по количеству выявленных особей (табл. 2 и 3). Среди забитых животных доминируют группы полувзрослых и молодых – до 80% от всех особей (табл. 5). Это может свидетельствовать об относительно мясной специализации в использовании лошадей жителями этого поселения.

Ввиду высокой степени раздробленности костей лошадей провести реконструкции размеров лошадей не было возможным.

Мелкий рогатый скот

Эта группа представлена остатками только от одного вида – домашняя овца (*Ovis aries*), костные остатки домашней козы (*Capra hircus*) на данном поселении выявлены не были. По количеству кости овцы в изученной коллекции составляли 15%. Фрагменты рогов не найдены, что указывает на комолость

овец. Возрастной состав забитых овец (табл. 6) показывает преобладание молодых особей, что прямо указывает на мясное направление в овцеводстве.

Домашняя свинья (*Sus scrofa domestica*)

Этот вид представлен наименьшим количеством остатков среди домашних копытных (табл. 2). Среди забитых особей преобладают группа взрослых особей и группа особей в возрасте от 1 до 2 лет, только одна особь в возрасте от 0,5 до 1 года, особи в возрасте до 0,5 года отсутствуют (табл. 7).

Домашняя собака (*Canis familiaris*)

Этому виду принадлежит три костных остатка, которые составляют около 1%. Кости принадлежали особи средних размеров в возрасте 2–2,5 года.

По диким видам животных диагностированы 10 костных остатков – пять остатков принадлежат лосю (*Alces alces*) от двух взрослых особей в возрасте 4–5 лет, четыре кости

– обыкновенному хомяку (*Cricetus cricetus*) от особи возрастом 11–12 месяцев, и одна кость рыбе – речному окуню (*Perca fluviatilis*) – от особи с длиной тела 36 см.

Подводя итоги, можно констатировать, что территория Татарско-Азибейской III стоянки в позднем бронзовом веке входила в круг постоянно функционирующих базовых поселков с придомным скотоводством с элементами отгонного в вегетационный период. О развитой металлообработке говорят находки большого количества металлических изделий, использовавшихся в различной хозяйственной деятельности. На стоянке удалось выделить два сооружения и артефакты, относящиеся к луговской культуре (XVII–XV вв. до н. э.) и атабаевскому этапу маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н. э.). Керамика и кремневые изделия неолита–раннего энеолита залегают в переотложенном состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков Казань: КФАН СССР, 1989. 100 с.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, Отечество, 2014. 300 с.

Баранов В.И. Болота и торфяники Татарии. Казань: Татгосиздат, 1947. 96 с.

Выборнов А.А. Культурная принадлежность неолита Нижней Белой // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред Л.А. Наговицын. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1984. С. 21–30.

Выборнов А.А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1984а. С. 50–62.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Поселение Сауз I в устье р. Белой // Эпоха меди юга восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 3–21.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. 2019. № 1 (44). С. 34–47.

Габяшев Р.С. Отчет о работах, проведенных летом 1972 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах восточных районов ТАССР / Отчет о работе Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1972 г. Том 1.

Габяшев Р.С. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер, Казань: КФАН СССР, 1978. С. 22–39.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер, Казань: КФАН СССР, 1978. С. 40–66.

Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азибейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 11–24.

Габяшев Р.С., Косменко М.Г., Старостин П.Н. Отчет о раскопках Русско-Азибейской стоянки // Отчет Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1, № 4121.

Галимова М.Ш. Кремневые комплексы мезолита – энеолита северной части Икско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 6–28.

Генинг В.Ф. Отчет об археологических разведках в низовьях левобережья р. Белой, произведенных II отрядом археологической экспедиции КФАН СССР летом 1958 г. // Отчет о полевых работах археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР за 1958 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1, №1771.

Голубева, Е.Н. Чижевский А.А. Каменный инвентарь энеолитических погребений Мурзихинского II могильника // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 275–284.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнока. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 52–77.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции Т. III / МИА. №80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1951 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 157–246.

Косинцев П.А. Комплекс костных остатков домашних животных из поселений и могильников эпохи бронзы Волго-Уралья и Зауралья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: СГПУ, 2001. С. 363–367.

Косинцев П.А. Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы. // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке / Ред. Ю. И. Колев, П. Ф. Кузнецов, О. Д. Мочалов. Самара: СГПУ, 2003. С. 126–146.

Лыганов А.В. Скотоводство у населения Волго-Камья в позднем бронзовом веке // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (Филология и культура). 2011. № 4 (26). С. 126–132.

Лыганов А.В. Отчет о раскопках Дубовогривской II стоянки в Тукаевском районе Республики Татарстан в 2014 г. Т. 1. Казань, 2016 // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4

Лыганов А.В. Мальцевская IV стоянка позднего бронзового века на р. Тойма в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2020. № 5. С. 182–197.

Лыганов А.В. Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в нижнем течении реки Меша // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 29–46.

Лыганов А.В. Андронидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культуры) // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021а. С. 522–547.

Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С. Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 38–98.

Лыганов А.В., Морозов В.В., Смирнов А.Л., Храмченкова Р.Х. Металлические изделия позднего бронзового века Татарско-Азибейской III стоянки в устье р. Белой // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 104–117. DOI 10.24852/ra2022.1.39.104.117

Лыганов А.В., Саттаров Р.Р., Денисов А.В., Иванова Н.В. Селище Озеро Белое I позднего бронзового века в Самарском Поволжье // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 46–59.

Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2020. 364 с.

Митряков А.Е. Керамические комплексы эпохи бронзы Удмуртского Прикамья: морфологические и орнаментальные традиции. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 26 с.

Морозов В.В. Керамика опорных памятников камской неолитической культуры в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 330–353. DOI 10.24411/2587-6112-2020-1-0027.

Морозов В.В., Выборнов А.А., Лыганов А.В., Смирнов А.Л. К вопросу выделения памятников татарско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Т. I. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 189–192.

Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа: БЭК, 1998. 201 с.

Очерки по географии Татарстана / под ред. проф. Н.И. Воробьева. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 360 с.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

Старостин П.Н. Отчет об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведенной летом 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2932.

Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Т. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 529 с.

Шокуров А.П. Отчет о работах третьего разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2054.

Цалкин В.И. Древние домашние животные Восточной Европы / МИА. № 161. М.: Наука, 1970. 280 с.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.

Driesch A. von den. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Cambridge: Harvard University. 1976. 136 p.

Kosintsev P.A. Archaeozoological Report on the Animal Bones from the Krasnosamarskoe Settlement // A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes: The Samara Valley Project / Edited by David W. Anthony, Dorcas R. Brown, Oleg D. Mochalov, Aleksandr A. Khokhlov, and Pavel F. Kuznetsov, Monumenta archaeologica; volume 37, Cotsen Institute of Archaeology Press. 2016. P. 385–420.

Radu V. Exploitation de ressources aquatiques dans les cultures neolithiques et chalcolithiques de la Roumanie Meridionale. These de Doctorat. Universite de Provence Aix-Marseille I, Aix en Provence (France). 2003. 438 p.

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. New York: Cambridge University Press, Second edition. 2008. 533 p.

Vybornov A., Lychagina E. Chronology Of Kama Neolithic Culture // Documenta Praehistorica. IVXL. Ljubljana, 2017. P. 152–161.

Zooarchaeology in Practice. Case Studies in Methodology and Interpretation in Archaeofaunal Analysis. In Giovas C. M., LeFebvre M. J. (eds.). Springer International, Cham, Switzerland. 2018.

Информация об авторах:

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

Морозов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, директор ООО «Археология Восточно-Европейской равнины» (г. Москва, Россия); vikromolot@mail.ru

Смирнов Алексей Леонидович, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); ari1828@bk.ru

Аськеев Игорь Васильевич, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань, Россия); archaeozoologist@yandex.ru

REFERENCES

Kazakov, E. P. (ed). 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genesis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan:

Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Baranov, V. I. 1947. *Bolota i torfyaniki Tatarii (Swamps and peat bogs of Tataria)*. Kazan: "Tatujsizdat" Publ. (in Russian).

Vybornov, A. A. 1984. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia kamennogo veka Volgo-Kam'ia (Issues of Studying the Stone Age of the Volga-Kama Region)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 21–30 (in Russian).

Vybornov, A. A. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 50–62 (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga vostochnoi Evropy (Copper Age in Southern Part of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–21 (in Russian).

Vybornov, A. A., Lychagina, E. L., Vasil'eva, I. N., Mel'nichuk, A. F., Kul'kova, M. A. 2019. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istorii (Bulletin of the Perm University: History Series)* 44 (1), 34–47 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1972. *Otchet o rabotakh, provedennykh letom 1972 g. v zone zatopleniya Nizhnekamskoy GES v predelakh vostochnykh rayonov TASSR (Report on the 1972 works carried out in the flooding zone of the Nizhnekamsk hydroelectric power within the eastern regions of TASSR)* In *Otchet o rabote Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1972 g. (Report on the work of the Tatar team of the Nizhnekamsk archaeological expedition in 1972)* 1 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–39 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 40–66 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 11–24 (in Russian).

Gabiashev, R. S., Kosmenko, M. G., Starostin, P. N. *Otchet o raskopkakh Russko-Azibey'skoy stoyanki (Report on the excavations of the Rus. Azibey site)* In *Otchet Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Report of the Tatar team of the Nizhnekamsk archaeological expedition)* 1. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Found 1, R. 1, no. 4121 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 6–28 (in Russian).

Gening, V. F. 1958. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v nizov'yakh levoberezh'ya r. Beloy, proizvedennykh II otryadom arkheologicheskoy ekspeditsii KFAN SSSR letom 1958 g. (Report on archaeological reconnaissances in the lower part of the Belaya River left bank, carried out by the II team of KBAS USSR archaeological expedition in the summer of 1958)* In *Otchet o polevykh rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii IYaLI KFAN SSSR za 1958 g (Report on the field works of the archaeological expedition of the Institute of Language, Literature and Art of KBAS USSR for 1958)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Found 1, R. 1, no. 1771 (in Russian).

Golubeva, E. N., Chizhevsky, A. A. 2020. In *Arkheologiya evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 275–284 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1982. In Ivanov, V. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Priural'e v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cis-Urals Region in the Bronze and Early Iron Ages)*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 52–77 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–95 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po

arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–246 (in Russian).

Kosintsev, P. A. 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya* (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization). Samara: Samara State Pedagogical University, 363–367 (in Russian).

Kosintsev, P. A. 2003. In Kolev, Yu. P., Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D. (eds.). *Material'naya kul'tura naseleniya basseyna reki Samary v bronzovom veke* (Material culture of the population of the Samara River basin in the Bronze Age). Samara: Samara State Pedagogical University, 126–146 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2011. In *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* (Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University) 26 (4), 126–132 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2016. *Otchet o raskopkakh Dubovogrivskoy II stoyanki v Tukaevskom rayone Respubliki Tatarstan v 2014 g.* (Report on the excavations of the Dubovaya Griva II site in the Tukay district of the Republic of Tatarstan in 2014) 1. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 5, 182–197 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 2, 29–46 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021a. In Sitdikov, A. G., Chizhesky, A. A. (ed.). *Eneolit i bronzovyi vek* (Eneolithic and Bronze Age). Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 522–547 (in Russian).

Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Azarov, E. S. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 2, 38–98 (in Russian).

Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Smirnov, A. L., Khramchenkova, R. Kh. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 39 (1), 104–117. DOI 10.24852/pa2022.1.39.104.117 (in Russian).

Lyganov, A. V., Sattarov, R. R., Denisov, A. V., Ivanova, N. V. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 1, 46–59 (in Russian).

Lychagina, E. L. 2020. *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya* (Neolithic of the Upper and Middle Kama Region). Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).

Mitryakov, A. E. 2011. *Keramicheskie komplekсы epokhi bronzy Udmurtskogo Prikam'ya: morfologicheskie i ornamental'nye traditsii* (Pottery assemblages of the Bronze Age of the Udmurt Kama region: morphological and ornamental traditions). Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Morozov, V. V. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 3, 330–353. DOI 10.24411/2587-6112-2020-1-0027. (in Russian).

Morozov, V. V., Vyborno, A. A., Lyganov, A. V., Smirnov, A. L. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress in Samara) I. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 189–192 (in Russian).

Obydenov, M. F. 1998. *Mezhovskaya kul'tura* (The Mezhovka Culture). Ufa: “BEK” Publ. (in Russian).

Vorob'ev, N. I. (ed.). 1957. *Ocherki po geografii Tatarstana* (Essays on the geography of Tatarstan). Kazan: “Tatknigoizdat” Publ. (in Russian).

Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhitovnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia* (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhitovnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia* (po arkheozoologicheskim materialam) (Establishment and Development of Early Cattle Breeding in the History of Peoples from the Middle Volga and Ural Regions (on Archaeozoological Materials)). Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia* (Bronze Age of Mari Volga Area). Series: Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Starostin, P. N. 1965. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v zone zatopeniia Nizhnekamskoi GES, provedennoi letom 1964 g.* (Report on archaeological exploration in the flooded area of Nizhnekamsk HES carried out in the summer of 1964). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Found 1, R. 1, no. 2932 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Shokurov, A. P. 1959. *Otchet o rabotakh tret'ego razvedochnogo otryada Bashkirskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR v 1959 g.* (Report on the work of the third exploration team of the Bashkir archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences USSR in 1959). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Found 1, R. 1, no. 2054 (in Russian).

Tsalkin, V. I. 1970. *Drevnie domashnie zhivotnye Vostochnoy Evropy (Ancient domestic animals of Eastern Europe)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 161. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chizhesky, A.A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhesky, A.A. (ed.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

Driesch A. von den. 1976. *A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites*. Cambridge: Harvard University.

Kosintsev, P.A. 2016. In David W. Anthony, Dorcas R. Brown, Oleg D. Mochalov, Aleksandr A. Khokhlov, and Pavel F. Kuznetsov (eds.). *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes: The Samara Valley Project*. Series: Monumenta archaeologica. V. 37. UCLA. Cotsen Institute of Archaeology Press, 385–420.

Radu, V. 2003. *Exploitation de ressources aquatiques dans les cultures neolithiques et chalcolithiques de la Roumanie Meridionale*. These de Doctorat. Universite de Provence Aix-Marseille I, Aix en Provence (France).

Reitz, E. J., Wing, E. S. 2008. *Zooarchaeology*. New York: Cambridge University Press, Second edition.

Vybornov, A., Lychagina, E. 2017. In *Documenta Praehistorica*. IVXL, 152–161.

Zooarchaeology in Practice. Case Studies in Methodology and Interpretation in Archaeofaunal Analysis. In Giovas C. M., LeFebvre M. J. (eds.). *Springer International*, Cham, Switzerland. 2018.

About the Authors:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; liganov.anton@yandex.ru

Morozov Victor V. Candidate of Historical Sciences. LLC "Archaeology of the East European Plain". Prospect Mira, 89–174, Moscow, 129085, Russian Federation; vikromolot@mail.ru

Smirnov Alexey L. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; ari1828@bk.ru

Askeyev Igor V. Candidate of Biology sciences, Senior researcher, Associate Professor, The Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth, Tatarstan Academy of Sciences. Daurskaya str., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan; archaeozoologist@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 903.59

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.160.170>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2023 г. А.С. Проценко

В статье представлены результаты суммарной характеристики погребального обряда кара-абызской культуры, на основе использования методов математической статистики. В основу работы легли материалы 700 погребений кара-абызской культуры, исследованных в течение XX в. В.В. Гольмстен, К.В. Сальниковым и А.Х. Пшеничноком. Выделены частные признаки половозрастных групп (мужской, женской и детской). Выявлено, что для мужской выборки характерно наличие предметов вооружения, для женской – предметов костюмного комплекса. Для выяснения социальной структуры древнего населения погребения были распределены на пять категорий («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «беднейшие») по количественно-качественному составу предметов. В результате исследования была реконструирована трехсловная структура.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, кара-абызская культура, ранний железный век, социальная структура.

BURIAL RITE AS A SOURCE OF SOCIAL RECONSTRUCTIONS (BASED ON THE MATERIALS OF KARA-ABYZ CULTURE)

A.S. Protsenko

The article presents the results of summary characteristics of burial rite of the Kara-Abyz culture, based on the use of methods of mathematical statistics. The work is based on the materials from 700 burials of the Kara-Abyz culture, studied during the 20th century by V.V. Golmsten, K.V. Salnikov and A.Kh. Pshenichnyuk. Indications of gender and age groups (male, female and children) have been singled out. It is revealed that the male remains are characterized by the presence of weapons, while the female ones are characterized by the presence of items of a costume complex. To clarify the social structure of the ancient population, the burials were divided into five categories (“very rich”, “rich”, “ordinary”, “poor”, “poorest”) according to quantitative and qualitative composition of objects. As a result of the study, a three-part social structure was reconstructed.

Keywords: archaeology, Southern Cis-Urals, Kara-Abyz culture, Early Iron Age, social structure.

Способ погребения издавна рассматривается в археологии как стойкий этнический признак, а поэтому – как связующее звено в определении культурной преемственности. На деле постоянство этого признака не абсолютно, и способы погребения под влиянием тех или иных исторических обстоятельств могут меняться как во времени, так и в пространстве. Но в любом случае погребальный обряд – наиболее устойчивый признак культуры и выявление его реминисценций в более позднем обряде или дошедшем до наших дней фольклоре дает возможность проследить этапы культурного развития этноса или социума в целом (Клейн, 2013, с. 80). Погребальный обряд является одним из основных определяющих признаков археологической культуры. Высокая информативность материалов погребений признается всеми архе-

ологами, но в оценке их информационного потенциала в этно- и социокультурных реконструкциях исследователи не единодушны (Матвеева, 2007, с. 110).

Территория лесостепной части Южного Приуралья неоднократно отмечалась исследователями как особая зона этнокультурных контактов в эпоху раннего железного века (Иванов, 1980; Савельев, 2017, с. 117; Савельев, 2019, с. 40; и др.). На данной территории сформировалась одна из интереснейших археологических культур раннего железа – кара-абызская (IV в. до н. э. – IV в. н. э.), впитавшая как местные традиции оседлого населения, так и элементы материальной культуры кочевого населения региона (сарматских племен).

Цель данного исследования – реконструкция социальной структуры кара-абызской культуры Южного Приуралья по материалам

лам погребальных памятников. Отметим, что изучение социальной структуры древнего населения на современном этапе является одним из актуальных направлений археологических исследований (Серегин, Тишин, 2017; Берсенева, 2019; Гильмитдинова, 2021; Проценко, 2022; и др.).

Предыдущие исследования позволили выделить основные признаки погребального обряда кара-абызской культуры на основе анализа 581 захоронения (Проценко, 2017; Иванов, Проценко, 2017). В настоящем исследовании в случайную статистическую выборку вошли материалы следующих некрополей: Охлебининского могильника (492 погребения), I Биктимировского (68 погребений), III Биктимировского (17 погребений), Шиповского курганно-грунтового (95 погребений) и Уфимского (28 погребений). Объем совокупной выборки равен 700 погребальным комплексам, при критерии значимости равном 0,95 нижний порог представительности признака будет равен 0,6% (Генинг и др., 1990, с. 64). Изначально в базу исследования входило свыше 140 признаков, в процессе работы над материалом количество признаков сократилось до 120, представительными для рассматриваемой выборки являются 89.

Погребальный обряд характеризуется следующими признаками. В могиле, где сохранились какие-либо остатки костяков, это ингумация (97,7%), причем индивидуальная. В могильной яме в 98,3% случаев обнаружен один погребенный. Парные погребения составляют 1,1%, которые фиксируются только на Охлебининском могильнике. Захоронения, в которых содержатся три и более костяка, зафиксированы в четырех случаях (0,6%). Подавляющее большинство захоронений совершены в простых могильных ямах прямоугольной формы, глубиной до 1 м (49,1%), до 0,5 м (28,5%), 1–1,5 м (21,3%) и более 1,5 м (1,1%). В 11,5% погребений одна или несколько стенок могильной ямы обложены камнями, в 8% зафиксирована органическая подстилка на дне могилы.

Ориентировка погребенных по азимуту достаточно разнообразная и охватывает все стороны света. Однако доминирующее положение в ориентировке погребений занимает западная с небольшими отклонениями к северу или югу, которая в сумме составляет 65,4%. Поза погребенных стандартная – на

спине с вытянутыми конечностями (75,1%). Также фиксируются следующие признаки: руки вытянуты (2,5%), одна рука на тазовых костях (1,6%), ноги вытянуты (1,7%), череп на затылке (1,4%). Встречаются единичные погребения с нестандартной позой, где нога согнута в колене (1,4%) или ноги согнуты и лежат на боку (3,5%).

Среди деталей ритуала выделяются следующие признаки: размещение костей животных (остатки сопроводительной пищи) в изголовье могилы (28,8%) или у ног (3,5%), местонахождение костей точно не зафиксировано (1,8%); также фиксируется помещение глиняного сосуда рядом с усопшим: в изголовье (7,8%), у ног погребенного (16,7%), на уровне пояса (2,3%).

Сопровождающий инвентарь из погребений кара-абызской культуры традиционно состоит из следующих категорий вещей: вооружение и конское снаряжение, украшения и детали убранства костюма, бытовые вещи.

Из предметов вооружения чаще всего встречается наконечник копья (в 17% погребений). Также зафиксировано большое количество наконечников стрел: железных (16,3%), костяных (7,9%) и бронзовых (7,7%). Остальные виды представлены в небольшом количестве: меч – 4,7%; боевой нож – 1,6%; колчанной крючок – 3,4%. Чаще, чем все остальные детали конской упряжи, встречаются в погребениях удила (в 12,2% погребений), на втором месте по степени распространенности выступают псалии (3,4%).

В анализируемой выборке представлены следующие виды украшений и деталей костюма: поясная пряжка (в 19,2% погребений), пряжка кольцевая литая (6,4%), пряжка железная (6,3%). Пряжки других форм, такие как пластинчатые бронзовые, ажурные, лировидные и др., составляют 15,5% погребений. Большие круглые бляхи (дисковидные) встречаются в 17,4%, умбовидные пряжки в 2,7%. Часто встречаемыми находками являются трапециевидные подвески (13,2%). Накладки ремня зооморфные составляют 11,7%, поясные накладки 15,4%, наконечник пояса – в 10% захоронений. В 1,8% зафиксирован цельный пояс, в 2,6% – «портупей». Немногочисленными предметами являются: серьга-кольцо (2,4%), пронизки спиральные (2,7%), витая височная подвеска (2%), браслет (2,4%),

гривна (3,7%). Детали обуви зафиксированы в 1,8%.

Распространенными находками являются перстни, встреченные в 9,8% погребений. Бусы, по наблюдению А.Х. Пшеничнюка, со II этапа становятся почти обязательной принадлежностью каждого женского погребения (Пшеничнюк, 1973, с. 179), в анализируемой выборке они представлены в составе ожерелья (16,2% захоронений) или зафиксированы в единичных экземплярах в количестве 1–5 штук (16,5%).

Наиболее популярным типом бытовых предметов являлись ножи (43,3%), другие предметы встречены значительно реже: костяная лопаточка (3,3%), пряслица (1,7%).

Одной из стадий социального анализа является вычленение связанных с полом погребенного признаков погребального обряда. С исторической точки зрения, это позволит хоть в какой-то мере определить роль мужчины и женщины в производственной и социальной сферах конкретного общества, а в практических исследованиях археологов поможет установить, конечно с определенной степенью вероятности, археологические характеристики погребенных, что имеет важное значение при различного рода исторических реконструкциях (Бунятян, 1985, с. 64).

Пол в большинстве случаев определен исследователями по набору сопроводительного инвентаря, не установлен (не указан) в 49,9% захоронений. Среди них в представленной анализируемой выборке мужских, женских и детских погребений оказалось примерно поровну (15,5%, 16,3% и 18,3% соответственно).

Анализ половозрастных групп был проведен в два этапа. На первом этапе были рассмотрены погребения, в которых исследователи указали пол погребенных. В результате были выделены признаки соответствующих групп на основе вычисления тенденции признака (всеобщие, локальные и частные) (Генинг, Борзунов, 1975, с. 42–72). Также был проведен анализ погребений, вошедших в выборку, где пол и возраст определены профессиональными антропологами, общее количество которых составляет 29 погребений, из которых у десяти индивидов пол определен как мужской, восемнадцати – как женский, и одно захоронение принадлежало ребенку (пол не установлен).

На втором этапе исследования рассмотрены захоронения, в которых отсутствуют половозрастные определения (347 погребений (49,9%)). На данном этапе с опорой на сопроводительный инвентарь (частные признаки каждой из выделенных групп) проанализировано каждое погребение и соотнесено с представленными половозрастными группами (мужчины, женщины, дети). В результате из категории «пол и возраст не определен» были выделены: 103 мужских, 106 женских и 7 детских захоронений. В 131 случае отнести погребенного к выделенным половозрастным группам не представляется возможным в связи с малочисленностью или отсутствием сопроводительного инвентаря.

Таким образом, мы получаем следующие результаты по половозрастным группам: 212 мужских погребений (30,3%), 221 женское (31,6%) и 136 детских (19,4%), пол и возраст не определены в 131 погребении (18,7%).

Частные признаки выделенных половозрастных групп следующие. К мужской группе захоронений относятся: угли в могиле, псалии и удила, наконечники стрел (железные, бронзовые и костяные), колчаный крючок, меч, боевой нож, наконечник копья, пряжка кольцевая литая или пряжки других форм, пряжка железная, детали обуви, костяная лопаточка. К частным признакам женской группы погребений относятся: ноги согнуты и лежат на боку, северная ориентировка погребенного, головой к реке, дощатый настил на дне могилы, кости животных у ног, жертвенный комплекс у ног, зооморфные и поясные ременные накладки, поясная пряжка, цельный пояс, «портупея», обоймы разных размеров, дисковидная бляха, мелкие круглые бляшки, умбоновидная бляха, трапециевидная подвеска, витая височная подвеска, перстень, гривна, ожерелье из бус, пронизки спиральные, пряслице. К частным признакам детской группы погребений относятся: смешанное расположение могил, могила глубиной до 0,5 м, парное погребение, поза не установлена, восточная ориентировка, также прослежена ориентировка относительно реки (вдоль течения реки), глиняный сосуд на уровне пояса. Также фиксируется признак – без вещей¹.

Для реконструкции социальной структуры древнего населения погребения были распределены на пять категорий («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «бедней-

шие») по количественно-качественному составу предметов. Социальную характеристику памятников мы начнем с самого раннего кара-абызского могильника (Уфимского) и закончим Охлебнинским, который по степени изученности и по времени существования маркирует как основное время существования рассматриваемой культуры, так и конечную дату нашего исследования – III/IV в. н. э.

В выборку вошли 28 погребений, датированных IV–III вв. до н. э. (Овсянников, Яминов, 2003, с. 25), из которых только в шести захоронениях (21,4%) отсутствовал сопроводительный инвентарь. Из мужской выборки выделяются три погребения (7, 21, 26), в которых найдено наибольшее количество наконечников стрел в составе колчанного набора: 21, 18, 20 штук соответственно, также в погр. 7 и 21 найдены железные наконечники копья и бронзовые обоймы. Из женских погребений можно выделить два погребения (13 и 15). В погр. 13 инвентарь представлен двумя бронзовыми височными кольцами, бронзовой гривной, двумя поясными бляхами разных размеров, крючком крестообразной формы, железным ножом и двумя кольцами (с широкой и узкой спиралью). В погр. 15: височные 8-образные подвески, ожерелье из бронзовых обоймиц, бляшек, пронизок, привесок треугольной формы, двух раковин *Surgaea moneta* и трех крупных бус; массивный бронзовый браслет, бронзовое спиральное кольцо; одна бляха с изображением животного, вторая – с изображением пары животных, железный нож. В других женских захоронениях представлены три-четыре элемента костюмного комплекса. Общим для женских и мужских погребений выступает помещение железного ножа в могилу. Детские погребения составляют 14,2% от общего количества захоронений. В двух случаях костяк не содержал вещей, в погр. 12 зафиксирована пастовая бусина. Отметим погр. 9, в котором инвентарь представлен костяной поделкой, украшением из одной золотой и нескольких бронзовых обоймиц и бисера.

Что касается социальной иерархии населения, оставившего данный некрополь, необходимо отметить достаточно равноправную ситуацию, сложившуюся в IV–III до н. э. в кара-абызском обществе. Основываясь на качественно-количественном отношении сопроводительного инвентаря, нами были

выделены три мужских и два женских «богатых» захоронения. Оставшиеся погребения, за исключением захоронений, в которых инвентарь отсутствовал («беднейшие» (8)), можно смело назвать «рядовыми» (15).

Дальнейшее рассмотрение социальной структуры в хронологической динамике продолжим на материалах Биктимировских могильников (85 погребений), датированных исследователями III–II вв. до н. э. Автором в одной из работ проведен анализ поставленной проблемы (Проценко, 2019), остановимся на результатах.

Из мужской выборки категория «богатых» могил насчитывает пять погребений, сопроводительный инвентарь представлен 4–5 предметами (например, бронзовые наконечники стрел, наконечник копья, поясная пряжка, удила) и наличием предмета из драгоценного металла (например, височная подвеска в виде кольца с трубицей из золотой проволоки). Наиболее статусная категория «очень богатых» представлена одним захоронением (погр. 53). В мужских могилах к категории «беднейших» отнесено одно погребение, «бедных» насчитывается пять погребений, три из которых были ограблены в древности. «Рядовые» захоронения наиболее многочисленны – девять погребений, из которых три ограблено. Среди данной категории выделяется погр. 12 (40–45 лет), в котором наряду с двумя лигнитовыми бусинами, железным ножом были обнаружены бронзовая круглая бляха-зеркало с четырьмя отверстиями по краям с обломанным краем и два кусочка мела (Сальников, 1962, л. 40). Последние две находки встречались только в данном мужском погребении, в остальных случаях подобные бляхи и кусочки мела фиксируются исключительно в женских захоронениях.

Из женских погребений «богатых» комплексов насчитывается пять, «очень богатых» – пять. К категории «бедные» были отнесены четыре погребения, но все они были ограблены в древности, «рядовых» семь захоронений. И одно погребение, не содержащее сопроводительного инвентаря, отнесено к категории «беднейших».

Остатки органической подстилки (древесной коры/дощатого настила?) обнаружены в восьми захоронениях (всего на могиле зафиксировано 11 случаев) на дне могилы и фиксируются в категории «богатых» и «очень

богатых»: в шести случаях у женщин и в двух у мужчин, что, по нашему мнению, свидетельствует об особом погребальном обряде данных категорий захоронений.

Группу погребений, в которых определить пол и возраст не удалось, можно разделить по двум категориям: 13 погребений, в которых сопроводительный инвентарь отсутствовал, – «беднейшие»; «бедные» могилы (в составе содержатся 2–4 предмета) – 17 захоронений.

Детские погребения в большинстве случаев (63,6%) не содержат сопроводительного инвентаря. В двух погребениях ребенок сопровождался одной или двумя категориями инвентаря (бусы, медные бляшки и др.). Наибольшее количество инвентаря было уложено в погр. 21: две умбовидные бронзовые пряжки с ушком на обороте, кусочек мела, бронзовые обоймицы (4 экз.), бусы (15 гешировых плоских и 9 из золоченного стекла).

В результате мы получаем следующие данные по выделенным категориям: «беднейшие» (23), «бедные» (26), «рядовые» (18), «богатые» (12), «очень богатые» (6) захоронения. Необходимо отметить разнообразие и «богатство» сопроводительного инвентаря Биктимировского могильника по сравнению с Уфимским. Таким образом, материалы данного некрополя показывают дальнейшее имущественное расслоение (эволюцию социальной структуры) в среде кара-абызского населения.

Следующий некрополь представлен грунтовыми погребениями Шиповского могильника – одного из крупнейших и важнейших в научном отношении некрополя лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа начиная со времени формирования кара-абызской культуры и вплоть до раннего Средневековья. Вошедшие в выборку захоронения грунтовой части могильника (95 погребений) датируются А.Х. Пшеничнюком I–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1976, с. 77).

Мужские погребения, как и в предыдущих могильниках, маркируются оружием (наконечник копья, наконечники стрел и др.), элементами поясной гарнитуры (пряжка, накладки, костяные подвески) и предметами быта (нож и костяная лопаточка). Отметим, что для мужской выборки характерно именно наличие наконечника копья в составе инвентаря (20 случаев). Из данной выборки выделяются шесть статусных погребений (погр.

26/VII, 57/VII, 59/VII, 62/VII, 84/VII и 88/VII): наряду с предметами вооружения в них представлен наиболее значимый (статусный) поясной набор, состоящий из пряжки и накладок, двух железных ножей и бляшек между ними, которые привешивались к поясу; трапециевидных подвесок и бусины; также они отличаются деталями погребального обряда, а именно обкладка одной из стенок у дна рядом камнем или наконечник копья, воткнутый в дно могилы. Необходимо отметить, что в данной статусной группе захоронений в пяти из шести погребений зафиксированы остатки конской упряжи (удила, в двух случаях с костяными псалиями). Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что конные войны Шиповского ополчения имели высокий социальный статус.

Статусные женские погребения, выделенные нами, насчитывают шесть захоронений, умерших сопровождал богатый набор сопроводительного инвентаря, критерием выделения данной группы явились количественные показатели сопроводительного инвентаря.

Пол и возраст не определен в 17 погребениях. В 5 из них сопроводительный инвентарь отсутствовал, в 12 случаях был представлен одной или двумя категориями предметов. Особняком стоит погр. 89, в котором были найдены: бронзовые фигурные подвески, железная пряжка, железный нож и два костяных наконечника стрелы. В связи с тем, что представленные вещи четко не маркируют половозрастную принадлежность, так как встречаются как в мужских, так и в женских погребениях, данное захоронение отнесено именно к этой категории. Данная оговорка необходима для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что в категорию «пол и возраст не определен» отнесены не только безынвентарные погребения, но и те, в которых по составу сопроводительного инвентаря нельзя однозначно определить половозрастную принадлежность.

Детских погребений представлено 27 (28,4%), семь из которых безынвентарные. Из данной выборки необходимо отметить только два погребения: погр. 77 (дисковидная бляха, пять зооморфных накладок, две трапециевидные подвески, 14 обоймочек) и погр. 80 (бронзовая плоская бляшка с отверстием в центре, четыре стеклянных зонных бусины, два обломка бронзовой спирали, две пронизки,

два проволочных колечка, обломок ажурной пластины, бронзовый проволочный перстень, три конусовидных подвески, бронзовая обоймочка и три астрагала), которые выделяются богатством сопроводительного инвентаря. Вероятно, данная группа принадлежала к наиболее богатым семьям рода, чьи дети и были в ней погребены (Проценко, Заикина, 2018, с. 174–175).

Таким образом, погребальный обряд Шиповского могильника является также унифицированным. Следует отметить, что в погребениях полностью отсутствует глиняная посуда, но кости животных (остатки сопроводительной пищи) найдены в трех случаях у ног и в девяти случаях в изголовье. Большинство погребений (6 случаев), сопровождавшихся заупокойной пищей, принадлежали мужчинам, в двух случаях женщинам и в одном – ребенку. На Шиповском могильнике, так же как и в Охлебининском, в погребениях зафиксирован дощатый настил (12 захоронений): 10 мужских и 2 женских.

Социальная структура населения могильника, по полученным данным, выглядит следующим образом, погребения были распределены на четыре категории: «очень богатые»/«богатые» (14), «рядовые» (44), «бедные» (24), «беднейшие» (13). Соответственно, мы наблюдаем, наверно, уже сложившуюся прослойку населения, которая сосредоточила в своих руках определенные богатства. Отличительной чертой является объединение наиболее статусных погребений («богатые», «очень богатые») в одну группу.

Охлебининский могильник является наиболее изученным некрополем кара-абызской культуры, в ходе широкомасштабных исследований было вскрыто 663 погребения. Исследователями установлено, что могильник заполнялся непрерывно с IV в. до н. э. по III в. н. э. (Пшеничнюк, 1987, с. 68). Необходимо отметить, что большая часть материалов до сих пор не опубликована, за исключением исследований А.Х. Пшеничнюка в 1965 г. В выборку исследования вошли 492 захоронения (раскопки 1965, 1980, 1981 гг. (раскопки IV, V, VI)).

В начале 1980-х гг. А.Х. Пшеничнюком была опубликована статья, в которой исследователь остановился на проблеме общественного строя кара-абызской культуры. Так, автор солидаризировался с общепринятым

мнением, что оседлые племена раннего железного века Урало-Поволжского региона, в том числе кара-абызские, находились на стадии разложения родового строя с наметившимся имущественным и социальным расслоением. Все взрослые погребения Охлебининского могильника (раскопки 1965 г.) были исследователем разделены на три группы: богатые, рядовые, бедные. В число богатых мужских захоронений А.Х. Пшеничнюком были включены 14 погребений² с мечами. Как правило, в этих погребениях богато представлены и другие предметы вооружения, остатки уздечек, поясов. К этой же группе следует причислить еще пять погребений, в которых мечи отсутствуют, но другие предметы представлены богато (наконечники стрел и копий, удила, пояса и т. д.). Автором было выделено 12 богатых женских погребений. Кроме богато украшенных поясных ремней в могилах встречено большое количество различных бляшек и обоймочек, которыми были обшиты рукава и подол верхней одежды, остатки нагрудных украшений, различные подвески, браслеты, бусы. Полученные данные позволили исследователю сделать вывод, что погребальный инвентарь со всей очевидностью свидетельствует об имущественном расслоении в среде кара-абызского населения. Имущественное расслоение отражает, по всей видимости, определенную социальную дифференциацию кара-абызского общества (Пшеничнюк, 1981, с. 96–97).

Необходимо отметить и географическое расположение Охлебининского комплекса памятников, который находился на самом юге кара-абызской территории и выступал в роли форпоста по отражению набегов кочевников. Необходимость защиты способствовала развитию военного дела. Так, по расчетам исследователя (раскопки 1965 г.) на немногим более 40 всех взрослых мужских погребений приходится: 14 мечей, 23 наконечника копья, 547 наконечников стрел и 22 удила. Данное обстоятельство позволило автору констатировать, что почти каждый взрослый мужчина был вооружен, являлся воином, воином-всадником. По мнению А.Х. Пшеничнюка, категория дружинников выделяется, очевидно, на более позднем этапе, в эпоху раннего Средневековья (Пшеничнюк, 1981, с. 98–99).

Исходя из вышесказанного, в первую очередь нами были проанализированы погре-

бения, содержащие в составе своего набора вооружения меч/боевой нож. В выборке исследования 153 мужских захоронения, из которых в 31 погребении фиксируется данный вид вооружения, проанализируем данную группу захоронений и приведем несколько примеров.

В состав сопроводительного инвентаря погр. 12 (1980 г.), кроме железного меча с бронзовыми наконечником ножен, входили: две стеклянные бусины на шее; кость животного и железный нож – у правого локтя; бронзовая круглая пластинчатая пряжка, пять бронзовых обоймочек, накладки из зубов животного (медведя) – на пояс; маленькая бронзовая пластинчатая пряжка с неподвижным крючком, у правого колена; две обувные бронзовые кольцевые пряжки – на ступнях ног; железный наконечник копья – у левой ступни, острием вниз; железные удила – ниже ступней; железные спекшиеся трехлопастные черешковые наконечники стрел, примерно 11 экз. – ниже ступней ног, в кучке остриями вниз; костяная лопаточка и глиняный сосуд-чаша – в ногах погребенного на 45 см выше дна могилы (Пшеничнюк, 1980, л. 8–9). Необходимо отметить погр. 210 (1981 г.), в котором были захоронены два мужских костюма. У одного погребенного в составе сопроводительного инвентаря находился железный меч, а у другого – боевой нож с бронзовыми наконечниками ножен.

В абсолютном большинстве оставшихся захоронений, в составе сопроводительного инвентаря которых находился меч или боевой нож, были обнаружены другие категории инвентаря в значительном количестве. Таким образом, мы можем говорить, о том, что именно меч/боевой нож в мужских кара-абызских погребениях Охлебининского могильника являлся своего рода социальным маркером погребенного. Возможно, его помещали в могилу наиболее отличившихся воинов или начальников отрядов. Здесь же уместным будет еще раз вернуться к географическому расположению Охлебининского комплекса памятников. Отметим, что именно мужчины-воины имели возможность напрямую контактировать с кочевниками (сарматскими племенами) в ходе военных/торговых операций, что, в свою очередь, могло вызвать определенное накопление «даров»/добычи в руках определенного, скорее всего узкого, круга людей. Все вышесказанное позволило

нам все погребения, содержащие данный вид вооружения, отнести к категории «очень богатых» и «богатых».

Категория «рядовых» погребений мужских захоронений содержала три-пять категорий инвентаря, таких как поясная пряжка, наконечники стрел или копья, удила с псалиями в различных сочетаниях данных признаков. В категорию «бедных» были включены погребения, содержащие одну-две категории инвентаря.

В женских погребениях Охлебининского могильника наиболее богато представлены украшения костюмного комплекса по сравнению с другими некрополями. Так, к примеру, поясные дисковидные бляхи – этнокультурный маркер носителей кара-абызской культуры, так как только у них данные изделия были частью поясного набора. Как справедливо отмечает С.Л. Воробьева, в кара-абызской среде богато украшенный поясной набор с бляхами был атрибутом женского костюма. В состав таких наборов, как правило, входили поясные накладки с головами грифонов (Воробьева, 2012, с. 116–117). Наибольшее количество блях, по подсчетам С.Л. Воробьевой, происходит из Охлебининского могильника, источником поступления данного вида украшения являются, по мнению исследователей, сарматские племена, что в очередной раз свидетельствует о тесных контактах кара-абызского и сарматского населения (Воробьева, 2012, с. 123).

Определенного маркера статусности женских захоронений не выявлено. Исследование показало, что сочетание богатого ожерелья, «портупей», поясного набора (в том числе количество в нем грифонов) и жертвенного комплекса, уложенного у ног, и наличие предмета из драгоценного металла (к примеру: золотые височные подвески в виде знака вопроса со спиральным стержнем) в совокупности определяет высокий статус женщины в данном некрополе. Из бытовых вещей, так же как и в других могильниках, зафиксированы железные ножи и пряслица.

Характерной чертой погребального обряда взрослого населения Охлебининского могильника является древесный настил и обкладка одной или несколько стенок могилы камнем. В погребениях, где зафиксировано наличие органической подстилки, представлен значительный сопроводительный материал, как

в мужских, так и в женских захоронениях, что является характерной чертой погребальной обрядности знатного населения данного некрополя.

Детские захоронения Охлебнинского могильника также соответствуют погребальной обрядности рассматриваемой культуры. Большинство погребений – без вещей, но если сопроводительный инвентарь представлен, то это 2–3 категории инвентаря (небольшие бляшки, глиняный сосуд, 1–5 бусин и др.).

Анализ погребального обряда позволил определить социальную структуру населения, оставившего Охлебнинский могильник, погребения были распределены на пять категорий: «беднейшие» (48), «бедные» (110), «рядовые» (179), «богатые» (102), «очень богатые» (53) захоронения.

Таким образом, исследование показало высокую информативность погребального обряда для реконструкции социальной структуры древнего общества. Мы вслед за предшественниками убедились в эффективности подобной методики.

По объективным причинам, не все стороны, связанные с погребальной практикой, удалось рассмотреть в равной мере. Отмеченная нами небольшая доля погребений с антропологическими определениями серьезно сужает круг возможных социальных интерпретаций. Отсутствие публикаций материалов раскопок, в особенности такого эпохального погребального памятника кара-абызской культуры, как

Охлебнинский могильник, затрудняет разработку хронологии кара-абызских древностей, в результате следует, что развитие и динамика погребального обряда могут быть прослежены лишь в общих чертах (Проценко, 2022, с. 22).

Социальная структура кара-абызской культуры представляется нам на сегодняшний день следующей. Качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря позволяет говорить о существовании имущественных и социальных различий между погребенными. На основе анализа погребального обряда мы получаем трехсловную структуру. Погребения, отнесенные к категориям «очень богатые» (10,5%) и «богатые» (17%), составляют верхушку кара-абызского общества; «рядовые» (36,3%) и «бедные» (23,1%) относятся к самому многочисленному, второму, слою. Объединение данных групп, по нашему мнению, возможно в связи с размытостью границ между данными категориями погребений. Категория захоронений, где инвентарь отсутствует, отнесена нами к третьему слою кара-абызского общества – «беднейшие» (13,1%). Отсутствие в них сопроводительного инвентаря, возможно, связано либо с определенными возрастными традициями погребального обряда, либо они оставлены другой этнической группой (чужеплеменники). Выделять в данной группе категорию рабов на данный момент мы считаем преждевременным.

Примечание:

¹ Развернутая характеристика половозрастных групп будет дана в отдельной публикации.

² В работе С.Э. Зубова (2012), посвященной военной структуре Охлебнинского могильника, приведены количественные данные предметов вооружения в погребениях: меч – 3, палаш – 3, кинжал – 6, боевой нож – 38 и др. (табл. 1, с. 110).

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2019. 43 с.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1985. 227 с.

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Том I. Дисс. ... канд. истор. наук. Уфа, 2012. 291 с.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической обработки, характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1975. С. 42–72.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Гильмитдинова А.Х. Кочевое население Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н. э. (по данным археологии). Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021. 31 с.

Зубов С.Э. О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // УАВ. Вып. 12. Уфа: Гилем, 2012. С. 108–123.

Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 74–84.

Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.

Клейн Л.С. Этногенез и археология. Т. 2. Арии и *varia*. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. 527 с.

Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным: Учебное пособие. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2007. 206 с.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 16–57.

Проценко А.С. Суммарная характеристика погребального обряда кара-абызской культуры // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 854–855.

Проценко А.С., Заикина Н.А. Погребальный обряд детских погребений Шиповского могильника // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (г. Уфа, 19-22 ноября 2018) / Отв. ред. Я. В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 171–176.

Проценко А.С. К вопросу о социальной структуре населения Биктимировского могильника // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 845–854.

Проценко А.С. Погребальный обряд кара-абызской культуры как отражение социальной структуры оседлого населения Южного Приуралья. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 26 с.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–149.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1980 г. // НА УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 94.

Пшеничнюк А.Х. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: БФАН СССР, 1981. С. 91–100.

Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 67–76.

Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э. // Поволжская археология. 2017. №1 (19). С. 114–129.

Савельев Н.С. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // УАВ. 2019. Вып. 19. С. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>.

Сальников К.В. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 год по теме №41 «Эпоха бронзы и железа в Башкирии», раздел «Эпоха бронзы Южного Урала» // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 562.

Серегин Н.Н., Тишин В.В. Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н.э.). Часть 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). Барнаул: АлтГУ, 2017. 344 с.

Информация об авторе:

Проценко Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа, Россия); anton.procenko@mail.ru

REFERENCES

- Berseneva, N. A. 2019. *Vozrastnaia i gendernaia differentsiatsiia v obshchestvakh Iuzhnogo Urala II tys. do n.e. (po materialam pogrebal'nykh pamjatnikov)* (Age and Gender Differentiation in the societies of the Southern Urals in the 2nd Millennium BC (Based on Materials from Burial Sites)). Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Ekaterinburg (in Russian).
- Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsial'nykh rekonstruktsiy v arkheologii (na materialakh skifskikh mogil'nikov IV–III vv. do n.e.)* (Methods of social reconstructions in archaeology (based on the materials of Scythian burial grounds of the IV–III centuries BC)). Kiev: “Naukova Dumka” Publ. (in Russian).
- Vorob'eva, S. L. 2012. *Tipologiya elementov ubranstva kostiuma kara-abyzskoi kul'tury epokhi rannego zheleza* (Typology of the Wear Design Elements in the Early Iron Age Kara-Abyz Culture) Vol. I. Thesis of Candidate Of Historical Sciences. Ufa (in Russian).
- Gening V. F., Borzunov, V. A. 1975. In Gening V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 13. Sverdlovsk: Ural State University, 42–72 (in Russian).
- Gening V. F., Bunyatyan, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovano-statisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamyatnikov)* (Formalized statistical methods in archaeology (analysis of burial monuments)). Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Gilmitdinova, A. Kh. 2021. *Kochevoe naselenie Yuzhnogo Urala vtoroy poloviny VI–IV vv. do n. e. (po dannym arkheologii)* (Nomadic population of the Southern Urals of the second half of the VI–IV centuries BC (according to archaeological data)). Thesis of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).
- Zubov, S. E. 2012. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 12. Ufa: “Gilem” Publ., 108–123 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 1980. In Martynov, A. I. (ed.). *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo* (Scythian-Siberian cultural and historical unity). Kemerovo: Kemerovo State University, 74–84 (in Russian).
- Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 1, 117–129 (in Russian).
- Klein, L. S. *Etnogenez i arkheologiya. Tom 2. Arii i varia* (Ethnic genesis and archaeology Vol. 2. The Aryans and Varia). Saint Petersburg: “Evrasiia” Publ. (in Russian).
- Matveeva, N. P. 2007. *Rekonstruktsiya sotsial'noy struktury drevnikh obshchestv po arkheologicheskim dannym* (Reconstruction of the social structure of ancient societies according to archaeological data: A text-book). Tyumen: Tyumen State University (in Russian).
- Ovsyannikov, V. V., Yaminov, A. F. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 4. Ufa: “Gilem” Publ., 16–57 (in Russian).
- Klement'eva, T. Yu., Pogodin, A. A. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskii s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronnyi resurs]* (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource]). Barnaul: Altai State University, 854–855 (in Russian).
- Protsenko, A. S., Zaikina, N. A. 2018. In Rafikova, Ya. V. (ed.). *Muzhskoy i zhenskiy mir v otrazhenii arkheologii* (Male and female world in the reflection of archaeology). Ufa: Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 171–176.
- Protsenko, A. S. 2019. In *Oriental Studies* (5), 845–854 (in Russian).
- Protsenko, A. S. 2022. *Pogrebal'nyy obryad kara-abyzskoy kul'tury kak otrazhenie sotsial'noy struktury osedlogo naseleniya Yuzhnogo Priural'ya* (The burial rite of the Kara-Abyz culture as a reflection of the social structure of the Southern Urals settled population). Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* (Archaeology and Ethnography of Bashkiria) V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala* (Antiquities of the Southern Urals). Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–149 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1980. *Nauchnyy otchet o raskopkakh Okhlebininskogo mogil'nika* (Iglinskiy rayon Bashkirskoy ASSR) v 1980 godu. (Scientific Report on the Excavations of the Okhlebinino Burial Ground (Iglinsky District of the Bashkir ASSR) in 1980. Ufa. Scientific Archive of Institute for Ethnographical Research of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences Fund 1. Inv. 6. Dossier 94 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1981. In Mazhitov, N. A. (ed.). *Materialy po khozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemeni Yuzhnogo Urala (Materials on the economy and social structure of the Southern Urals tribes)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 91–100 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1987. In Pshenichniuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Voprosy drevney i srednevekovoy istorii Yuzhnogo Urala (Issues of ancient and medieval history of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–76 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 114–129 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2019. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (19), 39–50 DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>. (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1962. *Nauchnyy otchet o rezul'tatakh arkheologicheskoy ekspeditsii za 1962 god po teme №41 «Epokha bronzy i zheleza v Bashkirii», razdel «Epokha bronzy Yuzhnogo Urala» (Scientific report on the results of 1962 archaeological expedition on the topic No. 41 "Bronze and iron periods in Bashkiria", part "The Bronze Age of the Southern Urals")*. Ufa. Scientific Archive of Institute for Ethnographical Research of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences Fund 1. Inv. 6. Dossier 94 (in Russian).

Seregin, N. N., Tishkin, V. V. 2017. *Sotsial'naya istoriya tyurkov Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina I tys. n.e.). Chast' 1: Ocherki sotsial'noy struktury (po pis'mennym i arkheologicheskim istochnikam) (Social history of the Turkic people of Central Asia (the second half of the I millennium AD). Part 1: Essays on the social structure (based on written and archaeological sources))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

About the Author:

Protsenko Anton S., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology, State Budgetary Institution Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa". Mustai Karim St., 45, Ufa, 450077, Republic of Baskortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.171.197>

ХОЗЯЙСТВО НОСИТЕЛЕЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН НА ПАМЯТНИКАХ У ГОРЫ КУРМАН-ТАУ¹

© 2023 г. С. Л. Воробьева

В статье представлены результаты исследований 2012–2018 гг. на территории археологического микрорайона горы Курман-Тау в Гафурийском районе Республики Башкортостан. Автором были проведены археологические разведки и раскопки на восьми поселенческих объектах, в результате чего был выделен археологический микрорайон. Поселения функционировали с эпохи бронзы (абашевская и алакульская культуры) и до эпохи раннего железа (культура курмантау, кара-абызская культура, гафурийский тип). Материалы были проанализированы палео-почвоведом, остеологами, проведен спектральный анализ металла и споро-пыльцевые анализы. На основе этих данных установлена неоднородность хозяйства в разные периоды функционирования поселенческих памятников микрорайона горы Курман-Тау. В эпоху раннего железа происходит переход от более оседлого образа жизни в эпоху бронзы к полукочевому скотоводству. Но в эпоху поздней бронзы и раннего железа на данной территории одним из главных видов деятельности у носителей культуры курмантау и кара-абызской культуры были металлообработка и бронзолитейное производство. Об этом свидетельствуют находки шлаков, сплесков металла, литейной чаши, литейных форм и других изделий. Результаты работ автора указывают на преемственность в хозяйстве между носителями двух культур на территории Гафурийского района.

Ключевые слова: археология, Республика Башкортостан, кара-абызская культура, эпоха раннего железа, культура курмантау, гафурийский культурный комплекс, абашевская культура, алакульская культура, археологический микрорайон, металлургия, металлообработка, хозяйство.

THE ECONOMY OF THE KARA-ABYZ CULTURE BEARERS BASED ON THE MATERIALS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITIONS ON THE SITES AT THE KURMAN-TAU MOUNTAIN²

S.L.Vorobyeva

The article presents the results of 2012–2018 studies on the territory of the archaeological microdistrict of the mount Kurman-Tau in the Gafuriyskiy district of the Republic of Bashkortostan. The author conducted archaeological reconnaissances and excavations on 8 settlement sites, as a result of which an archaeological microdistrict was identified. The settlements functioned from the Bronze Age (Abashevo and Alakul cultures) to the Early Iron Age (Kurman-Tau culture, Kara-Abyz culture, Gafury type). The materials were analyzed by paleopedologists, osteologists. Spectral analyses of the metal and spore-pollen analyses were fulfilled. Based on these data, the heterogeneity of the economy was determined in different periods of the functioning of the settlements of the Kurman-Tau microdistrict. There was a transition from a more sedentary life during the Bronze Age to semi-nomadic cattle-breeding during the Early Iron Age. One of the activities of the bearers of

¹ Работы выполнены при финансовой поддержке Национального музея Республики Башкортостан, ООО «Научно-исследовательский центр «Наследие», Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда Фундаментальных исследований Академии наук Республики Башкортостан (проект № 17-11-02001 "a(p)" «Культурно-исторические процессы и изменения природно-климатических условий в эпоху раннего железа в лесостепном Предуралье»).

² The work was financially supported by the National Museum of the Republic of Bashkortostan, the "Heritage" Research Center LLC, the Russian Foundation for Basic Research and the Fundamental Research of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (project No. 17-11-02001 "a(p)" "Cultural-historical processes and changes in natural-climatic conditions during the Early Iron Age in the Cis-Ural forest-steppe").

the Kurman-Tau culture and the Kara-Abyz culture was metalworking and bronze foundry during the period of Late Bronze – Early Iron Ages in this area. This conclusion is evidenced by findings of slags, metal splashes, a casting bowl, molds and other products. The results of the author's work show continuity in the economy between the bearers of two cultures on the territory of the Gafuriyskiy district.

Keywords: archaeology, Republic of Bashkortostan, Kara-abyz culture, Early Iron Age, Kurman-Tau culture, Gafury cultural complex, Abashevo culture, Alakul culture, archaeological microdistrict, metallurgy, metalworking, economy.

Южное Приуралье в эпоху раннего железа становится центром сложения и развития кара-абызской культуры, выделенной в 60-е гг. XX в. (Пшеничнюк, 1964, с. 97). Вопрос об изучении и выделении кара-абызской культуры рассмотрен автором статьи более подробно в предыдущих исследованиях (Воробьева, 2021). Ключевую роль в формировании кара-абызской культуры сыграли носители городищ и поселений, оставивших памятники на горе Курман-Тау в Гафурийском районе Республики Башкортостан и в ее округе, где автор выделяет археологический микрорайон (Воробьева, 2013, 2014, 2017, 2018а-б, 2021, 2022), подразумевая под этим понятием группу археологических объектов, расположенных в пределах сравнительно ограниченного пространства (экологической ниши), отличающийся при этом единым культурно-хронологическим комплексом памятников, связанных с появлением бронзолитейного производства в пределах микрорайона в эпоху поздней бронзы – раннего железа (стоянка им. М.И. Касьянова). Культурно-хронологические комплексы внутри археологического микрорайона можно рассматривать как этап истории одной или нескольких общностей.

В данной статье подробно будут рассмотрены результаты археологических исследований Национального музея Республики Башкортостан на памятниках у горы Курман-Тау в 2012–2018 гг. Кроме археологических исследований были проведены и естественно-научные изыскания:

– остеологический анализ костей животных выполнен научным сотрудником ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» А.А. Романовым, костей рыб – ассистентом кафедры физиологии человека и зоологии Башкирского государственного университета А.М. Шевченко;

– полевые палеопочвоведческие наблюдения на раскопке сделаны д.б.н., ведущим научным сотрудником группы генезиса и эволюции почв Института физико-химиче-

ских и биологических проблем почвоведения РАН В.Е. Приходько;

– спорово-пыльцевые анализы отложенных выполнены к.б.н., научным сотрудником Института геологии УФИЦ РАН Р.Г. Курмановым;

– спектральный анализ сплесков металла/шлаков сделан к.и.н., старшим научным сотрудником Уральского отделения РАН С.А. Григорьевым;

– трасологический анализ каменных орудий выполнен к.и.н., главным научным сотрудником ИИЯЛ УФИЦ РАН В.Г. Котовым¹.

Гора Михайловская (топографическое название), получившая у местного населения названия «Курман-Тау»/«Табынская»/«Жертвенная гора», расположена в 26 км к северо-западу от пос. Красноусольский – райцентра Гафурийского района и в 80 км к юго-востоку от г. Уфы, в предгорной лесостепи у западного края горно-лесной зоны Южного Урала. В результате работ 2012–2018 гг. на этой территории было осмотрено и исследовано 10 памятников археологии (рис. 1).

Археологический микрорайон в окрестностях горы Курман-Тау приурочен к среднему течению р. Белой – возвышенному правому берегу, ограниченному с запада берегом реки, с востока – горой Михайловская (у местного населения получила название «Курман-Тау»/«Табынская»/«Жертвенная гора»), с севера – левым берегом р. Бурлы (приток р. Белой), с юга – южными склонами горы Михайловская. Гора Михайловская – самая высокая возвышенность в округе в системе отрогов уральских гор высотой около 200 м (высотная отметка 261.6). В ландшафтном отношении данная территория относится к лесостепи Южного Приуралья и в физико-географическом плане местность входит в северо-лесостепную подзону лесостепного высокого Заволжья и относится к Укско-Селеукскому округу, примыкает непосредственно к горнолесной зоне Южного Урала. Рельеф представлен увалистой равниной, отдельные

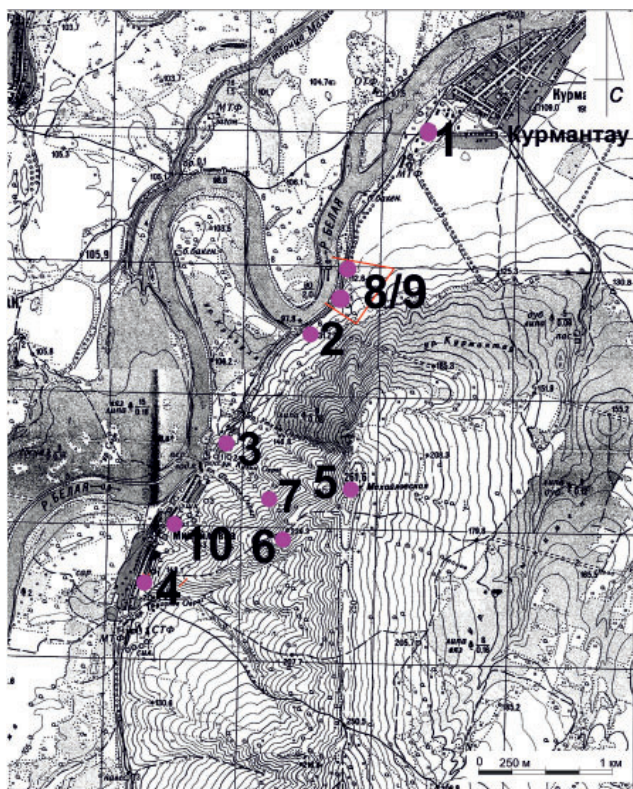

Рис. 1. Карта памятников археологического микрорайона горы Курмантау:

- 1 – Курмантау-1, городище; 2 – Курмантау-2, стоянка; 3 – Курмантау-3, городище; 4 – Курмантау-4, стоянка; 5 – Курмантау-5, селище; 6 – Курмантау-6, городище; 7 – Курмантау-7, местонахождение; 8/9 – Курмантау-8/9, металлургическая площадка; 10 – Курмантау-10

Fig. 1. Location of the sites in the archaeological micro-district of the mount Kurman-Tau:

- 1 – Kurman-Tau-1, hillfort; 2 – Kurman-Tau-2, site; 3 – Kurman-Tau-3, hillfort; 4 – Kurman-Tau-4, site; 5 – Kurman-Tau-5, settlement; 6 – Kurman-Tau-6, hillfort; 7 – Kurman-Tau-7, locality; 8/9 – Kurman-Tau-8/9, metallurgical place; 10 – Kurman-Tau-10

(Курмантаевское и Михайловское городища). На всех известных памятниках в это время были организованы археологические раскопки (Юсупов, 1959). В 1954 г. студент заочного отделения исторического факультета Уральского государственного университета (научный руководитель К.В. Сальников), краевед А.П. Шокуров в ходе археологической разведки в Гафурийском районе нашел еще одну стоянку в деревне Михайловка (Михайловская стоянка) (Шокуров, 1954). В 1955 г. Т.Н. Троицкой проведены раскопки нескольких объектов на горе Курман-Тау под руководством К.В. Сальникова (Троицкая, 1954а-б, 1959). Последующее изучение памятников этого компактного микрорайона связано с археологическими раскопками В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнюка, И.Б. Васильева и М.Ф. Обыденнова (Иванов, 1976; Васильев, Иванов, 1976; Васильев, Обыденнов, 1977; Пшеничнюк, 1979, 1980). В 2005 г. памятники осматривались Н.Б. Щербаковым и И.А. Шутелевой, в 2008 и 2011 гг. В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым в ходе инвентаризаций Гафурийского района (Овсянников, 2009а; Каюмов, 2011). Таким образом, до 2012 г. на участке обследования раскапывались и ранее осматривались только известные памятники, а сплошного обследования данной территории не проводилось.

В результате исследований автора в 2012–2018 гг. в ходе сплошного археологического обследования на этой территории были осмотрены известные ранее памятники и выявлены новые археологические объекты, проведены раскопки металлургической площадки Курмантау-8/9. Были упорядочены названия археологических объектов (табл. 1). Для избегания путаницы вместе с новыми названиями

увалы имеют низкоротный характер. К ним относятся г. Магаш, Воскресенская и Курман-Тау.

Первооткрывателем археологических памятников, расположенных на горе Михайловская (Курман-Тау) и в ее окрестностях является уроженец дер. Михайловка краевед М.И. Касьянов, который в 1928–1929 гг. открыл три поселенческих объекта: «Курмантау Нижнее» (Курмантау-2 или стоянка им. М.И. Касьянова), «Курмантау Среднее» (Курмантау-6 или Касьяновское городище) и «Курмантау Верхнее» (Курмантау-5 или Курмантаевское селище). На найденных памятниках он собрал значительный подъемный материал, который сейчас хранится в Национальном музее Республики Башкортостан. Описание этих объектов вошло в Археологическую карту Башкирии (Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 146–147). По керамике, полученной в ходе изучения материалов стоянки им. М.И. Касьянова, К.В. Сальниковым была выделена культура курмантау – переходный период от эпохи бронзы к раннему железу в лесостепной зоне Южного Урала. В 1953–1955 гг. была организована башкирская археологическая экспедиция АН СССР под руководством А.В. Збруевой и Г.В. Юсупова, в ходе которой найдены новые объекты

Таблица. 1. Наименование археологических объектов, расположенных в археологическом микрорайоне горы Курман-Тау
 Table. 1. The name of archaeological sites located in the archaeological microdistrict of the mount Kurman-Tau

№ п/п	Название, присвоенное в 2012 г.	Тип объекта	Когда и кем выявлен	Название, под которым объект был поставлен на государственную охрану	Названия, получившие распространение в археологической литературе	Название, присвоенное в 2011 г.
1	Курмантау-1	городище	1953 г., А.В. Збруева и Г.В. Юсупов	Курмантаевское городище	Городище Курмантаевское	Курмантаево-1
2	Курмантау-2	стоянка	1928 г., М.И. Касьянов	Касьяновская стоянка	Курман-Тау Нижнее, стоянка им. М.И. Касьянова	Курмантаево-2
3	Курмантау-3	городище	1953 г., А.В. Збруева и Г.В. Юсупов	Михайловское городище	Михайловское городище	Курмантаево-3
4	Курмантау-4 ¹	стоянка	1954 г., А.П. Шокуров	Михайловская стоянка	Михайловская стоянка	Курмантаево-4
5	Курмантау-5	селище	1928 г., М.И. Касьянов	Курмантауское селище (Селище Курмантау)	Курман-Тау Верхнее, селище Курмантау, Курмантаевское жертвенное место	Курмантаево-5
6	Курмантау-6	городище	1928 г., М.И. Касьянов	Касьяновское городище	Курман-Тау Среднее, Касьяновское городище, Курман-Тау городище	Курмантаево-6
7	Курмантау-7	местонахождение	2012 г. С.Л. Воробьева	-	-	-
8	Курмантау-8/9	Металлургическая площадка	2012, 2013 гг., С.Л. Воробьева	-	Курмантау-8 и Курмантау-9 поселения	
9	Курмантау-10	поселение	1975 г. В.А. Иванов	-	Михайловское поселение	-

¹ Стоянка Курмантау-4 автором не исследовалась.

всегда указываются старые, т. к. именно они вошли в археологическую литературу.

Курмантау-1, городище (Курмантаевское городище)²

Памятник выявлен в 1953 г. А.В. Збруевой и Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1954, с. 4, 39). Городище расположено на пятиметровой надпойменной террасе правого берега р. Белой, на южной окраине с. Курмантау, в 5,8 км к западу от с. Бурлы Гафурийского района Республики Башкортостан (рис. 2). Занимает мыс, ограниченный с запада, юга и востока оврагом, с напольной стороны городище ограничено основанием мыса. На площадке памятника стоит водонапорная башня и расположена лесопилка. По данным Г.В. Юсупова, длина рва была 70 м, высота 1,8 м, ширина 8 м (Юсупов, 1954, с. 4, 39). Памятник исследовался в 1953 г. А.В. Збруевой, а в 1954–1956 гг. – Г.В. Юсуповым

(Юсупов, 1953, с. 18–22; 1954, с. 3–6; 1956б, с. 92, 1959, с. 76–80; Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1249, с. 146). До 2013 г. на площадке заложены 4 шурфа размером 2×2 м и раскоп размером 52 кв. м, что составляет примерно 1% от оценочной площади памятника (рис. 2). Вал и ров городища не изучались. Кроме того, за рвом Г.В. Юсуповым выявлен мощный культурный слой (Юсупов, 1956а, с. 4). Исследователями определен двуслойный характер объекта: нижний слой относится к алакульской культуре эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) и курмантауской культуре начального периода эпохи раннего железа (начало – середина I тыс. до н. э.); верхний слой – к гафурийскому типу кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н. э. – II в. н. э.). Г.В. Юсупов датировал материал VI–IV вв. до н. э. (Юсупов, 1959, с. 80). В 2008 и 2011 гг. городище осматривалось В.В. Овсяннико-

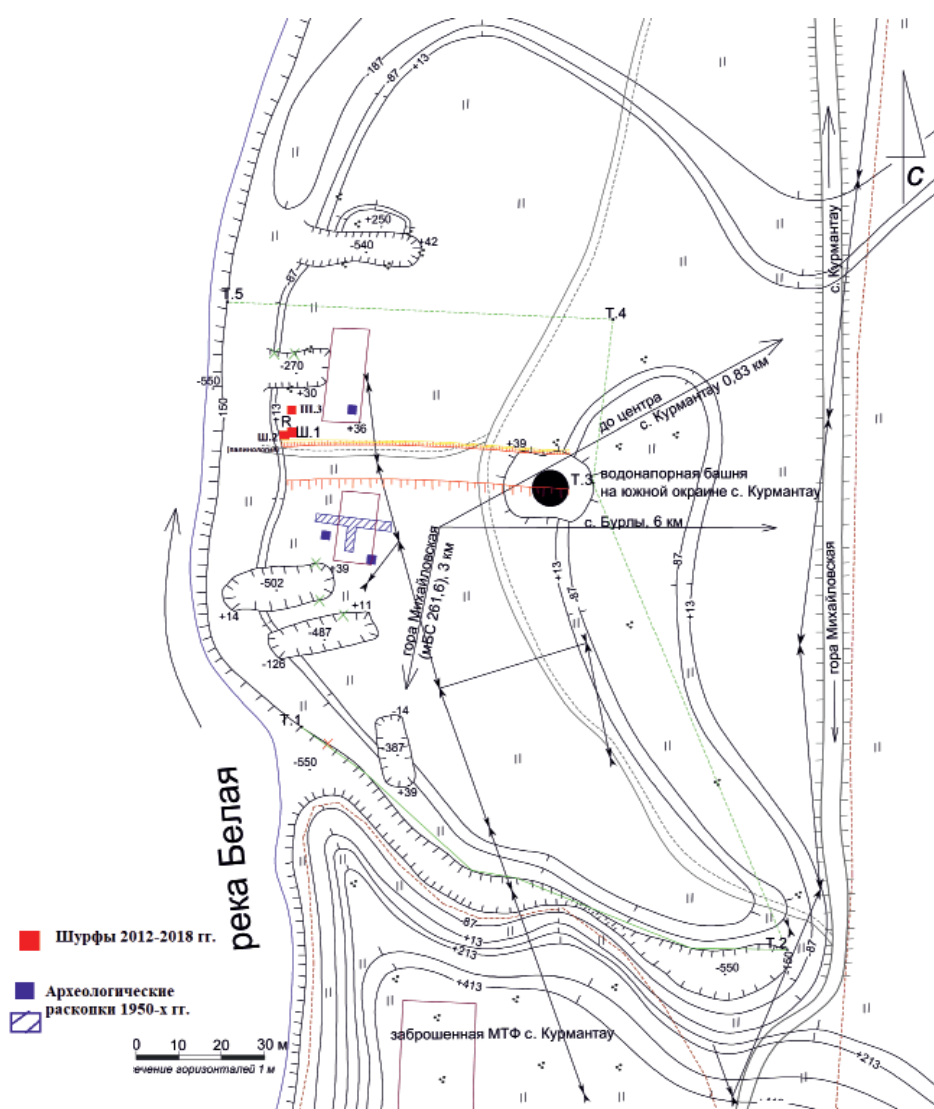

Рис. 2. Топографический план городища Курмантау-1. Автор – С.Л. Воробьева
 Fig. 2. Topographic plan of Kurman-Tau-1 hillfort by S.L. Vorobyeva

вым и И.Х. Каюмовым (Овсянников, 2009а, Каюмов, 2011, с. 20–21, 75–76). Последними сделано заключение, что на момент осмотра памятник полностью разрушен (Каюмов, 2011, с. 20). При этом В.В. Овсянников и И.Х. Каюмов отмечают, что вал сохранился на 0,4 м в высоту (Каюмов, 2011).

Во время визуального осмотра городища в 2012 г. автором в осыпи берега был найден один фрагмент стенки лепного сосуда. При осмотре площадки городища вал и ров, обозначенные Г.В. Юсуповым, визуально не фиксируются. По плану Г.В. Юсупова определено примерное место расположение вала и рва (рис. 2). На момент осмотра памятника в 2012 г. установлено, что городище Курмантау не разрушено. На площадке городища зафиксированы четыре крупные силосные

ямы овальной формы глубиной до 6 м (рис. 2). Вся территория покрыта деградированной луговой растительностью, юго-западная часть мыса со стороны берегового обрыва осыпается.

В 2013 г. на площадке городища заложен один шурф размером 2×1 м за пределами вала и рва городища, в 14 м к востоку от обрывистого правого берега р. Белой, рядом со склоном (рис. 2). Результаты раскопок опубликованы ранее (Воробьева, 2017). Датировка Курмантаевского городища по материалам 2013 г. определяется в пределах IV–III вв. до н. э. Появление городища напрямую связано с приходом в район горы Курман-Тау носителей гафурийского керамического комплекса – пришлых кочевников и с изменениями климата в этот период на всей территории Южного

Урала и Приуралья, а именно – с иридизацией. Здесь выделяются несколько этапов освоения площадки городища:

– обитание носителей «гафурийской керамики» (керамика гафурийского типа с примесью талька), когда основным хозяйством населения было скотоводство: в рационе питания значительную долю играло мясо мелкого рогатого скота (кости крупного рогатого скота отсутствуют). По характеру костных останков («крупные» и «средние» фрагменты преобладают) можно судить о том, что население не испытывало дефицита в мясе. В качестве вспомогательной роли играла охота на пушных зверей. Следы рыболовства не зафиксированы;

– на втором этапе функционирования площадки также преобладает керамика гафурийского типа, но уже с примесью раковины и талька или только раковины. В это время основным хозяйством населения было скотоводство: в рационе питания значительную долю составляло мясо мелкого рогатого скота, лошади, присутствует малое количество костей крупного рогатого скота. По характеру костных останков можно судить о том, что население испытывало дефицит в мясе. Вспомогательную роль играла охота на пушных зверей и рыболовство, о чем говорят не только кости рыб, но и каменное грузило, которое могло использоваться в рыбной ловле;

– на последней стадии функционирования городища на раскопанную площадку выбрасывался «мусор» из очага – зола с костями животных, сломанная посуда, мелкие очажные камни, использованные орудия. Вся керамика представлена сосудами гафурийского типа с примесью раковины. Концентрация находок по скоплениям свидетельствует о выбрасывании их кучками. Этот слой залегает непосредственно под дерном (Воробьева, 2013).

В 2018 г. на площадке городища, на краю террасы был заложен шурф и собраны образцы для спорово-пыльцевого анализа. Глубина шурфа 1,5 м. Результаты исследований, проведенные Р.Г. Курмановым, показали, что ландшафты в период формирования голоценовых отложений периодически менялись. На начальном этапе (алакульская культура эпохи бронзы) на изучаемой территории были распространены открытые пространства, занятые луговой и степной растительностью, в это время территория испытывала незначи-

тельную антропогенную нагрузку. Небольшие участки занимали пойменные и смешанные сосново-березовые леса с примесью липы. Присутствовали влажные (рогоз) и заболоченные участки (сфагнум). В эпоху раннего железа, вероятнее всего до прихода носителей керамики гафурийского типа, на смену открытым пространствам приходят березовые леса. Территория в это время подвергалась сильному вытаптыванию, что выражается в увеличении доли пасквальных видов (горец птичий) и в уменьшении видового разнообразия луговых трав. Берега водоемов занимали ольха, ива и рогоз. С освоением площадки носителями керамики гафурийского типа вновь широкое распространение получают сильно синантропизированные злаково-разнотравные луга. На современном этапе освоения площадки вновь идет увеличение площадей лесных массивов. При этом из состава древостоя выпадает береза и начинают доминировать дуб и сосна. Степень антропогенной нагрузки на территорию, связанной с вытаптыванием, продолжает расти. По берегам водоемов по-прежнему встречаются ивы и кувшинковые.

Курмантау-2, стоянка (стоянка им. М.И. Касьянова)

Памятник выявлен в 1953 г. А.В. Збруевой и Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1953, с. 2–3). Стоянка расположена на высокой (14 м) коренной террасе правого берега р. Белой, в 1 км к юго-западу от водонапорной башни с. Курмантау, в 7,3 км к западу (с небольшим отклонением на юго-запад) от с. Бурлы Гафурийского района, у подножья урочища Курман-Тау и горы Михайловская. Через площадку памятника проходит грунтовая дорога из с. Курмантау, которая идет вдоль правого берега р. Белой (рис. 2).

Памятник исследовался в 1953–1954 гг. Г.В. Юсуповым и А.В. Збруевой. Ими были заложены два раскопа общей площадью 180 кв. м (Юсупов, 1953, с. 2–3; 1954; 1956б, с. 85–86; Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1252, с. 147). В 1975–1976 гг. на памятнике работали экспедиции под руководством И.Б. Васильева и В.А. Иванова. В этот период было исследовано 704 кв. м (Васильев, Иванов, 1976, с. 161; Васильев, Обыденнов, 1977, с. 133). Культурный слой толщиной 40 см насыщен золой. Было обнаружено три очага диаметром 0,8–1,0 м, десять хозяйственных ям такого же диаметра, глуби-

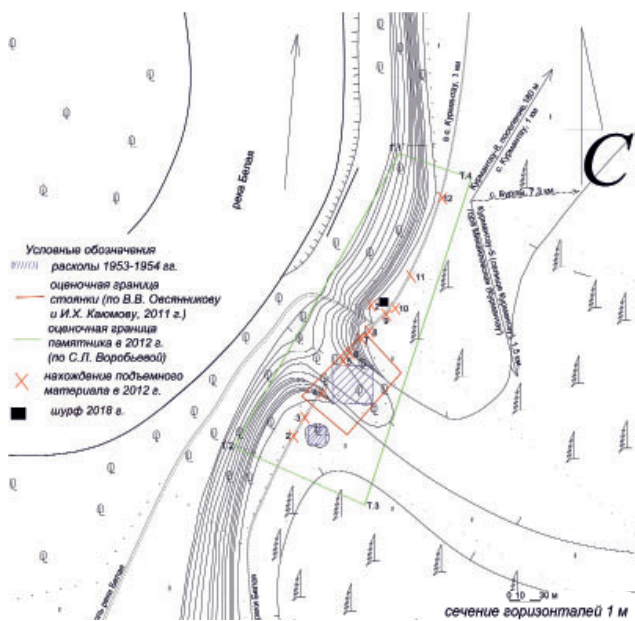

Рис. 3. Топографический план стоянки Курмантау-2.

Автор – С.Л. Воробьева

Fig. 3. Topographic plan of Kurman-Tau-2 site
by S.L. Vorobyeva

ной до 1 м, и остатки двух слабо углубленных в землю жилищ размерами около 10×6 м. В ходе раскопок собрана коллекция керамики курмантауской культуры эпохи финальной бронзы (конец II – начало I тыс. до н. э.), каменных орудий и отщепов, костей животных; найдены медное шило и бляшка (Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1252, с. 147). В южной части стоянки в одном из шурфов найден железный меч сарматского типа с прямым навершием без перекрестия. Его сопровождала керамика кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) (Васильев, Иванов, 1976, с. 161). Стоянка осматривалась В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым (Каюмов, 2011, с. 22–24, 81–83). Исследователями была отмечена оценочная граница памятника (рис. 2).

На момент осмотра в 2012 г. установлено, что центральная часть стоянки частично разрушена небольшим оврагом (глубиной 2 м), в котором зафиксированы следы старого раскопа (рис. 2). В 20 м к северо-западу от оврага зафиксирован еще один старый раскоп, представляющий собой углубление подквадратной формы размером 23×25 м и глубиной 0,2 м. Остальная территория хорошо задернована, южная часть стоянки засажена хвойными деревьями (рис. 2). Был собран подъемный материал: керамика культуры курмантау и кремневые орудия (рис. 3).

В 2018 г. для анализа споро-пыльцевых отложений на объекте был заложен шурф размером 1×1 м и Р.Г. Курмановым определено, что растительность в период формирования голоценовых отложений (слой культуры курмантау) была представлена лесостепными и лесными ландшафтами. На начальном этапе на изучаемой территории, вероятно, были распространены опушки липовых лесов. Позже площади липняков постепенно увеличивались. Открытые безлесные пространства появляются уже в более позднее время (вероятнее всего, в IV–III вв. н. э.) и занимают их представители лугово-степного разнотравья и синантропной флоры. Встречались небольшие влажные (ива) и заболоченные участки (сфагнум). Единичные находки пыльцы и спор более позднего периода времени также характеризуют распространение широколиственных лесов и синантропизированных луговых и степных сообществ.

Все известные материалы стоянки им. М.И. Касьянова относятся к культуре курмантау эпохи финальной бронзы – раннего железа. Основу хозяйства составляло молочно-мясное скотоводство: мясо крупного рогатого скота, лошади и свиней было основным в рационе питания при совсем незначительном количестве мяса мелкого рогатого скота (Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, с. 39).

Курмантау-3, городище (Михайловское городище).

Городище расположено на краю высокой (17 м) коренной террасы правого берега р. Белой, в 1,6 км к юго-юго-западу от с. Курмантау, в 8 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района, в 0,9 км к северо-западу от горы Михайловская (вершина горы), в 0,2 км к востоку от р. Белой (рис. 5, 6). Площадка памятника с трех сторон (восток, юг, север) окружена кольцевым валом. Края вала выходят на край террасы. Склон террасы крутой, хорошо задернован. Вал полукруглой формы, сильно оплыл. Высота вала от современной поверхности 0,4–0,6 м, ширина – 0,9–1,0 м, поверхность хорошо задернована. Площадка городища пологая, хорошо задернована, сильно нарушена ямами от поздних хозяйственных построек бывшей дер. Михайловки.

Памятник открыт в 1953 г. Г.В. Юсуповым, который заложил на площадке городища разведочный шурф 1×1 м (Юсупов,

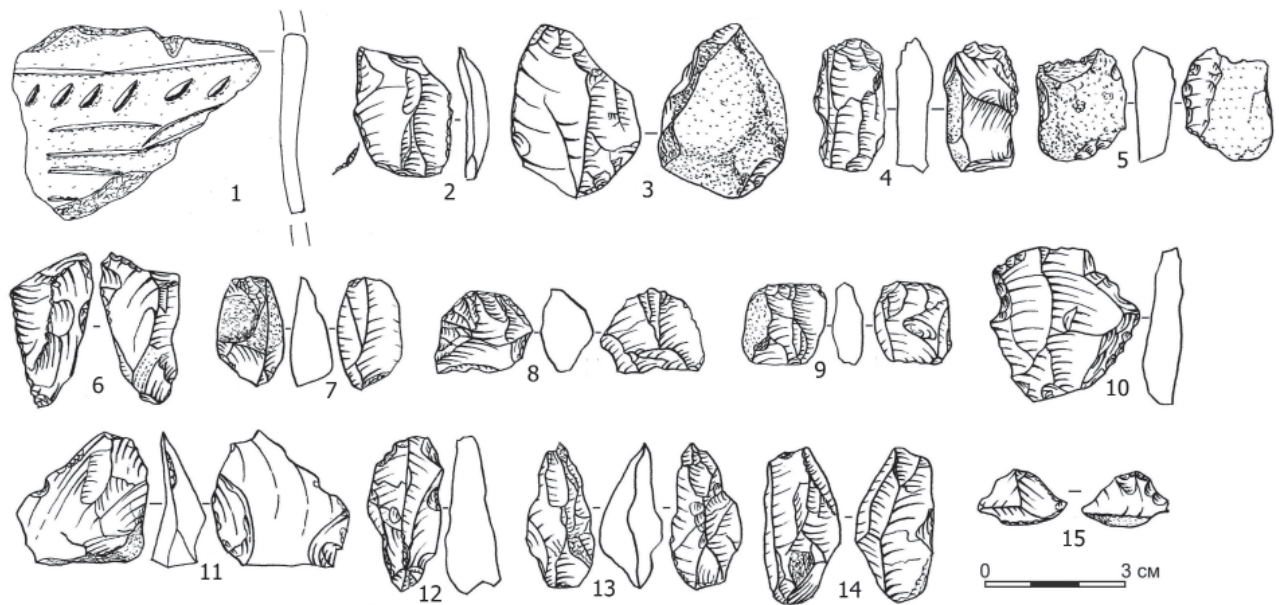

Рис. 4. Археологические находки со стоянки Курмантау-2 в 2012 г.:

1 – венчик лепного сосуда с орнаментом, 2 – орудие с ретушью; 3–15 – кресало; 1 – керамика; 2–15 – кремь

Fig. 4. Archaeological finds from the Kurman-Tau-2 site in 2012:

1 – rim of a hand-made vessel with an ornament; 2 – a retouched tool; 3–15 – fire-lighter; 1 – ceramics; 2–15 – flint

1953; Юсупов. 1956а, с. 89–90). В 1955 г. Т.Н. Троицкой заложен раскоп площадью 60 кв. м на валу городища (Троицкая, 1959, с. 88–96), а в 1975 г. В.А. Ивановым на северной части площадки памятника заложено два раскопа (Васильев, Иванов, 1976, с. 161). В 1979 г. А.Х. Пшеничнюком заложен еще один раскоп на валу городища (Пшеничнюк, 1979; 1983, с. 89–94). Всего в разные годы было исследо-

вано 165 кв. м, что составляет 3,5% от оценочной площади памятника.

Городище осматривалось в 1990 г. А.Х. Пшеничнюком (История культуры ..., 1996, № 206, с. 163), в 2000, 2008 и 2011 гг. В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым (Овсянников, 2009а, Каюмов, 2011).

К моменту осмотра памятника в 2012 г. площадка и вал городища были хорошо задернованы, западная часть мыса разрушается. Непосредственно на площадке зафиксировано четыре поздних ямы разных размеров (от 3,6×3,5 м до 1,5×2 м), две ямы расположены рядом с валом городища. Раскопы предыдущих лет, как и поздние ямы, заросли бурьяном. В яме № 3 на валу городища обнаружен грабительский вкоп (рис. 6), а в яме № 1 на внутренней площадке памятника найден фрагмент стенки лепного сосуда с примесью раковины и органики в тесте размером 3×2,5 см. По архивным данным была проведена оценочная граница археологического объекта (рис. 6).

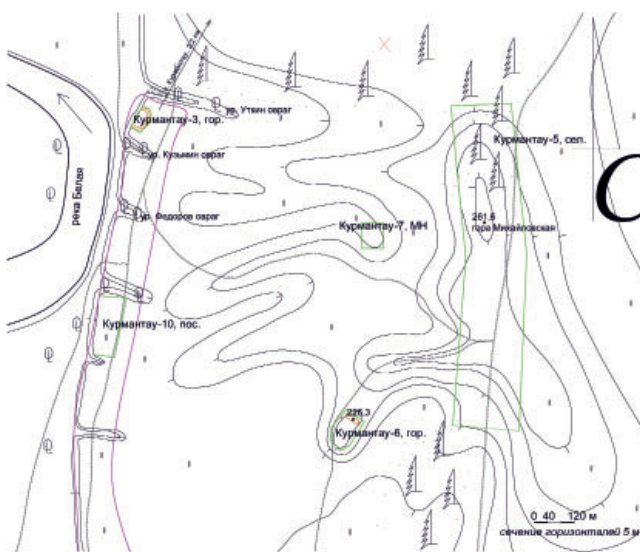

Рис. 5. Топографический план археологических объектов А.Х. Пшеничнюка (Пшеничнюк, 1983, рис. 1, с. 78), дополнен С.Л. Воробьевой в 2012 г.

Fig. 5. Topographic plan of archaeological objects by A.Kh. Pshenichnyuk (Pshenichnyuk, 1983, fig. 1, p. 78), supplemented by S.L. Vorobyeva in 2012.

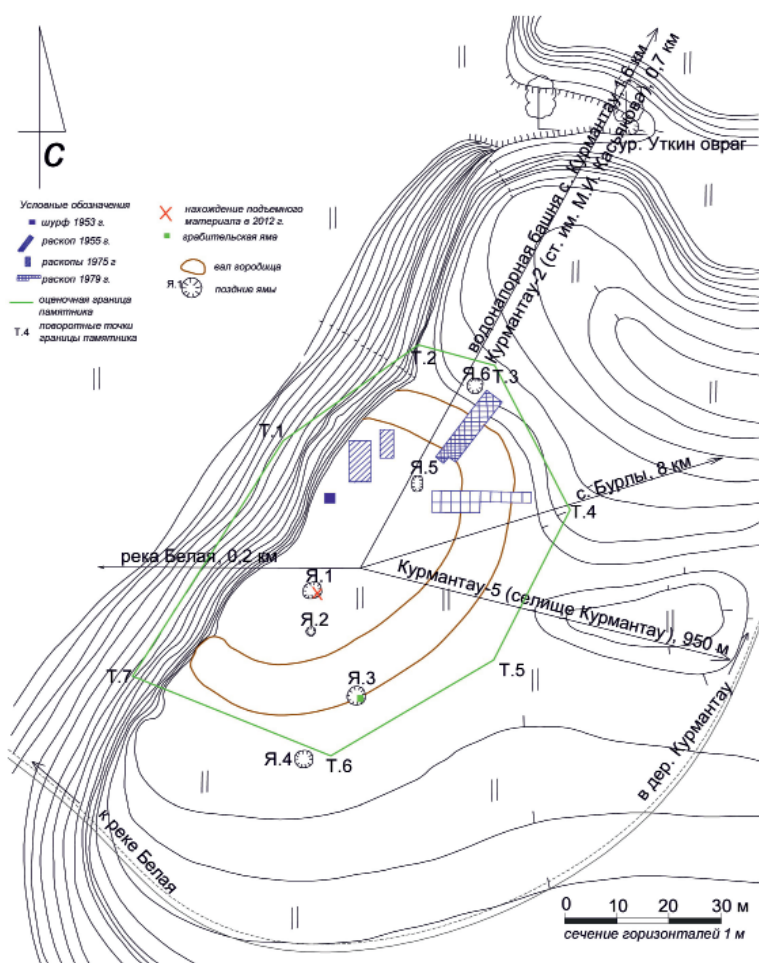

Рис. 6. Топографический план городища Курмантау-3. Автор – С.Л. Воробьева

Fig. 6. Topographic plan of the Kurman-Tau-3 settlement by S.L. Vorobyeva

Культурный слой памятника наиболее насыщен с внутренней стороны вала и достигает 50–70 см, а у края площадки – 20–30 см. В валу прослежены сгоревшие деревянные конструкции. Основную массу находок составляют фрагменты лепных сосудов кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Немногочисленную серию сосудов представляют фрагменты ананьинской керамики и керамики гафурийского типа эпохи раннего железа. А.Х. Пшеничнюк при изучении городища предположил, что первоначально площадка поселения была окружена деревянным укреплением, которое сгорело, а на его месте был насыпан вал, с внешней стороны вырыт неглубокий ров (Пшеничнюк, 1983, с. 92). В целом городище датируется IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983, с. 94).

Курмантау-5, селище (селище Курмантау)

Селище расположено на вершине горы Михайловская (рис. 3; 4; 28). Гора Михайлов-

ская (Курман-Тау, высотная отметка 261,6), расположенная на правом берегу р. Белой, представляет собой одну из грив высотой около 200 м в системе отрогов Уральских гор. Селище находится в 2,1 км к востоку от правого берега р. Белой, в 2,6 км к югу – юго-востоку от с. Курмантау и в 7,2 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района Республики Башкортостан (рис. 7). Памятник занимает вершину возвышенности, на которой еще в 2011 г. был установлен триангуляционный пункт. Площадка селища вытянута по линии север – юг, склоны покатые, хорошо задернованы. Ранее как склоны, так и поверхность горы Михайловская распахивались. До распахки вся территория была покрыта лесом, на поверхности имелись источники, которые высохли после вырубki леса (Юсупов, 1959, с. 59) Сейчас на вершине горы начинается лесополоса хвойных деревьев.

Памятник открыт в 1928 г. краеведом М.И. Касьяновым и был назван им «Курмантау

нечник стрелы (Юсупов, 1956, с. 88; 1959б, с. 60, табл. 1; НМ РБ. ОФ 4564), изделия в зверином стиле (Овсянников, 2009б, рис. 80, с. 237). Селище осматривалось в 2000, 2008 и 2011 гг. В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым (Овсянников, 2009а, Каюмов, 2011, с. 13–15, 60–62). Исследователи определили по архивным данным оценочную границу памятника (рис. 7). Осмотр площадки памятника в 2012 г. показал, что за пределами этой оценочной границы имеются многочисленные грабительские ямы. Пять ям были расположены на северной площадке селища, рядом с временной пасекой, в лесу. Ямы представляют собой раскопы, ориентированные по сторонам света, засыпанные землей. Судя по задерновке, они были сделаны не ранее июня 2012 г. Размеры грабительских раскопов: № 1 – 3×3 м, № 2 – 2,6×1,4 м, № 3 – 2,5×3 м, № 4 – 3×1,5 м, № 5 – 2×1,5 м.

На поверхности селища с помощью металлодетектора и визуального осмотра выкидов земли из грабительских ям собран подъемный материал: венчик бронзового котла (рис. 8: 4); бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой и шипами, трехлопастной (рис. 8: 6); железный стержень с заостренным концом, прямоугольный в сечении (рис. 8: 1); бронзовый стержень с заостренным концом, прямоугольный в сечении (рис. 8: 2); фрагмент бронзового ножа размером (рис. 8: 7); железный предмет неизвестного назначения в виде пластины (рис. 8: 6); бронзовый стержень с заостренным концом, прямоугольный (рис. 9: 9); железный предмет неизвестного назначения (рис. 9: 7); железный предмет неизвестного назначения (рис. 9: 8); фрагмент бронзового ножа (рис. 9: 5); бронзовый предмет неизвестного назначения (рис. 9: 10); венчик лепного слабопрофилированного лепного сосуда с орнаментом, с примесью песка и талька в тесте, с воротничком (рис. 12: 1); железный стержень – шило (?), прямоугольное в сечении (рис. 8: 3); бронзовая накладка с отверстием, подквадратной формы с закругленными краями и выпуклинками в центре, по краям орнаментирована точечными вдавлениями (рис. 8: 5); сплески металла (рис. 9: 1–4, 11–12); ошлакованные слитки меди; стенки сосудов (рис. 11: 2–8).

Распространение подъемного материала на плане селища показало, что культурный слой памятника выходит за пределы оценочных

границ Г.В. Юсупова (1959 г.), В.В. Овсянникова и И.Х. Каюмова (2011 г.). Поэтому необходимо было установить точные границы памятника. Если с востока площадку ограничивает естественный рельеф местности – здесь начинается резкий склон, то с запада, севера и юга границы распространения культурного слоя не определены. В соответствии с методикой проведения археологических работ, была брошена серия поисковых шурфов, т. к. на поверхности встречались мельчайшие обломки костей животных. Результат показал наличие здесь культурного слоя. Всего было заложено 12 шурфов размером 1×1 м, ориентированных по сторонам света (рис. 7):

на северной площадке – рядом с грабительскими раскопами (3 шурфа – № 1, 10, 11);

на восточной площадке – на расстоянии 8 и 70 м от полевой дороги (3 шурфа – № 8, 9, 12);

на южной площадке – на равном расстоянии друг от друга (50 м) (6 шурфов – № 2–7).

Из 12 шурфов на селище Курмантау-5 происходит 64 фрагмента керамики (табл. 6), которая представлена венчиками и стенками с примесью песка (75%), раковины (4,6%), песка и раковины (1,5%), дресвы и органики (9,3%), органики (4,5%), песка и органики (1,5%), песка и шамота (1,5%). Орнамент на сосудах представлен пояском насечкообразных вдавлений (рис. 80: 2; 87: 1, 3; 88: 1, 3; 79: 4) и гребенчатым штампом по шейке сосуда (рис. 87: 4; 88: 4; 129: 2; 130: 2). Керамика преимущественно происходит из первого горизонта и относится к кара-абызской культуре и эпохе раннего железа.

Остеологический материал представлен 53 фрагментами костей животных, из которых 25 – обожженные кости, 28 – необожженные кости. Кости также преобладают на первом горизонте.

Культурный слой мощностью 10–50 см состоит из гумусированной супеси с включением мелкого и среднего галечника. Подстилающий материк – светло-коричневый песок с включением галечника или плотный суглинок.

Таким образом, заложенные шурфы за пределами границы селища Курмантау-5 показали, что площадь памятника намного больше, чем было установлено ранее в ходе раскопок Г.В. Юсупова и А.Х. Пшеничнюка. По распространению культурного слоя в шурфах 2012 г. и по собранному подъем-

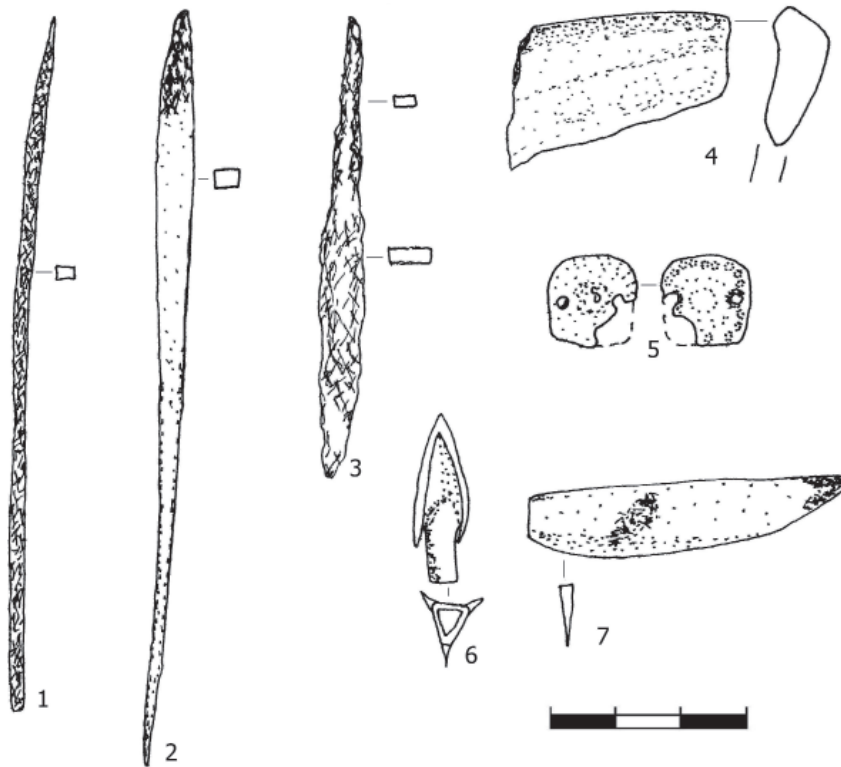

Рис. 8. Археологические находки с селища Курмантау-5: 1–3 – стержни – шилья; 4 – венчик бронзового котла; 5 – накладка; 6 – наконечник стрелы; 7 – нож; 1, 3 – железо; 2, 4–7 – бронза
Fig. 8. Archaeological finds from the Kurman-Tau-5 settlement: 1–3 – rods-awls; 4 – bronze cauldron rim; 5 – overlay; 6 – arrowhead; 7 – knife; 1, 3 – iron; 2, 4–7 – bronze

Таблица 2. Селище Курмантау-5. Распределение керамики по горизонтам в шурфах
Table 2. Kurman-Tau-5 settlement. Location of ceramics by horizons in pits

	Вид фрагмента			Примесь								
	Венчик	Стенка без орнамента	Стенка с орнаментом	Песок	дерева	Дерева и песок	Раковина	Песок и раковина	Дерева и раковина	Органика	Песок и органика	Песок и шамот
Гор.1	9	43	2	43	-	-	1	1	6	3	1	1
Гор.2	-	12	-	5	1	1	2	-	-	-	-	-
Итого	9	55	2	48	1	1	3	1	6	3	1	1

Таблица 3. Селище Курмантау-5. Распределение костей по горизонтам в шурфах
Table 3. Kurman-Tau-5 settlement. Location of bones by horizons in the pits

	Обожженные кости	Необожженные кости
Гор.1	22	19
Гор.2	3	9
Итого	25	28

ному материалу была установлена граница селища (рис. 7). Граница памятника вытянута по линии север – юг. Общие размеры: 725 × 240 м, примерная площадь 174 000 м² (около 17 гектаров). Площадка хорошо задернована, на поверхности имеются неровности от

следов бывшей пашни. Следовательно, верхний слой памятника переотложен. На севере, востоке и западе граница проходит по склонам горы Михайловская, на севере она тянется узкой полосой по хребту. На 2012 г. изучено примерно 4,6% от общей площади селища.

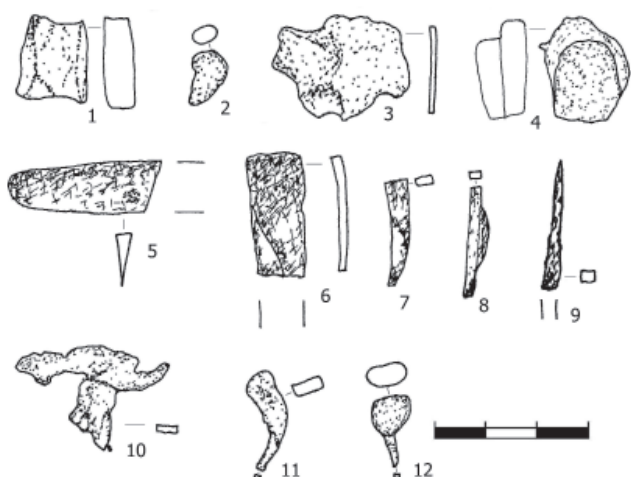

Рис. 9. Археологические находки с селища Курмантау-5: 1–4, 6, 11, 12 – слески металла; 5 – нож; 7, 8, 10 – предметы неизвестного назначения, 9 – стержень-шило; 1–5, 9–12 – бронза; 6–8 – железо.

Fig. 9. Archaeological finds from the Kurman-Tau-5 settlement: 1–4, 6, 11, 12 – metal splashes; 5 – knife; 7, 8, 10 – objects of unknown purpose; 9 – rod-awl; 1–5, 9–12 – bronze; 6–8 – iron.

Бронзовые слески металла, происходящие из подъемного материала, были отданы на спектральный анализ С.А. Григорьеву (г. Челябинск).

С поселения Курмантау-5 взято четыре образца (№ 2233–2235)³ для спектрального анализа, представленных небольшими бесформенными и тяжелыми кусками с ошлакованной поверхностью (рис. 11). На некоторых из них на поверхности выступали небольшие включения медной зелени. При изготовлении аншлифов и отборе проб на химический анализ выяснилось, что образцы являются ошлакованными слитками меди, которые получены, вероятно, при литье металла.

Два образца (№ 2235, 2236) представлены чистой медью с отсутствием заметных посторонних включений. Для получения более полной информации по этим образцам требу-

Рис. 10. Археологические находки с селища Курмантау-5: 1 – нож (шурф № 2); 2, 3 – венчики лепных сосудов (2 – шурф № 3; 3 – шурф № 4); 4 – стенка лепного сосуда с орнаментом (шурф № 4); 1 – железо; 2–4 – керамика.

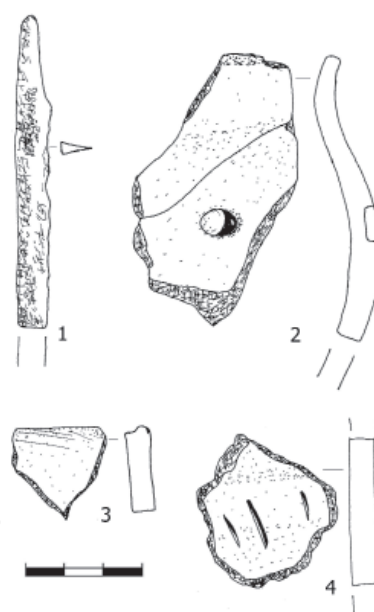
Fig. 10. Archaeological finds from the Kurman-Tau-5 settlement: 1 – knife (pit No. 2); 2, 3 – hand-made vessels rims (2 – pit No. 3; 3 – pit No. 4); 4 – wall of a hand-made vessel with an ornament (pit No. 4); 1 – iron; 2–4 – ceramics.

ется металлографическое исследование. На селище Курмантау-5 практиковалась металлообработка меди.

Таким образом, материалы, полученные в 2012 г., позволяют сделать вывод о том, что селище Курмантау-5 являлось металлургическим комплексом в эпоху раннего железа. Об этом свидетельствуют находки слесков бронзового металла, ошлакованные слитки меди и их спектральный анализ. В эпоху раннего железа на памятнике занимались металлообработкой. Следов выплавки меди на данный момент не найдено. Памятник датирован Г.В. Юсуповым и А.Х. Пшеничнюком IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983, с. 81). Коллекция 2012 г. не противоречит этой дате.

Курмантау-6, городище (Касьяновское городище).

Городище расположено на мысовидном отроге возвышенности правого берега р. Белой (высотная отметка 261,6), на южном отроге западного склона горы Михайловская, в 0,6 км к юго-западу от вершины горы, в 1 км к востоку от р. Белой, в 1 км к юго-востоку от городища Курмантау-3 (Михайловское городище), в 2,5 км к юго-западу от южной окраины с. Курмантау и в 8,3 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района (рис. 13). Площадка памятника, имеющая форму мыса, вытянута по линии северо-запад – юго-восток. С юга, юго-запада и юго-востока городище ограничено крутыми склонами, с северо-запада – валом. Длина вала 100 м, ширина – 12 м, хорошо задернован. Перед валом фиксируется

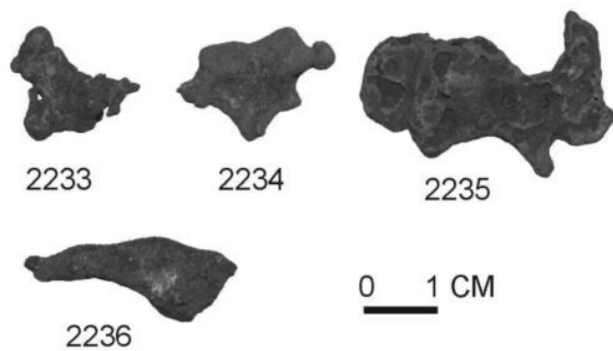

Рис. 11. Ошлакованные слитки меди с селища Курмантау-5, которые подверглись спектральному анализу в химической лаборатории Челябинской геолого-съёмочной экспедиции (номера присвоены в лаборатории)

Fig. 11. Slagged copper ingots from the Kurman-Tau-5 settlement that underwent spectral analysis in the chemical laboratory of the Chelyabinsk Geological Survey Expedition (numbers assigned in the laboratory)

слабовыраженный ров. Через площадку городища проходит полевая дорога (с. Курмантау – берег реки Белой).

Памятник открыт в 1928 г. краеведом М.И. Касьяновым и был назван им «Курмантау Среднее» (Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1253, с. 147). М.И. Касьянов заложил на склоне южной площадки траншею (Юсупов, 1954, с. 68). Г.В. Юсуповым в 1953 г. на городище заложены три разведочных шурфа размером 1×1 м, а в 1954–1955 гг. – четыре раскопа общей площадью 116 м² (Юсупов, 1954, с. 68; 1956б, с. 88–89; 1959, с. 64–72). В 1975 г. В.А. Ивановым был прорезан вал и ров городища (Иванов, 1976, с. 7; Васильев, Иванов, 1976, с. 161). В 1979 г. А.Х. Пшеничнюком заложено два раскопа (общая площадь 112 кв. м) (Пшеничнюк, 1979; 1983, с. 81–89). В 1990 г. памятник осмотрен А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1990), в 2000, 2008 и 2011 гг. В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым (Овсянников, 2009а, Каюмов, 2011, с. 11–13, 55–58). Всего в разные годы было исследовано примерно 350 кв. м, что составляет 1,6% от оценочной площади памятника.

Раскопки городища показали, что культурный слой богат зольниками. Зольная полоса тянется непрерывно по всей границе памятника, обнажаясь лишь на западной стороне (Юсупов, 1959, с. 64). В центре площадки культурный слой беднее, чем на краю склонов. Г.В. Юсуповым раскопан один производственный комплекс и два очага. Керами-

ческий материал относится к кара-абызской, позднеананьинской культурам и гафурийскому типу эпохи раннего железа. Г.В. Юсупов датировал городище VI–IV вв. до н. э., а А.Х. Пшеничнюк – IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983, с. 89).

В 2012 г. был произведен только визуальный осмотр площадки памятника с обзорной фотофиксацией. На поверхности найдено четыре фрагмента лепных глиняных сосудов с примесью песка и раковины в тесте. Основу хозяйства населения, оставившего Касьяновское городище, составляло скотоводство, так как, по материалам раскопок, кости мелкого рогатого скота превышают кости крупного рогатого скота в 4–5 раз (Пшеничнюк, 1973, табл. 6, с. 212).

Курмантау-7, местонахождение

Памятник выявлен в 2012 г. Местонахождение расположено на мысовидной возвышенности правого берега р. Белой, на западном склоне горы Михайловская и селища Курмантау-5 (Курмантаевское селище), в 0,2 км к югу – юго-западу от вершины горы Михайловская, в 0,2 км к северу от городища Курмантау-6 (Касьяновское городище), в 1,8 км к востоку от правого берега р. Белой, в 2,5 км к югу – юго-западу от с. Курмантау и в 7,7 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района. Площадка мыса размером 50×30 м хорошо задернована, раньше она распаивалась (имеются следы от борозд) (рис. 14). Через площадку мыса проходит полевая дорога (гора Михайловская – с. Курмантау).

Во время визуального осмотра возвышенностей вокруг городища Курмантау-6 и селища Курмантау-5 в 2012 г. были обнаружены грабительские ямы на соседнем мысу. Самая крупная яма прямоугольной формы и размером 4×2 м хорошо задернована. Судя по задерновке поверхности, она сделана давно. Возможно, это поисковая траншея 1950–1970-х гг., не вошедшая в научные отчеты. На ее поверхности в 2012 г. найдена стенка бронзового котла (рис. 15: 8). На поверхности площадки мыса с помощью металлодетектора собран подъемный материал: бронзовая выпуклая бляшка овальной формы с отломанным ушком на обороте, цельнолитая (рис. 15: 3); круглая ружейная пуля XVII–XVIII вв. калибром 1,2 см (рис. 15: 9); бронзовый наконечник стрелы трехлопастной, с внутренней втулкой (рис. 15: 2).

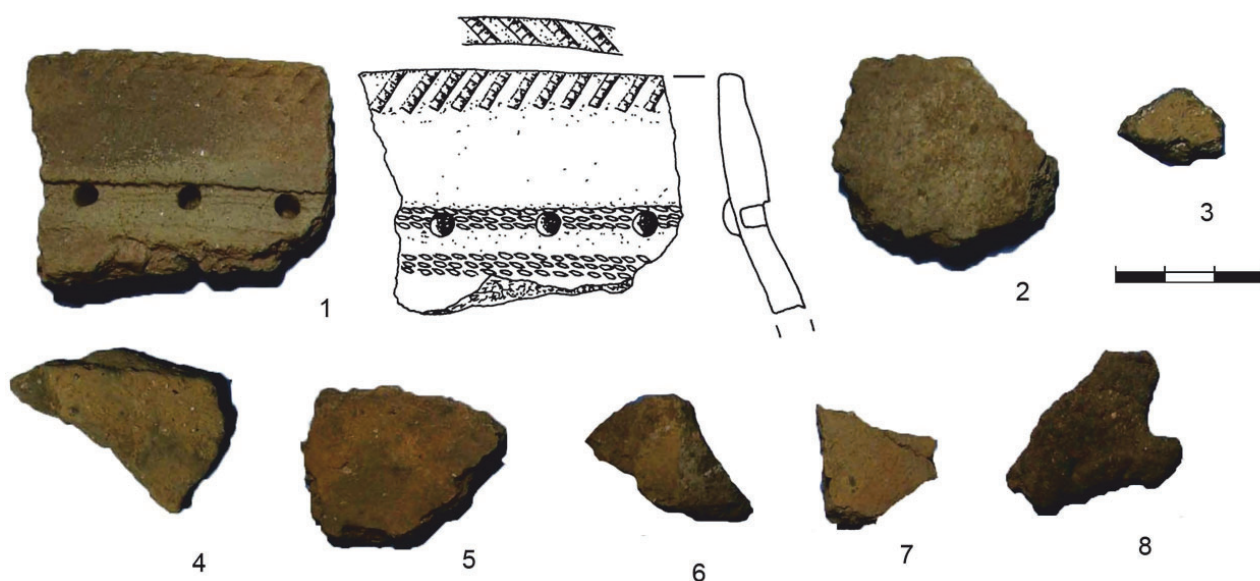

Рис. 12. Археологические находки с селища Курмантау-5:
1 – венчик лепного сосуда; 2–8 – стенки лепных сосудов; керамика
Fig. 12. Archaeological finds from Kurman-Tau-5 settlement:
1 – hand-made vessel rim; 2–8 – walls of hand-made vessels; ceramics

Для определения типа обнаруженного памятника и мощности культурного слоя на площадке мыса было заложено два шурфа размером 1×1 м, ориентированных по сторонам света (рис. 14). В дерновом слое шурфа № 1 найдены две бронзовые стенки котлов размером (рис. 15: 6, 7), а на горизонте 1 (0–20 см) в слое супеси венчик бронзового котла (рис. 14: 4), стенка бронзового котла (рис. 14: 5), бронзовые сплески металла (рис. 14: 10–11), фрагмент железного предмета (рис. 14: 6), кость животного, бронзовый наконечник стрелы трехлопастной, с внутренней втулкой, с отверстием (рис. 15: 1). На горизонте 2 (20–40 см) найден железный предмет неизвестного назначения в виде полукруглой тонкой пластины (рис. 15: 12). В шурфе № 2 находки отсутствовали.

Бронзовые наконечники стрел аналогичного типа датируются IV–III вв. до н. э. Венчики и стенки бронзовых котлов, вероятнее всего, связаны с кочевниками Южного Урала и датируются этим же временем. Бронзовая бляшка с ушком на обороте имеет широкие аналогии как в сарматских памятниках, так и в ананьинской и кара-абызской культурах эпохи раннего железа, поэтому ее датировка затруднена. В целом обнаруженные археологические предметы имеют прямые аналогии в расположенных рядом от местонахождения Курмантау-7 поселенческих памятниках (селище Курмантау-5 и городище Курмантау-6). Таким образом, тип выявленного объекта культурного наследия «Курмантау-7» пока не выяснен, необходимо проведение археологических раскопок на памятнике. Объект пред-

Таблица 4. Спектральный анализ сплесков металла с селища Курмантау-5 (селище Курмантау), выполненный в химической лаборатории Челябинской геолого-съёмочной экспедиции (%)

Table 4. Spectral analysis of metal splashes from the Kurman-Tau-5 settlement (Kurman-Tau settlement), conducted in the chemical laboratory of the Chelyabinsk Geological Survey expedition (%)

Памятник	Обр.		Ni	Co	Cr	Mn	V	Ti	Cu	Zn	Pb	Ag	As	Bi	Mo	Ba	Sn	Sb
Курмантау-5	2233	шлак	0,02	0,003	0,01	0,05	0	0,05	>>1	0,02	0,5	>>0,003	0,1	0,015	nd	0,015	>0,3	0,07
Курмантау-5	2234	медь	0,015	0,007	0,003	0,3	0,003	0,1	>>1	0,02	0,15	>0,003	0,05	0,005	nd	0,03	>0,3	0,015
Курмантау-5	2235	медь	0,007	0,003	0,007	0,07	0	0,05	>>1	0,007	0,1	>0,003	0,1	0	nd	0,015	0,03	0,003
Курмантау-5	2236	медь	0,03	0,003	0,007	0,05	0	0,05	>>1	0,01	0,07	>0,003	0,07	0,015	nd	0,01	>0,3	0,02

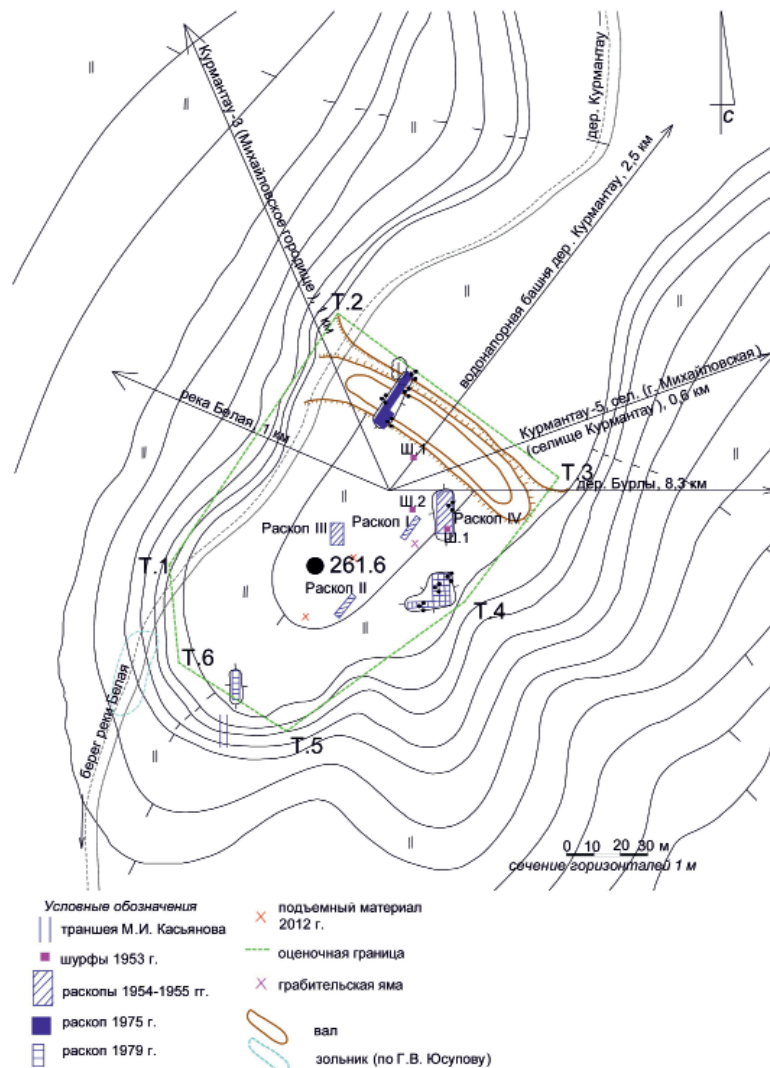

Рис. 13. Топографический план городища Курмантау-6.

Авторы – А.Х. Пшеничнюк (1983), И.Х. Каюмов (2011), С.Л. Воробьева (2012)

Fig. 13. Topographic plan of the Kurman-Tau -6 hillfort by A.Kh. Pshenichnyuk (1983), I.Kh. Kayumov (2011), S.L. Vorobyeva (2012)

варительно был определен как «местонахождение».

Курмантау-8/9, металлургическая площадка.

В ходе осмотра террас вдоль правого берега р. Белой в 2012 г. в 1 км к юго-западу от с. Курмантау были выявлены, как казалось на тот момент, два разных поселения эпохи раннего железа – Курмантау-8 и Курмантау-9, расположенных в 250 м друг от друга (рис. 15). На площадках памятников, в шурфах и в обрыве берега собран подъемный материал: скребло для обработки шкуры⁴ из песчаника (рис. 17: 1); верхняя часть лепного глиняного сосуда с орнаментом, с примесью крупнозернистого песка, с гладкой поверхностью, орнаментирована линиями в виде решетки

(рис. 17: 2); стенка лепного сосуда с орнаментом, с примесью крупнозернистого песка, с шероховатой поверхностью, орнаментирована ямкой и резной линией (рис. 17: 3); верхняя часть лепного глиняного сосуда с орнаментом, с примесью органики в тесте, с гладкой поверхностью, орнаментирован линиями и треугольными наколами (рис. 18: 1); стенки лепных сосудов без орнамента, с примесью крупнозернистого песка в тесте, с шероховатой поверхностью, красноглиняные; венчик лепного сосуда с орнаментом, с примесью крупнозернистого песка в тесте, с шероховатой поверхностью, черноглиняная (рис. 18: 2), обожженная кость животного. Курмантау-8 было датировано по материалу (запесоченные стенки сосудов и орнамент на одной

Рис. 14. Топографический план местонахождения Курмантау-7. Автор – С.Л. Воробьева

Fig. 14. Topographic plan of Kurman-Tau-7 locality by S.L. Vorobyeva

из стенок) кара-абызской культурой эпохи раннего железа, а Курмантау-9 – культурой курмантау эпохи финальной бронзы – раннего железа и кара-абызской культурой эпохи раннего железа.

В 2013 г. на коренной террасе рядом с выявленными поселениями обнаружено около 160 грабительских ям. Ямы расположены на коренной возвышенности правого берега р. Белой, на площадке размером 220×275 м. Размеры ям – от 20×20 см до 50×50 см. Судя по задернованности поверхности грабительских ям, они были сделаны в большинстве своем осенью 2012 г. – весной 2013 г. Имеются и старые, хорошо задернованные и покрытые свежей растительностью ямы. В заполнении ям найдены предметы эпохи бронзы и раннего железа: серп широкий пластинчатый с крючком на окончании – обломок, с закругленным

плоским концом (рис. 19: 1), сплески металла (рис. 19: 2, 4), обломок ножа или серпа (рис. 19: 2), заклепка котла, пинцет (рис. 19: 3), плоская пластина (рис. 19: 4), круглая выпуклая бляшка с ушком на обороте (рис. 19: 6), накладка на пояс четырехсоставная, с двумя ушками на обороте (рис. 19: 7), наконечник стрелы, трехлопастной, с внутренней втулкой и отверстием на одной из граней (рис. 19: 8); нож с одним острым краем, треугольного сечения (рис. 19: 9).

Среди найденных изделий датирующими могут быть: обломок бронзового серпа срубной культуры (рис. 19: 1), поясная накладка (рис. 19: 7), заклепка бронзового котла и бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 19: 8) эпохи раннего железа.

В 2014 г. на площадке в ходе археологических раскопок на этой площадке было вскры-

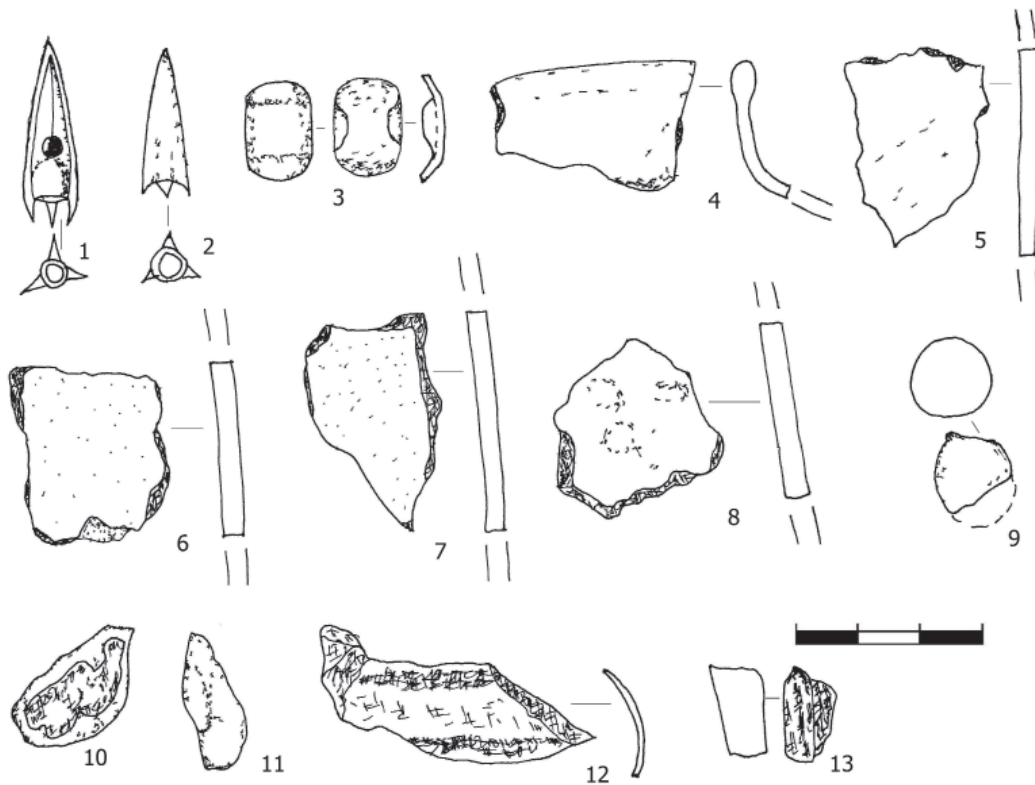

Рис. 15. Археологические находки с местонахождения Курмантау-7:

1, 2 – наконечники стрел; 3 – бляшка; 4 – венчик котла; 5–8 – стенки котлов; 9 – гильза; 10, 11 – сплески металла; 13 – кость животного; 12 – фрагмент предмета; 1–8, 10, 11 – бронза; 9 – металл; 12 – железо; 13 – кость

Fig. 15. Archaeological finds from the Kurman-Tau-7 locality:

1, 2 – arrowheads; 3 – badge; 4 – caldron rim; 5–8 – caldron walls; 9 – sleeve; 10, 11 – metal splashes; 13 – animal bone; 12 – fragment of an object; 1–8, 10, 11 – bronze; 9 – metal; 12 – iron; 13 – bone

то 186 кв. м². По результатам работ выделено три археологических слоя:

Слой абашевской культуры эпохи бронзы. Зафиксирован на участке памятника вдоль берега р. Белой. Он связан со временем освоения площадки. В квадрате 2×2 м на глубине 15 см от поверхности зафиксирован развал лепного сосуда с орнаментом абашевской культуры эпохи бронзы, зернотерка из песчаника (рис. 20).

Слой культуры курмантау эпохи поздней бронзы – раннего железа. Зафиксирован на всей площадке памятника, на глубине от 25 до 40 см от поверхности. Найдены мелкие кальцинированные кости животных, сплески металла и шлаки, стенки лепных сосудов, тигель, кремневые отщепы и кресала (рис. 21: 2, 3). Датируется не позже V в. до н. э.

Слой кара-абызской культуры эпохи раннего железа. На глубине от поверхности до 25 см найдены мелкие кальцинированные кости животных, сплески металла и шлаки, сердеч-

ник для литейной формы кельта, бусина – подвеска гиревидной формы, бисер, молоток для измельчения металлической поверхности из кварцито-песчаника, камень для заточки металлических инструментов из яшмы, фрагменты неорнаментированных стенок лепных сосудов (рис. 21: 1, 4–5). Датируется IV–III вв. до н. э.

К этому же слою относится жертвенный комплекс, раскопанный на площадке: под слоем дерна был найден воткнутый в землю железный наконечник копья – кавалерийская пика. Рядом найдены железный поясной крючок с орнаментированным щитком (кошачий хищник в сидячей позе) и железный нож (рис. 22–23).

Стратиграфические данные свидетельствуют о том, что между слоем культуры курмантау и кара-абызской культуры имеется стерильный тонкий слой нанесенного мелкого галечника, который мог образоваться в результате схода с вершины горы (полевые данные В.Е. Приходько).

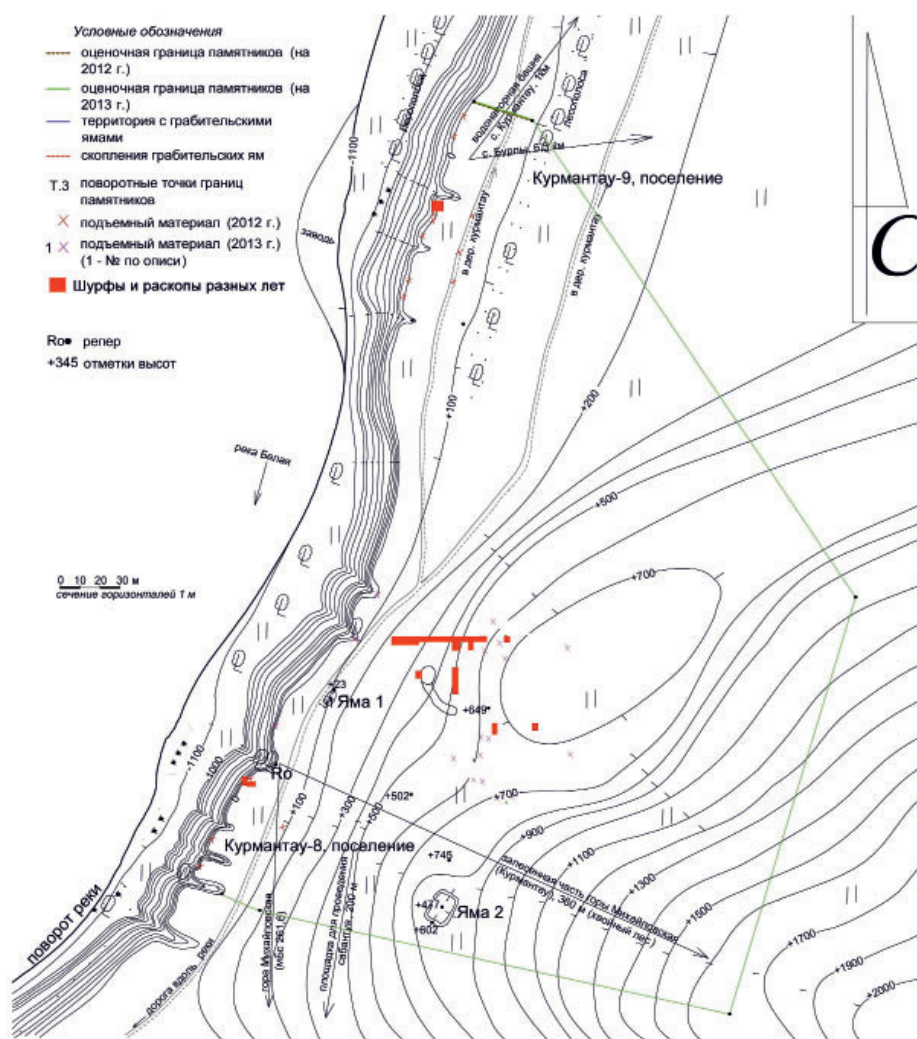

Рис. 16. Топографический план металлургической площадки Курмантау-8/9. Автор – С.Л. Воробьева
Fig. 16. Topographic plan of the metallurgical place Kurman-Tau -8/9 by S.L. Vorobyeva

Данные спектрального анализа бронзовых сплесков и шлаков, полученные старшим научным сотрудником Уральского отделения Российской Академии наук С.А. Григорьевым (г. Челябинск), свидетельствуют о том, что население практиковало металлообработку. Анализ остеологического материала А.А. Романовым показал, что характер, степень раздробленности и количество дробленого остеологического материала, наличие большого количества мелких кальцинированных костей (1307) позволяют предположить, что на памятнике производилась целенаправленная заготовка костяного угля.

Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений разреза, проведенные Р.Г. Курмановым, показали, что полученные спектры характеризует опушку мелколиственно-широколиственного леса, но отмечено, что в период формирования отложений из верхних слоев

(слой кара-абызской культуры) увеличивались площади открытых луговых пространств.

В фондах Национального музея Республики Башкортостан хранится коллекция бронзовых и железных предметов (455 ед. хр.), происходящих, вероятнее всего, с данного памятника⁶. Среди этих предметов есть бронзовые височные подвески пьяноборской и кара-абызской культур, обломки бронзовых котлов, обломки бронзовых гривен, заготовки бронзовых украшений (бляшки, подвески, обоймы и т. д.), бронзовые сплески металлов и железные ножи. Только эта коллекция свидетельствует о существовании площадке Курмантау-8/9 мощного металлургического комплекса эпохи раннего железа.

Курмантау-10, поселение (Михайловское поселение).

Поселение расположено на высокой (10 м) коренной террасе правого берега р.

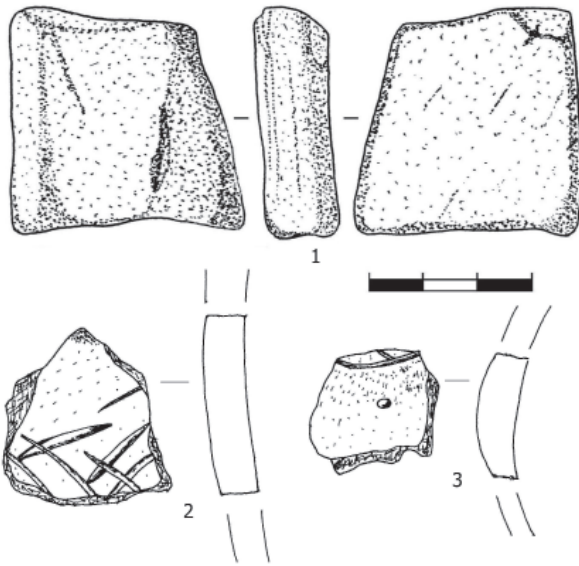

Рис. 17. Археологические находки 2012 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9:
1 – верхняя часть лепного сосуда; 2 – венчик лепного сосуда; керамика
Fig. 17. Archaeological finds in 2012 from the metallurgical place Kurman-Tau -8/9:
1 – the upper part of a hand-made vessel; 2 – hand-made vessel rim; ceramics

Белой, на мысу, образованном с севера оврагом, а с юга – ложбиной, через которые проходит полевая дорога вдоль берега из с. Курмантау. С запада мыс ограничен поймой реки Белой, которая в этом месте делает поворот на запад. Памятник находится в 100 м к юго-востоку от правого берега р. Белой, в 1,2 км к юго-западу от вершины горы Михайловская (селище Курмантау-5), в 2,6 км к юго-западу от с. Курмантау и в 8,5 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района Республики Башкортостан (рис. 24).

Памятник был обнаружен В.А. Ивановым в 1975 г. в ходе поисков стоянки Курмантау-2 (стоянка им. М.И. Касьянова) и назван им «Михайловское поселение» (Иванов, 1976, с. 6). Информация о новом объекте не вошла ни в один реестр археологических памятников. В.А. Ивановым на площадке поселения было заложено восемь шурфов, один из которых расширен до раскопа площадью 24 кв. м. В ходе работ обнаружена хозяйственная яма, нож ананьинского типа, костяное острие, фрагменты лепных сосудов гафурийского типа и кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Верхней датой поселения В.А. Иванов считает IV в. до н. э. (Иванов,

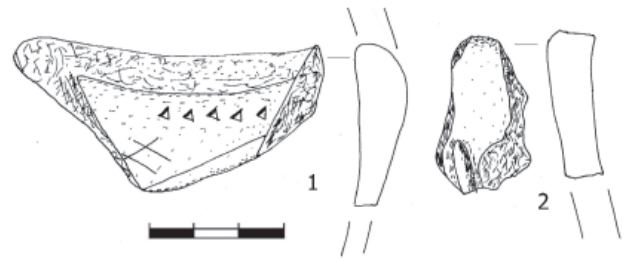

Рис. 18. Археологические находки 2012 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9:
1 – скребло для обработки шкуры; 2, 3 – стенки лепных сосудов с орнаментом; 1 – камень; 2, 3 – керамика
Fig. 18. Archaeological finds in 2012 from the metallurgical place Kurman-Tau-8/9:
1 – scraper for skin processing; 2, 3 – walls of hand-made vessels with ornaments; 1 – stone; 2, 3 – ceramics

1976). По мнению автора, раскопками 1975 г. культурный слой памятника полностью исчерпан (Васильев, Иванов, 1976, с. 161). На момент обследования в 2012 г. объект находился в аварийном состоянии и практически разрушен береговой абразией и поздними постройками бывшей деревни Михайловка. Для установления возможной сохранившейся части поселения необходимо проведение дополнительных археологических работ.

Выводы

Результаты исследований 2012–2018 гг. в окрестностях горы Курман-Тау показали, что в эпоху раннего железа здесь существовал мощный металлургический комплекс, притягивавший к себе кочевников Южного Урала, что способствовало формированию на базе смешения лесного и степного населений носителей кара-абызской культуры.

Хозяйство носителей, оставивших описанные памятники, можно реконструировать следующим образом:

1. Заселение окрестностей горы Курман-Тау начинается, вероятнее всего, в эпоху бронзы (конец III тыс. до н. э. – II тыс. до н. э.), о чем свидетельствует абашевская керамика, найденная на металлургической площадке Курмантау-8/9 и алакульская керамика из раскопок с Курмантаевского городища. В эпоху бронзы нижняя терраса была заболочена, присутствует луговая и степная растительность, незначительная антропогенная нагрузка. В это время, вероятнее всего, население вело оседлый образ жизни, основу

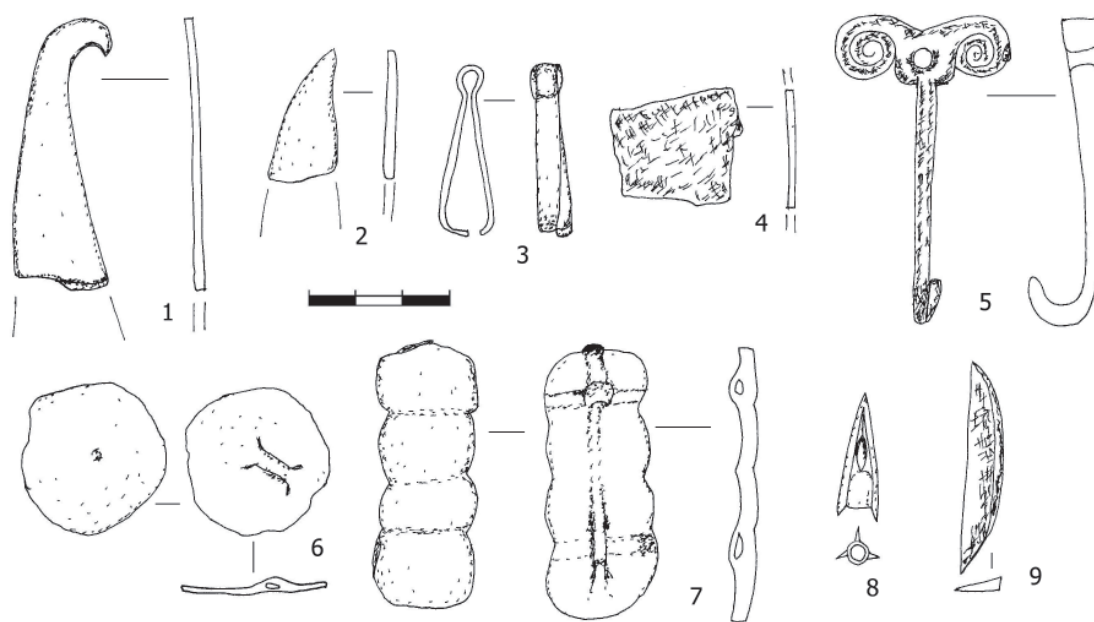

Рис. 19. Археологические находки 2013 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9:

1 – фрагмент серпа; 2 – фрагмент предмета неизвестного назначения; 3 – пинцет; 4 – пластина; 5 – крючок; 6 – круглая бляшка с ушком на обороте; 7 – накладка на пояс с двумя петлями на обороте; 8 – наконечник стрелы; 9 – нож; 1–3, 6–8 – бронза; 4–5, 9 – железо.

Fig. 19. Archaeological finds in 2013 from the metallurgical place Kurman-Tau-8/9: 1 – fragment of a sickle; 2 – fragment of an object of unknown purpose; 3 – tweezers; 4 – plate; 5 – hook; 6 – round plaque with an ear on the back; 7 – belt mount with two loops on the back; 8 – arrowhead; 9 – knife; 1–3, 6–8 – bronze, 4–5, 9 – iron.

рациона составляло мясо крупного рогатого скота и свиньи.

2. Следующим этапом заселения данной территории является слой культуры курмантау, датируемый VII–V вв. до н. э.: стоянка им. М.И. Касьянова, металлургическая площадка Курмантау-8/9. В керамическом материале

кара-абызских поселений прослежена преемственность между культурой курмантау и кара-абыз. Так, в нижних слоях Курмантаевского городища имеется керамика культуры курмантау, а на металлургической площадке Курмантау-8/9 население в курмантауское и кара-абызское время занимались металлоо-

Рис. 20. Археологические находки 2013 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9:

1 – зернотерка; 2 – фрагмент сосуда; 1 – песчаник; 2 – керамика.

Fig. 20. Archaeological finds in 2013 from the metallurgical place Kurman-Tau-8/9:

1 – quern; 2 – vessel fragment; 1 – sandstone, 2 – ceramics

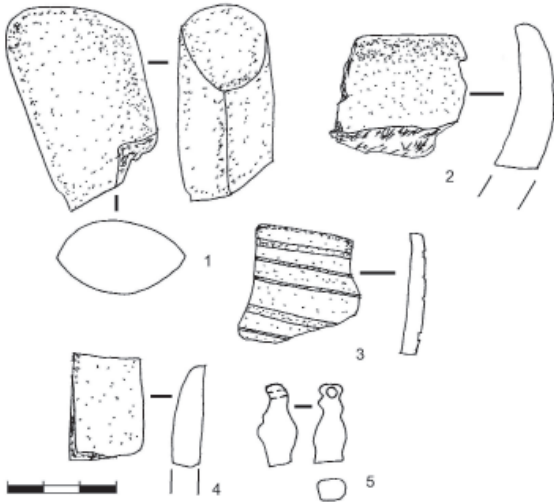

Рис. 21. Археологические находки 2013 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9: 1 – сердечник; 2 – тигель; 3, 4 – венчики сосудов; 5 – бусина; 1–4 – керамика; 5 – стекло.

Fig. 21. Archaeological finds in 2013 from the metallurgical place Kurman-Tau -8/9: 1 – core; 2 – crucible; 3, 4 – vessel rims; 5 – bead; 1–4 – ceramics; 5 – glass.

работкой. На большинстве поселенческих кара-абызских памятников встречена керамика культуры курмантау. Но на сегодняшний день не известно ни одного погребения, связанного с памятниками культуры курмантау. В период культуры курмантау (VII–V вв. до н. э.) преобладают лесные ландшафты, распространены липовые деревья. Основу хозяйства составляло молочно-мясное скотоводство (стойловое скотоводство): мясо крупного рогатого скота, лошади и свиней было основным в рационе питания при совсем незначительном количестве мяса мелкого рогатого скота. Население в этот период занималось металлообработкой, отливкой предметов, вероятнее всего, для этого процесса заготавливали кости животных.

3. К раннему кара-абызскому этапу (V–IV вв. до н. э.) относятся городища Касьяновское и нижний слой городища Курмантау. Именно в этот период формирующееся раннее кара-абызское население осваивает долину

Рис. 23. Археологические находки 2014 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9: 1 – наконечник копья; 2 – нож; 3 – крючок (поясной или колчаный?); железо.

Fig. 23. Archaeological finds in 2014 from the metallurgical place Kurman-Tau-8/9: 1 – spearhead; 2 – knife; 3 – hook (belt or quiver?); iron.

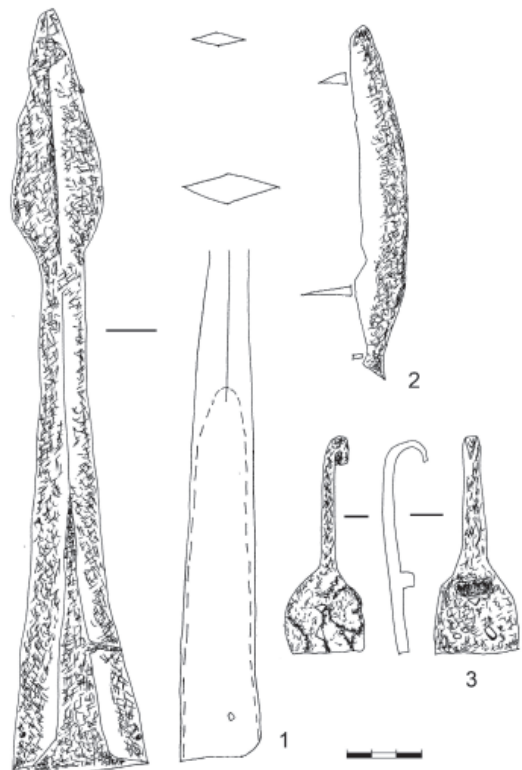

Рис. 22. Фото расположения жертвенного комплекса на раскопе 2014 г. металлургической площадки Курмантау-8/9.

Fig. 22. Photo of the location of the sacrificial complex at the 2014 excavation of the metallurgical place Kurman-Tau-8/9.

р. Белой до границ современного Гафурийского района.

4. С появлением на поселениях керамики гафурийского типа с примесью талька в тесте в V–IV вв. до н. э. происходит изменение климата – ирридизация степи: увеличиваются степные ландшафты и антропогенная нагрузка на территорию. Основным хозяйством было отгонное скотоводство: в рационе питания значительную долю играло мясо мелкого рогатого скота (кости крупного рогатого скота

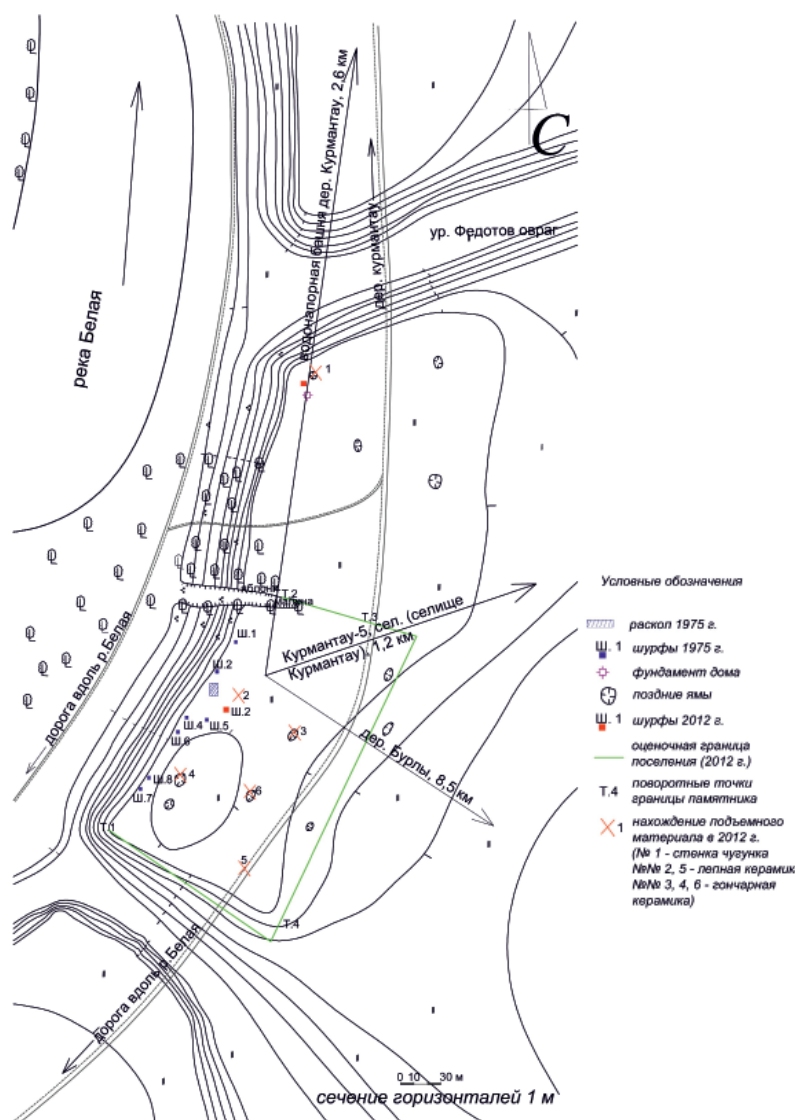

Рис. 24. Топографический план поселения Курмантау-10. Автор – С.Л. Воробьева.

Fig. 24. Topographic plan of Kurman-Tau-10 settlement by S.L. Vorobyeva.

отсутствуют). По характеру костных останков («крупные» и «средние» фрагменты преобладают) можно судить о том, что население не испытывало дефицита в мясе. Вспомогательную роль играла охота на пушных зверей. Следы рыболовства не зафиксированы. Население в этот период занималось металлообработкой, отливкой предметов, вероятнее всего, для этого процесса заготавливали кости животных.

Тесное соседство носителей культуры курмантау и раннего кара-абызского населения на южном ареале их обитания в районе горы Курман-Тау с кочевниками, обитавшими на противоположном берегу р. Белой (ближайшие памятники расположены напротив горы Курман-Тау – Нагадакские, Лекандинские курганы), привело к постепенному формиро-

ванию кара-абызской культуры, что проявилось в изменении керамического комплекса и всего хозяйственного уклада населения (от более оседлого образа жизни к полукочевому скотоводству).

5. Постепенно с увеличением доли керамики с примесью раковины в тесте на поселениях происходит увеличение площадей лесных массивов, степень антропогенной нагрузки на территорию, связанной с вытаптыванием, продолжает расти. Основным хозяйством населения также было скотоводство: в рационе питания значительную долю составляло мясо мелкого рогатого скота, лошади, присутствует малое количество костей крупного рогатого скота. По характеру костных останков можно судить о том, что население испытывало дефицит в мясе. Вспомогательную

роль играла охота на пушных зверей и рыболовство, о чем говорят не только кости рыб, но и каменное грузило, которое могло использоваться в рыбной ловле. Занимались металлообработкой.

Судя по находкам с территории горы Курман-Тау, металлургическая площадка перестала функционировать на рубеже эр. Существование мощного металлургического

комплекса на горе Курман-Тау способствовало заселению округи небольшими поселками, которые, вероятнее всего, и обеспечивали металлургов питанием. По всей видимости, с угасанием металлургического комплекса, связанного с изменением климата, угасли и соседние поселения и городища. Основной расцвет городищ и поселений горы Курман-Тау приходится на IV–II вв. до н. э.

Примечания:

¹ Автор выражает всем перечисленным исследователям огромную благодарность за проведенные анализы полученного материала.

² Памятники горы Курман-Тау названы без дефиса – «курмантау», так как название давалось по селу Курмантау.

³ Номера даны С.А. Григорьевым.

⁴ Определение кремневых предметов сделано к.и.н., с.н.с. отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН В.Г. Котовым.

⁵ Ввиду большого объема полученного материала для данного памятника требуется отдельная публикация.

⁶ Автором данная коллекция готовится к отдельной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов) / Археологические памятники Башкортостана. Вып 6 / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.

Васильев И.Б., Иванов В.А. Работы в Башкирской АССР // АО –1975 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 161.

Васильев И.Б., Обыденнов М.Ф. Работы в Приуралье // АО – 1976 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 133.

Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Итоги исследований стоянки им. М.И. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: Башкирский пединститут, 1985. С. 21–40.

Воробьева С.Л. Историко-культурный потенциал археологического микрорайона горы Курмантау (по итогам работ 2012 и 2013 гг.) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2013. С. 52–60.

Воробьева С.Л. Селище Курмантау – металлургический комплекс эпохи раннего железа // Международная полевая школа в Болгаре / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань, Болгар, 2014. С. 26–33.

Воробьева С.Л. Результаты археологических исследований 2013 года на Курмантаевском городище эпохи раннего железа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (49). С. 101–113.

Воробьева С.Л. Металлургический комплекс горы Курмантау эпохи раннего железа: результаты исследования 2012–2014 гг. // Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: тезисы докладов / отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2018а. С. 40–41.

Воробьева С.Л. Палинологическое исследование металлургической площадки эпохи поздней бронзы – раннего железа Курмантау-8/9 // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2018б. С.34–38.

Воробьева С.Л. Кара-абызская культура, ранний этап. Гафурийский и убаларский типы // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдиикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 288–312.

Воробьева С.Л. Археологический микрорайон горы Курмантау в сложении и развитии кара-абызской культуры лесостепи Южного Приуралья // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.) / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: КГУ, 2022. С. 167–170.

Иванов В.А. Научный отчет 1975 г. Уфа, 1976. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1643.

Каюмов И.Х. Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Гафурийском районе Республики Башкортостан в 2011 г. В 2 томах. Том 1-2. Уфа, 2011 // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Овсянников В.В. Отчет об археологических разведках в Гафурийском и Архангельском районах Республики Башкортостан в 2008 г. Уфа, 2009а // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Овсянников В.В. Кара-абызская культура (V в. до н. э. – IV в. н. э.) // История Башкирского народа: в 7 т. Т. 1 / Гл. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009б. С. 223–245.

Пшеничнюк А.Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 93–100.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФ АН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках поселений в Гафурийском районе и разведках по трассе строительства железной дороги Ново-Мурапталово-Оренбург. Уфа, 1979 // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 36. 75 л.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках поселений в Гафурийском районе БАССР и разведках по трассе строительства железной дороги Ново-Мурапталово-Оренбург за 1980 г. Уфа, 1980 // Архив учебной археологической лаборатории УУНиТ. Ф. 6. Д. 21.

Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 77–103.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1952. 226 с.

Троицкая Т.Н. Альбомы зарисовок материалов археологических экспедиций за 1953-1954 гг. Уфа: БФАН СССР, 1954а // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 288. 35 л.

Троицкая Т.Н. Альбомы зарисовок материалов археологических экспедиций за 1953–1954 гг. Уфа, 1954б // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. 289. 29 л.

Троицкая Т.Н. Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: б/и, 1959. С. 88–96.

Шокуров А.П. Отчет об археологической разведке летом 1954 г. в Гафурийском районе БАССР. Уфа, 1954 // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 295, 296.

Юсупов Г.В. Отчет об археологических разведках, проведенных 2-9 сентября 1953 г. в Гафурийском районе БАССР. Уфа, 1953 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1107.

Юсупов Г.В. Отчет об исследовании археологического памятника Курман-Тау в Гафурийском р-не БАССР за 1954 г. Уфа, 1954 // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 297.

Юсупов Г.В. Отчет Гафурийского отряда башкирской археологической экспедиции АН СССР. Уфа, 1955 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1246.

Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Научный отчет об археологической экспедиции в Гафурийский район. Уфа, 1956а // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 355.

Юсупов Г.В. Археологические разведки в Башкирии // КСИИМК. Вып. 64 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956б. С. 85–92.

Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник / под ред. д-ра ист. наук А.П. Смирнова и канд. ист. наук Р.Г. Кузеева. Уфа: [б. и.], 1959. С. 58–87.

Информация об авторе:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru

REFERENCES

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

- Morozov, Yu. A. 1996. (ed.). *Istoriia kul'tury Bashkortostana (Komplekt nauchnykh i uchebnykh materialov) (History of Culture of Bashkortostan (Set of Scientific and Educational Materials))*. Series: Arkheologicheskie pamiatniki Bashkortostana (Archaeological sites of Bashkortostan) 6. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Ivanov, V. A. 1976. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 goda (Archaeological Discoveries of 1975)*. Moscow: "Nauka" Publ., 161 (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Obydenov, M. F. 1977. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 goda (Archaeological Discoveries of 1976)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133 (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Ivanov, V. A., Obydenov, M. F. 1985. In Kosarev, M. F. (ed.). *Bronzovyi vek Iuzhnogo Priural'ia (Bronze Age of Southern Cis-Urals)*. Ufa: Bashkirian State Pedagogical Institute, 21–40 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2013. In Akhatov, A. T. (ed.). *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia: istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: Institute of Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 52–60 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2014. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Mezhdunarodnaia polevaia shkola v Bolgare. (International Field School in Bolgar)*. Kazan; Bolgar: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Kazan (Volga Region) Federal University, 26–33 (in Russian).
- Vorob'eva, S.L. 2017. In *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of Surgut State Pedagogical University)* 49 (4), 101–113 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2018a. In Malyshev, A. A. (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Novoe v issledovaniyakh rannego zheleznoogo veka Evrazii: problemy, otkrytiya, metodiki»: tezisy dokladov ("Recent in studies of the Early Iron Age in Eurasia: issues, discoveries, methods": abstracts)*. Moscow: "MAKS Press" Publ., 40–41 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2018b. In Kamaleev, E. V. (ed.). *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: Institute of Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 34–38 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhesky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 288–312 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2022. In Maslyuzhenko, D.N. (ed.). *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (22nd Urals Archaeological Congress)*. Kurgan: Kurgan State University, 167–170 (in Russian).
- Ivanov, V.A. 1976. *Nauchnyy otchet 1975 g. (1975 scientific report)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 1643 (in Russian).
- Kayumov, I. Kh. 2011. *Nauchnyy otchet o rezul'tatakh inventarizatsii pamyatnikov arkheologii v Gafuriyskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2011 g. V 2 tomakh. (Scientific report on the results of the inventory of archaeological sites in the Gafuriyskiy district of Bashkortostan in 2011. In 2 volumes)*. Vol. 1–2. Ufa. Archive of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Ovsyannikov, V. V. 2009a. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Gafuriyskom i Arkhangel'skom rayonakh Respubliki Bashkortostan v 2008 g. (Report on archaeological reconnaissances in the Gafuriyskiy and Arkhangel'skoye districts of Bashkortostan in 2008)*. Ufa. Archive of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Ovsyannikov, V.V. 2009b. In Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* Vol. 1. Moscow: "Nauka" Publ., 223–245 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 93–100 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* Vol. V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).
- Pshenichnyuk, A. Kh. 1979. *Nauchnyy otchet o raskopkakh poseleniy v Gafuriyskom rayone i razvedkakh po trasse stroitel'stva zheleznoy dorogi Novo-Muraptalovo – Orenburg (Scientific report on the excavation of settlements in the Gafuriyskiy district and reconnaissances along the route of the Novo-Muraptalovo – Orenburg railway construction)*. Ufa. Scientific Archive of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2a. Dossier 36 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 1980. *Nauchnyy otchet o raskopkakh poseleniy v Gafuriyskom rayone BASSR i razvedkakh po trasse stroitel'stva zheleznoy dorogi Novo-Muraptalovo-Orenburg za 1980 g.* (Scientific report on the excavations of settlements in the Gafuriyskiy district of BASSR and reconnaissances along the route of the Novo-Muraptalovo – Orenburg railway construction in 1980). Ufa. Archive of the Educational archaeological laboratory of the Ufa University of Science and Technology. Fund 6. Dossier 21 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala* (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural). Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 77–103 (in Russian).

Talitskaya, I. A. 1952. *Materialy k arkheologicheskoy karte basseyna r. Kama (po dannym, sobrannym M.V. Talitskim* (Materials for the archaeological map of the Kama River basin (according to the data collected by M.V. Talitsky)). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) Vol. IV. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1954a. *Al'bomy` zarisovok materialov arxeologicheskix e`kspeditsiy za 1953-1954 godov* (Sketchbooks of materials of archaeological expeditions 1953–1954). Ufa. Scientific Archive of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 288 (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1954b. *Al'bomy zarisovok materialov arkheologicheskikh ekspeditsiy za 1953–1954 gg* (Sketchbooks of materials of archaeological expeditions for 1953–1954). Ufa. Scientific Archive of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 289 (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik* (Bashkir Archaeological Collection of Papers). Ufa. 88–96 (in Russian).

Shokurov, A. P. 1954. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke letom 1954 g. v Gafuriyskom rayone BASSR* (Report on archaeological reconnaissance in 1954 summer in the Gafuriyskiy district BASSR). Ufa. Scientific Archive of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 295, 296 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1953. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh, provedennykh 2-9 sentyabrya 1953 g. v Gafuriyskom rayone BASSR* (Report on archaeological reconnaissance conducted on September 2-9, 1953 in the Gafuriyskiy district BASSR). Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, dossier 1107 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1954. *Otchet ob issledovanii arkheologicheskogo pamyatnika Kurman-Tau v Gafuriyskom r-ne BASSR za 1954 g.* (Report on the study of the archaeological sites of Kurman-Tau in the Gafuriyskiy district BASSR for 1954). Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 297 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1955. *Otchet Gafuriyskogo otryada bashkirskoy arkheologicheskoy ekspeditsii AN SSSR* (Report of the Gafuriyskiy detachment of the Bashkir Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences). Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, dossier 1246 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1956a. *Drevneyshie poseleniya Gafuriyskogo rayona. Nauchnyy otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii v Gafuriyskiy rayon* (The most ancient settlements of the Gafuriyskiy district. Scientific report on the archaeological expedition to the Gafury district). Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 355 (in Russian).

Yusupov, G.V. 1956b. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 64. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 85–92 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik* (Bashkir Archaeological Collection of Papers). Ufa, 58–87 (in Russian).

About the Author:

Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskaya str. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.

УДК 551.89:574:902/904 (470.331)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.198.223>

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДИЩ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ИСТОКАХ ВОЛГИ И ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ (РУНА-ЗАБОРОВКА, ЗАБОРОВКА-ЛИХУША, ВОРОШИЛОВО, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВЕРХМАРЕВО)¹

© 2023 г. А.Л. Смирнов, М.В. Добровольская, Д.А. Куприянов,
Л.Г. Ханина, Е.О. Челобаева, М.В. Бобровский

Исследованы культурные слои пяти городищ, расположенных в верховьях рек Волги и Западной Двины (Тверская область) по описаниям шурфов и кернов. Культурные слои изученных городищ представлены темным песком мощностью 0,4–1 м, насыщенным древесными углями. Параметры культурных слоев городищ позволяют отнести их к Archaeological Dark Earth. При этом культурные слои городищ различаются по мощности, степени однородности, окраске, концентрации древесных углей. Анализ радиоуглеродного возраста 19 образцов углей позволяет предположить, что период максимальной хозяйственной активности на городищах Заборовка-Лихуша, Ворошилово и Верхмареве-1 пришелся на период раннего железного века (III в. до н.э. – первые века н.э.). По находкам керамики и некоторым атрибутивным вещам эти памятники можно отнести к дьяковской и поздней дьяковской культурам. Для городищ Руна-Заборовка и Верхмареве-2 основной этап формирования культурного слоя соответствует раннему средневековью.

Ключевые слова: археология, педоантракология, радиоуглеродное датирование, палеоурбаноземы, Dark Earth, дьяковская культура.

CULTURAL LAYER OF THE IRON AGE AND EARLY MIDDLE AGES HILLFORTS IN THE RIVER-HEADS OF THE VOLGA AND WESTERN DVINA (RUNA-ZABOROVKA, ZABOROVKA-LIKHUSHA, VOROSHILOVO, VERKHMAREVO ARCHAEOLOGICAL COMPLEX)²

A.L. Smirnov, M.V. Dobrovolskaya, D.A. Kupriyanov,
L.G. Khanina, E.O. Chelobayeva, M.V. Bobrovsky

The cultural layers of five hillforts located in the upper parts of the Volga and Western Dvina rivers (Tver region) were studied according to the descriptions of prospecting shafts and core samples. The cultural layers of the hillforts are represented by dark sand with a thickness of 0.4–1 m, satiated with charcoal. The characteristics of the cultural layers of the hillforts allow authors to refer them to the Archaeological Dark Earth. The cultural layers of the hillforts differ in thickness, degree of homogeneity, coloring and concentration of charcoal. Radiocarbon dating of 19 charcoal samples suggests that the period of maximum economic activity at the hillforts of Zaborovka-Likhusha, Voroshilovo and Verkhmarevo-1 fell on the period of the Early Iron Age (3 century BC – first centuries AD). According to the finds of pottery and some attributive objects, these sites can be related to the Dyakovo and late Dyakovo cultures. The main stage in the formation of the cultural layer for Runa-Zaborovka and Verkhmarevo-2 hillforts corresponds to the Early Middle Ages.

Keywords: archaeology, pedoanthracology (soil charcoal analysis), radiocarbon dating, urban paleosoils, Dark Earth, Dyakovo culture.

Регион истоков двух великих рек Восточно-Европейской равнины, Западной Двины и Волги, очень неравномерно охвачен археологическими исследованиями. Неравномерность эта проявляется как в пространственном отношении – зоны концентрации памятников,

обычно рядом с водными артериями, чередуются с почти неразведанными пространствами, – так и в отношении хронологическом. В настоящее время Пеновский район Тверской области насчитывает 300 археологических памятников, начиная с эпохи финального

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01761.

² The work was supported by Russian Science Foundation grant No 22-28-01761.

Рис. 1. Территория раннедьяковских культур и смежных территорий, по И.В. Ислановой (2019).

Красный квадрат – регион исследований авторов

Fig. 1. Area of the Early Dyakovo cultures and adjacent areas according to I.V. Islanova (2019). The authors' study region is marked with red square

палеолита и заканчивая поздним Средневековьем (Археологическая карта..., 2012). При этом наибольшее число исследований было посвящено памятникам эпохи неолита и древнерусского времени, а хронологический диапазон «бронзовый век – раннее Средневековье» остался на периферии интересов исследователей.

При масштабных культурно-исторических построениях для периода раннего железного века территорию истоков Волги, Западной Двины и Полаы считают либо западной периферией дьяковской культуры, либо контактной зоной днепро-двинской и дьяковской культур (Третьяков, 1966; Смирнов, 1974; Седов, 1999; Исланова, 2019). Ближайшие хорошо изученные в археологическом отношении регионы – зона верхневолжских озер и междуречье Западной Двины и Ловати.

В зоне верхневолжских озер изучением археологических памятников занимались в разные периоды В.Н. Глазов (1905), С.А. Тараканова (1945), А.В. Успенская (1968), И.В. Исланова (2012), О.М. Олейников (2007), И.Н. Черных (Черных и др., 2013). Верхневолжская группа городищ плохо изучена, т. к. они все разрушены напластованиями древнерусского времени. Более того, вывод о существовании горизонта раннего железного века сделан исключительно на переотложенном

вещевом и керамическом материале. Соответственно, у нас отсутствуют реперные памятники в этом регионе, на которые можно было бы ориентироваться (Исланова и др., 2007, с. 134; Исланова, 2012, с. 8, 17).

Основные исследования в Верхнем Подвенье были проведены Я.В. Станкевич в 50-х годах XX века (Станкевич, 1960). В дальнейшем исследования были сконцентрированы в южном междуречье Западной Двины и Ловати, где много лет ведет планомерную деятельность Северо-Западная экспедиция Государственного Эрмитажа. Территория к северу от истоков остается фактически неизученной и выделяется как локальный вариант днепро-двинской культуры, ильменский, или как зона с влиянием днепро-двинских традиций на юго-западе и дьяковских на востоке (Короткевич, Мазуркевич, 1993). Согласно М.А. Юшковой (2011), очерченный регион частично вписывается в границы памятников волховского типа. В первые века нашей эры на территорию распространения днепро-двинской культуры проникает население среднего слоя Тушемли (Фурасьев, 2000; Шмидт, 2003). Однако в силу малой изученности остается неясным влияние традиций пришельцев на исток Великих рек. В зоне Верхневолжских озер продолжают функционировать раннедьяковские памятники с тяготением к верхнедвинскому варианту днепро-двинской культуры или чересполосному их существованию. В первые века н. э. очерченная территория входит в ареал позднедьяковских древностей, возможно, возникших под влиянием среднетушемлинских импульсов (Исланова, 2012, с. 19; Исланова 2019, с. 315). В то же время истоки Волги даже на уровне разведочных работ, для раннего железного века, остаются белым пятном на археологической карте (рис. 1) (Исланова, 2012, с. 11).

Работа с архивными материалами и разведки последних лет позволили выявить на территории северной части Пеновского района сеть городищ раннего железного века и раннего Средневековья (Смирнов и др., 2021а, б; Смирнов и др., в печати). Изучение формирования археологического (культурного) слоя городищ представляет особый интерес в связи с особенностями поселений лесного региона Европейской России в раннем железном веке и раннем Средневековье. Именно городища являлись либо преоблада-

ющей (в раннем железном веке), либо частой (в раннем Средневековье) формой расселения в регионе (Исланова, 2012, 2014, 2019; Кренке, 2011, 2019). Все большее значение при исследовании культурных слоев приобретают методы изучения древесных углей (педоантракология) (Carcaillet, Thinon, 1996; Asouti, Kabukcu, 2021). Важной особенностью этого метода, по сравнению со многими другими методами палеоэкологии, является возможность реконструировать историю конкретных участков, что особенно ценно при исследовании археологических памятников (Figueiral, 1996; Théry-Parisot et al., 2010). Опубликованы первые результаты исследования концентрации древесных углей и их таксономического состава в культурных слоях трех городищ (Заборовка-Лихуша, Руна-Заборовка и Ворошилово) и в фоновых почвах (Бобровский и др., 2022; Bobrovsky et al., 2023). Для реконструкции динамики природной среды выполнен анализ различных палеоиндикаторов в отложениях болота Кривецкий Мох (Mazei et al., 2020).

Задача данной работы – характеристика и сравнительный анализ культурного слоя пяти городищ на территории Верхневолжья, включая данные об археологических находках и концентрации древесных углей.

Район исследования

Район исследований расположен на севере Валдайской возвышенности, в Пеновском районе Тверской области (рис. 2). С запада исследуемая территория ограничена водоразделами рек Западной Двины и Невы (притоками оз. Ильмень, из которого вытекает р. Волхов, впадающая в Ладожское озеро), а с востока – цепью Верхневолжских озер, входящих в состав реки Волги.

Район относится к неморально-бореальной (гемибореальной) полосе лесной зоны (European Russian Forests..., 2017). В целом исследуемая территория относится к области молодого моренного рельефа в пределах Валдайского оледенения, которую характеризует конечноморенный грядово-холмистый и крупнохолмистый рельеф. Ландшафт представлен холмистой равниной (150–250 м н. у. м. с максимальной высотой 275 м), умеренно расчлененной долинами небольших ручьев и озерными котловинами. Четвертичные отложения представлены моренными суглинками и флювиогляциальными песками. Моренные

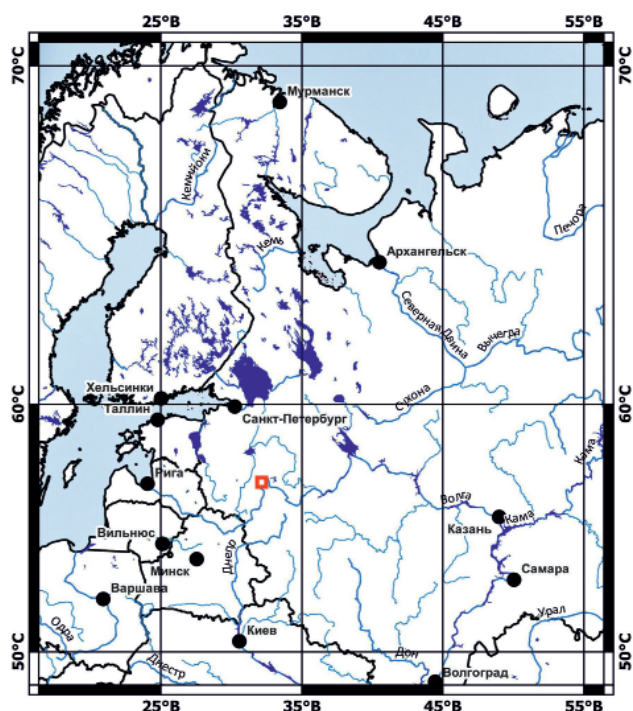

Рис. 2. Расположение района исследований (отмечен красным квадратом)

Fig. 2. Location of the study area (marked with a red square)

гряды и холмы ориентированы в основном с северо-запада на юго-восток, имеют высоту от 6 до 20 и длину от 100 до 1500 м. В понижениях между моренными холмами расположено большое число озер и болот. Климат умеренно-континентальный с относительно холодной зимой (средняя температура января 5,9 °С) и теплым летом (средняя температура июля 18,3 °С) (метеостанция Торопец, 80 км к юго-западу от района исследований, 1988–2019 гг.; <http://www.meteo.ru>). Среднегодовая температура +5,6 °С; среднегодовое количество осадков около 761 мм.

В регионе преобладают сосновые (*Pinus sylvestris*) и еловые (*Picea abies*) леса с участием берез повислой и пушистой (*Betula pendula*, *B. pubescens*), осины (*Populus tremula*). В подлеске часто встречаются рябина обыкновенная (*Sorbus aucuparia*) и крушина ломкая (*Frangula alnus*). В напочвенном покрове преобладают кустарнички – черника (*Vaccinium myrtillus*) и брусника (*V. vitis-idea*), зеленые мхи. Обычны бореальные и неморальные травы и папоротники: кислица обыкновенная (*Oxalis acetosella*), ландыш майский (*Convallaria majalis*), вейник лесной (*Calamagrostis arundinacea*), щитовник мужской (*Dryopteris filix-mas*), зеленчук

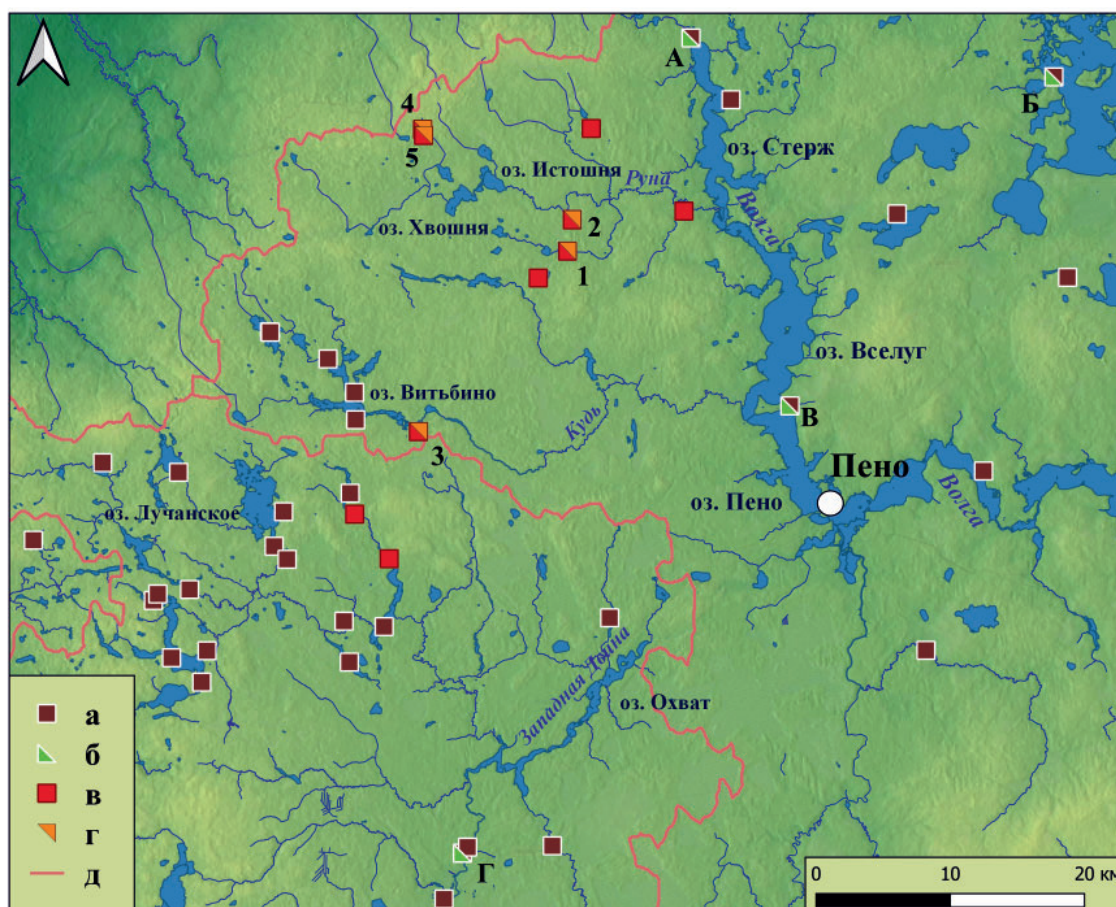

Рис. 3. Городища в районе исследований: а – известные городища; б – городища, где проводились стационарные исследования; в – городища, выявленные Рунским отрядом ИА РАН; г – объекты исследования; д – линии водоразделов. 1 – Заборовка-Лихуша; 2 – Руна-Заборовка; 3 – Ворошилово; 4 – Верхмареево-1 (северное); 5 – Верхмареево-2 (южное). А – Стерж; Б – Николо-Рожок; В – Нечай Городок; Г – Курово-1.

Fig. 3. Hillforts in the study area: а – known hillforts; б – hillforts where stationary studies were carried out; в – hillforts identified by the Runa unit of the Institute of Archaeology RAS; г – study object; д – watershed lines. 1 – Zaborovka-Likhusha; 2 – Runa-Zaborovka; 3 – Voroshilovo; 4 – Verkhmarevo-1 (northern); Verkhmarevo-2 (southern). А – Sterzh; Б – Nikolo-Rozhok; В – Nechai Gorodok; Г – Kurovo-1.

желтый (*Galeobdolon luteum*), копытень европейский (*Asarum europaeum*), звездчатка жестколистная (*Stellaria holostea*), печеночница благородная (*Hepatica nobilis*). В сосновых лесах встречается дуб черешчатый (*Quercus robur*), обычно в виде подростка; в нижних ярусах еловых лесов встречается липа сердцелистная (*Tilia cordata*).

В почвенном покрове на плакорах и склонах преобладают дерново-подзолы и дерново-подбурь, в сырых понижениях распространены торфяно-подзолы, торфяно-глеевые почвы (Bobrovsky et al., 2023).

Материалы и методы

Объектом исследования послужили пять городищ, открытых в 2018–2020 гг. (рис. 3) (Смирнов и др., 2021а, б; Смирнов и др., в печати): Заборовка-Лихуши, Ворошилово, Руна-Заборовка, Верхмареево-1 и Верхмарее-

во-2. В ходе описания городищ проведена инструментальная съемка рельефа. Также для участков, на которых расположены городища, выполнена лидарная съемка (лазерное сканирование) с беспилотного воздушного судна.

В ходе археологической разведки на площадках четырех городищ – Заборовка-Лихуши, Ворошилово, Верхмареево-1 и 2 – выполнены шурфы. На городище Руна-Заборовка зачищено обнажение культурного слоя, образованное в результате вывала дерева. Для уточнения характера сложения культурного слоя и оценки его мощности, а также для определения концентрации углей были отобраны пробы с помощью почвенного бура (рис. 4: А).

На участке городища Заборовка-Лихуша были отобраны четыре керна с шагом по глубине 15 см до глубины 120 см. Также были

Рис. 4. Шурфы и бурение на городищах: А – пример отбора образцов буром; Б – шурф на городище Верхмарево-1 (северное); В – бугор вывала осины на городище Руна-Заборовка; Г – шурф на городище Верхмарево-2 (южное); Д – шурф на городище Ворошилово.

Fig. 4. Prospecting shafts and drilling on the hillforts: А – example of sampling with a drill; Б – prospecting shaft on the Verkhmarevo-1 (northern) hillfort; В – hillock after aspen treefall on the hillfort of Runa-Zaborovka; Г – prospecting shaft on the Verkhmarevo-2 (southern) hillfort; Д – prospecting shaft on the Voroshilovo hillfort.

взяты древесные угли из археологического шурфа 2×2 м: из остатков сгоревшего деревянного строения с глубины 55 см и из культурного слоя с глубины 35 см от условного репера.

Дополнительно к шурфу на площадке городища был выполнен разрез на западном склоне у подножия городища, где был обнаружен древний ров, заполненный делювиальными отложениями, отобрано три образца грунта.

На площадке городища Ворошилово были отобраны три керны с шагом 15 см до глуби-

ны 120 см. На краю разрушенной внутренней площадки был заложен шурф размером 1×0,6 м, из которого взяты две пробы насыщенного углями грунта. Также образец грунта был взят с бугра вывала, образованного в результате падения ели, росшей на внутренней площадке городища.

На площадке городища Руна-Заборовка были отобраны три керны с шагом 15 см до глубины 90 см, а также взят один образец почвы из небольшой ямы на внутренней площадке городища.

На городище Верхмарево-1 был исследован археологический шурф размером 1×1 м, а также взяты три керны с шагом 20 см до глубины 120 см. На городище Верхмарево-2 также были отобраны три керны с шагом 20 см до глубины 120 см.

Все образцы грунта высушивали на воздухе и просеивали через сито с размером ячеек 2 мм (Carcaillet, Thion, 1996). Фрагменты древесного угля извлекались вручную из просеянных образцов. Как угли, так и грунт затем взвешивали для расчета концентрации древесного угля (или антракомассы, г угля на кг сухой почвы).

Девятнадцать образцов древесного угля были подготовлены для радиоуглеродного датирования в Радиоуглеродной лаборатории Института географии РАН с использованием системы графитизации AGE-3 (Ionplus), а затем датированы методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии. Радиоуглеродные даты были откалиброваны с помощью IntCal20 (Reimer et al., 2020) с использованием OxCal (Ramsey, 2009). Для оценки распределения календарного возраста использовали также метод оценки ядерной плотности (KDE), реализованный в OxCal (Ramsey, 2017). Результаты определения возраста для некоторых образцов были опубликованы ранее (Бобровский и др., 2022; Bobrovsky et al., 2023).

Описание городищ

Городище Заборовка-Лихуша

Городище расположено юго-восточнее села Заборовка в урочище Лихуша, на мысе моренного холма (рис. 5). С севера ограничено заболоченной поймой реки Заборовки (правый приток реки Руны, приток озера Стерж, часть Верхневолжского водохранилища). С западной стороны мыса находится русло пересыхающего ручья (правый приток реки Заборовки). Городище находится на краю достаточно крупного болотно-лесного массива, часть которого включена в территорию государственного природного заказника регионального значения «Заборовский». С запада к массиву примыкают зарастающие лесом пашни.

Внутренняя площадка овальной формы, вытянута с юго-востока на северо-запад, 35×21 м, высотой 18 м над рекой (рис. 5, 6А). Платформа ограничена с юго-восточной

стороны слабозаметным на местности ровом глубиной до 0,15 м, шириной 1,5 м и длиной 31 м и малозаметным валом длиной 12 м и высотой до 0,2 м, который прослеживается на небольшом участке с южной стороны (рис. 6: Б). Юго-западный склон городища эскарпирован, в рельефе хорошо выражена площадка шириной до 2,5 м. С северо-западной стороны внутреннюю площадку городища и возвышенный мыс разделяют ров глубиной около 0,7 м, шириной 2 м и длиной 41 м и вал высотой около 1,2 м, шириной до 6 м и длиной 20 м. За валом, в сторону мыса, имеется слабозаметный ров длиной 12 м, шириной до 3 м и глубиной до 0,5 м, вероятно образовавшийся при строительстве вала. Первый ров на севере резко переходит в крутой склон оврага, ограничивающего городище с северо-востока. Внутренний участок ограничен со всех сторон хорошо различимым оплывшим валом, достигающим наибольшей высоты 0,8 м в южной части городища; ширина вала от 2 до 4 м.

На площадке произрастает еловый лес, на примыкающих склонах – сосново-еловый лес; возраст наиболее крупных сосен, определенный в 2019 г. с помощью приростного бурава, составлял от 80 до 110 лет.

Путем шурфовки (размер шурфа 2×2 м) в центре площадки не удалось установить мощность культурного слоя. Раскопки были приостановлены на глубине 30 см от дневной поверхности, не доходя до материка, в связи с выявлением объекта в юго-западной половине шурфа. В заполнении шурфа преобладал песчаный материал, имевший окраску от светло-серого до темно-серого, с включениями углей. По результатам анализа кернов мощность культурного слоя составляет от 45 до 75 см. Окраска культурного слоя варьирует, встречен бурый, светло-серый, темно-серый песчаный материал; во всех образцах песок насыщен углями. Наибольшая мощность культурного слоя и его наиболее темная окраска отмечены в южной части площадки городища.

В шурфе выявлен немногочисленный керамический материал, представленный 12 фрагментами лепных сосудов (рис. 7) и небольшими колотыми, обожжёнными камнями. В верхнем горизонте шурфа преобладала гладкостенная керамика (рис. 7: 1–6), в нижнем встречены три фрагмента сетчатой керамики (рис. 7: 7–9).

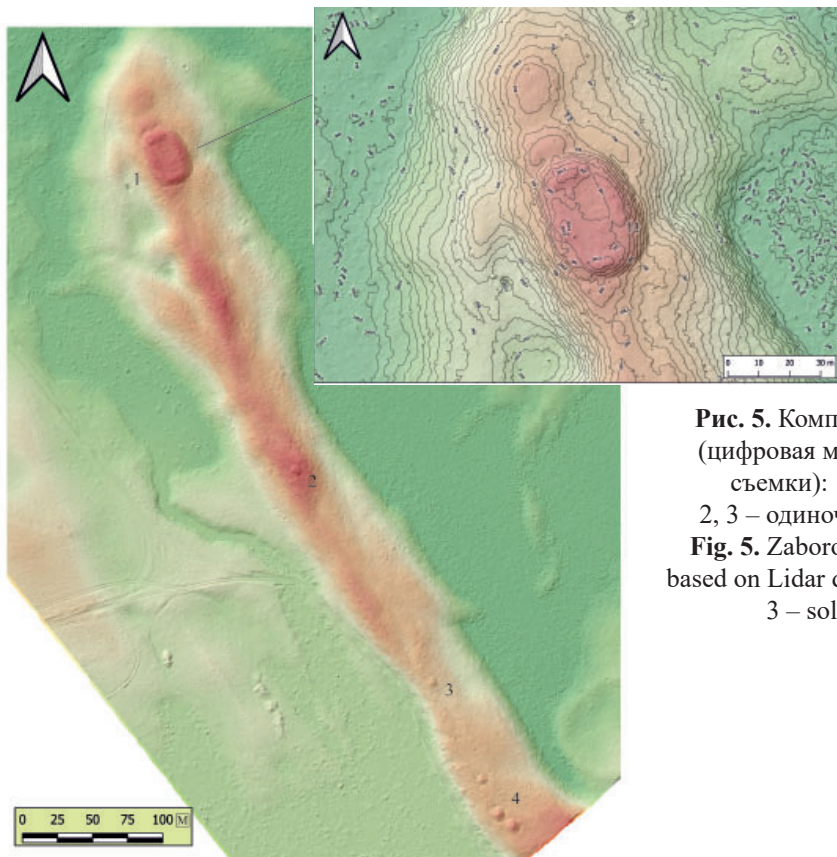

Рис. 5. Комплекс памятников Заборовка-Лихуша (цифровая модель рельефа по данным лидарной съемки): 1 – городище Заборовка-Лихуша;

2, 3 – одиночные курганы; 4 – курганная группа

Fig. 5. Zaborovka-Likhusha site (digital relief model based on Lidar data): 1 – Zaborovka-Likhusha hillfort; 2, 3 – solitary barrows; 4 – barrow group

Рис. 6. Городище Заборовка-Лихуша: А – площадка городища; Б – вид с напольной стороны

Fig. 6. Zaborovka-Likhusha hillfort: А – square of the hillfort; Б – view from the open side

По найденной керамике городище можно предварительно датировать в широких рамках второй половины I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. Более узкая датировка возраста культурного слоя получена в результате радиоуглеродного датирования древесного угля и подтверждает хронологию керамического комплекса. Древнейшая дата получена по углю из остатков сгоревшего сооружения (с глубины 55 см от условного репера) – около 295 кал. л. до н. э. (IGANAMS-7118, здесь и далее указаны медианные значения интервала 2σ калиброванного возраста) (рис. 8). По

углям из образца грунта на дне рва (нижний слой делювиального отложения на глубине 35–49 см, сформированный в результате эрозии склона городища) получена дата 155 кал. л. до н. э. (IGANAMS-7297). Третья дата получена по углям из керна – около 10 кал. л. до н. э. (глубина 15–30 см, IGANAMS-8075). Таким образом, время активности на городище Заборовка-Лихуша в пределах раннего железного века находится в интервале от начала 3 в. до н. э. до конца 1 в. до н. э.

На городище Заборовка-Лихуша также можно предположить деятельность челове-

Рис. 7. Археологические находки на городище Заборовка-Лихуша: 1 – фрагмент донца лепного гладкостенного сосуда; 2, 3–6 – фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов; 4 – фрагмент венчика лепного гладкостенного сосуда; 7, 9 – фрагменты стенок сетчатого сосуда; 8 – фрагмент венчика сетчатого сосуда.

Fig. 7. Archaeological finds on the Zaborovka-Likhusha hillfort: 1 – bottom fragment of the hand-made smooth-walled vessel; 2, 3–6 – wall fragments of smooth-walled stucco vessels; 4 – walls fragments of the hand-made smooth-walled pottery; 7, 9 – rim fragment of the hand-made smooth-walled vessel; 8 – fragment of the rim of the textile ornamented vessel.

ка в раннем Средневековье (VII–VIII века н. э.). На это указывают как отложения с включениями углей во рве (слой на глубине 16–35 см), датированный около 650 кал. л. н. э. (IGANAMS-7298), так и присутствие углей этого времени в культурном слое: угли из шурфа с глубины шурфа имеют возраст около 610 кал. л. н. э. (35 см, IGANAMS-7119), а угли из керна – 730 кал. л. н. э. (45–60 см, IGANAMS-8076). Возможно, что деятельность на городище в этот период соответствует времени создания группы курганов, расположенных на этой же моренной гряде. Цепочку курганных насыпей на вершине холма (рис. 5) можно датировать второй половиной I тыс. н.

э., соотнося их с культурой псковских длинных курганов, памятники которой широко представленной в регионе (Смирнов и др., 2021б).

Возраст углей из верхнего слоя отложений рва (8–16 см, IGANAMS-7299) соответствует 1580 г. н. э. Эрозия материала склона в это время могла быть вызвана как активностью человека на городище, так и обнажением поверхности в результате лесного пожара (что представляется менее вероятным).

Городище Руна-Заборовка

Городище расположено к северо-северо-востоку от села Заборовка, в 0,7 км от правого берега реки Руны. Внутренняя площадка

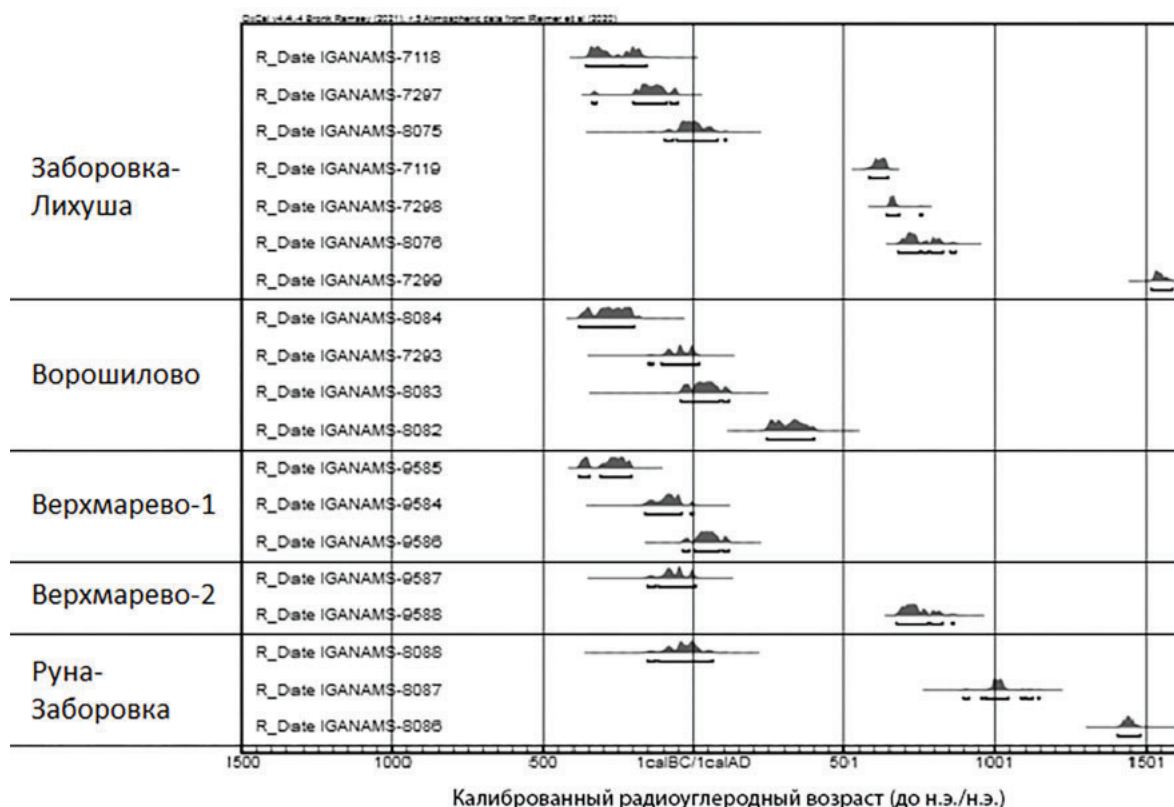

Рис. 8. Вероятностные кривые калиброванного радиоуглеродного возраста углей из почв (культурных слоев) исследованных городищ.

Fig. 8. Probabilistic curves of calibrated radiocarbon dates for charcoals from soil (cultural layers) of studied hillforts

округлая, имеет воронкообразную вогнутость, диаметр площадки 25 м, площадь 500 м² (рис. 9). Возвышается на 3 м от окружающей поверхности. Городище расположено на моренном всхолмлении размером примерно 200×200 м, окруженном топкими, заболоченными низинами (рис. 9: А). Рядом находится исток безымянного ручья, правого притока реки Руны.

С западной стороны городище ограничено полукруглым рвом длиной 68 м, шириной 2,5–3 м и глубиной до 0,15 м, с возвышающейся в центре перемычкой, переходящей в основную насыпь. Ров ограничивает половину городища, с востока не прослеживается. Лишь с северо-запада за рвом прослеживается небольшой вал высотой до 0,75 м, длиной 14 м и шириной до 5 м.

Для определения мощности археологического слоя и культурно-хронологической принадлежности городища была произведена зачистка разрушенного земляного покрова на месте вывала осины (рис. 4: В), участок нарушенного слоя находился на площадке внутри

обваловки. Слой представлен темно-бурой супесью с включениями древесных углей. Мощность культурного слоя здесь не превышает 40 см. По результатам бурения мощность культурного слоя на площадке городища составляет 35–50 см. Керамический материал представлен гладкостенной лепной керамикой без орнамента, встречался в основном на глубине около 20 см, найдено также два фрагмента печины (рис. 10). Датировка по немногочисленной (7 фрагментов) керамической коллекции затруднительна, предварительно мы относим находки к I тыс. н. э. Радиоуглеродное датирование древесных углей из материала кернов также не позволило однозначно определить время формирования культурного слоя. Уголь возрастом около 30 кал. л. до н. э. (IGANAMS-8088) располагался на глубине 60–75 см, глубже темного культурного слоя. При этом мы не можем утверждать, что этот материал не относится к более раннему культурному слою, не имеющему темной окраски.

Находки гладкостенной керамики позволяют отнести время формирования по край-

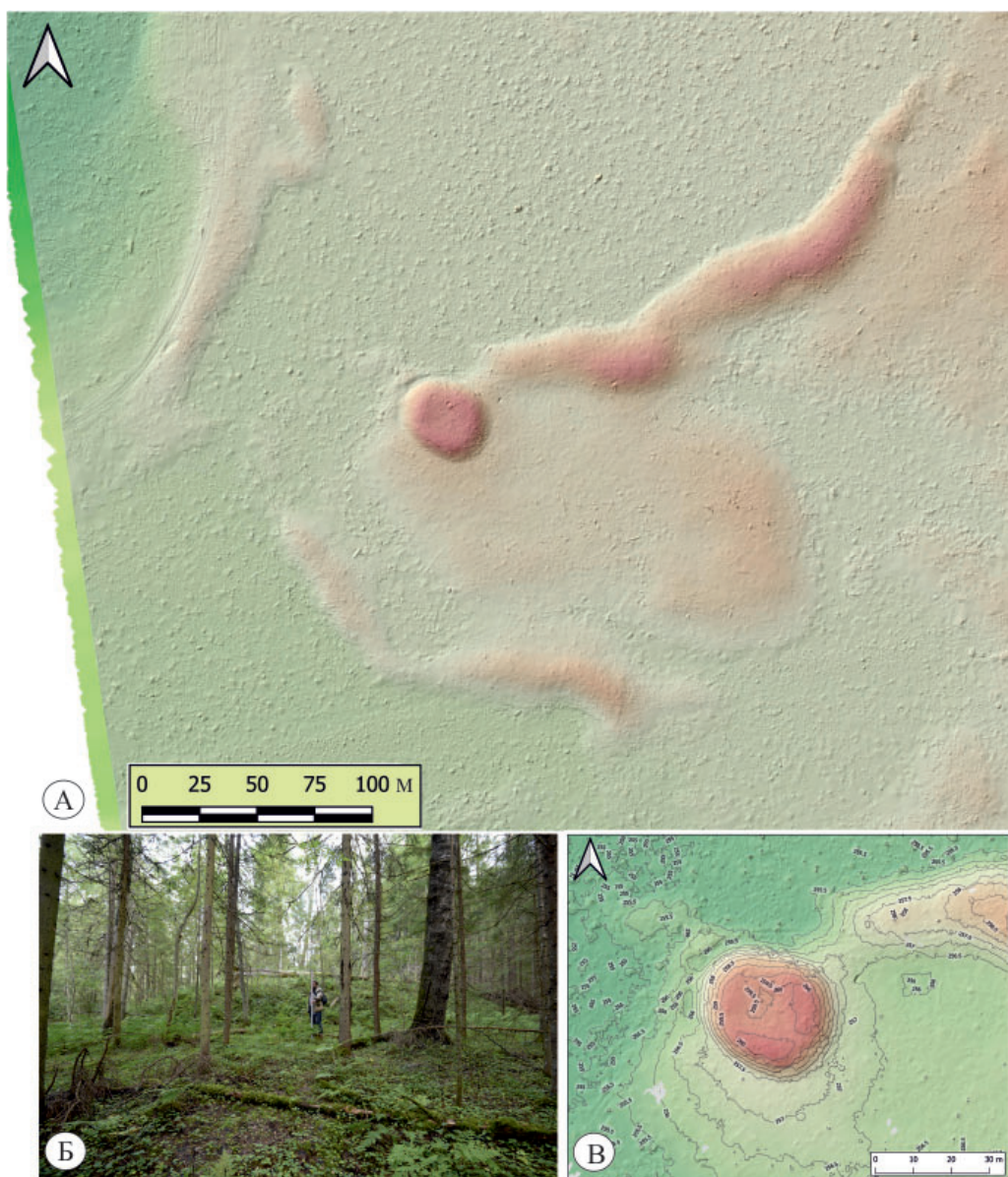

Рис. 9. Городище Руна-Заборовка: А, В – цифровая модель рельефа городища и округи (на основе лидарного снимка); Б – вид с напольной стороны
 Fig. 9. Runa-Zaborovka hillfort: A, B – digital relief model of the hillfort and the surrounding area (based on Lidar picture); Б – view from the open side

ней мере части культурного слоя и к раннему железному веку, и к раннему Средневековью; древесный уголь из керна с глубины 15–30 см вероятно относится к более позднему времени и датирован около 1010 кал. н. э. (IGANAMS-8087) (рис. 8). Угли в верхней части культурного слоя имеют возраст около 1440 кал. н. э. (IGANAMS-8086), их сложно связать с конкретной деятельностью, так как археологических находок этого времени не обнаружено.

Городище Руна-Заборовка отличается от других исследованных памятников положением в рельефе, формой, характером фортифика-

ционных сооружений, сложением и составом культурного слоя (отсутствие фрагментов пережжённых камней, небольшая мощность, относительно слабая прокрашенность углей). По ряду признаков можно предположить его близость к болотным городищам, описанным А.Н. Лявданским (1926) и В.В. Седовым (1960) (см. также Шмид, 1992).

Городище Ворошилово

Городище расположено восточнее д. Ворошилово на моренном холме главного берега оз. Пнево, входящего в водную систему р. Куди (является западным притоком озера Вселуг, входящего в состав Верхневолжского

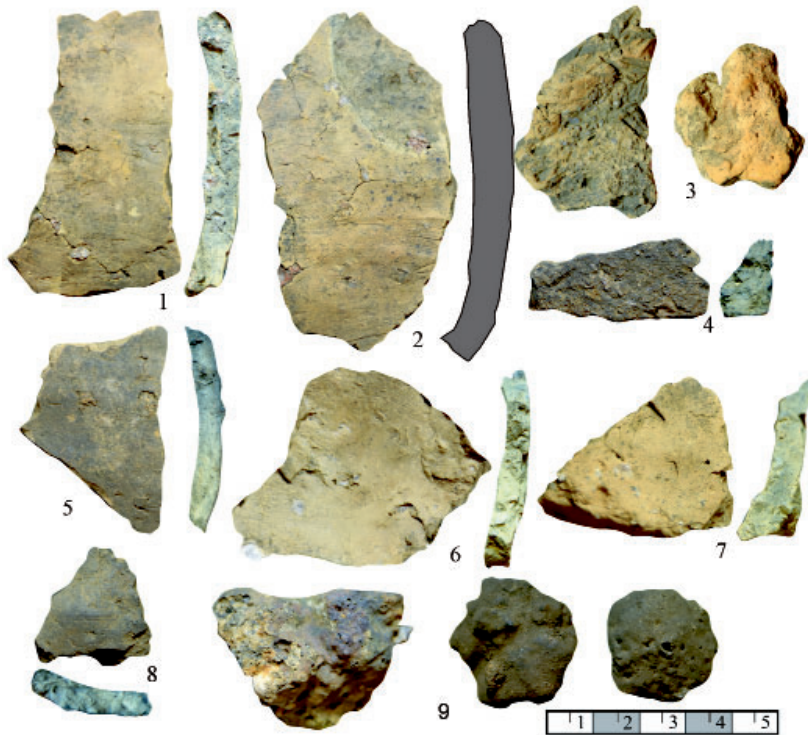

Рис. 10. Археологические находки на городище Руна-Заборовка: 1, 2, 5, 6, 8 – фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов; 3 – печина; 4, 7 – фрагмент донца лепного сосуда; 9 – шлаки

Fig. 10. Archaeological finds from the Runa-Zaborovka hillfort: 1, 2, 5, 6, 8 – fragments of walls of the hand-made smooth-walled vessels; 3 – backed clay; 4, 7 – hand-made vessel bottom fragment; 9 – slags

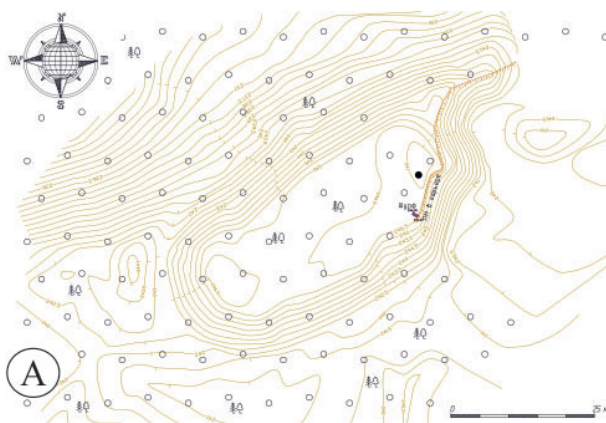

Рис. 11. Городище Ворошилово: А – топографический план городища; Б – вид с напольной стороны
Fig. 11. Voroshilovo hillfort: А – topographic plan of the hillfort; Б – view from the open side

водохранилища). Холм и территория к северу от него, до озера, покрыты лесом; с востока примыкает участок недавней вырубki, с запада и юга – современные и заброшенные пашни. В древесном ярусе преобладает ель; подрост и подлесок богаты видами, заметную роль в подлеске играет лещина (*Corylus avellana*). На вершине и склонах холма сравнительно много недавних вывалов деревьев, в основном елей.

Внутренняя площадка городища имеет овальную форму, вытянута по линии юго-запад – северо-восток, размеры 47×18 м, высота над кромкой озера 14 м (рис. 11).

Площадка ограничена с юго-западной напольной стороны валом высотой 1,8 м, длиной 18 м и шириной 7 м; перед валом следы рва шириной 3 м, длиной 34 м и глубиной 0,4 м. С северо-востока видны остатки рва и вала, в значительной части разрушенных песчаным карьером. Размеры сохранившейся части рва: длина 5,5 м, глубина 0,3 м, ширина 2 м. Вал почти полностью разрушен, размеры неповрежденной части: длина 2,5 м, высота 0,4 м, ширина 3 м. Южный и северный склоны городища эскарпированы, с четко различимыми в рельефе горизонтальными площадками. Длина северной платформы 45 м, ширина

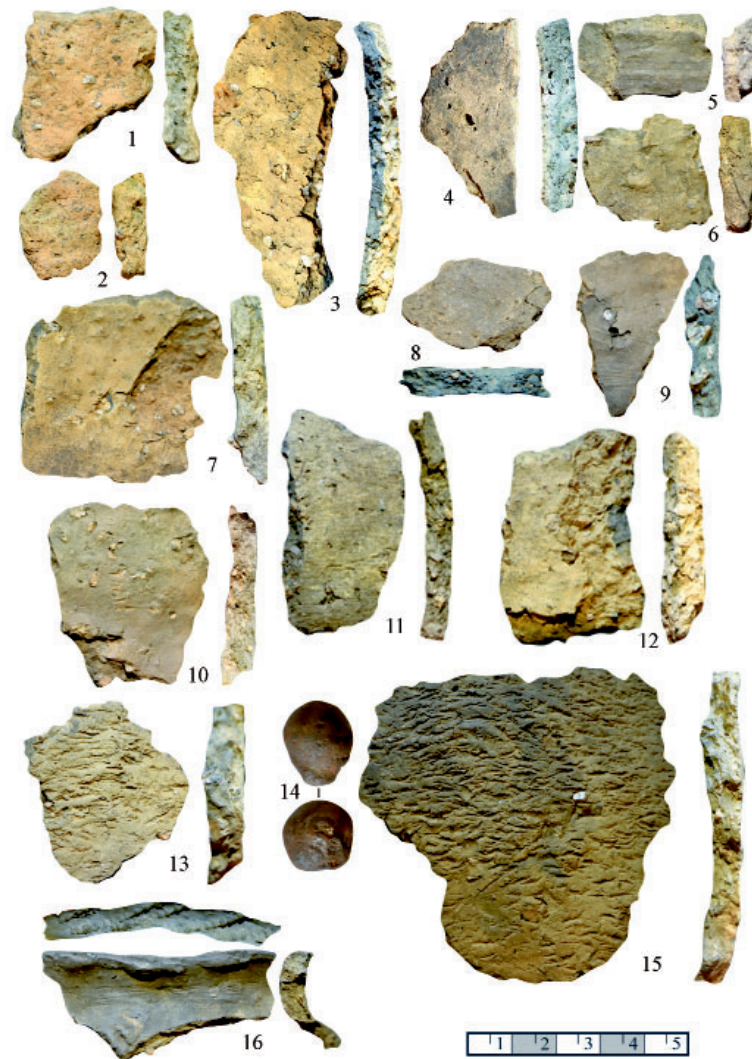

Рис. 12. Археологические находки на городище Ворошилово: 1–12 – фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов; 13, 15 – фрагменты стенок сетчатого сосуда; 14 – глиняный шарик; 16 – фрагмент венчика лепного гладкостенного сосуда, с орнаментом «палочка на веревочке».

Fig. 12. Archaeological finds on the Voroshilovo hillfort: 1–12 – wall fragments of the hand-made smooth-walled vessels; 13, 15 – wall fragments of cellular vessel; 14 – clay ball; 16 – rim fragment of the hand-made smooth-walled vessel with a “stick in a string” ornament.

до 3 м, длина неразрушенной южной платформы 33 м, ширина до 6 м. Высота откосной части городища 5–5,5 м. Юго-восточная часть участка также частично разрушена карьером; длина культурного слоя, подвергшегося разрушению, составляет 20 м.

Культурный слой представлен темно-серым до черного песком, насыщенным включениями углей, а также камней разного размера со следами термического воздействия. Мощность культурного слоя в шурфе на краю площадки городища до 60 см (рис. 4: Д), в кернах от 50 до 85 см. Находки представлены гладкостенной керамикой

преимущественно без орнамента; обнаружен один фрагмент с отпечатком «палочка на веревочке» на срезе венчика и с внешней стороны (рис. 12). Это типичный орнамент для находок керамики первой половины I тыс. н. э. на поселениях Москворечья (Розенфельд, 1974, с. 148; Кренке, 2011, с. 118; Исланова, 2008, с. 31). В нижнем горизонте шурфа найдены два фрагмента сетчатой керамики. В подъемном материале из вывалов встречен грузик дьякова типа и глиняный шарик (рис. 13). Грузик можно отнести к типу 8а по К.А. Смирнову, датируемому IV–III вв. до н. э. – I в. н. э. (Смирнов, 1971, с. 82; 1974, с. 64). Глиняные

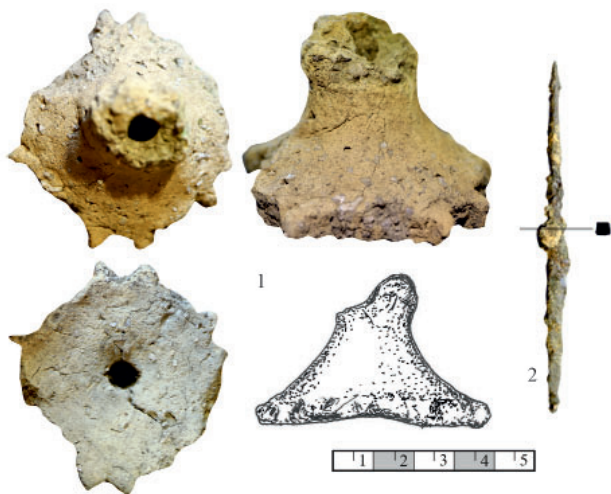

Рис. 13. Археологические находки на городище Ворошилово (продолжение): 1 – грузик «Дьякова типа»; 2 – изделие из металла

Fig. 13. Archaeological finds from the Voroshilovo hillfort (continuation): 1 – Dyakovo type spindle whorl; 2 – item made of metal

шарики – довольно распространенные находки в верхнем слое Дьякова городища, в слоях I тыс. н. э. (Кренке, 2011, с. 73, 201). Таким образом, вещевой материал дает широкие хронологические рамки функционирования памятника, со второй половины I тыс. до н. э. по первую половину I тыс. н. э.

Все радиоуглеродные даты находятся в диапазоне раннего железного века (рис. 8). Древнейшая дата, около 280 кал. л. до н. э., получена по углям из керна с глубины 105–120 см (IGANAMS-8084). Поскольку эти угли происходят из материала, расположенного глубже темного культурного слоя, неизвестно, связано ли их происхождение с существованием городища. Угли из нижней части культурного слоя, извлеченные из археологического шурфа на глубине 45–60 см (IGANAMS-7293) и из керна с глубины 60–75 см (IGANAMS-8083), имеют близкий возраст, соответствующий интервалу I в. до н. э. – I в. н. э., соответственно около 70 кал. л. до н. э. и 30 кал. л. н. э. Возраст древесного угля из керна с глубины 15–30 см (IGANAMS-8082) около 320 л. н. э. Это пока единственная дата из культурного слоя городищ и фоновых почв региона (Bobrovsky et al., 2023), находящаяся в интервале II–V вв. н. э.

Археологический комплекс Верхмареве

Комплекс расположен в междуречье реки Колши (бассейн реки Волги – северный приток озера Любцы, водная система в исто-

ке реки Руны, западный приток озера Стерж, часть Верхневолжского водохранилища) и безымянного ручья (Невско-Ладожский бассейн – восточный приток озера Алхимцево, служащего истоком реки Марёвки, правого притока реки Пола, впадающей в озеро Ильмень). Комплекс относится к территории заброшенной деревни Верхмареве. Он состоит из двух городищ, курганов и локальных участков с каменными грядами и многочисленными пирамидами из камней – «саип» (рис. 14) (Смирнов и др., 2021а, б; Смирнов и др., в печати).

Городища Верхмареве-1 и Верхмареве-2 находятся на моренном всхолмлении, территорию которого еще недавно использовали для выпаса скота и сенокоса. Сейчас здесь преобладает луговая растительность, местами происходит активная инвазия древесной растительности.

Городище Верхмареве-1 (северное) (рис. 14: В, 15: А, Б) расположено на северной оконечности моренной возвышенности, являющейся водоразделом между двумя бассейнами рек: Волгой (Каспийское море) и Невско-Ладожским (Балтийское море). Внутренняя площадка городища имеет овальную форму (рис. 14: В). Она вытянута по линии юго-восток – северо-запад. Его размеры 49×30 м, площадь 1100 м²; высота над рекой Колшей 26 м. На северо-восточном и юго-восточном склонах отчетливо видны следы эскарпа, рвы и валы не прослеживаются. Участок неровный: перепад высот с юго-востока (самая высокая часть, возможно разрушенный вал) на северо-запад до 2,5 м.

Культурный слой представлен темно-серым до черного песком с включениями мелких частиц древесного угля, обломков лепной керамики и камней со следами и без следов термического воздействия (рис. 4Б). В северо-западном углу шурфа зафиксирована яма, также заполненная черным углестым песком. Слой на глубину 55 см однородный, без прослоек. По результатам бурения мощность темного культурного слоя варьирует от 70 до 100 см. Находки представлены фрагментами гладкостенной лепной керамики (рис. 16: 1–9). Датировка времени активности на городище по вещевому комплексу находится в пределах I тыс. н. э.

Все радиоуглеродные даты для углей из кернов находятся в пределах периода ранне-

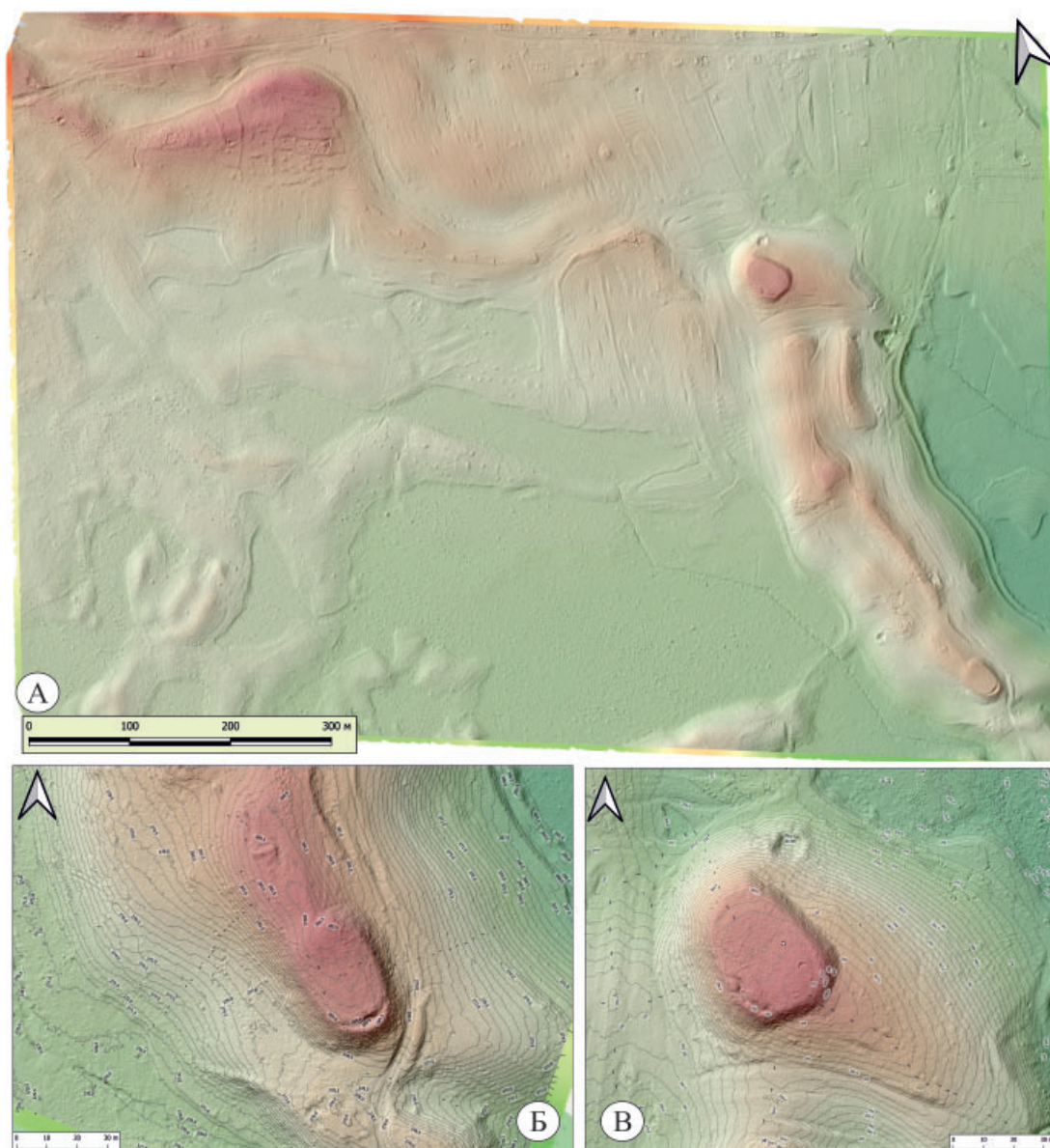

Рис. 14. Археологический комплекс Верхмарьево: А – цифровая модель рельефа комплекса (по данным лидарной съемки); Б – городище Верхмарьево-2 (южное); В – городище Верхмарьево-1 (северное)

Fig. 14. Verkhmarevo archaeological complex: А – digital relief model of the complex (based on Lidar data); Б – Verkhmarevo-2 hillfort (southern); В – Verkhmarevo-1 hillfort (northern)

го железного века (рис. 8). Наиболее древняя дата близка к таковой для городища Ворошилово, около 270 кал. л. до н. э. (глубина 40–60 см, IGANAMS-9585). Следующая по времени дата – около 70 кал. л. до н. э. (20–40 см, IGANAMS-9584), а самая молодая дата – 40 л. до н. э. (60–80 см, IGANAMS-9586).

Городище Верхмарьево-2 (южное) расположено на южной оконечности одноименной моренной возвышенности, в 450 м от северного городища. Внутренний участок также имеет овальную форму (рис. 14: Б). Он вытянут по линии юг – юго-восток – север – северо-

запад. Размеры участка 40×23 м, площадь 850 м², высота над рекой Колшей 20 м. Восточные, южные и западные склоны эскарпированы. На севере есть остатки разрушенного рва, сохранившаяся часть имеет длину 4 м, ширину до 2 м и глубину 0,3 м. В северной части также хорошо виден разрушенный вал длиной 16 м, шириной 1,2 м, высотой до 1 м. Внутренняя площадка не выровнена: перепад высот с северо-северо-запада (самая высокая часть, вероятно разрушенный вал) на юго-юго-восток до 2 м. На площадке был заложен шурф (рис. 4: Г); прокопан на глубину 25 см

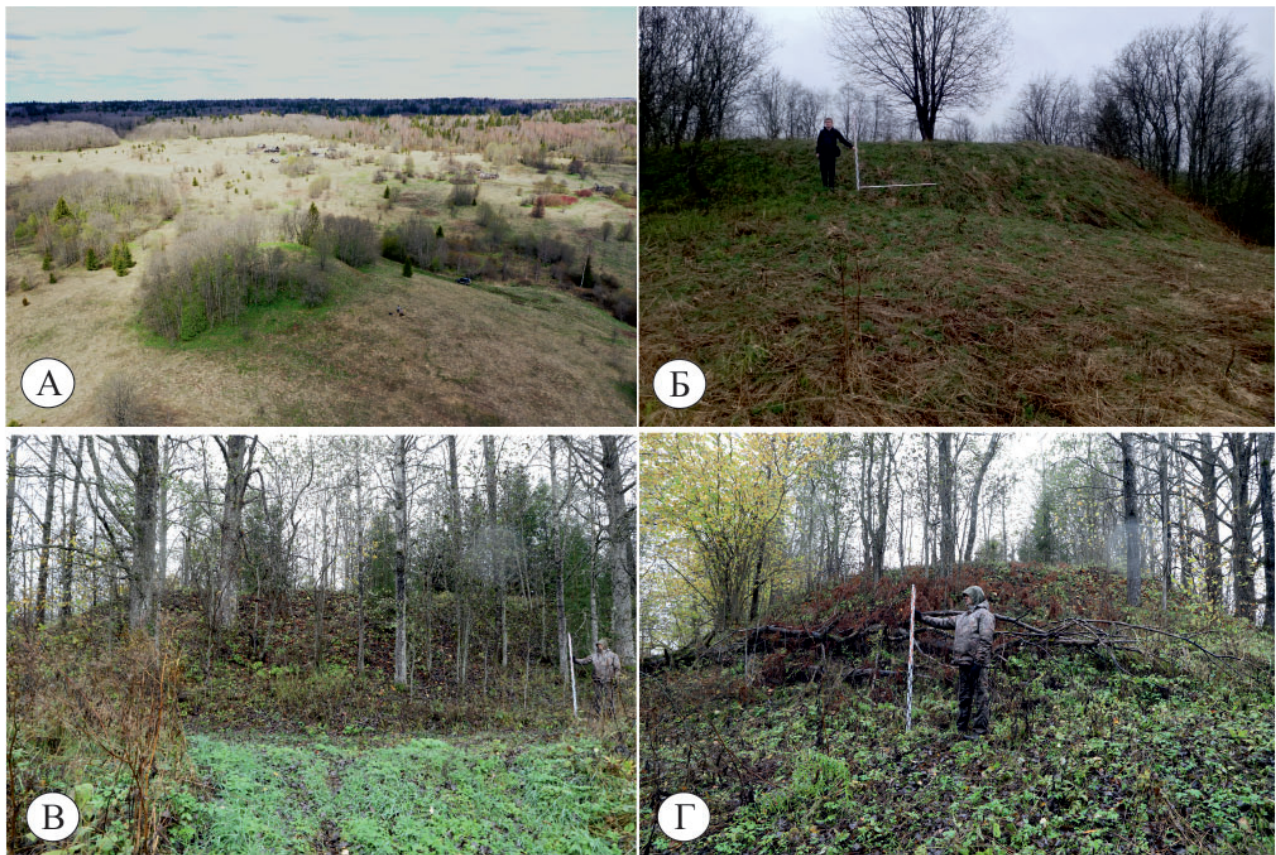

Рис. 15. Археологический комплекс Верхмарево: А – вид на городище Верхмарево–1 (северное) сверху (снимок с квадрокоптера); Б – вид на городище Верхмарево–1 (северное); В, Г – вид на городище Верхмарево–2 (южное)
Fig. 15. Verkhmarevo archaeological complex: А – view of Verkhmarevo–1 (northern) hillfort from above (quadcopter survey); Б – view of Verkhmarevo–1 (northern) hillfort; В, Г – view of Verkhmarevo–2 (southern) hillfort

от дневной поверхности и законсервирован из-за обнаружения объекта. Слой представлен однородным темно-серым до черного углистым песком, встречены камни с признаками термического воздействия. Вещевой материал представлен одним фрагментом гладкостенной лепной керамики и тремя фрагментами шлака (рис. 16: 10–11). Датировка городища по находкам пока затруднительна.

Мощность культурного слоя по результатам бурения составила от 40 до 70 см. Материал менее однородный и менее насыщенный по окраске, чем в культурном слое городища Верхмарево-1: темно-бурый, темно-серый (рис. 4: Г). Для углей из культурного слоя получено две радиоуглеродных даты. Одна относится к периоду раннего железного века, около 60 кал. л. до н. э. (20–40 см, IGANAMS-9587). Другая – к раннему Средневековью, 730 кал. л. н. э. (60–90 см, IGANAMS-9588) (рис. 8).

Концентрация углей на площадках городищ

В культурном слое городища городище Заборовка-Лихуша нами отмечены самые

высокие значения максимальной (10 г/кг сухой почвы) и средней ($1,24 \pm 0,55$ г/кг; здесь и далее среднее арифметическое и его ошибка) концентрации древесных углей крупнее 2 мм в культурном слое. Эти значения составили 1,84 и $0,47 \pm 0,12$ г/кг для городища Ворошилово и 1,06 и $0,40 \pm 0,10$ г/кг для городища Руна-Заборовка (Бобровский и др., 2022). Самые низкие значения максимальной и средней концентраций древесного угля отмечены в культурном слое городищ Верхмарево-1 (0,51 и $0,12 \pm 0,04$ г/кг) и Верхмарево-2 ($0,12$ и $0,02 \pm 0,01$ г/кг).

В большинстве проб из культурного слоя городищ Заборовка-Лихуши, Ворошилово и Руна-Заборовка концентрация древесных углей находилась в пределах 0,3–1 г/кг (рис. 17). На городище Заборовка-Лихуша высокая концентрация, превышающая вышеприведенные значения, отмечена в верхней части культурного слоя. Возможно, это связано с двумя этапами функционирования городища, в раннем железном веке и в раннем Средневековье. Поступившие в раннем железном веке

Рис. 16. Археологические находки на городищах Верхмареево-1 (1-9) и Верхмареево-2 (10, 11):
1 – фрагмент стенки лепного гладкостенного сосуда, с орнаментом; 2-6 – фрагменты венчиков лепных гладкостенных сосудов; 7 – фрагмент донца лепного сосуда; 9, 10 – фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов, 11 – шлаки.

Fig. 16. Archaeological finds from the Verkhmarevo-1 (1-9) and Verkhmarevo-2 (10, 11) hillforts:
1 – wall fragment of the hand-made smooth-walled vessel with ornament; 2-6 – fragments of rims of the hand-made smooth-walled vessels; 7 – bottom fragment of the hand-made vessel; 9, 10 – fragments of walls of the hand-made smooth-walled vessel; 11 – slags.

древесные угли оказались перемешанными по всей толще культурного слоя; угли, образовавшиеся в раннем Средневековье, сейчас находятся в верхнем слое. Ниже культурного слоя концентрация древесного угля резко уменьшалась.

На городище Ворошилово максимальная концентрация древесного угля наблюдалась в нижней части культурного слоя (60-75 см). Это единственное из описанных городищ, где значительные скопления древесного угля

наблюдались глубже темного культурного слоя, до глубины 120 см. Такая ситуация может наблюдаться, когда отдельные сравнительно крупные угли находятся внутри светлого материала. На городище Руна-Заборовка угли обнаружены в культурном слое, а также в слое под ним (60-75 см). На городище Верхмареево-1 концентрация углей в культурном слое была несколько меньше, чем на трех выше-названных городищах. Как и на Ворошилово, максимальная концентрация наблюдалась в

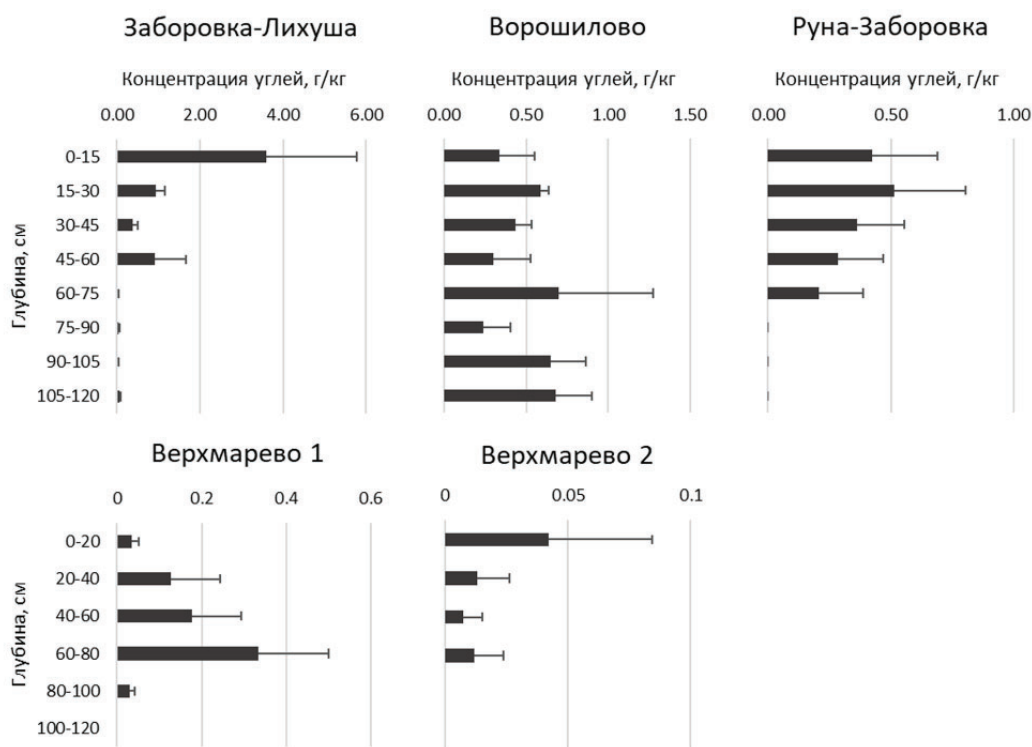

Рис. 17. Концентрация древесного угля в кернах, взятых на площадках городищ

Fig. 17. Concentration of charcoal in core samples taken on the hillforts

нижней части культурного слоя (45–60 см), глубже 90 см углей не обнаружено. Культурный слой городища Верхмареево-2 содержал наименьшие концентрации древесных углей, глубже 60 см углей не обнаружено.

Присутствие углей в исследованных городищах глубже темного слоя может быть результатом (1) содержания углей в материале насыпи городища или (2) многоярусного строения культурного слоя. Мы предполагаем, что более вероятен второй вариант. Сначала был сформирован сравнительно светлый, желто-бурый или желто-серый культурный слой с включениями неизмельченных углей. Затем над ним или в его верхней части в результате привноса, измельчения и замешивания углей был сформирован темный слой, насыщенный углями. Подтверждение этого предположения требует дальнейших исследований.

Особенности культурных слоев изученных городищ

Культурный слой всех исследованных городищ был представлен песками, редко верхний слой имел признаки супеси. Во всех случаях верхняя часть культурного слоя имела темную окраску из-за обилия мелкодисперсного древесного угля. В данной работе собственно этот горизонт мы и называем культурным

слоем, хотя с некоторой вероятностью под ним также может находиться преобразованный человеком материал, не насыщенный измельченными углями и не имеющий темной окраски. Наиболее темный, темно-серый (черный) и наиболее однородный до некоторой глубины культурный слой описан на городищах Ворошилово и Верхмареево-1. На городище Руна-Заборовка он тоже был достаточно однородным, но менее насыщенным углистым материалом (темно-коричневым). На городище Заборовка-Лихуша культурный слой был наименее однородным как по площади, так и по глубине, от светло-серого до темно-серого, при этом встречались пятна с однородным темно-серым материалом. Культурный слой на городище Верхмареево-2 также не был однороден; были зафиксированы участки с не очень темными (бурыми) и темно-серыми (черными) слоями. Мощность темного культурного слоя исследованных городищ составила на городище Верхмареево-1 – 70–100 см, на городище Ворошилово – 50–85 см, Заборовка-Лихуша – 45–75 см, Верхмареево-2 – 40–70 см и Руна-Заборовка – 35–50 см.

Как мы отмечали ранее (Смирнов и др., 2021б; Бобровский и др., 2022), параметры культурного слоя исследованных городищ

позволяют отнести его к палеоурбаноземам (Зазовская, 2013), а в более узком плане – к «археологическим черным почвам», Archaeological Dark Earth (далее – ADE), которые характеризуют как слабослоистые (слабостратифицированные) темноцветные почвы, обычно богатые углем и другими антропогенными включениями (Howard, 2017). Эти почвы считают европейским (а сейчас, вероятнее, интраконтинентальным) аналогом амазонских Terra Preta (Terra Preta Do Índio, «черная индийская земля»). Вместе с последними их относят к Антроосолям – Anthrosols (IUSS Working Group WRB, 2022).

Глубина большинства известных ADE колеблется от 0,4 до 0,8 м, но может достигать 1 м и более (Courty et al., 1989; Certini, Scalenghe, 2011; Wiedner et al., 2015). Принято считать, что чем мощнее ADE, тем больше продолжительность и интенсивность воздействия древнего человека, хотя отсутствуют исследования, в полной мере подтверждающие этот тезис. При этом мощность ADE может значительно различаться даже в пределах одного памятника. Например, в Гнездово (Смоленская область) мощность ADE колеблется от 0,2 до 1,5 м (Sedov et al., 1999; Зазовская, 2013). ADE часто являются частью многослойного «культурного слоя», такого как довольно широко распространенные городские ADE (Nicosia et al., 2012; Devos et al., 2017; Macphail et al., 2021). ADE может перекрываться и более поздними отложениями: это наблюдается на многих памятниках дьяковской культуры (Кренке, 2011) и на более поздних археологических памятниках с аналогичными почвами (Sedov et al., 1999; Ershova et al., 2020).

ADE распространены на большей части территории Европы (Negassa et al., 2019; Asare et al., 2021). В северной Европе их иногда называют «балтийскими черноземами» (Acksel et al., 2016). В последние годы исследованию культурных слоев типа ADE в разных странах и на разных континентах было посвящено значительное число работ (Acksel et al., 2019; Devos et al., 2019; Asare, Afriyie, 2020; и др.).

Исследованные нами культурные слои не похожи на расположенные восточнее городища дьяковской культуры, в том числе широко известное и хорошо изученное Дьяковское городище (Кренке, 2011). Ближайшие к нашим объектам памятники, исследованные

стационарными раскопками, для которых мы предполагаем сходное происхождение и строение культурных горизонтов, – городища Стерж (Новинка) (Глазов, 1905; Тараканова, 1945), Нечай Городок (Глазов, 1905; Археологическая карта России..., 2012; Исланова, 2012) и Никола Рожок (Археологическая карта России..., 2012; Исланова, 2012) на Волге и Курово 1 (Станкевич, 1960) на Западной Двине.

Городища Стерж и Никола Рожок имеют широкие датировки от раннего железного века, раннего Средневековья и вплоть до 15 в. (Тараканова, 1945, с. 77; Исланова, 2012). По описанию С.А. Таракановой, заложившей на площадке городища Стерж в 1940-х годах раскоп площадью 148 кв. м, культурный слой представлен пахотной землей черного цвета с включениями фрагментов разновременной керамики, костей животных и углей, мощностью до метра. На краю площадки при исследовании вала были вскрыты четыре очага производственного характера, один из них был интерпретирован как кузнечный горн. Были также обнаружены 11 криц и множество шлаков, в заполнении горна присутствовало обожженное дерево, сам горн сделан из камня и обмазан глиной. Автор раскопок соотносит существование комплекса с последним этапом функционирования городища (Тараканова, 1945, с. 77).

Большой интерес представляет также памятник верхнедвинского варианта днепродвинской культуры городище Анашкино, хотя оно и находится на значительном расстоянии от объектов наших исследований. Городище расположено в Куньинском районе Псковской области на берегу Жижицкого озера. Памятник исследуется на протяжении не одного десятка лет: был открыт в 1949 году Я.В. Станкевич, первые раскопки проведены в 1969 г. Р.С. Миносяном. С 1991 года Государственным Эрмитажем проводятся стационарные исследования под руководством Б.С. Короткевича, общая площадь исследования около 600 м². Это один из наиболее подробно изученных памятников в регионе с применением естественно-научных методов и серии радиоуглеродных датировок (Короткевич, 2013; Tarasov et al., 2022). Исследователями выявлены семь горизонтов использования городища, с хронологической шкалой VIII–V вв. до н. э., VI–I вв. до н. э. и конец I тыс. н. э.

С третьим и четвертым горизонтом заселения соотносятся материалы раннедьяковской культуры, пятый и шестой горизонты – с днепровской культурой. Седьмой горизонт IX–X вв. сnivelирован поздней распашкой и слабо выражен. Для нас особо интересен шестой горизонт, представленный черным песком, насыщенным углем и соотносимый с концом I тыс. до н. э. Из черного песка происходят находки фрагментов лепной гладкостенной, сетчатой и штрихованной керамики баночной формы. Имеется большая серия находок из железа, железных шлаков и большого количества мелких валунов, не образующих скоплений. Автором раскопок этот этап соотнесен с функционированием на городище специализированной железоделательной мастерской. На городище выявлены семь металлургических горнов, возобновлявшихся на одном месте не один раз (Короткевич, 1994, с. 122).

Очень интересные выводы делает Б.С. Короткевич на основе раскопок городища Анашкино в статье, посвященной черной металлургии раннего железного века (Короткевич, 1994). Анализируя свои исследования и результаты раскопок на производственном комплексе Черная гора на юго-западе Псковской области под Себежем (Микляев, 1995), автор приходит к выводу о наличии производственных металлургических комплексов на ряде синхронных памятников в Верхнем Подвинье, исследованных Я.В. Станкевич, – Подгай, Михайловское и городище 1 у д. Городок (Короткевич, 1994, с. 12). Б.С. Короткевич предполагает возможность существования специализированных металлургических центров, появившихся на рубеже эр и существовавших отдельно от поселений. Они занимали доминирующие высоты и часто перекрывали ранние слои городищ. Здесь нужно упомянуть и городище Курово 1 в Андреапольском районе Тверской области, датированное первыми веками н. э. На городище вскрыт черный гумусированный слой глубиной до 1 м, обнаружены каменные вымостки из плотно слежавшегося колотого камня, обнаружены остатки железоплавильного горна, в заполнении встречены шлаки, колотый камень и слиток железа (Станкевич, 1960, с. 43, 46, 67).

Таким образом, культурные слои перечисленных городищ имеют большое сходство с нашими объектами, хотя оценки времени их

формирования разнятся. Для ADE в разных регионах Европы время формирования также может быть отнесено к различным временам. Так, формирование «балтийских черноземов» началось между 3800 и 2000 гг. до н. э. (Aksel et al., 2016). Время происхождения большинства европейских ADE охватывает период от римской до средневековой эпохи (Nicosia et al., 2012; Asare et al., 2020), таким образом соответствуя периоду формирования исследованных нами культурных слоев. В Северной Европе формирование большинства Dark Earth связывают с экономикой викингов и северных славян в I тысячелетии нашей эры (Wiedner et al., 2015).

Одна из особенностей ADE в исследованных городищах – они не являются погребенными почвами, а располагаются на дневной поверхности, подобно современным почвам. Городища Заборовка-Лихуша, Ворошилово и Руна-Заборовка при этом характеризуются отсутствием явных признаков поздних антропогенных воздействий и наличием леса на этих участках как минимум в последние века. Отсутствие разработанной типологии керамического материала для раннего железного века и раннего Средневековья в регионе делает невозможным узкую хронологическую датировку памятников археологии по керамическим комплексам. По результатам анализа радиоуглеродного возраста древесных углей можно предположить, что темный культурный слой на городищах Заборовка-Лихуша, Ворошилово и Верхмарево-1 формировался в раннем железном веке, в интервале около III в. до н. э. – II–III вв. н. э. Таким образом, время формирования ADE здесь насчитывает сотни лет. Для определения интервалов формирования культурного слоя на городищах Руна-Заборовка и Верхмарево-2 информации пока недостаточно. Для Верхмарево-2 можно говорить о том, что этот слой уже существовал в I в. до н. э. В материале городища Руна-Заборовка также есть угли этого времени, однако пока собственно темный культурный слой мы можем датировать не позднее чем XI в. н. э.

Открытие и изучение Terra Preta Do Índio в недавнем прошлом коренным образом изменило представление о жизни и хозяйстве племен, населявших бассейн реки Амазонки, а позднее и другие районы (Eden et al., 1984; Bezerra et al., 2019). Феномен европейских Dark Earth менее распространен, но в преде-

лах более оседлой и изученной Европы его раскрытие может быть не менее важным для понимания истории культур раннего железного века и последующего раннего Средневековья.

Заключение

Благодаря систематическим разведочным работам в ранее слабо изученном регионе у истоков Волги и Западной Двины выявлена сеть городищ раннего железного века, расположенных на больших водоемах и их притоках первого-второго порядка (Смирнов и др., 2021а, б; Смирнов и др., в печати). По находкам керамики и некоторым атрибутивным вещам памятники можно отнести к дьяковской и поздней дьяковской культурам.

На пяти исследованных городищах культурный слой представлен темным песком, насыщенным углями, мощностью от 40 до 100 см, который можно отнести к Archaeological Dark Earth. Однородность и нерасчлененность горизонтов на ряде городищ указывает на специфический характер формирования культурного слоя, что, безусловно, требует отдельного исследования. Мощный культурный слой является результатом сложных взаимодействий антропогенных и природных факторов и отражает события нескольких столетий. Выявление этих факторов является способом

понять особенности использования территорий городищ в прошлом. Приоритетной задачей является выявление назначения городищ и особенностей хозяйственной деятельности на их территории. Еще предстоит понять назначение и время бытования первого открытого в регионе болотного городища.

Уже сейчас очевидно, что городища раннего железного века в исследуемом регионе нельзя рассматривать как однотипные поселенческие структуры. Не исключено, что некоторые городища использовались только как специализированные металлургические центры. Время активности человека на трех из пяти исследованных городищ можно отнести к периоду III в. до н. э. – первые века н. э. На некоторых городищах активность отмечена и в более поздний период, но с заметным хронологическим разрывом. Имеющиеся данные указывают на гораздо более высокую активность человека в раннем железном веке в истоках этих великих восточноевропейских рек, чем предполагалось ранее. Специфика изучаемых памятников со скромным набором изделий обуславливает необходимость комплексного изучения с включением широкого спектра методов естественных наук, которые позволят доказательно судить о формировании культурных слоев городищ.

Благодарности. Авторы выражают признательность В.В. Новикову (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, ООО НИПИИ «ЭТ “Энерготранспроект”») за помощь в проведении лазерного сканирования с беспилотного воздушного судна. Авторы благодарны Г.А. Лекареву за всестороннюю помощь в организации полевых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4 / Под ред. А.В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2003. 484 с.
- Бобровский М.В., Куприянов Д.А., Смирнов А.Л., Ханина Л.Г., Добровольская М.В.* Динамика древесной растительности и антропогенная активность по данным анализа древесных углей из городищ раннего железного века и раннего средневековья на верхней Волге // Геоморфология. 2022. № 5. С. 7–24.
- Глазов В.Н.* Отчет В.Н. Глазова о поездке 1903 года на Верховья Волги и в Демянский уезд // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 97–106.
- Зазовская Э.П.* Палеоурбаноземы раннесредневековых предгородских центров: генезис и устойчивость. Автореф. Дисс.... канд. геогр. наук. М., 2013.
- Исланова И.В.* Городище Отмичи. М.: ИА РАН. 2008. 283 с.
- Исланова И.В.* Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье). М.: ИА РАН, 2012. 218 с.
- Исланова И.В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. Дисс... докт. ист. наук. М., 2019. 338 с.
- Исланова И.В., Мирецкий А.В., Олейников О.М.* Городище Осечен (ранний железный век и раннее средневековье) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 132–146.

Короткевич Б.С. Черная металлургия раннего железного века в верховьях Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 1994. № 9. С. 120–129.

Короткевич Б.С. Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2013. № 28 (58). С. 174–186.

Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н. Пять вариантов днепро-двинской культуры // Петербургский археологический вестник. 1993. № 2. С. 63–82.

Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. 1926. № 3 (3). С. 179–296.

Микляев А.М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 1995. № 9. С. 7–42.

Олейников О.М. Культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 166–184.

Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 316 с.

Седов В.В. К вопросу о классификации смоленских курганов // КСИА. № 81 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1960. С. 3–13.

Смирнов А.Л., Добровольская М.В., Меньшиков М.Ю. Археологические разведки в Пеновском районе Тверской области в 2018–2019 гг // Археологические открытия 2019 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021а. С. 83–87.

Смирнов А.Л., Меньшиков М.Ю., Бобровский М.В., Куприянов Д.А., Клещенко Е.А., Тиунов А.В., Добровольская М.В. Расселение и исторические ландшафты на западе Валдая в раннем железном веке и Средневековье // РА. 2021б. № 3. С. 80–96.

Смирнов А.Л., Свиркина Н.Г., Добровольская М.В., Куприянов Д.А., Меньшиков М.Ю. Археологические разведки в Пеновском районе Тверской области в 2020 г. // Археологические открытия 2020 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. В печати.

Смирнов К.А. К вопросу о систематизации грузиков “дьякова типа” с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье (Троицкое городище) / МИА. № 184 / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1971. С. 80–98.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. / МИА. № 76 / Отв. ред. М.А. Тиханова. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 7–327.

Тараканова С.А. Археологические разведки в новгородских пятинах // КСИИМК. Вып. XI / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1945. С. 73–78.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.: Наука, 1966. 308 с.

Успенская А.В. Раскопки на озере Селигер // АО – 1967 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. С. 48.

Фурасьев А.Г. Среднетушемлинские памятники Подвинья // Stratum Plus. 2000. № 4. С. 201–208.

Черных И.Н., Олейников О.М., Исланова И.В. Курганный могильник Гринино I (по материалам исследований 1989–1990 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 445–481.

Шмидт Э.А. Племена верховьев Днестра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Прометей, 1992. 207 с.

Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 2003. 296 с.

Acksel A., Amelung W., Kühn P., Gehrt E., Regier T., Leinweber P. Soil organic matter characteristics as indicator of Chernozem genesis in the Baltic Sea region // Geoderma Regional. 2016. Vol. 7 (2). P. 187–200.

Acksel A., Giani L., Stasch C., Kühn P., Eiter S., Potthoff K., Regier T., Leinweber P. Humus-rich topsoils in SW Norway—Molecular and isotopic signatures of soil organic matter as indicators for anthropo-pedogenesis // *Catena*. 2019. Vol. 172. P. 831–845.

Asare M.O., Afriyie J.O. Tracing the past from the analysis of Cu, Zn, Mn, Sr, and Rb in Archaeological Dark Earth soils from the tropics and temperate zone // *Quaternary International*. 2020. Vol. 562. P. 13–26.

Asare M.O., Horák J., Šmejda L., Janovský M., Hejzman M. A medieval hillfort as an island of extraordinary fertile Archaeological Dark Earth soil in the Czech Republic // *European Journal of Soil Science*. 2021. 72(1): 98–113

Asouti E., Kabukcu C. Anthracology: charcoal science in archaeology and palaeoecology // *Quaternary International*. 2021. No. 593. P. 1–5.

Bezerra J., Turnhout E., Vasquez I.M., Rittl T.F., Arts B., Kuypers T.W. The promises of the Amazonian soil: shifts in discourses of Terra Preta and biochar // *Journal of Environmental Policy & Planning*. 2019. Vol. 21 (5). P. 623–635.

Bobrovsky M.V., Kupriyanov D.A., Smirnov A.L., Khanina L.G., Dobrovolskaya M.V., Tiunov A.V. Dynamics of Diversity of Woody Species Taxa under Human Impact in the Upper Volga Region (NW Russia) According to Pedoanthracological Data // *Diversity*. 2023. Vol. 15. P. 403.

Carcaillet C., Thinon M. Pedoanthracological contribution to the study of the evolution of the upper treeline in the Maurienne Valley (North French Alps): methodology and preliminary data // *Rev. Palaeobotany Palynology*. 1996. Vol. 91 (1–4). P. 399–416.

Certini G., Scalenghe R. Anthropogenic soils are the golden spikes for the Anthropocene // *Holocene*. 2011. Vol. 21 (8). P. 1269–1274.

Courty M.A., Goldberg P., Macphail R.I. Soils and micromorphology in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Devos Y., De Groot K., Moens J., Vrydaghs L. Facing complexity: an interdisciplinary study of a medieval pre-urban Dark Earth from the centre of Aalst (Belgium) // *Soils as records of Past and Present. From soil surveys to archaeological sites: research strategies for interpreting soil characteristics. Proceedings of the Geoarchaeological Meeting, Bruges, 6 & 7 November 2019 / Judit Deák, Carole Ampe, Jari Hinsch Mikkelsen (eds.)*. Publisher: Raakvlak, Archaeology, Monuments and Landscapes of Bruges and Hinterland, Belgium, 2019. P. 159–171.

Devos Y., Nicosia C., Vrydaghs L., Speleers L., Van der Valk J., Marinova E., Claes B., Albert R.M., Esteban I., Ball T., Court-Picon R., Degraeve A. An integrated study of Dark Earth from the alluvial valley of the Senne river (Brussels, Belgium) // *Quaternary International*. 2017. Vol. 460. P. 175–197.

Eden M.J., Bray W., Herrera L., McEwan C. Terra preta soils and their archaeological context in the Caqueta basin of South East Colombia // *American Antiquity*. 1984. Vol. 49(1). P. 125–140.

Ershova E.G., Krenke N.A., Kittel P., Lavrenov N.G. Archaeological sites in the Katynka river basin (Smolensk Region) // *Iop Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2020. Vol. 438 (1). P. 012007.

European Russian Forests. Their Current State and Features of Their History / Smirnova O.V., Bobrovsky M.V., Khanina L.G. (eds). Springer Netherlands, 2017. 566 p.

Figueiral I. Wood resources in north-west Portugal: their availability and use from the late Bronze Age to the Roman period // *Vegetation History and Archaeobotany*. 1996. Vol. 5 (1). P. 121–129.

Howard J. Anthropogenic soils. Cham: Springer International, 2017.

IUSS Working Group WRB. World Reference Base for Soil Resources. International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. 4th edition. Vienna: International Union of Soil Sciences (IUSS), 2022.

Macphail R.I., Carey C.J., Allan J.P. Contrasting the use of space in post-Roman Exeter: geoarchaeology of dark earth and medieval deposits below Exeter Cathedral // *Antiquity*. 2021. Vol. 96 (386). P. 487–493.

Mazei Yu., Tsyganov A., Bobrovsky M., Mazei N., Kupriyanov D., Gałka M., Rostanets D., Khazanova K., Stoiko T., Pastukhova Yu., Fatynina Yu., Komarov A., Babeshko K., Makarova A., Saldaev D., Zazovskaya E., Dobrovolskaya M., Tiunov A. Peatland development, vegetation history, climate change and human activity in Valdai Uplands (Central European Russia) during the Holocene: A multi-proxy palaeoecological study // *Diversity*. 2020. Vol. 12. No 12. P. 462.

Negassa W., Acksel A., Eckhardt K.U., Regier T., Leinweber P. Soil organic matter characteristics in drained and rewetted peatlands of northern Germany: Chemical and spectroscopic analyses // *Geoderma*. 2019. Vol. 27(2). P. 468–481.

Nicosia C., Langohr R., Mees F., Arnoldus-Huyzendveld A., Bruttini J., Cantini F. Medieval Dark Earth in an Active Alluvial Setting from the Uffizi Gallery Complex in Florence, Italy // *Geoarchaeology* 2012. Vol. 27(2). P. 105–122.

Ramsey C.B. Bayesian analysis of radiocarbon dates // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51. P. 337–360.

Ramsey C.B. Methods for summarizing radiocarbon datasets // *Radiocarbon*. 2017. Vol. 59. P. 1809.

Reimer P.J., Austin W.E., Bard E., Bayliss, A., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S.M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration 927 curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62. P. 725–757.

Sedov S.N., Zazovskaya E.P., Bronnikova M.A., Kazdim A.A., Rosov S.Y. Late Holocene man-induced environmental change in central Russian plain: paleopedological evidences from early-medieval archaeological site // *Chin. Sci. Bull.* 1999. Vol. 44(1 Suppl). P. 159.

Tarasov P.E., Savelieva L.A., Kobe F., Korotkevich B.S., Long T., Kostromina N.A., Leipe C. Lateglacial and Holocene changes in vegetation and human subsistence around Lake Zhizhetskoye, East European midlatitudes, derived from radiocarbon-dated pollen and archaeological records // *Quaternary International*. 2022. Vol. 623. P. 184–197.

Théry-Parisot I., Chabal L., Chrzavzez J. Anthracology and taphonomy, from wood gathering to charcoal analysis. A review of the taphonomic processes modifying charcoal assemblages, in archaeological contexts // *Palaeogeogr. Palaeoclimatol. Palaeoecol.* 2010. Vol. 291(1–2). P. 142–153.

Wiedner K., Schneeweiß J., Dippold M.A., Glaser B. Anthropogenic dark earth in northern Germany – The nordic analogue to terra preta de índio in Amazonia // *Catena*. 2015. Vol. 132. P. 114–125.

Информация об авторах:

Смирнов Алексей Леонидович, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); ari1828@bk.ru

Добровольская Мария Всеволодовна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующая лабораторией контекстуальной антропологии, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); DobrovolskayaMV@iaran.ru

Куприянов Дмитрий Александрович, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); dmitriykupriyanov1994@yandex.ru

Ханина Лариса Геннадьевна, кандидат биологических наук, заведующая лабораторией, Институт математических проблем биологии – филиал ИПМ им. М.В. Келдыша РАН (г. Пущино, Россия); lkhanina@impb.ru

Челогаева Екатерина Олеговна, студент магистратуры, Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва, Россия); chelogaeva2000@mail.ru

Бобровский Максим Викторович, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН – обособленное подразделение Федерального исследовательского центра «Пущинский центр биологических исследований РАН» (г. Пущино, Россия); bobrovsky@pbcras.ru

REFERENCES

Kashkin, A. V. (ed.). 2003. *Arkheologicheskaja karta Rossii. Tverskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Tver Oblast)*. 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., (in Russian).

Bobrovsky, M. V., Kupriyanov, D. A., Smirnov, A. L., Khanina, L. G., Dobrovolskaya, M. V. 2022. In *Geomorfologija (Geomorphology)* 5, 7–24.

Glazov, V. N. 1905. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the*

Imperial Russian Archaeological Society) VII (1). Saint Petersburg: “Tipografiia I. N. Skorokhodova” Publ., 97–106 (in Russian).

Zazovskaya, E. P. 2013. *Paleourbanozemy rannesrednevekovykh predgorodskikh tsentrov: genezis i ustoychivost' (Urban paleosoils of early medieval suburban centers: genesis and sustainability)*. Thesis of Diss. of Candidate of Geographical Sciences. Moscow (in Russian).

Islanova, I. V. 2008. *Gorodishche Otmichi (Settlement Otmichi)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Islanova, I. V. 2012. *Drevnosti v verkhov'yakh Volgi (ranniy zheleznyy vek i rannee srednevekov'e) (Antiquities in the Upper Volga (Early Iron Age and Early Middle Ages))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Islanova, I. V. 2019. *Kul'turno-istoricheskie protsessy vo II–VIII vv. n. e. v basseynakh Verkhney Volgi i Verkhney Msty (Cultural and historical processes in the II–VIII centuries AD in the Upper Volga and Upper Msta basins)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Islanova, I. V., Miretsky, A. V., Oleynikov, O. M. 2007. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 6 (II). Tver: “Triada” Publ., 125–138 (in Russian).

Korotkevich, B. S. 1994. In *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Peterburg Archaeological Bulletin)* 9, 120–129 (in Russian).

Korotkevich, B. S. 2013. In *Arkheologiya i istoriya Pskov i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Region)* 58 (28). 174–186 (in Russian).

Korotkevich, B. S., Mazurkevich, A. N. 1993. In *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Peterburg Archaeological Bulletin)* 2, 63–82 (in Russian).

Krenke N. A. 2011. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the basin of the Moscow river in the I Millennium BC – I Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lyavdansky, A. N. 1926. In *Nauchnye izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific proceedings of Smolensk State University)* 3 (3), 179–296. (in Russian).

Miklyayev, A. M. 1995. In *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Peterburg Archaeological Bulletin)* 9, 7–42 (in Russian).

Oleynikov, O. M. 2007. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 6 (II). Tver: “Triada” Publ., 125–138 (in Russian).

Rosenfeld, I. G. 1974. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'yakovskaya kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 90–197 (in Russian).

Sedov, V. V. *Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Old Russian nationality: Historical and archaeological study)*. Moscow: “Yazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).

Sedov, V. V. 1960. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 81. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–13 (in Russian).

Smirnov, A. L., Dobrovolskaya, M. V., Menshikov, M. Yu. 2021a. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2019 g. (Archaeological Discoveries of 2019)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 83–87 (in Russian).

Smirnov, A. L., Menshikov, M. Yu., Bobrovsky, M. V., Kupriyanov, D. A., Kleshchenko, E. A., Svirkina, N. G., Tiunov, A. V., Dobrovolskaya, M. V. 2021b. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 80–96 (in Russian).

Smirnov, A. L., Svirkina, N. G., Dobrovolskaya, M. V., Kupriyanov, D. A., Menshikov, M. Yu. (in print). In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2020 g. (Archaeological Discoveries of 2020)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Smirnov, K. A. 1971. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *Drevnee poselenie v Podmoskov'e (Troitskoe gorodishche) (An ancient settlement in the Moscow region (Troitsa hillfort))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 184. Moscow: “Nauka” Publ., 80–98 (in Russian).

Smirnov, K. A. 1974. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'yakovskaya kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 7–89 (in Russian).

Stankevich, Ya. V. 1960. *Drevnosti Severo-Zapadnykh oblastey RSFSR v I tysyacheletii n.e. (Antiquities of the North-Western regions of the RSFSR in the I millennium AD)*. Series: Materialy i issledovaniia po arke-

ologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 76. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 7–327 (in Russian).

Tarakanova, S. A. 1945. In Artamonov, M. I. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XI. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 73–78. (in Russian).

Tret'yakov, P. N. 1966. *Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge (The Finno-Ugrians, the Balts and the Slavs on the Dnieper and Volga)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Uspenskaya, A. V. 1968. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1967 goda (Archaeological discoveries 1967)*. Moscow: "Nauka" Publ., 48 (in Russian).

Furasyev, A. G. 2000. In *Stratum Plus (Stratum Plus)*. 4, 201–208 (in Russian).

Chernykh, I. N., Oleynikov, O. M., Islanova, I. V. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 9. Tver: "Triada" Publ., 445–481 (in Russian).

Shmidt, E. A. 1992. *Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Dnepro-dvinskies plemena (VIII v. do n. e. - III v. n. e.). (Tribes of the upper part of the Dnieper River before the formation of the Old Russian state. Dnieper-Dvina tribes (VIII century BC – III century AD))*. Moscow: "Prometey" Publ. (in Russian).

Shmidt, E. A. 2003. *Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–VII vv. n.e. Tushemlinskaya kul'tura (Upper Dnieper and Dvina regions in the III–VII centuries AD. Tushemlya culture)*. Smolensk: Center for the protection and use of historical and cultural monuments (in Russian).

Acksel, A., Amelung, W., Kühn, P., Gehrt, E., Regier, T., Leinweber, P. 2016. In *Geoderma Regional*. Vol. 7 (2), 187–200 (in English).

Acksel, A., Giani, L., Stasch, C., Kühn, P., Eiter, S., Potthoff, K., Regier, T., Leinweber, P. 2019. In *Catena*. Vol. 172, 831–845 (in English).

Asare, M. O., Afriyie, J. O. 2020. In *Quaternary International*. Vol. 562, 13–26 (in English).

Asare, M. O., Horák, J., Šmejda, L., Janovský, M., Hejzman, M. 2021. In *European Journal of Soil Science*. 72(1): 98–113 (in English).

Asouti, E., Kabukcu, C. 2021. In *Quaternary International*. 593, 1–5 (in English).

Bezerra, J., Turnhout, E., Vasquez, I. M., Rittl, T. F., Arts, B., Kuyper, T. W. 2019. In *Journal of Environmental Policy & Planning*. Vol. 21 (5), 623–635 (in English).

Bobrovsky, M. V., Kupriyanov, D. A., Smirnov, A. L., Khanina, L. G., Dobrovolskaya, M. V., Tiunov, A. V. 2023. In *Diversity*. Vol. 15. P. 403 (in English).

Carcaillet, C., Thinon, M. 1996. In *Rev. Palaeobotany Palynology*. Vol. 91 (1–4), 399–416 (in English).

Certini, G., Scalenghe, R. 2011. In *Holocene*. Vol. 21 (8), 1269–1274 (in English).

Courty, M. A., Goldberg, P., Macphail, R. I. 1989. *Soils and micromorphology in archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Devos, Y., De Groote, K., Moens, J., Vrydaghs, L. 2019. In Judit Deák, Carole Ampe, Jari Hinsch Mikkelsen (eds.). *Soils as records of Past and Present. From soil surveys to archaeological sites: research strategies for interpreting soil characteristics. Proceedings of the Geoarchaeological Meeting, Bruges, 6 & 7 November 2019*. Publisher: Raakvlak, Archaeology, Monuments and Landscapes of Bruges and Hinterland, Belgium, 159–171 (in English).

Devos, Y., Nicosia, C., Vrydaghs, L., Speleers, L., Van der Valk, J., Marinova, E., Claes, B., Albert, R.M., Esteban, I., Ball, T., Court-Picon, R., Degraeve, A. 2017. In *Quaternary International*. Vol. 460. P. 175–197 (in English).

Eden, M. J., Bray, W., Herrera, L., McEwan, C. 1984. In *American Antiquity*. Vol. 49 (1), 125–140 (in English).

Ershova, E. G., Krenke, N. A., Kittel, P., Lavrenov, N. G. 2020. In *Iop Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 438 (1), 012007 (in English).

Smirnova, O. V., Bobrovsky, M. V., Khanina, L. G. (eds). 2017. *European Russian Forests. Their Current State and Features of Their History*. Springer Netherlands (in English).

Figueiral, I. 1996. In *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 5 (1), 121–129 (in English).

Howard, J. 2017. *Anthropogenic soils*. Cham: Springer International.

IUSS Working Group WRB. World Reference Base for Soil Resources. International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. 4th edition. Vienna: International Union of Soil Sciences (IUSS), 2022.

Macphail, R. I., Carey, C. J., Allan, J. P. 2021. In *Antiquity*. Vol. 96 (386), 487–493 (in English).

Mazei, Yu., Tsyganov, A., Bobrovsky, M., Mazei, N., Kupriyanov, D., Gałka, M., Rostanets, D., Khazanova, K., Stoiko, T., Pastukhova, Yu., Fatynina, Yu., Komarov, A., Babeshko, K., Makarova, A., Saldaev, D., Zazovskaya, E., Dobrovolskaya, M., Tiunov, A. 2020. In *Diversity*. Vol. 12. No 12, 462 (in English).

Negassa, W., Acksel, A., Eckhardt, K. U., Regier, T., Leinweber, P. 2019. In *Geoderma*. Vol. 353, 468–481 (in English).

Nicosia, C., Langohr, R., Mees, F., Arnoldus-Huyzendveld, A., Bruttini, J., Cantini, F. 2012. In *Geoarchaeology* Vol. 27 (2), 105–122 (in English).

Ramsey, C. B. 2009. In *Radiocarbon*. Vol. 51, 337–360 (in English).

Ramsey, C. B. 2017. In *Radiocarbon*. Vol. 59, 1809 (in English).

Reimer, P. J., Austin, W. E., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P. G., Ramsey, C. B., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R. L., Friedrich, M., Grootes, P. M., Guilderson, T. P., Hajdas, I., Heaton, T. J., Hogg, A. G., Hughen, K. A., Kromer, B., Manning, S. W., Muscheler, R., Palmer, J. G., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R. W., Richards, D. A., Scott, E. M., Southon, J. R., Turney, C. S. M., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S. M., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. In *Radiocarbon*. 62, 725–757 (in English).

Sedov, S. N., Zazovskaya, E. P., Bronnikova, M. A., Kazdim, A. A., Rosov, S. Y. 1999. In *Chin. Sci. Bull.* Vol. 44(1 Suppl), 159 (in English).

Tarasov, P. E., Savelieva, L. A., Kobe, F., Korotkevich, B. S., Long, T., Kostromina, N. A., Leipe C. 2022. In *Quaternary International*. Vol. 623, 184–197 (in English).

Théry-Parisot, I., Chabal, L., Chrzavzez, J. 2010. In *Palaeogeogr. Palaeoclimatol. Palaeoecol.* Vol. 291(1–2), 142–153 (in English).

Wiedner K., Schneeweiß J., Dippold M.A., Glaser B. 2015. In *Catena*. 132, 114–125 (in English).

About the Authors:

Smirnov Alexey L. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; ari1828@bk.ru

Dobrovol'skaya Mariya V., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; DobrovolskayaMV@iaran.ru

Kypriyanov Dmitry A. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; dmitriykupriyanov1994@yandex.ru

Khanina Larisa G., Candidate of Biological Sciences, Institute of Mathematical Problems of Biology of RAS, branch of the M.V. Keldysh Institute of Applied Mathematics of the Russian Academy of Sciences. Professor Vitkevich str., 1, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; lkhanina@impb.ru

Chelogaeva Ekaterina O. State Academic University for the Humanities. Maronovskiy pereulok, 26, Moscow, 119049, Russian Federation; chelogaeva2000@mail.ru

Bobrovskiy Maxim V. Doctor of Biological Sciences, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science, Pushchino Scientific Center for Biological Research of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; bobrovsky@pbcras.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Проблемы археологии Евразии

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.224.234>

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ (СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИЕ И ЧЕРКАСКУЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ)

© 2023 г. А.В. Епимахов, С.Е. Пантелеева, Л.Н. Корякова, Р. Краузе, Э. Столарчик

Статья рассматривает вопросы хронологии двух культурных традиций бронзового века Южного Зауралья, слабо обеспеченных радиоуглеродными датами. Стратиграфия и комплекс артефактов (главным образом, керамики) позволили выделить два этапа истории поселения Коноплянка 2 (срубно-алакульский и черкаскульский). Серия из тринадцати образцов включает один статистический выброс, девять срубно-алакульских и три черкаскульские даты. Методами байесовской статистики создана двухфазная хронологическая модель, определена хронология этапов и оценена длительность каждого из них. Срубно-алакульский этап укладывается в XVIII в. до н.э. (медианы граничных интервалов), черкаскульский относится к XVII–XVI вв. до н.э. Хронологический разрыв между этапами составил более полувека. Новые данные хорошо соотносятся с региональной системой периодизации. Срубно-алакульские даты относятся к пост-синташтинскому периоду, а черкаскульские предшествуют межовско-саргаринскому. Однако черкаскульская серия AMS-дат целиком относится к степной части ареала культуры, поэтому выводы не могут быть экстраполированы на другие территории, следовательно, вопрос о происхождении данной культуры остается открытым.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, Южное Зауралье, радиоуглеродная хронология, байесовское моделирование.

CHRONOLOGICAL CORRELATION OF THE BRONZE AGE CULTURAL TRADITIONS IN THE SOUTHERN TRANS-URALS (SRUBNAYA-ALAKUL AND CHERKASKUL ANTIQUITIES)

A.V. Epimakhov, S.E. Panteleeva, L.N. Koryakova, R. Krause, E. Stolarczyk

The article considers the chronology issues of two cultural traditions in the Southern Trans-Ural Bronze Age that poorly provided with radiocarbon dates. Stratigraphy and a set of artifacts (mainly ceramics) made it possible to reveal two stages in the history of the Konoplyanka 2 settlement (Srubbyaya–Alakul and Cherkaskul). A series of thirteen samples includes one statistical hearth refuse, nine Srubbyaya–Alakul and three Cherkaskul dates. Using the methods of Bayesian statistics, a two-phase chronological model was created, the chronology of the stages was determined and the duration for each of them was established. Srubbyaya–Alakul phase falls on the XVIII century calBC (medians of boundary intervals), Cherkaskul phase fits to the XVII–XVI centuries calBC. The chronological gap between the phases is more than half a century. The new data correlate well with the regional periodization system. Srubbyaya–Alakul dates belong to the post-Sintashta period, and Cherkaskul ones precede the Mezhovka–Sargary period. However, Cherkaskul series of AMS dates entirely refers to the steppe part of the culture area, so the conclusions cannot be extrapolated to other regions; therefore, the question of the origin of this culture remains open.

Keywords: archaeology, Bronze Age, Southern Trans-Urals, radiocarbon chronology, Bayesian modeling.

Введение

Изучение многослойных поселений сопряжено с рядом объективных трудностей, уже не раз обсуждавшихся на страницах научной печати. Среди основных проблем: разделение разновременных материалов при небольшой мощности культурных отложений и нечеткой

стратиграфии, реконструкция отдельных строительных фаз и выявление связанных с ними объектов, анализ трансформации поселений в процессе их функционирования (изменение планировки, сокращение либо увеличение занимаемой площади) и т. д. Все перечисленное резко осложняет установление хроноло-

гии этапов методами радиоуглеродного датирования в свете проблемы диагностирования культурного контекста образцов, отобранных в ходе раскопок. В условиях многократных перестроек и образования смешанных слоев связь образцов с конкретными комплексами не всегда является однозначной.

Как показывает практика, наиболее точную культурную привязку обеспечивают образцы из нижнего заполнения колодцев – сооружений, повсеместно встречающихся на памятниках бронзового века степной зоны Южного Зауралья. Придонные отложения, как правило, содержат остатки деревянных конструкций опалубки и семена растений, произраставших в период функционирования поселений. Конструктивные особенности колодцев и находки керамических сосудов в заполнении шахт позволяют с уверенностью связать эти объекты с той или иной культурой. Не менее полезными могут оказаться материалы и из других закрытых комплексов – например, перекрытых хозяйственных ям и жертвенников, особенно при наличии в них культурно диагностируемой посуды.

Вместе с тем именно стратифицированные памятники при наличии серий датировок позволяют использовать методы статистического моделирования. Эта работа не только позволяет воссоздать «историю жизни» таких объектов, но и вносит весомый вклад в построение региональных и трансрегиональных хронологических схем и периодизаций. К сожалению, в археологии Южного Зауралья опыт анализа серий датировок с мультикультурных памятников пока представлен единичными примерами. Такие исследования были проведены только на укрепленных поселениях Каменный Амбар (Епимахов и др., 2020; Чечушков и др., 2020; Чечушков, Епимахов, 2021) и Левобережное (Синташта II) (Erimakhov et al., 2023). Для этих памятников были реконструированы последовательные этапы застройки, связанные с различными культурными традициями бронзового века, определена их хронология.

Продолжая данное направление, в настоящей статье мы вводим в научный оборот результаты радиоуглеродного датирования поселения Коноплянка 2 (линия 1). Своей целью мы видим существенное расширение базы для хронологических заключений в отношении срубно-алакульских и черкаскульских

Рис. 1. Поселение Коноплянка 2. Геомагнитная карта поселения с нанесенными контурами раскопа на линии 1 (А. Патцельт, В.В. Носкевич)

Fig. 1. The Konoplyanka 2 settlement. Geomagnetic map of the settlement with plotted contours of the excavation area on the line 1 (A. Patzelt, V.V. Noskevich)

древностей степного Зауралья. Основными задачами являются выверка контекста анализируемых образцов и их культурная атрибуция, анализ полученных значений методами байесовского моделирования и сравнение новых дат с уже имеющимися.

Описание памятника

Поселение Коноплянка 2 расположено в Карталинском районе Челябинской области в 1,5 км к северо-западу от п. Коноплянка на левом берегу реки Карагайлы-Аят, имеющей в данной части течения название Акмулла. Памятник открыт Ю.В. Тарасовым в ходе разведочных обследований в 1982 году (Тарасов, 1983). Первоначально была обнаружена линия из двух групп глубоких впадин, расположенных вдоль края террасы. Первая группа включала семь объектов, вторая, отстоящая

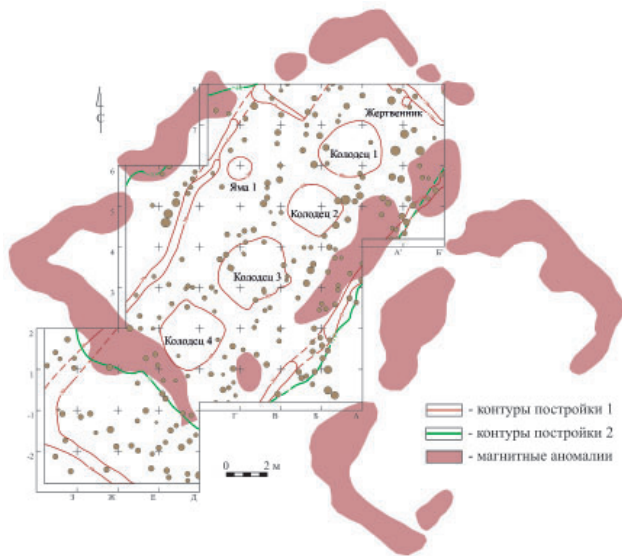

Рис. 2. Поселение Коноплянка 2, линия 1.
Сводный план объектов на исследованном участке.
Fig. 2. The Konoplyanka 2 settlement, line 1.
General plan of objects in the studied area

на 50 м к северу, – три. С 2018 г. Зауральским степным отрядом Института истории и археологии УрО РАН на поселении были начаты междисциплинарные исследования. Научный коллектив также включал ученых из Университета им. Гёте (Германия) и специалистов естественно-научного профиля из нескольких институтов УрО и СО РАН. Раскопкам предшествовали геодезические и геофизические исследования, которые позволили уточнить рельеф поверхности на данном участке и создать карту магнитных аномалий (Федорова и др., 2018). Дальнейшее расширение площади геофизических работ позволило обнаружить к северу от уже известных объектов еще одну линию построек, также состоящую из двух групп (рис. 1). Как позднее показали раскопки, линия 2 является однослойным поселением абашевской культуры (Корякова и др., 2020).

Раскоп на линии 1 был заложен над одной из впадин в группе А (рис. 1). Выбор участка обусловлен наличием в этом месте нескольких интенсивных магнитных аномалий, предположительно связанных с колодцами. Таким образом, цель полевых работ заключалась не только в получении данных о стратиграфии и культурных компонентах поселения, но и в отборе образцов для радиоуглеродного датирования и археоботанических исследований из колодцев.

В результате анализа материалов раскопок, геофизических данных и пространственного распределения керамики на исследованном участке были выделены две строительные фазы – срубно-алакульская и черкаскульская. В течение первой строительной фазы была возведена слабоуглубленная постройка 1 размерами 9,5×24 м, в пределах которой располагались хозяйственная яма, жертвенник и четыре колодца (рис. 2). Основным заполнением объекта являлся темно-коричневый слой, насыщенный фрагментами срубно-алакульской посуды (рис. 3: 1–2).

Глубина колодцев достигала более 3 м, в трех объектах были обнаружены остатки деревянных конструкций опалубки в виде кольев различной толщины и досок. В верхнем заполнении предварительно забутованных колодцев 1 и 3 были обустроены очаги. Со второй строительной фазой связана наземная постройка 2 размерами 13×22 м, возведенная поверх срубно-алакульского жилища (рис. 2). Заполнение второго котлована представлено супесчаными слоями серых оттенков, содержащими преимущественно кера-

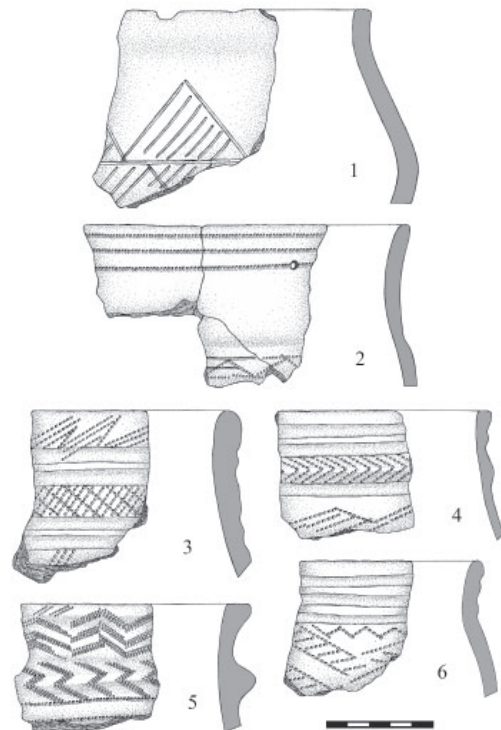

Рис. 3. Поселение Коноплянка 2, линия 1:
1–2 – керамика срубно-алакульского типа,
3–6 – керамика черкаскульского типа.

Fig. 3. Konoplyanka 2 settlement, line 1:
1–2 – ceramics of the Srubnaya–Alakul type,
3–6 – ceramics of the Cherkaskul type.

мику черкаскульского типа (рис. 3: 3–6). Оба сооружения имели прямоугольную форму и каркасно-столбовую конструкцию. Наличие хронологического разрыва между фазами подтверждается значительным смещением контуров черкаскульской постройки относительно ранней срубно-алакульской. Это хорошо документируют результаты геофизической съемки и итоги раскопок.

Радиоуглеродная хронология поселения

Пробоподготовка (коллаген и дерево) и измерения проведены в Центре археометрии Курта Энгельхорна (Университет Гейдельберга, Германия). Коллаген экстрагировали из костей, фракцию >30 кДа отделяли ультрафильтрацией, эту фракцию подвергали леофилизации и сжигали до CO₂ в элементном анализаторе. Полученный CO₂ каталитически восстанавливали до графита. Для этой части выборки было измерено количество коллагена

Образцы древесины были предварительно обработаны методом АВА (кислота/основание/кислота) с помощью HCl, NaOH и HCl. Затем с помощью NaClO₂ получали целлюлозу. Целлюлозу сжигали до CO₂ в элементном анализаторе. Содержание ¹⁴C было измерено с использованием ускорителя MICADAS.

В общей сложности мы располагаем серией из 13 дат. В качестве материала для радиоуглеродного датирования были отобраны образцы деревянных колец и досок опалубки обводненной части колодцев 3 и 4 (n = 8), а также кости домашнего скота (n = 5) из культурного слоя поселения в границах раскопа.

К срубно-алакульской строительной фазе можно отнести девять дат. Практически все они имеют надежную культурную привязку. Семь дат получены по дереву со дна колодцев 3 и 4. Еще одна (MAMS-37534) происходит из верхнего заполнения колодца 4. Шахта

Таблица 1. Поселение Коноплянка 2. Результаты радиоуглеродного датирования
Table 1. Konoplyanka 2 settlement. Results of radiocarbon dating

Шифр даты (MAMS)	¹⁴ C л. н.	Материал	Coll., %	C/N	C, %	δ ¹³ C, ‰	Объект, контекст	Культура
43169	3603±25	дерево				-26,2	колодец 3, дно	Срубная - Алакуль
37534	3485±20	кость	6,6	3	38,6	-18,2	уч. ДЕ 1/2, колодец 4, верх. заполнение (-50)	- * -
43176	3460±21	дерево				-23,9	колодец 4, дно	- * -
43171	3458±20	дерево				-23,3	колодец 3, дно	- * -
43174	3440±21	дерево				-25,4	колодец 4, дно	- * -
37530	3439±20	кость	4,1	2,9	34,4	-21	уч. АБ 5/6, постройка, ниж. заполнение (-40)	- * -
43172	3428±22	дерево				-24	колодец 4, дно	- * -
43170	3414±24	дерево				-22,4	колодец 3, дно	- * -
43175	3410±21	дерево				-26,1	колодец 4, дно	- * -
43173	3404±21	дерево				-29,2	колодец 4, дно	- * -
37538	3361±20	кость	7,3	2,4	31,2	-21,9	уч. ВГ 5/6, постройка, ниж. заполнение (-40)	Черкаскуль
37537	3333±19	кость	1	2,9	30,2	-21,2	уч. ДЕ 3/4, постройка, ниж. заполнение (-40)	- * -
37532	3286±19	кость	12	3	40,8	-17,6	уч. АБ 5/6, колодец 2, верх. заполнение (-60)	- * -

(1–12%), что соответствует пороговым значениям достоверности, соотношение C/N варьирует от 2,4 до 3. Первый показатель несколько занижен относительно коридора значений, свидетельствующих об отсутствии загрязнений коллагена (DeNiro, 1985). Не исключено, что это обстоятельство незначительно удревнило конкретную дату (MAMS-37538, 3361 ± 20).

данного объекта была забита мусорными отложениями, среди керамического материала абсолютно преобладал срубно-алакульский тип. Уверенно определить культурный контекст невозможно только для одного образца (MAMS-37530), происходящего с нижней части культурного слоя, но полученный интервал соответствует остальным датам этой фазы.

Три даты формируют самостоятельную группу. Одна из них (MAMS-37532) происходит из верхнего заполнения колодца 2. В ходе раскопок было установлено, что верхняя и средняя части шахты были заполнены мусорными слоями. Поскольку основная масса керамики отнесена к черкаскульскому типу, можно предположить, что с высокой долей вероятности и полученная дата соответствует этому периоду. Еще две даты получены по костям животных, собранных из нижних горизонтов культурного слоя. Небольшая мощность отложений и значительное смешение разновременных материалов не позволяют с уверенностью определить культурный контекст этих дат, но полученные интервалы свидетельствуют об их принадлежности к черкаскульской серии.

Таким образом, контекстуальный анализ большинства образцов позволяет довольно уверенно увязать их с ранее выделенными этапами застройки и культурами (Пантелеева, 2023): три образца относятся к черкаскульской строительной фазе, остальные – к срубно-алакульской (табл. 1).

Методика анализа результатов включала калибровку индивидуальных значений в программе OxCalv.4.4.4 (Bronk Ramsey, 2017) с использованием калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al., 2020); проверку на наличие статистических выбросов (диаграмма размаха для медиан интервалов калиброванных значений); байесовское моделирование сообразно стратиграфическим выводам (Bronk Ramsey, 2009). Мы исходили из выделения двух этапов застройки и наличия хронологического разрыва между ними. В рамках хронологической модели проведены определение интервалов границ и оценка длительности каждой из фаз. Полученные результаты сопоставлены с немногочисленными данными, пригодными для сравнительного анализа.

На предварительном этапе выявлен статистический выброс (MAMS-43169, 3603 ± 25). Фрагмент дерева намного древнее всей группы, включая дату, происходящую из того же колодца 3 (MAMS-43171, 3458 ± 20), что, возможно, обусловлено историей использования этого фрагмента дерева – значение идентично абашевским датам раскопа 2 (Корякова и др., 2020). Впрочем, не исключен и эффект старого дерева. Диаграмма размаха медиан калиброванных значений и моделирование

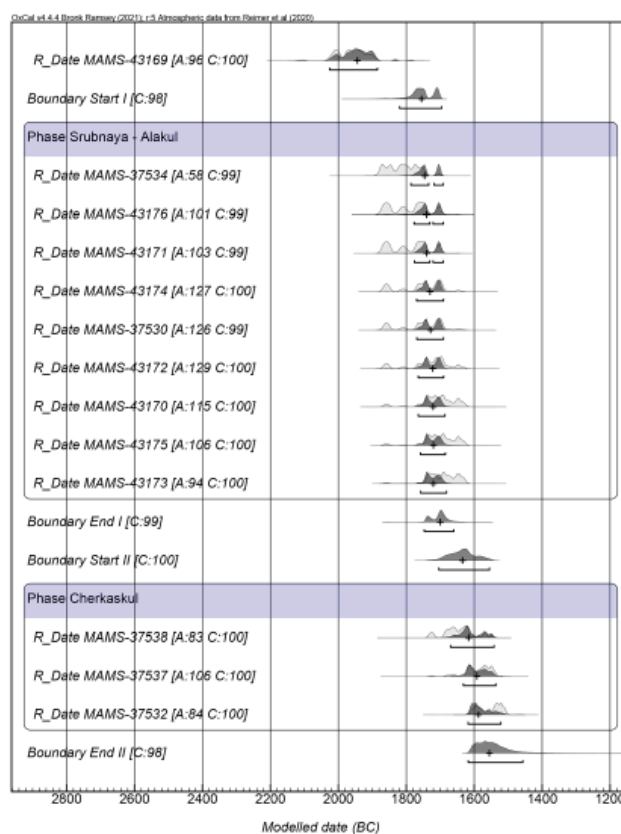

Рис. 4. Результаты байесовского моделирования хронологии поселения Коноплянка 2 (двухфазная модель)

Fig. 4. Results of Bayesian modeling of the chronology of Konoplyanka 2 settlement (two-phase model)

полностью подтверждают этот вывод. При моделировании это значение использовано только в качестве природного события, ограничивающего нижний интервал срубно-алакульской фазы.

Немоделированные результаты калибровки охватывают период XIX–XVI вв. до н. э.¹ (табл. 2), что невозможно содержательно интерпретировать. В рамках двухфазной модели (табл. 2; рис. 4) происходит значительное сужение интервалов каждого из этапов застройки.

Срубно-алакульская фаза не вполне однородна – наиболее раннее значение (MAMS-37534, 3485 ± 20) имеет критически низкий (менее 60%) уровень согласия с остальными восемью датами. Это выглядит неожиданно на фоне близости всех дат этой группы значений. Единственным объяснением является очень высокая плотность значений оставшихся дат и характер калибровочной кривой на данном участке. Медианы границ срубно-алакульской фазы очерчивают интервал 1756–1701 гг. до н. э., а оценка длительности варьирует

Таблица 2. Поселение Коноплянка 2. Результаты применения байесовской статистики (calBC – хронологический интервал по результатам калибровки: m – медиана, A (agreement) – индекс согласия, C (convergence) – индекс сходимости)
 Table 2. Konoplyanka 2 settlement. The results of using Bayesian statistics (calBC – chronological interval according to the calibration results: m – median; A – agreement index; C – convergence index)

	Немоделированные значения		Моделированные значения			
	calBC	m	calBC	m	A	C
MAMS-43169	2028-1891	1960				
Срубно-алакульская фаза (I)						
Начало фазы I			1820-1697	1756		98.3
MAMS-37534	1882-1745	1811	1787-1692	1747	57.8*	99.2
MAMS-43176	1879-1693	1778	1778-1692	1741	100.6	99.4
MAMS-43171	1879-1692	1773	1777-1692	1741	103.3	99.3
MAMS-43174	1876-1642	1745	1770-1691	1731	126.7	99.5
MAMS-37530	1875-1644	1743	1770-1691	1729	126.3	99.4
MAMS-43172	1872-1631	1720	1765-1691	1723	128.9	99.5
MAMS-43170	1865-1625	1704	1765-1687	1722	114.5	99.5
MAMS-43175	1862-1624	1699	1759-1686	1721	106.1	99.5
MAMS-43173	1750-1622	1691	1758-1682	1721	93.6	99.5
Длительность фазы I (span)			0-104	29		98.9
Конец фазы I			1748-1661	1701		99.3
Черкаскульская фаза (II)						
Начало фазы II			1705-1556	1635		99.6
MAMS-37538	1738-1544	1649	1670-1542	1617	82.8	99.7
MAMS-37537	1677-1533	1583	1633-1537	1593	106.1	99.6
MAMS-37532	1613-1506	1546	1619-1522	1588	83.6	99.5
Длительность фазы II (span)			0-110	34		99.7
Конец фазы II			1618-1458	1556		97.6

* Низкий коэффициент согласия (менее 60%).

от 0 до 104 лет (медиана – 29). Достоверность итогового вывода косвенно подтверждает единообразие дат, полученных по разным материалам (дерево и коллаген). Длительность функционирования срубно-алакульской постройки подтверждается следами ремонта, который мог касаться и конструкций колодцев², а также насыщенностью культурного слоя.

Черкаскульская фаза представлена тремя значениями, образующими менее компактную, но внутренне согласованную хронологическую серию. В данном случае медианы границ интервалов указывают на 1635–1556 гг. до н. э., оценка длительности варьирует шире – 0–110 лет (медиана – 34). Разрыв между этапами заселения составляет более полувека (95,4% вероятности). В данном случае оценка длительности фазы опирается

на недостаточную серию значений, и, возможно, период существования поселения был несколько короче.

Таким образом, история жизни поселения в целом укладывается в промежуток от середины XVIII до середины XVI вв. до н. э., включая этап временного запустения площадки.

Обсуждение результатов

Полученные даты при всей их самостоятельной значимости требуют сравнения с хронологией других единокультурных памятников и соотнесения с ранее предложенными системами периодизации. Увы, по первому пункту мы располагаем не очень многочисленными данными. Территориально наиболее близким является поселение Каменный Амбар, поздний этап существования которого ассоциирован именно со срубно-алакульскими древностями. Коноплянка 2 и Каменный

Амбар расположены в пределах долины р. Карагайлы-Аят на расстоянии 20 км друг от друга.

Укрепленное поселение Каменный Амбар – один из наиболее комплексно изученных памятников в Южном Зауралье, площадь раскопок составляет около 2,5 тыс. кв. м (Multidisciplinary investigations..., 2013; The Bronze Age..., 2021; и т. д.). В результате исследований на поселении было выделено четыре строительные фазы, последняя из которых связана с деятельностью срубно-алакульского населения. К этому периоду отнесены хорошо видимые на поверхности глубокие котлованы, хаотично расположенные как внутри, так и за пределами линии укреплений. Благодаря исследованию колодцев сформирована внушительная серия дат, имеющих надежную привязку к культурному контексту (Епимахов и др., 2020). Срубно-алакульская выборка включает 11 AMS-дат, полученных по образцам угля, дерева и семенам растений. При калибровке серия приходится на 1842–1731 вв. до н. э. (по медианам граничных интервалов), длительность оценивается в 13–263 года (медиана – 99). Прямое сопоставление данных двух поселений иллюстрирует хронологический приоритет Каменного Амбара и более позднюю дату завершения срубно-алакульского периода для Коноплянки 2.

В действительности интервалы калиброванных дат срубно-алакульской фазы Каменного Амбара намного шире (чем медианы граничных интервалов), охватывая XX–XVII вв. до н. э. Причина кроется в локальном плато калибровочной кривой на данном участке (около 3500 л. н.). В этой связи правильнее ориентироваться на результаты ранее выполненного моделирования, определившего хронологию поздней фазы в рамках 1766–1700 гг. до н. э. (Чечушков и др., 2020, с. 14)³. Для Коноплянки 2 мы получили сходный интервал – 1756–1701 гг. до н. э. Однако надо иметь в виду, что в этом случае мы не располагаем возможностью ограничить нижнюю границу при моделировании, тогда как для Каменного Амбара ее значение определено большой серией стратиграфически более ранних дат. Сумма статистических операций позволяет сделать следующие заключения. Срубно-алакульский период обоих поселений, видимо, относится к XVIII в. до н. э.⁴ При этом можно утверждать, что

заселение площадки поселения Каменный Амбар состоялось раньше. Даты без применения байесовского моделирования показывают, что завершение жизни на этом поселении произошло раньше, чем на поселении Коноплянка 2. В целом эти данные не противоречат системе региональной периодизации.

Керамические комплексы обоих памятников на первый взгляд не демонстрируют существенных различий (во всяком случае до проведения углубленного анализа). Обе коллекции включают в себя как сосуды традиционного срубного облика, так и изделия с синкретичными срубно-алакульскими чертами. Алакульские черты проявляются в виде уступчика на плечиках горшков (зачастую очень слабо сформированного), в нанесении орнамента протраченным гребенчатым штампом, в оставлении свободной от декора полосы в нижней части шейки, лощении поверхности отдельных изделий и т. д. Черты сходства обнаруживаются и в организации жилого пространства поселений: расположение колодцев по центральной оси построек, обустройство очагов в верхней части забутованных шахт. Видимые отличия прослеживаются только в планировке (хаотичная и линейная) и в выборе места расположения поселений: срубно-алакульские постройки Каменного Амбара приурочены к рельефу синташтинского укрепленного центра, поселение Коноплянка 2 основано на свободном участке надпойменной террасы.

Проблемы интерпретации черкаскульских древностей не сводятся к хронологии, однако последняя выглядит особенно печально на фоне территории распространения памятников этой культуры – горнолесная, лесостепная и степная зоны от Урала до Алтая. Сводка немногочисленных слабо согласованных между собой LSC-дат позволила датировать уральскую серию очень широко 1610–1260 (1900–1100)⁵ гг. до н. э. (Молодин и др., 2014). Для лесостепной и степной зон имеются единичные стратиграфические наблюдения, позволяющие разместить черкаскульские материалы позже срубно-алакульских и раньше межовско-саргаринских (Алаева, 2014; и др.). Список AMS-дат наряду с публикуемыми может быть пополнен только одним значением по дереву ($IGAN_{AMS} - 7811, 3350 \pm 20$) (Епимахов, Петров, 2021). Очевидно, что серия гомогенна, хотя не исключено некото-

рое общее удревнение за счет эффекта старого дерева и загрязнения коллагена (см. выше). Результат моделирования (XVII–XVI вв. до н. э.) в целом реалистичен с учетом того, что для следующего этапа – финала бронзового века – хронология надежна (XIV–IX вв. до н. э. без учета разделения на подпериоды) и базируется на нескольких десятках современных дат (Erimakhov et al., 2023). Приходится подчеркнуть, что это заключение сделано пока только на материалах степных памятников, где носители черкакульских традиций могли появиться позднее, чем в горнолесной зоне.

Еще одна культура требует упоминания в связи с черкакульской проблематикой. Федоровская хронология только в последние годы обрела твердую почву под ногами в виде 11 AMS-дат для памятников степи и лесостепи (Епимахов, Алаева, 2023). Моделирование граничных интервалов предполагает время существования культуры в промежутке от середины XVIII до середины XV вв. до н. э., что частично совпадает с черкакульским интервалом. К сожалению, полной уверенности в наиболее поздних федоровских датах нет, т. к. все они получены при анализе специфичной категории датирующего материала – кремированных останков людей. Эта часть требует дополнительной проверки. Вместе с тем частичная синхронизация федоровских и черкакульских традиций как будто не должна вызывать возражений, в том числе и в свете многочисленных примеров совместного залегания керамики двух культур в слоях поселений и обнаружения разнокультурных курганов и погребений в составе одних и тех же могильников лесостепной зоны (Григорьев, 2000, с. 358–350; Корякова и др., 2005; Grigoriev, 2021, p. 22–25).

Заключение

Приведенные данные позволяют сформулировать ряд заключений локального и регионального масштаба. Публикуемая серия заметно расширила возможности интерпретации материалов двух культурных традиций зауральского бронзового века.

Примечания:

¹ По медианам интервалов.

² Вряд ли они функционировали одновременно, поскольку занимают почти все пространство жилища, а часть из них намеренно забутована и использована для размещения теплотехнических сооружений.

³ При определении верхней границы функционирования поселения Каменный Амбар мы не располагаем

Срубно-алакульские древности поселения Коноплянка 2 в целом подтвердили ранее сделанные заключения об их пост-синташтинском возрасте, а статистические процедуры позволили выразить в цифрах не только относительную хронологию культур, но и длительность функционирования. Локализация в пределах одной речной долины двух однокультурных памятников предполагает их хронологическое сопоставление. Как было показано выше, история их жизни, видимо, укладывается в XVIII в. до н. э., при этом поселение Каменный Амбар было построено несколько раньше. Серийное датирование, позволяющее нарастить точность и достоверность определений возраста, должно быть расширено. В перспективе это способно привести к формированию микрохронологии для локуса и создать предпосылки для моделирования социальных и экономических процессов. Учитывая многочисленность срубно-алакульских памятников в сравнении с любыми другими культурами бронзового века, приходится признать, что их изучение требует дополнительных усилий как в полевой части, так и в аналитической.

Результаты анализа черкакульской серии менее впечатляющи, но следует подчеркнуть, что мы имеем дело с первыми надежными датировками этой культуры в рамках степной ее части. Имеющиеся даты подтвердили отнесение степных черкакульских древностей к периоду между срубно-алакульским и межовско-саргаринским этапами зауральского бронзового века. Впрочем, остается без ответа вопрос о хронологии черкакульских памятников лесостепной и горнолесной зон, а следовательно, и вопрос о происхождении. Требуется дальнейшего изучения и вопрос о хронологическом соотношении черкакульских традиций с федоровскими. С некоторыми оговорками о малом числе дат можно отнести возникновение федоровских традиций к более раннему периоду, чем степные черкакульские. Однако выводы о финальной дате федоровских памятников требуют существенного увеличения серий.

датами и стратиграфическими фактами для более позднего в сравнении со срубно-алакульской фазой периода. Это могло иметь следствием ее некоторое омоложение.

⁴ Столь узкая датировка во многом результат использованной процедуры – определение хронологии по медианам граничных интервалов. Другие варианты неизбежно расширят интервал функционирования памятников.

⁵ В скобках приведен интервал по итогам суммирования вероятностей калиброванных дат с вероятностью 95,4%. В настоящей работе использованы другие процедуры статистического анализа, поэтому прямое сопоставление цифр некорректно.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П. Поселение бронзового века Малая Березовая-4 // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 161–172.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 241–409.

Епимахов А.В., Алаева И.П. Радиоуглеродная хронология федоровской культуры бронзового века (новые материалы по старой проблеме) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. В печати.

Епимахов А.В., Пантелева С.Е., Корякова Л.Н. Колодцы как источник культурно-хронологической информации (по материалам поселения Каменный Амбар в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 4. Т. 48. С. 101–111. doi: 10.17746/1563-0102.2020.48.4.000-000

Епимахов А.В., Петров Ф.Н. Радиоуглеродная хронология культурных традиций бронзового века Зауралья: по материалам поселения Левобережное (Синташта II) // РА. 2021. № 3. С. 67–79. doi: 10.31857/S086960630012103-2

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Микрюкова О.В., Берсенева Н.А., Шаранова С.В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 147–161.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Пантелева С.Е., Столярчик Э., Булакова Е.А., Солдаткин Н.В., Рассадников А.Ю., Молчанова В.В., Анкушев М.Н., Молчанов И.В., Якимов А.С., Федорова Н.В., Носкевич В.В. Поселение Коноплянка 2 в Южном Зауралье: новые аспекты исследования // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 61–73. doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актюбе: ПринтА, 2008. 358 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 136–167.

Пантелева С.Е. Поселение Коноплянка 2 – новый памятник черкаскульской культуры в степном Зауралье (результаты исследований на линии 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. В печати.

Тарасов Ю.В. Отчет об археологической разведке в Карталинском районе Челябинской области в 1982 г. Челябинск, 1983 // Архив ИА РАН. Р-1. № 9233.

Федорова Н.В., Носкевич В.В., Молчанов И.В. Результаты геофизических исследований поселения бронзового века Коноплянка-2 (Южный Урал) // Уральский геофизический вестник. 2018. № 2. С. 61–67. doi: 10.25698/UGV.2018.2.8.61

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Хронологическое соотношение укрепленного поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 47–58. doi: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-4

Чечушков И.В., Молчанова В.В., Епимахов А.В. Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 5–19. doi: 10.20874/2071-0437-2020-49-2-1

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51 (1). P. 337–360. DOI: 10.1017/S0033822200033865

Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets // Radiocarbon. 2017. Vol. 59 (6). P. 1809–1833. doi: 10.1017/RDC.2017.108

DeNiro M.J. Post-mortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // *Nature*. 1985. Vol. 317. P. 806–809. doi: 10.1038/317806a0

Grigoriev S. Andronovo Problem: Studies of Cultural Genesis in the Eurasian Bronze Age // *Open Archaeology*. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 3–36. doi: 10.1515/opar-2020-0123

Epimakhov A., Zazovskaya E., Alaeva I. Migrations and Cultural Evolution in the Light of Radiocarbon Dating of Bronze Age Sites in the Southern Urals // *Radiocarbon*. 2023. In press.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Transurals (Russia) / R. Krause and L.N. Koryakova (eds.). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 355 p.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Hai Cheng, Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Irka Hajdas, Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R. W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Talamo S. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 CAL kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62 (4). P. 725–757. doi: 10.1017/RDC.2020.41

Информация об авторах:

Епимахов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Челябинск, Россия); eav74@rambler.ru

Пантелеева Софья Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра археологии эпохи металла, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); spanteleyeva@mail.ru

Корякова Людмила Николаевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра археологии эпохи металла, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); lunikkor@mail.ru

Краузе Рюдигер, доктор, профессор, Университет им. Гёте (г. Франкфурт-на-Майне, Германия); r.krause@em.uni-frankfurt.de

Столарчик Элиза, магистр гуманитарных наук, научный ассистент, Университет им. Гёте (г. Франкфурт-на-Майне, Германия); Stolarczyk@em.uni-frankfurt.de

REFERENCES

Alaeva, I. P. 2014. In Khabdulina, M.K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan)*. Astana: "Saryarka" Publ., 161–172 (in Russian).

Grigoriev, S. A. 2000. In Ivanova N.O. (ed.). *Drevniaia istoriia Iuzhnogo Zaural'ia (Ancient History of the Centre Northern Eurasia) I. Kamennyi vek. Epoha bronzy (Stone Age. Bronze Age)*. Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ural's People Ethnic Genesis). Chelyabinsk: South Ural State University, 241–409 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Alaeva, I. P. 2023. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)*. In press (in Russian).

Epimakhov, A. V., Panteleeva, S. E., Koryakova, L. N. 2020. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 48 (4), 95–105. doi: 10.17746/1563-0110.2020.48.4.095-105

Epimakhov, A. V., Petrov F. N. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 67–79. doi: 10.31857/S086960630012103-2 (in Russian).

Koryakova, L. N., Stefanov, V. I., Mikryukova, O. V., Berseneva, N. A., Sharapova, S. V. 2005. In Borzunov, V. A. (ed.) *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri (Archaeology of the Urals and the Western Siberia)*. Ekaterinburg: Ural State University, 147–161 (in Russian).

Koryakova, L. N., Krause, R., Panteleeva, S. E., Stolyarchik, E., Bulakova, E. A., Soldatkin, N. V., Rassadnikov, A. Yu., Molchanova, V. V., Ankushev, M. N., Molchanov, I. V., Yakimov, A. S., Fedorova, N. V., Noskevich, V. V. 2020. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 69 (4), 61–73 doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 2008. *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turnoy obshchnosti (Classification and periodization of the Andronovo cultural community sites)*. Aktobe: "PrintA" Publ. (in Russian).

Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, Zh. V. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13 (3), 136–167 (in Russian).

Panteleeva, S. E. 2023. In *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*. In press (in Russian).

Tarasov, Yu. V. 1983. *Otchet ob arheologicheskoi razvedke v Kartalinskom raione Cheliabinskoi oblasti v 1982 godu (Report on Archaeological Exploration in the Kartalinsky District of Chelyabinsk Region in 1982)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 9233 (in Russian).

Fedorova, N. V., Noskevich V. V., Molchanov, I. V. 2018. In *Ural'skiy geofizicheskiy vestnik (Ural Geophysical Journal)* (2), 61–67. doi: 10.25698/UGV.2018.2.8.61 (in Russian).

Chechushkov, I. V., Epimakhov, A. V. 2021. In *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 54 (3), 47–58. doi: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-4 (in Russian).

Chechushkov, I. V., Molchanova, V. V., Epimakhov, A. V. 2020. In *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 49 (2), 5–19. doi: 10.20874/2071-0437-2020-49-2-1 (in Russian).

Bronk Ramsey, C. 2009. In *Radiocarbon* 51(1), 337–360. doi: 10.1017/S0033822200033865

Bronk Ramsey, C. 2017. In *Radiocarbon* 59(6), 1809–1833. doi: 10.1017/RDC.2017.108

DeNiro, M. J. 1985. In *Nature* (317), 806–809. doi: 10.1038/317806a0

Grigoriev, S. 2021. In *Open Archaeology* 7(1), 3–36. doi: 10.1515/opar-2020-0123

Epimakhov, A., Zazovskaya, E., Alaeva, I. 2023. In *Radiocarbon*. In press.

Krause, R., Koryakova, L.N. (eds.). 2013. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Transurals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH.

Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Hai Cheng, Edwards, R. L., Friedrich, M., Grootes, P. M., Irka Hajdas, Heaton, T. J., Hogg, A. G., Hughen, K. A., Kromer, B., Manning, S. W., Muscheler, R., Palmer, J. G., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R. W., Richards, D. A., Scott, E. M., Southon, J. R., Turney, C. S., M., Talamo, S. 2020. In *Radiocarbon* 62(4), 725–757. doi: 10.1017/RDC.2020.41

About the Authors:

Epimakhov Andrey V., Doctor of Historical Sciences, Docent, Chief Research Fellow of the South Ural Archaeological Center, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina pr., 76, office 437, Chelyabinsk, Russian Federation; eav74@rambler.ru

Panteleeva Sofya E., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of the Center for Archaeology of the Metal Era, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. S. Kovalevskoj st., 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; spanteleyeva@mail.ru

Koryakova Ludmila N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Fellow of the Center for Archaeology of the Metal Era, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. S. Kovalevskoj st., 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; lunikkor@mail.ru

Krause Rüdiger, Doctor, Professor, Johann Wolfgang Goethe University, Campus Westend, Norbert-Wollheim-Platz 1, Frankfurt am Main, 60323, Germany; r.krause@em.uni-frankfurt.de

Stolarczyk Eliza, M.A., research assistant, Johann Wolfgang Goethe University, Campus Westend, Norbert-Wollheim-Platz 1, Frankfurt am Main, 60323, Germany; Stolarczyk@em.uni-frankfurt.de

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 903.57:903.21 (470.56–924.9)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.235.248>

ПОГРЕБЕНИЯ С СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИМ ИНВЕНТАРЕМ ИЗ ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ, ПАЛЕОДИЕТИЧЕСКИЙ И МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ¹

© 2023 г. Л.В. Купцова, М.В. Халяпин

В настоящей работе впервые публикуются материалы четырех погребений некрополя синташтинской культуры из Оренбургского Предуралья, в которых был выявлен сейминско-турбинский инвентарь. Анализируемые захоронения могильника у горы Березовой были совершены согласно сейминско-турбинской погребальной обрядности, для двух из них характерно смешение культурных традиций. Появление носителей сейминско-турбинского транскультурного феномена (СТФ) в Оренбургском Предуралье уверенно можно связать с миграционным импульсом с территории Западной Сибири: об этом свидетельствуют археологические, антропологические данные и результаты анализа легких изотопов ($\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$). Судя по тому, что представители синташтинской культуры и носители СТФ были похоронены на одной погребальной площадке с соблюдением привычных для обеих культурных групп погребальных практик, в данном случае можно говорить об их мирном сосуществовании. Возможно, носители СТФ были инкорпорированы в синташтинский коллектив с сохранением своего социального статуса. Время контактов синташтинских групп и носителей СТФ по результатам радиоуглеродного AMS датирования материалов обсуждаемого памятника приходится на XX–XVIII вв. до н.э. В статье также вводятся в научный оборот ранее не опубликованные AMS даты синташтинских комплексов Оренбургского Предуралья.

Ключевые слова: археология, Оренбургское Предуралье, синташтинская культура, сейминско-турбинский феномен, радиоуглеродное датирование, AMS, палеодиета, резервуарный эффект.

BURIALS WITH SEIMA-TURBINO INVENTORY FROM THE ORENBURG CIS-URALS: CHRONOLOGICAL, PALEODIETOLOGICAL AND MIGRATION ASPECTS²

L.V. Kuptsova, M.V. Khalyapin

The paper presents for the first time the materials of 4 burials from the Sintashta culture necropolis in the Orenburg Cis-Urals, where the Seima-Turbino inventory was found. The studied burials of the burial ground nearby Beryozovaya Gora were carried out according to the Seima-Turbino rite. Two of them are characterized by merging of cultural traditions. Appearance of bearers of the Seima-Turbino transcultural phenomenon in the Orenburg Cis-Urals can be confidently associated with the migration impulse from the Western Siberia. This is evidenced by archaeological, anthropological data and the results of the analysis of light isotopes ($\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$). Representatives of the Sintashta culture and bearers of the Seima-Turbino phenomenon were buried on the same burial site with the burial rite characteristics of both groups, so in this case we can talk about their peaceful coexistence. It is possible that the bearers of the Seima-Turbino phenomenon have incorporated into the Sintashta community and have kept their social status. The period of intercultural contacts, according to the radiocarbon dating of the materials from the site under discussion, falls on the XX–XVIII centuries BC. The paper also introduces for the scientific use the unpublished AMS dates of the Sintashta complexes from the Orenburg Cis-Urals.

Keywords: archaeology, Orenburg Cis-Urals, Sintashta culture, Seima-Turbino phenomenon, radiocarbon dating, AMS, paleo-diet, reservoir effect.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

² The work was supported by RSF grant No. 23-68-10006 "Ethnic and cultural processes in the Bronze and Early Iron Ages in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals".

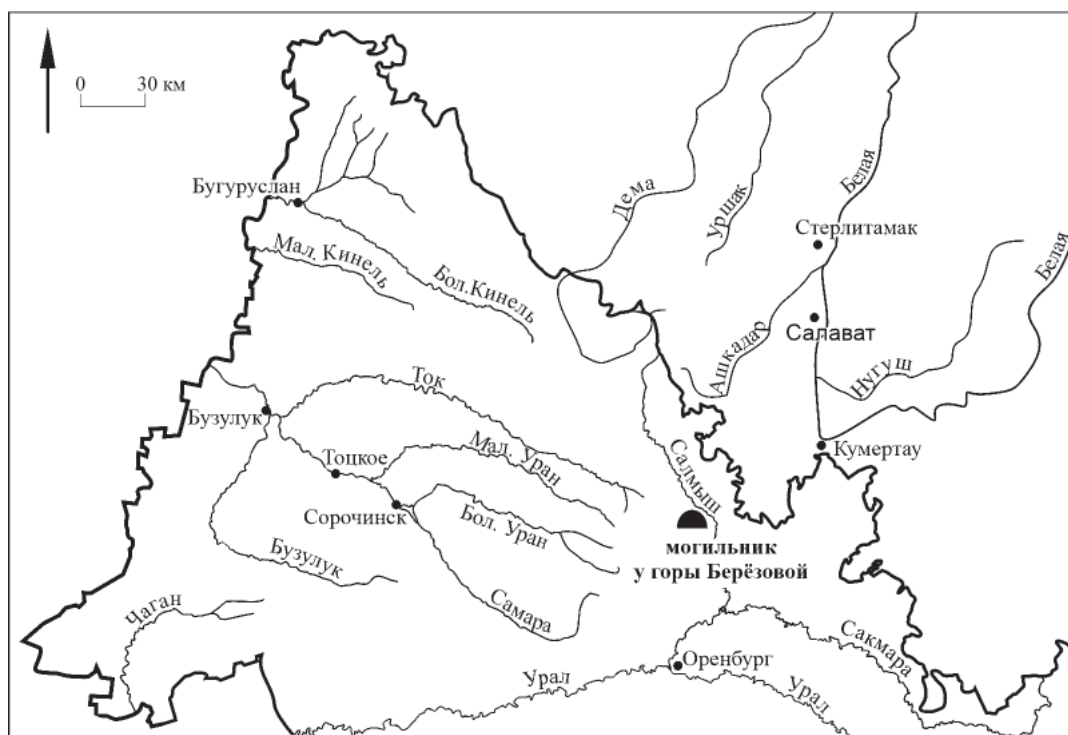

Рис. 1. Могильник у г. Березовой на карте Оренбургской области.

Fig. 1. The burial ground near Beryozovaya Gora on the map of the Orenburg region.

В период с 1999 г. по 2002 г. отрядами Оренбургской археологической экспедиции под руководством М.В. Халяпина и Н.Л. Моргуновой проводились раскопки грунтового могильника у горы Березовой (также известного в литературе как Булановский могильник), расположенного в Октябрьском районе Оренбургской области, на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Салмыш (рис. 1). Частично результаты изучения некрополя введены в научный оборот (Халяпин, 2001; Халяпин, 2005). Полная публикация материалов некрополя предполагалась после его окончательного исследования, чего, однако, пока не произошло. Всего в могильнике изучено 16 захоронений, а также ритуальные сооружения. Большая часть погребений принадлежала представителям синташтинской археологической культуры, но четыре из них явно выделялись среди прочих как по признакам погребального обряда, так и по содержавшемуся в них инвентарю сейминско-турбинского облика. В связи с повышенным интересом к изучению СТФ обозначенные комплексы заинтересовали научное сообщество, в том числе представителей смежных с археологией наук. Несмотря на то что археологические данные до сих пор не были полноценно опубликованы, в научный оборот вошли результаты

междисциплинарного изучения материалов из указанных захоронений (Хохлов, 2009; Хохлов, Китов, 2009; Rasmussen et al., 2015; Хохлов, 2017; Китов и др., 2018; Хохлов, Китов, 2019).

Целью настоящей статьи является публикация погребений с сейминско-турбинским инвентарем с территории могильника у горы Березовой с привлечением и анализом всех имеющихся на сегодняшний день естественно-научных данных (новых и ранее опубликованных).

Ниже представлено описание интересующих нас погребений. Все палеоантропологические определения выполнены А.А. Хохловым, палеозоологические Н.В. Росляковой. В скобках указаны ссылки на работы с определениями, в том случае если ранее они публиковались.

Погребение 4 (рис. 2). Выявлено в яме подовальной формы (197×125 см, глубина -139 см от 0). Скелет мужчины 30–40 лет (Хохлов, 2017, с. 293) покоился вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Правая рука согнута в локте, кисть на тазе, левая согнута в локте, кисть на животе (рис. 2: 1). Инвентарь представлен *пятью кремневыми треугольными бесчерешковыми, с усеченным основанием наконечниками стрел «турбинского» типа*

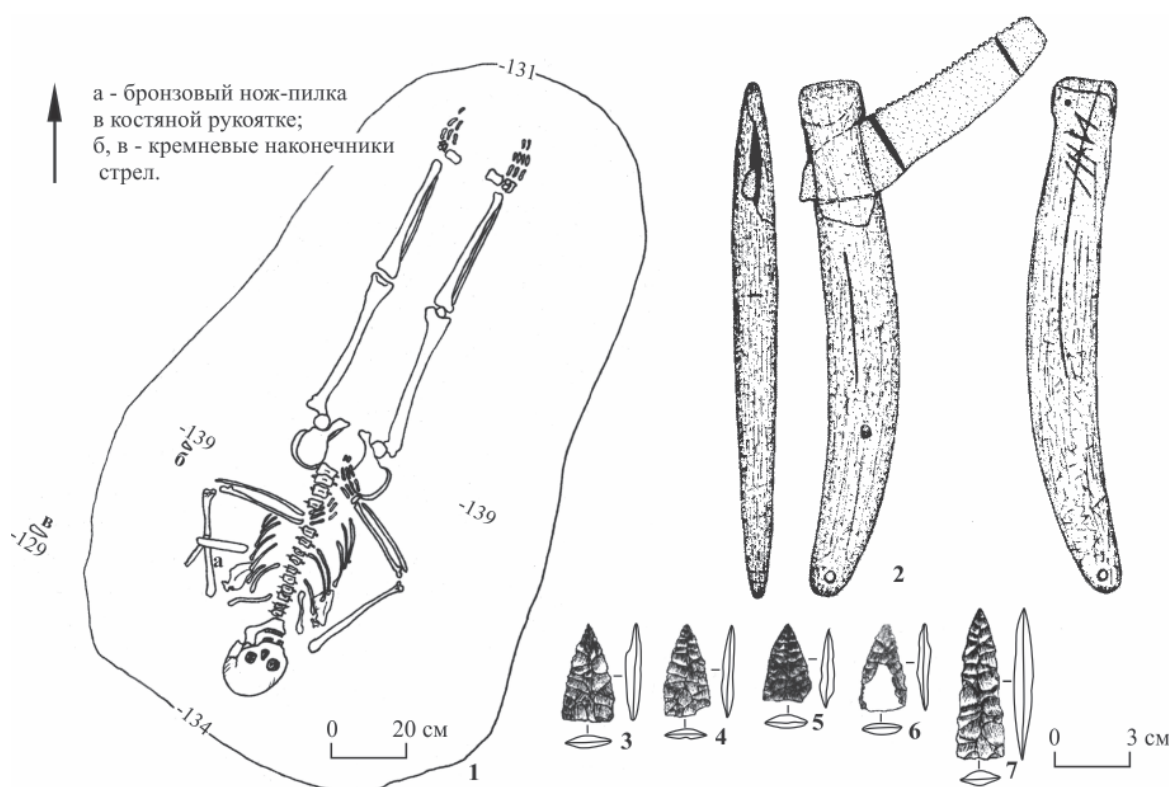

Рис. 2. Погребение 4: 1 – план погребения; 2 – бронзовый нож в костяной рукоятке; 3–7 – кремневые наконечники стрел.

Fig. 2. Burial 4: 1 – burial plan; 2 – bronze knife with a bone handle; 3–7 – flint arrowheads.

(рис. 2: 3–7) и бронзовым ножом-пилочкой в костяной рукоятке (рис. 2: 2), который находился на предплечье левой руки погребенного. Лезвие ножа имело длину 10 см при ширине 2 см, рукоятка – длину 18 см при ширине 2,4 см. Возможно, у орудия был клювовидный кончик лезвия, который впоследствии оказался обломан. Рукоятка изготовлена из кости МРС. В нижней части фиксируется сквозное отверстие.

Погребение 8 (рис. 3). Совершено в погребенной почве, форма и размеры могильной ямы не прослежены. Умерший погребен в неглубокой могиле на склоне, головой вниз по склону, о чем свидетельствуют глубины залегания костей (пяточные кости выявлены на глубине -182 см от 0, кости черепа на глубине -203 см от 0). Скелет подростка, предположительно девушки (Хохлов, 2017, с. 293), лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, руки вытянуты вдоль тела. Скелет неполный, поврежден в древности. Отсутствовали кисти рук, многие кости ступней и пальцев ног. Ноги были прогнуты в коленях вовнутрь. На плечевой кости левой руки зафиксирован перелом (рис. 3: 1).

Инвентарь представлен бронзовым ножом-пилкой в костяной рукоятке (рис. 3: 2) и каменным ретушером из гальки (рис. 3: 3). Длина лезвия ножа 7 см, ширина 2 см. Длина рукоятки 17 см при ширине 1,5–1,7 см, в верхней трети сломана в древности. В нижней части просверлено отверстие. Ретушер из гальки слегка уплощен, имеет овальное сечение 2,8×2,1 см, длина изделия 5,2 см.

Погребение 9 (рис. 4, 5). Совершено в яме подпрямоугольной формы с закругленными углами (222×120 см, глубина от -274 до -281 см от 0, 12–15 см от уровня материка). Скелет мужчины (Хохлов, 2017, с. 293) лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, руки согнуты в локтях, кисти на животе, кисть правой руки чуть выше левой. В западном углу могилы стоял сосуд, возле которого лежали костяная пряжка и орудие из суставной части лопатки крупного копытного (вероятно, КРС). Чуть восточнее сосуда находился альчик МРС. Севернее черепа у левого виска найдены фрагмент ребра мелкого животного и кремневый наконечник стрелы «турбинского» типа. На груди погребенного находился нож

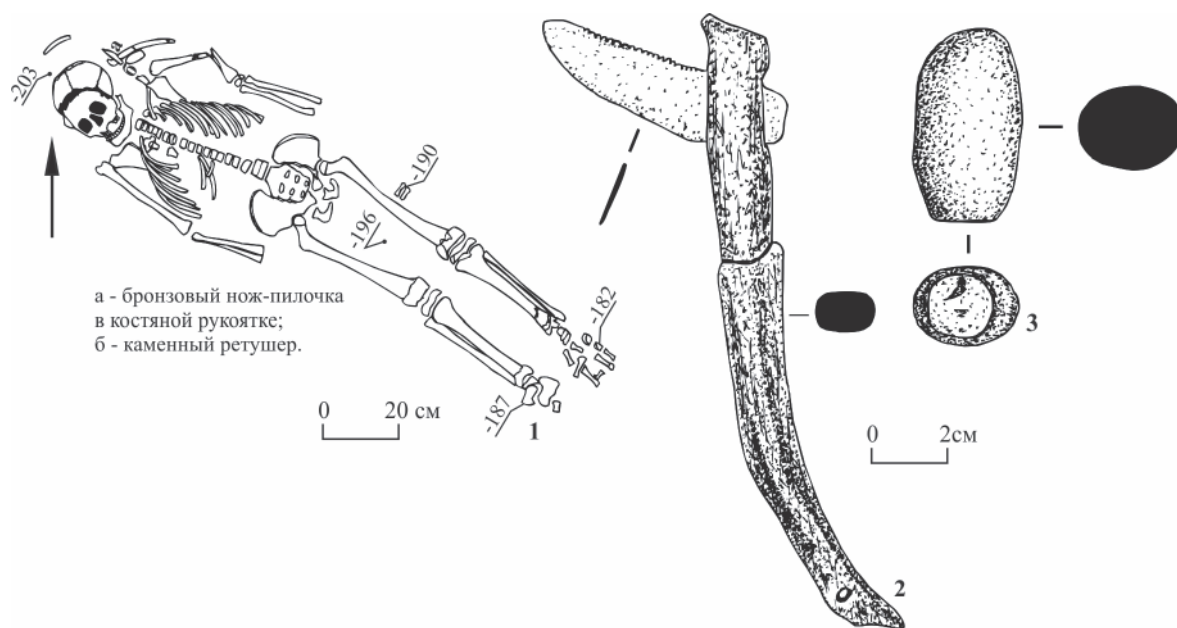

Рис. 3. Погребение 8: 1 – план погребения; 2 – бронзовый нож в костяной рукоятке; 3 – каменный ретушер.
Fig. 3. Burial 8: 1 – burial plan; 2 – bronze knife with a bone handle; 3 – stone tool for retouching.

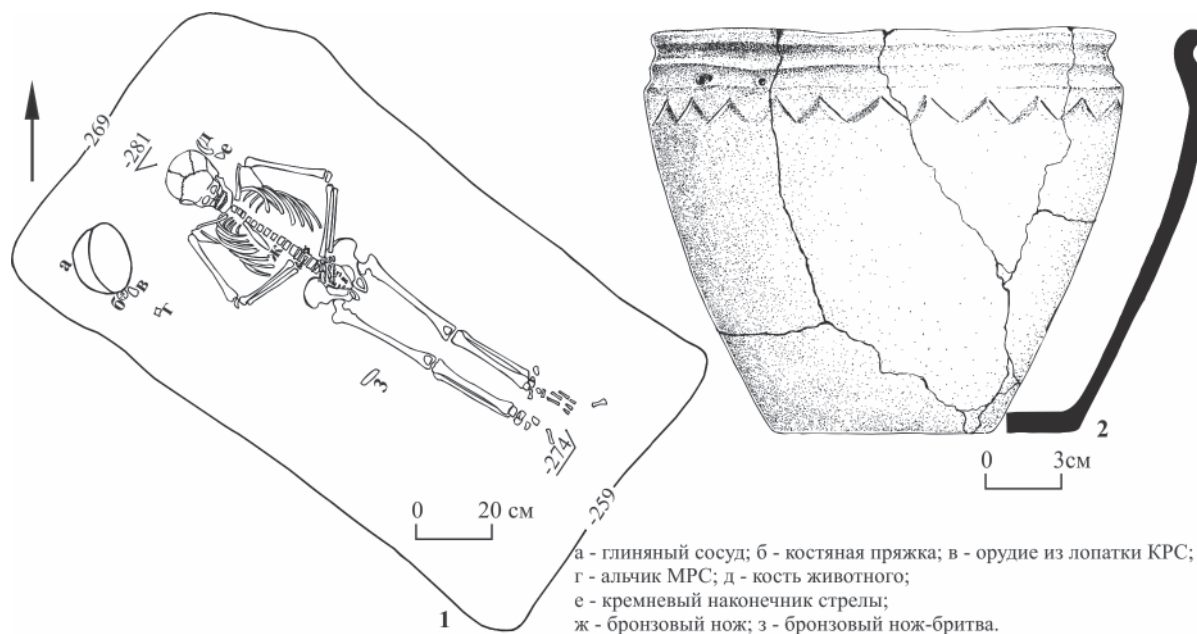

Рис. 4. Погребение 9: 1 – план погребения; 2 – керамический сосуд.
Fig. 4. Burial 9: 1 – burial plan; 2 – ceramic vessel.

(№ 1), рядом с бедром лежал нож-бритва (№ 2) (рис. 4: 1).

Описание инвентаря:

Нож № 1 (рис. 5: 3) – листовидный, двулезвийный, с прямым прямоугольным черенком. Общая длина изделия 15 см, длина лезвия 9,5 см при ширине 2,3 см; длина черенка 5,5 см при ширине 1,8 см. На черенке сохранились древесные волокна от рукоятки.

Нож № 2 (нож-бритва) (рис. 5: 4) – пластинчатый, лезвие подпрямоугольное, бесчеренко-

вый, с прямой пяткой. Длина изделия 8,5 см при ширине лезвия 2,1–2,2 см. На окончании ножа, около пятки, там, где она торцевой частью соединялась с рукоятью, сохранились древесные волокна от нее.

Костяная пряжка (рис. 5: 1) – дисковидной формы (D диска 5,1–5,2 см, толщина от 0,2 до 0,4 см) с центральным (D 1,2 см) и двумя периферийными отверстиям (D 3 мм).

Сосуд (рис. 4: 2) – горшок с коническим туловом и отогнутым наружу венчиком.

Нс – 15,7 см, Дг – 17,7 см, Дт – 18 см, Дд – 9 см. На шейке сформированы две каннелюры, в нижней из которых имеются два отверстия. По плечикам нанесен орнамент в виде зигзага, выполненного гладким штампом.

Функциональное назначение орудия из суставной части лопатки крупного копытного (вероятно, КРС) (рис. 5: 6) не определено, длина 2 см.

Погребение 10 (рис. 6). Совершено в погребенной почве. Дно могилы имело небольшой наклон в сторону головы умершего (перепады глубин колеблются от -298 до -310 см от 0). Костяк подростка лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЮЗ, руки вытянуты вдоль тела. Рядом с левой большеберцовой костью располагались череп и конечности особи МРС (вероятно, были помещены в могилу вместе со шкурой). Инвентарь представлен двумя сосудами, а также бронзовым ножом и шилом (рис. 6: 1).

Описание инвентаря:

Бронзовый нож (рис. 6: 4) – пластинчатый, листовидный, двулезвийный, со слабо намеченными плечиками, с широким и коротким подпрямоугольным черенком. Длина изделия 11,1 см, длина лезвия 8,5 см при ширине 2,6 см, длина черенка 2,6 см при ширине 2,1 см. На лезвии сохранились кусочки кожи от ножен, а на черенке древесные волокна от рукоятки.

Бронзовое шило (рис. 6: 5) – стержень длиной 6,3 см, прямоугольный в сечении (0,2×0,2 см), с остатками деревянной рукоятки.

Сосуд № 1 (рис. 6: 2) – плавно профилированный горшок. Нс – 12,8 см, Дг – 13,1 см, Дт – 13,5 см, Дд – 6,5 см. Сосуд орнаментирован по шейке и ниже плечиков двойным прочерченным зигзагом. Тулово по сглаженному ребру декорировано параллельными горизонтальными желобками. Выше желобков, по верхнему срезу и с внутренней стороны венчика нанесены ряды насечек.

Сосуд № 2 (рис. 6: 3) – банка с закрытым устьем. Нс – 6,8 см, Дг – 8,2 см, Дд – 4,4 см. Неорнаментирован.

Все обсуждаемые погребения объединяет такая важная деталь погребального обряда, как положение скелетов вытянуто на спине. Для всех погребений отмечается наклон ямы в сторону головы умершего, т. к. захоронения совершены на склоне. Ориентировки вари-

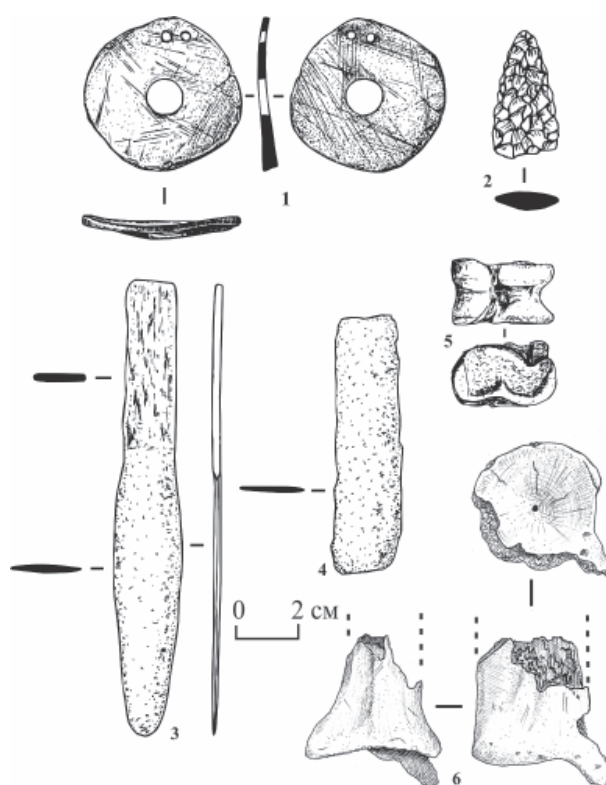

Рис. 5. Инвентарь погребения 9: 1 – костяная пряжка, 2 – кремневый наконечник стрелы; 3 – бронзовый нож, 4 – бронзовый нож-бритва; 5 – астрагал МРС; 6 – орудие из суставной части лопатки КРС.

Fig. 5. Burial inventory 9: 1 – bone buckle; 2 – flint arrowhead; 3 – bronze knife; 4 – bronze knife-razor; 5 – astragal of small cattle; 6 – item made of the articular part of the shoulder blade of cattle.

тивны в пределах западного сектора: в двух случаях это западный сектор с отклонениями к югу (П 4, П 10), в двух – с отклонением к северу (П 8, П 9). Во всех случаях могилы были неглубокими, глубина П 4 и П 9 варьировалась в пределах 12–20 см от уровня материка, П 8 и П 10 зафиксированы в погребенной почве. Положение скелетов вытянуто на спине с указанными ориентировками могил характерно для могильников и одиночных могил сейминско-турбинского типа – Турбино I, Сатыга, Ростовка и других (Матющенко, Синицина, 1988, с. 63–64; Черных, Кузьминых, 1989, с. 18–19; Корочкова, Стефанов, 2011, с. 23). Небольшая глубина могил также может считаться элементом сейминско-турбинской обрядности.

Во всех четырех погребениях были найдены бронзовые ножи (всего пять изделий). Как известно, ножи являются наиболее массовой категорией находок для СТФ комплексов (Кузьминых, 2011, с. 32). Как правило, на боль-

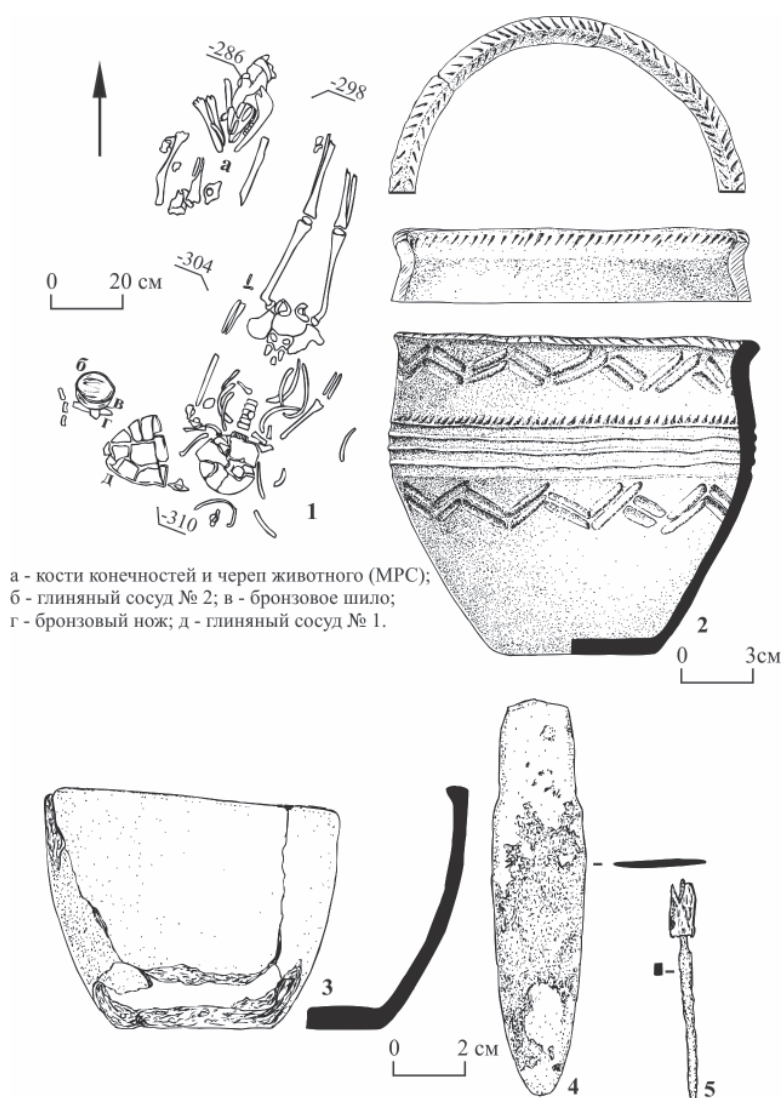

Рис. 6. Погребение 10: 1 – план погребения, 2 – керамический сосуд № 1; 3 – керамический сосуд № 2; 4 – бронзовый нож; 5 – бронзовое шило.
Fig. 6. Burial 10: 1 – burial plan; 2 – ceramic vessel No. 1; 3 – ceramic vessel No. 2; 4 – bronze knife; 5 – bronze awl.

шинстве изделий сохраняются следы рукояти в виде отпечатков волокон дерева (Черных, Кузьминых, 1989, с. 93, 96, 97, 98, 99, 100; Соловьев, 2005, с. 106, 108, 109; Сатыга XVI, 2011, с. 139, 140). Такая же ситуация отмечена для ножей из анализируемых погребений, следы деревянной рукоятки присутствуют здесь на трех предметах.

В П 4 и П 8 находились ножи-пилочки в костяных рукоятках. Судя по тому, что на концах рукоятей просверлены отверстия, куда мог продеваться кожаный шнур, предметы носились на груди. Аналогичные предметы (без рукояток) найдены в Сейминском могильнике и Канинской пещере (Бадер, 1970, с. 118, рис. 53–55; Черных, Кузьминых, 1989, с. 104, рис. 60, 4). Близкое по форме

изделие (нож-скобель) происходит из могилы 20 Ростовкинского могильника (Матющенко, Сеницына, 1988, с. 28, рис. 35, 1). Аналогичная орнаментированная резьбой костяная рукоять обнаружена в могиле 33 Ростовки (Матющенко, Сеницына, 1988, с. 54, рис. 67, 3). Ранее одним из авторов настоящей статьи отмечалось, что для погребальных комплексов с ножами-пилками и/или ножами-скобелями характерны бескерамичность и наличие в инвентаре бесчерешковых наконечников стрел в сочетании с ретушерами для подработки наконечников стрел и желобчатыми абразивами (т. н. «выпрямители древков стрел», или «утюжки»). Данное сочетание позволило предположить, что ножи-пилки и ножи-скобели могли использоваться для изго-

товления древков стрел, а вместе с ретушерами и абразивами составляли наиболее полный комплект инструментария для изготовления стрел (Халяпин, 2005, с. 206).

В П 9 были найдены два ножа. Для ножа № 1 точных аналогий в сейминско-турбинских памятниках не встречено. Наиболее близкие соответствия данному предмет находит с ножом из погребения 8 Юринского могильника, оставленного носителями СТФ (Соловьев, 2005, с. 109, рис. 6: 11). Нож-бритва (№ 2) относится к разряду НК-2 средние. Экземпляры этого типа найдены на могильниках Турбино I, Канинская пещера, Бор-Ленва, Мурзиха 1, Воскресенское, Решное (Черных, Кузьминых, 1989, с. 92, 93).

Нож из П 10 также связан с сейминско-турбинской традицией, его можно отнести к разряду НК-6 по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых (Черных, Кузьминых, 1989, с. 97–98, рис. 54–55). Однотипный нож также был найден в подробно опубликованном П 6 анализируемого некрополя, совершенном по синташтинскому обряду, в котором были захоронены мужчина, женщина и ребенок (Халяпин, 2005, с. 204–206). Как и для большинства сейминско-турбинских изделий могильника, для него отмечена сохранность волокон от деревянной рукоятки.

Из металлических изделий в П 10 обнаружено шило, на котором также сохранились волокна дерева.

Каменные наконечники стрел «турбинского» типа с усеченным основанием выявлены в П 4 и П 9 (всего шесть экземпляров). Считается, что данный тип наконечников имеет сейминско-турбинское происхождение (Кузьмина, Крамарев, 2021, с. 148–149), однако он широко распространен в памятниках средне-волжской абашевской культуры (Черных, Кузьминых, 1989, с. 234) и в памятниках культур колесничного круга – синташтинской, потаповской, покровской, доно-волжской абашевской (Епимахов, 2005, с. 156; Васильев и др., 1994, с. 62; Халиков, 1989, с. 67; Пряхин и др., 2001, с. 64–82; Кузьмина, Крамарев, 2021, с. 155, 157, 163).

Керамическая посуда, имеющая синташтинскую культурную принадлежность, найдена в двух СТФ комплексах (П 9 и П 10). Ритуал захоронения на сейминско-турбинских некрополях в основном исключал помещение керамики. В погребальных комплексах если и

встречалась керамическая посуда, то принадлежала тому населению, с которым носители СТФ взаимодействовали (Бадер, 1970, с. 58; Черных, Кузьминых, 1989, с. 18). Для могильника у горы Березовой помещение в погребения керамической посуды – это элемент синташтинской обрядности. Это же можно полагать и относительно помещения в П 9 альчика МРС и в П 10 черепа и конечностей МРС.

Костяные предметы из П 9 (пряжка и изделие из суставной части лопатки) также относятся к инвентарю культур колесничного круга. По классификации Р.А. Литвиненко, пряжка относится к типу 1. Исследователем установлено, что в позднем бронзовом веке данная разновидность изделий характерна исключительно для памятников доно-волжской абашевской культуры (ДВАК). В синташтинских материалах ему были известны только два изделия данного типа: первое – это обсуждаемая пряжка из П 9, второе происходит из П 30 Синташтинского могильника (СМ) (Литвиненко, 2004, с. 259). Аналогии для изделия из суставной части лопатки нам пока неизвестны.

Таким образом, подытоживая анализ четырех обсуждаемых захоронений, можно сделать вывод, что их обряд соответствует сейминско-турбинской практике, за тем исключением, что сверху П 10 были помещены кости животных. Инвентарь в П 4 и П 8 выявлен исключительно сейминско-турбинского типа, в П 9 и П 10 отмечается смешение традиций: здесь находились как предметы, характерные для СТФ, так и для синташтинской культуры. Кроме того, нож сейминско-турбинского типа был обнаружен в ранее опубликованном синташтинском П 6.

В связи с тем, что частично информация об обсуждаемых неординарных захоронениях известна уже более 20 лет, они в той или иной степени вызывали интерес у представителей естественных наук. В частности, подробные антропологические исследования имеющихся скелетных останков были проведены А.А. Хохловым и его коллегами. Антропологами были изучены черепа из П 4, П 8, П 9. Было определено, что все они брахикранные. Мужские черепа из П 4 и П 9 наиболее близки черепу из могилы № 8 могильника Ростовка (Хохлов, 2017, с. 100; Китов и др., 2018, с. 229). Женский череп из П 8 – типично монго-

лоидный, по всей видимости, представляет западносибирский вариант (Хохлов, 2009, с. 9; Хохлов, 2017, с. 100; Китов и др., 2018, с. 229). Отметим, что черепа из других погребений некрополя (П 5, П 6, П 11, П 14), имеющих синташтинскую культурную атрибуцию, долихокраничные и мезокраничные (Хохлов, 2017, с. 100). Таким образом, анализируемые захоронения выделяются среди прочих комплексов некрополя не только в плане культурной интерпретации обряда и инвентаря, но и по антропологическим данным. Антропологи полагают, что на примере археологических и антропологических материалов могильника у горы Березовой (Булановского) можно видеть реальное распространение населения СТФ Западной Сибири в западном направлении (Хохлов, Китов, 2019, с. 61).

Одонтологические материалы из П 4 и П 8 были отобраны для исследования древнейших штаммов чумы (*Yersinia pestis*) в человеческих популяциях Евразии. Было определено, что мужчина из П 4 был носителем данного заболевания, однако оно в бронзовом веке еще не носило патогенного характера (Rasmussen et al., 2015). В ходе исследования чумных штаммов для двух указанных погребений было проведено радиоуглеродное AMS-датирование. Результаты датирования и данные по легким изотопам представлены в таблице 1, калибровка проведена в программе OxCal V 4.4.4, калибровочная кривая IntCal 20.

Две даты П 4 и одна дата П 8 получены по зубам человека (№ 1, 2, 3 в табл. 1). Проанализированные образцы имеют самые низкие значения $\delta^{13}\text{C}$ и самые высокие значения $\delta^{15}\text{N}$

Таблица 1. Радиоуглеродные даты и данные по легким изотопам.

Археологические памятники начала эпохи поздней бронзы Оренбургского Предуралья

Table 1. Radiocarbon dating and light isotope data.

Archaeological sites of the beginning of the late Bronze Age of the Orenburg Cis-Urals

№ п/п	лабор. №	место взятия образца	образец	культ. прин.	14C (BP)	Cal BC (1 sigma)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	% Coll	C/N _{at}
1 AMS	ОхА-30990	МГБ П 4	зуб (муж)	СТФ	3740±33	2201–2048	-20,9	14,1	-	3,3
2 AMS	ОхА-30991	МГБ П 4	зуб (муж)	СТФ	3775±34	2282–2140	-21,3	14	-	3,3
3 AMS	ОхА-30992	МГБ П 8	зуб (жен?)	СТФ	3822±33	2304–2201	-21	14,2	-	3,3
4 AMS	IGAN _{AMS} 7765	МГБ П 8	ребро (жен?)	СТФ	3620±25	2026–1943	-19,11	10,57	24,05	3,21
5 AMS	ОхА-30993	МГБ П 6	зуб (жен)	синт.	3532±34	1926–1776	-18,7	12	-	3,3
6 AMS	IGAN _{AMS} 7763	Малоюлдашево скелет 1	ребро (муж)	синт.	3575±25	1956–1886	-18,99	9,94	20,66	3,17
7 AMS	IGAN _{AMS} 7761	КМ П Имангулово К7 ПЗ	ребро (муж)	абаш.	3590±30	1973–1896	-19,56	5,11	5,6	3,14
8 AMS	IGAN _{AMS} 10211	ГМ Беяевка П1 скелет 1	ребро (жен)	синт.	3550±20	1932–1881	-18,85	12,71	11,24	3,18
9 LSC	SPb-2224	Красиковский I КМ К3 П1	кость чел (муж)	абаш.	3632±55	2042–1924	-18,57	11,97	-	3,17
10 AMS	IGAN _{AMS} 7762	КМ Твердилово К1 П2 скелет 1	палец руки (муж)	р. срубн.	3470±30	1876–1743	-19,41	10,3	10,03	3,11

Примечание: №№ 1, 2, 3, 5, 7, 9, 10 опубликованы (Rasmussen et al., 2015; Купцова, 2022, с. 102; Моргунова, Кулькова, 2019, с. 40–41; Файзуллин и др., 2021, с. 104); № 6 – материалы опубликованы (Моргунова и др., 2015), дата публикуется впервые; №№ 4, 8 – публикуются впервые.

среди других исследованных образцов позднего бронзового века Оренбургского Предуралья (см. табл. 1) и сопредельных территорий Волго-Уралья (Schulting, Richards, 2016, p. 134–135; Epimakhov, Zazovskaya, 2022, p. 120–121). Этот факт указывает на то, что для индивидов из П 4 и П 8 на определенном этапе жизни был характерен иной тип диеты, чем присущий местным скотоводческим племенам. В то же время изотопы по зубу из П 6 (№ 5, табл. 1), имеющего синташтинскую культурную атрибуцию, демонстрируют характерную для степных регионов белковую мясомолочную диету (Добровольская, Решетова, 2019, с. 39–41; Чагаров, Добровольская, 2019, с. 78).

Низкие значения $\delta^{13}\text{C}$ и высокие $\delta^{15}\text{N}$, указывают на то, что в рационе индивидов из П 4 и П 8 присутствовал речной компонент (Marchenko et al., 2015, p. 601; Marchenko et al., 2017, p. 11), на что и ранее обращали внимание исследователи (Rasmussen et al., 2015, Epimakhov, Zazovskaya, 2022, p. 123). Факт наличия речного компонента в питании объясняет удревленные значения ^{14}C дат, полученных по зубам, так как в данном случае явно проявлен резервуарный эффект.

Речная диета была зафиксирована и для индивидов, происходящих из собственно сейминско-турбинских памятников Западной Сибири. Так, значения $\delta^{15}\text{N}$ от 14 до 14,7 промилле, $\delta^{13}\text{C}$ от -20 до -21,1 промилле были получены по зубам и костям людей могильника Ростовка (Marchenko et al., 2017, p. 7). При сравнении дат, полученных по обсуждаемым образцам, с датами, полученными по древесному углю, было определено для первых наличие резервуарного эффекта (FRE) и установлено, что они на 200–300 лет старше вторых (Marchenko et al., 2017, pp. 11–12).

Для нашего исследования важным является тот факт, что изотопы, полученные по ребру человека из П 8 (№ 4, табл. 1), уже не показывают речной компонент в питании, а демонстрируют иную диету, когда основной пищей являлось мясо животных, питавшихся травой типа C_3 , в меньшей степени растительностью C_4 (Чагаров, Добровольская, 2019, с. 74; Решетова и др., 2021, с. 137–138). Различие изотопных показателей для одного индивида по зубу и ребру объясняется следующим образом. Ткань зуба относится к т. н. «консервативному» типу, она формирует свой состав по мере

роста, после чего остается практически неизменной (Шишлина и др., 2015, с. 265–266; Медникова, 2018, с. 381–382; Добровольская, Решетова, 2019, с. 39). Таким образом, информация, заключенная в зубной ткани, соответствует первым годам жизни. Скелетная же система постоянно подвержена химическим и структурным изменениям, изотопная информация, заключенная в ней, соответствует последним годам жизни (Медникова, 2018, с. 379; Добровольская, Решетова, 2019, с. 39). Количество протеина в зубе и в кости ребра человека из П 8 отличается на 4 промилле, т. е. на экологически значимую величину (Добровольская, Решетова, 2019, с. 38).

Различие в питании человека из П 8 в разные годы жизни может свидетельствовать о том, что его детские годы прошли в иной экологической и культурной среде. В коллектив синташтинских племен предуральских степей он попал позже, однако прожил здесь время, достаточное для того, чтобы в костях скелета были зафиксированы тафономические изменения. Считается, что этот промежуток времени мог составлять около 7–10 лет (Медникова, 2018, с. 382–383; Чагаров, Добровольская, 2019, с. 74).

Дата по ребру из П 8 (№ 4, табл. 1) моложе полученной по зубу примерно на 200 лет. Таким образом, ее значение FRE совпадает с упомянутыми выше ростовкинскими показателями.

Дата, полученная по ребру человека из П 8, приближена к AMS-значениям синташтинских и абашевских образцов Оренбургского Предуралья (№ 5, 6, 7, 8 табл. 1), хоть и выглядит немного старше последних. Разница с датой из синташтинского погребения (П 6) могильника у горы Березовой составляет около 90 лет. Можно дать два объяснения возникшей разнице: 1) П 4 и П 8 действительно несколько старше остальных погребений некрополя, т. к. они, в отличие от остальных комплексов, демонстрируют наличие несмешанной СТФ традиции; 2) несмотря на смену стратегии питания, остаточное влияние резервуарного эффекта в случае с индивидом из П 8 сохранилось (чтобы доказать это, требуются дополнительные исследования). В целом, учитывая планиграфическое расположение погребений с сейминско-турбинским инвентарем на погребальной площадке грунтового некрополя в ряду синташтинских захо-

ронений, а также факт наличия в П 6, П 9, П 10 и сейминско-турбинских, и синташтинских артефактов, можно уверенно утверждать, что все комплексы данного могильника относятся к одному историческому периоду и датируются синташтинским временем, определяемым по AMS-датам памятников Предуралья в пределах XX–XVIII вв. до н. э. (учитывались AMS-даты синташтинской культуры и южно-уральской абашевской). Отметим, что верхняя граница предуральского интервала пока выглядит несколько моложе общепринятого синташтинского (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 140), что на сегодняшний день может быть связано с небольшим количеством AMS-датировок.

Если говорить о березовских комплексах в системе СТФ хронологии в целом, то их синхронизация с синташтинскими древностями соответствует имеющимся данным по другим памятникам. Факт частичного сосуществования СТФ с Абашево и Синташтой известен давно (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 141), в первую очередь по данным археологии (Черных, Кузьминых, 1989, с. 245–246; Ткачев, 1998, с. 45; Соловьев, 2005, с. 111; Луньков и др., 2022). В целом хронологический интервал существования СТФ на сегодняшний день определяется XXII–XVII вв. до н. э. (Черных и др., 2017, с. 53–54). Отмечено, что основная часть некрополей с СТФ-металлом в Восточной Европе, Западной Сибири и Зауралье датируется в интервале XXII–XX вв. до н. э. (Marchenko et al., 2017, p. 12), более поздние даты (в пределах XX–XVII вв.) получены по материалам Усть-Ветлужского могильника и некоторым образцам памятника Шайтанское озеро II (Юнгер,

Карпелан, 2005, с. 112; Черных и др., 2017, с. 51).

Заключение

В синташтинском могильнике у горы Березовой выявлено четыре погребения с СТФ инвентарем, совершенных согласно сейминско-турбинской погребальной обрядности. По крайней мере два обсуждаемых комплекса (П 4 и П 8) уверенно можно связать с миграцией населения из Западной Сибири в Южное Приуралье: об этом свидетельствуют археологические, антропологические данные и результаты анализа легких изотопов. В связи с тем что для П 9 и П 10 отмечено сочетание сейминско-турбинского обряда и вещевого комплекса с синташтинскими традициями и инвентарем, можно осторожно предположить их несколько более позднее возникновение, а также то, что погребенные в них люди родились уже в синташтинской среде, но продолжали транслировать обычаи предков. Однако для того, чтобы уверенно утверждать это, пока не хватает данных.

Считается, что носители СТФ конфликтовали с племенами синташтинско-абашевской общности (Черных и др., 2017, с. 48; Marchenko et al., 2017, p. 13). Уникальной особенностью березовского некрополя является по крайней мере видимость мирного сосуществования носителей СТФ с представителями синташтинской культуры: и те и другие индивиды похоронены на одной погребальной площадке с соблюдением привычного для представителей обеих культурных групп церемониала. По материалам могильника у горы Березовой, время СТФ – синташтинских контактов приходится на XX–XVIII вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М: Наука, 1970. 176 с.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский университет, 1994. 208 с.
- Добровольская М.В., Решетова И.К.* Изотопные маркеры образа жизни древних людей // Природа. 2019. № 1. С. 34–42.
- Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
- Китов Е.П., Хохлов А.А., Медведева П.С.* Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века) // Stratum plus. 2018. № 2. С. 225–243.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Погребальный обряд // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 21–29.

Кузьмина О.В., Крамарев А.И. Наконечники стрел конца эпохи средней – начала поздней бронзы Доно-Волго-Уралья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 9 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СГСПУ, 2021. С. 144–189.

Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 32–37.

Купцова Л.В. Культурно-хронологическая интерпретация погребальных комплексов эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2022. С. 101–103.

Литвиненко Р.А. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2004. № 2. С. 257–290.

Луныков В.Ю., Луныкова Ю.В., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А. Об одной группе кованых наконечников копий Волго-Уралья рубежа среднего и позднего бронзового веков // Геоархеология и археологическая минералогия–2022. Т. 9. Материалы Всероссийской молодежной научной школы / Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушев. Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2022. С. 115–121.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.

Медникова М.Б. Как стать кузнецом? О мобильности абашевского населения по материалам Пепкинского кургана эпохи средней бронзы // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 378–389.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 136–167.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 64–71.

Моргунова Н.Л., Кулькова М.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 39–45.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж: ВГУ, 2001. 172 с.

Решетова И.К., Добровольская М.В., Меркулов А.Н. К вопросу об образе жизни населения лесостепного Подонья в скифское время (по материалам могильника Ксизово–19) // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 129–144.

Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. 192 с.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2005 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–112.

Моргунова Н.Л., Кулькова М.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 39–45.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1998. С. 38–56.

Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Афонин А.С., Григорьев А.П., Евгеньев А.А., Капинус Ю.О., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Сверчкова А.Э., Файзуллин А.А. Комплексы эпохи поздней бронзы и раннего железного века I курганного могильника у с. Твердилово (Оренбургская область) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 79–123.

Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // Археология восточно-европейской степи. Вып. 1 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: Саратовский ун-тет, 1989. С. 66–82.

Халяпин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: СГПУ, 2001. С. 417–425.

Халяпин М.В. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории Степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2005. № 4. С. 203–217.

Хохлов А.А. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 6 (144). С. 8–11.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Урале в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 368 с.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 6 (144). С. 5–7.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Теоретические и практические проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга позднего этапа эпохи бронзы // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 59–71.

Чагаров О.С., Добровольская М.В. Система питания среднедонского населения скифского времени: хозяйство и природно-климатический фактор (по данным о составе стабильных изотопов углерода и азота) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 2. С. 72–83.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского феномена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 45–55.

Шишлина Н.И., Ларионова Ю.О., Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Й. ван дер Плихт. Погребение майкопской культуры из могильника Синюха: результаты изотопного исследования // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 262–276.

Юнгер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. 2005. № 4. С. 112.

Epimakhov A.V., Zazovskaya E.P. Diet and Mobility in the Pre-Urals Bronze Age, Russia (Preliminary Results of Stable Isotope Analysis) // Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. 2022. January, 4. P. 117–126.

Marchenko Z. V., Orlova L. A., Panov V. S., Zubova A. V., Molodin V. I., Pozdnyakova O. A., Grishin A. E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, western Siberia: preliminary results // Radiocarbon. 2015. Vol. 57. № 4. P. 595–610.

Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.P. Radiocarbon chronology of complexes with Seima–Turbino type objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia // Radiocarbon. 2017. Vol. 59. № 5. P. 1381–1397.

Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen R. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. 2015. Vol. 163. № 3. P. 571–582.

Schulting R.J., Richards M.P. Stable Isotope Analysis of Neolithic to Late Bronze Age Populations in the Samara Valley // A Bronze Age landscape in the Russian steppes: the Samara Valley Project /edited by D. W. Anthony, D. R. Brown, O. D. Mochalov, A.A. Khokhlov, P.F. Kuznetsov. Regents of the University of California, 2016. P. 127–148.

Информация об авторах:

Купцова Лидия Владимировна, кандидат исторических наук, зав. археологической лабораторией, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); orelin.84@mail.ru

Халяпин Михаил Викторович, ведущий специалист отдела государственного учета и охраны, Инспекция государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области (г. Оренбург, Россия); khalyapin@yandex.ru

REFERENCES

Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vasil’ev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1994. *Potapovskii kurgannyi mogil’nik indoiranskikh plemen na Volge (Potapovka Burial Mound of Indo-Iranian Tribes on the Volga)*. Samara: Samara State University (in Russian).

- Dobrovolskaya, M. V., Reshetova, I. K. 2019. In *Priroda (Nature)* (1), 34–42 (in Russian).
- Epimakhov, A. V. 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5). (Early Complex Societies of the North of Central Eurasia (Based on Materials from Kamenny Ambar-5 Burial Ground).)* 1. Chelyabinsk (in Russian).
- Kitov, E. P., Khokhlov, A. A., Medvedeva, P. S. 2018. In *Stratum plus* (2), 225–243 (in Russian).
- Korochkova, O. N., Stefanov, V. I. 2011. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Satyga XVI: seiminsko-turbinskii mogil'nik v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri (Satyga 16: Seimino-Turbino burial mound in the Forest Region of Western Siberia)* Ekaterinburg: "Ural'skii rabochii" Publ., 21–29 (in Russian).
- Kuz'mina, O. V., Kramarev, A. I. 2021. In Turetskii, A. M. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 9. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 144–189 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2011. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Satyga XVI: seiminsko-turbinskii mogil'nik v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri (Satyga 16: Seimino-Turbino burial mound in the Forest Region of Western Siberia)* Ekaterinburg: "Ural'skii rabochii" Publ., 32–37 (in Russian).
- Kuptsova, L.V. 2022. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of the Orenburg region)* (16). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 101–103 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 2004. In *Materialy ta doslidzhennia z arkheologii Ckhidnoi Ukrainy (Materials on the study of the archaeology of Eastern Ukraine)* (2), 257–290 (in Russian).
- Lun'kov, V. Yu., Lun'kova, Yu. V., Kuzminykh, S. V., Orlovskaya, L. B., Shcherbakov, N. B., Shuteleva, I. A. 2022. In Yuminov, A. M., Ankushev, N. N. (eds.). *Geoarkheologiya i arkheologicheskaia mineralogiia – 2022. Nauchnoe izdanie. Materialy Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi shkoly (Geoarchaeology and Archaeological mineralogy – 2022. Scientific Publication. Proceedings of the All-Russian Youth Scientific School)*. Miass: Institute of Mineralogy. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 115–121 (in Russian).
- Matyushhenko, V. I., Sinitsyna, G. V. 1988. *Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska (Burial Ground in the vicinity of Rostovka Village near Omsk)*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).
- Mednikova, M. B. 2018. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 253, 378–389 (in Russian).
- Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, Zh. V. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13 (3), 136–167 (in Russian).
- Morgunova, N.L., Evgen'ev, A.A., Kuptsova, L.V. 2015. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 43 (2), 64–71 (in Russian).
- Morgunova, N. L., Kulkova, M. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of the Orenburg region)* (14). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 39–45 (in Russian).
- Pryakhin, A. D., Besedin, V. I., Zakharova, E. Yu., Savrasov, A. S., Safonov, I. E., Svistova, E. B. 2001. *Dono-volzhskaya abashevskaya kul'tura (Don-Volga Abashevo culture)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Reshetova, I. K., Dobvol'skaya, M. V., Merkulov, A. N. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 263, 129–144 (in Russian).
- In Trufanov, A. Ya. (ed.). 2011. *Satyga XVI: seiminsko-turbinskii mogil'nik v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri (Satyga 16: Seimino-Turbino burial mound in the Forest Region of Western Siberia)*. Ekaterinburg: "Ural'skii rabochii" Publ. (in Russian).
- Solov'ev, B. S. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 103–112 (in Russian).
- Morgunova, N. L., Kulkova, M. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of the Orenburg region)* (14). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 39–45 (in Russian).
- Tkachev, V. V. 1998. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of the Orenburg region)* (2). Orenburg: "Dimur" Publ., 38–56 (in Russian).
- Faizullin, I. A., Kuptsova, L. V., Afonin, A. S., Grigor'ev, A. P., Evgen'ev, A. A., Kapinus, Yu. O., Kryukova, E. A., Mukhametdinov, V. I., Roslyakova, N. V., Sverchkova, A. E., Faizullin, A. A. 2021. In Morgunova,

N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of the Orenburg region)* (15). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 79–123 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1989. In Mironov, V. G. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 1. Saratov: Saratov State University, 66–82 (in Russian).

Khaliapin, M. V. 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 417–425 (in Russian).

Khalyapin, M. V. 2005. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (4), 203–217 (in Russian).

Khokhlov, A. A. 2009. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 6 (144), 8–11 (in Russian).

Khokhlov, A. A. 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita-bronzovogo veka) (Morphogenetic Processes in the Volga-Urals in the Early Holocene (on the Basis of Craniological Materials of the Mesolithic – Bronze Age))*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Khokhlov, A. A., Kitov, E. P. 2009. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 6 (144), 5–17 (in Russian).

Khokhlov A.A., Kitov E.P., 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 59–71 (in Russian).

Chagarov, O. S., Dobrovolskaya, M. V. 2019. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Anthropology)* (2), 72–83 (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Korochkova, O. N., Orlovskaya, L. B. 2017. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 45 (2), 45–55 (in Russian).

Shishlina, N. I., Larionova, Yu. O., Erlikh, V. R., Kovalev, D. S., van der Plikht, J. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 238, 262–276 (in Russian).

Yunger, H., Karpelan, K., 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 112 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Zazovskaya, E. P. 2022. In *Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. January, 4, 117–126 (in English).

Marchenko, Z. V., Orlova, L. A., Panov, V. S., Zubova, A. V., Molodin, V. I., Pozdnyakova, O. A., Grishin, A. E., Uslamin, E.A. 2015. In *Radiocarbon* 57 (4), 595–610 (in English).

Marchenko, Z.V., Svyatko, S.V., Molodin, V.I., Grishin, A.E., Rykun, M.P. 2017. In *Radiocarbon* 59 (5), 1381–1397 (in English).

Rasmussen, S., Allentoft, M.E., Nielsen, R. et al. 2015. In *Cell* 163 (3), 571–582 (in English).

Schulting, R.J., Richards, M.P. 2016. In Anthony, D. V., Brown, D. R., Mochalov, O.D., Khokhlov A.A., Kuznetsov P.F. (eds.). *A Bronze Age landscape in the Russian steppes: the Samara Valley Project*. Regents of the University of California, 127–148 (in English).

About the Authors:

Kuptsova Lidiya V., Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; orelin.84@mail.ru

Khalyapin Mikhael V. Department of State Accounting and Protection of the Inspection of State Protection of Cultural Heritage Objects of the Orenburg region. 9 January str, 64, Orenburg, 460046, Russian Federation; khalyapin@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.6, 902.01, 902.62, 902.26, 903.8 <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.249.256>

УДИЛА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 86 КАМЫШЛЫ-ТАМАКСКОГО I МОГИЛЬНИКА: К ВОПРОСУ О РАННИХ КОМПЛЕКСАХ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2023 г. А.А. Красноперов, Э.В. Камалеев

В статье рассмотрены находки удила очень редкого для пьяноборской культуры типа – с С-видными псалиями. Такие удила достоверно обнаружены всего в двух комплексах – Камышлы-Тамак, п.86 и Урманяево II, п.8. В причерноморских памятниках С-видные псалии делятся на две хронологические группы: ранние псалии, с сильным С-образным изгибом стержня, и поздние, с более прямым стержнем. Обе «пьяноборские» находки относятся ко второй подгруппе, но к разным вариантам. Псалий из Урманяево II, п.8 соответствует очень редкому варианту с уплощенной нижней лопастью, известному только в двух комплексах. С-видные псалии с относительно прямым стержнем характерны для так называемых «странных комплексов» или «кладов» второго периода их бытования – II–I вв. до н.э., ареал которых охватывает большую часть северного Причерноморья, включая нижнее и среднее Подонье и Кубань. Рассмотренные погребения – Камышлы-Тамак, п.86 и Урманяево II, п.8 – датируются в пределах II в. до н.э. и являются одними из самых ранних в пьяноборской культуре.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Причерноморье, хронология, раннесарматское время, пьяноборская культура, «странные комплексы», удила, псалии, налобник.

HORSE BITS FROM BURIAL 86 OF THE KAMYSHLY-TAMAK I BURIAL GROUND: ON THE ISSUE OF EARLY ASSEMBLAGES OF THE PIANY BOR ARCHAEOLOGICAL CULTURE²

A.A. Krasnopeorov, E.V. Kamaleev

The authors consider the finds of bits of a very rare type for the Piany Bor archaeological culture – with C-shape cheek-pieces. Such bits were reliably found only in two assemblages – Kamyshly-Tamak, burial 86 and Urmanayevo II, burial 8. C-shape cheek-pieces are divided into two chronological groups on the Black Sea sites: early, with a big C-shape bend of the shank, and late, with a more straight shank. Both the Piany Bor finds belong to the second subgroup, but to different variants. Urmanayevo II cheek-piece, burial 8 corresponds to a very rare variant with a flattened lower part, known from only two burials. C-shape cheek-pieces with a relatively straight shank are characteristic for the so-called "strange complexes" or "hoards" of the second period of their existence – II–I centuries BC, they covers most of the Northern Black Sea region, including the Lower and Middle Don and Kuban regions. The burials under consideration – Kamyshly-Tamak, burial 86 and Urmanayevo II, burial 8 – date back to the II century BC and are among the earliest in the Piany Bor culture.

Keywords: archaeology, Kama river region, Black Sea region, chronology, Early Sarmatian period, Piany Bor archaeological culture, "strange complexes", bits, cheek-pieces, headband.

В оценках железного века Прикамья – Приуралья сохраняется проблема обоснования конкретных датировок (Красноперов, 2017, с. 65). Уже 70 лет хронология не выходит за пределы абстрактных рассуждений о смене ананьинской культуры пьяноборской в III в. до н.э. без каких-либо реальных доказательств, базирующихся на конкретных находках. Очевидно, что для самого начала любой культуры ожидать массовых многочисленных комплексов не приходится. Речь может идти о выявлении в коллекциях единичных предметов неместных типов (Красноперов, 2014) с ранними относительными датировками.

¹ Работа по сверке коллекции осуществлена в рамках государственного задания по теме «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, Средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели», № АААА-А21-121012290083-9.

²The work was carried out within the framework of the state task on the topic "Cultural integration of the population of the Southern Urals in antiquity, the Middle Ages and Modern times: factors, dynamics, models", No. АААА-А21-121012290083-9.

При обработке коллекции Камышлы-Тамакского могильника (Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований УФИЦ РАН (далее – МАЭ ИЭИ), колл. ОФ-63) были выявлены удила, представляющие значительный интерес для датирования.

Камышлы-Тамакский могильник (Бакалинский р-н РБ) (Шокуров, 1970, с. 153; АКБ, № 179) выявлен в 1958 г. при постройке деревенского клуба и раскапывался вокруг периметра уже стоявшего здания в 1961 г. объединенной экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР (Н.А. Мажитов) и Музея антропологии МГУ (М.С. Акимова) (Мажитов, 1961о). Изучено 100 погребений¹, материалы опубликованы (Мажитов, Пшеничнюк, 1968) в виде полного описания со ссылками на типы вещей и не очень точными рисунками. Позже материалы привлекались Б.Б. Агеевым при подготовке диссертации (Агеев, 1983; 1992), который работал с коллекцией, но использовал рисунки из публикации.

«Погребение 86. 245×70×100 см. Ориентировка ЮВ. Бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5: 7²) – на правой тазовой кости; железный нож (см. рис. 7: 21) – на крестце; бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5: 2) – на головке правого бедра; железный наконечник копья (см. рис. 8: 7), 2 бронзовые бляшки с ушком на обороте (см. рис. 2: 20) – у левого колена; железные удила со стержневыми псалиями (см. рис. 8: 10), бронзовая подвеска (см. рис. 8: 8) – между берцовыми костями; бронзовые рамчатые пряжки (см. рис. 5: 3) – по одной на ступнях ног; 10 железных черешковых (см. рис. 7: 7–9), 7 костяных втульчатых (см. рис. 7: 1–5) и 2 бронзовых втульчатых (см. рис. 7: 6) наконечника стрел – у левой ступни» (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, с. 57) (рис. 1: Б). В настоящий момент в коллекции отсутствуют одна бляшка, одна застежка с неподвижным крючком, бронзовые стрелы и железный нож. Их изображения приведены по фотографии в отчете (рис. 1: Б-16–18, 24, 27).

Большинство предметов представлено местными типами и в хронологическом плане не информативно. Можно отметить особенность малых обувных застежек с неподвижным крючком (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН, ОФ-63/698, 699) (рис. 1: Б-21, 22). Несмотря на однотипность, они не парные: изготовле-

ны разными руками и, может быть, в разное время.

На иллюстрации (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 3: 10) показаны удила с двухпетельчатыми стрежневидными псалиями с круглым расширением (рис. 1: А-1). В коллекции погребения выявлен совершенно другой тип – С-видные псалии с биконическими шишечками (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН, ОФ-63/704–706) (рис. 1: Б-26). Ошибки быть не может, так как именно этот предмет изображен на фотографии в отчете (Мажитов, 1961о, табл. XXVI: 1–3) (рис. 1: А-2).

Псалии С-видной формы не учтены в типологии Б.Б. Агеева для пьяноборской культуры (Агеев, 1992, с. 49, табл. 14: 19–27). При типологии этой группы выделяют признаки расположения отверстий в 8-образном центральном расширении (в основной плоскости или в боковой), форму шишечки (коническая, биконическая, шарообразная); но существенного хронологического значения они имеют. Существеннее – степень изгиба стержня, от дуговидного (рис. 2: А-1, 2) к более прямому (рис. 2: 2–3, 4). Как видно на фотографии в отчете (рис. 1: А-2), уже к моменту находки у псалия из Камышлы-Тамак, п. 86, сохранилась только одна шишечка. С одной стороны, этого признака достаточно, чтобы отнести к типу 1.1 по А.В. Симоненко (Симоненко, 2010, с. 163–164, 166–167), который характерен для «странных комплексов». С другой, существует вариант псалиев с биконической шишечкой и лопастью на нижнем конце (рис. 2: А-3, 4), которые бытуют раньше, до сер. II в. до н. э. (Зайцев, 2007, с. 264). Но лопасть у них расширяется (стержень псалия уплощается) сразу за 8-видным расширением. У псалия из Камышлы-Тамак, п. 86, стержень нижней ветви определенно не уплощенный.

С-видные псалии с шишечками, разной морфологии, датируются широко, с IV до I в. до н. э. Перечень комплексов с южного Урала с обоснованием ранних дат недавно опубликовал Н.С. Савельев (Савельев, 2020, с. 44–45), отметивший общую редкость типа. Для них характерен сильный дугообразный прогиб стержня (рис. 2: А-1, 2).

С-образные псалии многочисленны в «странных комплексах» (Глебов, 2013). Последние, очевидно, хронологически не однородны. В одних случаях регулярны находки псевдоаттических шлемов, в других

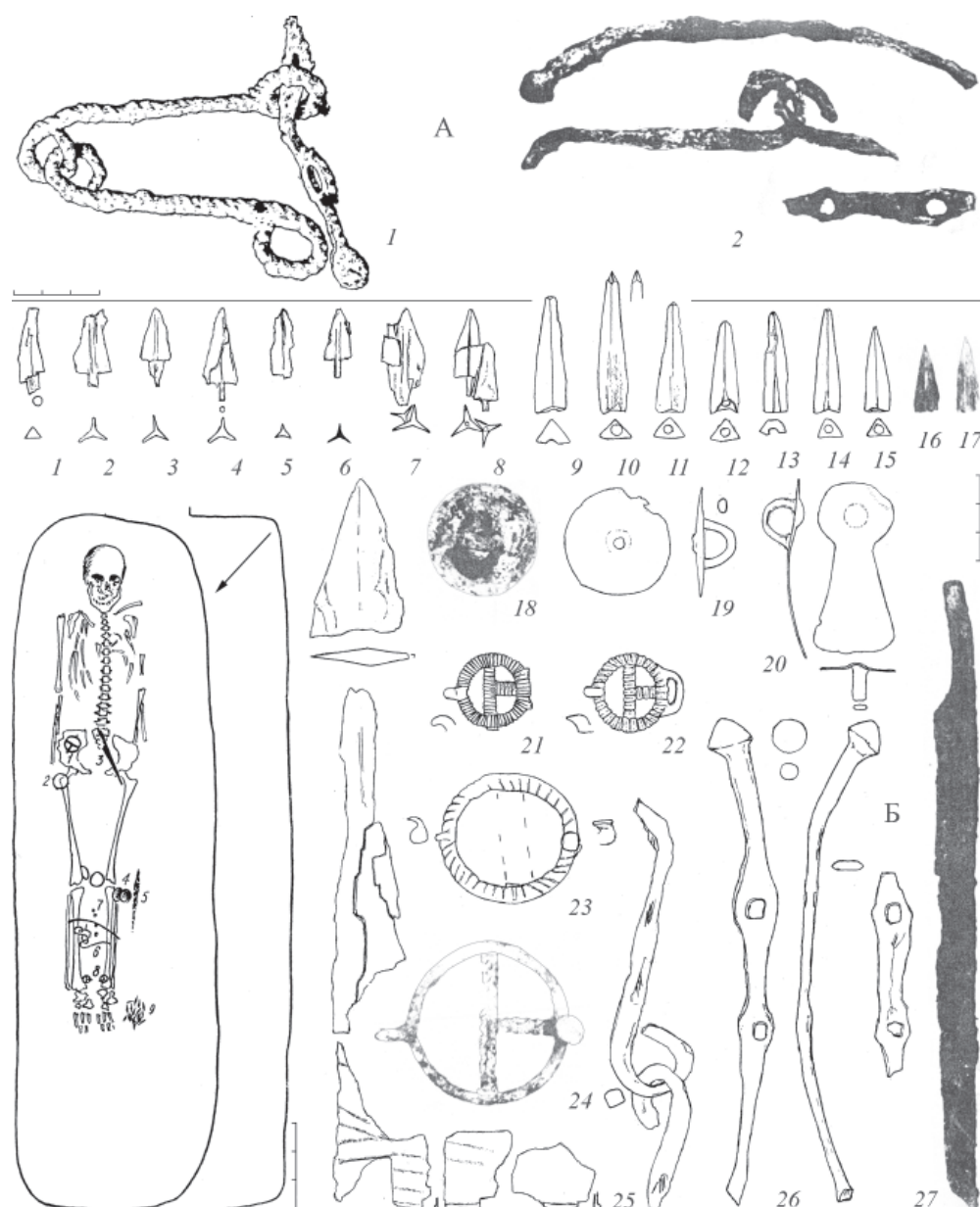

Рис. 1. Находки из Камышлы-Тамак, погр. 86. А – удила: 1 – по публикации (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968-аэб3, рис. 3: 10); 2 – фотография из отчета (Мажитов Н.А., 1961о, табл. XXVI: 1–3). 1, 2 – железо.

Б – комплекс: 1–17 – наконечники стрел; 18, 19 – бляшки; 20 – налобник/наносник; 21–24 – застёжки с неподвижным крючком; 25 – наконечник копья; 26 – удила; 27 – нож (с оригиналов; 16–18, 24, 27 – Мажитов Н.А., 1961о, табл. XXVI: 8, 11, 12, 16, 17, рис. 77). 1–8, 25–27 – железо; 9–15 – кость, 16–24 – бронза.

Fig. 1. Finds from Kamyshly-Tamak, burial 86. А – bits: 1 – according to the publication (Mazhitov N.A., Pshenichnyuk A.Kh., 1968-аэб3, fig. 3: 10); 2 – photo from the report (Mazhitov N.A., 1961о, pl. XXVI: 1–3). 1, 2 – iron.

Б – assemblage: 1–17 – arrowheads; 18, 19 – badges; 20 – headband; 21–24 – buckles with a fixed hook; 25 – spearhead; 26 – bits; 27 – knife (from originals; 16–18, 24, 27 – Mazhitov N.A., 1961о, pl. XXVI: 8, 11, 12, 16, 17, fig. 77). 1–8, 25–27 – iron; 9–15 – bone; 16–24 – bronze.

– шлемов типа Монтефортино. Последние датируются II–I вв. до н. э. (Симоненко, 2014, с. 260³) или II – 1 пол. I в. до н. э. (Дедюлькин, 2016, с. 185–186). Именно во второй подгруппе и находят псалии рассматриваемого варианта.

Типологически, к этой группе может принадлежать еще одна⁴ находка из пьянобор-

ских памятников – псалии из Урманево II, п. 8⁵ (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН, колл. ОФ-907) (Васюткин, 1982, табл. 4: 34–36). От них сохранились только петли грызель, центральные части псалиев с 8-видным расширением и окончание одного из псалиев (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН, ОФ-907/84) (рис. 3: А-28). Нали-

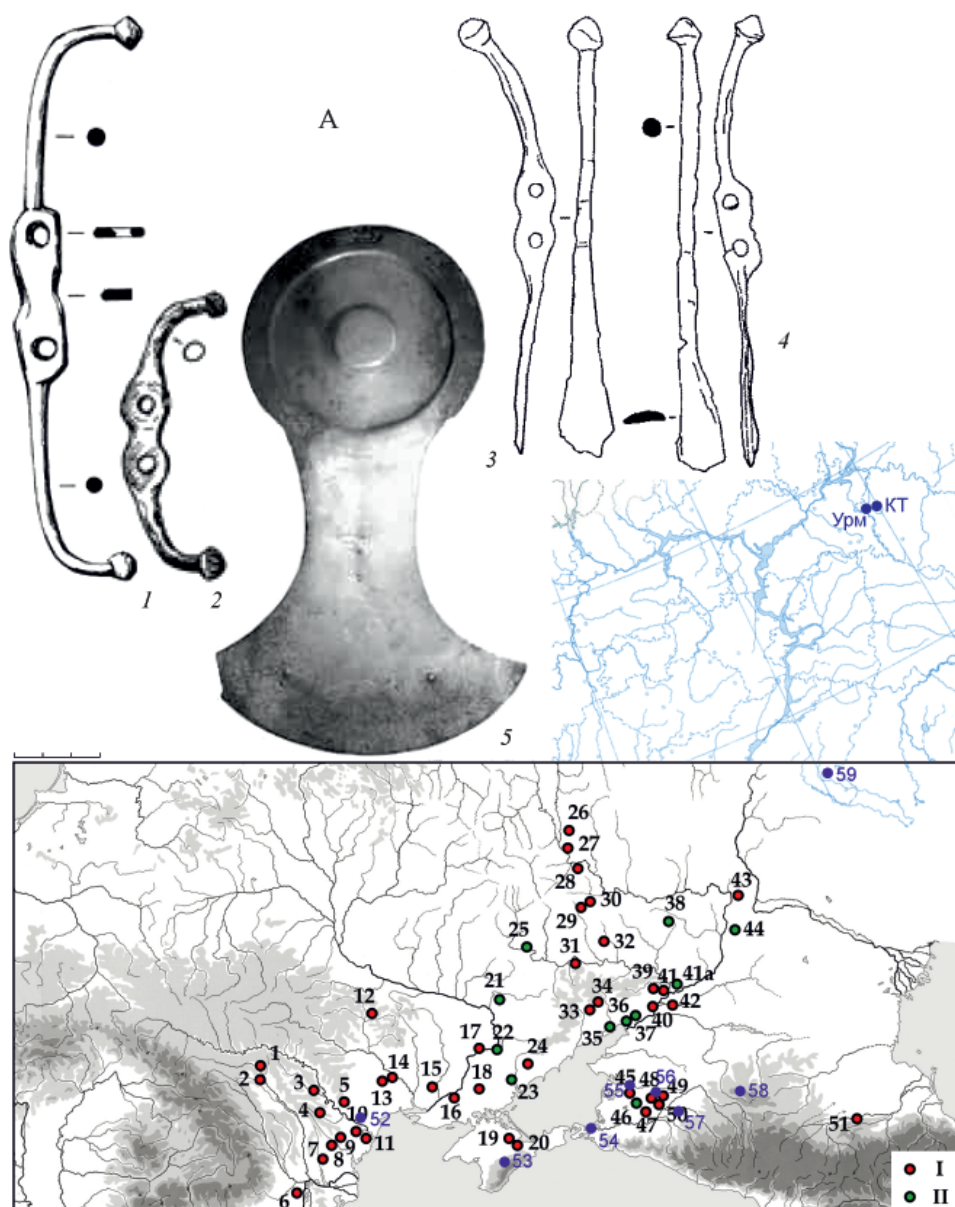

Рис. 2. Типологический контекст находок. А – типологический контекст: 1–4 – псалии; 5 – налобник (Симоненко А.В., 2010, рис. 124: 4, 131b: 1, 164: 1; Зайцев Ю.П., 2007, рис. 3: 15–16). 1–4 – железо; 5 – бронза. Ареал «странных комплексов» (Зайцев Ю.П., 2012, рис. 1, 2), с дополнениями. Урм. – Урманяевский II, КТ – Камышлы-Тамакский могильники.

Fig. 2. Typological context of the finds. А – typological context: 1–4 – cheek-pieces; 5 – headband (Simonenko A.V., 2010, fig. 124: 4, 131b: 1, 164: 1; Zaitzev Yu.P., 2007, fig. 3: 15–16). 1–4 – iron; 5 – bronze. The area of «strange complexes» (Zaitzev Yu.P., 2012, fig. 1, 2), with additions. Урм. – Urmanayevo II, КТ – Kamyshly-Tamak burial grounds.

чие 8-видного расширения позволяет соотнести этот экземпляр с типом С-видных псалиев⁶. Любопытна форма лопасти, имеющая округлое завершение с треугольным выступом, – эта часть предмета сохранилась достаточно хорошо. Возможно наличие симметричного выступа с другой стороны, но тот край сильно корродирован и обломан. Псалии в 8-видным расширением и лопастью соответствуют группе, описанной Ю.П. Зайцевым, отметившим

их редкость: всего две находки (Снигиревка и Гэвань), обе относящиеся к «странным комплексам» (Зайцев Ю.П., 2007, с. 264, рис. 3: 9–16).

Любопытен еще один предмет из комплекса Камышлы-Тамак, п. 86, который связан с той же типологической средой, что и псалии, – круглая бляха с вертикальной петлей и лопастью. Она обнаруживает «условно-близкое» сходство с серией конских налобников, харак-

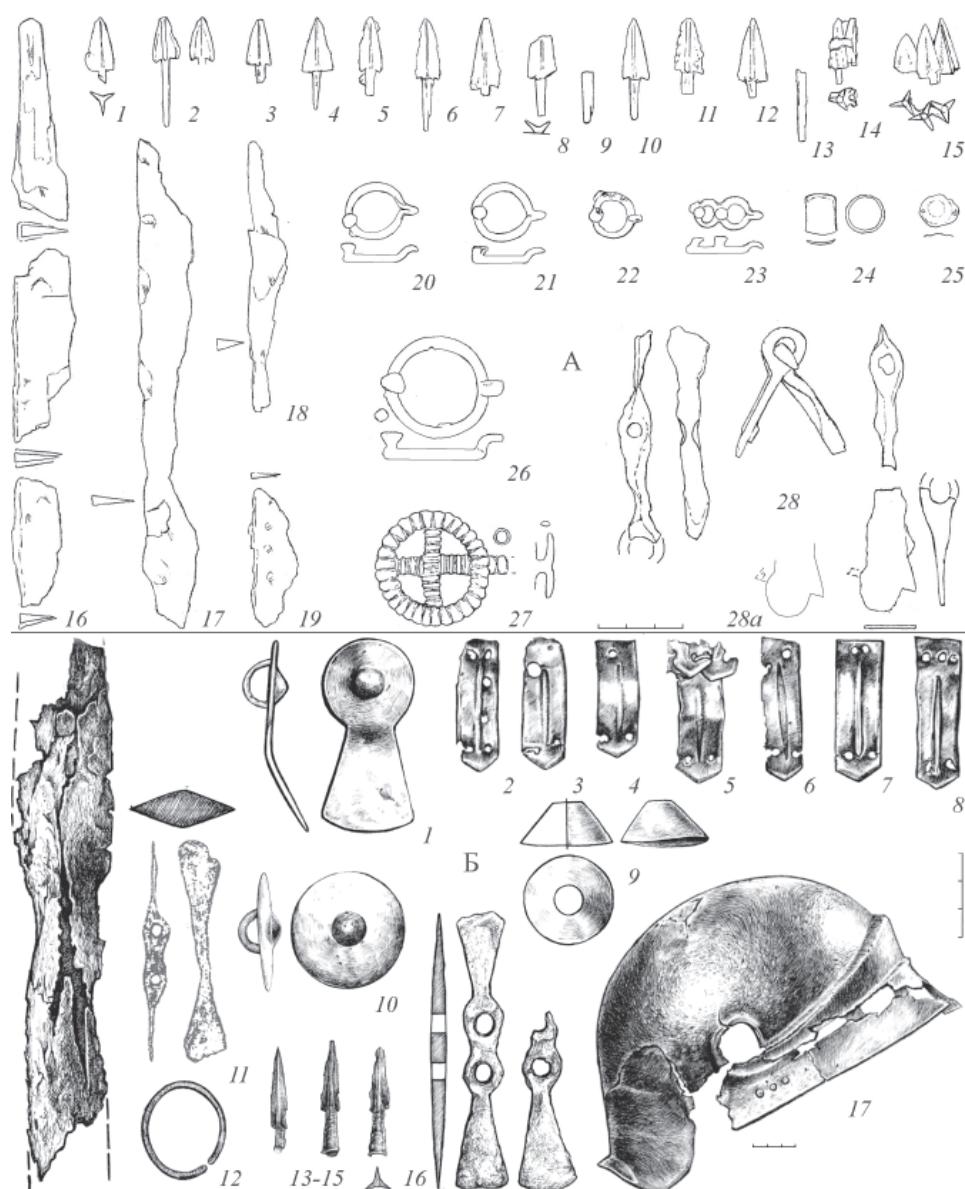

Рис. 3. А – комплекс Урманаво II, погр. 8: 1–15 – наконечники стрел; 16–19 – ножи; 20–23, 26 – застёжки с неподвижным крючком; 24 – пронизка; 25 – бляшка; 27 – эполетообразная застёжка; 28 – удила (с оригиналов). Б – Грушевский, курган 18: 1 – налобник/наносник; 2–8 – панцирные пластины; 9 – ворворка; 10 – бляшка; 11, 16 – удила; 12 – копьё; 13–15 – наконечники стрел; 17 – шлем (Дедюлькин А.В., 2012, рис. 3, 4: 1,2). 1–10, 17 – бронза; 11–16 – железо.

Fig. 3. А – Urmanaev II assemblage, burial 8: 1–15 – arrowheads; 16–19 – knives; 20–23, 26 – buckles with a fixed hook; 24 – separator bead; 25 – badge; 27 – epaulette-shaped clasp; 28 – bits (from originals). Б – Grushevsky, kurgan 18: 1 – headband; 2–8 – armored plates; 9 – burr; 10 – badge; 11, 16 – bits; 12 – spear; 13–15 – arrowheads; 17 – helmet (Dedyulkin A.V., 2012, fig. 3, 4: 1,2). 1–10, 17 – bronze; 11–16 – iron.

терных для «странных комплексов» – пластинчатых, в виде круглой бляхи с трапециевидной или топоровидной лопастью (Марченко, Лимберис, 2009; Симоненко, 2010, с. 196, 198) (рис. 2: А-3). «Оригиналы» многочисленны в памятниках Прикубанья, где найдены в комплексах II в. до н. э. (Раев, Беспалый, 2006, с. 15, 19, 25, 26, 32, 33). В Камышлы-Тамак, п. 86, можно говорить о подражании такой форме. Среди «странных комплексов» есть и

единственное точное соответствие – Грушевский, к. 18 (Дедюлькин, 2012, с. 37, рис. 3: 1). Предмет (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН, ОФ-63/702) практически идентичен (рис. 3: Б-1). В этом же наборе есть и бляшка (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН, ОФ-63/701) (рис. 3: Б-10), соответствующая бляшке из Камышлы-Тамак, п. 86 (рис. 1: Б-19), оба предмета сближает очень толстая массивная петля. Автор публикации к. 18 Грушевского точных аналогий налобни-

ку/наноснику не нашел, но также сопоставил форму с более стандартными для «странных комплексов» налобниками. Комплекс датирован сер. – 2 пол. III в. до н. э. (Дедюлькин, 2012, с. 44; 2016, с. 175), но столь узкая дата не бесспорна и может быть расширена в границах от кон. IV до сер. II в. до н. э. (Зайцев, 2007, с. 264; Шаров, 2009, рис. 18: 12), что признает и сам автор (Дедюлькин, 2012, с. 43).

Ареал распространения «странных комплексов» охватывает всё северное Причерноморье с заметной концентрацией в Приднестровье, на Дону и на Кубани. За Волгой отмечен лишь один комплекс (Новоузенск). Находки в Прикамье отделены огромным «пустым» пространством. В принципе, связи носителей пьяноборской культуры с населением степей фиксируются в это время, хоть и не

столь ярко, как в дальнейшем. Но сам факт обнаружения столь близкого соответствия конского убора пока объяснения не находит. Требуется дальнейший систематический поиск других категорий находок того времени для формирования более целостной картины.

Таким образом, в коллекции погребения 86 Камышлы-Тамакского I могильника впервые в пьяноборских материалах выявлены удила с С-видными псалиями. Предположительно псалии этой же группы найдены в Урманево, п. 8. Крайне важен и набор из круглой бляшки и бляхи с лопастью, имеющий редкое точное соответствие в среде «странных комплексов». Предметы позволяют датировать комплексы в пределах II–I вв. до н. э. (широкая дата), при этом наиболее вероятен II в. (без детализации), что делает рассматриваемые погребения одними из ранних среди пьяноборских.

Примечания:

¹ Погребения № 85 нет (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968, с. 57 – прим.), самостоятельно пронумерованы погребения № 45 и 45а.

² Цитируется по оригиналу публикации.

³ В том числе находка из Антиповки (Гущина И.И., 1961) с псалиями рассматриваемой морфологии: шлем группы 3 – подражание (Симоненко А.В., 2014, с. 257–258). Здесь же другой тип псалиев – стержневидные с парой выступающих прямоугольных петель.

⁴ Судя по фотографии, удила из Юлдашево, п. 2 (Лясевич В.И., 2021, рис. 3: 6), также имеют 8-видное расширение. Но их концы обломаны (или были изначально короткими). Фотография в отчете (Пшеничнюк, 1970, рис. 84: 2) в ракурсе, что не позволяет с полной уверенностью идентифицировать эту находку. У находки из Куштиряк, п.1 (раскопки С.М. Васюткина 1980 г.; материал не опубликован) сохранилась только центральная часть с петлями. Типологически этот экземпляр не определим.

⁵ Один из авторов уже обращался к хронологии этого комплекса (Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В., 2022, с. 227, № 15, рис. 10), но в связи с находкой 8-образной застежки с неподвижным крючком (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН, ОФ-907/90). Удила в той публикации не обсуждались.

⁶ В пьяноборской культуре массово представлены стержневые псалии с прямоугольными петлями более позднего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. 20 с.

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–144.

Глебов В.П. О вариантах обряда захоронения «ритуальных кладов» III–I вв. до н.э. // Stratum Plus. 2016. № 3. С. 145–162.

Дедюлькин А.В. Шлемы аттического типа с козырьком и votivные клады III–I вв. до н.э. // Stratum plus. 2016. № 3. С. 163–196.

Дедюлькин А.В. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов, В.С. Синика. Тирасполь: Stratum plus, 2012. С. 34–45.

Зайцев Ю.П. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н.э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ГЭ, 2007. С. 258–268.

Красноперов А.А. Погребение 28 Икского могильника: К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей*. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч.2: Находки предметов вооружения и особенности погребального обряда // *Археология Евразийских степей*. 2017. № 4. С. 165–195.

Лясович В.И. Погребения с вооружением и конской уздой Юлдашевского могильника в лесостепи Южного Приуралья // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16. № 3. С. 152–166. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-152-166.

Мажитов Н.А. Научный отчет археологической экспедиции ИИЯЛ за 1961 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 2274, 2274а.

Мажитов Н.А., Пиеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // *АЭБ*. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 38–58.

Марченко И.И., Лимберис И.И. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2009. № 3 (39). С. 69–76.

Пиеничнюк А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1970 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 4107, 4107а

Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006. 110 с.

Савельев Н.С. Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья: конечная точка западного импульса // *Stratum plus*. 2020. № 3. С. 31–52.

Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В. Бронзовые восьмеркообразные застёжки как хронологические маркеры пьяноборской культуры // *Поволжская археология*. 2022. № 3 (41). С. 225–247.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Нестор–История, 2010. 328 с.

Симоненко А.В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 249–284.

Шаров О.В. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // *Боспорские исследования*. Т. XXII / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Деметра, 2009. С. 283–323.

Шокуров А.П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // *Древности Башкирии* / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 131–160.

Информация об авторах:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) (г. Ижевск, Россия); alexander.kaa@mail.ru, ORCID – 0000–0001–7931–4536, ResearcherID–AAN –4831–2021

Камалеев Эльвир Винерович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); kamaleev-ilvir@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3143-5037

REFERENCES

Ageev, B. B. 1983. *P'yanoborskaya kul'tura (voprosy khronologii i obshchestvennogo stroya) (The Piany Bor culture (issues of chronology and social order))*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Piany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkiria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasiutkin, S. M. 1982. In Ivanov, V. A. Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Priural'e v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cis-Urals Region in the Bronze and Early Iron Ages)*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 125–144 (in Russian).

Glebov, V. P. 2016. In *Stratum Plus*. (3), 145–162 (in Russian).

Dedyul'kin, A. V. 2016. In *Stratum Plus*. (3), 163–196 (in Russian).

Dedyul'kin, A. V. 2012. In Telnov, N. P., Sinika, V. S. (eds.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III–II vv. do n.e. (Antiquities of North Pontic Area in the 3rd-2nd centuries BC)*. Tiraspol. Stratum plus" Publ., 34–45 (in Russian).

Zaitsev Yu. P. 2007. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: sakralnyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok (The Bosporan Phenomenon: the sacred meaning of the region, monuments, finds)* 2. Saint Petersburg: State Hermitage, 258–268 (in Russian).

Krasnoperov, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 331–351 (in Russian).

Krasnoperov A.A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 165–195 (in Russian).

Lyasovich, V. I. 2021. In *Gumanitarnyy vektor (Humanitarian Vector)*. 16 (3), 152–166. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-152-166.

Mazhitov, N. A. 1961. *Nauchnyy otchet arkheologicheskoy ekspeditsii IYAL za 1961 g. (Scientific report of the archaeological expedition of Institute of History, Language and Literature for 1961)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2274, 2274a (in Russian).

Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 38–58 (in Russian).

Marchenko, I. I., Limberis, I. I. 2009. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 3 (39), 69–76 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1970. *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Bashkirii v 1970 g. (Scientific report on archaeological research on the territory of Bashkiria in 1970)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 4107, 4107a (in Russian).

Raev, B. A., Bepalyi, G. E. 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha (Scythian period barrow on the burial ground without mound of the IV Novolabinsk hillfort)*. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2020. In *Stratum plus* (3), 31–52 (in Russian).

Sattarov, R. R., Kamaleev, E. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 225–247 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Simonenko, A. V. 2014. In *Stratum plus* (4), 249–284 (in Russian).

Sharov, O. V. 2009. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 22. Simferopol; Kerch: Demetra, 283–323 (in Russian).

Shokurov, A. P. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Drevnosti Bashkirii (Antiquities of the Bashkiria)*. Moscow: "Nauka" Publ., 131–160 (in Russian).

About the Authors:

Krasnoperov Alexander A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation; alexander.kaa@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7931-4536>; ResearcherID-AAN -4831-2021

Kamaleev Elvir V. Candidate of Historical Sciences. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kamaleev-ilvir@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3143-5037.

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.257.267>

КОСТЯНЫЕ (РОГОВЫЕ) ДЕТАЛИ ПЛЕТЕЙ В ПРЕДМЕТНОМ КОМПЛЕКСЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ЧОБУРАК-I)¹

© 2023 г. Н.Н. Серегин, А.А. Тишкин, С.С. Матренин, Т.С. Паршикова

В статье представлены результаты изучения одной из довольно редких групп предметов – костяных (роговых) деталей плетей, обнаруженных в ходе раскопок объектов некрополя жужанского времени памятника Чобурак-I. Данный комплекс, исследованный экспедицией Алтайского государственного университета, расположен в Чемальском районе Республики Алтай. Детали плетей, составляющие наиболее многочисленную на сегодняшний день серию подобных изделий из опубликованных объектов булан-кобинской культуры, происходят из непогребенных захоронений четырех мужчин и одного подростка (курганы 29а, 30а, 31, 32, 38). Морфологический анализ находок, их классификация и сопоставление с материалами из памятников Северной и Центральной Азии раннего железного века и средневековья позволили определить функциональную принадлежность предметов, среди которых выделены части рукоятей и наконечники плетей, а также набалдашники (навершия) стеков. Уточнена хронология разных типов изделий в рамках первой половины I тыс. н.э. Установлено, что стеки с набалдашниками (навершиями) в виде массивных трубочек являлись показательными элементами материальной культуры кочевников Алтая второй половины IV – первой половины V вв. н.э. Подтверждено заключение о том, что плети выступали устойчивым маркером погребального инвентаря мужского населения рассматриваемого региона в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: археология, Алтай, эпоха Великого переселения народов, жужанское время, хронология, булан-кобинская культура, плеть, погребение.

BONE (ANTLER) DETAILS OF WHIPS IN THE ARTIFACT COMPLEX OF THE ALTAI POPULATION OF THE ROURAN PERIOD (ON THE MATERIALS OF THE CHOBURAK-I NECROPOLIS)²

N.N. Seregin, A.A. Tishkin, S.S. Matrenin, T.S. Parshikova

The article presents the results of the study of one of the rather rare groups of findings – bone (antler) parts of whips, revealed during the excavations of the objects of the Rouran period necropolis on the Choburak-I burial site. This complex, studied by the Altai State University expedition, is located in the Chemal district of the Altai Republic. The details of the whips, that make up the most numerous series of such items from the published objects of the Bulan-Koby culture, come from the burials of four men and one teenager (barrows 29a, 30a, 31, 32, 38). The morphological analysis of the finds, their classification and comparison with materials from the sites of North and Central Asia of the early Iron Age and the Middle Ages made it possible to determine the functional characteristics of the objects, among which parts of handles and ends of whips, as well as knobs (end-pieces) of crops were identified. The chronology of different types of items within the first half of the I millennium AD has been specified. It was found that crops with knobs (end-pieces) in the form of massive tubes were material culture indicative elements of the Altai nomads in the second half of the IV – the first half of the V centuries AD. The thesis that whips were a stable marker of the burial set of the male population of the region under consideration in the Great Migration period is confirmed.

Keywords: archaeology, Altai, Great Migration period, Rouran period, chronology, Bulan-Koby culture, whip, burial.

¹ Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФФ №20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

² The analysis and interpretation of the complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project №20-78-10037). Study of materials from the Choburak-I necropolis was carried out in the framework of "Priority-2030" Program by the Altai State University.

Введение

Плеть представляет собой приспособление в виде веревок или ремней, которые соединены с рукоятью, изготовленной обычно из древесины. Она применялась для управления конем при верховой езде, при выпасе скота, а при определенных обстоятельствах – в качестве специфического гибкого ударного оружия. На протяжении истории человечества существовали различные модификации плетей, состоявших из одного или нескольких плетеных «хвостов» из кожи или другого материала, объединенных кнутовищем (Бородовский, 1987, с. 32). При этом конкретная атрибуция разновидностей рассматриваемых изделий (плетки, нагайки, кнуты, бичи) из археологических комплексов в большинстве случаев затруднена из-за плохой сохранности рукоятей и отсутствия сведений о характере плетения ремней.

В ходе исследований археологических комплексов булан-кобинской культуры Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.) зафиксированы всего два деревянных кнутовища, которые представлены неопубликованными находками. В женском погребении некрополя Айрыдаш-I (курган № 80, раскопки А.С. Суразакова 1985 г.) сохранилась рукоять длиной 25 см, изготовленная из неошкуренного прута, обложенного по спирали бронзовой полоской. В захоронении мужчины из комплекса Белый Бом – II (курган № 12, погребение 3, раскопки Г.Д. Глобы 1980 г.) обнаружен «прут» длиной около 25 см, один конец которого имел место для захвата рукой, а другой – отверстие для крепления кожаного хлыста¹. Похожие плети с деревянной основой известны в памятниках скифо-сакского времени (Бородовский, 1987, с. 29, рис. 2: 1, 2; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 154–156, рис. 113; Шульга, 2010, рис. 82: 1–7).

Судя по имеющимся археологическим источникам, население булан-кобинской культуры Алтая достаточно часто использовало плети с отдельно изготовленными костяными (роговыми) деталями в виде трубочек разного размера. Интерпретация таких находок как элементов рукоятей плетей (нагаек) впервые предложена А.С. Суразаковым (1990, с. 199) и затем поддержана Ю.В. Тетериным (2016). Устройство большинства изделий могло быть примерно таким: в продольное отверстие трубочки длиной до 7 см пропускался кожа-

ный ремень, который завязывался с двух ее концов узлами, выступавшими естественными ограничителями для удобного захвата рукояти (Тетерин, 2016, с. 93). Обозначенное функциональное назначение таких предметов, на наш взгляд, подтверждают особенности их размещения *in situ* в захоронениях кочевников Алтая первой половины I тыс. н. э. – в области пояса умерших людей (почти исключительно мужчин), а также рядом со скелетами верховых коней, нередко в ситуациях, как если бы они были прикреплены к седлу.

Приведенное наблюдение, на наш взгляд, определяет меньшую обоснованность других вариантов интерпретации костяных (роговых) трубочек из памятников Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. как игольников (Давыдова, 1995, с. 33; Савинов, 2009, с. 67; Соенов, 2017, с. 121), мундштуков для кожаных бурдюков (Миняев, 1998, с. 33), накосников (Вадецкая, 1999, с. 273, 275), которые были представлены без весомых аргументов. В обширной серии трубочек из археологических объектов рассматриваемого региона и сопредельных территорий последней четверти I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. не найдено ни одной иглы (Тетерин, 2016, с. 92)². В данном контексте весьма показательным, что в обобщенной серии погребений булан-кобинской культуры данные изделия входили почти исключительно (52 из 57 экземпляров) в состав сопроводительного инвентаря мужчин³.

Приходится констатировать, что дискуссионность вопроса о назначении рассматриваемых костяных (роговых) изделий в предметном комплексе населения булан-кобинской культуры Алтая в значительной степени определяется низкой степенью их изученности. Единственной специальной работой по обозначенной тематике остается статья Ю.В. Тетерина (2016), посвященная сравнительному анализу находок из памятников «гунно-сарматского» времени разных регионов Южной Сибири.

Обозначенные обстоятельства определяют актуальность разностороннего анализа как давно известных предметов, так и новых экземпляров, обнаруженных в хорошо документированных материалах из погребальных комплексов Алтая. Данная статья посвящена введению в научный оборот представительной серии костяных (роговых) деталей плетей из курганов жужанского времени некрополя

Чобурак-I, а также их интерпретации в контексте имеющихся находок из синхронных археологических объектов обозначенного региона и сопредельных территорий.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. В составе данного разновременного памятника экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов настоящей статьи был полностью раскопан компактный некрополь из 12 погребальных объектов жужанского периода, датирующихся серединой – второй половиной IV в. н. э. (СерEGIN и др., 2019, 2022 и др.). Костяные (роговые) элементы плетей, составляющие наиболее многочисленную серию подобных изделий из опубликованных комплексов булан-кобинской культуры, происходят из непогребленных захоронений четырех мужчин и одного подростка.

Курган № 29а. Изделие (рис. 1: 1; 2: 1) в виде гладкой трубочки (длина 6 см, диаметр 1,5 см) обнаружено в области пояса подростка 13–15 лет (здесь и далее половозрастные определения выполнены к.и.н. С.С. Тур), с правой стороны.

Курган № 30а. Предмет (рис. 1: 6; 2: 6) обнаружен между левой бедренной костью мужчины 30–40 лет и костями задней ноги лошади. Он представляет собой изогнутый цилиндр (длина 7,3 см, диаметр 1,6–2,7 см) с глухим продольным и двумя сквозными поперечными отверстиями. Последние расположены в одной проекции и имеют разные размеры: большое 2,3×1,5 см, малое 0,5 см.

Курган № 31. В районе пояса мужчины около 40 лет, с правой стороны, лежал обломок трубочки длиной 3,6 см и диаметром 1,3–1,5 см (рис. 1: 2; 2: 3). Под костями задней ноги лошади находился изогнутый цилиндр (длина 6,7 см, ширина 2,3–3 см) со сквозными продольным и двумя поперечными отверстиями (большое имеет размеры 2,7×1,5 см, а малое – диаметр 0,5 см), расположенными в разных проекциях (рис. 1: 7; 2: 7).

Курган № 32. Среди ребер мужчины 25–30 лет зафиксирована трубочка длиной 5 см, диаметром 1,4–1,7 см (рис. 1: 3; 2: 4). На ее боковых сторонах, которые оказались непараллельными, имеется сквозное поперечное

отверстие размером 0,5×0,6 см. Предмет декорирован резным орнаментом.

Курган № 38. В могиле мужчины 25–30 лет найдены три изделия: на поясе слева – трубочка длиной 5,5 см, шириной 1,5 см (рис. 1: 4; 2: 2); у левого бедра – трубочка длиной 3,8 см и шириной 1,1–1,6 см, с выраженным расширением у одного конца и со сквозным поперечным отверстием диаметром около 0,4 см (рис. 1: 5; 2: 5); между ног человека выше колен – достаточно массивная трубочка длиной 7,4 см, шириной 2,8–3,8 см с двумя поперечными боковыми отверстиями разного размера (3×2,3 см и 0,6 см), расположенными в одной проекции (рис. 1: 8; 2: 8).

Представленная коллекция из восьми предметов характеризуется определенным разнообразием хорошо сохранившихся и незначительно поврежденных экземпляров, что позволяет осуществить их классификацию и типологический анализ.

Анализ материалов

Все зафиксированные элементы плетей из объектов некрополя Чобурак-I были подвергнуты таксономической систематизации по следующим показателям: материал (группа); конструкция изделия (разряд); поперечное сечение (раздел); наличие или отсутствие сквозных боковых отверстий, а также их размер (отдел); форма и пропорции корпуса (тип); особенности декора (вариант). В результате выделены одна группа, два разряда, один раздел, три отдела, три типа, четыре варианта изделий.

Группа I. Костяные (роговые). Изделия вырезаны из цельной прямой или слегка изогнутой кости (рога).

Разряд I. Узкие трубочки (диаметр до 2 см) со сквозным продольным отверстием.

Раздел I. Округлые. Поперечное сечение в основном повторяет исходную форму заготовки.

Отдел I. Без боковых отверстий.

Тип I. Цилиндр вытянутых пропорций с одинаковой шириной концов. Трубочки имеют прямые (параллельные) или слегка вогнутые боковые стороны. *Вариант а* – без декора. Включает три экземпляра из курганов № 29а, 31, 38. Длина изделий составляет 5,5–6 см, а ширина – 1,3–1,5 см (рис. 1: 1, 2, 4; 2: 1–3).

Отдел II. С одним сквозным боковым (поперечным) отверстием небольшого диаметра.

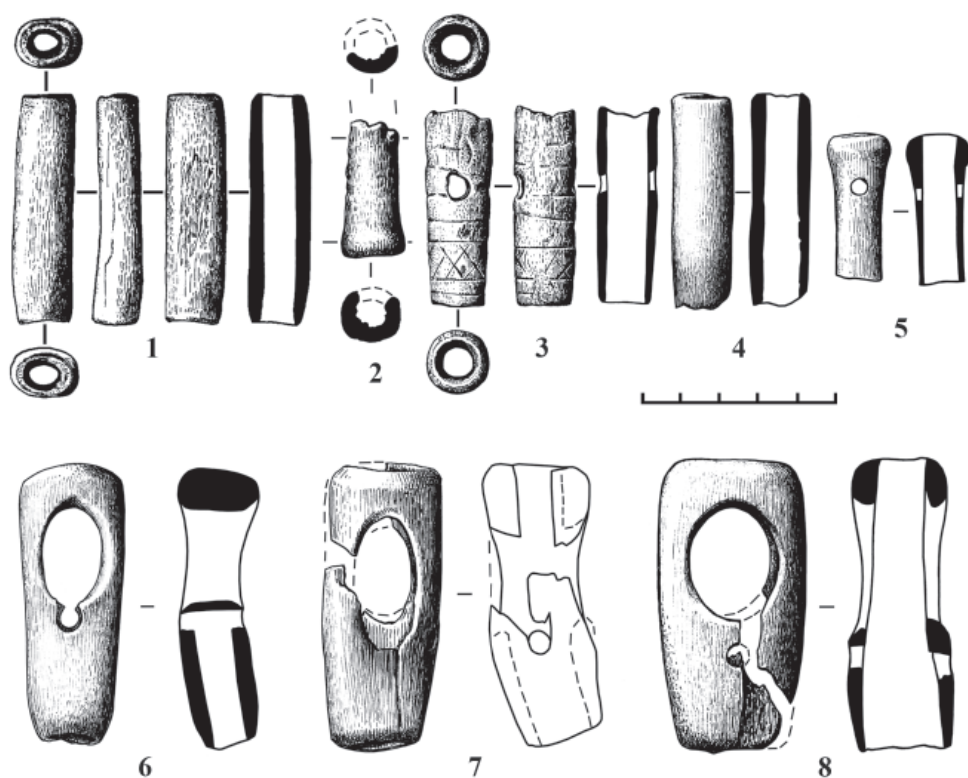

Рис. 1. Костяные (роговые) детали плетей из объектов некрополя Чобурак-I:

1 – курган №29а; 2, 7 – курган №31; 3 – курган № 32; 4, 5, 8 – курган №38; 6 – курган № 30а.

Fig. 1. Bone (antler) details of whips from the Choburak-I necropolis:

1 – barrow No. 29a; 2, 7 – barrow No. 31; 3 – barrow No. 32; 4, 5, 8 – barrow No. 38; 6 – barrow No. 30a.

тра (до 0,5 см), расположенным в основном ближе к окончанию трубочки.

Тип 2. Цилиндр вытянутых пропорций с разной шириной концов. Трубочки имеют непараллельные боковые стороны и выраженное расширение у одного конца. *Вариант а* – без декора. Включает один экземпляр из кургана № 38. Длина изделия составляет 3,8 см, ширина – 1,1–1,6 см, диаметр сквозного поперечного отверстия – около 0,4 см (рис. 1: 5; 2: 5). *Вариант б* – с резным орнаментом в виде горизонтальных линий и косой сетки. Включает один экземпляр из кургана № 32. Длина предмета 5 см, ширина 1,4–1,7 см, размер сквозного отверстия 0,5×0,6 см (рис. 1: 3; 2: 4).

Разряд II. Широкие трубочки (диаметр в наибольшей части составляет свыше 2 см) с продольным сквозным или глухим отверстием.

Раздел I. Округлые.

Отдел III. С двумя сквозными боковыми отверстиями: большим (свыше 2 см) овальной или округлой формы и малым (до 0,5 см), расположенными в одной или разных проекциях.

Тип 3. Слегка изогнутый цилиндр с разной шириной концов. *Вариант а* – без декора. Включает три экземпляра из курганов № 30а, 31, 38. Длина варьирует от 6,7 до 7,4 см, ширина у одного края составляет 1,6–2,8 см, у другого – 2,7–3,8 см. Большое поперечное отверстие имеет размеры 2,3–3×1,5–2,3 см. Диаметр малого поперечного – 0,5–0,6 см (рис. 1: 6–8; 2: 6–8).

Имеются основания для идентификации следующих изделий среди классифицированных предметов: часть рукояти (типы 1а, 2б), наконечник (тип 2а), набалдашник (тип 3а). Предлагаемая функциональная атрибуция вещей основана на их сходстве с находками элементов плетей и стеков из археологических памятников Северной и Центральной Азии раннего железного века и Средневековья (Бородовский, 1993, с. 180–184; Кубарев, 2005, с. 78–80; Троицкая, Кандыба, 2007, с. 298–302; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 154–156, рис. 113; Шульга, 2010, с. 70–71, рис. 82).

Результаты систематизации имеющейся серии изделий являются основой для рассмотрения общих, особенных и единичных

Рис. 2. Костяные (роговые) детали плетей из объектов некрополя Чобурак-I:

1 – курган № 29а; 2, 5, 8 – курган №38; 3, 7 – курган № 31; 4 – курган №32; 6 – курган № 30а.

Fig. 2. Bone (antler) details of whips from objects of the Choburak-I necropolis:

1 – barrow No. 29a; 2, 5, 8 – barrow No. 38; 3, 7 – barrow No. 31; 4 – barrow No. 32; 6 – barrow No. 30a.

характеристик элементов плетей, использовавшихся кочевниками булан-кобинской культуры, а также для установления их датировки с привлечением актуальных аналогий из археологических памятников сопредельных территорий.

Обсуждение результатов

Представляется возможным утверждать, что в большинстве рассмотренных погребений некрополя Чобурак-I находились плети, имевшие рукоять, снабженную узкой костяной трубочкой длиной до 5 см, в которую, вероятно, пропускался кожаный ремень, завязывавшийся с двух ее концов узлами (Тетерин, 2016, с. 93). При этом нельзя исключать и другой вариант конструкции изделий, когда в трубочку вставлялась деревянная палочка с кожаной оплеткой, к которой прикреплялся хлыст⁴.

Плети с костяными (роговыми) трубочками-рукоятями в виде узких цилиндров без боковых отверстий и декоративного оформления (тип 1а) в Центральной Азии достаточно широко использовали хунну во II в. до н. э. – I в. н. э. (Давыдова, 1995, табл. 11: 7; 106: 3; 120: 6; 121: 12; 122: 14; 140: 13; 1996, табл. 13: 13; 20: 10; 23: 15; 34: 15–16; 41: 20; 58: 10; 63: 6; Миняев, 1998, табл. 7: 31; 39: 1; 57: 11; 89: 20; 102: 2; 108: 16; и др.). Подобные изделия также известны в памятниках Минусинской котловины I в. до н. э. – III в. н. э. (Тетерин, 2016, с. 90–91). На территории Тувы ранние находки таких предметов происходят из комплекса улуг-хемской культуры памятника Бай-Даг-II (I в. до н. э. – I в. н. э.). Аналогичные костяные (роговые) предметы встречены в объектах Верхнего Приобья и северо-западных предгорий Алтая, относящихся ко второй половине

IV – V вв. н. э. (Грязнов, 1956, табл. XLV: 8; Горбунов, Демин, Ситников, 2004, рис. 3: 12). Судя по всему, плети с костяными (роговыми) частями рукоятей рассматриваемого облика получили распространение у народов Алтае-Саянского региона под влиянием хуннской традиции. При этом в булан-кобинской культуре данные предметы характерны для II–V вв. н. э. (Гаврилова, 1965, рис. 5: 2; Мамадаков, 1990, рис. 16: 12; 46: 15; Соенов, Эбель, 1992, рис. 42: 14; Могильников, Суразаков, 2003, рис. 29: 2; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21: 2; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6: 21–22; Тетерин, 2016, рис. 2: 2–4; Серегин и др., 2022, табл. 30: 1).

В коллекции из некрополя Чобурак-I детали плетей в виде узких трубочек с одним сквозным боковым отверстием небольшого диаметра, имеющих форму цилиндра с разной шириной концов, представлены двумя изделиями. Среди них отметим неорнаментированный экземпляр (тип 2а), который, судя по зафиксированному *in situ* расположению в погребении из кургана № 38, вероятно, использовался в качестве наконечника на верхнюю часть деревянного кнутовища. Похожие трубочки небольшого размера являются достаточно многочисленной находкой в памятниках кокзельской культуры Тувы (вторая половина III – IV вв. н. э.) (Дьяконова, 1970, табл. XIII). На Алтае костяное (роговое) изделие типа 2а обнаружено в комплексе жужанского времени (вторая половина IV – первая половина V вв. н. э.) могильника Дялян (Тетерин, 2016, рис. 2: 5). В свою очередь, трубочка, украшенная резными линиями и косой сеткой (тип 2б) из кургана № 32 некрополя Чобурак-I, могла использоваться как в качестве элемента рукояти, так и для оформления окончания деревянной части плети. Данный предмет не имеет точных аналогий. В археологических материалах Алтая нам достоверно известно только одно близкое по облику изделие с сетчатым узором (декорированное резными валиками и без бокового отверстия) из комплекса Булан-Кобы-IV (Мамадаков, 1990, рис. 29: 4), относящегося ко второй половине III – первой половине IV вв. н. э.

Определенным своеобразием характеризуются костяные (роговые) пронизи в виде широких (2,1–3,8 см) и массивных, слегка изогнутых трубочек с продольным сквозным или глухим отверстием (тип 3). Все они

имеют два сквозных поперечных отверстия (большое и малое). При этом отверстие меньшего размера, вероятно, использовалось для закрепления петли-темляка. Обозначенные предметы обнаруживают значительное сходство с деталями нагаек из Новотроицкого некрополя каменной культуры VI–III вв. до н. э. Алтайской лесостепи, а также из близких по им времени объектов скифо-сакского времени Восточного Туркестана (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 154–155, рис. 113; Шульга, 2010, с. 70–71, рис. 82)⁵. Функциональное назначение этих изделий у булан-кобинцев могло быть иным. В качестве одной из версий мы допускаем, что они являлись набалдашниками рукоятей, определенно напоминая своим обликом массивные навершия плетей и стеков (Кирпичников, 1975, с. 70–75; Бородавский, 1993, с. 180–181, рис. 1–3; Кубарев, 2005, с. 78–79; Троицкая, Кандыба, 2007, с. 298–302). Показательно, что костяные (роговые) изделия типа 3 в погребениях булан-кобинской культуры размещались с сопроводительным захоронением верхового коня либо в ногах человека, в непосредственной близости от животного. В известных на сегодняшний день материалах с территории Алтая такие предметы происходят из памятников, относящихся ко второй половине IV – первой половине V вв. н. э. (Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I, Степушка, Яломан-II) (Тетерин, 2016, с. 91, рис. 2: 1; Соенов, 2017, с. 122, рис. 9: 1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 39: 3, 4). С учетом всех находок серия рассматриваемых изделий насчитывает девять экземпляров. Вероятно, от «булан-кобинцев» подобные вещи попали в северные предгорья Алтая к населению майминской культуры (Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 72: 13).

Изучение особенностей расположения рассмотренных костяных (роговых) изделий, зафиксированных *in situ* в захоронениях, дает основание предположить, что группа булан-кобинцев, оставившая могильник Чобурак-I, использовала плети с вариативным составом деталей и стеки. В кургане № 29а находилась плеть, в состав рукояти которой входила трубочка от рукояти. В кургане № 30а, по-видимому, находился стек с набалдашником (навершием). В кургане № 32 плеть была снабжена небольшой трубочкой, которая могла быть как частью рукояти, так и наконеч-

ником. В кургане № 31, судя по месту обнаружения изделий, на поясе находилась плеть с костяной (роговой) трубочкой от рукояти, а в 120 см ниже нее, у ноги лошади, – стек с набалдашником (навершием). В кургане № 38 зафиксированы плеть, имевшая рукоять с трубочкой и наконечником, и стек с набалдашником (навершием).

Отметим, что изученные материалы подтверждают правомерность рассмотрения данных костяных (роговых) изделий в качестве одного из маркеров погребального инвентаря мужской части населения булан-кобинской культуры (Серегин, Матренин, 2020, с. 59–62, табл. 1). При этом подобные предметы происходят из захоронений представителей разных слоев социума кочевников Алтая II–V вв. н. э.

Заключение

Анализ представительной серии костяных (роговых) деталей плетей и стеков из непогребленных захоронений жужанского времени некрополя Чобурак-I стал основанием для выделения общих, особенных и единичных черт данной категории предметов в культуре населения булан-кобинской общности. Сравнительное изучение имеющихся материалов с опорой на известные аналогии в археологических памятниках разных регионов Азии позволило с большой долей вероятности определить функциональную принадлежность изделий, среди которых выделяются части рукоятей и наконечники плетей, а также набалдашники (навершия) стеков. Важным результатом стало уточнение датировки неко-

торых типов вещей в рамках первой половины I тыс. н. э. Исследование классифицированных экземпляров показало, что плети с рукоятью, снабженной узкой костяной (роговой) трубочкой с гладким корпусом, появившиеся в Алтае-Саянском регионе под влиянием центральноазиатских хунну, получили распространение у булан-кобинцев во II–V вв. н. э. В свою очередь, стеки с набалдашниками (навершиями) в виде массивных трубочек являлись показательными элементами материальной культуры населения Алтая второй половины IV – первой половины V вв. н. э. Вероятно, в рамках дальнейшей работы по уточнению относительной хронологии отдельных экземпляров определенное значение будет иметь анализ особенностей декоративного оформления изделий.

Расположение рассмотренных артефактов *in situ* в захоронениях позволило высказать предположение об использовании кочевниками, оставившими некрополь Чобурак-I, плетей с разным составом костяных (роговых) деталей. Важно подчеркнуть, что практика изготовления обозначенной группы предметов носителями булан-кобинской культуры генетически не связана с местным наследием племен Алтая скифо-сакского времени (вторая половина VI – III вв. до н. э.). Документированные находки из памятника Чобурак-I подтверждают высказанное ранее предположение о возможности рассмотрения плетей в качестве маркеров погребального инвентаря мужского населения Алтая в эпоху Великого переселения народов.

Благодарности:

Выражаем благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа К.В. Чугунову и Н.Н. Николаеву за возможность ознакомления с альбомом иллюстративного материала к отчету А.М. Мандельштама.

Примечания:

¹ Неопубликованные материалы раскопок памятника Айрыдаш-I были любезно показаны А.С. Суразаковым одному из авторов данной статьи в 2003 г. Деревянная рукоять плети из могильника Белый Бом – II, хранящаяся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, изучена в 2007 г.

² К более позднему времени относится случай обнаружения железной иглы в небольшой костяной (роговой) трубочке, зафиксированной в ходе раскопок раннесредневекового погребения комплекса Юстыд-XIV на Алтае (Кубарев, 2005, с. 76, рис. 22: 8, 9).

³ В трех случаях они зафиксированы в захоронениях детей и подростков, а в двух – в женских могилах (Серегин, Матренин, 2020, с. 36).

⁴ В данном контексте следует отметить костяную трубочку из могильника Белый Бом – II (раскопки Ю.Т. Мамадакова в 1989 г.), в которой сохранился фрагмент от вставленного вовнутрь деревянного кольщика (коллекция № 117 Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета).

⁵ Судя по археологическим материалам из Синьцзяна, массивные костяные пронизи могли крепиться посередине хлыста для соединения нескольких ремней, а также выполнять функцию стабилизатора (утяжелителя) относительно легкого хлыста (Шульга, 2010, с. 71, рис. 82: 10).

ЛИТЕРАТУРА

Бородовский А.П. Плетни и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 28–39.

Бородовский А.П. Плетни и стеки в экипировке раннесредневекового всадника Юга Западной Сибири // Военное дело населения Юга Западной Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 179–187.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: АН СССР, 1965. 146 с.

Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 18–36.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: АН СССР, 1956. 163 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище / Археологические памятники сунну. Вып. 1. СПб.: АзиатИКА, 1995. 287 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник / Археологические памятники сунну. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль / Труды ТКАЭЭ. Т. III. / Отв. ред. Л.П. Потапов. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.

Киртичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / САИ. Е1-36. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 140 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Материалы сянбийского времени погребально-поминального комплекса Тьткескенъ-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 5–24.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й половины I тыс. н.э. Барнаул: Алт. ун-т, 2019. 214 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник / Археологические памятники сунну. Вып. 3. СПб.: АзиатИКА, 1998. 233 с.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. С. 26–63.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 2009. 226 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Алт. ун-т, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28). С. 51–68.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 122–133.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Алт. ун-т, 2022. 276 с.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. 2017. № 8 (20). С. 117–142.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. С. 197–200.

Тетерин Ю.В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 3. С. 87–96.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Алт. ун-т, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка) / Археологические памятники Алтая. Вып. 3. Барнаул: Алт. ун-т, 2018. 368 с.

Троицкая Т.Н., Кандыба А.В. Стеки из Верхнего Приобья // Рыцарь сибирской археологии / Отв. ред. С.С. Тихонов. Омск: Омск. ун-т, 2007. С. 298–302.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, зав. лабораторией, доцент, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, зав. кафедрой, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); taty-parshikova@yandex.ru

REFERENCES

Borodovskii, A. P. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military Arts of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 28–39 (in Russian).

Borodovskii, A. P. 1993. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo naseleniya Yuga Zapadnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka (Warfare of the population of the south of the Western Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 179–187 (in Russian).

Vadestkaya, E. B. 1999. *Tashtykская эпоха в древней истории Сибири (Tashtyk era in the ancient history of Siberia)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrge Burial Mound as a Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V., Demin, M. A., Sitnikov, S. M. 2004. In Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentralnoi Azii (Military Art of the Peoples of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 18–36 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Davydova, A. V. 1995. *Ivolginskiy arkheologicheskii kompleks. T. 1. Ivolginskoe gorodishche (Ivolginsk archaeological complex. Vol. 1: Ivolginskoye hillfort)*. Series: Arkheologicheskie pamyatniki syunnu (Xiongnu archaeological sites) 1. Saint Petersburg: "AziatIKA" Publ. (in Russian).

Davydova, A. V. 1996. *Ivolginskiy arkheologicheskii kompleks. T. 2. Ivolginskiy mogil'nik (Ivolginsk archaeological complex. Vol. 2. Ivolginsk burial ground)*. Series: Arkheologicheskie pamyatniki syunnu (Xiongnu archaeological sites) 2. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

D'yakonova, V. P. 1970. In Potapov, L. P. (ed.). *Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel'* (*Materials on the archaeology and anthropology of the Kokel burial ground*). Series: Trudy Tuvinskoj kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition) III. Leningrad: "Nauka" Publ., 80–209 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX—XIII vv.* (*Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th — 13th Centuries*). Series: Corpus of Archaeological Sources E1—36 (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S. 2014. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research*) 10 (2), 51–68 (in Russian).

Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* (*Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Funerary Monuments)*). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Kungurova, N. Yu., Abdulganeev, M. T. 2019. *Maymynskaya kul'tura. Po materialam poseleniy Salaira i Predaltayskoy ravniny I-y poloviny I tys. n.e.* (*Mayma culture. Based on materials from the settlements of Salair and the Cis-Altai plain in the first half of the 1st millennium AD*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Mamadakov, Yu. T. 1990. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.* (*Culture of the Central Altai population in the first half of the 1st millennium AD*). Diss of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Minyaev, S. S. 1998. *Dyrestuiskii mogil'nik (Dyrestuj burial ground)*. Series: Arheologicheskie pamyatniki syunnu (Archaeological sites of the Hsiung-nu) 3. Saint Petersburg: "Aziatika" Publ. (in Russian).

Mogil'nikov, V. A., Surazakov, A. S. 2003. In Soenov, V. I. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Altaya (Archaeology and ethnography of Altai)* 1. Gorno-Altai: Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov, 26–63 (in Russian).

Savinov, D. G. 2009. *Minusinskaia provintsia khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.)* (*Minusinsk province of the Xiongnu (Based on Archaeological Study Materials of 1984–1989)*). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2020. *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov.* (*The social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC – XIV century AD): based on materials from archaeological complexes*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2019. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research*) 28 (4), 51–68 (in Russian).

Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2022. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*) (1), 122–133 (in Russian).

Seregin, N. N., Demin, M. A., Matrenin, S. S., Umanskii, A. P. 2022. *Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban-I)* (*Altai during the Great Migration period (based on the archaeological complex Karban-I)*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Soenov, V. I. 2017. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 20 (8), 117–142 (in Russian).

Soenov, V. I., Ebel', A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni (Barrows of the Xiongnu-Sarmatian era on the Upper Katun)*. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University (in Russian).

Surazakov, A. S. 1990. In Molodin, V. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni (Archaeological studies on the Katun River)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 197–200 (in Russian).

Teterin, Yu. V. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya* (*Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology*) 15 (3), 87–96 (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2005. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biyke (Gornyy Altay)* (*The complex of archaeological sites in the valley of the Biyka river (Gornyy Altai)*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* (*Altai in the Xianbei - Rouran period (based on the materials of the Stepushka site)*).

Series: Arkheologicheskie pamyatniki Altaya (Archaeological sites of Altai) 3. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

Troistkaya, T. N., Kandyba, A. V. 2007. In Tikhonov, S. S. (ed.). *Rytsar' sibirskoy arkheologii (Knight of Siberian archaeology)*. Omsk: Omsk State University, 298–302 (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2010. *Sin'tszyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya) (Xinjiang in the VIII – III centuries BC (Burial assemblages. Chronology and periodization))*. Barnaul: Altai State Technical University (in Russian).

Shul'ga, P. I., Umanskii, A. P., Mogil'nikov, V. A. 2009. *Novotroitskiy nekropol' (Novotroitsk necropolis)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of of Historical Sciences. Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Tishkin Aleksey A. Doctor of Historical Sciences. Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; matrenins@mail.ru

Parshikova Tatyana S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; taty-parshikova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.268.281>

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ С ПАМЯТНИКОВ VIII–X ВЕКОВ ОКСКО-ДОНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА

©2023 г. А.М. Колоколов

Большинство публикуемых находок происходит с поселенческих памятников региона, единичные вещи обнаружены в захоронениях. Некоторые из них уже были введены в научный оборот, часть публикуется впервые. Находки делятся на три хронологические группы: первая – VIII в., вторая – IX – первая половина X в., и третья – вторая половина X – начало XI в. Предложенная периодизация отражает современное понимание хронологии памятников VIII–X вв. Окско-Донского водораздела. Изделия первой группы имеют аналогии на территории Балкан и Северного Кавказа. Предметы второй группы связаны с древностями салтово-маяцкой культуры, памятниками верхнего Поволжья и Приуралья. Находки третьей группы имеют преимущественно древнерусское и североевропейское происхождение. Находки поясной гарнитуры демонстрируют смену векторов культурного влияния на разных этапах славянского освоения региона.

Ключевые слова: археология, Окско-Донской водораздел, VIII–X вв., поясные накладки, пряжки, наконечники ремней.

BELT SET DETAILS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE VIII–X CENTURIES FROM OKA AND DON WATERSHED

A.M. Kolokolov

The majority of the presented finds come from the ancient settlements of the region, with solitary items found in burials. Some of them have already been introduced into scientific discourse, while some are published for the first time. The finds are divided into three chronological groups: the first group - VIII century; the second one – IX – the 1st half of the X century and the third – the 2nd half of the X – the beginning of the XI century. This periodization reflects the modern understanding of the chronology of sites of the VIII – X centuries in Oka–Don watershed. The artifacts of the first group have analogies in the Balkans and Northern Caucasus. The findings of the second group are associated with the antiquities of the Saltovo-Mayaki culture and sites of the Upper Volga basin and the Urals. The third group finds are of predominantly Old Rus and Northern European origin. The findings of the belt set demonstrate a change of vectors of cultural influence at different stages of Slavic settling in the region.

Keywords: archaeology, Oka–Don watershed, VIII – X centuries, belt mounts, buckles, belt tips.

Сводная публикация предметов поясной гарнитуры с памятников VIII–X вв. Окско-Донского водораздела до настоящего времени не была осуществлена. Они введены в научный оборот частично – в составе обобщающих работ, а также в публикациях материалов отдельных памятников (Григорьев, 2005; Колоколов, 2022а; и т. д.). Наиболее представительный набор поясной гарнитуры, содержащийся в составе Супрутского клада 1969 г., неоднократно опубликован и всесторонне рассмотрен исследователями (Мурашова, 2008; Комар, 2018, рис. 45: 2; и т. д.), поэтому в данной работе речь о нем не пойдет.

Большинство приведенных предметов обнаружено при раскопках поселений либо в ходе разведочных исследований на них. Изде-

лия, происходящие из захоронений, единичны. Все находки делятся на три хронологические группы: **первая – VIII в.; вторая – IX – 1-я пол. X в., третья – 2-я пол. X – нач. XI в.**

Находки 1-й хронологической группы относятся к начальному периоду славянской колонизации региона. Они не имеют надежного археологического контекста, т. к. были обнаружены в ходе разведок.

Подковообразная накладка с растительным орнаментом происходит с поселения Тризново-3 (рис. 1: 81; 2: 1) (Простяков, в подгот.). Находка относится к кругу древностей типа Врп-Ерсеке, наиболее близкие аналогии ей происходят из эпонимных кладов 2-й пол. VII – нач. VIII в., обнаруженных на территории Балкан (Тотев, Пелевина, 2005, рис. 8:

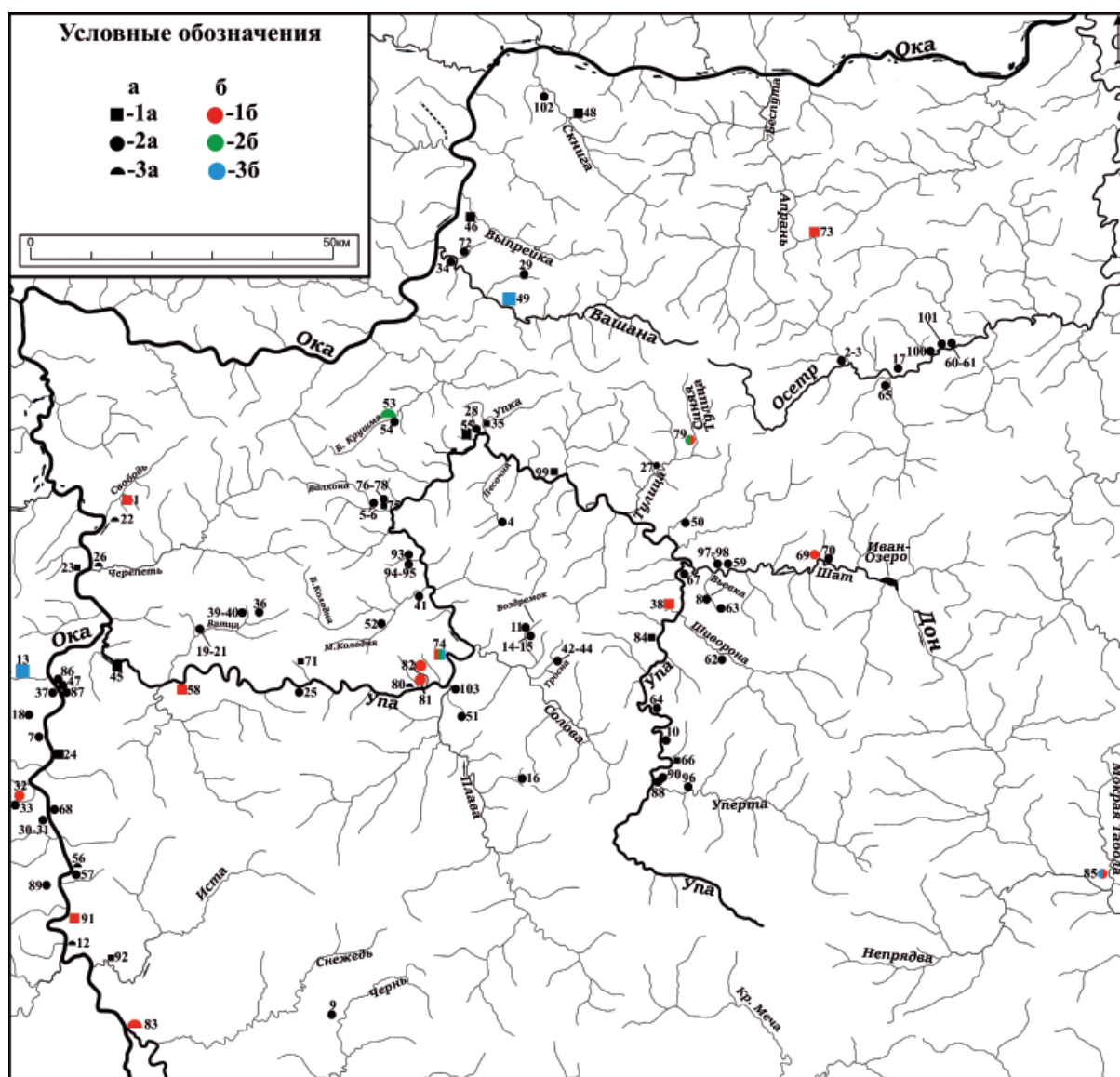

Рис. 1. Памятники VIII–X вв. Окско-Донского водораздела.

- 1 – Акиньишино; 2 – Андреевка-1; 3 – Андреевка-2; 4 – Батищевы-4; 5 – Березово-1; 6 – Березово-2; 7 – Болтенки; 8 – Болхово-1; 9 – Бунаково; 10 – Бутырки; 11 – Воздремо-10; 12 – Воронеж; 13 – Вырк; 14 – Головеньки-1; 15 – Голвеньки-3; 16 – Голощапово-3; 17 – Грабовово-1; 18 – Давыдово; 19 – Денисово-1; 20 – Денисово-2; 21 – Денисово-3; 22 – Доброе; 23 – Дуна; 24 – Жабынь; 25 – Жемчужниково; 26 – Западное; 27 – Ивановка-2; 28 – Изволь-1; 29 – Калединовка-4; 30 – Кализна-1; 31 – Кализна-2; 32 – Каменка-1; 33 – Каменка-2; 34 – Карташово-1; 35 – Кетри; 36 – Кирилловка-3; 37 – Кондратово; 38 – Лобынское; 39 – Лужки-1; 40 – Лужки-5; 41 – Лужное-8; 42 – Майский-1; 43 – Майский-4; 44 – Майский-5; 45 – Мишнево; 46 – Мосолово; 47 – Мощены; 48 – Нижняя Городня; 49 – Никулино; 50 – Новоселки-2; 51 – Образцово-2; 52 – Озерки-1; 53 – Панское; 54 – Панское-1; 55 – Першино; 56 – Песковатое-1; 57 – Песковатое-4; 58 – Петровское; 59 – Победа; 60 – Причаль-1; 61 – Причаль-2; 62 – Пушкирские выселки-1; 63 – Пятницкое-1; 64 – Сатинка-1; 65 – Свиридовский-1; 66 – Свисталовка; 67 – Сергиевское; 68 – Сестринский; 69 – Слободка-1; 70 – Слободка-2; 71 – Снедка; 72 – Сотино-1; 73 – Спицино; 74 – Супруты; 75 – Тимофеевка; 76 – Тимофеевка-1; 77 – Тимофеевка-2; 78 – Тимофеевка-3; 79 – Торхово-3; 80 – Тризново; 81 – Тризново-3; 82 – Тризново-4; 83 – Тшлыково; 84 – Услань Гора; 85 – Устье-2; 86 – Устье Гастунки; 87 – Устье Усть; 88 – Уткино-1; 89 – Уткино-3; 90 – Уткино-4; 9 – Федяшево; 92 – Фурсово; 93 – Хотетово-2; 94 – Хотетово-5; 95 – Хотетово-7; 96 – Чифировка; 97 – Шатск-17; 98 – Шатск-18; 99 – Щепилово; 100 – Щучье-1; 101 – Щучье-2; 102 – Яковлево-1; 103 – Ярцево-5.

Условные обозначения:

- а – тип памятника: 1а – городища; 2а – селища; 3а – курганные могильники.
б – категории находок: 16 – накладки; 26 – наконечники ремней; 36 – пряжки.

Fig. 1. Sites of the VIII–X centuries in the Oka-Don watershed.

1 – Akinshino; 2 – Andreyevka-1; 3 – Andreyevka-2; 4 – Batishchevo-4; 5 – Berezovo-1; 6 – Berezovo-2; 7 – Boltenki; 8 – Bolkhovo-1; 9 – Bunakovo; 10 – Butyrki; 11 – Vozdremo-10; 12 – Voronetz; 13 – Vyrsk; 14 – Golovenki-1; 15 – Golvenki-3; 16 – Goloshchapovo-3; 17 – Grabonovo-1; 18 – Davydovo; 19 – Denisovo-1; 20 – Denisovo-2; 21 – Denisovo-3; 22 – Dobroye; 23 – Duna; 24 – Zhabyn'; 25 – Zhemchuzhnikovo; 26 – Zapadnoye; 27 – Ivanovka-2; 28 – Izvol-1; 29 – Kaledinovka-4; 30 – Kalizna-1; 31 – Kalizna-2; 32 – Kamenka-1; 33 – Kamenka-2; 34 – Kartashovo-1; 35 – Ketri; 36 – Kirillovka-3; 37 – Kondratovo; 38 – Lobynskoye; 39 – Luzhki-1; 40 – Luzhki-5; 41 – Luzhnoye-8; 42 – Mayskiy-1; 43 – Mayskiy-4; 44 – Mayskiy-5; 45 – Mishnevo; 46 – Mosolovo; 47 – Moshcheny; 48 – Nizhnyaya Gorodnya; 49 – Nikulino; 50 – Novoselki-2; 51 – Obratzo-2; 52 – Ozerki-1; 53 – Panskoye; 54 – Panskoye-1; 55 – Pershino; 56 – Peskovatoye-1; 57 – Peskovatoye-4; 58 – Petrovskoye; 59 – Pobeda; 60 – Prichal-1; 61 – Prichal-2; 62 – Pushkarskiye vyselki-1; 63 – Pyatnitskoe-1; 64 – Satinka-1; 65 – Sviridovskiy-1; 66 – Svistalovka; 67 – Sergiyevskoye; 68 – Sestrinskiy; 69 – Slobodka-1; 70 – Slobodka-2; 71 – Snedka; 72 – Sotino-1; 73 – Spitzino; 74 – Supruty; 75 – Timofeyevka; 76 – Timofeyevka-1; 77 – Timofeyevka-2; 78 – Timofeyevka-3; 79 – Torkhovo-3; 80 – Triznovo; 81 – Triznovo-3; 82 – Triznovo-4; 83 – Tshlykovo; 84 – Uslan Gora; 85 – Ustye-2; 86 – Ustye Gastunki; 87 – Ustye Usty; 88 – Utkino-1; 89 – Utkino-3; 90 – Utkino-4; 91 – Fedyashevo; 92 – Fursovo; 93 – Khotetovo-2; 94 – Khotetovo-5; 95 – Khotetovo-7; 96 – Chifirovka; 97 – Shatsk-17; 98 – Shatsk-18; 99 – Shchepilovo; 100 – Shchuchye-1; 101 – Shchuchye-2; 102 – Yakovlevo-1; 103 – Yartzevo-5.

Symbols:

a – site type: 1a – fortified settlements; 2a – unfortified settlements; 3a – barrow fields.

b – categories of finds: 16 – belt mounts; 26 – belt endpieces; 36 – buckles.

5–10, с. 90). Помимо данной накладки горизонт VIII в. на памятнике маркируется находкой серьги пастырского типа (Колоколов, 2022а, рис. 13: 6).

Пятиугольная накладка с орнаментом в виде трех вдавленных полушарий, вписанных в треугольник (рис. 1: 74; 2: 2), обнаруженная на площадке городища Супруты (Григорьев, 2005, рис. 30: 17), характерна для поясного набора типа Арадац-Фенлак, бытующего в I среднеаварский период (сер. – 2-я пол. VII в.) (Гавритухин, 2001, рис. 38, с. 158). Предметы этого типа известны в составе Хорошевского клада сер. VIII века, обнаруженного на территории Подонцовья (Аксенов, 2022, рис. 4: 2). Находка с Супрут маркирует наиболее ранний горизонт славянского поселения на городище, связанный с древностями круга сахновки-волынцево (Колоколов, 2022а, с. 186).

Овальнорамчатая пряжка с городища Никулино (рис. 1: 49; 3: 4) (ГМЗ-КП-389/9) относится к типу 25, по В.Б. Ковалевской, и в древностях северного Кавказа датируется VIII в. (Ковалевская, 1979, с. 30, табл. XIII:1). В частности, аналогичная пряжка происходит из кат. VII аланского могильника Чми, которую А.К. Амброс относит к VIII в. (Амброс, 1971, рис. 13: 19, с. 130).

Находки 2-й хронологической группы многочисленны и имеют аналогии в составе поясных наборов конца VIII – IX в. на обширной территории от Урала до Крыма. В период их бытования (IX – 1-я пол. X в.) в между-

рье Оки и Дона фиксируется группа памятников, материалы которых соотносимы с древностями роменской культуры.

Большинство находок составляют накладки. В зависимости от морфологии их можно классифицировать следующим образом: фигурные с прорезью, геометрические с прорезью, фигурные цельные, фигурные с кольцом, фигурные с фронтальным ушком, круглые с отверстием, зооморфные.

Фигурные накладки с прорезью.

Пятиугольная накладка с рифленным ободком происходит из постройки 1 р. XXVIII на городище Супруты (рис. 2: 3). Она уже была рассмотрена при публикации материалов постройки. Наиболее близкие аналогии ей происходят из захоронений X в. могильников верхнего Поволжья (Колоколов, 2022, с. 260).

Из постройки 5 р. XXI на городище Супруты происходит накладка каплевидной формы с двумя выступами по бокам и подпрямоугольной прорезью (рис. 2: 5) (Шеков, 1995, рис. 51: 7, с. 29). Аналогичное изделие обнаружено на разрушенном участке памятника (рис. 2: 6) (ГМЗ-КП-101/22). Подобные накладки известны в погребальных комплексах верхнего Поволжья: в частности, в могильнике «Нижняя стрелка» IX – нач. XII в., в захоронении 19а (Никитина, 2012, рис. 296: 37, 38). Здесь уместно рассмотреть морфологически схожую накладку, относящуюся к категории фигурных цельных (рис. 2: 15). Она происходит из постройки 2 р. XXI на городище

Рис. 2. Поясные накладки: 1 – Тризново-3; 2, 3, 5, 6, 10, 15–21, 33 – Супруты; 4, 12 – Устье-2; 7, 25, 32 – Акиншино; 8 – Петровское; 9 – Торхово-3; 11 – Каменка-1; 22, 23 – Лобынское; 13, 14 – Федяшево; 24 – Тшлыково; 26 – Спицино; 27–29 – Чертово Городище; 30 – Слободка-1; 31 – Тризново-4.

1–8, 10–26, 30–33 – бронза; 9, 27, 24 – серебро.

Fig. 2. Belt mounts: 1 – Triznovo-3; 2, 3, 5, 6, 10, 15–21, 33 – Supruty; 4, 12 – Ustye-2; 7, 25, 32 – Akinshino; 8 – Petrovskoye; 9 – Torkhovo-3; 11 – Kamenka-1; 22, 23 – Lobynskoye; 13, 14 – Fedyashevo; 24 – Tshlykovo; 26 – Spitzino; 27–29 – Chyortovo Gorodishche; 30 – Slobodka-1; 31 – Triznovo-4.

1–8, 10–26, 30–33 – bronze; 9, 27, 24 – silver.

Супруты, относящейся к горизонту, предшествующему гибели поселения (Шеков, 1995, рис. 51: 7, с. 19). Аналогичные накладки встречаются в одних наборах с изделиями, описанными выше, в частности в погр. 59 Елизавет-Михайловского могильника VIII–XI вв. на р. Цне (Алихова, 1969, табл. 32: 13, 15).

Накладка с прорезью, оформленная в виде трехлепесткового лотоса (рис. 1: 85; 2: 4), происходит с селища Устье-2 (Гоняный, 2020, рис. 10: 4). Подобные изделия широко представлены в материалах салтово-маяцкой КИО, в частности в катакомбах 1-й пол. – сер. IX в. Дмитриевского и Верхне-Салтовского

могильников (Плетнева, 1989, рис. 87; Аксенов, 2010, рис. 2: 11, с. 119).

Прямых аналогий пятиугольной бляшке с широким прямоугольным отверстием (рис. 1: 1; 2: 7) с городища Акиньюшино (Воронцов, Модин, 2014, рис. 11: 14) обнаружить не удалось. Наиболее морфологически близким изделием является накладка из погр. 65 могильника Мыдлань-Шай сер.VIII – сер. IX в Прикамье (Генинг, 1962, табл. IV: 22).

Геометрические накладки с прорезью.

На памятниках региона обнаружены три прямоугольные накладки с прорезью. Одна из происходит со склона городища Петровское (рис. 1: 58; 2: 8), вторая – из культурного слоя селища Торхово-3 (рис. 1: 79; 2: 9) (Колоколов, 2022а, рис. 10: 13, 14), третья обнаружена на городище Супруты (ГК, 18943795). Они относятся к поясным наборам т. н. «общетюркского типа», бытовавшим на территории Восточной Европы и Приуралья с сер. VII до XI в. (Гончаров, Кадиева, 2020, с. 55–56). К этой же группе древностей относится накладка овальной формы с прорезью (рис. 2: 10), обнаруженная на площадке городища Супруты (Григорьев, 2005, рис. 30: 12).

Цельные фигурные накладки.

С городища Федяшево происходят две гладкие сердцевидные накладки с двумя боковыми выступами в узкой части (рис. 1: 91; 2: 13, 14) (Простяков, в подгот.). На одной из них явственны следы литейного брака (рис. 2: 14). По А.В. Комару, наиболее близкие к нашим находкам изделия относятся II-му горизонту салтово-маяцкой КИО, датирующемуся концом VIII – 1-й пол. IX в. (Комар, 2018, рис. 39).

Вытянутая пятиугольная накладка с орнаментом в виде трех продольных линий (рис. 2: 16) обнаружена в постройке 1 р. XXI на городище Супруты, относящейся к горизонту, предшествующему гибели поселения (Шеков, 1995, рис. 51: 9; Григорьев, 2005, с. 33). Подобные изделия происходят из погр. 15 Веселовского могильника IX–XI вв. и погр. 10 могильника «Черемисское кладбище» VIII–XI вв., расположенных на территории Вятско-Ветлужского междуречья (Никитина, 2012, рис. 45: 4, рис. 99: Б1).

Еще три накладки этого типа были обнаружены на площадке Супрутского городища. Одна из них, с двумя роговидными выступами (рис. 2: 18) (Григорьев, 2005, рис. 30: 9), анало-

гична накладке из жертвенного комплекса № 8 Русенихинского могильника. Комплекс датирован X в. (Никитина, 2018, рис. 14: 45, с. 71). Вторая – каплевидной формы с изображением двухлепесткового лотоса (рис. 2: 20) (Григорьев, 2005, рис. 30: 7) характерна для III-го горизонта салтово-маяцкой КИО, датирующегося сер. IX в. (Комар, 2018, рис. 39). Третье изделие низкого качества, щиток асимметричен, орнамент читается плохо. Точных аналогий накладке схожей формы со схематичным геометрическим орнаментом (рис. 2: 19) обнаружить не удалось. Наиболее близкое ей изделие происходит из кат. 51 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, рис. 85).

Серебряная сердцевидная накладка с гравированным орнаментом в виде четырехлепестковой розетки (рис. 2: 33) происходит из культурного слоя р. XXIV на городище Супруты (Григорьев, 2005, рис. 30: 15). Изделия, изготовленные в схожей технике и стилистике, содержатся в погр. 12 Больше-Тиганского могильника (Халикова, Халиков, 2018, табл. X: 8–13), связанного с древностями ранних венгров VIII–IX вв.

Пятиугольная накладка с бортиком и фрагментом крепежной клепки с внутренней стороны (рис. 2: 17), обнаруженная на площадке городища Супруты (Григорьев, 2005, рис. 30: 13), также имеет аналогии в материалах этого могильника. Схожее изделие входит в состав поясного набора из погр. 35 (Халиков, Халикова, 2018, табл. XXVII: 10е).

Круглые накладки с широким центральным отверстием.

Одна из них происходит из столбовой ямы № 82 селища Каменка-1 (рис. 1: 32; 2: 11). Данная находка уже была рассмотрена в публикации материалов памятника. Она типична для памятников салтово-маяцкой КИО, а также для древностей верхнего Поволжья IX–X вв. (Екимов, Колоколов, в печати).

Вторая накладка обнаружена на селище Устье-2 (Гоняный, 2020, рис. 10: 9). В отличие от изделия с Каменки-1 она украшена тремя пальметтовидными выступами по краю (рис. 2: 12). Накладка имеет множественные аналогии среди предметов поясной гарнитуры IX в. в ареале салтово-маяцкой КИО и сопредельных территорий (Халиков, Халикова, 2018, табл. XVIII: 8; Плетнева, 1989, рис. 87).

Накладки с кольцом. Предметы этой группы снабжены сагиттально расположенной

петлей и в ряде случаев сохранившимся кольцом.

Накладка подтреугольной формы с орнаментом в виде шестилепестковой пальметты обнаружена на селище Слободка-1 (рис. 1: 69; 2: 30). находка была рассмотрена в публикации материалов селища. Она имеет многочисленные аналогии в материалах салтово-маяцкой КИО 3-й четв. VIII – IX в. (Шебанин, Колоколов, в печати).

Орнамент фигурной накладки с городища Акинъшино (Воронцов, Модин, 2014, рис. 11: 16) представляет собой рельефное изображение стебля с трилистным навершием и двумя ветвями с листьями по бокам (рис. 2: 25). Аналогичное изображение нанесено на серию близких по форме бляшек из Гнездова, а также, в несколько упрощенном виде, на поясную накладку из Супрутского клада 1969 г. (Мурашова, 2008, с. 20–21, рис. XI, XII).

Три накладки с кольцом и щитком подтреугольной формы происходят с памятника левобережья Оки – городища «Чертово Городище» (Прошкин, 2017, рис. 6: 8, 9, рис. 7: 2). Они также типичны для поясного набора салтово-маяцкой КИО. Две из них, украшенные схематическим геометрическим узором (рис. 2: 28, 29), по А.В. Комару, характерны для горизонтов II–III/III салтово-маяцкой КИО, датирующихся концом VIII – сер. IX в. (Комар, 2018, рис. 39). Третья накладка с рельефным орнаментом в виде трех пальметт, произрастающих из трехчастного основания (рис. 2: 27), по А.В. Комару, относится к III-му горизонту салтово-маяцкой КИО, датирующемуся сер. IX в. (Комар, 2018, рис. 39, с. 87).

Фигурные накладки с фронтально расположенным ушком.

Две накладки с щитком сердцевидной формы, бордюром по краю и рельефным изображением трилистника в центре происходят с городища Лобынское (рис. 1: 38; 2: 22, 23) (Простяков, в подгот.). Аналогичные изделия содержатся в кладе с городища Кудярова Гора на р. Сейм, который, по мнению В.В. Енукова, датируется концом X в. и относится к материалам Древней Руси (Енуков, 2005, рис. 55: 1–5, с. 264–267). А.Г. Шпилев и А.В. Комар связывают эти находки с венгерскими древностями сер. – 2-й пол. IX века (Комар, 2018, с. 159–160). Признавая эту точку зрения в плане культурной атрибуции предметов, мы можем несколько расширить период их

бытования. По мнению автора данной статьи, поселение на площадке городища Лобынское, с которым связаны находки накладок, сформировалось не ранее сер. X в. (Колоколов, 2022а, с. 187–188).

Три одинаковые серебряные накладки в виде стилизованного трилистника содержались в кремации в кургане 7 Тшлыковского могильника (Трофимов, 1973, фото № 7: 3). Коллекция с памятника полностью утрачена. Изображение одной накладки обнаружено в личном архиве Н.Г. Трофимова, в отчете представлена нечеткая черно-белая фотография всех накладок (рис. 1: 83; 2: 24). Они типичны для поясов салтово-маяцкой КИО и соответствуют II-му горизонту, датирующемуся концом VIII – 1-й пол. IX в. (Комар, 2018, рис. 39).

Зооморфные накладки.

Накладка с реалистичным изображением головы лошади (рис. 2: 21) обнаружена в постройке 2 р. XXVIII на городище Супруты, относящейся к горизонту, предшествующему гибели славянского поселения (Воронцов, 2006, рис. 22: 7; Григорьев, 2008, с. 95–99). Полных аналогий находке обнаружить не удалось. При этом накладки в виде фронтально расположенных голов копытных животных широко распространены в кочевнических древностях Евразии, от алтайских захоронений VII–VIII вв. (к. 13 мог. Юстыд XXIV (Кубарев, 2005, табл. 15:6)) до находок «восточного облика» X в. шведской Бирки (Arbman, 1943, taf. 91: 2).

Пряжки 2-й хронологической группы в основном относятся к широко распространенным в VIII–IX вв. на территории западной Евразии категориям овальнорамчатых (рис. 3: 1, 5–7, 9, 10) либо треугольнорамчатых (рис. 3: 2) с прямоугольной либо трапециевидной рамчатой обоймой. Они происходят из культурного слоя городищ Супруты, Вырск, Чертово Городище (Григорьев, 2005, рис. 30: 1–3, 5; Прошкин, 2017, рис. 6: 7; Колоколов, 2022, рис. 10: 4; ТОКМ: ЕИК 4190/54д) и относятся к типам 2 и 3, по С.А. Плетневой (Плетнева, 1989, рис. 36: 2, 3), или отд. II, типам 11, 13 (подтип 3), и отд. IV, типу 6, по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979, с. 25–27, табл. IX: 15; X: 7, с. 36–37, табл. XVII: 12). Единственное изделие, связанное с датированным комплексом, – овальнорамчатая пряжка (рис. 3: 5) из постройки 4 р. XVIII на городище Супруты,

относящейся к финальному этапу существования поселения (Григорьев, 2008, с. 95–99).

Менее распространены на памятниках региона овальнорамчатые пряжки с пятиугольным неподвижным щитком типа 4 по С.А. Плетневой (Плетнева, 1989, рис. 36:4) или типа 11 16-го варианта, подтипа 1, по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979, с. 38, табл. XI: 4, XVIII: 1). Они происходят с городища Супруты и селища Устье-2 (рис. 3: 3, 8) (Григорьев, 2005, рис. 30: 3; Гоняный, 2020, рис. 10: 3). Пряжки этого типа так же широко представлены в кочевнических древностях VIII–IX вв.

Бронзовая овальнорамчатая пряжка со схематичным зооморфным изображением на неподвижной ажурной обойме (рис. 3: 13) происходит с городища «Чертово Городище» (Прошкин, 2011, рис. 35: 11). Находка была рассмотрена при публикации материалов памятника. Она имеет аналогии в древностях Приуралья VIII–X вв. (Прошкин, 2011, с. 55–56). Две бронзовые рамчатые пряжки с селища Устье-2, по мнению М.И. Гоняного, относятся к роменскому этапу существования поселения (Гоняный, 2020, рис. 10: 1, 2). Одна из них – с треугольной рамкой, с двумя выступами у основания (рис. 3:11) – надежных аналогий не имеет. Вторая – со следами серебрения, пятиугольная с заостренным окончанием, покрытым рельефным растительным орнаментом (рис. 3: 12), также не имеет прямых аналогий на памятниках VIII–X вв. сопредельных территорий. Морфологически близкое изделие, бронзовое с позолотой, происходит с селища Жилино VIII–XI вв., расположенного в окрестностях Плиски (Болгария) (Стоянова, 2003, с. 112–113, обр. 3: 3). Поскольку обе упомянутых пряжки происходят из подъемного материала, не исключено что они относятся к следующему, древнерусскому периоду бытования селища.

Наконечники ремней.

Бронзовый наконечник ремня (рис. 3: 15) с селища Торхово-3 (Григорьев, 2005, рис. 30: 20) характерен для памятников салтовомаяцкой КИО. В частности, схожее изделие происходит из катакомбы 7 Маяцкого могильника, датированного посл. четв. IX – нач. X в. (Флеров, 1984, рис. 14: 30).

Кроме того, в р. XXV на городище Супруты был обнаружен железный наконечник ремня (рис. 3: 17) в виде прямоугольной приострен-

ной пластины с загнутыми внутрь краями (Григорьев, 2005, рис. 30: 21).

Находки 3-й хронологической группы.

Накладка с кольцом, с округлым щитком, покрытым спиральным орнаментом (рис. 1: 73; 2: 26), обнаруженная на городище Спицино, была рассмотрена при публикации материалов памятника. Она имеет множественные аналогии в финно-угорских и древнерусских материалах и по контексту памятника датируется 2-й пол. X – нач. XI вв. (Колоколов, Простяков, 2021, с. 51–52).

Пятиугольная накладка со схематическим растительным орнаментом обнаружена на селище Тризново-4 (рис. 1: 82; 2: 31) (Простяков, в подгот.). Аналогичная накладка происходит из производственного комплекса 2-й пол. X – нач. XI вв., расположенного на территории Гнездовского поселения (Мурашева, Енисосова, Фетисов, 2007, рис. 33: 2, табл. 2).

Пятиугольная накладка с рельефным изображением «древа жизни» по центру (рис. 2: 32) обнаружена на городище Акиньино (Воронцов, Модин, 2014, рис. 11: 15). Схожее изделие происходит из комплекса Гнездовского кургана Ц-1, относящегося к X в. (Авдусин, 1952, рис. 29: 6). Накладка с аналогичным орнаментом, но с закругленной нижней частью содержится в кремации сер. – 2-й пол. X в. кургана № 38 Петровского могильника (Каинов, Зозуля, 2014, рис. 3: 12; Зозуля, 2015, с. 131). Распространены подобные изделия и в погребальных памятниках Верхнего Поволжья и Приуралья. В частности, они встречены в погр. № 55 2-й пол. X в. Рождественского могильника (Крыласова, 2013, рис. 1а: 213) и погр. № 8 Русенихинского могильника (Никитина, 2018, рис. 14: 29), датированного находкой дирхема 1-й пол. 380-х гг. х. (990-е гг. н. э.) (Мухаметшин, Гомзин, 2018, с. 245).

Наконечник ремня, обнаруженный на разрушенном участке городища Супруты (Колоколов, 2022, рис. 10: 20), изготовлен из согнутой пополам серебряной прямоугольной пластины с четырьмя заклепками для крепления, покрытой тремя рядами пуансонного орнамента в виде «песочных часов» (рис. 3: 14). Изделие, аналогичное данной находке по технике изготовления, морфологии и орнаментике, хотя и имеющее иное функциональное назначение, происходит из могильника Коппарсвик в Висбю (о. Готланд). Это обойма пряжки из погр. № 201, относящегося к

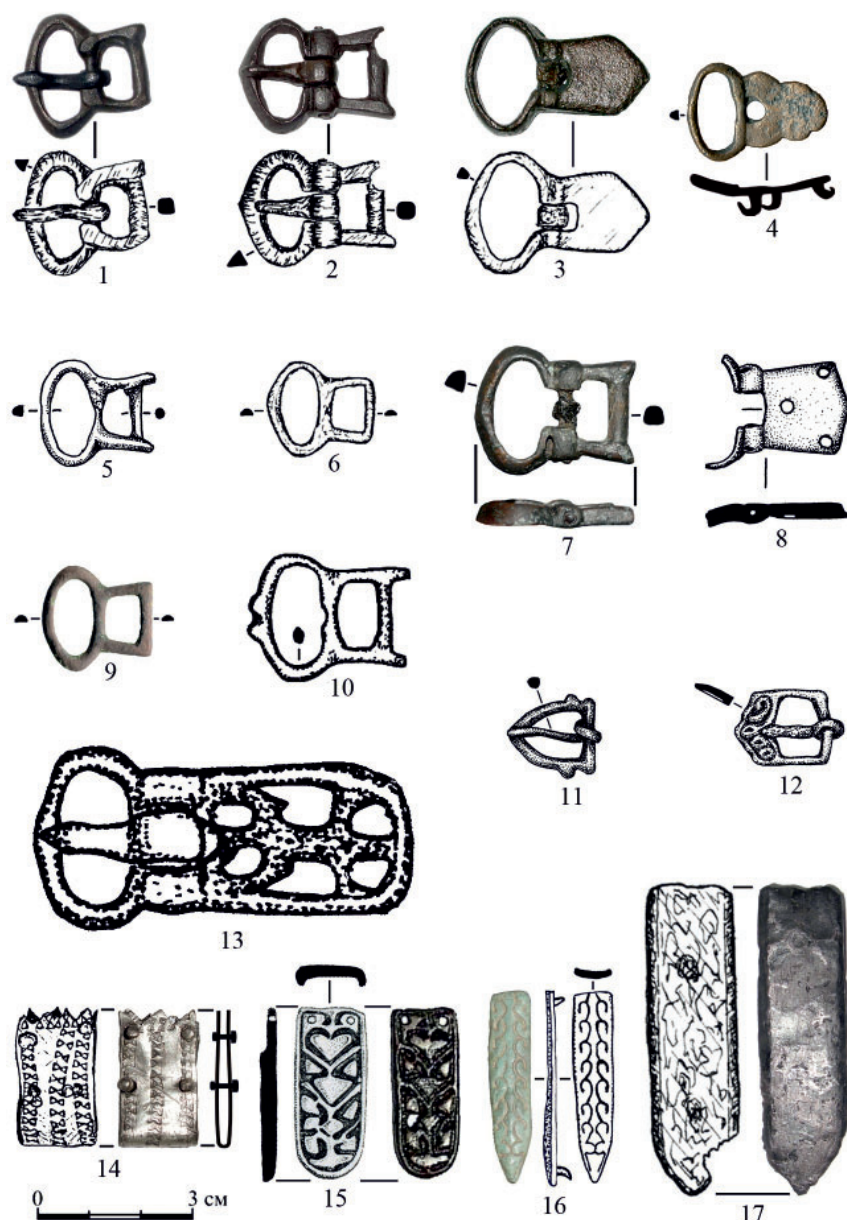

Рис. 3. 1–13 – пряжки; 14–17 – наконечники ремней: 1–3, 5–7, 14, 17 – Супруты; 4 – Никулино; 9 – Вырск; 10, 13 – «Чертово Городище»; 8, 11, 12 – Устье-2; 15 – Торхово-3; 16 – Панское.
1–13, 15, 16 – бронза; 17 – железо; 14 – серебро.

Fig. 3. 1–13 – buckles; 14–17 – belt tips: 1–3, 5–7, 14, 17 – Supruty; 4 – Nikulino; 9 – Vyorsk; 10, 13 – «Chyortovo Gorodishche»; 8, 11, 12 – Ustye-2; 15 – Torkhovo-3; 16 – Panskoje.
1–13, 15, 16 – bronze; 17 – iron; 14 – silver.

фазе II существования могильника (сер. X в. – 980 гг.) (Thunmark-Nylen L., 1995, abb. 326; Matthias S. Toplak, 2016, p. 42, 165; 2016a, p. 212). Приведенная аналогия позволяет отнести супрутскую находку к предметам северо-европейского происхождения.

Еще один наконечник ремня (рис. 1: 53; 3: 16), обнаруженный на месте распаханного кургана у с. Панское (рис. 1: 99) (Колоколов, 2022a, рис. 10: 19), имеет аналогии в древнерусских материалах. Шесть аналогичных

изделий входят в комплекс конского оголовья из погр. в Каменке, на Днепре, которое А.Н. Кирпичников датирует X в. (Кирпичников, 1973, рис. 61: 1, с. 28). В.В. Новиков относит его к XI в. (Новиков, 2009, с. 219). Вероятно, данная находка является одним из наиболее поздних предметов 3-й хронологической группы.

Предложенная периодизация предметов поясной гарнитуры (рис. 4) в целом отражает современное понимание хронологии памят-

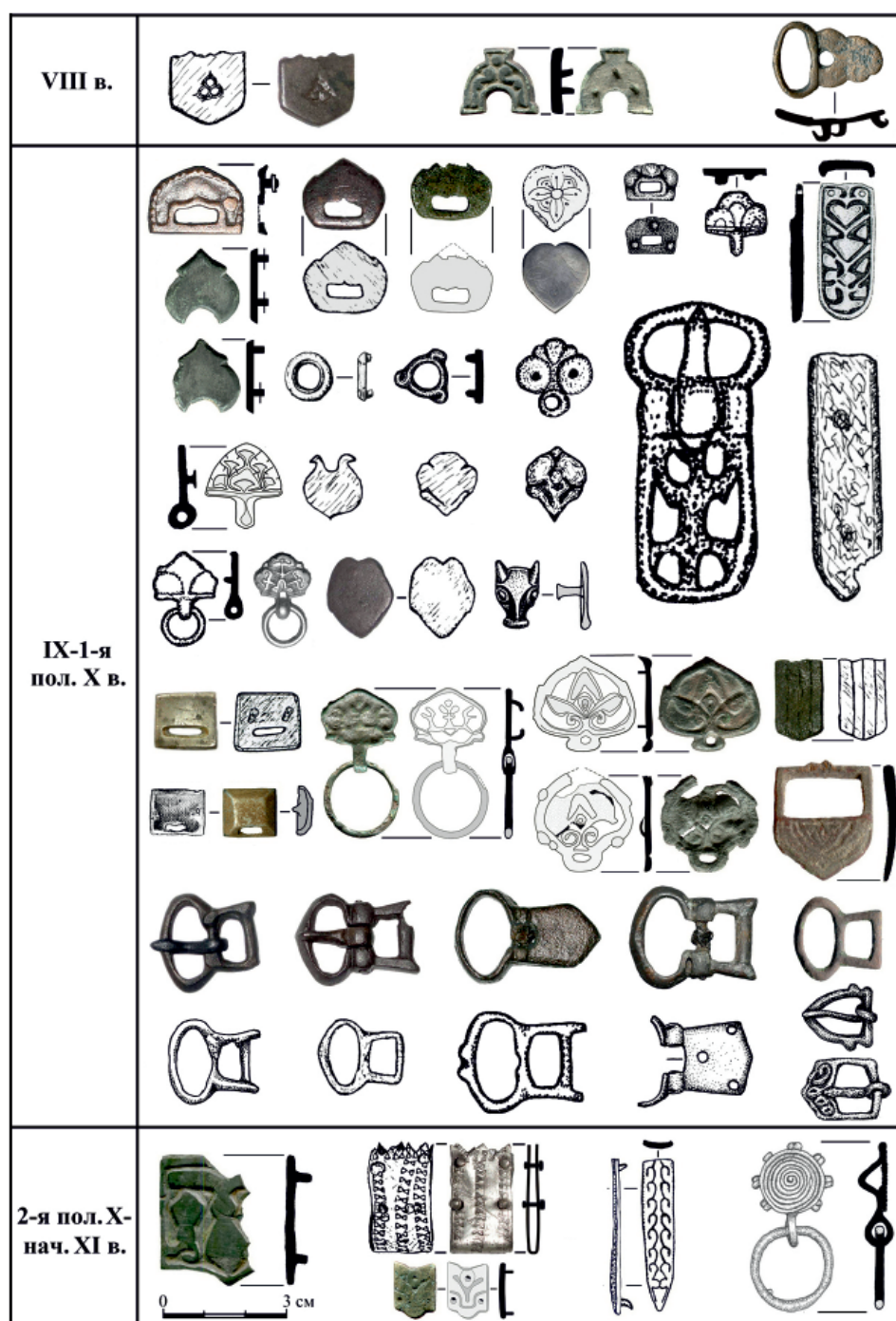

Рис. 4. Хронология предметов поясной гарнитуры с памятников VIII–X вв. Окско-Донского водораздела.

Fig. 4. Chronology of belt set details from the sites of the VIII–X centuries in Oka-Don watershed.

ников VIII–X вв. Окско-Донского водораздела.

Традиционно выделялось три периода бытования славянских древностей региона, датировка которых в последнее время была несколько уточнена: ранний (IX – 1-я пол. X в.), средний (2-я пол. X в.) и поздний (кон. X – 1-я пол. XI в.) (Григорьев, 2005; Колоколов, 2022а). В ходе последних исследований выделены пока немногочисленные материалы

VIII в., связанные с древностями типа сахновки-вольницево (Колоколов, 2022а, с. 186). С этим периодом связаны находки поясных принадлежностей 1-й хронологической группы. Предметов поясной гарнитуры с памятников позднего периода (кон. X – 1-я пол. XI в.) на сегодняшний день не известно.

Предметы 2-й хронологической группы преимущественно происходят с поселений и могильников так называемого раннего перио-

да (IX – 1-я пол. X в.). Они имеют множественные аналогии в материалах салтово-маяцкой КИО и памятников верхнего Поволжья и Приуралья. Вещи 3-й хронологической группы в основном обнаружены на памятниках среднего периода (2-я пол. X в.) и маркируют процесс вхождения региона в культурную среду Древней Руси.

Поскольку четкой границы между этими периодами не существует, в отдельных немно-

гочисленных случаях предметы 2-й хронологической группы встречаются на поселениях 2-й пол. X в. (накладки с городища Лобынское (рис. 3: 22, 23), а в свою очередь предметы 3-й хронологической группы – на памятниках IX – 1-я пол. X в. (наконечник ремня с городища Супруты (рис. 4: 14)). По всей видимости, эти случаи маркируют переход от одного этапа к другому.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. Гнёздовская экспедиция // КСИИМК. Вып. XLIV / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1952. С. 93–103.

Аксенов В.С. Клад кузнеца-ювелира середины VIII в. с территории Харьковщины // РА. 2022. № 1. С. 153–165.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II. // СА. 1971. № 3. С. 106–134.

Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2006 году. Т. 1 // Архив ИА РАН. № 36010.

Воронцов А.М., Модин Р.Н. Древнерусский горизонт городища Акинъшино // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2014. С. 251–264.

Гавритухин И.О. Хронология “среднеаварского” периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 45–162.

Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай / ВАУ. Вып. 3. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск. 1962. С. 7–112.

Гоняный М.И. Предварительные результаты археологических исследований на селище IX – начала X века Устье 2 в верховьях Дона // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья / Отв. ред. А.З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020. С. 62–101.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Куликово поле, 2005. 207 с.

Григорьев А.В. О возможности внутренней периодизации Супрутского городища // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1 / Гл. ред. О.П. Моця. Коростень: Тріада С, 2008. С. 95–99.

Гончаров С.А., Кадиева А.А. Катакомба с поясным набором «общетюркского типа» из могильника Гоуст (по материалам раскопок В.И. Долбежева) // Кавказология. 2020. № 3. С. 48–59.

Екимов Ю.Г., Колоколов А.М. Материалы VIII–X вв. поселения Каменка-1 в меридиональном течении Верхней Оки // Проблемы изучения древнерусских сельских территорий. Тула, 2023. В печати.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Зозуля С.С. О «дружинных» захоронениях в Петровском // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых (Москва, 16–19 марта 2015) / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 130–132.

Каинов С.Ю., Зозуля С.С. Накладки на рукояти мечей (по материалам раскопок Гнёздовского и Петровского некрополей) // “Славяне и иные языки...” / Труды ГИМ. Вып. 198 / Отв. ред. Н.И. Асташова. М.: ГИМ, 2014. С. 132–140.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. 138 с.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки / САИ. Вып. Е 1-2. М.: Наука, 1979. 58 с.

Колоколов А.М., Простяков И.С. Материальная культура горизонта X в. на городище у д. Спицино // Поволжская археология. 2021. №4 (38). С. 50–66.

Колоколов А.М. Находка изделия с зооморфным окончанием из раскопа XXVIII на городище Супруты // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 256–269.

Колоколов А.М. Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. Кн. 1 / Под ред. А.М. Воронцова. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2022а. С. 184–202.

Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Martin Opitz Kiadó, РРКЕВТК Régészettudományi Intézet, МТАВТК Magyar Östörtöneti Támacsoport, 2018. 424 с.

Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2013. № 1 (21). С. 104–115.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Материальная культура среднецентинской мордвы VIII–XI вв. / Ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. 176 с.

Мурашева В.В. Супрутский клад: из раскопок 1969 г. / Труды ГИМ. Вып. 175. М.: ГИМ, 2008. 48 с.

Мурашева В.В., Енисова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. СПб.: Альфарет, 2007. С. 31–77.

Мухаметшин Д.Г., Гомзин А.А. Нумизматический материал из Русенихинского могильника // Археология Евразийских степей. 2018. № 3. С. 242–255.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 408 с.

Никитина Т. Б. Русенихинский могильник / Археология Евразийских степей. 2018. № 3. 240 с.

Новиков В.В. Уздечные наборы на территории Древней Руси в IX–XI вв. (по материалам погребений и поселений). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 365 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Простяков И.С., в подгот. Отчет об археологических разведках на территории г. Тулы, Белевского, Дубенского и Щекинского р-нов Тульской области в 2022 г.

Прошкин О.Л. Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея. 2011. 144 с.

Прошкин О.Л. Кочевнические древности IX–X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки // Археология Подмосковья. Вып. 13 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2017 С. 33–44.

Стоянова Х. Раннесредневековни селища в землищито на с. Жилино, Новопазарска община // Плиска-Преслав, Т. 9. / Отг. ред. Р. Рашев. Шумен: Антос, 2003. С. 109–114.

Тотев Б., Пелевина О. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. Вып. 36 / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-тет, 2005. С. 85–103.

Трофимов Н.Г. Отчет о раскопках Тшлыковских курганов и разведке по р. Снежедь Чернского района Тульской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. №10054.

Флёров К.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 142–199.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

Шебанин Г.А., Колоколов А.М. Материалы IX–X вв. селища Слободка-1 на р. Шат // Проблемы изучения древнерусских сельских территорий. Тула, 2023. В печати.

Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории городища и поселения 1 у с. Супруты Щекинского района Тульской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. № 20226.

Arbman H. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1943. 282 taf.

Matthias S. Toplak. Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Kopparsvik. Studien zu neuen Konzepten sozialer Identitäten am Übergang zum christlichen Mittelalter. PhD diss., Eberhard Karls Universität Tübingen. 2016. 381 p.

Matthias S. Toplak. Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Kopparsvik. Studien zu neuen Konzepten sozialer Identitäten am Übergang zum christlichen Mittelalter. Katalog. PhD diss., Eberhard Karls Universität Tübingen. 2016a. 394 p.

Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands I. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995. 396 p.

Информация об авторах:

Колоколов Александр Михайлович, научный сотрудник, Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (г. Тула, Россия); kam@kulpole.tula.net

REFERENCES

Avdusin, D. A. 1952. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XLIV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93–103 (in Russian).

Aksenov, V. S. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 153–165 (in Russian)

Ambroz, A.K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 106–134 (in Russian).

Vorontsov, A. M. 2006. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na gorodishche Supruty Shchekin'skogo rayona Tul'skoy oblasti v 2006 godu (Report on archaeological studies on Supruty hillfort in Shchyokino district, Tula region, 2006)* 1. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 36010 (in Russian).

Vorontsov, A. M., Modin, R. N. 2014. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Scientific Seminar)* 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 251–264 (in Russian).

Gavritukhin, I. O. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 45–162 (in Russian).

Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Drevneudmurt'skii mogil'nik Mydlan'-Shai (Mydlan-Shai Ancient Udmurt Burial Ground)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 3. Sverdlovsk, 7–112 (in Russian).

Gonyanyy, M. I. 2020. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Vostochnoslavianskiy mir Dnepro-Don'skogo mezhdurech'ya v epokhu srednevekov'ya (The Oriental Slavic World of the Dnieper-Don Interfluvium in the Middle Ages)*. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 62–101 (in Russian).

Grigor'ev, A. V. 2005. *Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I–nachale II tys. n.e. (The Slavic population of the Oka and Don watershed at the end of the 1st – beginning of the 2nd millennium AD)*. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve (in Russian).

Grigor'ev, A. V. 2008. In Motsya, O. P. (ed.). *Starodavniy Iskorosten' i slov'yans'ki gradi (Ancient Iskorosten and Slavic Castles)* 1. Korosten: "Triada S" Publ., 95–99 (in Russian).

Goncharov S.A., Kadieva A.A. 2020. In *Kavkazologiya (Caucasology)* (3), 48–59 (in Russian).

Ekimov, Yu. G., Kolokolov, A. M. In *Problemy izucheniya drevnerusskikh sel'skikh territoriy (Issues of studying of Old Rus rural areas)*. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve. In print (in Russian).

Enukov, V. V. 2005. *Slaviane do Riurikovichei (The Slavs before the Rurik Dynasty)*. Kursk: "Uchitel" Publ. (in Russian).

Zozulya, S. S. 2015. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh (New Materials and Methods of Archaeological Studies: from Criticism of Sources to Generalization and Interpretation of Data)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 130–132 (in Russian).

Kainov, S. Yu., Zozulya, S. S. 2014. In Astashova, N. I. (eds.). *"Slavyane i iny'e yazy'ci..." (The Slavs and other nations...)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 175. Moscow: State Historical Museum. 132–140 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th – 13th Centuries)*. Series: Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–36 (in Russian).

Kovalevskaia, V. B. 1979. *Poiasnye nabory Evrazii IV–IX vv. Priazhki (Eurasian Belt Sets of 4th – 9th Centuries: Buckles)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kolokolov, A. M., Prostyakov, I. S. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 50–66 (in Russian).

Kolokolov, A. M. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 267, 256–269 (in Russian).

Kolokolov, A.M. 2022. In Vorontsov, A. M. (ed.). *Arkheologiya Oksko-Donskogo vodorazdela (Archaeology of the Oka-Don watershed)* 1. Tula: “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, 184–202 (in Russian).

Komar, A. 2018. *Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii (History and Archaeology of the Ancient Hungarians in the Era of Migration)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKÉBTK Régészettudományi Intézet, MTABTK Magyar Östörtöneti Társaság (in Russian).

Krylasova, N. B. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 21 (1), 104–115 (in Russian).

Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Funerary Monuments))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Smirnov, A. P. (ed.). 1969. *Material'naia kul'tura Sredne-Tsninskoi mordvy VIII–XI vv. (Material Culture of the Mordva People on the Middle Tsna River in 8th–10th Centuries)*. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Murasheva, V. V. 2008. *Suprutskiy klad: iz raskopok 1969 g. (Supruty hoard: from 1969 excavations)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 175. Moscow: State Historical Museum (in Russian)

Murasheva, V. V., Eniosova, N. V., Fetisov, A. A. 2007. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gnezdovo. Rezul'taty kompleksnogo issledovaniia pamiatnika (Gnezdovo. Results of a Complex Study of the Monument)*. Moscow: “Al'faret” Publ., 31–37 (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Gomzin, A. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 242–255 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Nikitina, T. B. 2018. *Rusenikhinskiy mogil'nik (Rusenikhino burial ground)* In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (3) (in Russian).

Novikov, V. V. 2009. *Uzdechnye nabory na territorii Drevney Rusi v IX–XI vv. (po materialam pogrebeniy i poseleniy) (Bridle sets on the territory of Old Rus in the IX–XI centuries (based on materials from burials and settlements))* Diss. of Candidate of of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarском погранич'е. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Prostyakov, I. S. 2022. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii g. Tuly, Belevskogo, Dubenskogo i Shchekinskogo r-nov Tul'skoy oblasti v 2022 g. (Report on archaeological surveys in the city of Tula, Belyov, Dubna and Shchyokino districts of the Tula region)*. In preparation. (in Russian)

Proshkin, O. L. 2011. *Chertovo Gorodishche. Osvoenie slavyanami Verkhnego Pooch'ya (Chyortovo Gorodishche. Development of the Upper Oka basin by the Slavs)*. Kaluga: “Zolotaya alleya” Publ. (in Russian).

Proshkin, O. L. 2017. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Scientific Seminar)* 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 33–44 (in Russian).

Stoyanova, Kh. 2003. In Rashev, R. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 9. Shumen: “Antos” Publ., 109–114 (in Bulgarian).

Totev, B., Pelevina, O. 2005. In Stepanenko, V. P. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 36. Ekaterinburg: Ural Federal University, 85–103 (in Russian).

Trofimov, N. G. 1973. *Otchet o raskopkakh Tshlykovskikh kurganov i razvedke po r. Snezhed' Chernskogo rayona Tul'skoy oblasti v 1973 g.* (Report on the excavation of the Tshlykovo barrows and reconnaissance along the Snezhed river in Chern district, Tula region, 1973). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 10054 (in Russian).

Flerov, K. S. 1984. In Pletneva, S. A. (ed.). *Maiatskoe gorodishche (Mayaki Fortified Settlement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 142–199 (in Russian).

Khalikova, E. A., Khalikov, A. Kh. 2018. *Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskiy mogil'nik) (The Early Hungarians on the Kama river and in the Urals (Bolshie Tigany burial ground))*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Shebanin, G. A., Kolokolov, A. M. 2023. In *Problemy izucheniya drevnerusskikh sel'skikh territoriy (Issues of studying of Old Rus rural areas)*. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve. In print (in Russian).

Shekov, A. V. 1995. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii gorodishcha i poseleniya I u s. Supruty Shchekinskogo rayona Tul'skoy oblasti v 1995 g.* (Report on security archaeological investigations on the territory of the hillfort and settlement I nearby the village of Supruty in Shchyokino district, Tula region, 1995). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 20226 (in Russian).

Arbman, H. 1943. *Birka I. Die Gräber. Tafeln*. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.

Matthias S. Toplak. 2016. *Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Kopparsvik. Studien zu neuen Konzepten sozialer Identitäten am Übergang zum christlichen Mittelalter*. PhD diss., Eberhard Karls Universität Tübingen.

Matthias S. Toplak. 2016. *Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Kopparsvik. Studien zu neuen Konzepten sozialer Identitäten am Übergang zum christlichen Mittelalter. Katalog*. PhD diss., Eberhard Karls Universität Tübingen.

Thunmark-Nylen, L. 1995. *Die Wikingerzeit Gotlands I*. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.

About the Author:

Kolokolov Alexander M. Kulikovo Pole State Museum and Reserve, Lenin Ave., 47, Tula, 300041, Russian Federation; kam@kulpole.tula.net

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.282.292>

КОЖЕВЕННО-ПОШИВОЧНЫЕ МАСТЕРСКИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОГО РАЙОНА СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА¹

© 2023 г. Д.Ю. Бадеев, Р.Р. Валиев

Статья посвящена обобщению и анализу материалов, связанных с обработкой сырья и изготовлением изделий из кож, которые происходят с территории Болгарского городища. Планиграфия распределения отходов производства (обрезки кожи) и специализированных инструментов (шилья, раскройные ножи и др.), которые были выявлены на площадке торгово-ремесленного района Болгара в ходе археологических исследований, позволяют выделить как минимум два участка с рядом усадеб, где располагались коженно-пошивочные мастерские. Первый из них исследован в раскопах 18 и СХСII, второй – в раскопе CLXXIX. Датировка данных комплексов возможна в рамках раннего золотоордынского периода – вторая половина XIII – начало XIV в. В иных случаях на раскопах зафиксированы либо отдельные обрезки кожи, либо единичные находки инструментов мастеров по работе с кожей.

Ключевые слова: археология, Средняя Волга, Золотая Орда, ремесло, обувь, седло.

LEATHER AND SEWING WORKSHOPS ON THE TRADE AND CRAFT DISTRICT OF MEDIEVAL BOLGAR²

D.Yu. Badeev, R.R. Valiev

The authors consider results of generalization and analysis of materials related to the treatment of raw materials and manufacturing of leatherware, originating from the territory of the Bolgar fortified settlement. Spatial analysis of the industrial waste allocation (leather scraps) and specialized tools (awls, cutting knives), which were identified at the site of the trade and craft district of Bolgar during archaeological studies, allows the authors to identify at least two zones with a number of estates where leather and sewing workshops were located. The first of them was studied in the excavations 18 and СХСII, the second one – in the excavation CLXXIX. These complexes can be dated within the framework of the early Golden Horde period – the second half of the XIII – beginning of the XIV century. In other cases, either solitary leather scraps, or single findings of tools of masters working with leather were revealed in the excavations.

Keywords: archaeology, Middle Volga, Golden Horde, craft, shoes, saddle.

Коженное производство, изготовление различных изделий из кож являлось одной из ведущих специализаций ремесленников в болгарских городских центрах как домонгольского, так и золотоордынского периодов. До недавнего времени на территории Болгарского городища исследователи выделяли как минимум пять участков, на которых могли располагаться коженно-пошивочные мастерские: в подгорной и заречных частях (раскопы 19, 25, 29, 31), на верхней площадке (раскоп 18), а также в юго-западном районе (раскопы LXVII, LXX) (Хлебникова, 1988, с. 250–251). Раскоп-

ки последних десятилетий XX – начала XXI в. значительно расширили топографию расположения участков, где присутствуют признаки наличия коженно-пошивочных мастерских.

Максимальное количество кожаных обрезков и готовых изделий (более 800 экз.) на территории Болгарского городища происходило с площадки раскопа 18 (1949 г.), при этом обрезки кожи присутствовали, по мнению авторов раскопок, как в домонгольских слоях (XI–XII в.), так в слоях и объектах золотоордынского времени, достигая своего пика в комплексах, отнесенных концу XIII – началу

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье».

² The research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Archaeology RAS "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages".

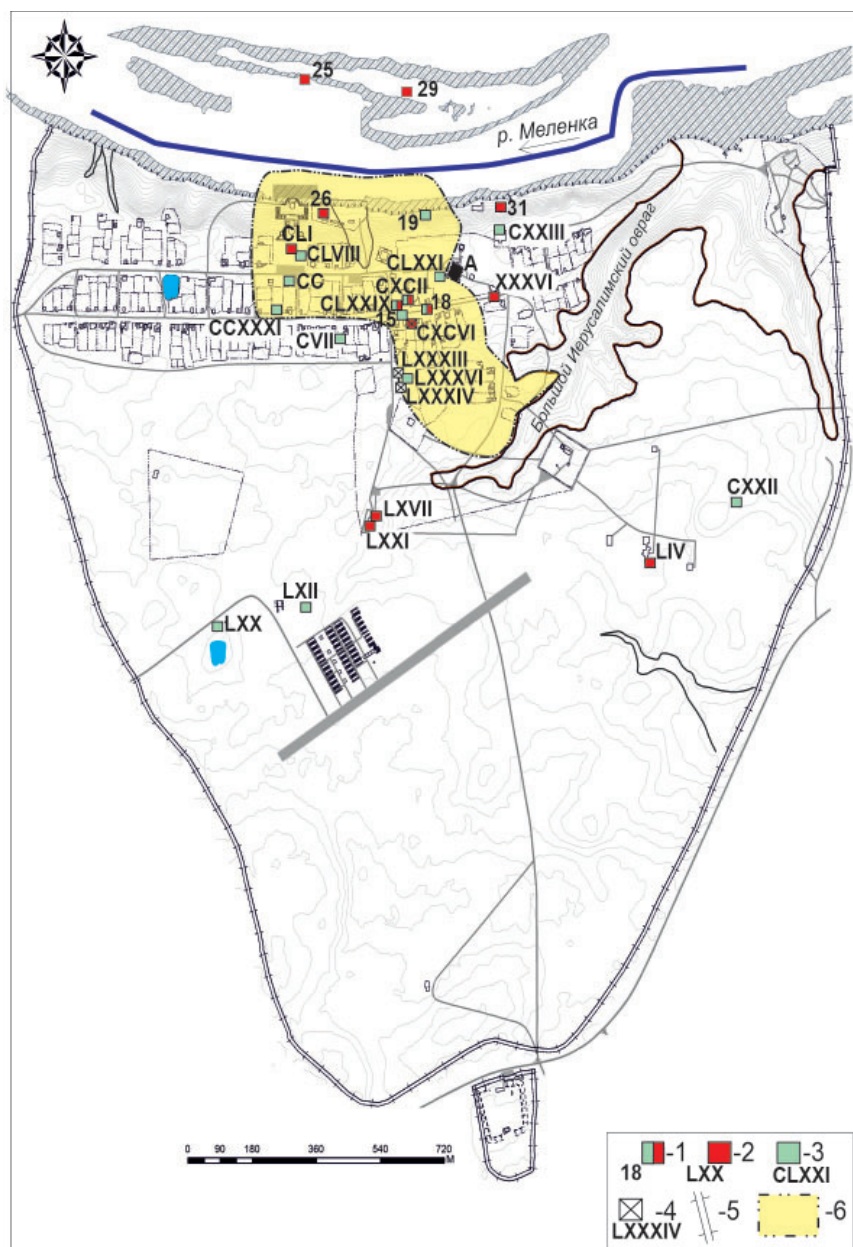

Рис. 1. План Болгарского городища с указанием раскопов, где были выявлены признаки кожевенно-пошивочных мастерских: 1 – раскопы с наличием фрагментов изделий из кожи и ремесленного инвентаря; 2 – раскопы с наличием фрагментов изделий из кожи; 3 – раскопы с наличием ремесленного инвентаря; 4 – раскопы с находками характерными для первичной обработки кож; 5 – линия укреплений середины XIV в; 6 – территория торгово-ремесленного района Болгара середины XIV в.; А – Соборная мечеть).

Fig. 1. Plan of the Bolgar fortified settlement with a pointing to the excavations, where indications of leather and sewing workshops were distinguished: 1 – excavations with the presence of leatherware fragments and handicraft tools; 2 – excavations with the presence of leatherware fragments; 3 – excavations with the presence of handicraft tools; 4 – excavations with finds typical for the primary treatment of leather; 5 – fortified line of the middle of the XIV century; 6 – territory of the trade and craft district of Bolgar in the middle of the XIV century; A – Cathedral Mosque.

XIV в. (Хлебникова, 1988, с. 247, 248). Расположение данного раскопа можно соотнести с участком торгово-ремесленного района, локализованного к западу, юго-западу от Соборной мечети (рис. 1). Район в значительной степени был сформирован в рамках пространства ремесленного участка предмонгольско-

го периода, который располагался между внутренней и внешней линиями укреплений. Границы торгово-ремесленного района определяются по характеру планировки (плотная усадебная застройка), организации производства: мастерская в рамках сравнительно небольшой по размеру городской усадьбы, а

также с учетом окружающего рельефа, расположения городских некрополей второй половины XIII – XIV вв. (Бадеев, 2022, с. 169).

Важно отметить, что удовлетворительная сохранность органики, представленной на раскопе 18 обрезками кожи и изделий из нее в сухом слое, в значительной степени была возможна благодаря соседству с меднолитейным производством, которое в раскопе было представлено большим количеством медных шлаков. Окислы меди выступили в качестве консервантов кожи. Закономерно и то, что количественные пики медных шлаков и обрезков кожи совпадают в рамках одного пласта (Хованская, 1951, рис. 52).

Как показали исследования данной коллекции обрезков и частей готовых изделий, произведенные реставратором ГИМ А.Д. Чиварзиным, в качестве сырья использовались шкуры крупного рогатого скота, а сама мастерская могла специализироваться на производстве и ремонте обуви, изготовлении поясов и сбруи. Важно отметить, что здесь была зафиксирована вся производственная цепочка. Кроме отходов, подготовленного сырья (кусок кожи 40×30 см)¹ и собственно изделий в раскопе присутствовал и характерный для кожевенно-пошивочных мастерских ремесленный инвентарь: «раскроечный нож, медная игла, железное шило четырехгранной формы, обломки точильного камня» (Хованская, 1951, с. 123, 124). Все эти находки были выявлены вблизи или непосредственно при расчистке сгоревшей деревянной постройки (№ 4 по Отчету). Постройка была представлена обугленными плахами, скоплением углей и сильно обугленным зерном и частично сохранившимися «балками настила пола», подполья она не имела. Зафиксированные размеры объекта составили 2×3 м, ориентирован он был по оси северо-восток – юго-запад. Авторами раскопок постройка была интерпретирована как жилище и мастерская «ремесленника-кожевника» и датирована началом XIV в. (Смирнов, 1949, с. 97).

Другие участки, которые были отнесены к возможным местам расположения кожевенно-пошивочных мастерских, дают менее яркий и однозначный материал. Так, в раскопах 25, 26, 29, 31, XXXVI, LIV, LXVII, LXXI, XCV, CVIII, CXXX (рис. 1) были представлены исключительно фрагменты и обрезки кожаных изделий, что не позволяет рассматривать их в

качестве участков расположения кожевенно-пошивочных мастерских, куда логичнее будет определить их в качестве мест сброса ремесленных отходов. Например, на раскопах в подгорной и заречной частях города (раскопы 29, 31) скопления обрезков кожи (622 куски) происходили не только из слоя остатков домов, но и присутствовали в заполнении колодцев, связанных с постройками общественных бань (Хлебникова, 1988, с. 248). Схожая ситуация, но с меньшим количеством находок фрагментов кожаной обуви была зафиксирована и при исследовании колодцев еще двух бань – бани № 2 (раскоп 26) и Белой палаты (раскопы LXVII, LXXI).

В ряде случаев (раскопы 15, 19, LXII, LXX, CVII, CLVIII, CLXXI, CXXII, CXXIII, CC, CCXXXI) напротив, при полном отсутствии отходов, заготовок или самих изделий из кожи сделаны отдельные находки, которые можно отнести к инструментарию ремесленника, занимающегося изготовлением или починкой изделий из кожи (рис. 1). Учитывая тот факт, что сухой слой верхней площадки Болгарского городища не способствует сохранению органики, будет неправильным исключать возможность существования кожевенно-пошивочных мастерских на данных участках средневекового Болгара, но определить характер производимых здесь работ не представляется возможным. Благодаря исследованиям последних лет топография специализированных инструментов, относящихся к инвентарю мастеров по изготовлению изделий из кожи, значительно расширилась. Среди данных инструментов прежде всего следует выделить находки ножей для раскроя кожи, от лезвия которых перпендикулярно отходит нерабочая часть, или «тело», переходящее в рукоять. Данные ножи имеют лезвия трех вариантов, различающиеся по форме рабочей части: сегментовидная или дуговидная с оттянутыми концами (рис. 2: 1), секировидная (рис. 2: 2–4) и закругленная (рис. 2: 5–9). Нерабочая часть, или «тело», отходящее от лезвия длиной 4,5–5,3 см, в разрезе прямоугольной формы, имеет «горбатую» спинку, выше которой располагается ярко выраженный двусторонний уступ, переходящий в черенок прямоугольного сечения длиной 1,3–5 см, на него насаживалась рукоять. Такая конструкция лезвия и рукояти ножа позволяет мастеру раскраивать детали в несколько слоев кожи,

Рис. 2. Ножи для раскроя кожи: 1 – раскоп СХСII; 2 – раскоп СС; 3 – подъемный материал; 4 – раскоп CLXXI; 5, 10, 11 – раскоп CLXXIX; 6 – раскоп CLVIII; 7 – раскоп ССXXXI; 8 – раскоп CVII; 9 – раскоп СХХIII; все – железо.

Fig. 2. Leatherwork cutting knives: 1 – excavation СХСII; 2 – excavation СС; 3 – surface finds; 4 – excavation CLXXI; 5, 10, 11 – excavation CLXXIX; 6 – excavation CLVIII; 7 – excavation ССXXXI; 8 – excavation CVII; 9 – excavation СХХIII; all – iron.

Аналогичные ножи были широко распространены в золотоордынских городах. Они известны с Водянского городища (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 139, табл. II: 11; VI: 7) и Азака (Бочаров, Масловский, 2015, с. 9, рис. 1: А–Е). В Азаке они имеют широкую топографию распространения, и в некоторых случаях найдены совместно с отходами косторезного производства, по мнению исследователей, указывающими на производство седел. При этом в Азаке и крымских городах другие типы ножей практически не представлены (Бочаров, Масловский, 2015, с. 9). Подобные ножи широко использовались в древнем мире с эпохи бронзы и Античности. В Западной Европе они применялись

срезать края кожи, а также подрезать и стачивать (уменьшать) толщину кожного листа. На Болгарском городище известно девять экземпляров подобных ножей: один экземпляр происходит со сборов подъемного материала без указания конкретного места, один обнаружен при раскопках «ханского дворца» (раскоп СХХIII), остальные (7 экз.) концентрируются к юго-западу и западу от центрального архитектурного комплекса (раскопы CVII, CLVIII, CLXXI, CLXXIX, СХСII, СС, ССXXXI) – в границах торгово-ремесленного района или в непосредственной близости. Важно отметить, что на территории Болгарского городища ножи подобных форм не встречаются в комплексах, датированных временем ранее XIV в.

Рис. 3. Шилья сапожные: 1–8 – односторонние черешковые с округлым сечением рабочей части; 9–14 – двусторонние ромбовидного и округлого сечений; 3, 6, 8, 14 – раскоп CLXXIX, 1, 2, 4, 5, 7, 9, 10–13 – раскоп СХСII; 1–7, 9–14 – железо, 8 – железо и кость.

Fig. 3. Cobbler's awls: 1–8 – one-sided tanged with a round section of the working part; 9–14 – double-sided diamond-shaped and round sections; 3, 6, 8, 14 – excavation CLXXIX; 1, 2, 4, 5, 7, 9, 10–13 – excavation СХСII; 1–7, 9–14 – iron; 8 – iron and bone.

до начала XX в. (Поварнин, 1902, с. 94, рис. 23: и, х; Трубникова, 1947), а на территории России повторно получили распространение в XVIII в. под влиянием западноевропейского кожевенного производства (Зыбин и др., 1982, с. 11; Осипов, 2006, с. 63).

Прочие находки инструментов, которые могли относиться к кожевенно-пошивочным мастерским, с территории Болгарского городища были представлены еще одним типом ножей для раскроя с клинком по всей ширине, опущенным ниже оси лезвия и плавно закругляющимся (Савченкова, 1996, с. 28–30, рис. 10: 3). Кроме того, с инструментарием ремесленников было связано несколько типов железных шильев: двухсторонние ромбовидного и округлого сечений, односторонние черешковые с округлым сечением рабочей части (рис. 3). Для сшивания деталей обуви и других изделий применялись различного размера иглы железные, медные и костяные (рис. 4: 1–8).

В качестве вспомогательных предметов для сшивания использовались наперстки медного сплава усечено-конической формы (рис. 4: 10–12). Для плетеных изделий из кожи, например лаптей, находки которых широко известны с территории средневековых русских городских центров, в том числе Свяжска (Абдуллин и др., 2014, с. 286), могли применяться и кочедыки, изготовленные из костей животных, рыб, а также из железа (рис. 5). Они также встречаются среди археологических материалов с территории Болгарского городища в слоях как домонгольского времени, так и золотоордынского периода. Учитывая тот факт, что использование плетеной обуви не было присуще болгарской обувной традиции (или нам о ней пока ничего не известно), данный тип инструмента мог использоваться для изготовления кнутов, плетей, а также плетения бытовых предметов из лыка: корзин, лукошек, коробов, что подтверждается находками готовых изделий, в том числе с домонгольских болгарских селищ (Руденко, 2022, с. 266).

Весь представленный спектр рабочего инструмента был выявлен в ходе исследований последних лет в рамках раскопок CLXXIX, СХСII, которыми исследованы остатки монументального здания городского базара середины XIV в, а также определены границы и размеры нескольких усадеб второй

Рис. 4. Инструменты ремесленника: иглы, наперстки, шарнирные ножницы: 1–9 – иглы; 10–12 – наперстки; 13 – ножницы; 1–7, 9, 13 – железо; 8 – кость; 10–12 – медный сплав; 1, 5 – раскоп CLXXIX, 2–4, 6, 7, 9–13 – раскоп СХСII).

Fig. 4. Craftsman's tools: needles, thimbles, shears: 1–9 – needles; 10–12 – thimbles; 13 – shears; 1–7, 9, 13 – iron; 8 – bone; 10–12 – copper alloy; 1, 5 – excavation CLXXIX; 2–4, 6, 7, 9–13 – excavation СХСII).

половины XIII–XIV вв., на которых были локализованы косторезное, меднолитейное, ювелирное производства, мастерские по обработке стекла и янтаря (Бадеев, 2021). Данные раскопы располагались в 20–40 метрах к западу, северо-западу от упомянутого выше раскопа 18. Характерный ремесленный инструментарий, а также фрагменты изделий и заготовок из кожи позволяют рассматривать на их территории и существование кожевенно-пошивочных мастерских. Так, с площадки раскопа СХСII происходили находки 26 шильев различных типов, преобладающими являлись предметы ромбовидного сечения (16 экз.). В заполнении погребца конца XIV – начала XV в. был выявлен нож для раскроя кожи со следами деревянной рукояти (рис. 2: 1). Заслуживает внимание и большое количество железных игл, в том числе целый набор (более 90 шт.), который был найден единым массивом и, вероятно, был завернут в ткань, о

Рис. 5. Кочедыки: 1–5 – кости животных; 6–7 – рог; 8–10 – кости рыб; 11–13 – железо; 2, 3, 7, 9, 13 – раскоп CLXXIX; 1, 4–6, 8, 10–12 – раскоп СХСII.

Fig. 5. Kochedyks (tools for making bast shoes): 1–5 – bone; 6–7 – horn; 8–10 – fish bone; 11–13 – iron; 2, 3, 7, 9, 13 – excavation CLXXIX; 1, 4–6, 8, 10–12 – excavation СХСII.

чем свидетельствуют ее отпечатки на окислах находки (рис. 4: 9). Происходит находка набора игл из слоя начала XIV в. Прочий инвентарь ремесленника представлен шарнирными ножницами – 5 экз. – (рис. 4: 13) и наперстками – 4 экз. (рис. 4: 10–12). Имеются с площадки раскопа СХСII и находки обрывков, фрагментов кожаных изделий (13 экз.), все они происходили из прослоек IV раннего золотоордынского слоя в рамках участков 2015, 2017 г. (рис. 6: 1). Среди этих находок выделяется фрагмент богато расшитой детали обуви, скорее всего головки сапога (раскоп СХСII–2015 г. № 938 по описи). На фрагменте размерами 7×7,5 см отчетливо фиксируется сочетание двух цветов: на основу (толщина 2 мм) коричневого (в настоящий момент) цвета металлической нитью или проволокой, изготовленной из медного сплава, пришта аппликация зеленого цвета толщиной до 0,5 мм. Узор оформлен в виде тюльпанов и отходящих от них растительных побегов (рис. 6: 2). Подобный орнамент, выполненный в аналогичной технике, встречается на различных изделиях, в том числе с Болгарского городища известна еще одна находка фрагмента обуви с накладным орнаментом «в виде вьющегося побега с пятилистниками», «вышитым по краю медной нитью» (Баранов и др., 2016, с. 247, рис. 22.7.7), имеется он и на кошельке из ткани с вышивкой шелковыми нитями, хранящейся в Государственном Эрмитаже, и является характерным узором волжских болгар золотоордынского периода (Валева, 2003, с. 66). Происходила находка из нижней части заполнения подвала (яма 68) размерами 5×5 м, датированного в рамках раннего золотоордынского периода (конец XIII – начало XIV вв.). Находки, связанные с кожевенно-пошивочными мастерскими, происходили из всех слоев и комплексов, относящихся к золотоордынскому периоду. К сожалению, локализовать мастерскую до размеров конкретной усадьбы пока не представляется возможным, во многом это связано с плохой сохранностью органики и сильной переотложенностью

материалов ввиду активной хозяйственной деятельности на данном участке средневекового города.

Следы еще одной мастерской фиксируются и в юго-западной части раскопа CLXXIX. Так, в прослойках и заполнении заглубленных объектов второй половины XIII – начала XIV в., а также в переотложенном состоянии было выявлено 10 железных шильев, большинство составляли черешковые – 7 экз., шилья ромбовидного сечения были представлены 3 экз., раскройные ножи двух типов – 4 экз., один из них сохранил наборную рукоять из дерева и кости (рис. 2: 10), а также присутствовало 3 экз. шарнирных ножниц и 1 наперсток. Отмечены здесь и фрагменты кожаной обуви (около 10 экз.), которые могли быть использованы в качестве вторичного сырья для ремонта других изделий. Максимальное скопление – 6 фрагментов – происходило из прослойки нижней части золотоордынского

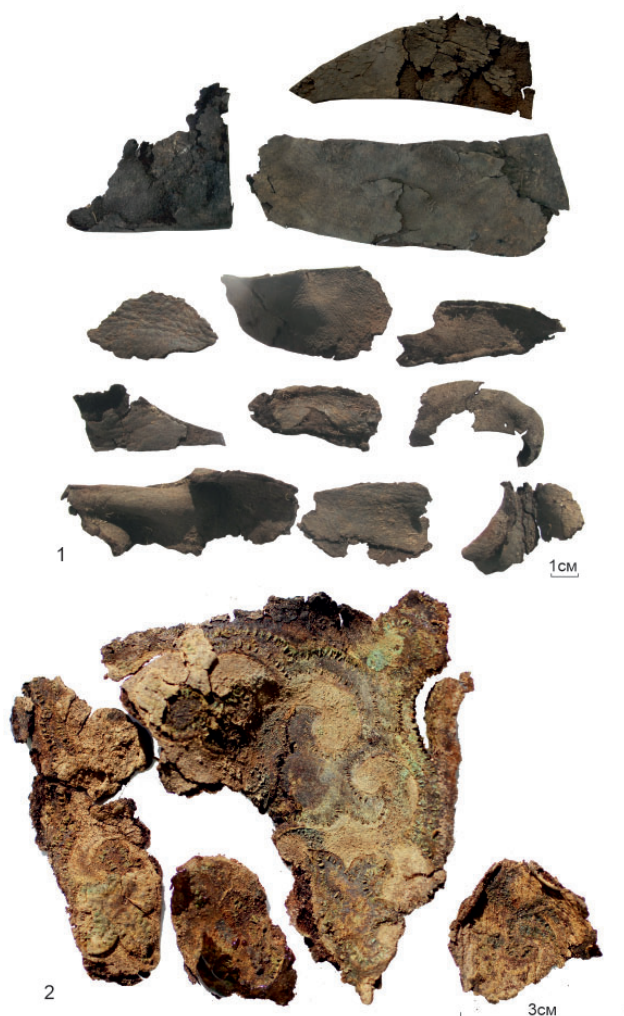

Рис. 6. Фрагменты изделий из кожи с раскопа СХСІ.
Fig. 6. Fragments of leatherware from the CXCI excavation.

слоя (раскоп CLXXIX, участок «С», квадрат 184), среди них: 1) верхняя часть голенища сапога с тачным швом (размеры 17×11,2 см, толщина 0,8 мм), кожа хорошо продублена, не имеет расслоений; 2) обрезок изделия со следами тачного и выворотного швов (размеры 7,8×5,4 см, толщина 1,8 мм), кожа хорошо продублена, не имеет расслоений; 3) обрезок изделия со следами тачного шва (11,8×4,8 см, толщина 1–1,3 мм), кожа расслаивается; 4) фрагмент изделия, возможно флика внутреннего каблука, со следами сквозного и переметного швов (7,7×3,6 см, толщина 1,4 мм); 5) фрагмент подошвы со сквозным швом (5×1,8 см, толщина 1 мм); 6) обрезок изделия со следами тачного шва (5×5 см, толщина 1,7 мм). Все определяемые фрагменты относились к коже крупного рогатого скота. Хорошую сохранность имела нижняя часть обуви (сапога?), которая происходила с участка

Рис. 7. Нижняя часть обуви (сапога).
Fig. 7. The lower part of the shoes (boots).

«С» раскопа CLXXIX из просадки прослоек раннего золотоордынского слоя в зерновую яму домонгольского периода (рис. 7). Как и в случае с раскопом 18, сохранность кожи во многом была определена тем, что горизонт существования кожевенно-пошивочной мастерской был перекрыт значительным количеством медного шлака, который происходил из меднолитейной мастерской, функционировавшей на данных усадьбах в начале XIV в. (Бадеев, Коваль, 2018, с. 277).

Нельзя исключать того, что кожевенно-пошивочная мастерская в этой части городища в том или ином виде продолжала существовать вплоть до 60-х годов XIV столетия и функционировала на одной из усадеб совместно с косторезным производством. Наличие мастеров этих двух специальностей было просто необходимо для изготовления таких сложных предметов, как седла. О существовании подобной мастерской свидетельствует находка трех костяных седельных кантов (накладок), «сломавшихся во время изготовления», а также четырех готовых изделий, «которые, исходя из степени их сохранности, так и не были использованы» (Яворская, Бадеев, 2019, с. 219, рис. 5).

Подтверждением сотрудничества мастеров, связанных с обработкой кожи и кости может выступить и еще один факт. Так, если участки, на которых располагались мастерские по обработке шкур и выделки кож в Болгаре, пока не обнаружены, то место, где мог осуществ-

вляться специализированный забой домашнего рогатого скота с последующим снятием шкур и отбором поделочной кости для нужд косторезных мастерских, было связано с юго-западной периферией торгово-ремесленного района. Об этом свидетельствует анатомический набор скелетных остатков животных, происходивший из раскопов в данной части городища. Так, на раскопе СХСХVI, практически примыкавшем с юга к раскопу 18, обнаруживается не просто высокая плотность наполнения костными остатками культурного слоя раннеордынского горизонта (вторая половина XIII – начало XIV вв.), но и специальный отбор лишь конкретной анатомической части – бараньей лопатки. В первую очередь это «скопление от первичного забоя скота» можно отнести к косторезным мастерским, располагавшимся в торгово-ремесленном районе золотоордынского Болгара, однако, как показывают схожие скопления, только с завышенными показателями в анатомическом наборе мелкого рогатого скота остатков голов (черепов и нижних челюстей) и метаподий из Азака и Маджара, их можно соотнести и с еще одним производством изделий из животного сырья – первичной обработкой шкур и кож (Яворская, 2019, с. 562–564). Логичным будет предположить, что место, где производился первичный забой скота в Болгаре, являлось площадкой для заготовок не только для нужд косторезов, но и для тех, кто занимался отбором и первичной заготовкой шкур и кож для их дальнейшей обработки или продажи. С этого же СХСХVI раскопа происходило около трех десятков фрагментов «археологической кожи» (Ситдииков, 2016; 2016а). Они были представлены девятью первичными обрезками от раскроя кожного листа, девятью обрезками раскроя деталей от изношенных изделий и девятью фрагментами изделий. Если первичные обрезки выделяются отсутствием следов от шва и не имеют потертостей, то вторая категория находок, наоборот, определяется наличием пошивочных швов, некоторой степенью изношенности и ровным краем от повторного раскроя, среди них имеется обренок от задней половины голенища сапога с характерными следами от швов кармана задника. В третью категорию находок выделены изделия со следами от швов и неровны-

ми краями от разрыва изделий. Вследствие плохой сохранности и фрагментарности находок детальное описание представляется сложным.

Можно предполагать, что площадка «первичного забоя скота» и связанные с этим процессы и мастерские по обработке шкур на протяжении первой половины XIV в., вслед за ростом территории города, постепенно смещались к югу, в сторону верховьев Большого Иерусалимского оврага, вдоль по намеченной здесь магистральной улице, которая вела к южной периферии города (Бадеев, 2017, с. 31, рис. 1). О таком «движении» подобных «площадок» и связанных с ними ремесел по выделке и первичной обработке шкур и кож животных можно судить по всё тем же «ремесленным скоплениям» бараньих лопаток в раскопах LXXXIII и LXXXIV, расположенных в 120–200 метрах к югу (Аксенова и др., 1983, с. 15), а также по находке обломка конской метаподии, на плантарную сторону диафиза которого были нанесены частые глубокие пересекающиеся бороздки в виде сетки (раскоп LXII, 1979 г., исследователь М.Д. Полубояринова). Поверхность кости со стороны бороздок «залощена». Данный предмет И.А. Закирова интерпретировала как орудие для тиснения кожи, как считалось ранее (Закирова, 1988, с. 223, рис. 98: 10). Однако здесь более уместно предположение В.Е. Флеровой, которая в аналогичных предметах с территории Саркела видела изделия для разминания кожи (Флерова, 2001, с. 86, 87).

Таким образом, наибольшее количество участков с признаками наличия кожевенно-пошивочных мастерских относится к торгово-ремесленному району золотоордынского Болгара. Можно утверждать, что среди этих мастерских присутствовали как производства по пошиву обуви, так и производства, работа которых требовала более сложной организации труда, где трудились не только специалисты по работе с кожей, но и мастера-косторезы. К подобным производствам могла относиться мастерская по производству седел, признаки функционирования которой были зафиксированы на раскопе CLXXIX. Датировка данной мастерской возможна в широких рамках позднего золотоордынского слоя.

Примечания:

¹ Данные размеры куска кожи фигурируют в ряде публикаций, однако в соответствующем Отчете размеры обозначены как 20×30 см (Смирнов, 1949, с. 97).

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин Х.М., Визгалова М.Ю., Ситдииков А.Г., Старков А.С., Федотова Ю.В., Храмченкова Р.Х. Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свияжска и Казани) // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 277–290.

Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отчет об археологических исследованиях Болгарского городища в 1982 году. Т. III. Болгары, Казань, Москва, 1983 // Архив ИА РАН, Р-1, № 9809.

Бадеев Д.Ю. Динамика изменений социальной топографии города Болгара второй половины XIII – начала XV в. // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). Т. 4 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 165–174.

Бадеев Д.Ю. Ремесленная специализация усадеб в центральной части золотоордынского Болгара // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 8–19.

Бадеев Д.Ю. Улицы средневекового Болгара // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 24–35.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т.2. История тюрко-болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Письменные источники об итальянской торговле коже в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 7–11.

Валеева Д.К. Искусство волжских болгар периода Золотой Орды (XIII – XV вв.). Казань: Фикер, 2003. 239 с.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 108–167.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 218–241.

Зыбин Ю.П., Ключникова В.М., Кочеткова Т.С., Фукин В.А. Конструирование изделий из кожи: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям "Конструирование изделий из кожи", "Технология изделий из кожи". М.: Легкая и пищевая промышленность, 1982. 264 с.

Осипов Д.О. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. / Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН, 2006. 202 с.

Поварнин Г.Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. Ч. 1. История и техника производства. Спб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 329 с.

Руденко К.А. О ремесленном производстве на болгарских селищах IX – начала XIII в. // Археология Евразийских степей. 2022. № 5. С. 254–270.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ, 1996. С. 5–88.

Ситдииков А.Г. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп СХСVI) в 2015 г. Том IV. Иллюстрированная опись индивидуальных находок (№№ 1-1199). Казань, 2016 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.436.

Ситдииков А.Г. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп СХСVI) в 2015 г. Том V. Иллюстрированная опись индивидуальных находок (№№ 1200-2200). Казань, 2016а // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.437.

Смирнов А.П. Отчет Болгарской археологической экспедиции ИИМК, ГИМ, Музея ТАССР. 1949 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 335.

Трубникова Н.В. К вопросу о назначении «кобанских сечек» // КСИИМК. Вып. XVIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 49–53.

Хлебникова Т.А. Кожевенное дело // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 242–252.

Хованская О.С. Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. Вып. XXXVIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 120–127.

Флёрова В.Е. Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 210–225.

Яворская Л.В. Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Кишинёв, Казань: Stratum Plus, 2019. С. 553–567.

Информация об авторах:

Бадеев Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vrr80@yandex.ru

REFERENCES

Abdullin, Kh. M., Vizgalova, M. Yu., Sitdikov, A. G., Starkov, A. S., Fedotova, Yu. V., Khrumchenkova, R. Kh. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (9), 277–290 (in Russian).

Aksenova, N. D., Poluboiarinova, M. D., Khlebnikova, T. A., Sharifullin, R. F. 1983. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Bolgarskogo gorodishcha v 1982 godu (Report on Archaeological Studies of Bolgar Fortified Settlement in 1982)* III. Bolgar, Kazan, Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 9809 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2022. In Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepey (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022))*. 4. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 165–174 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2021. In *Arheologiya Evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (6), 8–19 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2017. I In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 22 (4), 24–35 (in Russian).

Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 270–289 (in Russian).

Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei Bolgarskoi tsivilizatsii. Istoriya tyurko-bolgarskoi tsivilizatsii (Museum of Bulgarian Civilization. History the Turkic-Bulgarian civilization)* 2. Kazan: Glavdizain Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovsky, A. N. 2015. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 157. Book 3, 7–11 (in Russian).

Valeeva, D. K., 2003. *Iskusstvo volzhskikh bulgar perioda Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.) (Art of the Volga Bulgars of the Golden Horde Period (13th–15th cc.))*. Kazan: “Fiker” Publ. (in Russian).

Egorov, V. L., Fedorov-Davydov, G. A. 1976. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 108–167 (in Russian).

Zakirova, I. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 218–241 (in Russian).

Zybin, Yu. P., Klyuchnikova, V. M., Kochetkova, T. S., Fukin, V. A. 1982. *Konstruirovaniye izdeliy iz kozhi (Designing of leatherware)*. Moscow: “Legkaya i pishchevaya promyshlennost” Publ. (in Russian).

Osipov, D. O. 2006. *Obuv' moskovskoi zemli XII–XVIII vv. (Footwear of the Moscow Land, the 12th–18th Centuries)*. Series: Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy (Materials of preventive archaeological research) 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Povarnin, G. G. 1912. In *Ocherki melkogo kozhevennogo proizvodstva v Rossii (Essays on small-scale leather industry in Russia)*. Part. 1. Saint Petersburg: “Tipografiya V.F. Kirshbauma” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A., 2022. In *Arheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (5), 254–270 (in Russian).

Savchenkova, L. L., 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan Publ., 5–88 (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2016. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche (raskop CXCVI) v 2015 g. (Report on archaeological excavations on the Bolgar fortified settlement (excavation XXVI) in 2015)*. Vol. IV. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 436 (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2016. *Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche (raskop CXCVI) v 2015 g. (Report on archaeological excavations on the Bolgar settlement (excavation XXVI) in 2015)*. Vol. V. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 437 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1949. *Otchet Bolgarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK, GIM, Muzeya TASSR. 1949 g. (Report of the Bolgar archaeological expedition IHMC, SHM, Museum TASSR)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1. R-1, no. 335 (in Russian).

Trubnikova, N. V. 1947. In Udal'sov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* (18). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 49–53 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 242–252 (in Russian).

Khovanskaya, O. S. 1951. In Udal'sov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 38. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 120–127 (in Russian).

Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo I remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ. (in Russian).

Yavorskaya L. V., Badeev, D. Yu., 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 210–225 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaya Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 553–567 (in Russian).

About the Authors:

Badeev Denis Yu., Candidate of Historical Sciences, Research Scientist, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Valiev Renat R., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.293.310>**ВАЛЫ И РВЫ ТИГАШЕВСКОГО ГОРОДИЩА¹**

© 2023 г. В.Ю. Коваль

Проанализированы материалы раскопок 1950-х гг. на городище волжских булгар, расположенном на территории современной Чувашии, датированном X–XIII вв. и являвшемся остатками святилища (позже феодального замка). Установлено, что этапность перестроек городища была не совсем такой, как это представлялось его исследователям. На первом этапе это было языческое святилище, которое не имело фортификации, но при перестройке было окружено неглубоким рвом. На втором этапе, связанном с принятием ислама булгарами, святилище было ликвидировано, ров засыпан, а на площадке поставлены жилые дома, вокруг которых построены укрепления, состоявшие из двух линий валов и рвов. Во внутреннем валу сохранились остатки конструкции из «обожженной глины», назначение которой осталось неясно. Фортификация этого памятника требует изучения на современном методическом уровне.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Средневековье, Чувашия, фортификация.

**RAMPARTS AND DITCHES
OF THE TIGASHEVO FORTIFIED SETTLEMENT²**

V.Yu. Koval

The authors analyze the materials of the excavations in 1950 on the fortified settlement of the Volga Bulgars, located on the territory of modern Chuvashia and dated to the X–XII centuries. It was the remains of a sanctuary (later a feudal castle). It is found out that the stages of rebuilding of the fortified settlement were not what it was seemed to be to its researchers. At the first stage it was a pagan sanctuary which was not fortified, but during the reconstruction it was surrounded by a shallow moat. At the second stage, connected with adoption of Islam by the Bulgars, the sanctuary was destroyed, the moat was filled up and residential houses were built on the site, around which the fortifications consisting of two lines of ramparts and fosses were constructed. In the inner rampart there are remains of "baked clay" structure which purpose remains unclear. Fortification of this monument requires study at the modern methodical level.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Middle Ages, Chuvashia, fortification.

Тигашевское городище, расположенное на западной окраине села Тигашево в Батыревском районе Республики Чувашия (тогда – Чувашской АССР), исследовалось археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова на протяжении трех полевых сезонов в 1956, 1958 и 1959 гг. (Смирнов, 1958; 1961) За три года раскопок на памятнике была вскрыта площадь 5568 кв. м (рис. 1). Фактическое руководство раскопками осуществлял Г.А. Федоров-Давыдов, подготовивший как отчеты о раскопках, так и вышедшие впоследствии статьи об этом интересном памятнике, расцененном в качестве остатков языческого святилища волжских булгар, затем использовавшегося как феодальный замок, который со

временем трансформировался в укрепленное поселение с усадьбами ремесленников (Федоров-Давыдов, 1958; 1960; 1962). Датировка памятника была определена руководителями раскопок в интервале X–XI вв. В данной работе предпринята попытка анализа данных о тех сооружениях городища, которые в публикациях были отнесены к числу фортификационных.

Раскопки валов и рвов городища проводились в первый и последний годы раскопок – в 1956 и 1959 гг. (Смирнов, 1959; Федоров-Давыдов, 1956; 1959). Сохранились эти сооружения очень плохо: даже самые высокие валы были ниже роста человека (рис. 2), а на некоторых участках они вообще были едва

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

²The research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Archaeology RAS on the topic "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages" (No. R&D 122011200266-3).

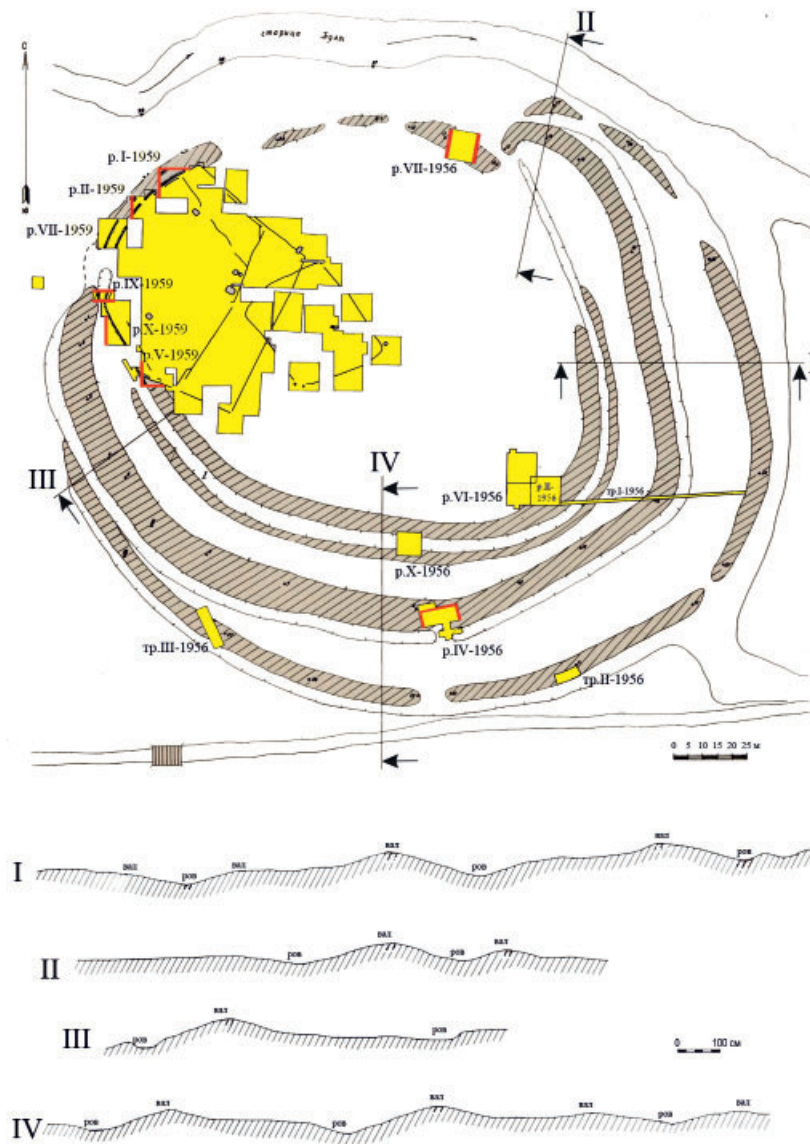

Рис. 1. План Тигашевского городища и «сечения» современной поверхности его валов и рвов (по: Смирнов, 1956, рис. 4; 1959, рис. 1; Федоров-Давыдов, 1962, рис. 6). Красными линиями отмечены наиболее важные профили раскопов, рассматриваемые в статье. Подписаны только раскопы, упоминаемые в тексте статьи.

Fig. 1. Plan of the Tigashevo fortified settlement and "sections" of the modern surface of its ramparts and moats (by: Smirnov, 1956, fig. 4; 1959, fig. 1; Fyodorov-Davydov, 1962, fig. 6). The most important excavation profiles considered in the article are marked with red lines. Only the excavations considered in the article are signed.

заметны. Топографический план памятника не снимался, имеется только схема с обозначением трасс валов и рвов (рис. 1).

При публикации результатов раскопок основное внимание было уделено материальным остаткам (находкам и керамике), а также следам святилища, которое было идентифицировано по обширной незастроенной площади в северо-западной части городища, где были обнаружены только канавки от нескольких рядов дощатых заборов, ограничивавших сакральную территорию. Фортификации

городища также было уделено внимание в публикациях, но полевая документация сохранилась, к сожалению, фрагментарно. В архиве Института археологии РАН хранятся лишь отдельные чертежи раскопок на ватманских листах, а также иллюстративный альбом с избранными фотографиями этих чертежей. Натурные профили раскопок, вероятно, не фотографировались, во всяком случае ни одна фотография этих профилей в отчет не попала. Полностью отсутствует в отчетах документация по траншее III (1956 г.), план раско-

па X (1959 г.), все чертежи раскопок II и VI (1956 г.), XIII (1959). Тексты отчетов практически не отличаются от текстов статей, в которых нет подробного описания планов и профилей раскопок, разрезов ям и сооружений. Не сохранились и дневники раскопок. Таким образом, массив данных, которые можно сегодня анализировать, довольно ограничен и не всегда позволяет получать достоверные проверяемые выводы.

При общей кольцеобразной планировке четырех рядов валов и трех рвов на северо-западе городища, близ русла старицы р. Булы, все они соединяются вместе, но при этом вал тут не сохранился в рельефе (рис. 3; 5: 1–2), а ров вообще обнаружен только благодаря раскопкам (рис. 1). Таким образом, план фортификационных сооружений городища, представленный в отчетах и публикациях (рис. 1), является реконструкцией, а не документальной топоосновой. Вернее, в нем объединены какие-то реальные топографические черты и реконструированные участки. В южной и восточной частях городища, судя по снятым в 1956 г. «сечениям» современной поверхности (рис. 1), остатки укреплений еще сохранялись в рельефе и здесь фиксировались два вала, перед каждым из которых размещался ров. Внутри этого «двойного кольца» валов и рвов размещался еще один заплывший ров, по обе стороны которого имелись небольшие валики (остатки выбросов грунта).

По мнению руководителей раскопок, на первом этапе здесь возникло болгарское языческое святилище, подпрямоугольная площадка которого была ограждена забором из вертикально установленных досок и рвом без вала, возникшим синхронно с канавками от оград, но охватывавшим значительно большую площадь. На втором этапе святилище было заброшено, а на его месте возник феодальный замок, внутри которого было построено новое святилище с оградкой в виде неправильного прямоугольника с идолом в центре (от идола осталась яма с основанием столба). По отношению к прежнему святилищу новое оказалось сдвинуто на юго-восток. «Феодальный замок» и новое святилище были окружены целой системой укреплений: во-первых, старый заплывший ров прежнего святилища был расчищен и по обе стороны его сделаны насыпи из вынутого грунта. Но так было не по всему периметру:

Рис. 2. Валы и рвы Тигашевского городища (по: Смирнов, 1956, рис. 19).

Fig. 2. Ramparts and moats of the Tigashevo fortified settlement (by Smirnov, 1956, fig. 19).

в северо-западной части памятника на месте заплывшего рва был насыпан вал, у которого рва не было, причем этот вал был составной частью новосозданной двойной линии валов и рвов. Отсутствие тут рва объяснялось наличием рядом старицы и заболоченных участков поймы, обеспечивавших неприступность крепости с этой стороны. Наконец, на третьем этапе внутренний ров (тот самый, который изначально окружал святилище) снова заплыл (или был засыпан?) и на его месте стали строить дома (один такой дом был исследован на раскопе X-1956) (Федоров-Давыдов, 1962, с. 72, рис. 15).

При всей своей кажущейся стройности предложенная схема вызывает ряд недоуменных вопросов:

Почему вокруг первого святилища строится ров без вала и куда в таком случае подевалась земля, вынутая из этого рва?

Почему часть древнего рва была расчищена и использовалась вновь в качестве фортификации, а другая была оставлена заплывшей и на ее месте был насыпан вал без рва? И откуда в таком случае брался грунт для насыпки этого вала? Как соединялись действующая и засыпанная части древнего рва?

Почему планы заборов святилища и «раннего рва без вала» пересекают друг друга?

На эти вопросы исследователи городища даже не пытались ответить. Но можно понять, почему они сосредоточились на изложенной выше схеме развития событий: было установлено, что канавки ограды святилища и

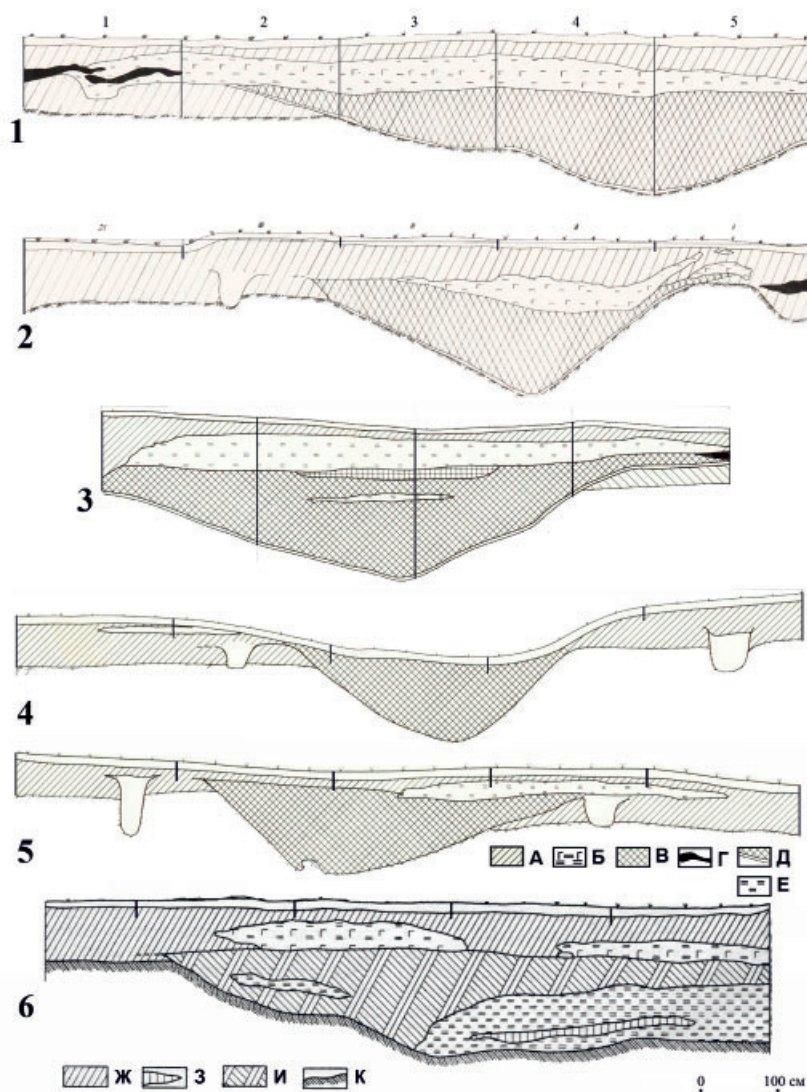

Рис. 3. Разрезы «внутреннего рва» на профилях раскопов 1959 года: I – северный (1) и западный (2); II – западный (3); IX – северный (4) и южный (5), X – западный (6) (по: Федоров-Давыдов, 1959, рис. 2, 4, 18; 1962, рис. 5: 4). А – черный культурный слой; Б – суглинок с включениями черной земли; В – черное заполнение рва; Г – угольные слои; Д – древесные остатки на дне рва; Е – материковый суглинок; Ж – культурный слой; З – черные потеки во рву; И – пестроцветный грунт; К – материк.

Fig. 3. Sections of the "inner ditch" on 1959 excavation profiles: I – northern (1) and western (2); II – western (3); IX – northern (4) and southern (5); X – western (6) (by Fedorov-Davydov, 1959, fig. 2, 4, 18; 1962, fig. 5: 4). A – black cultural layer; Б – clay loam with inclusions of black earth; В – black moat filling; Г – coal layers; Д – wood remains at the moat bottom; Е – virgin soil clay loam; Ж – cultural layer; З – black runs in the moat; И – mottled soil; К – virgin soil.

«ранний ров» были впущены с одного уровня (Федоров-Давыдов, 1962, с. 55). Действительно, судя по имеющимся профилям, дневная поверхность рва и канавок совпадает (рис. 3: 1–2, 4–5). Но их стратиграфическая (а значит, и хронологическая) близость не равнозначна «единовременности возникновения». Совмещение планов канавок оград первого святилища и «раннего рва» ясно показывает, что канавки и ров пересекались, причем одна из

канавок фиксировалась с внешней стороны от рва на раскопе IX-1959 (рис. 3: 4, 5), что раскопщиками оставлено без внимания. Совершенно очевидно, что такая ситуация могла сложиться лишь при одном условии – канавки оград «первого святилища» и «ранний ров» не одновременны. Исходя из имеющихся данных, можно предложить вариант трассировки канавок (рис. 4). Важно также, что у «первого святилища» канавок было несколько и они

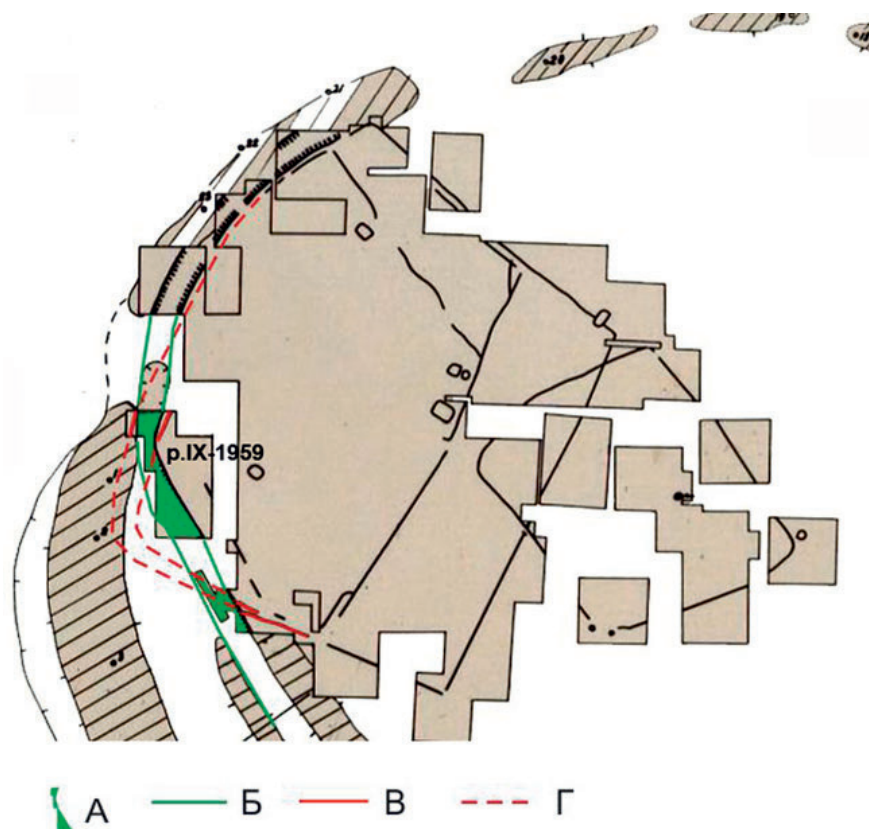

Рис. 4. План-схема северо-западной части городища с границами канавок от оград святилища и «ранним рвом» (реконструкция автора на основе схемы Г.А. Федорова-Давыдова, показанной на рис. 2):

А – вскрытые раскопками участки рва; Б – зафиксированные и надежно реконструируемые границы «раннего рва»; В – зафиксированные канавки оград святилища, подходящие ко рву или проходящие рядом с ним; Г – реконструируемые трассы канавок оград.

Fig. 4. Sketch-map of the northwestern part of the fortified settlement with the boundaries of the ditches from the sanctuary walls and the "early moat" (reconstruction of the author based on the scheme of G.A. Fyodorov-Davydov, shown in fig. 2): А – excavated parts of the moat; Б – fixed and reliably reconstructed borders of the "early moat"; В – fixed ditches of the sanctuary walls, approaching the moat or passing next to it; Г – reconstructed routes of the wall ditches.

могли возникнуть не одновременно: судя по трем трассам этих канавок, можно предполагать два ремонта ограды.

Поскольку при раскопках не удалось проследить случаев прохождения канавок поверх заполнения рва, остается думать, что ров является более поздней конструкцией, возникшей после того, как все ограды «первого святилища» стали не нужны. Более раннее возникновение канавок не противоречит их стратиграфической синхронности со рвом: закопанные в землю заборы не могут стоять очень долго и требуют ремонта уже через 15–20 лет, так что, даже учитывая возможность двух ремонтов, срок «жизни» всех этих оград вряд ли превышал 50–60 лет (а скорее был гораздо меньше), и это не столь большой срок, чтобы за него успел нарасти заметный культурный слой, в особенности на таком памятнике, как святилище, где не протека-

ла бытовая жизнь и культурный слой практически не откладывался. Наконец, имеется прямое стратиграфическое наблюдение о том, что насыпь вала (т. е. выброса грунта из) «раннего рва» перекрывала уже засыпанную канавку одной из оград «первого святилища» (Федоров-Давыдов, 1962, с. 67)¹.

В пользу предлагаемого варианта развития событий работает и наличие в засыпи «раннего рва» полусгнивших досок и кольев от ограды святилища: по длине этих досок была даже вычислена высота ограды – 1,35–1,45 м (Федоров-Давыдов, 1962, с. 55). Совершенно очевидно, что в ров эти доски могли попасть только после того, как ограда была полностью разрушена. Не сочетается с версией расчистки «раннего рва» наличие на участках раскопок II-1956 и VI-1956 остатков постройки на фундаменте из плинфы, расцененных как следы «дома феодала» (Федоров-Давыдов,

1960, с. 131, 132), поскольку раскоп П-1956 полностью пришелся на трассу вала внутри «раннего рва». Ясно, что такой дом не мог быть поставлен на оборонительном валу – его строительство стало возможно лишь после того, как ров был засыпан грунтом сброшенного в него вала. Но в таком случае нельзя и синхронизировать этот «дом феодала» со «вторым святилищем», как это прозвучало в статьях первоисследователей.

Таким образом, этапы перестроек на памятнике имели несколько иную последовательность, чем это представлялось ранее. На начальном этапе возникло «первое святилище» в северо-западной части площадки, окруженное подпрямоугольной в плане оградой, маркерами которой были канавки шириной 40 см при глубине 40–70 см, заполненные пестроцветным грунтом, т. е. смесью чернозема и желтой материковой глины. Эта ограда два раза ремонтировалась с расширением площади святилища к востоку: первоначально размеры огражденной площадки составляли примерно 54×49 м, после второго ремонта они достигли 69×65 м.² Когда эту ограду окончательно ликвидировали (колья и доски из земли вырваны, канавка засыпана), было сооружено новое, «второе» святилище с идолом в центре, площадка которого была сдвинута к юго-востоку от первой и уменьшена до размеров 40×35 м. Эта площадка маркировалась оградой, аналогичной предыдущим, канавки которой перерезали канавки «первого святилища». Видимо, одновременно с этим и был вырыт «ранний ров» шириной 3,5–4 м и глубиной 1–1,6 м, перерезавший часть канавок «первого святилища». Ширина рва установлена по перпендикулярным разрезам на раскопе IX-1959 (рис. 3: 4–5), глубина – по промерам Г.А. Федорова-Давыдова (1962, табл. 1). Другие разрезы этого рва прошли по диагонали к его оси (рис. 1; 3: 1–3; 5: 1) и не могут быть использованы для определения его ширины. Ров в плане имел форму кольца диаметром 140–180 м (максимальный диаметр по линии СЗ – ЮВ), возможно (?) разомкнутого в северной части. На дне рва (причем исключительно в его северо-западной части) зафиксирована «коричневая обмазка» толщиной 10–12 см, которая была интерпретирована в качестве «слоя рубленой соломы» (Федоров-Давыдов, 1962, с. 54), под которой в ряде мест как раз и были обнаружены лежавшие в

беспорядке доски, колья и тонкие бревнышки. Но и поверх «коричневой обмазки» также обнаружены беспорядочно набросанные «доски», как минимум две из которых имели длину 1,65 м. Видимо, «коричневая обмазка» – неудачный термин, которым обозначен слой древесного тлена от разрушенных деревянных конструкций плохой сохранности, включавших также и солому (возможно, от кровли каких-то сооружений на площадке святилища?).

В северо-западной части «раннего рва» следов валов рядом с ним не обнаружено, однако на остальной части его кольца слабые следы их зафиксированы, причем невысокие валы (выбросы грунта) размещались по обе стороны от рва (рис. 1). Высота этих «валов» не установлена (прежде всего из-за отсутствия чертежей раскопов, прорезавших их), но, судя по «сечениям» современной поверхности (рис. 1), в 1950-х гг. она нигде не превышала 0,3 м, т. е. была едва заметной. Заполнение рва на нескольких раскопах состояло из однородного черного суглинка (чернозема), откуда был сделан вывод, что ров не был искусственно засыпан, а его заполнение происходило длительно, на протяжении существования святилища (Федоров-Давыдов, 1962, с. 55). Однако эта «длительность» маловероятна уже потому, что ров возник после ликвидации «первого святилища», а вскоре после разрушения «второго святилища» на его месте уже ставились дома. Кроме того, такой же результат мог быть достигнут и при быстрой искусственной засыпке рва черноземом, составлявшим основу почвенного горизонта. Отчетные чертежи разрезов рва показывают, что верхнюю часть заполнения в таких местах часто составлял мешаный грунт из материковой глины с отдельными включениями чернозема толщиной от 20 до 80 см (рис. 3: 1–3, 5). Руководители раскопок рассматривали этот прослой как остатки нового вала, перекрывшего заплывший ров, что вполне возможно.

Тезис об однородном заполнении рва, состоявшем из чернозема, неприемлем еще и потому, что в разных частях рва это заполнение сильно различалось. Так, в восточной его части разрез траншеи I-1956 показал на его дне чернозем с углями, тогда как в верхней части рва на чертеже показан массив «глины», т. е., видимо, материкового суглинка (рис. 5: 1). Более того, заполнение этого рва фактически

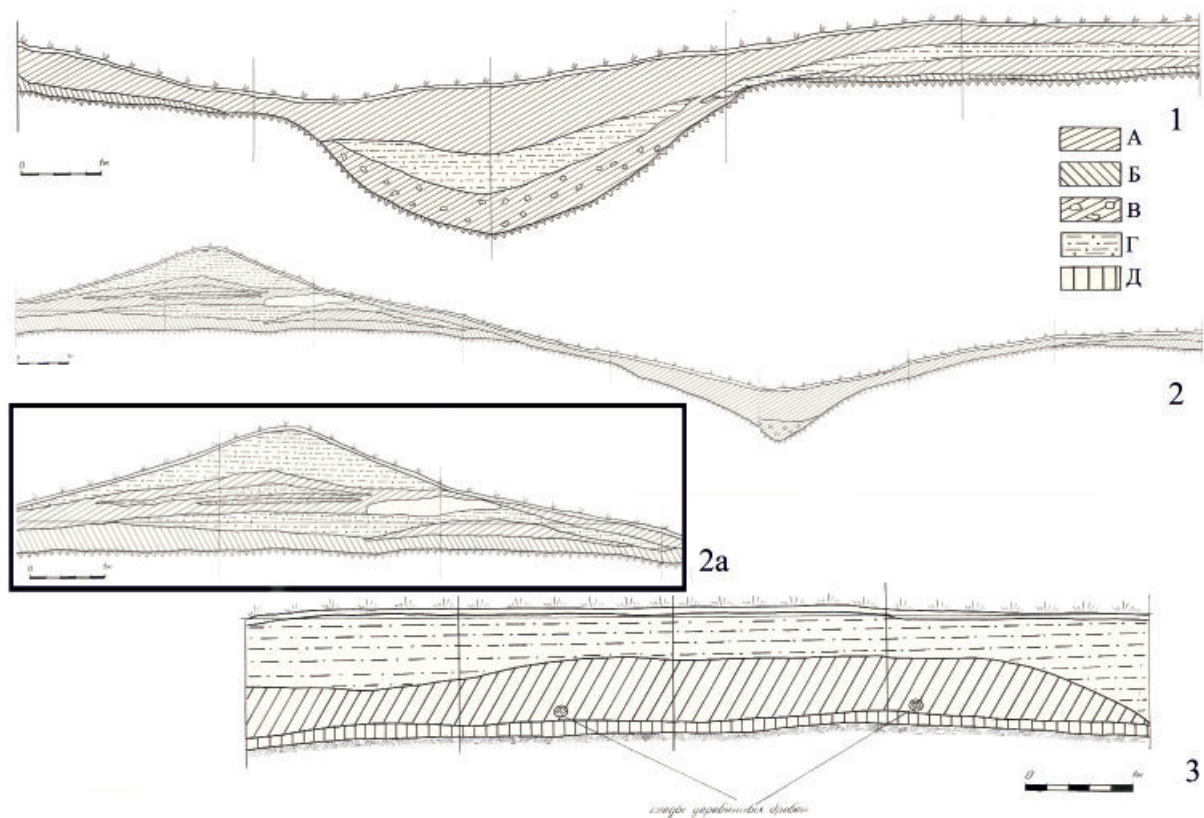

Рис. 5. Чертежи раскопов V-1959 (1–2) (по: Федоров-Давыдов, 1959, рис. 3) и VII-1956 (3–5) (по: Смирнов, 1956, рис. 3, 9): 1 – южный профиль; 2 – западный профиль (показаны на плане красными линиями); 3 – план раскопа; 4 – восточный профиль; 5 – западный профиль. А – черный культурный слой; Б – черные потеки во рву; В – пестроцветный грунт; Г – граница дымчатого слоя; Д – граница погребенной почвы; Е – граница насыпи; Ж – дымчатый слой; З – дерн; И – чернозем; К – материковый чернозем; Л – погребенная почва; М – смесь супеси и чернозема; Н – материковый суглинок.

Fig. 5. Drawings of excavations V-1959 (1-2) (by Fyodorov-Davydov, 1959, fig. 3) and VII-1956 (3-5) (by Smirnov, 1956, fig. 3, 9): 1 – southern profile; 2 – western profile (shown on the plan by red lines); 3 – excavation plan; 4 – eastern profile; 5 – western profile. А – black cultural layer; Б – black runs in the moat; В – mottled soil; Г – boundary of smoke-coloured layer; Д – boundary of buried soil; Е – boundary of mound; Ж – smoke coloured layer; З – topsoil; И – black earth; К – bedrock black earth; Л – buried soil; М – mixture of loam and black earth; Н – virgin soil clay loam.

в одном и том же месте на чертежах разных раскопов одного года исследований показано различным. Наиболее яркий пример дают южный профиль раскопа IX-1959 и западный профиль раскопа X-1959, которые хотя и не стыковывались, но между ними оставалось всего 5 м (рис. 1; 3: 5, 6). При этом заполнение рва в раскопе IX-1959 показано как состоящее из чернозема, а в раскопе X-1959 тот же самый ров имел многослойное пестроцветное заполнение, а на его дне лежал массив из материкового суглинка. Отличается на этих профилях и глубина рва. Данное различие не остались незамеченными исследователями городища, которые объясняли его тем, что именно на месте раскопа X-1959 ров сознательно бутовался для организации прохода внутрь горо-

дища после расчистки «раннего рва» (Федоров-Давыдов, 1962, с. 63). Но эта довольно странная версия опровергается следующими наблюдениями:

А) В раскопе X-1959 «забутовка» прослежена на протяжении 8 м (рис. 3: 6), но она была явно еще больше³, а такая ширина слишком велика для прохода через ров в крепость.

Б) В раскопе V-1959, частично прорезавшем ров в 25 м к югу от участка раскопа X-1959, он целиком был заполнен таким же пестроцветным грунтом (рис. 5: 1, 2), т. е. смесью чернозема и желтого материкового суглинка. Если применять к этому раскопу ту же логику, то пришлось бы говорить о второй «забутованной перемычке» в трассе рва (но раскопщики не обратили на это никакого внимания).

В) Если бы во рву существовали перемычки, то в линии валов следовало бы ожидать наличия ворот, маркированных столбовыми ямами (см. ниже описания оформления воротных проемов), но о таковых нет никаких данных, следовательно, они не были найдены при раскопках.

Отсюда можно сделать три вывода:

Пестроцветный грунт в заполнении «раннего рва» не маркирует места, где ров был забутован для оставления проходов, поскольку два прохода на протяжении 40 м линии обороны слишком много, а чрезмерная ширина «забутованных» перемычек во рву (более 8 м) лишает всю эту конструкцию оборонительной функции. Следовательно, пестроцветный грунт просто составлял засыпку западной части рва.

Отнюдь не везде «внутренний ров» был заполнен только черноземом. Разумеется, на каких-то участках такое могло иметь место (для насыпи мог использоваться почвенный грунт, срезанный извне городища), однако в целом тезис о длительном заплывании рва не соответствует зафиксированным реалиям. Напротив, все признаки указывают на его быструю нивелирующую засыпку.

Версия первоисследователей городища о вторичном фортификационном использовании «внутреннего рва» не находит никакого подтверждения. Весь этот ров был засыпан к моменту строительства крепости и «дома феодала» на фундаменте из плинфы.

Учитывая все сделанные выше наблюдения, появление валов-выбросов по обе стороны от «раннего рва» происходило уже в ходе его изначального выкапывания. В дальнейшем грунт этих валов и был основным источником заполнения (обратной засыпки) рва, хотя для этой цели могли местами использовать и чернозем с участков извне городища.

Включению «расчищенного раннего рва» с двумя валами выбросов по сторонам в создававшуюся фортификацию противоречит и разная конструкция сооружений: две внешние линии строились совершенно иначе – у них вал насыпался только на одной (внутренней) стороне рва. Эти линии возводились с явной целью организации обороны, тогда как «ранний ров» при ширине до 4 м и глубине до 1,6 м, с «валами» по обе стороны от него первоначальной высотой не более 0,8 м, составлял гораздо более слабую прегра-

ду. Его правильнее было бы называть «канавой с двумя грядами выброса грунта из нее», призванную выполнять роль символической границы вокруг «второго святилища».

Но раз никаких перемычек в западной части канавы для прохода на площадку «второго святилища» не существовало, то где же тогда такой проход находился? Если кольцо рва не было замкнуто на севере, то там и находился этот «проход». Если же кольцо все же было замкнуто (этот вопрос остался до конца не выяснен), то единственным подходящим местом является разрыв в северо-восточной части кольца вала, который был изучен раскопом VII-1956 (рис. 1; 6: 3–5). От насыпи вала тут сохранились жалкие остатки высотой не более 0,4 м при ее ширине около 6 м, ров с внешней стороны от вала не был зафиксирован (ров мог просто не попасть в раскоп). Зато на линии разрыва в валу были обнаружены две большие (0,8×0,8 м) и глубокие (до 1 м) ямы от мощных столбов (нижние части их сохранились), представлявших собой половинки от расколотого вдоль бревна диаметром 0,45 м, причем каждое из полубревен было установлено плоскостью во внешнюю сторону (рис. 6: 3). Расстояние между бревнами в публикации указано как 3,5 м, по отчетному чертежу оно составляет 3,2 м (Федоров-Давыдов, 1962, с. 64, рис. 9). Столбы явно являются верями от ворот, перегородивших проход в валу.

О первоначальной ширине вала, в котором был оставлен воротный проем, свидетельствуют сохранившиеся участки погребенной почвы шириной 4–4,5 м, выявленные под остатками вала. При такой ширине вала его изначальная высота не могла быть больше 1 м. Визуально ров перед этим валом не фиксировался, а отсутствие в остатках насыпи материкового суглинка при наличии песка и обилии керамики заставило руководителей раскопок прийти к выводу, что рва тут никогда не было, а вал был насыпан из культурного слоя и песка, взятого с берега р. Булы (Федоров-Давыдов, 1962, с. 65). Такая версия вполне допустима, но в том «вале», который видим тут сейчас, грунта слишком мало для серьезной оборонительной линии, и трудно себе представить, что крепость могла обходиться тут насыпью высотой до 1 м. Если же вал имел в прошлом несколько большую высоту, то возникает вопрос о том, куда этот

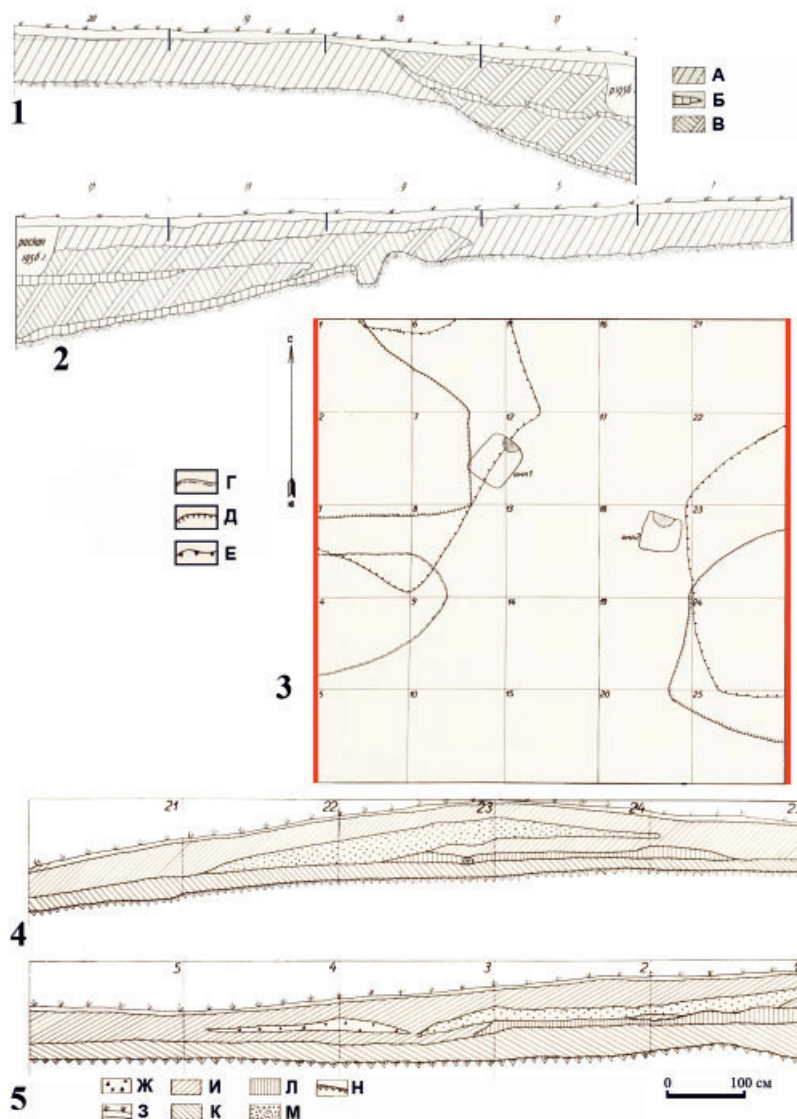

Рис. 6. Северный профиль траншеи I-1956 на участках «раннего рва» (1) и внутренней линии оборонительного вала со рвом (2, 2a), северный профиль траншеи II-1956 (3) (по: Смирнов, 1956, большой формат): А – чернозем (культурный слой и насыпь вала); Б – чернозем без культурных остатков (погребенная почва); В – чернозем с включениями угля; Г – глина в насыпи вала; Д – погребенная почва (в траншее 2).

Fig. 6. Northern profile of trench I-1956 on sites of the "early moat" (1) and the inner line of the defensive rampart with the fosse (2, 2a), northern profile of trench II-1956 (3) (by Smirnov, 1956, large format): А – black earth (cultural layer and the rampart mound); Б – black earth without cultural remains (buried soil); В – black earth with inclusions of coal; Г – clay in the rampart mound; Д – buried soil (in trench 2).

грунт подевался. Таким образом, полученных при раскопках данных о «северных воротах» недостаточно для понимания того, как была организована оборона на северном фланге крепости. Неясно также, были ли ворота изначально оформлением прохода на площадку «второго святилища» или их появление связано со строительством крепости? Второй вариант кажется более вероятным.

Как считали первоисследователи городища, вскоре после создания многорядной

системы обороны «ранний ров» был ликвидирован и на его месте стали возводить дома (в частности, на раскопе X-1956). Они объясняли это тем, что после строительства крепости обнаружился «недостаток места для новой застройки» и хозяину «замка» пришлось пожертвовать внутренней линией обороны. Однако такое объяснение не может быть принято, поскольку далеко не вся площадка бывшего святилища была плотно занята застройкой – в ходе раскопок были зафиксиро-

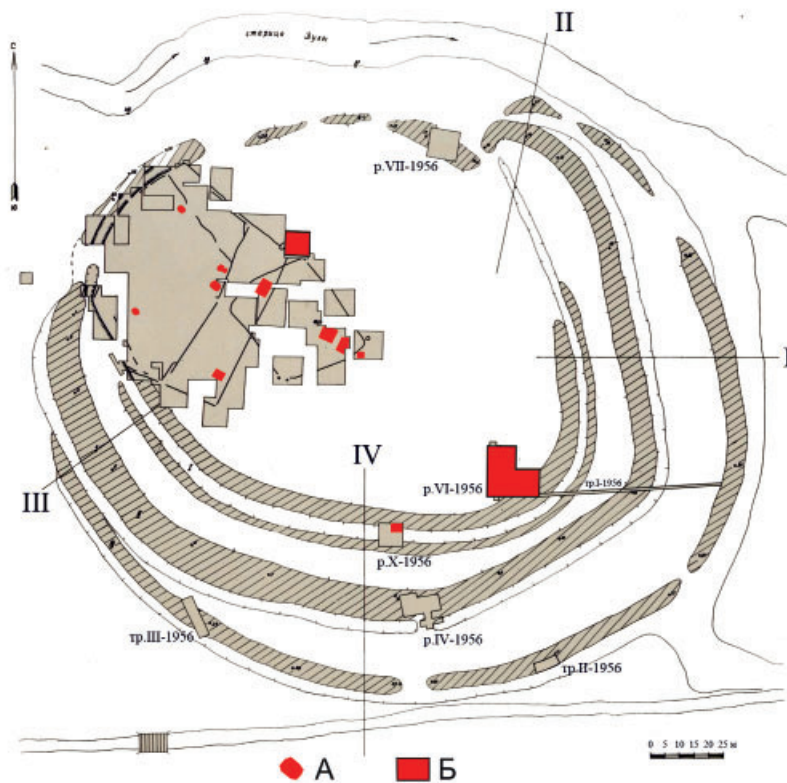

Рис. 7. Размещение жилых построек на площади Тигашевского городища (схема автора):

А – постройки, показанные на планах раскопок; Б – раскопы, на которых предположительно были жилые постройки (их точная конфигурация не установлена либо отсутствуют чертежи раскопов).

Fig. 7. Location of residential buildings in the site of the Tigashevo fortified settlement (author's scheme): A – structures, marked on the excavation plans; Б – excavations where residential buildings are supposed to exist (their exact configuration is not proved or there are no excavation drawings).

рованы всего 10 жилищных комплексов, которые размещались далеко не на всех раскопах, а расстояния между ними составляли до 25 м (рис. 7). При этом нет никакой уверенности в том, что все эти постройки существовали одновременно, напротив, более вероятно, что они сменяли друг друга на протяжении нескольких столетий жизни крепости (в XI – первой трети XIII вв.). Следовательно, в каждый отдельный период тут могло находиться лишь несколько строений. Наконец, нет уверенности в том, что все выявленные постройки служили жилищами, а часть из них не выполняла хозяйственные функции. С учетом этого замечания размещение построек на плане городища позволяет думать, что значительная часть его площади оставалась незастроенной (либо на ней стояли юрты, не оставившие следов в земле).

Проведенный выше анализ отчетных данных показал, что нет никакой надобности предполагать обновление и расчистку «раннего рва», в пользу которых нет ни одного стратиграфического свидетельства. Соответственно, нет и достаточных оснований допускать использование «раннего рва» в фортификационных целях, а также последующую его ликвидацию для получения дополнительного пространства внутри крепости. Засыпь этого

рва в его западной части не перемычка перед никогда не существовавшими тут воротами, а обычное нивелирующее заполнение. Следовательно, этот ров-канавка создавался один раз и пришел на смену оградкам «первого святилища» (они были им перерезаны), размещавшегося на той территории, которая вошла в северо-западную часть пространства, окруженного этим рвом. Канавка (вместе с валиками-выбросами по обе стороны от нее) могла служить внешней границей «второго святилища» с идолом в центре. Осталось неясным, имел ли этот ров замкнутый контур с воротами на северо-востоке либо имел широкий проход с севера? Все рассматриваемые перестройки «первого» и «второго» святилищ могли происходить на относительно непродолжительном отрезке времени (не более 100 лет), по всей видимости не позже X века, т. е. до принятия волжскими булгарами ислама или на этапе постепенного внедрения новой религии, которое вдали от основных политических центров страны (Болгара, Биляра, Суvara) могло протекать с существенным запаздыванием.

«Ранний ров» (канавка) был засыпан без сомнения ДО строительства двухрядной оборонительной линии крепости, поскольку он изначально не имел отношения к форти-

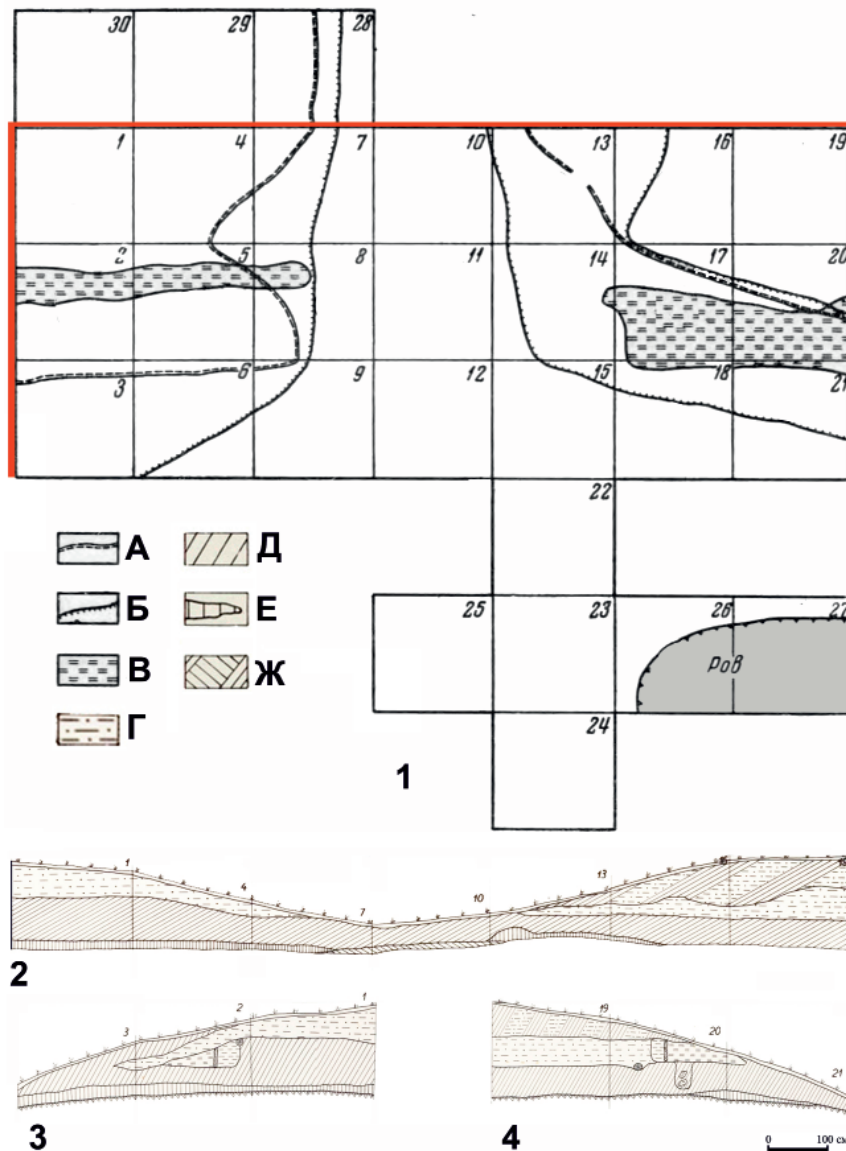

Рис. 8. Южные ворота городища на чертежах раскопа IV-1956 (по: Смирнов, 1956. Рис. 6, 11): 1 – план раскопа; 2 – северный профиль; 3 – западный профиль; 4 – восточный профиль (профили обозначены на плане красными линиями). А – граница насыпи вала; Б – граница погребенной почвы; В – обожженная глина; Г – «глина»; Д – чернозем; Е – погребенный дерн; Ж – чернозем с включениями материкового суглинка.

Fig. 8. The southern gate of the fortified settlement on the drawings of excavation IV-1956 (by Smirnov, 1956. fig. 6, 11): 1 – excavation plan; 2 – northern profile; 3 – western profile; 4 – eastern profile (profiles are marked by red lines on the plan). А – boundary of the rampart mound; Б – boundary of buried soil; В – baked clay; Г – "clay"; Д – black earth; Е – buried topsoil; Ж – black earth with inclusions of virgin soil clay loam.

фикации. При этом еще до начала засыпки в него были сброшены доски от ограды святилища – видимо, от последнего («второго»), с идолом в центре⁴. Все это могло быть связано с ликвидацией святилища и организацией на его месте укрепленного поселения (крепости), застройка которого и заняла бывший сакральный участок, и распространилась на место засыпанного «раннего рва». Датировать это событие довольно сложно, но оно могло

произойти именно в связи с распространением ислама и сознательным уничтожением языческого святилища, т. е. на протяжении X в. (после 922 г.), самое позднее – в начале XI в. Только полная смена идеологии могла позволить строить жилые дома и хозяйственные постройки на ранее сакральном участке земли.

Таким образом, история Тигашевского городища включает только два этапа: на

первом это было святилище, не приспособленное для обороны, а лишь имевшее символическую ограду в виде частокола, позже дополненную неглубокой (т. е. тоже символической) канавой. На втором этапе, с ликвидацией языческого святилища, на его месте воздвигли крепость с жилыми домами внутри.

В этой связи интересно рассмотреть внимательнее, как была выстроена оборона этой крепости. Поскольку «внутреннего рва» в ней уже не было, фортификация ее состояла только из двух линий валов и рвов – первой (внутренней) и второй (внешней), которые соединялись в одну на северном и северо-западном фланге обороны. К сожалению, никаких сведений о размерах этих сооружений в отчете и статьях исследователей городища не приведено, да они и не изучались с такой же подробностью, как «внутренний ров». Составить о них представление можно благодаря четырем «сечениям» современной поверхности, снятым до начала раскопок по линиям, перпендикулярно пересекающим валы (рис. 1). К сожалению, масштабные линейки на «сечениях» очевидно неверны: по плану городища длина профиля I составляет более 75 м, тогда как по масштабу на самом профиле его длина – 16 м (Федоров-Давыдов, 1956, рис. 2, 4). То же касается и других профилей, хотя для них разница не столь разительная (примерно в 2–3 раза). При этом масштабная линейка на «сечениях» вполне достоверна по отношению к высоте валов, которая оценивается в 0,5–1,5 м. Возможно, масштаб, показанный на «сечениях», является не горизонтальным, а вертикальным, тогда как горизонтальный масштаб был каким-то иным. В любом случае достоверность этой документации недоста-точна.

Исследователи городища уверенно отвергали существование рва перед несохранившимся валом новой фортификационной линии в северо-западном секторе обороны новосозданной крепости (Федоров-Давыдов, 1962, с. 59, 65). Однако никаких вскрытий с внешней стороны от северного и северо-западного участков вала не производилось. Если даже эта гипотеза верна и тут на месте «раннего рва» позднее был насыпан вал, то это было сложно сделать без выкапывания нового рва (ведь он служил и источником грунта для вала, и дополнительным препятствием). Поэтому без раскопок в зоне к северу и северо-западу от гипотетической трассы вала ответить на

вопрос о наличии или отсутствии там засыпанного рва просто невозможно.

О размерах вала и рва внутреннего кольца укреплений дают представление чертежи траншеи I-1956 (рис. 5: 2)⁵. К сожалению, траншея разрежала вал и ров «внутренней линии» не перпендикулярно, а под углом 45–60 градусов, в результате ширина вала и рва на нем искажены (рис. 1). Однако можно высчитать коэффициент искажения и исходя из него получить истинные размерные величины: ширина вала по основанию (до края погребенной почвы, где она прорезана рвом) – 8 м, ширина рва по уровню горизонта материка – 9 м. Высота рва в 1956 г. составляла 1,4 м, глубина рва от уровня поверхности погребенной почвы – 2,2 м, причем мощность его черноземного заполнения достигала 1 м (на дне рва – с углями). Отсюда можно сделать вывод, что ров не засыпался, а затягивался черноземом постепенно, но в него могла попасть небольшая часть грунта, составлявшая некогда внешнюю часть вала. Если учесть весь грунт, вынутый из рва при его выкапывании, то его как раз и будет достаточно для создания того вала, который виден на профиле. Следовательно, высота вала в момент его насыпки вряд ли была заметно выше современной, т. е. в лучшем случае достигала 1,6 м.

Весьма интересна структура насыпи вала (рис. 5: 2а). На погребенной почве, у края рва, видна небольшая линза чернозема (толщиной 0,2 м), в которой можно предполагать грунт, срезанный на трассе рва при начале его выкапывания, однако она слишком мала по сравнению с общим объемом этой срезки. Это говорит о том, что либо часть чернозема ушла в иную часть вала, либо срезка не затронула всю ширину будущего рва. Поверх указанной линзы залегает гораздо более мощная (0,2–0,35 м) и обширная по площади прослойка «глины», т. е. материкового суглинка, вынутого из рва, а затем чередующиеся прослойки чернозема и «глины», которые могут отмечать этап расширения трассы рва со срезом новых участков черноземной почвы, использованных для создания насыпи. Вершину вала составляет насыпь из чистой «глины». Самый загадочный элемент описываемого профиля составляет массив во внешней части насыпи, показанный поверх второй снизу прослойки («глины»), который не имеет никакого обозначения в легенде чертежа и никакой штрихов-

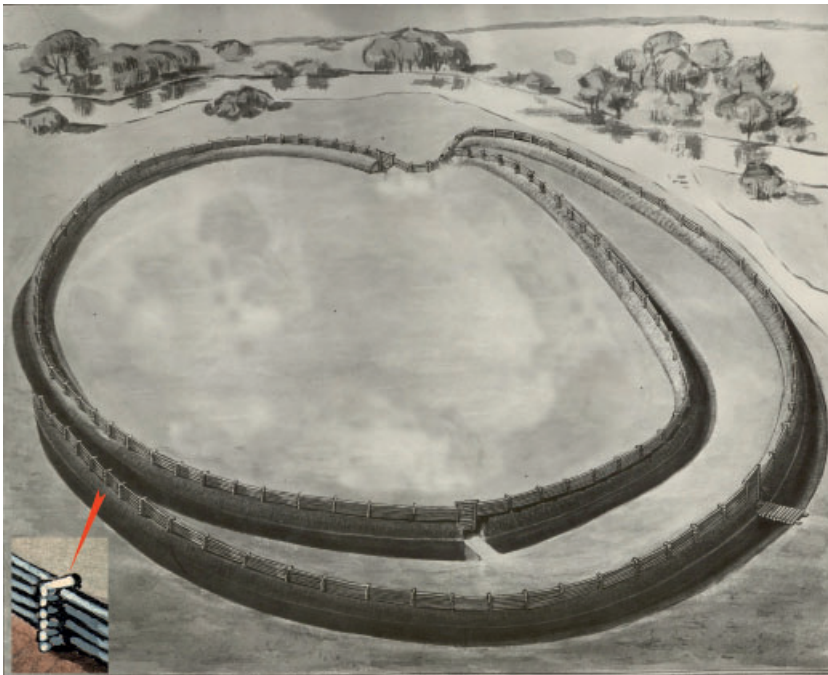

Рис. 9. Реконструкция Г.А. Федорова-Давыдова (1960, рис. 8) укреплений Тигашевского городища на втором этапе его существования, в XI–XIII вв., с корректировками В.Ю. Коваля.

Fig. 9. Reconstruction by G.A. Fyodorov-Davydov (1960, fig. 8) of the Tigashevo settlement fortifications at the second stage of its existence, in the XI–XIII centuries, with corrections by V.Yu. Koval.

ки. Массив этот имел ширину 1,4 м (приведена с учетом отмеченного выше искажения) и толщину 0,25 м.

Можно было бы долго и беспочвенно гадать о том, что это за прослойка и почему она оставлена без обозначения, если бы не документация раскопа IV-1956, заложенного на месте южного прохода в этом же валу (рис. 8). Раскоп не дал полной прорезки вала, но он позволил получить некоторое представление о структуре и высоте его насыпи. Вал имел здесь высоту до 1,6 м от уровня погребенного дерна (т. е. почти такую же, как в траншее I-1956). Нижнюю часть насыпи (толщиной от 0,5 до 0,8 м) так же, как и в траншее, составлял чернозем, вероятно снятый с трассы будущего рва (прорезка рва на этом раскопе не проводилась). Поверх чернозема залегал пласт материкового суглинка (в подписях к чертежам назван «глиной») толщиной до 0,5 м, который, очевидно, был выбросом из рва. В этом пласте с наружной стороны вала фиксировался массив «обожженной глины» шириной от 0,5 до 1,5 м и высотой не более 0,5 м. В восточном профиле раскопа этот массив являлся как бы продолжением пласта материкового суглинка, тогда как в западном он был врезан в склон черноземной насыпи и перекрыт пластом материкового суглинка (выброса) (рис. 8: 3, 4). В обоих краях вала этот массив обожженной глины был ограничен с тыльной стороны рядом обгорелых вертикально установлен-

ных досок. Никакого описания «обожженной глины» в отчете и статьях не приведено – была ли она однородной или состояла из отдельных кусков, обожженных на стороне? Для обжига на месте массива суглинка столь солидных размеров потребовалось бы значительное количество дров, а огонь должен был поддерживаться длительное время, что привело бы к скоплению большого объема древесного угля и прокалу поверхности, на которой этот огонь разводился, но об этом нет упоминаний в отчете. Остается предположить, что огонь был разведен поверх полосы прокаленной глины/суглинка, а уголь был сброшен в ров, либо эта часть вала создавалась каким-то иным способом (например, из принесенной со стороны уже обожженной глины). Благодаря этим данным можно предполагать, что и в траншее I-1956 был зафиксирован точно такой же массив «обожженной глины», который, таким образом, являлся не случайным элементом, а конструктивной особенностью всей внутренней оборонительной линии. Правда, в траншее не зафиксированы остатки угля по границе этого массива.

Г.А. Федоров-Давыдов сравнивал рассматриваемую конструкцию с «облицовкой» внешнего ската вала обожженной глиной, прослеженной А.П. Смирновым на Больше-Таябинском болгарском городище (Смирнов, 1950, с. 133, 137), а также с сырцовыми кладками южнорусских городищ X в. (Белгород,

Переяславль и др.) (Федоров-Давыдов, 1962, с. 60). Действительно, на Больше-Таябинском городище была обнаружена похожая прослойка обожженной глины, которая была зафиксирована только в разрезе и явно не была «облицовкой» вала⁶, а на южнорусских городищах конца X в. иногда возводились стены из сырцового кирпича, но они не имели следов воздействия огня – это были обычные кладки (Моргунов, 2003, с. 72–78). Таким образом, интерпретация «массивов обожженной глины» Тигашевского городища остается пока невозможной – конструкция, обнаруженная здесь, пока нигде более не зафиксирована на территории Восточной Европы. Отсутствие в траншее I-1956 следов разрушения данного «массива» (например, кусков обожженной глины на дне рва) не позволяет видеть в нем остатки глинобитной стены, а ровный контур полосы этого массива в плане раскопа IV-1956 не оставляет сомнений в том, что это не руина стены или какой-то иной вертикальной, но впоследствии рухнувшей конструкции, а скорее некая субструкция, платформа, например, для установки деревянной стены, которая полностью сгорела (не ее ли остатки в виде угля наблюдались на дне рва в траншее I-1959?).

В остальном конструкция первого (внутреннего) вала выглядит обычной именно для валов-насыпей: вначале в нее складировался чернозем, срезавшийся по трассе рва, а затем материковый суглинок, добывавшийся при углублении рва. Правда, авторы раскопок упоминают наличие внутри насыпи каких-то деревянных конструкций и предполагают, что это были срубы (Федоров-Давыдов, 1962, с. 60). Однако на единственном сохранившемся плане раскопа IV-1956 никакие срубы или иные четырехугольные структуры не показаны, только на каждом из двух разрезов вала изображено по одному торцу бревна (рис. 8: 1, 3, 4), так что предположение о срубках надо скорее относить к разряду смутных гипотез, не подтвержденных материалом.

В воротном проеме вала тут были обнаружены два верейных столба толщиной 20 см, вкопанных на глубину 60 см на расстоянии 2,85 м друг от друга. К сожалению, на плане раскопа размещение этих столбовых ям не помечено, что сильно снижает его информативность (Федоров-Давыдов, 1962, с. 62, рис. 8).

О второй (внешней) линии вала и рва данных еще меньше. Сохранился только один профиль, снятый в одной из двух траншей, которыми в 1956 г. делалась попытка изучить этот вал (в траншее II-1956). Траншея I-1956 была доведена до этого вала, но не прорезала его, ров перед внешним валом не прорезался ни разу. Имеющийся разрез траншеи II-1956 не имеет ориентировки, но, судя по его длине (6 м) и горизонтальности, это профиль северо-западного борта траншеи, прошедший примерно по осевой линии вала (рис. 5: 3). В этом профиле видно только два слоя: нижний (чернозем) толщиной до 0,5 м и верхний (глина) толщиной от 0,4 до 1,0 м. Суммарная высота вала от уровня погребенной почвы не превышала 1 м.

Имеется также обобщенное описание внешнего вала, где массивы обожженного суглинка, подобные открытым во внутреннем валу, не упоминаются (следовательно, их там не было). Однако в napольной части этого вала были замечены «неясные следы каких-то деревянных конструкций в виде тонких бревен, лежащих на уровне погребенной почвы» (Федоров-Давыдов, 1962, с. 61). Судя по чертежу (рис. 5: 3), расстояние между этими бревнами составляло 3,2 м, что соответствует размерам многих древнерусских городней, однако были ли эти бревна остатками городней, осталось неясным (в профиле различия в грунтах соседних городней были бы видны).

Таким образом, имеющиеся отчетные данные не позволяют формулировать надежно обоснованные гипотезы о внешнем виде укреплений Тигашевского городища периода XI–XIII вв. Пока нет никаких оснований считать эти валы руинами древо-земляных стен по аналогии с древнерусскими: остатки городней тут не зафиксированы, а наличие в насыпях древесных остатков может иметь совершенно иные причины. Гораздо более вероятным представляется создание тут двухрядной системы валов и рвов, окружившей площадку диаметром 160–195 м, т. е. площадью чуть более 2 га. Система организации обороны, опирающаяся на создание вала и рва, была характерна для степной и лесостепной зон Евразии (Коваль, 2022), а в Волжской Булгарии эта традиция дожила до середины XIV в., когда она была применена при строительстве вала вокруг Болгарского городища

Рис. 10. Псевдо-реконструкции стен Тигашевского городища. А – исполненные в натуре (https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn:ANd9GcQqKq_ZqdCwvHyfJV_cjG7rYgiHrOfB2LD_Lg&usqp=CAU); Б – в проекте (<http://sovch.chuvashia.com/wp-content/uploads/2019...%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%89%D0%B5.jpg>).

Fig. 10. Pseudo-reconstructions of the Tigashevo fortified settlement walls. А – full-sized (https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn:ANd9GcQqKq_ZqdCwvHyfJV_cjG7rYgiHrOfB2LD_Lg&usqp=CAU); Б – in the project (<http://sovch.chuvashia.com/wp-content/uploads/2019...%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%89%D0%B5.jpg>).

(Коваль, Русаков, 2018). Эта традиция исходила из задачи противодействия конным отрядам потенциального противника, для которых преодоление рва и вала были трудновыполнимой задачей, связанной с необходимостью сойти с коня и вести бой в пешем строю, непривычном для конного воина. Конечно, несколько смущают скромные размеры валов

и рвов (по 2 м), но их двойная система не позволяла противнику видеть, что происходит внутри крепости, предоставляя ее защитникам ряд преимуществ.

Как бы ни были созданы валы Тигашевского городища и какие бы размеры они не имели, поверх них могли (и должны были) размещаться только легкие деревянные огра-

ды. Поэтому реконструкция, предложенная в свое время Г.А. Федоровым-Давыдовым, где поверх валов показаны деревянные заплоты, в целом может быть принята, но с небольшой корректировкой – после возведения двух валов и рвов внутри этого кольца обороны уже не было святилища с идолом, а «ранний ров» был снивелирован (рис. 9). Особенное внимание хотелось бы обратить на интересный вариант крепления этого заплота, предложенный Г.А. Федоровым-Давыдовым, – в виде перерубов из коротких бревен, перпендикулярных линии заплота. Хотя археологически следы такого крепления нигде не зафиксированы, этот вариант объясняет отсутствие на гребне вала глубоких ям от вертикальных столбов, которые обычно используются для установки деревянного забора-заплота, но полностью отсутствуют на большинстве древних насыпных валов (включая и валы Тигашевского городища).

В этой связи сожаление вызывают попытки «реконструкции» частоколов близ воротных проемов городища (рис. 10: А), вкапыванием которых уничтожены и так фрагментарно

сохранившиеся следы древних сооружений. А планируемое создание бутафорских стен в виде русского острога XVIII века (судя по конструкциям с башнями, тарасами и обламами) (рис. 10: Б), не имеющих никакого отношения к древним реалиям, обещает уже полностью уничтожить все следы древности на интереснейшем памятнике волжских булгар. Разумеется, все эти «реконструкции», выполненные на уровне, не имеющем ничего общего с научным, недопустимы в принципе (Коваль, 2020).

Возвращаясь к материалам раскопок 1956–1959 гг., надо сказать, что, несмотря на отсутствие значительной части раскопных чертежей и подробных описаний, сохранившейся документации все же оказалось достаточно для того, чтобы уточнить историю строительства различных объектов на площадке Тигашевского городища и даже представить себе размеры древней крепости, ее оборонительный потенциал. Для получения новых знаний тут потребуются археологические исследования на современном методическом уровне.

Примечания:

¹ Правда, исследователи городища считали, что этот «вал» был насыпан не при отрывании рва, а при его более поздней «расчистке». Но тогда почему при первоначальном отрывании вся земля из рва была удалена в неизвестном направлении, а при «расчистке» она складировалась в валы?

² Расчет размеров сделан по опубликованному сводному плану (рис. 1). В публикациях об этих размерах приводятся иные цифры (60×49 м) (Федоров-Давыдов, 1962, с. 52), поскольку раскопщики рассматривали все канавки как единое сооружение с 2–3 рядами заборов. Такой вариант маловероятен, поскольку ограда высотой ниже роста человека (до 1,45 м) могла нести только символическое значение и многорядность (причем только с одной стороны) для такой ограды кажется излишней.

³ Рядом был расположен раскоп XIII-1959, чертежи которого в отчете отсутствуют, но в этом раскопе «забутовка» неизбежно продолжалась хотя бы на 1–2 м, что однозначно увеличивает ее «ширину». Вообще, края этой «забутовки» по оси рва обнаружены в раскопах не были.

⁴ Если допускать, что в канаву попали и доски от «первого святилища», то придется признать, что за чистотой и глубиной канавы не следили, не считая это важным для сакрального объекта. Это тоже возможно.

⁵ Эти чертежи представлены на четырех ватманских листах, причем южный профиль траншеи показан в зеркальном отображении. Поэтому в данной публикации использован только северный профиль.

⁶ Эти конструкции будут рассмотрены в отдельной работе.

ЛИТЕРАТУРА

Коваль В.Ю. Проблемы реконструкции русской средневековой деревянной фортификации // Археологические вести. Вып. 30 / Гл. ред. Н.В. Хвоцинская. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 263–276.

Коваль В.Ю. Фортификация и средневековый степной мир // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей. Т. 3 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 72–82.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 годах / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. II. М.-Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, ИА РАН, 2018. 160 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

Смирнов А.П. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у села Большая Тояба Чувашской АССР // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. IV. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1950. С. 131–153.

Смирнов А.П. Отчет Чувашской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1259а.

Смирнов А.П. Чувашская археологическая экспедиция 1956 г. // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XVI. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. С. 39–46.

Смирнов А.П. Отчет Чувашской археологической экспедиции 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1955.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 202 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Отчет Чувашской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1259, 1259а.

Федоров-Давыдов Г.А. Булгарский феодальный замок X–XII вв. // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XVI. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. С. 202–226.

Смирнов А.П., Каховский В.Ф. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Отв. ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1972. С. 3–73 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Альбом к отчету Чувашской археологической экспедиции 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1957а.

Федоров-Давыдов Г.А. Болгарское городище-святилище X–XI вв. // СА. 1960. № 4. С. 122–142.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 49–89.

Информация об авторе:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

REFERENCES

Koval, V. Yu. 2020. In Khvoshchinskaya, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 30. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 263–276 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2022. In Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *EvrAziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepey (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022))* 3. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 72–82 (in Russian).

Koval, V. Yu., Rusakov, P. E. 2018. *Issledovaniya fortifikatsii goroda Bolgara v 2014–2015 godakh (Research in the city of Bolgar fortification in 2014–2015)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Velikogo Bolgara (Materials and Studies on the Great Bolgar Archaeology) Vol. II. Moscow–Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wood and Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th–13th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1950. In *Zapiski Chuvashskogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR (Proceedings of the Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR)* IV. Cheboksary: “Chuvashgosizdat”, Publ., 131–153 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1956. *Otchet Chuvashskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1956 g. (Report of 1956 Chuvashia archaeological expedition)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 1259a (in Russian).

Smirnov, A. P. 1958. In *Zapiski Chuvashskogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR (Proceedings of the Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR)* XVI. Cheboksary: “Chuvashgosizdat”, Publ., 39–46 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1959. *Otchet Chuvashskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1959 g. (Report of 1959 Chuvashia archaeological expedition)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 1955 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1961. *Zheleznyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Iron Age of the Chuvash Volga Region)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 95. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1956. *Otchet Chuvashskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1956 g. (Report of 1956 Chuvashia archaeological expedition)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 1259, 1259a (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1958. In *Zapiski Chuvashskogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR (Proceedings of the Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR)* XVI. Cheboksary: "Chuvashgosizdat", Publ., 39–46 (in Russian).

Smirnov, A. P., Kakhovskii, V. F. 1972. In Prokhorova, V. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamyatniki srednevekov'ya Chuvashskogo Povolzh'ya (Khulash Fortified Settlement and the Medieval Sites in the Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 3–73 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1959. *Al'bom k otchetu Chuvashskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1959 g. (Album to the report of the Chuvashia archaeological expedition in 1959)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 1957a (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 122–142 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 221–272 (in Russian).

About the Authors:

Koval Vladimir Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; kovaloka@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.311.324>

ЗАМЕТКИ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ О КРЫМЕ И КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

©2023 г. С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц

Представленный в публикации материал даёт возможность составить представление о постепенном накоплении сведений об истории Крыма с конца XVII – по начало XIX столетия. Имевшиеся знания в основном базировались на свидетельствах средневековых письменных источников. В ряде случаев конъюнктурность этих сведений очевидна. В первую очередь это касается: 1) неверных сообщений о завоевании Крымского полуострова Тамерланом (или его креатурой – Идигеем) в 1395 г.; 2) поголовным истреблением населения Каффы (и других городов) османами в 1475 г.; 3) утверждение на престоле в 1478 г. Мехмедом II Менгли I Гирея и признание Крымским ханством вассальной зависимости от Османской империи. Следует отметить, что до настоящего времени не обнаружен ни один документ подтверждающий эти ошибочные суждения.

Ключевые слова: археология, история, Крым, Таврида, Крымское ханство, монголы, татары, Золотая Орда, Улус Джучи, Генуэзская Газария, Готия.

NOTES TAKEN BY SCIENTISTS AND TRAVELERS OF THE LATE XVII – EARLY XIX CENTURIES ABOUT THE CRIMEA AND THE CRIMEAN KHANATE

S.B. Adaksina, V.L. Myts

The material presented in the paper allows to get an idea of the gradual storing knowledge by scientists about the history of the Crimea from the end of the XVII to the beginning of the XIX century. The available data was mainly based on the evidence of medieval written sources. In some cases, the conjectural nature of this information is obvious. First of all, this refers to: 1) incorrect evidence of the conquest of the Crimean Peninsula by Tamerlane (or his creature – Edigej) in 1395; 2) the extermination of the population of Kaffa (and other cities) by the Ottomans in 1475; 3) the confirmation of Mengli I Giray on the throne by Mehmed II in 1478 and the recognition by the Crimean Khanate of a vassal dependence on the Ottoman Empire. It should be noted that so far not a single document has been found confirming these erroneous judgments.

Keywords: archaeology, history, Crimea, Tavrida, Crimean Khanate, Mongols, Tatars, Golden Horde, Ulus of Jochi, Genoese Gazaria, Gothia.

Начало изучения прошлого средневекового Крыма XIII–XV вв. в отечественной историографии было положено в конце XVII в. и связано с появлением «Скифской истории» Андрея Лызлова (1655–1696)¹. При её подготовке автор использовал широкий круг русских (летописи, хронографы, разрядные книги и проч.) и иностранных (в основном польско-литовских и итальянских) источников. Вместе с тем, при ознакомлении с текстом, чувствуется ограниченность информации о средневековой истории Крыма. Автор, следуя за итальянскими историками XVI–XVII вв., явно преувеличивает роль генуэзцев, которые в те времена, были сильными на море, и якобы содержали Таврику. Автор также приписывает исключительно генуэзцам

создание городов: Мангупа, Керкеля, Крыма, Азова, Каффы, Килии или Ахилии, Монкаструма или Белгорода (Лызлов, 1990. л.13об.).

Вместе с тем Лызлов, опираясь на свидетельство русско-литовской летописи, вносит поправку в дату сражения князя Ольгерда с татарами на реке Синие Воды приводимую М. Стрыйковским – с 1333 г. – на 1362 г. и описывает маршрут литовской армии. Он сообщает, что литовцы, пройдя Черкассы и Канев, достигли речное урочище Синяя Вода, где река Буг в море впадает. Здесь Ольгерд застал «орды татар, кочующих тамо с тремя цариками, натрое разделённых: первый Кутлубах-солтан, второй Качиберей-солтан, третий Диментер-солтан». Между ними произошло сражение, «идеже мнози татарове избие-

ни быша и оныя царьки их таможе падоша» (Лызлов, 1990, л.26). При этом историку не удаётся избежать преувеличения масштабов влияния Синеводской битвы и географии походов русско-литовских войск в 1360-х гг. Результатом этого сражения Лызлов ошибочно считает освобождение от татар обширных территорий «от Путивля к Киеву, и до усть Дону», на левобережье Днепра и даже до Ачакова. Татары якобы были изгнаны «к реке Волге,... к Кафе и ко Азову, и в Крым за самую Перекоп» (Лызлов, 1990, л.26 об.).

Интересно предлагаемое Лызловым изложение одной из летописных версий гибели Мамай. Он пишет, что Мамай с четырьмя своими князьями от великого страха бежал в город Каффу, где утаил своё имя, но «вскоре познанный убиен бысть от фряс и яко злый, зле погибе» (Лызлов, 1990, л.27). Начало формирования Крымского ханства Лызлов относит к концу XIV в. и связывает с политической деятельностью Едигея при правлении Тамерлана. По его версии Едигей «во время Тимир-Аксаково» пришёл «в Таврику за Перекоп» и укрепился там. С этого времени (1395–1396 гг.- авт.) начала «умножаться и славиться Перекопская, то есть Крымская орда, и царей нача своих оттуда имети» (Лызлов, 1990, л.30). При этом Лызлов добавляет, что этот Едигей многими летописцами называется первым царём «Крымской орды, иже будущи при Темир-Аксаке» (Лызлов, 1990, л.136). Обстоятельства появления на крымском престоле Хаджи Гирея Лазлов описывает по М.Стрыйковскому и относит к 6951 г. (=1443 г. от Р.Х.). Данное событие он связывает со смертью вымышленного хана Девлет-Гирея, а сам процесс прихода к власти Хаджи Гирея представляет в традиции польских источников, сообщающих, что в Польшу, к королю Казимиру, пришли послы перекопских татар и просили у него себе на ханство «Ачи-Гирея, иже избежав из Крыма в Литве живяще, имеючи во сдержании градок Лиду». Король Казимир выполнил просьбу татар и сделал «Ачи-Гирея ханом, послал ево во Орду с маршалком своим Радивилом» (Лызлов, 1990, л.137об.).

Следует также признать, что об этносе населения средневековых городов Таврики у автора было весьма ограниченное представление. Например, Лызлов писал, что в древних городах (Солдаёе, Кафе, Херсоне) «жили немцы-генуенсы и греков немало и донныне

яко тамо, так и во иных местах много родов знатных, иже идут от немци от французов живших тамо» (Лызлов, 1990, л.125 об.).

Следует особо отметить появление в русской историографии середины – второй половины XVIII в. «Историю Российскую...» В.Н. Татищева (1686-1750)². Татищев, будучи инженером-артиллеристом по специальности, больше известен как государственный деятель, экономист, географ, но особенно – историк, создавший первый капитальный труд по русской истории. Прошлому Крыму интересующего нас периода Татищев не уделяет особого внимания. Он только отмечает, что Херсонес Таврический служил южной границей Киевской Руси. При этом он ссылается на сообщение Вильгельма Рубрука. Когда тот в 1253 году «мимо Крымских пределов плыл», то видел, что эти пределы были укреплены многими замками и «там было много готов, наречие которых есть немецкое» (Татищев, 2011, с. 391, 475).

Более пристально Татищев обращается как к монгольскому завоеванию Восточной Европы, так и самим монголам. Он отмечает, что «Русские историки, хотя их *татарами* именуют, но они сами оного не употребляли, а именовались *монгу* и *монгалы* (выделено мной – В.М.), как в грамотах ханов их и князей указано» (Татищев, 2011, с. 270). В его сочинении находится также место поисков столицы Золотой Орды, которую он локализует на месте Царевского городища. Татищев поясняет свои поиски тем, что этот «Золотой двор русские разумели Золотая орда, но у татар Золотой дом, или Шери орда, разумеется, везде и даже в поле ханская стака» (Татищев, 2011, с. 333).

В современной историографии начало научного изучения Крыма связывается с именем В.Ф.Зуева (1752–1794) (Непомнящий, 1998, с. 91–96; Каушлиев, 2008, с. 16–20). Молодой³, талантливый учёный (ученик академика П.С.Палласа), получив звание адъюнкта, был направлен в 1782 г. Петербургской Академией наук в Северное Причерноморье. Базой для обследования обширного региона В.Ф.Зуев избрал Херсон. За короткое время, несмотря на прекращение Академией финансирования, Зуеву удалось побывать в Стамбуле, вернуться через Молдавию в Херсон, а затем проникнуть в Крым. На полуострове в то время было не спокойно, т.к. дело шло к свержению хана

Шагин-Гирея (первое правление относится к 1777–1782 гг., второе – 1782–1783 гг.).

Экспедиция Зуева приступила к обследованию Крыма 12 апреля 1782 г. В этой поездке Василия Зуева сопровождал рисовальщик Степан Бородулин. Попав на полуостров через Перекоп, путешественники, доехав до Карасубазара, повернули на восток. На их пути были знаменитые средневековые города: Старый Крым, Кефе⁴ и Керчь. Возвращались они на материк через Арабат. Обратный маршрут из Керчи в Херсон был выбран вынужденно, потому что в мае 1782 г. в Крыму началось восстание против Шагин-Гирея⁵.

Несмотря на кратковременность пребывания В.Ф.Зуева в Крыму, им были оставлены важные научные наблюдения не только природной, политической и экономической характеристики края, но также истории, этнографии, демографии и топографии. Следует отметить, что В.Зуев, при подготовке отчётных материалов о поездке в Крым, явно пользовался дополнительными письменными источниками и устной информацией полученной от других людей, знакомых с полуостровом (Каушлиев, 2008, с. 17). Это видно из того, что автор пытается представить в развёрнутом виде экономическое, политическое, этнографическое и демографическое состояние всего полуострова на 1782 г. Особенно ценны этнологические наблюдения Зуева, когда он обращает внимание на характер разных жилых и культовых построек, одежду местных жителей, обстановку внутри домов, пищу и проч. В этом отношении его данные точны и интересны, т.к. принадлежат самому учёному.

Иное дело попытка воссоздать историческое полотно с момента появления татар на полуострове. В этом обзоре оказываются не только важнейшие города Восточного Крыма (Керчь, Кефе, Старый Крым, Судак), но и Юго-Западная часть Таврики (Херсон, Мангуп, Инкерман, Балаклава) и Южнобережье (Алушта, Гурзуф и Ялта). Надо признать, что В.Ф.Зуеву не удалось представить внятной исторической картины полуострова. Он явно и сильно преувеличивает роль генуэзцев, которые, по его мнению, до появления татар и турок являлись хозяевами полуострова. Лигурийцы якобы отстроили здесь самые главные города (в том числе в Юго-Западном Крыму – Херсон, Мангуп и др.), а им, после упор-

ной борьбы с татарами и турками, достались Каффа и Крым (Солхат). Ещё менее исторично выглядит долгий и витиеватый рассказ о восхождении Менгли I Гирея на престол Крымского ханства (конечно, он это делает с помощью турецкого султана Мехмеда II), который Зуев завершает признанием крымскими татарами верховенства над ними османов⁶. До настоящего времени не проделана работа детального анализа (сам Зуев не сообщает откуда почерпнул сведения об истории Крыма) оставленных автором заметок.

В последней трети XVIII – первой половине XIX вв. основной интерес исследователей был сконцентрирован на изучении древностей Северного Причерноморья и, прежде всего, Крымского ханства, а также крупнейших городов построенных латинянами – Каффе и Солдае. В 70-х гг. XVIII в., в связи с очередной российско-турецкой войной и укреплением позиций России в Причерноморье, дипломаты и учёные Западной Европы особое внимание уделяют истории Крыма (Тункина, 2002, с. 38).

В 1784 г. в «Большом землеописании Бюшинга» (1784–1787) появляется раздел «Крымское ханство», написанный профессором Галльского университета, шведом по происхождению, И.Э.Тунманном (1746–1778) (Тункина, 2002, с. 38). Данный очерк был подготовлен на немецком языке и во французском переводе ещё в 1777 г. Издание работы Тунманна явилось важным этапом в изучении прошлого Тавриды. Дело в том, что до этого времени историография средневекового Крыма состояла из отдельных и разрозненных сведений, оставленных путешественниками XVI–XVII вв. (М. Броневским, Д'Асколи, Г.Л. Бопланом, Э. Челеби и др.). И.Э. Тунманн был первым, кто попытался создать систематизированный в хронологическом и тематическом порядке очерк истории Таврии с легендарных догреческих времён и до его дней (Мыц, 1991, с. 7). При этом источниковедческая база, на которую опирался Тунманн, достаточно прозрачна (Страбон, Арриан, Плиний Старший, Георгий Пахимер, И. Стелла, А. Джустиниани, У. Фольетта, М. Броневский, Э. Д'Асколи, Г.Л. Боплан и, возможно, др.).

Однако уровень исторических знаний XVIII в. и малочисленность доступных источников явились причиной ряда ошибок и пробелов, не умаляющих значимости проде-

ланной автором работы (Эрнст, 1991, с. 7). И.Э. Тунманн никогда не бывал в Крыму и все сведения почерпнул из доступных ему изданий. Автору удаётся создать достаточно полную и объективную картину средневековой истории полуострова и его топонимики. По Тунманну Готией называлась горная часть Таврики, в которой обитали готы. Он также даёт объяснение названия Газария (Хацария, Гацария), появившееся со «времени владычества хазар над Крымом». В то же время автор отмечает, что «платя дань хазарам, готы всё-таки признавали верховную власть византийского двора». Занявшие в середине XI в. Крым «команы тоже заставили крымских готов и греков платить им дань» (Тунманн, 1991, с. 19).

Тунманн иногда допускает преувеличения говоря, что «город Сугдая ... своей торговлей достиг такой славы, что все греческие владения в Крыму получили название...Солдания». Автор предлагает своеобразную картину поздневизантийской истории полуострова. Он считает, что до 1204 г. готы «признавали верховную власть Византийской империи. Затем они сделали независимыми и избрали себе своё собственное начальство, или попадали под власть особых князей. Два таких княжества просуществовали до османского завоевания: княжество Теодори (Ингкирман) и Готское (Мангут)» (Тунманн, 1991, с. 19).

Заключение Тунманна о существовании в горном Крыму в XIII-XV вв. двух княжеств (Эрнст, 1991, с.73, прим.48) стало причиной долгих споров исследователей и трансформировалось в столь же ошибочное суждение об аланском княжестве, столицей которого якобы являлся город Кырк-Ер (Мыц, 2019, с. 467–474).

Завоевание полуострова монголами Тунманн относит к 1235 г. и связывает с Бату (1235–1255). По его мнению опустошения Тимур-бега (Тамерлана, 1395 г. – авт.) привели к развалу некогда могущественного татарского государства, что способствовало созданию Хаджи Гирея к 1443 г. в Крыму независимого ханства. Продолжателем государственного строительства Хаджи Гирея стал его сын Менгли Гирай, «однако под османским протекторатом» (Тунманн, 1991, с. 15).

В 1788 г. в Киеве издано (в переводе на русский) сочинение польского епископа Адама Нарушевича (1733–1796) (Нарушевич,

1788; Naruszewicz, 1805, S. 7–139). Автор в повествовании истории Крыма строго придерживается построенной им хронологической схемы, описывая события от времени обитания в Причерноморье киммерийцев до вхождения полуострова в состав России в 1783 г.⁷

Несмотря на компилятивность сочинения (А.Нарушевич привлек при написании книги свидетельства польского Коронного архива, Литовской Метрики, труды историков XIV–XVII вв.: Григория Пахимера, Лаоника Халкондила, Яна Длугоша, Матвея Меховского, Мартина Броневского, Михалона Литвина) им высказываются и оригинальные для того времени суждения. Например, татары «сами себя называли могольцами», а как о татарах о них говорили европейские писатели и особенно «греки, кои их в повествованиях своих Тохарами называть начали» (Нарушевич, 1788, с. 89–90). Вероятно, впервые А.Нарушевичем сформулирован вопрос об оседании татар на завоёванных землях после ранних двух появлений в Крыму (1223 и 1237 гг.)⁸. До настоящего времени на него у археологов нет ясного и убедительного ответа.

Не соответствует реальности суждение А.Нарушевича о том, что генуэзцы первоначально основали торговую факторию в Азаке (Тане), а затем уже получили от татар разрешение на основание Каффы. Но ему известно, что это поселение было защищено валом и рвом, постепенно превратившись в знаменитый, крепкий и богатый город. Интересно замечание автора, что заполнившие «Таврицию» генуэзцы и татары не только вытеснили из торговли на Чёрном море бывших хозяев полуострова – византийских греков, но и способствовали исчезновению их древних селений (Нарушевич, 1788, с. 100–102).

К числу вымышленных историй относится рассказ о том, что начавшаяся около 1343 г. моровая язва якобы вынудила татар покинуть территорию полуострова и переселиться за Дон (Нарушевич, 1788, с.102–103). Не менее фантастически выглядят походы русско-литовских войск в Крым во время правления Ольгерда и Витовта, когда якобы «князя Литовские, ворвавшись в Таврицию, порубили граждан Херсонесских, ограбили тамошние церкви и весьма много сокровищ увезли в Киев». А.Нарушевич считает, что именно эти события явились поводом для приглашения обывателями Таврикии - христианами

(итальянцами и греками) для своей защиты *Заволжских Монгольцев*, но в то же время Заднепровские татары были в подчинении у Ольгерда (Нарушевич, 1788, с. 108–109).

Первым правителем крымских татар автор называет Темир-Кутлука. Их подъём начинается с приходом к власти Хаджи Гирея, который «утеснив оружием греческие и генуэзские селения подать себе платить принудил» (Нарушевич, 1788, с.124). Причиной успешных завоеваний в Крыму турок Нарушевич справедливо считает борьбу за власть между сыновьями Хаджи Гирея. Укрывшийся в Каффе Менгли Гирей с двумя братьями был взят в полон и доставлен в Царьград. Оттуда он уже прибыл обратно «с именем хана». По мнению Нарушевича «с того самого времени турки начали иметь верховную власть над татарами Перекопскими, отправляя в Таврикою свои гарнизоны, и оставлял ханам титул братства и вечного союза» (Нарушевич, 1788, с. 137–138).

Ещё одной попыткой создания исторического сочинения обобщающего характера является труд Могилёвского католического архиепископа Ст. Богуша-Сестренцевича (1731–1826) – «История Таврии», сначала написанный и опубликованный на французском языке в 1800 г. и переизданный на русском в 1806 г. в двух томах (Богуш-Сестренцевич, 2011). Автору дважды удалось побывать в Крыму в 1780-е гг. (второй раз в 1787 г.) и поэтому он имел наглядное представление об историческом ландшафте полуострова. Гористую часть полуострова Богуш-Сестренцевич называет «настоящей Таврией» и приводит известные ему названия византийского города Херсон или Керсон (Сарсон, Сарикерман), который «был столицей небольшого полуострова...и даже всей Таврии в течение нескольких веков» (Богуш-Сестренцевич, 2011, с. 25). Развалины Дороса автор размещает в Инкермане (Каламите – *авт.*), где якобы находилась столица княжества Феодоро. В то же время Мангуп – место пребывания готов. Рядом с ним находятся другие горы с высеченными в них пещерами – Эски-Кирым и Черкес-Кирым. Рядом с горой Агармыш находится город Старый Крым или Крым, на вершине горы близ Бахчисарая виден «замок Киркиель, бывший жилищем древних ханов». Иногда автор излишне доверяет рассказам своих проводников о пребывании в горной Таврике генуэзцев и поэтому сообщает, что

неподалёку от Бахчисарая расположен Тепе-керман, служивший при генуэзцах темницей, потому что «в ней видны ямы, наполненные человеческими костями» (Богуш-Сестренцевич, 2011, с. 30–34).

Богуш-Сестренцевич допускает преувеличения, когда особое место в истории Крыма отводит генуэзцам. Они якобы ещё в XIV столетии овладели Мангупом, Инкерманом, Судаком и Балаклавою, и начали угнетать Херсон (Богуш-Сестренцевич, 2011, с. 93). Монголо-татары, появившиеся в Крыму в 1237 г., «обращались с готами, как с рабами» и тоже «самое претерпели князья Феодори, или Инкермана, существовавшие с 1204 г.» (Богуш-Сестренцевич, 2011, с.281).

Реальный вклад в изучение средневековых памятников Крыма был сделан в конце XVIII-XIX вв. специалистами Императорской Академии наук, преподавателями университетов, сотрудниками музеев и исторических обществ. Например, в 1793–1794 гг. по Крыму совершил поездку академик П.С. Паллас (1741–1811)⁹. Будучи учёным-естествоиспытателем, Паллас проявлял интерес не только к природе Таврики, но и к её истории. Описание памятников, составленное им, отличается точностью и знанием средневековой западно-европейской и восточной архитектуры. Материалы его экспедиции длительное время не переводились на русский язык, хотя уже в конце XVIII – начале XIX вв. были изданы на немецком, французском и английском языках, что дало возможность европейским учёным впервые познакомиться с реальными следами строительной деятельности византийских, итальянских, армянских и золотоордынских (восточных) зодчих (Pallas, 1799, Vd.1, 516 s.; Vd.2.525 s.)¹⁰. Наряду с описанием развалин Херсонеса, Инкермана, Мангупа, Чуфут-Кале, Балаклавы, Судака, Каффы, Старого Крыма и других средневековых городов, Паллас отмечает наличие мусульманских мавзолеев в Эски-Юрте, Салачике, Кырк-Йере, башню в Чоргуне, греческие монастыри (в Инкермане, Св.Георгия, Майрам-Дере). Не менее ценны изданные автором иллюстрации в виде гравюр.

Специалисты по латинской эпиграфике, посетившие Крым в конце XVIII в., смогли по достоинству оценить важность сохранившихся генуэзских закладных плит, содержащих ценнейшую информацию о строительной

деятельности консулов лигурийских торговых факторий. Одним из первых к этой теме обратился аббат Г.Л. Одерико (1725–1803). В 1792 г. им была опубликована небольшая работа, в которой представлено 6 надписей, сопровождаемых изображениями геральдической символики из Каффы и Солдаи (Oderico, 1792)¹¹. Иллюстрации дополнялись авторским текстом призванным познакомить читателя с основными событиями из истории генуэзских колоний Газарии. Прежде всего, Одерико обратился к рассказу о драматических событиях войны 1433–1434 гг. закончившейся захватом Чембалло и разгромом татарами экспедиционного корпуса Карло Ломеллини у селения Кастадзона¹².

Присоединение Крыма к России в 1783 г. вызвало повышенный интерес к его истории. На территорию полуострова устремился поток дипломатов, миссионеров и просвещённых дилетантов, оставивших после своих вояжей целую серию интересных путевых заметок. Особое место среди записок путешественников конца XVIII – начала XIX в. занимают сочинения П.И. Сумарокова (1767–1846). Он дважды побывал на полуострове и после каждой поездки издал собранные материалы (Сумароков, 1800; 1803; 1805). Впервые П.И. Сумароков посетил Тавриду в 1799 г.¹³ Вышедшее в 1800 г. «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» представляло собой относительно небольшую книгу, изданную в форме путевых заметок¹⁴. Знакомство с полуостровом и публикация первой книги, явились значимой вехой в творческом и карьерном успехе П.И. Сумарокова: уже в 1801 г. он был направлен в Крым в составе специальной судебной комиссии. В результате более детального знакомства с Тавридой (1801–1802 гг.) в 1803 и 1805 гг. из печати выходят в двух частях «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду». Отличительной особенностью этой книги является то, что она богато иллюстрирована, а сам автор выступает в роли «сентиментального путешественника, отечественного чиновника и гражданина» (Фарафонова, 2017. с. 70–82).

Важность появления двух ранних работ П.И. Сумарокова состоит в том, что это были первые описания памятников, истории, географии, этнографии, демографии, экономики Крыма, составленные русским путе-

шественником вскоре после присоединения полуострова к России. Будучи военным в отставке, Сумароков, прежде всего, обращает внимание на руины крепостей оставленных турками (Перекоп, Арабат, Керчь, Ени-Кале, Гезлёв, Кефе, Балаклава). Вместе с тем его описания руинированных и относительно целых памятников (Кырк-Йер – Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Мангуп, Эски-Кермен, Черкез-Кермен, Инкерман, Херсонес, Балаклава, Ялта, Гурзуф, Алушта, Чобан-Куле, Судак, Каффа, Пантикапей и проч.) всегда опираются на личные впечатления¹⁵. Он демонстрирует знания трактатов античных географов (особенно часто автор ссылается на Страбона) и исторических сочинений современных ему авторов (Г.Л. Одерико, В. Формалеони, Ш. де Пейсонеля, Ст. Богуша-Сестренцевича и др.).

Развернувшееся на полуострове после его присоединения к России новое строительство привело к массовому разрушению многих памятников, что вызвало озабоченность со стороны учёных и государственных деятелей. В декабре 1819 г. к министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицину обратился В.В. Капнист (1758–1823) (Тункина, 2002, с. 77, 617–618), указывавший на недопустимость пренебрежения изучением, охраной и реставрацией древних памятников Крыма, которые, несмотря на их огромный исторический интерес, повсеместно и постоянно подвергаются разрушению (Юргевич, 1886, с. 50). Голицин передал эту записку президенту Императорской Академии наук, известному археологу графу С.С. Уварову, и она была обсуждена на Конференции 26 января 1820 г.

Подготовку плана работ по сохранению памятников старины на Таврическом полуострове решением конференции возложили на Е.Е. Кёлера (1765–1838). Кёлер впервые посетил Крым в 1804 г. в сопровождении художника К.Кюгельхена (Тункина, 2002, с. 65–67) и был хорошо знаком с его древностями, занимаясь сбором нумизматической коллекции (Юргевич, 1886, с.51). 29 мая 1821 г. Кёлер отправился из Петербурга в Новороссию. В этой поездке его сопровождал специально прикомандированный и работавший в то время в Москве архитектор Е.Ф. Паскаль (1791–1861?). Из экономических сумм Императорской Академии наук на экспедиционные расходы было выделено 8 тыс. руб. (Тункина,

2002, с.78; 2013, с.197–214). Кёлера и Паскаля снабдили наиболее подробной картой Крыма съёмки генерал-майора С.А. Мухина (1817 г.), геодезическими и измерительными приборами (Тункина, 2002, с.79; 2013, с. 201).

Работы Кёлера и Паскаля продолжались в течение пяти месяцев. За это время ими было обследовано 22 комплексных архитектурно-археологических памятника, выполнены их обмеры, сделаны зарисовки видов и отдельных важных деталей (Кёлер, 1872, с. 372–396). Исследованные объекты Кёллер разделил по историко-культурному и хронологическому признакам на три группы: 1) постройки греческой архитектуры (к ним был отнесён, прежде всего, византийский Херсон); 2) остатки генуэзской архитектуры, куда кроме Каффы, Судак, Чембало, Гурзуфа и Инкермана причислен и Мангуп)¹⁶; 3) татарские и турецкие памятники (Чуфут-Кале, гробницы и мечети средневековых городов и, прежде всего, Каффы) (Мыц, 1991, с. 8). К сожалению, собранный тогда большой и научно значимый материал остался не обработанным и до настоящего времени не издан (Тункина, 1988, с.307-308; 2002, с. 79; 2013, с. 203–214).

Важнейшим событием первых двух десятилетий XIX в. в изучении истории России явилось издание в 1819 г. многотомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (1766–1826). После своего выхода данное произведение несколько десятилетий будет оставаться наиболее ярким событием в историко-культурной и интеллектуальной жизни страны, долгое время, оказывая сильное влияние на формирование патриотического и национального самосознания населения Российской империи.

Не занимаясь предметным изучением истории средневековой Таврики Н.М. Карамзин поместил в своей объёмной работе отдельные ремарки, касающиеся истории полуострова. Он отмечал, что, покупая соль в Тавриде, россияне привозили в Судак горностаевые и другие меха, чтобы обменять их у восточных купцов на бумажные, шелковые ткани и пряные корни. Далее автор высказывает предположение, что половцы, после того как овладели степным Крымом и Таманью, для «собственных выгод не мешали торговле и первые, кажется, впустили генуэзцев в южную часть Тавриды» (Карамзин, 2002, с.241)¹⁷. Касаясь событий 1260–70-х гг. он более опре-

делённо пишет об основании Каффы генуэзцами, которые на первых порах торговали в Тавриде вместе с венецианцами. При императоре Михаиле Палеологе они пытались пользоваться исключительными правами в этой торговле.

Далее Н.М.Карамзин достаточно точно представляет последовательность действий лигурийцев по укреплению в Тавриде. Сначала, с разрешения моголов генуэзцы начали обустриваться, возводя гостинные дворы, анбары и лавки. Первоначально они выпросили у монголов небольшую частицу земли и окружили её рвом и валом. Затем приступили к возведению высоких домов, расширили отданный им земельный участок, окружив его каменной стеной. Появившийся на берегу моря «укреплённый, прекрасный город» назвали Каффою. Укрепившись в Каффе генуэзцы «овладели Судакком, Балаклавой, нынешним Азовом, или Танаисом, выгнали оттуда своих опасных современников, венециан, и стеснили древний Херсон, где (в 1333 году) находился уже латинский епископ» (Карамзин, 2002, с. 300).

Далее Карамзин упоминает о военном конфликте между генуэзцами и монголами в 1343 г. и о том, что они (генуэзцы) «господствовали там до падения Греческой империи (1453 г. – *авт.*) и были, наконец истреблены турками» (Карамзин, 2002, с. 300)¹⁰. Особое внимание уделяется пандемии чумы, когда в 1346 г. «в странах каспийских, черноморских, в Армении, в земле Абазинской, Ясской и Черкесской, в Орде при устье Дона, в Бездеже, в Астрахани и в Сараяе», начался мор. Эта болезнь, известная под именем «Черной смерти», началась в Китае, истребила там около тринадцати миллионов людей, достигла Греции, Сирии, Египта». На генуэзских кораблях чума попала в «Италию, где, равно как и во Франции, в Англии, в Германии, целые города опустели» (Карамзин, 2002, с. 345).

По Карамзину Ольгерд в 1363 г. «ходил с войском к Синим Водам, или в Подолию, к устью Днепра, где кочевали три орды монгольские; разбив их, гнался за ними до самой Тавриды». Далее он следует заблуждению Михалона Литвина о том, что Ольгерд якобы «опустошил Херсон, умертвил большую часть его жителей и похитил церковные сокровища: с того времени, как, вероятно,

опустел сей древний город» (Карамзин, 2002, с. 360).

Карамзин отмечает хорошую сохранность созданных некогда генуэзцами строений: «ещё и ныне видим в Тавриде памятники сих образованных итальянцев, остатки их зданий и надписи». Он не оставляет без внимания и золотоордынский компонент средневековой культуры населения полуострова, отмечая, что вблизи от Каффы находился «знаменитый монгольский город *Крым* (коего именем назвали всю Тавриду)». Город этот был настолько великим и пространным, что всадник едва мог на... коне объехать его в половину дня». В описании главной мечети Солхата Карамзин допускает явные преувеличения, когда пишет, что она была украшена «мрамором и порфиром»¹¹. Другие общественные здания, особенно медресе – «заслуживали удивления путешественников». Интересна заключительная ремарка историка: «Жители Крыма славились богатством и скупостью... строили великолепные мечети в знак своей набожности. Нынешнее местечко *Старый Крым* (на реке Чуруксе, близ Кафы) есть бедный остаток сего древнего города» (Карамзин, 2002, с.300).

Карамзин полагает, что в 1380 г. на Куликовом поле в войске Мамаю, в основном состоявшего из татар, находились половцы, хазарские турки, черкесы, ясы», а также крымские генуэзцы: «одни служили ему как подданные, другие как наёмники»¹². Он предлагает одну из отражённых в летописях версий окончания политической карьеры и гибели Мамаю: «оставленный неверными мурзами, бежал в Кафу и там кончил жизнь свою: генуэзцы обещали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить победителю (Тохтамышу – В.М.) или завладеть Мамаевою казною» (Карамзин, 2002, с.375).

Из всех историко-топографических работ XIX в. наиболее полное и детальное описание средневековых памятников горного Крыма было представлено П.И. Кеппеном (1793–1864) в его «Крымском сборнике» (Кеппен, 1837). В 1833–1834 гг. на средства (1200 руб.), выданные генерал-губернатором Новороссийского края М.С. Воронцовым (1782–1856), Кеппен совершил поездку (осенью 1833 и весной-летом 1834 г.), занимаясь обследованием располагавшихся на территории горного Крыма средневековых памятников (Кеппен, 1834; Мыц, 1999, с. 192–200; Тункина, 2002,

с. 90–97)¹³. Хорошее знание топографии изучаемых объектов позволило ему создать работу, которая на многие десятилетия стала единственной в своём роде. Кеппен разделил обследованные им церкви на греческие и армянские, по такому же принципу он фиксировал и эпиграфические находки. Привёл статистические данные по наличию в Юго-Восточном Крыму армянских церквей, составил типологию надгробий караимов, татар и греков. Самый важный раздел в его работе отведён описанию укреплений, обследованных им на территории горного Крыма. На основании свидетельств письменных источников большую часть крепостей Таврики П.И. Кеппен относил к византийской поре и считал их объектами византийского военного строительства в Крыму (Кеппен, 1837, с. 44–45). Однако большая часть крепостей датирована им неопределённо – послеюстиниановским (т.е. после 565 г. – В.М) временем¹⁴.

«Крымский сборник» П.И.Кеппена¹⁵ – это, по сути, первое научное описание средневековых древностей горного Крыма и поэтому продолжает оставаться настольной книгой современных исследователей. Сборник содержит не только данные по археологии, топографии и топонимике, но в нём автор приводит и исторические сведения, подчерпнутые им из письменных источников. П.И. Кеппену удалось, используя накопленный к тому времени научный материал, отразить многогранную сложность исторического процесса эпохи крымского средневековья, где переплетались экономические и политические интересы ряда государств Средиземноморья.

В первой трети XIX в. Новороссия и в особенности Крым по-прежнему привлекали внимание западноевропейских учёных. В 1833–1834 гг. по Крыму и Кавказу совершил путешествие Ф.Дюбуа де Монпере (1798–1850), направленный в южную Россию французской Академией наук. Геолог по специальности, он оставил обширное описание разнообразных исторических памятников Крыма, снабдив его большим числом иллюстраций. Материалы поездки Дюбуа де Монпере были первоначально опубликованы на французском языке в шести томах (1839–1843) со специальным приложением в виде Атласа (1840–1843) (Dubois de Montpereux, 1839–1843; Дюбуа де Монпере, 2009). В России эти издания ещё в XIX в. стали библи-

ографической редкостью, но так и не были полностью переведены на русский язык¹⁶. Уже после выхода в свет сочинение Ф. Дюбуа де Монпере получило противоречивую оценку со стороны специалистов (Бертье-Делагард, 1888, с. 196, 197, 204–205)¹⁷. Важно то, что благодаря ему до нас дошли изображения древних предметов и зданий Генуэзской Газарии, Готии, Золотой Орды и Крымского ханства, которые в настоящее время исчезли полностью или оказались сильно руинированными. Хотя помещённые в «Атласе» рисунки не во всём и не всегда точны, но из работ первой половины XIX в. это лучшее иллюстрированное издание по истории и археологии Крыма.

В XVIII – начале XIX вв. в Европе и России выходят из печати издания, посвящённые возникновению и развитию на протяжении XIII–XV вв. в Северном Причерноморье латинских (Генуи, Венеции и Пизы) торговых факторий. Их появление стимулировало публикацию в 1828 г. обширной и историографической по своему характеру работы подготовленной молодым талантливым учёным Н.И. Надеждиным (1804–1856)²⁶¹⁸. Она была опубликована на протяжении года в пяти выпусках журнала «Вестник Европы» (Надеждин, 1828, № 15, с. 161–183; № 16, с. 241–371; № 17, с. 3–39; № 18, с. 81–107; № 19, с. 161–190).

Являясь поклонником научного творчества и гражданской позиции Н.М. Карамзина, романтично настроенный Н.И. Надеждин начитает своё первое сочинение с патристической констатации, что Крым «ныне (1820-гг.-В.М.) часть великого государства Российского» (Надеждин, 1828, с. 161). Обращаясь к крымской теме¹⁹, неразрывно включённой в контекст европейской истории, автор опирается на широкий круг опубликованных к тому времени источников, труды средневековых авторов (Константин Багрянородный, Никифор Григора, ест.), работы учёных общающегося характера (Э. Гиббона (1737–1794), Ж.Ш. Сисмонди (1773–1842), А.Г. Геерена (1760–1842) и др.). Надеждин стремится

Примечания:

¹ Андрей Иванович Лызлов – русский историк и переводчик, родом из служивых дворян, с 1676 г. стольник, участник двух Крымских войн (1687 и 1689 гг.), а также Азовских походов (1695–1696 гг.). Закончил работу над рукописью «Скифской истории» в 1692 г. Книга издавалась дважды Н.И. Новиковым в 1776 и 1787 гг. Последнее издание – 1990 г. (Лызлов А. Скифская история. М., 1990. 361 с.). Более подробно о становлении историографии Крыма XVIII–XX вв. см. (Непомнящий, 2019, с.21-55).

² Автор работал над *Историей* до своей смерти (15 июля 1750 г.) и успел завершить только первые две части

воссоздать реальную картину исторического процесса, подтверждённую свидетельствами документов (Нечепорук, 2016, с. 316). Значительная часть работы посвящена предистории появления итальянских факторий в Крыму. Особое внимание обращено на развитие Венеции до начала XIII в., когда она обрела «владычество над тремя восьмыми частями Восточной империи», в том числе и в Чёрном море. Однако в Крыму (Газарии) стали господствовать соперники венецианцев – генуэзцы, основавшие здесь крупнейшую факторию – Каффу. Временем расцвета Каффы и генуэзской торговли на Понте Надеждин называет середину XIV в.²⁰

Утверждение Хаджи Гирея на престоле Крымского ханства Надеждин отнёс к 1428 г. Эта ошибочная дата долгие годы будет фигурировать в публикациях различных авторов. В драматических тонах Надеждин рисует захват турками в июне 1475 г. Каффы, превращённой османами в Кучук-Стамбул. По его мнению, последним убежищем генуэзцев стал Мангуп, где они якобы пытались укрыться совместно с ханом Менгли Гиреем (Надеждин, 1828, с. 161–190).

Представленный выше материал даёт возможность составить представление о постепенном накоплении учёными сведений об истории Крыма с конца XVII – по начало XIX столетия. Имевшиеся знания в основном базировались на свидетельствах средневековых письменных источников. В ряде случаев конъюнктурность этих сведений очевидна. В первую очередь это касается: 1) неверных свидетельств завоевания Крымского полуострова Тамерланом (или его креатурой – Идигеем) в 1395 г.; 2) поголовным истреблением населения Каффы (и других городов) османами в 1475 г.; 3) утверждение на престоле Мехмедом II в 1478 г. Менгли I Гирея и признание Крымским ханством вассальной зависимости от Османской империи. Следует отметить, что до настоящего времени не обнаружен ни один документ, подтверждающий эти ошибочные суждения.

изданные в 1768-1769 гг. В дальнейшем поиски и доработка рукописей затянулась на несколько десятилетий и последний – V том – был опубликован только в 1848 г. (Татищев, 1965, Т. 1–5; 2011). В своей многотомной работе автору впервые удаётся осуществить переход от средневекового летописания к критическому стилю повествования.

³ В.Ф.Зуеву во время этой экспедиции было 30 лет.

⁴ Интересно описание Кефе, которое оставил В.Зуев, т.к. именно этот город Шагин-Гирей превратил в свою столицу и не зря. Хан смог спастись со своими приближёнными во время крайней опасности во время восстания 1782 г., сев на корабль, он отправился в Керчь, где находились русские войска (Ратушняк, 2013, с.40).

⁵ Восстание возглавили два брата Шагин-Гирея – Батыр-Гирей и Арслан-Гирей. Уже 17 июня в Крым с Таманского п-ва переправился Батыр-Гирей и сопровождавшие его 1500 горцев, захватившие брошенную Шагин-Гиреем столицу (Кефе). Вскоре к мятежному брату присоединился Арслан-Гирей. 29 июня 1782 г. крымские мурзы и беки-старшины четырёх кланов (Ширины, Барыны, Аргыны и Седжуиты) новым ханом избрали Батыр-Гирея (Ратушняк, 2013, с.39-42).

⁶ О путешествии в Крым основным источником остаются материалы, содержащиеся в «Выписке из путевых заметок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 год» (Зуев, 1873, с. 122–169).

⁷ События XIII-XV вв. он посвящает полностью три раздела и частично ещё один: 1) XII – под властью татар Кипчацких; 2) XIII – под властью литовцев; 3) XIV – под властью ханов Перекопских; 4) XV – под властью турков, до времени падения татар (Нарушевич, 1788, с.86-163).

⁸ «Неизвестно нам, оставили Татары при первом и втором нападении своём на Европу, какие-нибудь селения единоплемен[ников] своих в нынешней Малой Татарии и в Крыму» (Нарушевич, 1788, с.96-97).

⁹ Прибыв в конце 1793 г. в Крым, П.С.Паллас остановился у своего друга К.И.Габлица, который в то время проживал в селении Чоргунь. Здесь Паллас провёл зиму и в марте отправился в путешествие на восток. К.И.Габлиц, будучи, как и П.С.Паллас, естествоиспытателем издал работы по природно-географическому (Габлиц, 1785) и историко-географическому (Габлиц, 1803) описанию Крыма. Кроме того, им в «Отечественных записках» опубликовано «Изъяснение плана развалин древнего Херсонеса» (Габлиц, 1822, с.158-163).

¹⁰ Научное издание на русском языке появилось только в конце XX в. (Паллас, 1999. 249 с.).

¹¹ В 1842 г. в издательский комитет ООИД А.Б.Ашиком был представлен перевод 19 главы о генуэзских колониях Крыма из труда Г.Л. Одерико Lettere Ligustiche, который так и не был опубликован (Тункина, 2002, с.270).

¹² Столь пышно украшенных зданий при археологических раскопках Солхата не выявлено (Крамаровский, 1989, с. 141–157; 2014, с. 138–152; Кирилко, 2016, с. 420–496; 2019, с. 691–740).

¹³ До настоящего времени пребывание в рядах войска Мамая крымских генуэзцев остаётся не доказанным.

¹⁴ В 1819 г. (по заданию министра внутренних дел О.П. Козодавлева) П.И.Кеппен проводил ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа. Данную поездку он использовал для сбора сведений об археологических памятниках Северного Причерноморья. Осенью, переправившись с Таманского полуострова в Керчь, Кеппен впервые оказался в Крыму и был поражён его ландшафтным и природным разнообразием, а также многочисленностью разновременных и разнохарактерных памятников. В декабре, вернувшись в Петербург, Кеппен приступил к систематизации собранных во время путешествия на юг материалов, составил к 7 января 1820 г. для государственного канцлера графа Н.П. Румянцева «Краткую записку о поездке к Кавказу и в Крым». В этом докладе Кеппен сделал замечание, что граф Видуа, путешествовавший сего лета по Крыму и отыскивавший преимущественно генуэзские древности, взял с собою план развалин древней крепости Корсунской. Дабы в собственном своём отечестве предупредить графа Видуа, намеревавшегося тотчас по возвращении в Италию напечатать план сей, я привез снятую с оного копию. Книга Видуа была издана в Париже в 1826 г. (Тункина, 2002, с. 93, 489).

¹⁵ О том, насколько сложным являлось в то время определение датировки памятников, является то, что к средневековью П.И.Кеппен отнёс и некоторые позднеантичные городища (Неаполь скифский, Ай-Тодор-Харакс и др.), а укрепление Сарымамбаш-Кермен XIV–XVII вв. – резиденцию татарского рода беков Яшлавских-Сулешевых (Мыц, 2018а, с. 190–203) – считал скифской крепостью, построенной Паллаком (Кеппен, 1837, с. 191, 325, 318).

¹⁶ Ю.А. Кулаковский в своём историографическом очерке, помещённом как приложение к его «Прошлому Тавриды», назвал «Крымский сборник» П.И. Кеппена эпохой в историческом и археологическом изучении Крыма (Кулаковский, 2002, с.213).

¹⁷ Т.М.Фадеевой издан перевод с французского 5-го и 6-го томов путешествия Ф.Дубуа де Монпере по Крыму в 1833-1834 гг. (Дюбуа де Монпере, 2009, 328 с.).

¹⁸ О данной публикации и её авторе более подробно см. (Нечепорук, 2016, с.312-319).

¹⁹ Н.И. Надеждин смог побывать в Крыму только через несколько лет (1832 г.) после публикации данного очерка. Он был покорён романтическими пейзажами полуострова, приобрёл в селении Кучук-Кой участок земли, где мечтал построить дом, в котором собирался провести остатки своих дней (Нечипорук, 2016, с. 318–319).

²⁰ Это не соответствует действительности, т.к. признание регионального приоритета Каффы относится только к 1398 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя // ЗООИД. 1888. Т. XIV. С. 166–279.
- Богуш-Сестренцевич Ст.* История о Таврии [История царства Херсонеса Таврийского]: в 2 т. СПб.: Типография Шнора, 1806. 884 с.
- [Габлиц К.И.]* Физическое описание Таврической области, по её местоположению, и по всем трём царствам природы. СПб.: Императорская типография у Ивана Вейтбрехта, 1785. 198 с.
- Габлиц К.[И.]* Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической Губернии собранные из разных древних и средних времён писателей с тремя картами. СПб., 1803. 52 с., ил.
- [Габлиц К.]* Изъяснение плана развалин древнего Херсона // Отечественные записки. 1822. № 22: февраль. С. 158–163.
- Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6. / Пер. с фр., пред. и прим. Т.М.Фадеевой. Симферополь, 2009. 328 с.: ил.
- [Зуев В.Ф.]* «Выписка из путешественных заметок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года» // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб., Академия наук, 1783. С. 122–169.
- Каушлиев Г.С.* Путешествие в Крым академика В.Ф.Зуева в контекст деятельности Академии наук по изучению новых территорий // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «История». 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 16–20.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского М.: Эксмо, 2002. 1024 с., илл.
- Кёппен П.И.* Археографическая и топографическая поездка по южному берегу Крыма П.И.Кёппен // Одесский вестник. 1834. 17 января №5. С. 17–18.
- Кёппен П.И.* О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. СПб., 1837. 409 с.
- [Кёллер К.Э.]* Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Кёллером о путешествии его в Крым в 1821 г. // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 372–396.
- Кирилко В.П.* Архитектура Золотоордынского Крыма // МИРАС–НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923–1929 годах: в 3–х томах / сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. С. 420–496.
- Кирилко В.П.* Культурная архитектура золотоордынского Крыма: версия Э.Д.Зливинской // Генуэзская Газария и Золотая Орда Т. 2. / Под. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 691–740.
- Крамаровский М.Г.* Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж, 1989. С. 141–157.
- Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. Киев: Стилос, 2002, 225 с.; 3 карты; 8 ил.
- Лызлов А.* Скифская история. М.: Наука, 1990. 361 с.
- Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 164 с.
- Мыц В.Л.* Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // Stratum plus. 2016. № 6. С. 69–106.
- Мыц В.Л.* Сарымамбаш-Кермен – укрепленная резиденция XIV–XVIII вв. беков Яшлавских-Сулешевых // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 190–203.
- Мыц В.Л.* Мнимое княжество Киркельское // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссеева / Ред. М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов. Кишинев: Библиотека Stratum, 2019. С. 467–474.
- Надеждин Н.И.* О происхождении, существовании и падении итальянских торговых поселений в Таврике // Вестник Европы. 1828. № 15 (С. 161–183); № 16 (С. 241–371); № 17 (С. 3–39); № 18 (С. 81–107); № 19 (С. 161–190).
- Нарушевич А.* Таврикия или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителей до наших времён. Киев: Типография Академии Киевской, 1788. 172 с.
- Непомнящий А.А.* К вопросу о начале научного изучения Крыма: экспедиция В.Ф.Зуева // Пилигримы Крыма-98: Путешествия по Крыму, путешественники о криму: Международная научная конференция: Материалы. Симферополь: Крымский архив, 1998. С. 91–96.

Нечепорук Е. «Благословенная страна Таврида»: Дебют Николая Надеждина как историка России и Крыма // Журнальный мир / «Брега Тавриды 2016» / Избранное. Симферополь, 2016. С. 312–319.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.

Ратушняк В.Н. Борьба за присоединение Крымского ханства к России на рубеже 1770-х-1780-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3 (19). С. 39–42.

Сумароков П.[И.]. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М.: Университетская типография, 1800. 238 с.

Сумароков П.[И.]. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Ч. I. СПб.: Императорская типография, 1803. 225 с.

Сумароков П.[И.]. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб.: Императорская типография, 1805. 244 с.

Татищев В.Н. От скифов до славян. История Российская во всей её полноте. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 544 с.

Тункина И.В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: 1888-1988 гг. Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 119–121.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.; 156 ил.

Тункина И.В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссиский край 1821 г. под руководством академика Е.Е. Келера (новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1. С. 197–214.

Тунманн [И.М.] Крымское ханство / Пер. с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Примечания, предисловие и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь: Таврия, 1991. 93 с.

Фарафонова О.А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») // Научный диалог. 2017. № 7. С. 70–82.

Юргевич В.Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. XIV. С. 52–58.

Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, cher les Tchekesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. Paris, 1843. Т. VI. 461 p.

Naruszewicz A. Taurika czyli Wiadomosci starozitne i poznieysze o stanie i mieszkancach Krymu do naszymi czasow. Warszawa: Edycya T.Mostowskiego, 1805. S.7-139.

Oderico G.L. Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memore storiche di Caffa, ed alter luoghi della Crimea posseduti un tempo da Genovesi. Bassano, 1792. xxii +216 p.

Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1799. Bd. 1 516 s.; 1801. Bd. 2. 525 s.

Информация об авторах:

Адаксина Светлана Борисовна, главный хранитель, зам. Генерального директора Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург, Россия)

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

REFERENCES

Berthier-Delagard, A. L. 1888. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 14, 166–279 (in Russian).

Bogush-Sestrantsevich, St. 1806. *Istoriya o Tavrii [Istoriya tsarstva Khersonesa Tavriyskogo] (The story of Tavria [History of the Kingdom of Chersonesus])* in 2 vol. Saint Petersburg: Shnor Printing House (in Russian).

Gablits, K. I. 1785. *Fizicheskoe opisanie Tavricheskoy oblasti, po ee mestopolozheniyu, i po vsem trem tsarstvam prirody (Physical description of the Taurida Oblast, by its location and by all three kingdoms of nature)*. Saint Petersburg.: Imperial Printing House by Ivan Weitbrech (in Russian).

Gablits, K. [I.] 1803. *Geographical news serving to explain the former state of the current Tauride Province collected from various ancient and Middle Times by writers with three maps*. St. Petersburg (in Russian).

Gablits, K. 1822. In *Otechestvennye zapiski (Native notes)* 22: February, 158–163 (in Russian).

Dubois de Montpere, F. 2009. *A journey through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and Crimea*. In 6 volumes. Paris, 1843. Vol.5, 6. /Trans. from Fr., prev. and note by T.M. Fadeeva. Simferopol (in Russian).

[Zuev, V.F.]. 1783. "Extract from Vasily Zuev's travel notes concerning the Crimean peninsula. 1782". In *Historical and geographical months for 1783*. St. Petersburg: Academy of Sciences, 122–169 (in Russian).

Kaushliev, G. S. 2008. In *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo un-ta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoriya» (Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. Series: History, 21 (60), no 1, 16–20 (in Russian).*

Karamzin, N. M. 2002. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo (History of the Russian state)*. Moscow: "Eksmo" Publ. (in Russian).

Köppen, P. I. 1834. In *Odesskiy vestnik (Odessa Bulletin)* January 17, (5), 17–18 (in Russian).

Keppen, P. I. 1837. In *Crimean collection of articles*. St. Petersburg (in Russian).

Keller, K. E. 1872. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 8, 372–396 (in Russian).

Kirilko, V. P. In 2016. Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3-kh tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: "Aster Plyus" Publ., 420–496 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan–Chisinau: "Stratum Plus" Publ., 691–740 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkhelogicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Activities by the Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141–157 (in Russian).

Kulakovskiy, Yu. A. 2002. *Proshloe Tavridy (The past of Taurida)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

Lyzlov, A. 1990. *Skifskaya istoriya (Scythian history)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 1991. *Ukrepenniia Tavriki X–XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th–15th Centuries)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 2016. In *Stratum plus*. (6), 69–106 (in Russian).

Myts, V. L. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 190–203 (in Russian).

Myts, V. L. 2019. In Tkachuk, M. E., Atanasov, G. G. (eds.). *V poiskakh sushchnosti (In search of essence)*. Chisinau: "Stratum" Publ., 467–474 (in Russian).

Nadezhdin, N. I. 1828. In *Vestnik Evropy (Bulletin of Europe)* 15–19. 161–183, 241–371, 3–39, 81–107, 161–190 (in Russian).

Narushevich, A. 1788. *Tavrikiya or the oldest and newest news about the state of the Crimea and its inhabitants to our times*. Kyiv: Printing House of the Kyiv Academy (in Russian).

Nepomnyashchy, A. A. 1998. In *Pilgrims of the Crimea–98: Travels in the Crimea, travelers about the Crimea: International Scientific Conference: Materials*. Simferopol: Crimean Archive, 91–96 (in Russian).

Necheporuk, E. 2016. In *Magazine world /"Brega Tauridy 2016". Favorites*. Simferopol, 312–319 (in Russian).

Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. (Observations made during a Journey across the Southern Governorates of the Russian State in 1793–1794)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ratushniak, V. N. 2013. In *Istoricheskaiia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' (Historical and Social-Educational Thought)* (3), 39–42 (in Russian).

Sumarokov, P. I. 1800. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu (Journey across the Crimea and Bessarabia in 1799)*. Moscow: "Universitetskaya tipografiya" Publ. (in Russian).

Sumarokov, P. I. 1803. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu (Leisure of the Crimean judge or the second journey to Taurida)*. Part I. St. Petersburg: Imperial Printing House (in Russian).

Sumarokov, P. I. 1805. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu (Leisure of the Crimean judge or the second journey to Taurida)*. Part II. St. Petersburg: Imperial Printing House (in Russian).

Tatishchev, V. N. 2011. *Ot skifov do slavyan. Istoriya Rossiyskaya vo vsey ee polnote (From the Scythians to the Slavs. The complete history of Russia)*. Moscow: "Eksmo", "Algorithm" Publ. (in Russian).

Tunkina, I. V. 1988. *Problemy issledovaniya antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: 1888-1988 gg. (Research issues of ancient and medieval Chersonesus: 1888-1988)*. Sevastopol, 119–121 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2002. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) Russian science about classical antiquities of the south of Russia (XVIII- mid-XIX century)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tunkina, I. V. 2013. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 197–214 (in Russian).

Tunmann, I. M. 1991. *Krymskoe khanstvo (The Crimean Khanate)* Simferopol: "Tavria" Publ. (in Russian).

Farafonova, O. A. 2017. In *Nauchnyy dialog (Nauchnyi dialog)* (7), 70–82 (in Russian).

Yurgevich, V. N. 1886. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 14, 52–58 (in Russian).

Dubois de Montpereux, F. 1843. *Yoyage autour du Caucase, cher les Tchekesses et les Abkhases, en Colhide, en Georgie, en Armenie et en Crimée*. T. VI. Paris (in French).

Naruszewicz, A. 1805. *Taurika czyli Wiadomosci starozitne I poznieysze o stanie i mieszkancach Krymu do naszyh czasow*. Warszawa: Edycya T. Mostowskiego, 7–139 (in Polish).

Oderico, G. L. 1792. *Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memore storiche di Caffa, ed alter luoghi della Crimea posseduti un tempo da Genovesi*. Bassano (in Italian).

Pallas, P. S. 1799. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltferschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*. Leipzig.

About the Authors:

Adarsina Svetlana B. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation.

Mytz Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.325.336>

НАЧАЛО «ОСМАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ» КРЫМА И ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕНГЛИ I ГИРЕЯ К ВЛАСТИ В 1478 ГОДУ

©2023 г. В.Л. Мыц

Данные исследований памятников Крыма XV–XVIII вв. позволяют условно установить на полуострове хронологические этапы становления османской археологии: 1) «раннеосманский» (1450–1500 гг.); 2) «османский» (1500–1600 гг.) и 3) «позднеосманский» (1600–1783 гг.). Для каждого из этапов характерно возрастающее в культурных слоях число турецких артефактов, которые никогда не достигали 100%, т.к. большая часть изделий всегда производилась местными мастерами. Постепенный рост импортируемой на полуостров из Турции товарной продукции не следует связывать с недоказанной вассальной зависимостью Крымского ханства от Османской империи. Нет оснований полагать, что Менгли I Гирей был возведён на престол в качестве вассала Мехмеда II, т.к. он 21 марта 1478 г. совершил побег из османского плена и силой захватил власть. Эминек не был в это время физически устранён, как сообщает Иософат Барбаро. До 1481 г. Эминек пытался контролировать политические шаги Менгли I Гирей. Об отстранении Эминек от должности сообщает Менгли I Гирей в своём письме от 30 декабря 1481 г. (адресовано генуэзским эмиссарам Бартоломео Кампофрегозо и Лодизио Фьески). После этого следует поставить точку в политической карьере Эминек и упоминания о нём прерываются. Остаётся не решённым вопрос о вассальной зависимости Крымского ханства от Османской империи, т.к. до настоящего времени не обнаружены подтверждающие этот статус Крыма документы. Следует признать верным заключение, что с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами. Более корректным будет считать характер отношений двух держав на протяжении 1475–1774 гг., как *политическое партнёрство*, в котором Османская империя играла роль *старшего партнёра*, а Крымское ханство – *младшего*.

Ключевые слова: археология, история, Мехмед II, Менгли I Гирей, Эминек, Иософат Барбаро, Османская империя, Крымское ханство, Солхат, Каффа.

BEGINNING OF CRIMEA "OTTOMAN ARCHAEOLOGY" AND RETURN OF MENGLI I GIRAY TO POWER IN 1478

V.L. Myts

The research data on Crimean sites dating from the XV–XVIII centuries make it possible to establish conditionally chronological stages in the formation of Ottoman archaeology on the peninsula: 1) "Early Ottoman" (1450–1500); 2) "Ottoman" (1500–1600) and 3) "Late Ottoman" (1600–1783). Each of the stages is characterized by an increasing number of Turkish artifacts in the cultural layers, which never reached 100% as most of the items were always produced by local craftsmen. The gradual growth of the merchandise imported to the peninsula from Turkey should not be associated with the unproven vassal dependence of the Crimean Khanate on the Ottoman Empire. There is no reason to believe that Mengli I Giray was enthroned as a vassal of Mehmed II, as he escaped from Ottoman captivity on March 21, 1478 and seized power in the Crimean Khanate by force. Eminek was not physically eliminated at that time, as reported Giosafat Barbaro. Until 1481 Eminek tried to control the political activity of Mengli I Giray. Eminek's removal was announced by Mengli I Giray in his letter dated December 30, 1481 (addressed to the Genoese emissaries Bartolomeo Campofregoso and Lodisio Fieschi). After that we should put an end to Eminek's political career and mentions of him are interrupted. The issue of the vassal dependence of the Crimean Khanate on the Ottoman Empire remains unresolved, since no documents confirming this status of Crimea have been found so far. The conclusion that from the point of view of the Islamic theory of power the Crimean khans were independent and sovereign monarchs should be recognized as true. It would be more correct to consider the nature of the relations between the two powers during 1475–1774 as a political partnership in which the Ottoman Empire played the role of the senior partner and the Crimean Khanate – the junior one.

Keywords: archaeology, history, Mehmed II, Mengli I Giray, Eminek, Giosaphat Barbaro, Ottoman Empire, Crimean Khanate, Solkhat, Caffa.

1475 г. стал поворотным в истории Северного Причерноморья. Завоевание османами прибрежной территории Крыма, низовий Дона и Таманского полуострова почти на три столетия превратило Чёрное море в *турецкое озеро*. В научной литературе встречается ошибочное выражение, что турками-османами (Гедык-Ахмет-пашой) в 1475 г. был завоёван Крымский полуостров. Из новых примеров представлю высказывание В.Е.Науменко, который приступил к теоретической разработке темы *османской археологии*. Уже в начале своих публикаций автор сообщает, что «Археология Крыма периода 1475-1783 гг., границы которого определяются **османским завоеванием полуострова** в конце XV в.» (выделено мной – В.М.). (Науменко, 2020, с. 418). Это, конечно не соответствует историческим реалиям, т.к. завоеванию подверглись только Генуэзская Газария и княжество Феодоро с одноимённой столицей. Данные территории и вошли в состав домена султана. Остальные земли (с городами и селениями) продолжали оставаться в составе Крымского ханства.

Что же касается хронологического перехода к *османской археологии*, то при исследованиях 1980-х – начала 2000-х гг. на территории Крыма (проводились в городах Каффе, Старом Крыму, Сугдее, Чембало, Алуште, Чуфут-Кале, Мангупе и др.) открыты комплексы разнообразных артефактов, сопровождаемых многочисленными нумизматическими находками рубежа XV–XVI вв. Особенно выразительными здесь являлись керамические изделия, указывавшие на произошедшую к этому времени смену приёмов изготовления и орнаментации сосудов. Если для последней четверти XV в. в Крыму были распространены в основном изделия «позднеордынского» облика (их производство осуществлялось в Солхате и городах Генуэзской Газарии) с некоторой примесью западноевропейских и османских керамических центров (в основном из Валенсии и Изника), то к началу XVI столетия в основе керамического комплекса выступает турецкий компонент (с редким присутствием европейского импорта), который будет полностью доминировать уже в слоях XVII–XVIII вв.

Не трудно заметить, что смена «позднеордынского» керамического комплекса на «османский» происходит во время второго правления Менгли I Гирея (1478–1515)¹ и

связано с завоеванием Генуэзской Газарии и Феодоро турками-османами. Начало этого процесса было положено Хаджи Гиреем, установившим с османами тесные торговые связи. К тому же Хаджи Гирей в 1449 г. сделал местом своего пребывания Кырк-Йер, рядом с которым в устье балки Марьям-Дере² возвёл ханский дворец. Менгли I Гирей, в основном благодаря торговле с турками, продолжил градостроительную программу своего отца и при нём дальнейшее развитие получают такие города как Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлёв. Кроме того, к концу XV – началу XVI вв. основательной реконструкции подвергается территория, на которой располагалась резиденция хана. В предместье Кырк-Йера Менгли I Гирей возводит новый дворец, мечеть, хамам, медресе и дюрбе Хаджи Гирея. До настоящего времени здесь полностью сохранились два архитектурных объекта: медресе и дюрбе, которые в начале 2000-х гг. подверглись архитектурно-археологическому исследованию в связи с подготовкой к их реставрации. Кроме того, в Салачике исследован дворцовый хамам (баня)³.

Таким образом, свидетельства письменных источников и данные археологических исследований согласуются в том, что на протяжении второй половины XV столетия постепенно происходит количественное нарастание в составе материальной культуры Крыма предметов (в основном украшений, керамических изделий и монет) Османской империи. Однако в культурных отложениях городов полуострова (особенно в закрытых комплексах 1475 г.) изделия из Турции не превышают 5–7%. Их численность увеличивается (до 20%) только к концу XV столетия.

Подобное явление можно было бы объяснить тем, что после 1475 г. Крымское ханство попадает в зависимость от Османов, что и нашло отражение в материальной культуре не только полуострова, но и всего Северного Причерноморья. До настоящего времени в историографии продолжает доминировать откровенно конъюнктурное мнение, что хан Менгли Гирей, попав в плен в июне 1475 г. при взятии османами Каффы, был освобождён и вновь возведён на престол султаном Мехмедом II в качестве вассала Порты в конце 1478 г. Вместе с тем исследователями признаётся, что в турецких архивах отсутствуют (не найдены) какие-либо документы (например, договор) подтверждающие время и условия

(признание вассальной зависимости от султана) возведения Менгли Гирея на престол.

При кажущейся популярности и множественности специальных работ, посвящённых установлению власти Мехмеда II на части территории Таврики (в том числе и турецкого протектората над Крымским ханством в 1475–1478 гг.) исследователи не обратили должного внимания на рассказ Иософата Барбаро (1413–1494) о бегстве Менгли I Гирея (1469–1475; 1478–1515)⁴ из османского плена (Le Khanat, 1978, с. 322–324; Некрасов, 1990, с. 51; Иналджик, 2013 (2), с. 117–127; 2014 (3), с. 163–171 и др.). Сравнительно недавно к этой теме обратился В.П. Гулевич (Гулевич, 2014, с. 172–190), который, в довольно произвольной форме и не приводя доказательств, реконструирует события 1475–1478 гг. По его мнению, попавший в 1475 г. в плен Менгли I Гирей больше года проживал в Кефе под контролем турок. При этом он номинально продолжал оставаться ханом. Борьба за власть привела к объединению крымских карачи-беев против Эминека. Это способствовало восшествию на престол в Крымской орде независимого от Большой Орды и Османской империи «казакующего» царевича Джанибека, сына хана Ахмата. В связи с этим в октябре–ноябре 1476 г. Менгли I Гирея вывезли в Турцию. К началу осени 1477 г. Джанибек утратил власть и вынужден был выехать в Москву. За власть в Крыму борьбу продолжили Нур-Девлет и Айдар. «Вероятно, это произошло при содействии князя Барынов Абдуллы и Ямгурчи. Потерявший влияние на ханов Эминек довольно быстро сумел дестабилизировать либо использовать нестабильную ситуацию в Крыму и при согласии турецкого падишаха вернул к власти Менгли Гирея в конце 1478 – начале 1479 г.» (Гулевич, 2014, с. 172). В вышедшей в 2018 г. монографии В.П. Гулевич пишет, что когда «беспорядок в Крыму достиг апогея, он (Менгли I Гирей – В.М.) с согласия султана вернул себе власть. О времени и обстоятельствах этого момента источники сообщают противоречивые версии, фактически исключая друг друга» (Гулевич, 2018, с. 314). При этом В.П. Гулевич с недоверием отзывается о сообщении венецианского посла в Тебризе: «Иософат Барбаро, записавший чей-то пересказ событий, сообщает, что удерживаемый в Каффе Менгли Гирей убежал из-под османской опеки во время устроенных

под стенами города соревнований конных лучников. Затем он якобы овладел Солхатом и убил Эминека» (Гулевич, 2018, с. 314). Далее автором излагается версия, которая ему импонирует: «Согласно второй версии, Менгли Гирей снова стал ханом благодаря Эминеку. Описывая ситуацию в Крыму, бей молил султана: «Если придёт Менгли Гирей, все будут очень ждать того, к кому можно прислушаться и чьи приказания можно исполнять. Ныне, если вы, падишах, окажете помощь, проявив милость, ... и отправите нам Менгли Гирея, тогда, в таком случае край наш! Если не поспешите - край уйдёт. Я один не смогу удержать. На этом острове все наши бейлики держатся на этом краю..., если срочно отправите Менгли Гирея сразу же станете средством наведения порядка в нашем крае» (Гулевич, 2018, с. 314).

Представленная В.П. Гулевичем версия близка официальной характеристике событий повторного прихода к власти Менгли I Гирея в 1478 г. благодаря усилиям Эминека. Она изложена в родословной Ширинов, представленной в 1807 г. в Таврическое дворянское собрание и опубликованное дважды в переводе Ф.Ф. Лашкова (Лашков, 1895, с. 123–126). Приведу интересующий нас фрагмент: «Мамак бей Ширинский умер, на место его поступил беем родной сын его Эминек бей, который при всём старании не мог прекратить продолжавшиеся в Крыму междоусобия, принуждён был отправиться сам в Константинополь к султану... Мегмеду, у которого требовал возвращения наследника крымского ... Менгли Гирея хана с тем, что Крым и народ в оном обитающий должен состоять под властью Турецкой Порты, на каковое предложение султан охотно согласился, на таком при том положении, что впредь Крымские ханы были определяемы с утверждения Турецкой Порты. Почему как Менгли Гирей, так равно и Эминек бей приняли на верность подданства султану присягу. Первый из них утверждён крымским ханом, а последний Эминек бей пожалован от султана важными подарками, бунчуком и прочими драгоценностями и знамёнами. Оба они вместе быв великолепно отправлены султаном из Константинополя морем прибыли в город Феодосию, а оттоль в Старый-Крым, что было от эгиры в 890, а от Рождества Христова в 1478 году» (Лашков, 1895, с. 125; Гёнцель, 2017, с. 818).

Автору уже приходилось касаться данного сюжета в монографии (Мыц, 2009, с.419–509). Однако предлагавшаяся ранее дата побега Менгли Гирея из османского плена (осень или конец 1478 г.) нуждается в существенной корректировке⁵. Менгли I Гирей, свергнутый Эминеком и оказавшийся в Каффе в момент её капитуляции, попал в сложное положение. Судя по всему, он находился под арестом и терялся в догадках, как Мехмед II распорядится его судьбой. Основным оппонентом Менгли I Гирея в Крыму в это время являлся Эминек, оказавший Гедык-Ахмет-паше помощь при осаде Каффы. Нур-Девлет до прихода османов содержался в одной из башен Солдайи⁶. По-видимому, в том же (1475) году Менгли I Гирей (вместе с незадачливым тудунном Каффы сыном Мамака Сейтаком) был отправлен ко двору Мехмеда II и содержался если не в тюрьме, то под арестом. Вернуться в Крым он смог только в 1478 г. Повторное воцарение Нур-Девлета, пленение Менгли I Гирея и его отправка в Константинополь, по замыслу Эминека, должны были увеличить его влияние при ханском дворе, как ставленника Мехмеда II. Но эта задача оказалась ему не под силу, ввиду сопротивления не столько самого нового хана, сколько влиятельных беков и, прежде всего, главы рода Барынов – Абдуллы. Эминек пытался вести с султаном сложную политическую игру, интригуя одновременно против двух возможных претендентов на престол (Айдера и Менгли I Гирея) и одного законного хана (Нур-Девлета). Вместе с тем, сложившееся к 1478 г. в Крымском ханстве политическое и экономическое положение, очевидно, было настолько серьёзным, что вскоре Менгли I Гирей был отправлен Мехмедом II в Кефе, где находился под охраной турок в качестве почётного пленника. Иную версию причины появления Менгли I Гирея в 1478 г. в Каффе (османы называли город Кефе) со слов Андреоло Гваско излагает Иосафат Барбаро⁷: «Эминакби из-за дурного отношения к себе со стороны турок начал жалеть, что отдал город (Каффу – В.М.) Оттоману, и перестал допускать туда ввоз какого-либо продовольствия. Поэтому там начал [ощущаться] большой недостаток хлеба и мяса так, что город находился как бы в осаде. Тогда Оттоману напомнили, что если бы он послал Менглигирея в Каффу и держал его внутри города под домашней охраной, в горо-

де наступило бы изобилие [питания], потому что этот самый Менглигирей пользовался большой любовью у окрестного населения. Оттоман, рассудив, что такое напоминание полезно, отослал Менглигирея [в Каффу]. Лишь только стало известно, что он вернулся, тотчас же в городе наступило великое изобилие, потому что Менглигирея любило также и городское население. Он содержался под нестрогой охраной и мог ходить повсюду в пределах города» (Барбаро, 1971, с. 155).

Появление в конце 1477 или начале 1478 г. в Кефе Менгли I Гирея, по замыслу Мехмеда II и Эминека, должно было повлиять на характер отношений ведущих между собой борьбу Нур-Девлета и Айдера. Ожидаемый результат, по-видимому, был достигнут довольно быстро, потому что сама возможность возведения султаном на ханский престол Менгли I Гирея предвещала для его противников либо изгнание, либо гибель. Так в скором времени и случилось. А доставку Менгли I Гирея в Кефе и его содержание под охраной следует расценивать как откровенный политический шантаж Мехмедом II правящей элиты Крымского ханства.

Произошедшая в начале 1478 г. стабилизация политической обстановки (прекращение междуусобицы и экономической блокады Кефе) в Крымском ханстве вполне отвечала интересам как Мехмеда II, так и Эминека, который, с учётом, что новый претендент на престол содержался турками под охраной, практически самостоятельно управлял государством. Но такое правление не могло продолжаться долго, т.к. не устраивало Менгли I Гирея и его сторонников. При первом же удобном случае, представившемся весной 1478 г., хан бежал из-под стражи во время состязания по стрельбе из лука.

Об этом весьма важном эпизоде в политической карьере Менгли I Гирея подробно (со слов Андреоло (?) Гваско) рассказывает Иосафат Барбаро: «Менглигирей, воспользовавшись случаем, когда происходили эти игры, устроил так, что сотня всадников из татар, с которыми он сговорился, спрятались, в одной долинке неподалёку за городом. Он сделал вид, что также хочет состязаться в стрельбе, поскакал во весь опор и скрылся бегством среди своих сообщников. Немедленно же, лишь только узнали об этом событии, множество людей из населения острова последовало

за Менглигиреем. Вместе с ними, в полном порядке, он ушёл к Солхату – этот город отстоит от Каффы на шесть миль – и захватил его. Убив Эминакби, Менглигирей стал правителем тех мест» (Барбаро, 1971, с. 156).

Данное свидетельство Иософата Барбаро, оставшееся вне внимания многих исследователей, занимавшихся изучением истории Крымского ханства этого периода (Некрасов, 1990, с.51 и др.) позволяет несколько иначе представить политические отношения между Менгли I Гиреем и Мехмедом II в 1478–1481 гг. Бегство Менгли I Гирея из-под стражи и укрепление власти хана на территории всего государства, отнюдь не знаменовало собой завершение «первого этапа османского проникновения в Северное Причерноморье и в целом в Восточную Европу», как это считал А.М.Некрасов (Некрасов, 1990, с. 52; 1999, с. 53). По существу, Менгли I Гирей своими действиями в 1478 г. нарушил дававшиеся им ранее обязательства (следует отметить, что реально, договор или другой документ, подтверждающий это, до сих пор не обнаружен)⁸ и овладел престолом Крымского ханства без официального благословения на то Мехмеда II.

Известие о побеге Менгли I Гирея из Кефе вызвало панику среди его противников. Нур-Девлет и Айдер, бежали в Литву (затем они перешли на службу к Великому князю Ивану III). Вскоре, если не раньше, как считают некоторые исследователи, их примеру последовал и Джанибек (Григорьев, 1987, с. 55–77; Некрасов, 1990, с. 47–51). Иософат Барбаро не сообщает даты побега Менгли I Гирея из Кефе. Исследователи полагают, что повторное восшествие Менгли I Гирея на престол Крымского ханства (уже в качестве ставленника и вассала Мехмеда II) произошло в конце 1478 г. (Некрасов, 1990, с. 51). Данное заключение основывается на том, что в декабре 1478 г. в Москву к Ивану III (1462–1505) прибыли два посла от Менгли I Гирея, известившие о занятии им престола и желании хана возобновить прежнюю дружбу с Великим князем (Литовская Метрика, 1884, с.15). С подобным предложением Менгли I Гирей обращается и к королю Казимиру IV (1447–1492). Переговоры и обмен посольствами проходят успешно и уже летом 1480 г. король получает грамоту о союзе и дружбе (Литовская Метрика, 1910, Т.27, с. 329–333)⁹. Вместе с тем, имеющие-

ся монеты Менгли I Гирея с датой «882 г.х.» (15.04.1477–3.04.1478 г.) указывают на то, что повторно Менгли I Гирей стал ханом (и возобновил чеканку монет со своим именем) не позднее начала апреля 1478 г., т.к. с 4 апреля (в воскресенье) начинался 883 г.х. (4.04.1478–24.03.1479 г.г.).

Дальнейшие политические события в Северном и Северо-Восточном Причерноморье развивались следующим образом. В начале 1479 г. адыгские князья подняли восстание, в результате которого оказались захваченными крепости Копы и Анапы. Мехмед II весной-летом 1479 г. направляет на Таманский п-ов карательную экспедицию. Османам удалось довольно быстро вернуть под власть султана завоёванные в 1475 г. Гедык-Ахмет-пашой укрепления. Пленённое во время подавления восстания население почти полностью было продано в рабство (Некрасов, 1990, с. 52–53).

Какие-либо свидетельства о причастности Менгли I Гирея к событиям 1479 г. на Северо-Западном Кавказе не известны. Но весьма показательно то, что очередное письмо Мехмеду II он отправляет 18 сентября 1479 г., когда стало известно о разгроме восстания адыгских князей. Послание хана наполнено ни к чему не обязывающими любезностями и благодарностями за оказанную ему ранее султаном милость (Kurtoglu, 1937, s. 650–651). Но, как заметил А.М. Некрасов, Менгли I Гирей и в дальнейшем имел возможность неоднократно демонстрировать не только хитрость и изворотливость, но также и свои незаурядные дипломатические способности (Некрасов, 1990, с. 51). Истинное отношение к своему покровителю Менгли I Гирей проявил после смерти Мехмеда II (3 мая 1481 г.), когда между его сыновьями разворачивается борьба за султанский престол (Иналджик, 1998, с. 40–41). В этот момент в Северном Причерноморье складывается благоприятная политическая обстановка для восстановления генуэзского присутствия на полуострове. Через находившегося при дворе польского короля Андреоло ди Гваско, Менгли I Гирей сообщал в Геную об антиосманских настроениях среди мусульманского и христианского населения Крыма. Правительство Генуи намеревалось примкнуть к коалиции европейских государств, собиравшихся объединёнными силами выступить против Османской Порты, направило в бывшую Генуэзскую Газарию

двух агентов – Лодизио Фиески и Бартоломео Фрегоза – для агитации и подготовки анти-турецкого восстания. Обратившись к Менгли I Гирею с просьбой об аудиенции, чтобы в личной беседе открыть старинному другу Генуи тайные планы своего правительства: послать к берегам Газарии флот и сухопутное войско, они получили от хана положительный ответ (письмо было написано на греческом языке 30 декабря 1481 г.) (Grasso, 1879, p. 321; Heyd, 1885, II, p.406–407; Гулевич, Джанов, 2019, с. 318–332).

Кроме поддержки христианского населения бывших факторий Лигурийской Республики в Газарии, Фиески и Фрегоза рассчитывали на выступление адыгских князей, среди которых находились и 180 семей их соотечественников, а также некие князья из Готии собранные Захарией Гизольфи (Зевакин, Пенчко, 1938, с. 128–129). Сигналом к восстанию должно было послужить появление генуэзского флота у побережья Крыма. Но этого так и не произошло и, по образному выражению В.Гейда, «великие планы коалиции христианских держав исчезли в тумане благих пожеланий» (Heyd, 1885, II, p.407)¹⁰.

В связи с рассматриваемой темой особый интерес представляет рассказ Иосифата Барбаро о том, как проводилось крымскими тартарами состязание по стрельбе из лука: «В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянных столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечёвке серебряную чашу. Состязающиеся за приз стрелки имеют стрелы с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют её, причём лошадь продолжает нестись в том же направлении, - оборачиваются назад и стреляют в бечёвку; тот, кто, срезав её, сбросит чашу, выигрывает приз» (Барбаро, 1971, с.155–156)¹¹. По всей видимости, состязания по стрельбе из лука, во время которых и удалось Менгли I Гирею бежать из под стражи, были приурочены к празднованию важнейшего календарного праздника – *навруза* – Нового года, отмечавшегося крымскими татарами с наступлением весеннего равноденствия (21 марта).

Представленный материал позволяет следующим образом гипотетически рекон-

струировать события, происходившие в Крыму в середине 1475 – 1478 гг. и сделать следующие выводы. Во время захвата османами Каффы (6 июня 1475 г.) Менгли I Гирей был арестован и находился под стражей. На престол Крымского юрта второй раз взошёл его старший брат Нур-Девлет, который до этого несколько лет содержался генуэзцами в одной из башен Сугдеи. Наиболее доверенным лицом Мехмеда II среди представителей элиты Крымского ханства в 1475 г. становится глава рода Ширин – Эминек, поднявший мятеж против Менгли I Гирея и оказавший помощь Гедык-Ахмед-паше в захвате Каффы. Свергнутый Эминек Менгли I Гирей и смещённый со своей должности тудун Кампаны Сейтак из рода Ширин были отправлены в Константинополь, где они находились под арестом до 1478 г. На протяжении 1475–1477 гг. в Крымском ханстве наблюдается дестабилизация политической обстановки, когда у Нур-Девлета престол пытаются отвоевать его брат Айдер, а также «казакующий» царевич Джанибек. В 1476 г. занять престол Крымского ханства на короткое время удаётся Джанибеку, но он вскоре теряет власть и вынужден бежать в Москву. Эминек, оказавшись неспособным управлять Крымским юртом через Нур-Девлета, просит Мехмеда II прислать в качестве пленника в Кефе Менгли I Гирея. Чтобы сделать османов более сговорчивыми в выполнении его просьбы, Эминек препятствует доставке продовольствия в город. После возвращения Менгли I Гирея в Кефе в конце 1477 г. или начале 1478 г. прекращаются столкновения между Нур-Девлетом и Айдером, в османский город поступает необходимое количество продовольствия. Временно установившееся политическое затишье, которое не устраивает Менгли I Гирея и он совершает побег из под стражи. Это происходит во время состязаний по стрельбе из лука, приуроченных, вероятнее всего, к празднованию мусульманами Крыма *навруза* – Нового года, отмечавшегося с наступлением весеннего равноденствия – 21 марта. В сопровождении сотни всадников Менгли I Гирей отправляется в Солхат, где якобы по его приказу убивают Эминек. Очевидно, тогда же главы татарских родов провозглашают Менгли I Гирея во второй раз ханом Крымского юрта. Данная версия событий устраивает далеко не всех исследователей.

Но стоит ли без детального анализа отвергать версию, изложенную в рассказе Иосифата Барбаро, как это делает В.П. Гулевич (Гулевич, 2018, с. 314) и последовательно придерживаться версии сложившейся в крымской и османской историографии к XVIII в.? Вероятнее всего, реальная история повторного восхождения Менгли I Гирея на ханский престол в 1478 г., может оказаться чем-то средним между двумя версиями. Основные участники событий (Мехмед II, Менгли I Гирей и Эминек), как в Константинополе, так и в Крыму, явно преследовали свои цели. В итоге каждый мог считать, что всё случившееся в 1478 г. произошло по намеченному им плану.

Третьей версией может оказаться интрига с побегом Менгли I Гирея из Кефе во время соревнований всадников по стрельбе из лука, задуманная и реализованная османами, когда они внешне оставались в стороне от побега экс-хана и насильственного захвата власти. Как мне кажется, на это может указывать письмо, написанное Менгли I Гиреем Мехмеду II 5 мая 1478 г.: «Извещаю тебя, мой султан, по прибытию в сию страну по приказу, сия страна не была таковой, как мы ее ныне видим. Пребывала она в упадке и разрухе. Но от той разрухи страны и следа не осталось... Ваш слуга, Менгли Гирей» (Özyetgin, 1996, с. 126–127)¹².

Но мог ли Мехмед II доверять Менгли I Гирею, если даже побег из Кефе был постановочным и организован османами (в сговоре с Эминекком) по согласованию с Мехмедом II? Конечно, нет и об этом красноречиво свидетельствует активное участие Менгли I Гирея в подготовке антиосманского восстания (мятежа) в 1481 г. (Гулевич, Джанов, 2019, с. 318–332). О настроении и желании Менгли I Гирея изгнать из Крыма османов не мог не знать Эминек. В том случае, если он ещё

был к этому времени жив¹³, Эминек должен был предпринять какие-то контрмеры, но нам об этом ничего не известно.

О том, что повторное воцарение Менгли I Гирея произошло с 21 марта до 3 апреля 1478 г. указывают находки его монет с датой 882 г. х., так как с 4 апреля начинался 883 г. х. (4.04.1478–24.03.1479 гг.). При этом монеты были чеканены в городе «Крым». О том, что дата *21 марта* занимала особое знаковое место в судьбе Менгли I Гирея может указывать то, что именно к этому времени в 1501 г. ханом было приурочено завершение возведения дюрбе Хаджи Гирея¹⁴.

Поэтому имеющиеся в нашем распоряжении источники пока позволяют исключить бытующее в научной литературе суждение о том, что Менгли I Гирей был повторно возведён на престол в 1478 г. османами и стал вассалом Мехмеда II. На протяжении всего своего долгого повторного правления Крымским ханством (1478–1515) Менгли I Гирей неоднократно демонстрировал независимость своих внешнеполитических и внутривосточных действий от пожеланий османов.

В связи с этим остаётся не решённым и вопрос о начале вассальной зависимости Крымского ханства от Османской империи, т.к. до настоящего времени не обнаружены подтверждающие этот статус Крымского юрта документы (Иналджик, 2013, с. 147–163; 2013а, с. 113–127; 2014, с. 163–173). Убедительным является заключение И.В.Зайцева, что «с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами» (Зайцев, 2010, с.296). Поэтому более корректным будет считать характер отношений двух держав на протяжении 1478–1771 гг., как политическое партнерство, в котором Османская империя играла роль *старшего партнёра*, а Крымское ханство – *младшего*.

Примечания:

¹ На протяжении 340 лет существования Крымского ханства, в качестве его правителей, отмечено 46 чингизидов из рода Гиреев. Среди их числа выделяется две знаковые фигуры, стоявшие у истоков создания данного государства – это Хаджи Гирей (1397–1466) и Менгли I Гирей (1445–1515). Однако даже на фоне относительно длительного правления Хаджи Гирея (1441/42 – 1466 гг.), время пребывания у власти его сына Менгли Гирея (1469–1475, 1478–1515 гг.) - в общей сложности 47 лет – нельзя сравнить с другими ханами Крымского юрта. Став во главе государства в 24 года в 1469 г., Менгли Гирей потерял власть в результате дворцового переворота в 1475 г., когда вынужден был провести три года в роли почётного пленника (?) при дворе Мехмеда II (1432–1481).

² Сейчас данное место является восточной окраиной города Бахчисарая, а ранее здесь располагалось селение Салачик. Генуэзские источники сообщают, что в начале 1450-х гг. в феодоритском порту Каламиты была сосредоточена большая часть турецкого торгового флота, значительное количество товаров и купцов. Отсюда они следовали к Кырк-Йеру, который в 1449 г. император татар (imperatoris tartarorum) сделал местом

своего пребывания (*mansionem*), приказав выстроить большой дворец (*praetorium*), создал таможенно и извлекал значительную прибыль. Автор латинского послания с горечью констатирует, что он (Хаджи Герей) усвоил урок генуэзцев, цивилизовал свои обычаи и живёт «не так, как жили императоры татар, а как если бы он был латинским купцом» (Assini, 1999, p. 18–19). В Кырк-Йере всё покупается за малые цены, потому что доставка товаров из Каламиты очень дешёва, а налоги незначительны. Если раньше только Каффа снабжала всю Газарию различными экспортами, то сейчас, наоборот, из Кырк-Йера и Солхата ежедневно доставляются многие товары (ковры, рабы, меха), происходящие из Турции. На восточном побережье Чёрного моря турки создали ещё один торговый полюс в Севастополисе, включавший в себя и Белую Зихию. Огромный поток товаров направляется ими в Копу, где покупают в основном рабов, переправляемых морем в Воспоро, а оттуда в Кырк-Йер и Каламиту. Данный караванный путь является тем мостом, который, следуя через Чёрное море, оставляет в стороне Каффу. Проходящие потоки товаров приобрели размеры, позволяющие предвидеть, что Каффа в скором будущем разделит судьбу Таны «прежде обширную и населённую, а ныне превратившуюся в ни что» (Assini, 1999, p. 18). Большая дружба между татарским ханом, Олобеем и другими сыновьями Алексея I, основывается на взаимном меркантильном интересе. Поэтому они постоянно просят у него создать в Каламите новые пристани для удовлетворения спроса растущей торговли с турками (Assini, 1999, p. 19).

³ Археологически не выявленными и не изученными на территории Салачика остаются руины ханского дворца и мечети. Более подробно об археологическом исследовании дюрбе Хаджи Гирея в 2003–2005 гг. см. (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010; Кирилко, 2012, с.180–183).

⁴ В своём историческом сочинении «Розовый куст ханов, или История Крыма» Халим Гирей (1772–1823) приводит хотя и лаконичную, но ёмкую и корректную личностную характеристику Менгли I Гирея I (1469–1475; 1478–1515), объективно отражающую систему управления им Крымского ханства: «Менгли Гирей был человеком умным, осторожным, любящим свой народ. По натуре он был также и героем, и жизнь его прошла в основном в войнах» (Халим Гирав-султан, 2008, с. 22).

⁵ Этой теме был посвящён мой доклад, прочитанный на III Бахчисарайских научных чтениях памяти Е.В.Веймарна 10 сентября 2015 г. (Мыц, 2015, с. 17–18). В 2017 г. опубликована статья, посвящённая данной теме (Мыц, 2017, с.418–427).

⁶ Современник происходивших в Крыму событий, Йорги (Георгий) из Нюрнберга в написанной им около 1496 г. «Истории Турции» сообщил: «[В 1475 г. после захвата турками Каффы] он (Ахмет-паша – В.М.) пошел и захватил крепость Солдайю, где находились [в заточении] три сына царя татар; [турок] освободил их и сделал старшего сына царём в Татарии» (Vasiliev, 1936, p.247, n.1). Очевидно, под старшим сыном автор имел в виду содержавшегося в тюрьме Солдаи с 1471 г. Нур-Девлета.

⁷ Будучи в качестве посла Венеции при персидском дворе в Тебризе (1473–1479) Иосафат Барбаро встретил там одного из сыновей генуэзца Антонио да Гваско (вероятнее всего им являлся старший сын Андреоло), которому удалось бежать из Газарии охваченной войной в 1475 г. Сначала Андреоло добрался до Грузии, а оттуда перебрался в Персию. В своём сочинении Барбаро писал: «я хотел бы только рассказать о гибели Каффы, именно то, что я узнал от одного генуэзца, Антонио да Гваско (Antonio da Guasco), который там находился, затем бежал по морю в Грузию, а оттуда пришёл в Персию как раз в то время, когда я там был» (Барбаро, 1971, с. 129, 155, §47). Е.Ч.Скржинская в примечании к данному пассажиру замечает: «Описание Барбаро «потери» или «гибели» Каффы (*la perdita de Capra*), взятой турками в июне 1475 г. (Tana, §47-48), можно считать достоверным, так как рассказ о падении Каффы был передан ему по самым свежим впечатлениям человеком, спасшимся бегством из Каффы, где турки перебили всех христиан. Житель Каффы или её окрестностей, из известного среди крымских генуэзцев рода Гваско, морем и через Грузию достиг Персии и там был принят в доме Барбаро в Тебризе, о чём Барбаро упомянул в «Путешествии в Персию» (*Persia*, p.63r) (Барбаро, 1971, с.179, прим.117). Однако Барбаро писал буквально следующее: «Что касается плохого обращения с христианами в тех местах, что я видел, расскажу то, что я узнал в декабре 1487 (на самом деле – 1478 – В.М.) года от Пьетро де Гуаско, генуэзца, уроженца Каффы (*Pietro de Guascho zenovese, nasciuto in Capra*), который (в то время как я был в Персии) пришёл оттуда и был со мной около трёх месяцев» (Волков, 2015, с.661, прим.356). Таким образом, Барбаро в своих сочинениях говорит о двух представителях семейства Гваско: Антонио (с которым он, якобы, встречался в 1475 г.?), и Пьетро (в 1478 г.). Но в одном из документов из так называемого «Дела Гваско» (датирован 19 августа 1474 г.) экс-консул Каффы Баптиста Джустиниани говорит о господине Антонио [ди] Гваско уже как о покойном (*quondam domini Antonij*) (Vigna, 1879, VII, p.411-412). Как в данном случае устранить противоречие двух источников? Либо среди членов семейства Гваско был ещё один по имени Антонио (в изданных генуэзских документах 1474–1475 гг. он не упомянут), либо Иосафат Барбаро встречался с кем-то из сыновей Антонио (например, со старшим его сыном – Андреоло), но запомнил (записал) только имя отца, что и привело к отмеченному выше казусу.

⁸ Илья Зайцев кратко замечает «в 1475 г. османы захватили Южный берег Крымского полуострова и заключили с крымскими Чингизидами некое вассально-протекторатное соглашение (выделено мной – В.М.)» (Зайцев, 2014, с.101). Однако автор не приводит каких-либо доказательств существования этого вассально-

протекторатного соглашения.

⁹ Однако обязательства хана о приязни и братстве не мешают ему в 1480 г. совершить кратковременный набег на Подолию, а в 1482 г. разорить Киев.

¹⁰ На то, что генуэзцы ещё долгое время не оставляли своих планов вернуться в Каффу и Газарию указывает письмо дожа Генуи Антонио II Адорно, написанное в 1527 г. хану Саадету I Гирею (1524–1532). В нём говорится о желании генуэзцев открыть на побережье Крыма торговую факторию (Musso, 1981, p. 199–204).

¹¹ Не вызывает сомнений, что в рассказе Барбаро речь идёт о тренеровочно-соревновательной стрельбе из лука, получившей название «Парфянский выстрел». Этот тактический приём применялся многими конными лучниками народов Евразии: скифами, хунну, тюркютами, монголами и др. Археологам также хорошо известны специальные «двурогие» наконечники стрел или наконечники с полукруглой формой лезвия. Они составляют в позднекочевнических захоронениях относительно небольшое количество от общего числа – 1,6–3,2% (Иванов, 2020, с. 254–255, типы BVІ и VXVI, рис. 1, 9–11). Ещё реже в ходе раскопок удаётся найти сосуд из драгоценного металла с весьма специфическими повреждениями, нанесёнными двурогими наконечниками стрел. Их использовали для перерезания бичевы (шнура) с закреплённым на ней сосудом

¹² Х.Иналджик на основании содержания этого письма пришёл к выводу, что Менгли Гирей был выслан из Константинополя в Крым весной (Иналджик, 2014, с. 165–166).

¹³ Предположительно он умер в 1482 г. (Гёнцель, 2017, с. 816).

¹⁴ В.Н.Тимченко, на основании уточнённого им перевода посвятельной надписи «тач капы» пришёл к заключению, что Менгли Гирей приурочил завершение строительства мавзолея к финалу месяца шевалле 907 г.х. (=20 февраля – 21 марта 1501 г.) и к празднованию Навруза (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 147).

ЛИТЕРАТУРА

Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 113–161.

Волков И.В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарий) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 125–166.

Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.

Гёнцель Ч. Филологические заметки к двум генеалогиям крымско-татарского рода Ширин // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 4. С. 811–824.

Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10 / Отв. ред. Л.А. Березный. Л.: ЛГУ, 1987. С. 28–89.

Гулевич В.П. О хронологии правлений и личностях правителей Крымского ханства в 1475–1478 гг. // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 172–190.

Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 492 с.

Гулевич В.П., Джанов А.В. Письмо Крымского хана Менгли Гирея генуэзским эмиссарам Бартоломео Компофригозо и Лодизио Фьески от 30 декабря 1481 года // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 318–332.

Зайцев И. Образование Крымского ханства // История татар с древнейших времён. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. / Отв. ред. Р. Абызова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 130–146.

Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII – XV вв. // Исторические записки. Т. III / Отв. ред. Б.Д. Греков М.: АН СССР, 1938. С. 72–129.

Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 253–278.

Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (1) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 147–163.

Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (2) // Золотоордынское обозрение. 2013а. № 2. С. 117–127.

Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (3) // Золотоордынское обозрение. 2014. №1 (3). С. 163–173.

Иналджик Г. Османська імперія. Класична доба 1300–1600 / Переклав з англ. О. Галенко. Київ: Критика, 1998. 284 с.

Кирилко В.П. Рецензия на: Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Гирая (по материалам археологических исследований 2003-2008 гг.). – Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. – 176 с., 346 ил. // РА. 2012. № 3. С. 180–183.

Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Отдел второй: Документы беев // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). 1895. № 23. С. 118–129.

Литовская Метрика Отдел 1. Часть 1-я. / Русская историческая библиотека. Т. 27. / Ред. И.И. Лаппо. СПб: ИАК, 1910. 660 с.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Мыц В.Л. Побег Менгли Гирея I из османского плена в 1478 г. // III Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2015. С. 17–18.

Мыц В.Л. Иософат Барбаро о побеге Менгли Гирея I из османского плена в 1478 г. // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984) / Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX / Науч. ред. В.Н. Залеская, Е.В. Степанова СПб.: ГЭ, 2017. С. 427–436.

Науменко В.Е. Введение в османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований // Археология Евразийских степей. 2020. №6. С. 418–461.

Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 125 с.

Некрасов А.М. Возникновение и эволюция крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 48–58.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1 // Сборник императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т. 41 / Под ред. Г.Ф. Карпова. СПб: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. 558 с.

Сейдалиев Э.И., Халилова Д.Э. Сельджукские мотивы в орнаменте Бахчисарайских дурбе // Крымское историческое обозрение. 2014. №1. С. 231–242.

Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 276 с.

Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма (XVII–XVIII вв.). Симферополь: РИА «АЯН»; ИД «Стилос», 2008. 192 с.

Assini A. Una “filza” ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero // Romania Orientale. 1999. Vol. 12. P. 13–36.

Grasso G. Documenti riguardanti la costituzione di una lega contral il Turco, 1481 // Giornal ligustico di archeologia, storig e belle arti / Tondato e direttoda L.T.Belgrano ed A.Neri. Anno 6. Genova, Tipografia del R. Istituto Sardo-Muti, 1879. P. 321–494.

Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Mogen-Age par. T. II. Leipzig, 1886. 799 p.

Kurtoglu F. İlk Kirim hanlarinin mektuplari // ВТТК. 1937. Cilt 1. № 3/4. S. 641–655.

Le Khanat de Crimee dans les Archives du Musee du Palais de Topkapi / Eds. A. Bennigsen, P.N. Boratov, D. Desaiye, Ch. Lemerrier-Quellejay. Paris: Mouton, 1978. 458 p.

Musso G.G. Russia e Genovesi del Levante nel Quattrocento // La cultura genovese nell'eta dell'umanesimo. Genova, 1985. P.198–229.

Özyetgin A.M. Altin Ordu, Kirim ve Kazan sahasina ait yarlik ve bitiklerin die ve uslupe incelemesi. Ankara: Alic Ofset Matbaacilik Sanayi Ticaret, 1996. 297 s.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea / Monographs of the Mediaeval Academy of America. № 11. Massachusetts; Cembriidge, 1936. 293 p.

Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio S. Georgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) t.II/2 (1473–1475) / ASLI, 1879. 589 p.

Информация об авторе:

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

REFERENCES

Barbaro Jehoshaphat, 1971. In Skrzhinskaya, E. Ch. (comp.) *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. (Notes on Russia by Barbaro and Contarini. The history of Italian-Russian Relations in 15th c.)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 113–161 (in Russian).

Volkov, I. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Chisinau: "Stratum Plus" Publ., 125–166 (in Russian).

Gavriliuk, N.A., Ibragimova, A.M. 2010. *Tiurbe khana Khadzhi Geraia (po materialam arkhelogicheskikh issledovaniy 2003–2008 gg.) (Tyurbe of Khan Haci Giray (on the Basis of Archaeological Research Materials of 2003–2008))*. Kiev; Zaporozh'e: "Dikoe Pole" Publ. (in Russian).

Genzel, Ch. 2017. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 5 (4), 811–824 (in Russian).

Grigoriev, A. P. 1987. In Berezniy, L. A. (ed.). *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and source study of the history of Asian and African countries)* 10. Leningrad: Leningrad State University, 28–89 (in Russian).

Gulevich, V. P. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 4 (2), 172–190 (in Russian).

Gulevich, V. P. 2018. *Ot ordynskogo ulusa k khanstvu Gireev: Krym 1399–1502 gg. (From the Horde ulus to the Girays' khanate: Crimea 1399–1502)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Gulevich, V. P., Dzhanov, A. V. 2019. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 7 (2), 318–332 (in Russian).

Zaitsev, I. 2014. In Abyzova, R. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom IV: Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 4: Tatar states. 15th – 18th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 130–146 (in Russian).

Zevakin, E. S., Penchko, N. A. 1938. In Grekov, B. D. (ed.). *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* Vol. III. Moscow: USSR Academy of Sciences, 72–129 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 253–278 (in Russian).

Inaldjik, H. 2013. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (1), 147–163 (in Russian).

Inaldjik, H. 2013. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (2), 117–127 (in Russian).

Inaldjik, H. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 1 (3), 163–173 (in Russian).

Inaldjik, H. 1998. *Osmanska imperiya. Classic doba 1300–1600 (The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600)*. Kyiv: "Kritika" Publ. (in Ukrainian).

Kirilko, V. P. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 180–183 (in Russian).

Lashkov, F. F. 1895. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 23, 118–129 (in Russian).

Lappo, I. I. (ed.). 1910. *Litovskaya Metrika (Lithuanian Metrics) First Section, Part I*. Series: Russkaya istoricheskaya biblioteka (Russian Historical Library) 27. Saint Petersburg: Imperial Archaeological Commission (in Russian).

Myts, V. L. 2009. *Caffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Caffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 2015. In *III Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E. V. Veimarna (3rd Bakhchisaray Readings in Memory of E. V. Veimarn)*. Simferopol: "Antikva" Publ., 17–18 (in Russian).

Myts, V. L. 2017. In Zalesskaya, V. N., Stepanova, E. V. (eds.). *Vizantiya v kontekste mirovoj kul'tury: materialy konferencii, posvyashchennoj pamyati A.V. Bank (Byzantium within the Context of World Culture. Proceedings of the conference dedicated to the memory of A.V. Bank)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermi-

tazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 89. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 427–436 (in Russian).

Naumenko, V. E. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 418–461 (in Russian).

Nekrasov, A. M. 1990. *Mezhdunarodnye otnosheniia i narody Zapadnogo Kavkaza (posledniaia chetvert' XV – pervaiia polovina XVI v.) (International Relations and Peoples of the Western Caucasus (Last Quarter of 15th – first half of 16th cc.))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Nekrasov, A. M. 1999. In *Otechestvennaya istoriya (National History)* 2, 48–58 (in Russian).

In Karpov, G. F. (ed.). 1884. *Pamyatniki diplomaticeskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagayskoyu ordami i s Turtsiey. T. 1 (Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nagai hordes and with Turkey. Vol. 1)*. Series: Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society) 41. SPb: “Tipografiya F. Eleonskogo i K^o” (in Russian).

Seidaliyev, E. I., Khalilova, D. E. 2014. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean historical review)* 1, 231–242 (in Russian).

Skrzhinskaya, E. Ch. 1971. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. (Notes on Russia by Barbaro and Contarini. The history of Italian-Russian Relations in 15th c.)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Halim Giray Sultan. 2008. *Rozovyy kust khanov, ili Istoriya Kryma (XVII-XVIII vv.) (Rose bush of Khans, or History of Crimea)(XVII-XVIII centuries)*. Simferopol: “AYAN” Publ., “Stilos” Publ. (in Russian).

Assini, A. 1999. In *Romania Orientale* Vol. 12, 13–36.

Grasso, G. 1879. In Belgrano, L. N., Neri, A. (eds.). *Giornal ligustico di archeologia, storing e belle arti*. Anno 6. Genova, Tipografia del R.Istituto Sardo-Muti, 321–494 (in Italian).

Heyd, W. 1886. *Histoire du commerce du Levant au Mogen-Age par*. Vol. II. Leipzig.

Kurtoglu, F. 1937. *Letters of the first Crimean Khans* In *BTTK*. Vol. 1. № 3/4, 641–655 (in Turkish).

In Bennigsen A., Boratov, P. N., Desai, D., Lemercier-Quellejay, Ch. (eds.). 1978. *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapi*. Paris: Mouton (in French).

Musso, G. G. 1985. In *La cultura genovese nell'eta dell'umanesimo*. Genova, 198–229 (in Italian).

Özyetgin, A. M. 1996. *Service and service examination of wounds and fragments belonging to the Golden Army, the Crimea and the Kazan field*. Ankara: Alic Offset Printing Industrial Trade (in Turkish).

Vasiliev, A. A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Series: Monographs of the Mediaeval Academy of America. №11., Massachusetts; Cambridge.

Vigna A. 1879. *Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio S. Georgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) t. II/2 (1473–1475) ASLI*.

About the Author:

Mytz Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.

Персоналии

УДК 929:902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.337.342>

Ю.А. ЗЕЛЕНЕЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ¹

© 2023 г. А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий

В статье дается характеристика основным направлениям научно-исследовательской деятельности одного из ведущих специалистов по средневековой археологии Поволжья – Ю.А. Зеленева, который 9 июля 2023 отмечает свой 70-летний юбилей. Авторы статьи делятся своими воспоминаниями и впечатлениями о своих встречах с юбиляром, рассказывают об основных вехах его творческого пути. Заниматься археологией Ю.А. Зеленева начал в Мордовском государственном университете, после окончания которого с 1975 г. обучался в аспирантуре Мордовского научно-исследовательского института, под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. После окончания аспирантуры работал в Мордовском университете, а в 1984 г. переехал Йошкар-Олу, где донныне работает в Марийском государственном университете. Научные интересы Ю.А. Зеленева связаны со средневековой археологией и историей Поволжья. До начала 1990-х гг. главной темой его исследований была погребальная обрядность средневековой мордвы VI–XI вв., от которой он постепенно перешел к изучению этнокультурной истории Поволжья золотоордынского времени. Первоначально он обратился к раскопкам Наровчатского городища, а затем занялся систематическими исследованиями городища Селитренное. Итоги исследований были подведены в докторской диссертации, материалы которой были опубликованы в монографии, получившей высокую оценку научного сообщества. С 2019 г. результаты раскопок городища Селитренное публикуются в виде монографических изданий.

Ключевые слова: археология средневековья, юбилей, Ю.А. Зеленева, Поволжье, научный вклад, погребальный обряд, средневековая мордва, Золотая Орда.

YU.A. ZELENEEV – RESEARCHER OF THE VOLGA REGION MEDIEVAL ARCHAEOLOGY²

A.A. Vybornov, V.V. Stavitsky

The authors describe the main directions of the research work of one of the leading specialists in the Volga region's medieval archaeology – Yu.A. Zelenyev, who celebrates his 70th anniversary on July 9, 2023. Authors of article share their memoirs and impressions about the meetings with him, tell about the main marks of his creative way. A. Zelenyev started to be involved in archaeology in the Mordovia State University, after graduating he began his postgraduate study under the guidance of G.A. Fyodorov-Davydov at the Mordovia Research Institute. After finishing postgraduate study, he got a job at the Mordovia University and in 1984 moved to Yoshkar-Ola, where he works in Mari State University until now. A. Zelenyev's scientific interests are connected with the medieval archaeology and history of Volga region. Up to the beginning of the 1990s the burial rite of medieval Mordva in the VI–XI centuries was his main research theme, then he gradually passed to the study of the ethnic and cultural history of the Volga region in the Golden Horde period. Firstly he carried out the excavations on the Narovchat fortified settlement, after he began systematic studies of the Selitrennoye settlement. The results of studies were summarized in his doctoral dissertation, which materials were published in a monograph that was highly appreciated by the scientific community. Since 2019 the results of the Selitrennoye ancient settlement excavations have been publishing in the form of monographic editions.

Keywords: archaeology of Middle Ages, anniversary, Yu.A. Zelenyev, Volga region, scientific contribution, burial rite, medieval Mordva, Golden Horde.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ. Проект №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

² The article was supported by RSF grant No.№22-28-20314 "Ethnic genesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages"

В июле этого года исполняется 70 лет Ю.А. Зеленеёву, одному из ведущих специалистов средневековой археологии по проблемам изучения Золотой Орды и народов Среднего Поволжья, и не написать об этом мы просто не могли, поскольку знаем его очень давно, с тех времен, когда Юрий Анатольевич находился в самом начале своего научного пути. Сначала мы хотели бы поделиться с читателями своими личными впечатлениями и воспоминаниями.

А.А. Выборнов. Знакомство с Юрием Анатольевичем состоялось в 1974 году на УПАСКЕ в г. Ижевске. Свел случай: нас поселили в одном номере. И хотя мы занимались разными эпохами, нашлись общие темы. Я в то время уже занимался камской неолитической культурой, которую исследователи относили к финно-уграм. К тому же на Сунгире в 1973 году мне посчастливилось участвовать в раскопках разрушавшегося мерянского могильника. С этого и начались наши разговоры, которые продолжаются вплоть до настоящего времени. Притягивала к нему и искренняя увлеченность статистическими методами, которыми он занимался и меня за них агитировал. И это ему удалось: он несомненно обладал даром убеждения. Эти методы значительно усложнили и удлиннили работу Юрия Анатольевича, но он остался им верен. Меня поражал его широкий кругозор, не ограниченный ни территориальными, ни временными рамками. Споры продолжились после того как мы с В.П. Третьяковым с 1981 по 1984 годы в Мордовии изучили несколько памятников с керамикой ямочно-гребенчатого типа, волосовской и имеркской культур. Возникновению дискуссий способствовало то, что Юрий Анатольевич в это время исследовал Андреевскую стоянку. Этот эпизод был весьма далек от его научной темы, поэтому неподдельный интерес к неолиту и энеолиту меня поражал. Я тоже не оставался в долгу. Так получилось, что с 1980 года под руководством И.Б. Васильева мы каждый год стали ездить из Самары в Астраханскую область, а на обратном пути, в конце сентября, заезжали на Сарай-Бату. И вот уже я начал «пытать» Юрия Анатольевича. Особенно после того как начал вести занятия по Средневековой Руси, которые включали темы по монгольскому игу и Золотой Орде. Со стороны было видно, что по глубине проникновения в материал Юрий Анатольевич не уступал ни Г.А. Федорову-Давыдову, ни В.Л.Егорову, а по эмоционально-

Рис. 1. Юрий Анатольевич Зеленеёв.
Fig. 1. Yuri Anatolyevich Zeleneev.

сти изложения превосходил их вместе взятых. Встречи и на различных конференциях, и в Йошкар-Оле всегда превращались в споры, которые продолжались далеко за полночь и касались тем от неолита до Средневековья. Стоило нам раскопать стоянку Озименки, как сразу с его стороны начинались разговоры и о городе Мохши. Так и шло взаимообогащение.

Прошло почти полвека с нашей первой встречи. И ничего не изменилось: когда в 2020 году самарская экспедиция проводила раскопки в Марийской земле, он – естественно – не смог удержаться и приехал к нам. И вновь вопросы, споры, хотя копали мы стоянку красномостовского типа. А в 2021 году мы уже заехали к нему в Селитренное, когда изучали Приозерную стоянку. И снова дискуссии. Но что в 1980-е, что в нынешние годы, Юрий Анатольевич всегда завершает наши встречи очень значимым предложением всемерной помощи в раскопках как в Марий Эл, так и в Астраханской области. А это дорогого стоит. Еще снег лежит на барханах, а он уже звонит и интересуется, чем помочь, когда поедет в Прикаспий.

В.В. Ставицкий. Юрий Анатольевич для меня был одним из тех людей, благодаря которым я занялся археологией, и не только я один. Поскольку в экспедиции он создавал такую творческую, я бы даже сказал, креативную атмосферу, которая просто не могла оставить окружающих равнодушными. К нему, как ни к кому другому из хорошо известных мне людей, применимы слова о том, что если человек талантлив, то он талантлив во всем. В университете он читал нам курс по истории культуры Мордовии, но наша первая насто-

ящая встреча с ним состоялась на раскопках Андреевской неолитической стоянки в июле 1981 года, когда я был студентом второго курса Мордовского государственного университета. Видимо, заметив мой неподдельный интерес, Юрий Анатольевич сразу же поручил мне довольно ответственное дело – вычерчивание плана неолитической полуземлянки, а после окончания раскопок пригласил собой в Астраханскую область на исследования средневекового города Сарай-Бату в Поволжскую археологическую экспедицию, которая, как я понял потом, была для него своеобразной альма-матер. Впоследствии он возил нас, студентов, на Урало-Поволжские археологические конференции, вводил в круг старших товарищей-археологов, расширяя наш научный кругозор. Зачем-то ему всё это было надо, хотя он не был моим научным руководителем и был далек от моей темы исследования – «Энеолит Примокшанья». Сам Юрий Анатольевич в это время занимался погребальным обрядом мордвы второй половины I тысячелетия н. э., пытаясь раскрыть проблему этнокультурных процессов населения Волго-Окского региона. Но тема эта что-то не особенно поддавалась. Вроде бы рукопись диссертации была во многом готова, но он, насколько я помню его слова, стал сомневаться в справедливости критериев, положенных в основу выделения погребальных моделей. Как мне представляется сейчас, изучение погребального обряда, несмотря на его кажущуюся перспективность для реконструкции этнокультурной истории средневекового населения, на самом деле имеет весьма ограниченные возможности. В силу того, что информация, получаемая в ходе раскопок могильников о погребальном обряде мало информативна и не всегда достоверна, поскольку зависит от качества фиксации при раскопках, разной степени сохранности органики на памятниках и много чего другого. При анализе погребального обряда обычно используют математические методы, в результате чего получаются среднестатистическая модель, которой в реальности никогда не существовало. Иной подход был предложен Ю.А. Зеленевым в его статье, написанной в соавторстве с В.Н. Шитовым «О планировке Старокадомского могильника» (Зеленев, Шитов, 1979), где погребальная обрядность рассматривалась по локальным группам захоронений, что позволило прийти к очень интересным выводам о социальной структуре населения, оставившего могильник.

В 1984 году наши дороги с Ю.А. Зеленым на какое-то время разошлись. Я, закончив обучение на историческом факультете МГУ им Н.П. Огарева, уехал в Пензу, а Юрий Анатольевич – в Йошкар-Олу, откуда родом была его жена и где он вскоре, проявив свои недюжинные организаторские способности, стал начальником НИСа Марийского государственного университета (1987 г.). Мне не известно подробностей столь быстрого карьерного роста, но я рискну предположить, что в его основе лежало умение Юрия Анатольевича убеждать людей в своей правоте. В его подобном таланте я лично убедился, когда ему в Пензе в трудные с точки зрения финансирования 1990-е годы удалось убедить директора Пензенского краеведческого музея выделить деньги на исследования золотоордынского города Мохши, доказав его нужность и актуальность. В эти же годы, благодаря приглашению Ю.А. Зеленева, мне удалось расширить территориальные рамки своих исследований и провести раскопки стоянок в Марий Эл и на Чухломском озере. После того как я занялся изучением средневековой мордвы, мы периодически встречаемся на конференциях, и это общение бывает очень полезным.

Научно-исследовательская деятельность Ю.А. Зеленева. После защиты в 1996 г. кандидатской диссертации в исследованиях Юрия Анатольевича на первый план вышла золотоордынская тема, и начал он её изучение с малых городов Золотой Орды, попутно занимаясь исследованиями мордовских памятников данной эпохи. По-видимому, на его выбор повлиял тот факт, что изучение Золотой Орды было одной из основных тем его научного руководителя Г.А. Федорова-Давыдова, стоявшего у истоков Поволжской археологической экспедиции, участники которой долгое время занимались раскопками золотоордынских городов. Причем среди первых участников раскопок Сарая-Бату в 1959 г. были студенты и преподаватели Мордовского университета, а в 1964 г. Г.А. Федоровым-Давыдовым раскапывалось золотоордынское Итяковское городище в Мордовии. Но в 1990-х годах в связи сокращением финансирования московские археологи уже не могли целенаправленно заниматься раскопками данных памятников, и в этой ситуации Ю.А. Зеленев, видимо, счел своим долгом продолжить исследования своего учителя.

После раскопок г. Мохши им были организованы исследования Селитренного городи-

ща, где была изучена прибрежная часть города, находящаяся между гончарным кварталом и усадьбой крупного феодала, относящимися к третьей четверти XIV в., на Царевском городище двумя примыкающими друг к другу раскопами исследовалась центральная часть города. Материалы раскопок впоследствии были обобщены им в монографии: «Золотоордынский город Сарай ал-Джедид» (Зеленева, Курочкина, 2009). Изученные материалы позволили ему прийти к выводу, что золотоордынская культура сложилась в городах степи, но ее синтез из различных культурных традиций не был завершен полностью. Мусульманская культура Переднего Востока во многом определила векторы развития городской культуры Золотой Орды в первой половине XIV в., но не поглотила полностью другие этнокультурные компоненты, которые по-разному и в разных объемах проявлялись в центральной части Орды и на ее окраинах (Зеленева, 2010). Следует заметить, что научная и организаторская деятельность Ю.А. Зеленева до 2013 г. достаточно полно была освещена в статье, посвященной его 60-летию (Зеленцова, Ситдинов, 2013), поэтому мы не стали останавливаться на ней подробно.

Итоги исследований памятников Поволжья золотоордынского времени были подведены им в докторской диссертации, защищенной в 2013 г. в Казани. В ней были проанализированы археологические памятники XIII–XV вв., расположенные на территории Поволжья, входящей в Улус Джучи; разработана авторская версия этнокультурного развития золотоордынского города; рассмотрены проблемы взаимодействия кочевого и оседлого населения; впервые выделен культурно-хозяйственный комплекс местного негородского населения, рассмотрены вопросы его трансформации в условиях централизованной деспотии восточного типа; получены важные выводы о незавершенном процессе складывания в золотоордынском Поволжье государственной культуры. Материалы диссертации были опубликованы в монографии «Очерки этнокультурной истории Поволжья 13–15 вв.» (Зеленева, 2013). Монография получила высокую оценку у одного из ведущих исследователей данной проблематики – Ф.Ш. Хузина, который отметил, что «автор рецензии дает высокую оценку исследованиям Ю.А. Зеленева в области золотоордынской археологии и считает его новую монографию весомым вкладом в изучение актуальных проблем,

связанных с формированием этнических основ современных народов Поволжья и ролью в этих процессах государства Джучидов» (Хузин, 2013, с. 265). С 2019 г. материалы исследования городища Селитренное, постоянным участником которых является Ю.А. Зеленева, стали регулярно публиковаться в виде монографических изданий (Валиев и др., 2019).

Отрадным фактом является то, что в последнее время Юрий Анатольевич все больше внимания в своих исследованиях уделяет средневековой археологии финно-угорских народов Среднего Поволжья. Поскольку вопросы, связанные с этим периодом истории, во многом остались на уровне их осмысления 60–70-х годов прошлого века. К сожалению, после обобщающих работ А.Е. Алиховой так и не появилось исследований, в которых бы на новой источниковедческой базе был осуществлен комплексный анализ развития финно-угорских народов Среднего Поволжья. Программный характер, на наш взгляд, носит работа «Средневековая мордва по археологическим данным», в которой определены основные этапы развития мордовского этноса с VIII по XV вв., установлено содержание и основные тенденции развития на каждом из выделенных этапов, намечены ключевые направления дальнейшего изучения (Зеленева, Зеленцова, 2012).

Своеобразные итоги изучению мордовских памятников золотоордынской эпохи им были подведены в статье «Этнополитическая история мордвы в XIII–XV вв.», в которой он пришел к заключению, что к моменту монгольского завоевания формирующиеся раннегосударственные образования у мордвы представляли собой политические организации субэтносов: эрзи и мокши. В золотоордынское время появляются городские поселения административного типа, происходит интенсивное хозяйственное и демографическое развитие мордвы, заселяются новые территории. С ослаблением Орды во второй половине XIV в. часть мордовских земель переходит под власть русских княжеств, но, несмотря на военно-политические и социальные катаклизмы, мордва сохраняет свою традиционную территорию и этнические особенности (Зеленева А.Ю., Зеленева Ю.А., 2015). В одной из последних статей им была рассмотрена проблема внешних и внутренних миграций на территории Примокшанья, в результате которых происходит смещение

Рис. 2. Ю.А. Зеленева на конференции «Диалог городской и степной культур». Май 2022 г.

Fig. 2. Yu.A. Zelenyev at the conference "Dialogue of urban and steppe cultures". May 2022.

центра административной власти ниже по течению р. Мокши в г. Темников, где правила династия потомков Бехана (Зеленева, Валева, 2022).

Другим важным направлением научно-исследовательской деятельности Ю.А. Зеленева по-прежнему остается проведение охранных исследований объектов историко-культурного наследия народов Российской Федерации. Сотрудниками этого центра ведутся работы по охранным исследованиям памятников, расположенных от Астраханской области на юге до Костромской области на севере. В результате чего было выявлено значительное число ранее неизвестных памятников, проведены раскопки поселений, курганов, могильников, попадавших в зону хозяйственного строительства.

Не могли мы пройти мимо такого факта, что юбилей Ю.А. Зеленева совпал с десятилетием журнала «Поволжская археология».

Юрий Анатольевич стоял у истоков этого издания и по сути является его соучредителем. С момента основания журнала он выполняет обязанности заместителя главного редактора. За прошедшее десятилетие «Поволжская археология» стала не только первым номером среди российских региональных изданий по археологии, но и получила широкую международную известность, войдя в первый квартал базы Scopus.

Необыкновенная увлеченность археологией Юрия Анатольевича вызывает огромное уважение, а учитывая значительные личные средства, вложенные в различные экспедиции, восхищение. Но хотелось бы отметить его удивительную увлеченность и преданность археологии, которые неподвластны годам и болезням. Несмотря на свой почтенный возраст, Юрий Анатольевич полон сил и дальнейших планов, успешной реализации которых нам хотелось бы ему пожелать.

ЛИТЕРАТУРА

Валиев Р.Р., Зеленева Ю.А., Пигарев Е. М., Ситдииков А.Г. Селитренное городище: материалы исследований 2006, 2007, 2009 годов (берег р. Ахтубы) / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 12. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. 424 с.

Зеленева А.Ю., Зеленева Ю.А. Этнополитическая история мордвы в XIII - XV вв. (по археологическим данным) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 2(34). С. 28–35.

Зеленева Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. 2010. № 1. С. 113–122.

Зеленева Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII-XV вв. Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. 326 с.

Зеленева Ю.А., Валева Р.М. Внутренние и внешние миграции в Примокшанье в XIII-XV веках // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 198–205.

Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 37–47.

Зеленева Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994 – 2000 гг.). Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ, 2009. 264 с.

Зеленева Ю.А., Шитов В.Н. О планировке Старокадомского могильника Археологические памятники мордвы I тыс. н.э. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1979. С. 134–139.

Зеленцова О. В., Ситдииков А.Г. К юбилею археолога (Ю.А. Зеленева - 60 лет). // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 6–10.

Хузин Ф. Ш. Рецензия на книгу Ю.А. Зеленева «Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII–XV вв.». Йошкар-Ола: марийский гос. ун-т, 2013 // Tatarica. 2013. № 1. С. 261–269.

Информация об авторах:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

REFERENCES

Valiev, R. R., Zelenev, Yu. A., Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2019. *Selitrennoe gorodishche: materialy issledovaniy 2006, 2007, 2009 godov (bereg r. Akhtuby) (Selitrennoe Settlement: Study Materials of 2006, 2007, 2009 (Akhtuba Riverbank))*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya (Materials and Studies on the Archaeology of the Volga Region) 12. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Zelenev, A. Yu., Zelenev, Yu. A. 2015. In *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)*, 34 (2), 28–35 (in Russian).

Zelenev, Yu. A. 2010. In *Istoriya i sovremennost' (History and modernity)* (1), 113–122 (in Russian).

Zelenev, Yu. A. 2013. *Ocherki etnokul'turnoy istorii Povolzh'ya, XIII–XV vv. (Essays on the ethnic and cultural history of the Volga region, XII – XV centuries)* Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Zelenev, Yu. A., Valeev, R. M. 2022. *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 198–205 (in Russian).

Zelenev, Yu. A., Zelentsova, O. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 37–47 (in Russian).

Zelenev, Yu. A., Kurochkina, S. A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.) (The Golden Horde City Sarai al-Jedid (the Results of Archaeological Studies at Tsarevskoe Settlement in 1994–2000))*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).

Zelenev, Yu. A., Shitov, V.N. 1979. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki mordvy I tys. n.e. (Archaeological Sites of the Mordva of I Millennium AD). Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 63. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 134–139 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Sitdikov, A. G. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 6–10 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2013. In *Tatarica (Tatarica)* 1, 261–269 (in Russian).

About the Authors:

Vybornov Alexander A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education, Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902(470.5)(092)(045)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.343.365>

К ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ПИСЬМА И.А. ТАЛИЦКОЙ О.Н. БАДЕРУ

©2023 г. С.В. Кузьминых, О.М. Мельникова

В 2023 г. исполнится 120 лет со дня рождения известного советского археолога О.Н. Бадера. В силу драматических обстоятельств Великой Отечественной войны ученый оказался на Урале, со второй половины 1940-х до 1954 г. работал в Пермском (Молотовском) университете, став основателем научной археологической школы. О.Н. Бадер находился в активной переписке со многими учеными, музейными работниками, преподавателями вузов, студентами и краеведами. Одним из его московских корреспондентов была И.А. Талицкая, известный систематизатор археологических памятников Прикамья. Сохранившаяся переписка охватывает 1947–1950 гг. Она позволяет увидеть направления и содержание археологических исследований в Прикамье. В письмах отражен процесс подготовки к изданию диссертаций погибших на войне М.В. Талицкого и П.А. Дмитриева, труда И.А. Талицкой «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы». В них показана повседневная жизнь ученых в послевоенные годы, прослеживаются линии научных и личностных коммуникаций между археологами. Письма являются частью большого эпистолярного наследия – они адресованы О.Н. Бадеру в Пермь в 1940–1950-е гг. Документы хранятся в Музее истории Пермского государственного научно-исследовательского университета и переданы авторам для изучения.

Ключевые слова: история археологии, О.Н. Бадер, И.А. Талицкая, М.В. Талицкий, А.В. Збруева, М.В. Воеводский, переписка, археология Прикамья.

TO THE HISTORY OF THE URAL ARCHAEOLOGY IN THE POST-WAR YEARS: LETTERS BY I.A. TALITSKAYA TO O.N. BADER

S.V. Kuzminykh, O.M. Melnikova

In 2023 will be 120 years from the birthday of a well-known Soviet archaeologist O.N. Bader. The scientist had to move to the Ural region because of the dramatic circumstances of the Great Patriotic War, from the second half of the 1940s till 1954 he worked at the Perm (Molotov) State University, where he founded the scientific archaeological school. O.N. Bader was in active correspondence with many scientists, museum workers, university professors, students and local historians. One of his Moscow correspondents was I.A. Talitskaya, a well-known systematizer of the archaeological sites of the Kama region. The extant correspondence covers the period from 1947 to 1950. It allows us to see the direction and content of archaeological studies in the Kama region. The letters reflect the process of preparation for publication M.V. Talitsky's and P.A. Dmitriyev's dissertations, who died in the war; I.A. Talitskaya's work «Materials for the archaeological map of the Kama river basin». They show the everyday life of scientists in the post-war years, trace the lines of scientific and personal communications between the archaeologists. The letters are a part of large epistolary heritage – they are addressed to O.N. Bader who worked in Perm in the 1940s-1950s. The documents are kept in the Perm University History Museum and handed over to the authors for study.

Keywords: history of archaeology, O.N. Bader, I.A. Talitskaya, M.V. Talitsky, A.V. Zbruyeva, M.V. Voyevodsky, correspondence, archaeology of the Kama region.

16 (29) июня 2023 г. исполняется 120 лет со дня рождения известного советского археолога О. Н. Бадера. В разные периоды своей жизни он оставил значительный след в изучении археологии многих регионов страны. Его имя для истории урало-поволжской археологии, несомненно, связано с исследованием выдающихся археологических памятников и созданием пермской научной археологической школы.

Имея за плечами большой опыт исследовательский, музейной, преподавательской деятельности, в силу трагических обстоятельств военного времени О. Н. Бадер оказался на Урале: в конце 1941 г. как этнический немец Отто Николаевич был депортирован на Урал. В начале 1942 г. мобилизован в спецотряд Тагиллага НКВД, входившего в систему ГУЛАГа. В 1944–1946 гг. работал в Нижнетагильском краеведческом музее (ныне Нижне-

тагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал») (Кузьминых, 2022).

Благодаря усилиям ректора Молотовского университета (ныне Пермский государственный научно-исследовательский университет) А. И. Букирева в 1946 г. О. Н. Бадер стал доцентом кафедры всеобщей истории, где проработал до 1955 г., пока не получил возможность возвратиться в Москву (Мельникова, 2003).

Довоенный опыт преподавания археологии и исследовательская деятельность в Московском отделении ИИМК и в Институте и Музее антропологии при Московском университете позволили ученому в первое послевоенное десятилетие организовать в Перми подготовку археологов (Мельникова, 2003). Вместе со своими учениками он осуществил значительные полевые исследования, активно взаимодействовал с музейными, научными, образовательными учреждениями и краеведами Урала, а также с коллегами из Москвы, Ленинграда и других научных центров страны. Это сделало регион одним из наиболее археологически изученных в стране.

В числе корреспондентов О. Н. Бадера было немало столичных археологов, с кем ученого связывали еще узы студенческой жизни, общность научных интересов и совместная довоенная работа в Институте и Музее антропологии МГУ и МО ИИМК. В этом ряду – Инна Андреевна Талицкая (1907–1958). Ее имя хорошо известно в археологии, прежде всего, как автора-систематизатора известных археологических памятников в разных регионах страны, а в урало-поволжской археологии – благодаря фундаментальному труду «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы» (Талицкая, 1948; 1952; 1953).

И. А. Талицкая родилась в 1907 г. в г. Златоусте Челябинской области. В 1931 г. она окончила биологическое отделение физико-математического факультета 1 МГУ по специальности «антропология». Инна Андреевна принадлежит к той плеяде первого поколения советских археологов, которое сформировалось в 1920-е годы в лоне московской палеоэтнологической школы, у истоков которой стоял Б. С. Жуков (Бадер, 1968; Кузьминых, 2008; Платонова, 2010, с. 179, 180, 206–211). Первые годы после окончания университета она работала в Институте и Музее антропологии 1 МГУ, а в 1939 г. перешла в ИИМК АН СССР, где и трудилась до самой кончи-

ны (Смирнов, 1958, с. 298; Талицкая... 2000, с. 232).

В послевоенные годы И. А. Талицкая занималась систематизацией архива своего мужа М. В. Талицкого, который до войны проводил исследования в зоне строительства канала Москва – Волга (Бадер и др., 1935а) и Ярославской гидроэлектростанции (Бадер, Талицкий, 1935), палеолитических стоянок Пещерный лог (Талицкий, 1946) и Островской близ Перми (Талицкий, 1940а; 1940б) (получившей в послевоенные годы его имя), средневекового Кочергинского могильника (Талицкий, 1940в) в Верхнем Прикамье. Будучи научным сотрудником Института и Музея антропологии 1 МГУ, Михаил Васильевич участвовал в разведочных поисках Палеоантропологической экспедиции в Московской области (Талицкий, 1941), изучал керамику дьяковского Протоповского городища (Талицкий, 1948). После аспирантуры ИИМК М. В. Талицкий стал научным сотрудником института и продолжил исследования в рамках своего диссертационного труда «Верхнее Прикамье в X–XIV вв.» (Талицкий, 1946). Осенью 1941 г. ученый ушёл добровольцем на фронт. В августе 1942 г. М. В. Талицкий был убит (Бадер М., 1953). На основе научного архива мужа Инна Андреевна систематизировала его подготовительные материалы (Талицкая, 1948; Талицкий, 1951, с. 88–96) и создала первую сводную карту археологических памятников бассейна р. Камы.

И. А. Талицкая была знакома с О. Н. Бадером по совместной работе с конца 1920-х гг. В 1926–1941 гг. ученый работал в Институте антропологии МГУ (с 1931 г. учёный секретарь), а с 1933 по 1941 гг. параллельно состоял на службе в МО ИИМК (Кузьминых, 2022).

И. А. Талицкая была в числе столичных археологов, кто принимал участие в полевых исследованиях Камской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, руководимой в 1946–1948 гг. А. В. Збруевой¹, и КАЭ ПГУ², руководимой О. Н. Бадером. Будучи ровесниками, объединенные общностью научных интересов, И. А. Талицкая и О. Н. Бадер находились в дружеской и исследовательской переписке.

Эти письма, как и вся обширная переписка, которую О. Н. Бадер поддерживал с большим числом археологов, краеведов, музейных работников, преподавателей вузов, сохрани-

лись в Перми. В 2003 г. одному из авторов удалось познакомиться на кафедре древней и новой истории России ПГУ с тремя папками писем, адресованных в 1947–1954 гг. О. Н. Бадеру. Всего в них находилось 58 писем, они не были архивированы. Письма были ксерокопированы и использованы в монографии «Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера» (Мельникова, 2003) и частично в статьях (Мельникова, 2004 и др.). Несколько писем опубликовал профессор ПГУ Г. Н. Чагин (2003). К сожалению, оригиналы из этой коллекции оказались утраченными, но сохранились в ксерокопиях в личном фонде О. М. Мельниковой в ЦГА УР.

В 2019 г. сотрудники музея истории ПГНИУ передали О. М. Мельниковой для изучения новые письма, адресованные О. Н. Бадеру в 1947–1954 гг. Они не обработаны, лишь рассортированы по годам. Всего в коллекции сохранилось около 250 посланий, в том числе 12 писем И. А. Талицкой.

Содержание писем весьма интересно с точки зрения истории советской археологии. В них идет диалог о различных научных проблемах, ее участии в полевых археологических исследованиях в Прикамье. Особый интерес представляет обсуждение процесса работы над подготовкой к публикации археологической карты Прикамья. Интересны факты из биографий археологов, в том числе погибшего на фронте мужа Михаила Васильевича Талицкого. Инна Андреевна и Отто Николаевич сделали со своей стороны все возможное, чтобы опубликовать его диссертационный труд, заверченный в канун войны. Ценными

являются детали повседневной жизни археологов в послевоенные годы, впечатления о дискуссиях того времени, перипетии личной судьбы семей О. Н. Бадера и И. А. Талицкой.

Публикуемые письма охватывают 1947–1950 гг. Часть писем набраны на пишущей машинке (№№ 8, 10, 11, 12), другие носят рукописный характер (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9). Они расположены в хронологической последовательности, имеют сквозную нумерацию. При подготовке писем к публикации в основу положены принципы научного издания исторических документов. Тексты публикуются в авторской редакции, исправлены явные опечатки и опечатки, пунктуация приведена к нормам современной орфографии. В круглых скобках курсивом даны недостающие части сокращенных автором писем слов и в дополнение к инициалам фамилии исследователей. В квадратных скобках помещены наши ссылки на литературу в тексте писем. В угловых скобках заключены слова, которые не удалось прочитать. Не раскрываются инициалы и используемые И. А. Талицкой общеупотребительные сокращения. Подстрочной чертой выделены в письмах подчеркивания автора писем и О. Н. Бадера; в каждом случае указывается, кем они сделаны. Краткие сведения о персонах, упоминаемых в переписке, необходимые пояснения к персоналиям, отдельным фактам и событиям даны в подстрочных примечаниях и комментариях со сплошной нумерацией. Они не прописаны при повторном упоминании тех или иных лиц, населенных пунктов, археологических и исторических памятников.

Примечания:

¹ В 1947 г. И. А. Талицкая возглавляла Чердынский отряд экспедиции. Отряд обследовал бассейн р. Колвы от г. Чердыни до д. Подбобыки и район с Кольчуга на р. Каме: костыше IX–X вв.; городища и селища X – XVII вв.; старые кладбища XVI–XVII вв.; остатки древних соляных промыслов; см.: (Археологические... 1962, с. 145).

² С возвращением О. Н. Бадера в ИИМК КАЭ с 1956 г. вела свои работы под эгидой головного археологического учреждения страны (авт.).

Благодарности: Андрею Николаевичу Бадеру и Андрею Алексеевичу Кудрявцеву (Москва), Андрею Алексеевичу Чижевскому (Казань), Светлане Николаевне Паниной (Екатеринбург), Екатерине Владимировне Чуйкиной (Пермь) за помощь и содействие при подготовке данной статьи.

Письма И. А. Талицкой
№ 1

Л.1

200/1947 (рукой О. Н. Бадера – авт.)
16/V–47

Милые мои Маруся¹ и Отто!

Шлю вам свой сердечный привет и наилучшие пожелания. Жду от вас письма, а лучше вас самих, а пока сообщаю следующее:

1. Приглашение от Института² для Отто послано.

2. Свой автореферат³ тоже послала (заказным письмом на университет). Получилось 11 стр(*аниц*). Можешь перепроверять и перечеркивать как угодно. Можно и сократить за счет примеров, кот(*орые*) я привожу, можно уничтожить часть их, можно заменить (справочник⁴ у тебя), можешь вообще, если сочтешь нужным, их изъять. Крайне желательно дать оглавление всего справочника в виде Приложения и схему (копия у тебя). Без нее мне кажется ничего не будет понятно в картографической основе, а я ей придаю большое значение. Название схемы лучше несколько изменить на такое: «Схема расположения листов археологической карты (в масштабе 1:1000000), охватывающая бассейн р. Камы». Хорошо бы дать следующие пояснения:

а) буквенные и цифровые обозначения (например, О-39, № 40 и т.д.) обозначают листы карты масштаба 1:1000000.

б) буквенные обозначения А, Б, В, Г карты масштаба 1:500000.

в) цифры от 1 до 144 обозначают карты масштаба 1:100000.

г) римские цифры от I до XI обозначают порядок расположения пятисоттысячных карт в моем масштабе (приложение к справочнику) (подчеркнуто красным карандашом О.Н. Бадера – авт.).

3. «Послепьяноборское время»⁵ тоже послала, пока без рисунков (хотя часть их имеется), потому что, как тебе, вероятно, уже известно из письма и телеграммы Анны Васил(*ьевны*)⁶, Киселев⁷ встал на несколько формальную точку зрения и просит, чтобы был официальный запрос с просьбой прислать такие-то статьи с обязательством напечатать их там-то и там-то, в такой-то срок. Он говорит – мы, конечно, разрешим вам печатать где угодно и статьи отдадим, но мне нужен этот запрос, чтобы иметь возможность лишней раз поговорить с издательством А(*кадемии*) н(*аук*) и показать им, как у нас распадаются уже совсем готовые сборники. (*Л.1 об.*)

4. «Шигирская культура» Дмитриева⁸ нашлась в одном экземпляре в архиве ИИМК – перепечатано на машинке очень убористо на листах большого формата и имеет 155 стр(*аниц*). Рисунков к ней никаких нет, но Чернецов⁹ обещал ее прочесть, а потом пойдет в ближайшие дни к Елене Николаевне¹⁰ смотреть архив П(*авла*)А(*лексеевича*)¹¹ – может быть частично подберет рисунки. Не думаю, чтоб институт стал возражать против передачи работы в твои руки, но почти уверена, что этот экземпляр не отдаст и за перепечатку платить не будет. С деньгами по этой статье расхода так туго, что Киселев отказался мне оплатить за перепечатку алфавитного и библиографического указателей к справочнику.

5. Я серьезно собираюсь в экспедицию¹² – подала заявку на Открытый лист, получаю понемногу оборудование, но я совсем не уверена – поеду ли. Ин(*ститу*)т денег не дает ни копейки, и ты тоже что-то молчишь – у меня такие вопросы, частично, наверное, я их выясню здесь – но полностью вряд ли. Напр(*имер*) я за оборудование, которое подлежит возврату (все, кроме костюмов и ботинок) должна платить сейчас. Даже если ты и пришлешь деньги, и я уплачу, то спрашивается, какой интерес Молотовскому университету платить за вещи (н(*апример*) палатку и т.п.), кот(*орые*) ему не поступят. Я еще переговорю с Киселевым и Эсауловым¹³, что-то тут тёмно.

Второе дело – снабжение. По этому вопросу у нас черт-те что творится, полная неразбериха. Конкретно лично мне очень важно иметь рейсовые карточки на хлеб. Без них я ехать не рискую, а менять свои карточки очень уж невыгодно, если бы можно было только на хлеб – другое дело, а то все, т.е. все продукты фактически пропадают, и кроме того, как будто рейсовые карточки выдают только на 1 месяц. Опять получается чушь.

Может быть, к моменту выезда все это выяснится и утрясется, а пока вот что. Когда мы ездили в 1945 году в Коми¹⁴, то местные власти давали нам рейсовые карточки на рабочих –

нельзя ли нечто подобное (Л.2)

устроить в Молотове? Наверное, только это все очень сложно и с получением их, и с отчетом.

Я, между прочим, получила (это уже из другой оперы) две пары мужских ботинок № 42 и 39. Они возврату не подлежат. Мне они совершенно не нужны – везти ли их вам или отдать обратно или постараться обменять на другие №№? Если успеешь – отвечай! (подчеркнуто красным карандашом О.Н. Бадером – авт.).

Сегодня буду писать Лунегову¹⁵.

Ну вот, пожалуй, в основном и все. Хоть бы Вы приехали, как многое сложное упростилось бы. Привет от моей семьи и самые лучшие пожелания. Любящая вас Инна Талицкая.

Рукопись. Автограф.

№ 2

2/VII-47

Дорогой Отто! Сегодня должна выехать на машине в Ныроб¹⁶ (вчера помешал дождь). Отсюда пойдём на Ветлан¹⁷, на Девью¹⁸, а затем постепенно будем спускаться вниз, обследуя памятники. Лунегов возлагает большие надежды на Мысогорское городище¹⁹ (близ Искора²⁰). Но оно здорово перекопано Берхом²¹ и Сергеевым²².

О дальнейших работах сообщу.

Денег почти совсем нет. Отчет (финансовый) и заявление о деньгах на имя ректора послала. 7/VII-47 Большой привет Марусе и Коле²³. Инна Талицкая.

Почтовая карточка. Рукопись. Автограф.

№ 3

5/VII-47

Дорогой Отто! Исполняю твою просьбу и сразу пишу. Постараюсь кратко.

1. Пароход опоздал на сутки. Прибыли 3/VII в 7 вечера.
2. Остановились в гостинице. На другой день переехали к Лунегову.
3. Вчера ходили по начальствам и получали багаж.
4. Сегодня обследовала городища в самой Чердыни. Одно определенное с прекрасным валом, без находок, по объяснению Лунегова, XIV века – крепость при городе²⁴, другое – городище только по названию²⁵. Завтра продолжаем обследование окрестностей Чердыни. Через день-два выходим по маршруту.

Жить здесь трудно. С коммерческим хлебом ничего не вышло. Если можно, очень бы просили не задерживать следующие деньги. Отчет посылаю завтра на бухгалтерию университета. Привет Марусе и Коле. Инна.

(на лицевой стороне карточки) Отто, мне очень важно знать, сколько же будем получать в месяц я и Ира²⁶. Иначе мне трудно строить расчеты.

Почтовая карточка. На карточке рукой О. Н. Бадера 306/1947 г. **Рукопись. Автограф.**

№ 4

Л.1

16/VII-47

Дорогой Отто! Жаль, что запретил мне писать большие письма. Коротко писать не умею. Сейчас сидим в Искоре. Пытаемся выехать, пока неудачно. 9/VII выехали в Ныроб, осмотрели его достопримечательности (исторические, а не археологические). 10/VII посетили Мысогортское городище, единственное, пользующееся широкой известностью. 11/VII и 12/VII были в Ветланской пещере, на камне Ветлан и Бобыкском²⁷ (городищ там нет), осмотрели костыше Светик у Подборенки²⁸. Со времени раскопок Сергеева (1885 г.) находок там не было – я разговаривала со стариком – участником раскопок Сергеева. 13/VII вернулись вновь на Мысогортское городище, заложили 5 шурфов. Культ(урный) слой свыше 0,50 м, но находок мало (кости, шлак, поздняя керамика). Берх перекопал все основательно. Вчера приехали в Искор. Осмотрели знаменитые здесь «островки»²⁹. Поговорили со старожилами. Задерживаться здесь смысла нет.

(Л.2, на лицевой стороне карточки). Завтра собираюсь задержаться в Вильгорте³⁰, но Лунегов уверял, что городище смыло окончательно. Посмотрю. Уже из Чердыни схожу в Покчу³¹,

но впечатление такое, что выше Чердыни не осталось ничего, достойного внимания – перекопано и разрушено. Посмотрю, что покажет Редикор³². Денег окончательно нет. Путешествуем в долг под честное слово.

Будет очень жаль, если в Чердыни не найду перевода. Условия очень тяжелые. Привет Марусе и Коле. И. Талицкая.

Почтовая карточка. Рукопись. Автограф.

№ 5

247/1947 (рукой О. Н. Бадера – авт.)

Л.1

18/VII-47

г. Чердынь

Дорогой Отто!

Вчера поздно вечером вернулись в Чердынь. Маршрут был таков: 9/IX Чердынь-Ныроб на машине. Пешком 10–12/VII Ветланская пещера, Костище Светик у Подборенки. Бобыкский камень, Ветланский камень. Результаты: пещера не была и не могла быть заселена в древности. На «камнях»³³, по Остроумову [1926], должны быть городища, их нет, ни следов укрепления, ни культурного слоя и места не подходящие.

13–15/VII. Работали на Мысагортском городище (оно же иногда называется Ныробское или Искорское). Слой большой (до 50-60 см), но сильно перекопан (Берхом были проложены траншеи – 28 поперечных и столько же продольных, а площадь городища невелика). Находки – небольшое количество (Л.1об.) поздней керамики, немного костей животных, кусочки шлака, камни. Между валами и за ними культурного слоя нет. Мое мнение – копать его нет смысла.

15/VII. Осмотрели окрестности Искора. Поговорили со знающими людьми. В последние года находок нет, а места старых указать не могут. Прости – забыла – вблизи Мысагортского городища осмотрели место чудского могильника, но, судя по отчету Сергеева и по рассказам стариков, он перекопан до основания³⁴.

16–17/VII. Обследованы окрестности Камгорта³⁵ и Вильгорта. В Вильгорте имеется старое кладбище XVI–XVII века³⁶ и, вероятно, одновременное к нему селище на том месте, которое называется «городище»³⁷. Это место не имеет никаких следов укреплений, да судя по расположению, они и не нужны. Расположено оно очень (Л.2) невысоко над водой и ниже окружающих мест.

В Покчу не заехали, так как закончились деньги и продукты. Решили сходить сюда уже из Чердыни. Покча тоже не даст раннего слоя. Его должны дать Редикор, Губдор³⁸, Мало-Аниковская³⁹ (ниже Чердыни). Но боюсь, что и там все перекопано. Копали Спицын⁴⁰, Сергеев, Новокрещенных⁴¹, урядник Береженцев⁴² и другие.

Как планировать дальнейшую работу, не знаю, так как денег университет не перевел. Когда и сколько переведет, неизвестно. Условия здесь невероятно трудные. Трудно с транспортом, трудно с проводниками, а без них нельзя двинуться: тайга, горы, трющобы, медведи, волки и беглые.

В деревне достать совершенно ничего нельзя, кроме дорогого молока. Ливни также срывают (Л. 2об.) работу.

Думаю поступить так, если не получу от тебя соответствующих инструкций, а от университета денег: жду дня два, максимум три; если денег в достаточном количестве не будет – занимаю у Лунегова (но много он дать не может), отправляю студентов в Молотов. Потом жду еще дня два и уезжаю сама. Проживаться здесь не имеет смысла. Это грозит тем, что мы все расхвораемся. Дело идет к тому.

Прости, что опять много написала – иначе не умею.

Большой привет Марусе, Коле и Лидочке⁴³. Если она там.

И. Талицкая

Студентам я должна платить, иначе им совсем нечем жить, а время в основном тратится на поездки, на ожидание обещанного транспорта и на дурную погоду.

Рукопись. Автограф.

№ 6

197/1947 (рукой О. Н. Бадера – авт.)

19 августа 1947 года

Дорогой Отто!

В ожидании билетов, которых, боюсь, не будет, я накатала тебе на четырёх страницах «Предварительный отчет», который ты можешь использовать для газеты, как угодно⁴⁴. Единственная просьба – когда будешь писать в газету, пришли и мне один экземпляр (газеты), а потом, когда тебе уже будет не нужно, пришли мне, пожалуйста, назад черновики. Я переписать не успела. Ира в отчаянии, что нет билетов. Сейчас пойду в университет к бухгалтеру. Время сейчас около часа. Неужели не поедем и сегодня?

Инна Талицкая

(приписка карандашом)

Я не успела перечитать свой отчет. 19.8.47. 4 часа. С 51⁴⁵ уехать не удалось.

Рукопись. Автограф.

№ 7

(письмо без даты, но судя по содержанию, это продолжение переписки из разведки в Чердынском районе – авт.)

Л.1

Дорогой Отто!

Одновременно посылаю второй отчет на 2536 руб. 77 коп. Первый был на 1480 руб. 50 коп. Итого 4017 руб. 27 коп.

Убедительная просьба прислать мне еще 1000 рублей. Но обязательно телеграфом, почтой никакого смысла – идет страшно медленно.

Имеется очень интересное второе городище на Каме в 6 км от Кольчуга (см(*отри*) мой справочник ряд 42 №1275^x)⁴⁶. Я бы его хотела раскопать. Думаю, что более подходящего памятника не встречу. Я уже писала тебе, что вниз по Вишере все слишком перекопано. Большое письмо пока тебе писать не буду, т.е. я его написала даже, но не пошлю, все получается не в том тоне, в каком бы я хотела. Скажи, пожалуйста, (Л.1об.) в бухгалтерии, что меня зовут Инна, а не Анна, а то очень затрудняется получение денег. Если этих 1000 рублей, о которых я прошу, не смогут перевести, раскопки придется скомкать.

Рукопись. Автограф.

№ 8

200/1947 (рукой О. Н. Бадера – авт.)

Л.1

29 августа 1947 года, г. Москва.

Дорогие мои Маруся и Отто!

Вот уже неделя как я приехала, но все еще не могу никак прийти в норму, поэтому за связность письма не ручаюсь. Надеюсь вы меня простите.

Губинское (Шомшинское) городище⁴⁷ и Анна Васильевна (Збруева), и Чернецов по беглому осмотру материала относят к родановскому времени. Но не исключена возможность, что там есть и более ранний слой. «Бога», найденного близ Кольчужского городища⁴⁸ Чернецов относит никак не позднее начала нашей эры. А.В. говорит, что она видела аналогичную находку как будто в каком-то ОАКе, но я еще не успела посмотреть. Та находка, о которой говорит А.В., как будто найдена в слое и то же близ Чердыни. Птичка, безусловно, ранняя, возможно, ананьинская, ну а конек века XIV, никак не раньше (подчеркнуто красным карандашом О. Н. Бадером – авт.).

Отто, вышли из печати:

- 1) XIV выпуск Кратких сообщений⁴⁹;
- 2) XV выпуск Кратких сообщений;
- 3) Вестник древней истории, №4;
- 4) Мат(ериалы) и исс(ледования) по арх(еологии) СССР (№, посвященный археологии Москвы с твоей работой) (Бадер, 1947б).

Себе я еще не купила, но буду покупать. Срочно сообщи, что тебе купить и купить ли? А то, может быть, тебе придет кто-нибудь другой. Не стоит тебя вводить в двойной расход, тем

более, что он получается не маленький.

(Л.1 об.) Отто, дорогой мой, умоляю, если еще не посланы деньги в Соликамск Удимову⁵⁰ и в Чердынью Лунеговым, сделай все возможное. Чтобы как можно скорее перевести их телеграфом. Мне об этом тоже сообщи обязательно телеграммой. Если почему-либо деньги никак не можете перевести, то тоже немедленно телеграфируй. Как у меня сейчас ни трудно с деньгами, но я переведу им личные. Мне перед ними очень стыдно. Ведь я обещала, клялась всеми святыми, что переведу деньги телеграфом 16 августа, т.е. тотчас же по приезде в Молотов. Судя по тому, что от тебя до сих пор нет телеграммы, вероятно, они не переведены и по сей день, получается очень некрасиво.

Когда же вы, наконец, будете кончать работу?⁵¹ От души желаю вам всего хорошего. Я, мое большое семейство шлет вам сердечный привет.

Любящая вас Инна Талицкая

Машинопись. Автограф.

№ 9

Л.1

23/VII-48

Дорогие Отто и Маруся!

Прежде всего, большое спасибо, что не забываете меня. Но я до некоторой степени в претензии, что вы хотя бы в кратких словах не пишете о себе и о своей работе. Мне очень интересно, что вы делаете и как идет работа. И как поживает Коля?

Я себя чувствую более или менее ничего. Событие должно произойти где-то в середине августа⁵². Но я очень боюсь, как бы не получилось раньше – уж очень у меня много дела, с которым надо хотя бы в основном надо управиться до...

Главное у меня третий месяц больна мама (радикулит) и конца болезни не видно. Она больше лежит и стоит. Врачи «успокаивают», что эта болезнь может и полгода тянуться. (Л.1 об.) А сейчас у нее еще и добавился грипп. Дедушка занимается ремонтом, в том числе перекладывает печи, и тоже на ногах переносит грипп. А вообще мы живем как на вулкане, так как нас все время грозят переселить, а куда – неизвестно. Ремонт же тем не менее надо делать. Андрюша вчера уехал в лагерь до конца августа. Ирина подала заявление в Университет, на почвенно-геологический факультет, на специальность геохимию⁵³. Сейчас усиленно готовится к экзаменам, которые будут с 1 по 20 августа. Беспокоит конкурс меня очень. Страшно не хочется, чтобы у нее пропал этот год. Таким образом на меня свалилось помимо всего прочего масса домашней работы, в том числе та, которой я никак не предполагала – шитье и починка.

Ну в общем все ничего. Мы с Ирой (Л.2) очень часто вспоминаем слова Отто, что придет же время, когда «недоедание» будет пониматься как то, что на тарелках остается. Мы почти дожили до этого времени. Вкусного, конечно, не остается, но хлеба хватает вполне. Только мне приходится следить за своими стариками, как за малыми ребятами. Сейчас я сижу дома и готовлю обед и пр. И они едят с удовольствием, а если им не подашь – они будут есть один хлеб с пустым чаем. От этого у меня как-то сжимается сердце и хочется их получше накормить, тем более Марусе это хорошо известно, «лучше» – это даже не значит дороже, а только больше времени идет на это. С деньгами, конечно, туговато и очень приходится экономить. Ну, надеюсь, все утрясется, лишь бы быть здоровыми, чего и вам от души желаю.

Ну теперь о делах: относительно Мишиной диссертации⁵⁴, конечно лучше всего посоветоваться <неразб.> (Л.2 об.) насколько реально возможно издание уральского сборника в Москве?⁵⁵ Но думаю, что это, в ближайшее время почти безнадежно, и я бы считала, что диссертацию печатать стоит именно в том виде, в каком она есть у тебя (подчеркнуто красным карандашом О.Н. Бадером – авт.). Но определенное и категорическое условие, которое я ставлю (в этом меня поддерживает и А.В. (Збруева), никаких сокращений ни в тексте, ни в рисунках (подчеркнуто И.А. Талицкой – авт.), только при таких условиях можно печатать.

О печатании части справочника в Молотове. Это все же лучше решать тебе. Я считаю, что Чердынский район можно вполне печатать (в том варианте, что я дала тебе). Большого там трудно высосать, разве что случайное будет. А относительно остального – у тебя же при моем справочнике есть оглавление, где указаны разделы, след(овательно) территорию можно взять по желанию – (Л.3) любой наиболее актуальный участок. Но я бы считала, что наиболее интересный – это именно окрестности Молотова. А так как ты там наоткрывал еще черт те что, то

невредно было бы нам объединиться. Т.е. взявши за основу один из моих разделов, добавить, хотя бы в виде приложения, мои данные, а так как это все же справочник, то их добавить можно очень коротко, что позволит тебе в дальнейшем писать о них сколько угодно, какие-то сведения о памятниках будут. И эту часть справочника надо давать сообща (т.е. под тремя фамилиями (Миша⁵⁶, я и ты). Моя работа тоже ведь есть, я не только механически переписывала Мишины записи.

Что справочник придется разбивать на части, если будут только возможность (*Л.3об.*) его печатать – я, конечно, вполне с тобой согласна⁵⁷. А какую, где часть, повторяю, это решать тебе. Что же касается самой карты, то думаю, что я могу прислать тебе любую выкопировку, только ты сообщи мне. Что именно и к какому сроку надо. А если бы кто-нибудь мог заплатить за это (за копировку), было бы еще лучше. Но я настолько заинтересована в издании, хотя бы части справочника, что постараюсь сделать сама и к тому сроку, который ты укажешь. Свои же памятники ты легко добавишь на карту.

Что касается Кирова, то там можно любую часть печатать, как она есть, и выкопировку карты тоже можно дать. Но, откровенно говоря, боюсь, что сейчас не смогу туда писать, просто не успею. Ведь (*Л.4*) нужно писать официально, дать <неразб.> и пр. Вероятно, все это я смогла бы сделать в конце года, если будем живы и здоровы (не обижайся за почерк – у меня все время немеют и мозжат руки и мне очень трудно писать, а так же прошу прощения за стиль и форму – тут, вероятно, с мозгами не все в порядке).

Хочу спросить у тебя одного совета (только об этой части моего письма не доводи до сведения Лунегова). Лунегов «допекает» меня письмами. Причем он не спрашивает что-нибудь конкретного, а так хочет поддерживать переписку. Мне же писать ему совершенно нечего. Я писала ему несколько писем, но это не то, что ему надо. Для меня же вопрос совершенно ясен, что в том районе я работать больше не буду, не надейтесь. Он в данное время при данном его состоянии не интересен, (*Л.4об.*) чтобы тратить на него время и деньги. Лунегову же я могу написать только осенью, после доклада в Институте с резолюцией секретаря, а так писать бессмысленно.

Сама же я думаю, что когда я получу возможность работать, то буду ориентироваться или на Среднюю Каму, или на Белую (т.е. изменяя Лунегову, буду заводить амуры с башкирами). На ближайшие годы (начиная с 1949 г.) ставлю в план Роданово городище⁵⁸. Думаю на его основе дать разработку керамики. Все же камская керамика неизвестна, а Роданово – прекрасный многослойный памятник с хорошо прослеженной стратиграфией. Даже просматривая бегло материал, можно заметить и большую разницу, и, тем не менее, какую-то общую традицию в керамике нижнего и верхнего слоев (исключаю болгарскую, конечно!).

Ну, пока кончаю. Прости, что много накатала. Если найдешь нужным писать – буду очень рада. Все мы семейством шлем вам привет. И. Талицкая.

Рукопись. Автограф.

№ 10

Л.1

5/1948 (рукой О. Н. Бадера – авт.)

Ответил 2.X/1948 (рукой О. Н. Бадера – авт.)

26 сентября 1948 года

Дорогой Отто!

Наконец моя Маничка дала мне перепечатать биографию Миши и список его работ⁵⁹. Спешу тебе послать. Анна Васильевна (*Збруева*) еще не была у меня, а почему, не знаю. Иллюстрации к Пьяноборскому могильнику⁶⁰ я отдала ей. Надеюсь, так или иначе ее увидеть в ближайшее время и взять рисунки. Но ведь посылать их очень рискованно. Они в одном экземпляре. Вдруг потеряются. Нужно фотографировать, а у меня семья, дети маленькие, а денег нет. Что же делать?

Вообще, Отто, я тебе очень благодарна за внимание и хлопоты. Благодарна за то, что ты не даешь мне застаиваться и подгоняешь. Но только, судя по твоему письму, мне предстоит сделать массу дел в самое кратчайшее время и какое более спешное, я не знаю; все сразу сделать не могу и поэтому не делаю ничего. Будь добр, напиши, что и как надо сделать и какая очередность. Думаю, что прежде всего нужны рисунки к Пьяноборью. (*подчеркнуто крас-*

ным карандашом О. Н. Бадером – авт.). Так? Ну а как это осуществить практически? Что ты предложишь? Насколько реально издание карты? В каком масштабе надо снимать на кальку? Неужели тебе нужна моя большая карта? На ней же ни черта не будет видно! А работа по копировке огромная! У меня же есть карты масштаба 1:500000. Может быть нужный участок скопировать оттуда? Кроме того, в том экземпляре справочника, что у тебя, нет ни библиографического, ни алфавитного указателя (подчеркнуто красным карандашом О. Н. Бадером – авт.). Как быть с ними? Если справочник, т.е. какая-то его часть, действительно может пойти в печать, то ее нужно отделать основа- (Л.1об.) тельно. Другими словами, я должна привести в надлежащий вид тот экземпляр, который есть у меня и спешно переслать его тебе. Ведь так? Вероятно, что-то надо сократить, что-то добавить. Жду инструкций. Пиши скорее, а пока разреши пожелать тебе всего самого хорошего, главным образом, здоровья

Марусе и Коле шлю сердечный привет. Все мое семейства присоединяется ко мне и шлет всем вам большой привет и наилучшие пожелания.

(*приписано от руки – авт.*). Думаю, что автобиография Миши вполне достаточна для восстановления всей его научной деятельности. А если что нужно добавить, то это можешь сделать лучше, чем я.

Инна Талицкая

Машинопись. Автограф.

№ 11

Л.1

№1 65/1948 (рукой О. Н. Бадера – авт.)

15 ноября 1948 г.

Дорогой Отто!

Маруся передала мне твое письмо. Но у меня возник ряд вопросов и несогласий. Постараюсь писать кратко.

1) Я нашла экземпляр Мишиной диссертации с подлинными рисунками, отредактированный и совершенно готовый к печати. В нем вот такие «но»:

а) это не первый экземпляр, поэтому я плюсом к нему отдала Марусе первый (переплетенный, но не тот, что был у тебя);

б) не хватает двух рисунков, но т.к. это планы и фотографии их настолько хороши, что воспользоваться ими вполне можно.

в) это, пожалуй, самое главное – в основном экземпляре нет подлинной карты памятников, которую Миша дает в своей работе⁶¹. У меня ее тоже нигде нет. Выход только один: использовать фотографию. При желании и с помощью лупы карту можно перечертить;

г) к этой Мишиной работе (диссертации) есть приложение: список памятников, нанесенных на карту. Без него давать работу нельзя, а он составляет 1,5 печатного листа.

Собственно говоря, без этого указателя можно было бы обойтись, если бы... Но это уже второй пункт моего письма...

2) Ты предполагаешь напечатать в сборнике⁶², который привезла Маруся, 12 листов моего справочника и указываешь разделы. Но ошибся в подсчете, и то, что ты указал, составляет не 12 листов, а 5 листов. (Получилось это, вероятно, потому, что ты считал, учитывая последнюю страницу отобранных разделов, забывши, что изъят отсюда 7 разделов Вятки).

Мы долго решали с Марусей вопрос, почему ты взял именно верховья Камы, и пришли к выводу, что это сделано потому, чтобы просто начать сначала, в надежде впоследствии сделать все остальное. Ведь так? Но я категорически протестую против такого порядка и вот почему: памятники низовья настолько случайны и неполны, что давать их отдельно просто страшно. Кроме того, в предполагаемый тобой план напечатанья входят окрестности Молотова, а после твоих работ, проведенных в окрестностях, мой справочник в этих разделах просто жалок. И наконец – самое главное – район Камы выше Молотова (включая и Чердынский) представлен в моем справочнике наиболее полно, во многих местах Миша был сам, об этом районе он говорит главным образом в своей диссертации, эти памятники использовались им для его карты. Объем этой части работы как раз 12 печатных листов (можно сделать поменьше за счет Гаревои и Туя⁶³, которые вполне можно оставить для будущего года). Другими словами, уже если печатать, так печатать Каму выше Молотова (самые верховья – для меня совершенно ясно

– должны отойти к Кирову. Во-первых, это Кировская область, во-вторых, (*Л.1об.*) территориально они близки к Вятке, вернее к Чепце, в-третьих, сами памятники близки к чепецким)⁶⁴.

Печатанье это части справочника даст более ясную картину и о самой работе, и о заселенности, точнее насыщенности памятниками района, и, кроме того, это будет прекрасным дополнением к Мишиной диссертации и позволит не печатать его списка памятников. Вот подумай. Скорее присылай ответ. Надеюсь, что ты согласишься с моими доводами, а поэтому буду готовить в сборник эту часть с таким расчетом, чтобы она со всеми указателями и ссылками никак не превышала запланированных 12 п.л., может быть несколько меньше. Надеюсь на твое согласие еще и потому, что я все же категорически против того, чтобы начинать с низовьев. Что я предполагаю делать с ними, я напишу тебе ниже.

3) «Послепьяноборское время» – несчастная статья – я опять не могу найти рисунков. Перебрала у себя все. Нет нигде. Одна надежда, что я отдала их тебе в один из твоих приездов. Посмотри, пожалуйста. Не знаю, что за таинственная история, но у меня их нет. Это, во-первых, а во-вторых: отзыв о сборнике, вероятно, будет давать Смирнов⁶⁵. Он, посмотрев содержание (оглавление) вполне одобрил, но объясняю это беглостью и недостаточным вниманием, тем более что это было во время покаянного заседания ученого совета, когда у всех нервы были напряжены от разгоревшихся страстей⁶⁶. А вообще Смирнов очень против этой статьи и не считает ее достойной печатанья⁶⁷. Анна Васильевна (*Збруева*) с ним не согласна. Во всяком случае рисунки найти нужно, но где?

4) В Киров я напишу. Сегодня придет Жорж⁶⁸. Мы вместе с ним отредактируем письмо. Но, во-первых, ты опять ошибся, и там не 8 листов, а только 6, да и только в том случае, если прибавить верховья Камы, но выше головы не прыгнешь, постараюсь сделать как можно быстрее, но смогу ли в этом году, я не знаю. Не спать я не могу. Сон одно мое спасение. Я ведь чувствую себя очень скверно. Деньги, конечно, дело хорошее, но за ними лучше не гоняться. Будут – хорошо, нет – не будем огорчаться.

Ты не ругайся, Отто, не сердись. Я прекрасно понимаю, что тобой руководят самые лучшие чувства и жалко упускать возможность напечатать, да еще за деньги, но повторяю, очень плохо себя чувствую, и когда я сваливаюсь, даже не сплю, а впадаю в тяжелое забытие. Эта моя вторая утрата выбила окончательно почву из-под ног⁶⁹. Ты, ко всему прочему, вполне естественно хочешь отвлечь меня работой. Я и сама в работе ищу забвения. Но на все не хватает сил, тем более что сейчас конец года и нужно сдавать план. Своим местом в Институте я никак не могу рисковать⁷⁰. Слишком много людей без работы сейчас.

Вот видишь – хотела написать коротенько письмо, а не вышло. Нужно еще о кое-чем поговорить. (*Л.2*)

5) Я думаю, одновременно с письмом в Киров надо написать удмуртам, предложив им напечатать их часть⁷¹, она-то представлена достаточно полно. Во всяком случае попытка не пытка.

6) Я вполне с тобой согласна, что ты Чусовую⁷² отложил до будущего года. Как я уже писала выше, хорошо к ней присоединить окрестности Молотова. Во всяком случае мы должны сделать эту часть справочника с тобой сообща и привлечь материалы обследования Славы⁷³ (ниже Молотова).

7) Вещевой материал моего обследования 1947 года для музея. Я могу его, конечно, выслать, но уж больно он не показателен: мельчайшие обломки керамики и камни; камни и еще раз камни, большие и маленькие, со следами обжига и без него и все без всякой обработки. Они, если и интересны, только в вопросах стратиграфии, не как материал. А что делать с описью? Она у меня в одном экземпляре и уж очень в черновом. Посылать и опасно и стыдно. Если можно повременить до будущего года – я постираюсь его перепечатать, даже даром, а сейчас у меня совсем нет времени.

Ну вот кажется и все о делах.

Что же писать о себе? Тяжело, Отто, очень тяжело. Слов не найдешь, и они ни к чему. Человека не вернешь. Доискиваться причины? Пожалуй, тоже ни к чему. Может быть для того, чтобы сбегать остальных. Недаром Киселев на этом ответственном собрании говорил, что мы должны наладить не только свою работу, но и отдых. Вацлавич⁷⁴ с большим трудом поехал в эту экспедицию. Он, не признававший домов отдыха, в этом году мечтал о нем. Но не поверил себе, понадеялся на свои силы... и пошел к врачам слишком поздно. Приходится учиться на

своих и чужих ошибках. Дорогая наука. Это нужно учесть всем и тебе в первую очередь. Работай, но отдыхай, но и питайся. Толку будет больше. Жутко вспомнить, что перед экспедицией, жалуясь на отсутствие аппетита и считая это проявлением умственной работы, он говорил «вот жареную картошку я бы съел, а тушеную не хочу». Это в 48-то году. А раньше что было: все для детей, все для семьи, а сам сидел на одной картошке, да и той не досыта. Может не только эта причина, но во всяком случае одна из причин. Страшно, обидно и горько.

Бабушка наша все еще хворает. Дед держится, но тоже поскрипывает и часто ложится среди дня. Сейчас что-то больна Маничка. Старшие дети пока чувствуют себя ничего, но ведь и они не получают того, что нужно. Страшно, что все это скажется впоследствии. Реву я почти каждый раз, когда беру на руки Маничку и в то же время рада, что смогла сохранить эту живую частицу его, этот отросток сломленного дерева. (*Л.2об.*) И она очень помогает всем нам переносить это страшное горе, невольно заставляя улыбаться в эти тяжелые минуты.

Ну ладно, пока кончаю. Жду от тебя. Все мое большое семейство шлет тебе привет и самые лучшие пожелания.

И. Талицкая.

О ручном рубиле из Пещ(ерного) Лога (притисано карандашом О.Н. Бадером – авт.).

Машинопись. Автограф.

№ 12

Л.1

44/1950 (рукой О. Н. Бадера – авт.)

17/V-1950

Дорогой Отто!

У меня к тебе большая просьба. Не можешь ли ты прислать из Мишиной папки «Неволинский могильник» несколько иллюстраций, а именно: «бусы» и «пояс».

Выявилась просьба вот чем: редактор⁷⁵ и рецензенты, хотя и сильно подсократили «послепьяноборское время», но все же в издание его пускают. В этой работе Миша довольно подробно описывает неволинский пояс и бусы⁷⁶. Хотя сам он в этой работе давать иллюстрации не собирался, поскольку думал написать «Неволинский могильник», но, как тебе известно, рисунки (и очень хорошие) им сделаны. Мы с В. Н. Чернецовым думаем, что их невредно было бы издать, а будущий автор «Неволинского могильника» всегда сможет на них сослаться, тем более (*Л.1об.*) скоро он, вероятно, не издаст. Рисунки же стоят того, чтобы быть изданы, и в Мишиной статье будут очень уместны. Единственное, что меня беспокоит – есть ли к рисункам легенда, а если нет, то можно ли просто сослаться, что они из Неволинского могильника?

Сборник у нас уже в ближайшие дни сдается в РИСО, но если ты сочтешь нужным и удобным выслать иллюстрации, то, во-первых, прошу сделать это быстрее, а, во-вторых, одновременно дать мне телеграмму, что рисунки (какие именно) высланы; тогда мы сможем им дать номера, включить в списки рисунков и таким образом сдать сборник [МИА. 1951. № 22]. Сами же рисунки могут быть приложены и позднее. Очень прошу не задерживать ответ и по возможности рисунков. Они пошли бы (*Л.2*) в краске, а это очень приятно. Ответ (и рисунки – если пошлешь) присылай на ИИМК, я здесь бываю почти каждый день.

Замаялись мы со сборником, не чаем, когда сдадим и примемся за свою основную работу⁷⁷.

Между прочим, Смирнов отредактировал немного Каму⁷⁸ и теперь только от меня зависит, как скоро она пойдет в РИСО. А работы очень много.

Семейство мое понемногу скрипит, все они шлют тебе, Марусе и Коле свой сердечный привет и самые лучшие пожелания.

Инна Талицкая

Машинопись. Автограф.

Примечания:

¹ Маруся – Бадер (ур. Розанова) Мария Александровна (1907–1964), археолог, музейный работник. Окончила 1 МГУ (1929). В 1929–1932 инвентаризатор отдела доклассового общества ГИМ, с 1938 на службе в МО ИИМК, с 1944 в Институте антропологии МГУ. Участвовала в работах Ветлужской, Антропологической, Крымской, Камской и Воткинской археологических экспедиций. Супруга О. Н. Бадера.

² Имеется в виду ИИМК АН СССР (*авт.*).

³ Речь идет, скорее всего, о тексте (Талицкая, 1948) для сборника материалов Первого Уральского археологического совещания.

⁴ Справочником здесь и далее названа основная часть рукописи будущей книги (Талицкая, 1952).

⁵ Статья с таким названием в списке опубликованных работ И. А. Талицкой не значится (*авт.*).

⁶ Збруева Анна Васильевна (1894–1965), археолог, доктор исторических наук (1953). Окончила археологическое отделение ФОН 1 МГУ (1925), ученица В. А. Городцова и Б. С. Жукова. В 1926–1928 гг. научный сотрудник отдела славяно-финской археологии ГИМ, в 1931–1936 научный сотрудник Музея народоведения и Музея антропологии при МГУ, с 1936 в МО ИИМК – ИИМК – ИА АН СССР. Труды по археологии бронзового и раннего железного веков Волго-Уралья; см. подробнее: (Тихонов, Бадер, 1967; Збруева... 2000).

⁷ Киселев Сергей Владимирович (1905–1962), археолог, историк, чл.-корр. АН СССР (1953). Окончил археологическое отделение ФОН 1 МГУ (1926), ученик В. А. Городцова и С. В. Бахрушина. С 1929 г. аспирант ИАИ РАНИОН, сотрудник отдела феодализма ГИМ (до 1938). С 1930 в МО ГАИМК – МО ИИМК – ИИИМК – ИА АН СССР, в 1945–1951 гг. заместитель директора ИИМК; см. подробнее: (Мерперт, 2000; Дэвлет, 2019).

⁸ Дмитриев Павел Алексеевич (1902–1943), археолог, музейный работник. Выпускник археологического отделения ФОН 1 МГУ, аспирант ИАИ РАНИОН, ученик В. А. Городцова. С 1925 в ГИМ – сотрудник отдела популяризации музейных коллекций, зав. группой оружия и военной техники (с 1929), ученый секретарь (1936–1941). В 1941 г. добровольно ушел в Московское народное ополчение, погиб на фронте. «Шигирская культура на восточном склоне Урала» – кандидатская диссертация П. А. Дмитриева, написанная в начале 1930-х гг. В коллекции писем к О. Н. Бадеру сохранилось несколько писем Е. Н. Дмитриевой в связи с обсуждением возможности публикации диссертации ее мужа в виде монографии. Стараниями О. Н. Бадера, В. Н. Чернецова и А. Я. Брюсова рукопись была опубликована (Дмитриев, 1951а; 1951б). Судя по содержанию примечаний в текстах, они написаны ответственным редактором МИА. № 21 А.Я. Брюсовым.

⁹ Чернецов Валерий Николаевич (1905–1970), этнограф, археолог, фольклорист, лингвист (угорские и самодийские народы). Ученик В. Г. Богораз-Тана и Л. Я. Штернберга. В 1930–1935 гг. в Институте народов Севера, в 1935–1940 гг. в Музее антропологии и этнографии АН СССР (с 1938 зав. Сибирским отделом) в Ленинграде, с 1940 в МО ИИМК – ИИМК – ИА АН СССР; см. подробнее: (Косарев, 2006; Ошибкина, 2019).

¹⁰ Дмитриева (ур. Липеровская) Елена Николаевна (1902–1990), археолог, музейный работник. Окончила археологическое отделение ФОН 1 МГУ, ученица В. А. Городцова, научный сотрудник Оружейной палаты (1924–1932), отдела металла ГИМ (1932–1974), супруга П. А. Дмитриева (Белозерова, Кузьминых, 2015, с. 621).

¹¹ Речь идет о научном архиве П. А. Дмитриева, материалы которого необходимы были для подготовки к публикации монографии по шигирской культуре. В. Н. Чернецов подобрал в нем иллюстративный материал к соответствующим разделам рукописи. Ныне бумаги П. А. Дмитриева хранятся в Архиве ИА РАН (Р-1. Ф. 4).

¹² Речь идет об участии И. А. Талицкой в работах Камской археологической экспедиции (*авт.*).

¹³ Эсаулов Леонтий Николаевич (1894 – 1980-е), юрист, финансовый работник. В 1913г. окончил Московскую 11 гимназию, в 1916 юридический лицей. В 1917 на военной службе. С 1918 г. на различных должностях в Наркомфине, Главлеском. В 1922–1932 гг. делопроизводитель при правлении РАНИОН, в 1932–1937 гг. управляющий делами и бухгалтер МО ГАИМК, с 1938 г. в той же должности в МО ИИМК, в 1943–1976 гг. главный бухгалтер ИИМК – ИА АН СССР (Белозерова, Кузьминых, 2015, с. 690, 691).

¹⁴ Речь идет о работах археологического отряда (рук. А. В. Збруева) экспедиции Института этнографии по обследованию р. Сысолы; см. подробнее: (Археологические... 1962, с. 132).

¹⁵ Лунегов Илья Алексеевич (1900–1994), музейный работник, заслуженный работник культуры РФ (1965), участник Великой Отечественной войны. В 1920-е, работая избачом в с. Вильгорт, организовал краеведческий кружок. В 1927–1967 гг. работал в Чердынском краеведческом музее (с 1929 директор). В 1950 и 1966 гг. исследовал Редикорский могильник на р. Вишере, комплектовал археологические фонды музея. Автор статей об археологических находках в Чердынском крае, в том числе восточного серебра, сберег архивы дореволюционных учреждений Чердыни; см. подробнее: (Тимохова, 2006, с. 294).

¹⁶ Нырб – посёлок в Чердынском районе на севере Пермского края.

¹⁷ Ветлан, «Ветланский камень» – участок крутого правого берега реки Колвы, обрывающийся к реке отвесными скалами высотой до 80 м над уровнем реки.

¹⁸ Девый камень находится недалеко от Ныроба на правом берегу р. Колвы. В нем расположен вход в Девью пещеру. Первое научное описание пещеры в 1772 г. выполнил Н. П. Рычков. В 1821 г. здесь побывал В. Н. Берх.

¹⁹ Мысгорское городище – правильное написание Мысагортское, оно же иногда называется Нырбское или Искорское; см. подробнее: (Талицкая, 1952, с. 164, 165).

²⁰ Село на реке Искорка, впадающей в озеро Вад (старое русло реки Колва).

²¹ Берх Василий Николаевич (1781–1834), историк морского флота, участник первого кругосветного путешествия в России, краевед, архивист. Служил в Морском ведомстве, в 1810–1821 гг. в Пермской казенной счетной палате. В Перми заинтересовался историей Урала и Прикамья, в 1819 г. проводил археологические

раскопки городища Искор, исследовал исторические древности в Перми и Соликамске, составил их описание; см. подробнее: (Литвинова, 2000а).

²² Сергеев Сергей Иванович (1853(?)–1904), археолог, краевед, зав. отделом Пермского научно-промышленного музея, секретарь Пермской комиссии УОЛЕ. В 1890–1896 гг. активно проводил полевые исследования в Пермской губ., в том числе на средства ИАК. Известны его раскопки городища Искор в 1895 г. на р. Колве в Чердынском у. Пермской губ. С его именем связано открытие знаменитого Турбинского могильника; см. подробнее: (Шумилов, 2000; Мельникова, 2007, с. 83, 84).

²³ Коля – Николай Оттович Бадер (1935–2015), сын О.Н. Бадера. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела теории и методики ИА РАН. Специалист по позднему палеолиту, мезолиту и докерамическому неолиту Европы и Ближнего Востока; см. подробнее: (Бадер... , 2000).

²⁴ Речь идет о Чердынском 2 (Троицкая гора) городище, которое относят к родановской культуре; см. подробнее: (Талицкая, 1952, с. 161).

²⁵ Имеется в виду Чердынское 1 (Вятское) городище; см. подробнее: (Талицкая, 1952, с. 161).

²⁶ Ира, Ирочка – дочь старшеклассница И. А. Талицкой (*авт.*).

²⁷ «Бобыкский камень» является естественным стратиграфическим разрезом сакмарского яруса нижней Перми. С верхней площадки просматриваются уральские дали до 40 км.

²⁸ Светик у Подборенки – Подбобыкское (Светик-Камень) костыще исследовано в 1895 г. С. И. Сергеевым, который предпринял раскопки на берегу р. Колвы, вблизи д. Подбобыки Ныробской волости и собрал здесь небольшую коллекцию предметов (Талицкая, 1952, с. 165). Позднее Р. Д. Голдина костыще и святилище Подбобыка (Светик-Камень) отнесла к харинскому этапу ломоватовской культуры и датировала III–VIII вв. (Голдина, 1985, с. 112).

²⁹ Может быть «островками» называли «чудские» ямы, расположенные близ Искорского городища (Талицкая, 1952, с. 165).

³⁰ Вильгорт – село в Чердынском районе Пермского края в 15 км от райцентра, при впадении реки Цыдовки в Колву. Территория, где расположено современное село, в древности было, вероятно, одним из мест, куда поступало «закамское серебро». В 1927 г. в Вильгорте был найден клад, состоящий из 26 серебряных изделий, украшенных зернью и сканью (Белавин, 2013, с. 58, 59).

³¹ Покча – село в Чердынском районе Пермского края, в 5 километрах к северу Чердыни, при впадении реки Кемзелки в Колву. На месте села с 1472 г. существовал городок, основанный во время Чердынского похода завоевателем Великой Перми стародубским князем Фёдором Давыдовичем Пёстрым с крепостью. В 1947 г. следов городища И. А. Талицкая не выявила (Талицкая, 1952, с. 162).

³² Объектом внимания И. А. Талицкой (1952, с. 158, 159) было Редикорское (Горбуновское) городище в Чердынском районе Пермского края, почти полностью уничтоженное распашкой. Относится к родановской археологической культуре. Датировается VIII–XV вв. В XVI в. было использовано русскими поселенцами.

³³ Речь о Бобыкском и Ветланском «камнях» (*авт.*).

³⁴ Речь идет об Искорском (Мысагортском) могильнике, раскопанном С.И. Сергеевым в 1896 г. (Талицкая, 1952, с. 165).

³⁵ Камгорт – село в Чердынском районе Пермского края. В карте И. А. Талицкой (1952) здесь не зафиксированы археологические памятники.

³⁶ Христианское кладбище расположено непосредственно в селе (Талицкая, 1952, с. 163).

³⁷ Местность под названием «городище» сохранилась в Вильгорте близ устья р. Цидовки. Здесь по обрыву берега прослежен небольшой мощности культурный слой конца XVI и, вероятно, XVII в. (Талицкая, 1952, с. 163).

³⁸ Из с. Губдор Чердынского района Пермского края происходит Губдорский (Большое Поле) клад серебряных изделий, найденный при пахоте в урочище Большое Поле. В районе села в разных пунктах выпаживались железные топоры, ральники, замки и др., серебряная посуда и украшения (Талицкая, 1952, с. 161).

³⁹ С д. Аникова (Мало-Аникова) Чердынского района Пермского края связаны средневековые городище, могильник, клады и находки, отмеченные в карте И. А. Талицкой (1952, с. 159, 160). Отсюда же в УОЛЕ поступила коллекция медных наконечников стрел V–III вв. до н.э., ныне хранящаяся в СОКМ (СМ 12319) (Берс, 1959. С. 73, 74, № 322).

⁴⁰ Спицын Александр Андреевич (1858–1931), археолог, историк, чл.-корр. АН СССР (1927), автор основополагающих трудов по систематизации древностей России различных эпох и регионов, в том числе Вятской и Пермской губерний, методике археологических раскопок и разведок, русской исторической географии; см. подробнее: (Жебелёв, 1948; Тихонов, 2009; и др.).

⁴¹ Новокрещенных Николай Никифорович (1842–1902), археолог, краевед, общественный деятель. После окончания Петербургского технологического института (1863) служил на Пермских казенных заводах, в 1889–1902 жил в Перми, увлекался археологией, как член ИАК производил раскопки в разных уездах Пермской губернии, первооткрыватель Гляденовского костыща. В 1890 выступил инициатором создания Пермской комиссии УОЛЕ, до

1896 ее председатель; см. подробнее: (Литвинова, 2000б; Мельникова, 2007).

⁴² Об уряднике Береженцеве упоминает С. И. Сергеев в «Записках» УОЛЕ: «На третий год работ, во время уборки остатков вышеупомянутого выступа, крестьянин деревни Боец Аристарх Иванов Язев нашёл несколько бронзовых вещиц, которые были у него немедленно отобраны купцом Юшковым, так что он не успел их рассмотреть. Впоследствии, копая хрящ, крестьяне деревень Боец и Подбобька находили разные вещи, чаще всего «образки». Вещи приобретал священник села Ныроба о. Филипп, а по смерти его урядник Береженцев. Последнее время раскопками занимался крестьянин деревни Подбобька Селел Харитонов Чагин» (Сергеев, 1900).

⁴³ Информации о Лидочке найти не удалось (*авт.*).

⁴⁴ Речь идет о статье (Бадер, 1947а) с рассказом о работах Чердынского (рук. И.А. Талицкая), Елабужского (рук. А.В. Збруева) и Чусовского отрядов КАЭ летом 1947 г. (Ширинкина, 1956, с. 141).

⁴⁵ Вероятно, речь о номере поезда (*авт.*).

⁴⁶ Речь идет, вероятно, о Кольчужском 2 городище, расположенном близ с. Кольчуг Чердынского района Пермского края в устье рч. Метины, левого притока р. Камы (Талицкая, 1952, с. 172).

⁴⁷ И. А. Талицкая провела в 1947 г. рекогносцировочное обследование памятника (1952, с. 172).

⁴⁸ Идол найден в 1947 г. при раскорчевке леса вблизи Кольчужского 1 городища. Подробно описан И.А. Талицкой (1952, с. 172).

⁴⁹ См. подробнее о журналах КСИИМК и КСИА (Авилова, 2019).

⁵⁰ Удимов Дмитрий Иванович, краевед, директор Соликамского краеведческого музея (1942–1951), участник Первого Уральского археологического совещания; см. подробнее: (Исторические... 2022).

⁵¹ В 1947 г. Чусовской отряд КАЭ вел раскопки стоянок Боровое озеро I, Бор I, имени Талицкого и Нижнеадищевской (Бадер, 1949).

⁵² Речь идет о рождении Марии (Манички, Маруси) – дочери И. А. Талицкой и М. В. Воеводского (*авт.*).

⁵³ Ирина и Андрей – старшие дети И. А. Талицкой (*авт.*).

⁵⁴ Речь идет о диссертации М. В. Талицкого «Верхнее Прикамье в X–XIV вв.», изданной в МИА. №21 (Талицкий, 1951, с. 33–96).

⁵⁵ Речь идет о сборнике «Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III». ИИМК издал его в 1951 г. в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (№ 22) под редакцией В. Н. Чернецова. Реальным составителем сборника был О. Н. Бадер. Кроме диссертации М. В. Талицкого, в МИА-22 были опубликованы работы О. Н. Бадера, Т. А. Трофимовой, М. В. Воеводского и А. Н. Формозова, причем кроме новейших исследований (статьи Бадера о результатах раскопок стоянок Нижнеадищевская и Боровое озеро I и Трофимовой – об антропологическом составе древнейшего населения Прикамья и Приуралья) в сборник вошли тексты Бадера («Городища Ветлуги и Унжи»), Воеводского («Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи») и Формозова («Материалы к истории фауны Приветлужья»), которые были подготовлены для I (Ветлужского) тома «Трудов» Антропологической комплексной экспедиции Института антропологии МГУ под редакцией Б. С. Жукова еще в конце 1920-х гг. Типографский набор этого тома был рассыпан после ареста Бориса Сергеевича. Статьи Бадера и Воеводского в МИА-22 опубликованы в сокращенном варианте, без соавторства и упоминания Жукова, тем не менее для археологов послевоенного поколения и руководства ИИМК (прежде всего его зам. директора С. В. Киселева) выход этого сборника был знаковым шагом.

⁵⁶ Миша – Михаил Васильевич Талицкий, муж И. А. Талицкой. Материалы к археологической карте Прикамья, над которыми в эти годы работала Инна Андреевна, изначально были собраны ее покойным мужем еще до войны.

⁵⁷ В итоге И. А. Талицкая не пошла на дробление справочника, опубликовав единственную статью о памятниках бассейна р. Кувы (Талицкая, 1947).

⁵⁸ Роданово городище – эпонимный памятник родановской археологической культуры (Пермь Великая). Характеризует ранний этап культуры (X–XIII вв.). Городище располагается в Юсьвинском р-не Пермского края. В некрологе памяти И. А. Талицкой А. П. Смирнов писал о том, что она «вела работы по расшифровке материала Роданова городища <...>. Ушедший на фронт исследователь городища М. В. Талицкий не смог закончить свой отчет, и после его смерти остались не оформленными полевые дневники, чертежи и многочисленные схемы. Инна Андреевна проявила большое упорство, приведя в систему все эти материалы, что позволяет уточнить дату этого городища и пересмотреть некоторые вопросы его истории» (Смирнов, 1958, с. 298).

⁵⁹ Эти материалы позднее легли в основу очерка М. А. Бадер о М. В. Талицком (Бадер М., 1953).

⁶⁰ Пьяноборский могильник – памятник, найденный у с. Пьяный Бор в XIX в. (ныне с. Красный Бор Агрязского района Татарстана); см. подробнее: (Археологическая карта..., 1981, с. 171, 172). В письме речь идет о рисунках к статье, не увидевшей свет. В списке печатных работ И. А. Талицкой нет статьи о Пьяноборском могильнике.

⁶¹ В опубликованной работе карта памятников бассейна р. Камы X–XIII вв. помещена; см.: (Талицкий, 1952, рис. 33).

⁶² Речь идет, скорее всего, о предполагаемом томе МИА. № 22, рукопись которого О. Н. Бадер передал для

издания в ИИМК через жену, М. А. Бадер (*авт.*).

⁶³ Памятники в бассейнах этих рек вошли в раздел 8 (Кама IV) труда И.А. Талицкой (1952).

⁶⁴ Памятники этого региона вошли в раздел 3 (Чепца, Вятка II) труда И.А. Талицкой (1952).

⁶⁵ Смирнов Алексей Петрович (1899–1974), археолог, историк, музейный работник, доктор исторических наук (1944). Окончил археологическое отделение ФОН 1 МГУ (1926), аспирантуру ИАИ РАНИОН (1929), ученик В.А. Городцова и Ю.В. Готье. С 1929 г. в ГИМ: экскурсовод, научный сотрудник археологического отдела (1929–1933), зав. II археологическим отделом (1933–1949), зам. директора по научной работе (1949–1962). В 1932–1974 гг. работал в МО ГАИМК – МО ИИМК – ИИМК – ИА АН СССР (зам. директора в 1950–1956, зав. сектором скифо-сарматской археологии в 1956–1974). Руководитель крупных археологических экспедиций – Куйбышевской, Чувашской, Поволжской. Автор основополагающих трудов по археологии и истории финно-угров Поволжья и Приуралья, Волжской Булгарии и Золотой Орды; см.: (Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 679, 680).

⁶⁶ Ученый совет, о котором идет речь в письме И. А. Талицкой, прошел в ИИМК 13–14 ноября 1948 г. (АРАН. 1909. Оп. 1. Д. 76). Следом, 15 ноября, открылась сессия Института геологических наук АН СССР для выявления и обсуждения просчетов и недостатков в работе геологических наук. Такого рода заседания прошли и в других институтах Академии наук. Все они состоялись спустя три месяца после Августовской сессии ВАСХНИЛ, организованной Т. Д. Лысенко и его сторонниками. На Ученом совете ИИМК В. И. Равдоникас, цитируя Лысенко, громил А. В. Арциховского за новое издание его учебника (Арциховский, 1947). В длительной и нервной дискуссии сторонников и противников Равдоникаса выступили А.Я. Брюсов, А.П. Окладников, А.Л. Монгайт, А.Н. Бернштам, П.Н. Третьяков, М.К. Каргер, сам Арциховский. Каких-либо последствий для участников дискуссии в дальнейшем не было, но все обстояло очень эмоционально и с переходом на личности. Подробный разбор стенограммы этого заседания дан в монографии (Тихонов, 2016, с. 183–189); опубликованы и свидетельства очевидца той памятной дискуссии (Рабинович, 2005, с. 258–260).

⁶⁷ Годом ранее была опубликована статья о датировке могильников пьяноборской культуры (Смирнов, 1947). Не связано ли это с тем, что А.П. Смирнов был против напечатания статьи И.А. Талицкой.

⁶⁸ Жорж – может быть речь идет о Георгии Борисовиче Федорове (см. о нем: Институт археологии... 2000, с. 245); в 1948 г. он работал в ИИМК. Но это не более чем догадка.

⁶⁹ Речь идет о безвременной кончине М.В. Воеводского (см. ниже), близкого и любимого И. А. Талицкой человека, отца ее младшей дочери Манички (*авт.*).

⁷⁰ И. А. Талицкая в продолжении многих лет была бессменным секретарем сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР (Смирнов, 1958, с. 298).

⁷¹ В археологической карте И. А. Талицкой (1952) памятники Удмуртии вошли в разделы 2 (Вятка I), 3 (Чепца, Вятка II), 4 (Кама II), 6 (Кама III).

⁷² Раздел 7 (Чусовая) в карте И. А. Талицкой.

⁷³ Вероятно, имеется в виду В. С. Крылов, один из первых учеников О. Н. Бадера, сотрудник КАЭ, рано ушедший из археологии. На эту роль не подходит Владислав Александрович Могильников, закончивший школу только в 1951 г.; см. о нем: (Жук, 2017).

⁷⁴ Воеводский Михаил Вацлавович (1903–1948), археолог. Выпускник кафедры антропологии физико-математического факультета 1 МГУ (1923–1928), ученик Б.С. Жукова. С 1923 работал в Музее антропологии при МГУ – от препаратора до зам. директора по научной работе. С 1933 старший научный сотрудник, зав. лабораторией камеральной обработки МО ГАИМК – МО ИИМК – ИИМК. Преподавал в МГУ, с 1939 доцент кафедры археологии. Возглавлял ряд крупных экспедиций, в их числе комплексную Деснинскую (1936–1948). Исследовал первоклассные палеолитические стоянки – Тимоновскую, Авдеевскую, Песочный Ров, Пушкарёвские и др. Труды по каменному веку Восточной Европы, истории древнего и средневекового гончарства, методике археологических исследований; см. подробнее: (Замятнин, 1950; Чубур, 2003).

⁷⁵ Речь идет о Валерии Николаевиче Чернецове (*авт.*).

⁷⁶ В публикации М. В. Талицкого (1951, с. 57, 59) неволинский пояс и бусы описаны весьма лаконично.

⁷⁷ Имеется в виду подготовка к изданию рукописи И. А. Талицкой (1952).

⁷⁸ А.П. Смирнов был ответственным редактором книги И. А. Талицкой (Смирнов, 1952, с. 5–6).

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л.И. Краткие сообщения Института археологии (журнал) // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 204–207.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.

Арциховский А.В. Введение в археологию. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: МГУ, 1947. 220 с.

Бадер М.А. Михаил Васильевич Талицкий (1906–1942) // Ученые записки Молотовского университета. Т. IX. Вып. 3. Харьков, 1953. С. 192–193.

Бадер Николай Оттович // Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий / Ред. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2000. С. 162–163.

Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция // Звезда. 1947а (14.09). № 182 (8209).

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и её окрестностей // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I / МИА. № 7 / Ред. А.В. Арциховский. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 88–167.

Бадер О.Н. Работы Чусовского отряда Камской археологической экспедиции // КСИИМК. Вып. XXVI / Отв. ред. А.Д. Удадьцов. М.: АН СССР, 1949. С. 45–46.

Бадер О.Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. 1968. № 4. С. 234–238.

Бадер О.Н., Талицкий М.В. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средневогострой). Участок Скياتино–Молога. Могильник у д. Рыболовки // Археологические работы Академии на новостройках 1932–1933 гг. Вып. 1 / Известия ГАИМК. Вып. 109 / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.-Л.; Соцэргиз, 1935. С. 156–157.

Бадер О.Н., Талицкий М.В., Збруева А.В., Пассек Т.С., Елизарова Н.А., Бадер М.А. Работы на строительстве канала Москва – Волга. Археологические памятники // Археологические работы Академии на новостройках 1932–1933 гг. Вып. 1 / Известия ГАИМК. Вып. 109 / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.; Л.: Соцэргиз, 1935. С. 39–65.

Бадер О.Н., Талицкий М.В., Шбаева Ю.А., Добров С.В., Мстиславский Л.С. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средневогострой). Участок Скياتино–Молога. Позднеродовые и феодальные селища и могильники // Археологические работы Академии на новостройках 1932–1933 гг. Вып. 1 / Известия ГАИМК. Вып. 109 / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.-Л.; Соцэргиз, 1935. С. 157–165.

Белавин А.М. «Серебро закамское» в истории и археологии пермского Предуралья // Вестник Пермского научного центра. 2013. № 2. С. 50–61.

Белозерова И.В., Кузьминых С.В. Указатель имен // Городцов В.А. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. Кн. 2. М.: Триумф принт, 2015. С. 591–693.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Дмитриев П.А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии Урала и Предуралья. Т. 2 / МИА. № 21 / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.: АН СССР, 1951а. С. 7–27.

Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала. (Из архива П. А. Дмитриева) // Материалы и исследования по археологии Урала и Предуралья. Т. 2 / МИА. № 21 / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.: АН СССР, 1951б. С. 28–93.

Дэвлет Е.Г. С.В. Киселев (1905–1962) // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 247–250.

Жебелёв С.А. Археолог-энтузиаст // СА. Т. X / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 9–11.

Жук А.В. Русские люди в Югорской земле X—XIII вв. (к 85-летию В.А. Могильникова) // Труды КАЭЭ. 2017. Вып. XIII. С. 148–183.

Замятнин С.Н. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского (1903–1948) // СА. Т. XII / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР 1950. С. 213–216.

Збруева Анна Васильевна (1894–1965) // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 108–109.

Исторические личности Соликамска: директор музея Удимов Д.И. Доступно по URL: <http://skm.solkam.ru/o-muzee/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/istoriya-solikamska/istoricheskie-lichnosti-solikamska-direktor-muzeya-udimov-d-i/> (дата обращения 13.11.2022).

Косарев М. Ф. Валерий Николаевич Чернецов: ученый, человек, учитель // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова / Отв. ред. М.Ф. Косарев. М.: ИА РАН, 2006. С. 6–16.

Кузьминых С.В. Жуков Борис Сергеевич // БРЭ. 2008. Т. 10. С. 122–123.

Кузьминых С.В. Бадер Отто Николаевич // БРЭ. Электронная версия (2022); Доступно по URL: <https://znanija.org/c/bader-otto-nikolaevich-cb1458> (дата обращения 11.10.2022).

Литвинова Е.Г. Берх Василий Николаевич // Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края: Биобиблиографический справочник. Т. 1 / Сост. Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. Пермь: Курсив, 2000. С. 80–81.

Литвинова Е.Г. Новокрещенных Николай Никифорович // Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края: Биобиблиографический справочник. Т. 1 / Сост. Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. Пермь: Курсив, 2000. С. 192–193.

Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.) / МИКВАЭ. Т. 7. Ижевск: УдГУ, 2003. 180 с.

Мельникова О.М. Из истории переписки О. Н. Бадера с учеными Москвы и Ленинграда (1946–1954 гг.) // РА. 2004. № 4. С. 151–159.

Мельникова О. М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь-справочник. Ижевск: УдГУ, 2007. 118 с.

Мерперт Н.Я. Киселев Сергей Владимирович (1905–1962) // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 117–121.

Остроумов И.Г. Список географических пунктов, в которых найдены доисторические памятники и предметы. (Составлен на основании печатных, рукописных и лично собранных сведений) // Пермский краеведческий сборник. Вып. II / Отв. ред. П.С. Богословский. Пермь: Кружок по изучению Северного края при Перм. ун-те, 1926. С. 5–11.

Ошибкина С.В. В. Н. Чернецов (1905–1970) // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 296–299.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Сергеев С.И. Раскопки на реке Колве // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 22. Екатеринбург, 1900. Доступно по URL: <https://uraloved.ru/issledovaniya-chudskih-yam-i-gorodishchna-rekah-ujve-i-kolve> (дата обращения 21.11.2022).

Смирнов А. П. Могилиники пьяноборской культуры. (К вопросу о дате) // КСИИМК. Вып. XIV / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 22–32.

Смирнов А.П. Предисловие редактора // Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама: (По данным, собранным М.В. Талицким) / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1952. С. 5–6.

Смирнов А.П. Инна Андреевна Талицкая (1907–1958) // СА. 1958. № 2. С. 298.

Талицкая И.А. Археологические памятники бассейна р. Кувы // КСИИМК. Вып. XVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 166–169.

Талицкая И.А. Справочник по археологическим памятникам бассейна р. Камы: (По материалам, собранным М. В. Талицким) // Первое Уральское археологическое совещание при Молотовском университете 20–25 апр. 1947 г. / Доклады научных конференций Молотовского государственного университета. Вып. 1–4. Молотов, 1948. С. 32–36.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы: (По данным, собранным М.В. Талицким) / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1952. 225 с.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. № 35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 242–357.

Талицкая Инна Андреевна (1907–1958) // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 232.

Талицкий М.В. Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова // КСИИМК. Вып. IV / Отв. ред. С.Н. Бибииков. М.; Л.: АН СССР, 1940а. С. 41–42.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7 / Отв. ред. И.М. Губкин. М.; Л.: АН СССР, 1940б. С. 136–140.

Талицкий М.В. Кочергинский могильник // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. № 1 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.–Л.: АН СССР, 1940в. С. 159–168.

Талицкий М.В. Коломенский район, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 61–67.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка «Пешерный лог» // КСИИМК. Вып. XII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 9–14.

Талицкий М.В. Керамика Протопоповского городища // СА. Т. X / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 227–234.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. (Тезисы кандидатской диссертации) // КСИИМК. Вып. XIII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 156–158.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 88–96.

Тимохова Т.В. Лунегов Илья Александрович // Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края: Биобиблиографический справочник. Т. 2 / сост. Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. Пермь: Пушка, 2006. С. 294.

Тихонов Б.Г., Бадер О.Н. А. В. Збруева // КСИА. Вып. 112 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1967. С. 3–7.

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

Тихонов И.Л. Деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) // РА. 2009. № 3. С. 138–147.

Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 412 с.

Чубур А.А. Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии (к 100-летию со дня рождения). Брянск: Брянск. филиал МГСУ, 2003. 44 с.

Чегин Г.Н. О.Н. Бадер и Пермский университет (по документальным материалам) // Вестник Пермского университета. История. 2003. Вып. 4. С. 145–154.

Ширинкина А.М. Аннотированная библиография литературы по археологии Урала. Вып. I (1941–1953 гг.) // Ученые записки Молотовского университета. Т. XI. Вып. 3. Харьков, 1956. С. 139–161.

Шумилов Е.Н. Сергеев Сергей Иванович // Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края: Биобиблиографический справочник. Т. 1 / сост. Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. Пермь: Курсив, 2000. С. 236–237.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru.

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); superlvovich2012@yandex.ru

REFERENCES

Avilova, L. I. 2019. In Makarov, N. A. (ed.). *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii (Institute of Archaeology RAS: 100 years of history)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 204–207 (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Kama River area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Voronin, N. N., Tikhanova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR. 1919–1956 gg. Ukazatel' (Archaeological expeditions of the State Academy of the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR. 1919–1956. Index)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Artsikhovskii, A. V. 1947. *Vvedenie v arkheologiju (Introduction to archaeology)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Bader, M. A. 1953. In *Uchenye zapiski Molotovskogo universiteta (Scientific Bulletin of the Molotov University)* IX (3). Khar'kov, 192–193 (in Russian).

In Kashkin, A. V. (ed.). 2000. *Institut arkheologii segodnia. Sbornik nauchnykh biografii (Institute of Archaeology Today. Collection of Academic Curricula Vitae)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 162–163 (in Russian).

Bader, O. N. 1947a. In *Zvezda (Star)* 182 (8209) (in Russian).

Bader, O. N. 1947. In Artsikhovskiy, A. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy (Materials and studies on the archaeology of Moscow)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 7. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 88–167 (in Russian).

Bader, O. N. 1949. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXVI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 45–46 (in Russian).

Bader, O. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 234–238 (in Russian).

Bader, O. N., Talitskiy, M. V. 1935. In Meshchaninov, I. (ed.). *Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh 1932–1933 gg. (Archaeological Activities of the Academy at New Construction sites in 1932–1933)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) (1). Moscow-Leningrad: "Sotsekgiz" Publ., 156–157 (in Russian).

Bader, O. N., Talitskiy, M. V., Zbrueva, A. V., Passek, T. S., Elizarova, N. A., Bader, M. A. 1935. In Meshchaninov, I. (ed.). *Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh 1932–1933 gg. (Archaeological Activities of the Academy at New Construction sites in 1932–1933)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) (1). Moscow-Leningrad: "Sotsekgiz" Publ., 156–157 (in Russian).

Bader, O. N., Talitskiy, M. V., Shbaeva, Yu. A., Dobrov, S. V., Mstislavsky, L. S. 1935. In Meshchaninov, I. (ed.). *Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh 1932–1933 gg. (Archaeological Activities of the Academy at New Construction sites in 1932–1933)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) (1). Moscow-Leningrad: "Sotsekgiz" Publ., 157–165 (in Russian).

Belavin, A. M. 2013. *Vestnik Permskogo Nauchnogo Tsentra (Bulletin of Perm Scientific Center)* 2, 50–61 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In Gorodtsov, V. A. *Dnevniky (1928–1944) (Journals (1928–1944))*. Book 2. Moscow: "Triumf" Publ, 591–693 (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Dmitriev, P. A. 1951. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Predural'ya (Materials and research on the archaeology of the Urals and Cis-Urals)* 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 21. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–27 (in Russian).

Dmitriev, P. A. 1951. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Predural'ya (Materials and research on the archaeology of the Urals and Cis-Urals)* 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 21. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 28–93 (in Russian).

Devlet, E. G. 2019. In Makarov, N. A. (ed.). *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii (Institute of Archaeology RAS: 100 years of history)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 247–250 (in Russian).

Zhebelev, S. A. 1948. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 10. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 9–11 (in Russian).

Zhuk, A. V. 2017. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 12, 148–183 (in Russian).

Zamyatin, S. N. 1948. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 12. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 213–216 (in Russian).

In Guliaev, V. I. (ed.). 2000. *Institut arkheologii: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh biografii (Institute of Archaeology: History and Contemporaneity. Collection of Academic Curricula Vitae)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 108–109 (in Russian).

Istoricheskie lichnosti Solikamska: direktor muzeya Udimov D.I. (Historical figures of Solikamsk: director of the museum Udimov D.I.) Available at: URL: <http://skm.solkam.ru/o-muzee/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/istoriya-solikamska/istoricheskie-lichnosti-solikamska-direktor-muzeya-udimov-d-i/> (Accessed: 13.11.2022) (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2006. In Kosarev, M. F. (ed.). *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamiati Valerii Nikolaevicha Chernetsova (The Worldview of Ancient and Traditional Societies of Eurasia. In Memory of Valery Nikolaevich Chernetsov)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 6–16 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2008. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 10. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 122–123 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2022. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Available at: <https://znaniya.org/c/bader-otto-nikolaevich-cb1458> (Accessed: 11.10.2022) (in Russian).

Litvinova, E. G. 2006. In Bystrykh, T. I., Shilov, A. V. (comp.). *Kraevedy i kraevedcheskie organizatsii Permi i Permskogo kraia (Local historians and local history organizations of Perm and Perm region)* 1. Perm: "Kursiv" Publ., 80–81 (in Russian).

Litvinova, E. G. 2006. In Bystrykh, T. I., Shilov, A. V. (comp.). *Kraevedy i kraevedcheskie organizatsii Permi i Permskogo kraia (Local historians and local history organizations of Perm and Perm region)* 1. Perm: "Kursiv" Publ., 193–193 (in Russian).

Melnikova, O. M. 2003. *Permskaya nauchnaya arkheologicheskaya shkola O.N. Badera (1946–1955 gg.) (O.N. Bader's Perm scientific archaeological school (1946–1955))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 7. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Mel'nikova, O. M. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 4, 151–159 (in Russian).

Mel'nikova, O.M. 2007. *Provintsial'noe arkheologicheskoe soobshchestvo Viatskoi, Kazanskoi, Permskoi gubernii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.). Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik (Provincial Archaeological Community of the Vyatka, Kazan and Perm Provinces (Second Half of 19th – early 20th cc. Biobibliographical Reference Book)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Merpert, N. Ya. 2000. Guliaev, V. I. (ed.). *Institut arkheologii: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh biografii (Institute of Archaeology: History and Contemporaneity. Collection of Academic Curricula Vitae)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 117–121 (in Russian).

Ostroumov, I. G. 1926. In Bogoslovsky, P. S. (ed.). *Permskiy kraevedcheskiy sbornik (Perm local history collection)* 2. Perm, 5–11 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 2019. In Makarov, N. A. (ed.). *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii (Institute of Archaeology RAS: 100 years of history)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 296–299 (in Russian).

Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaaia tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second half of 19th – first third of 20th centuries)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Sergeev, S. I. 1900. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubiteley estvestvoznaniya (Notes of the Ural society natural history-lovers)* 22 Available at: URL: <https://uraloved.ru/issledovaniya-chudskih-yam-i-gorodishchna-rekah-yajve-i-kolve> (Accessed: 21.11.2022) (in Russian).

Smirnov, A. P. 1947. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XIV. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 22–32 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. In Talitskaya, I. A. *Materialy k arkheologicheskoy karte basseyna r. Kama (po dannym, sobrannym M.V. Talitskim) (Materials for the archaeological map of the Kama River basin (according to the data collected by M. V. Talitsky))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 5–6 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 298 (in Russian).

Talitskaya, I. A. 1947. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 166–169 (in Russian).

Talitskaya, I. A. 1948. In *Pervoe Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie pri Molotovskom universitete 20–25 apr. 1947 g. (The first Ural Archaeological Meeting at Molotov University on April 20–25, 1947)*. Series: Doklady nauchnykh konferentsiy Molotovskogo gosudarstvennogo universiteta (Papers of scientific conferences of Molotov State University) 1–4. Molotov, 32–36 (in Russian).

Talitskaya, I. A. 1952. *Materialy k arkheologicheskoy karte basseyna r. Kama (po dannym, sobrannym M. V. Talitskim) (Materials for the archaeological map of the Kama River basin (according to the data collected by M. V. Talitsky))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Talitskaya, I. A. 1953. In Zbrueva, A. V. (ed.). *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya (Ancient history of the Lower Ob region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 242–357 (in Russian).

In Guliaev, V. I. (ed.). 2000. *Institut arkheologii: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh biografii (Institute of Archaeology: History and Contemporaneity. Collection of Academic Curricula Vitae)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 232 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1940. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* IV. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 41–42 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1940. In Gubkin, I. M. (ed.). *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary)* 6–7. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 136–140 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Urala i Prikam'ya (Archaeological sites of the Urals and the Kama region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 1. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 100–110 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1941. In Golmsten, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia (Archaeological Investigations in the Russian Federation in 1934–1936: Brief Reports and Data)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 61–67 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1946. In Grekov, B. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 9–14 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1948. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 10. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 227–234 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1946. In Grekov, B. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XIII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 156–158 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 88–96 (in Russian).

Timokhova, T. V. 2006. In Bystrykh, T. I., Shilov, A. V. (comp.). *Kraevedy i kraevedcheskie organizatsii Permi i Permskogo kraia (Local historians and local history organizations of Perm and Perm region)* 2. Perm: "Pushka" Publ., 294 (in Russian).

Tikhonov, B. G., Bader, O. N. 1967. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 112. Moscow: "Nauka" Publ., 3–7 (in Russian).

Tikhonov, V. V. 2016. *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.). (Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (mid-1940s – 1953))*. Moscow; Saint Petersburg: "Nestor" Publ (in Russian).

Tikhonov, I. L. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 3, 138–147 (in Russian).

Rabinovich, M. G. 2005. *Zapiski sovetskogo intellektuala (Notes of a Soviet intellectual)*. Moscow: “Novoe literaturnoe obozrenie” Publ. (in Russian).

Chubur, A. A. 2003. *Mikhail Vatslavovich Voevodskiy: stranitsy biografii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) (Mikhail Vatslavovich Voevodskiy: biography pages (to the 100th anniversary of his birth))*. Bryansk: Bryansk Branch of Moscow State Social University (in Russian).

Chagin, G. N. 2003. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* (4), 145–154 (in Russian).

Shirinkina, A. M. 1956. In *Uchenye zapiski Molotovskogo universiteta (Scientific Bulletin of the Molotov University)* XI (3). Khar’kov, 139–161 (in Russian).

Shumilov, E. N. 2000. In Bystrykh, T. I., Shilov, A. V. (comp.). *Kraevedy i kraevedcheskie organizatsii Permi i Permskogo kraja (Local historians and local history organizations of Perm and Perm region)* 1. Perm: “Kursiv” Publ., 236–237 (in Russian).

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Melnikova Olga M. Doctor of Historical Sciences, Udmurt State University. Universitetskaya st. 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; superlvovich2012@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКИО – Ананьинская культурно-историческая область
 АКЭ – Антропологическая комплексная экспедиция
 АМУ – Архив Марбургского университета
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АН УССР – Академия наук УССР
 АРАН – Архив РАН
 БРЭ – Большая российская энциклопедия. М.
 БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.
 ВАСХНИЛ – Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
 ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с границей
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГубОНО – Губернский отдел народного образования
 ДТМАО – Древности. Труды Московского археологического общества. М.
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
 ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
 ИА АН УССР – Институт археологии АН УССР
 ИА РАН – Институт археологии РАН.
 ИААЭ – Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР
 ИАИ РАНИОН – Институт археологии и искусствоведения РАНИОН
 ИАК – Известия археологической комиссии
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 ИГАИМК – Известия ГАИМК. Л.
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.
 ИТОИАЭ – Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии.
 ИФЛИ – Институт философии, литературы и истории
 ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 КАЭ – Камская археологическая экспедиция ПГУ и ИИМК АН СССР
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии, литературы и истории
 ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР
 МА МГУ – Музей антропологии при МГУ
 МАИ – Московский археологический институт
 МАО – Московское археологическое общество
 МА РТ ИА АН РТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ.
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии АН СССР/РАН
 МГУ – Московский государственный университет.
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России
 МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск
 МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории
 МО ГАИМК – Московское отделение ГАИМК
 МО ИИМК – Московское отделение ИИМК
 МОИП – Московское общество испытателей природы
 НА ИА РАН – Научный архив ИА РАН
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НКП, Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР
 НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
 НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований ИИ АН РТ
 НФ МА РТ ИА АН РТ – Научный фонд МА РТ ИА АН РТ
 ОАК – Отчеты Археологической комиссии. СПб.–Пг.
 ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
 ОИРИМ – Отчеты Императорского Российского Исторического музея. М.
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
 ПАН – Петербургская Академия наук
 ПГНИУ – Пермский государственный научно-исследовательский университет
 ПГУ – Пермский государственный университет
 ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
 РА – Российская археология
 РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
 РАН – Российская Академия наук
 РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
 РИМ – Российский Исторический музей
 РИСО – редакционно-издательский отдел
 РО НБФ – Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СГАИМК – Сообщения Государственной Академии материальной культуры.
 СИЭ – Советская историческая энциклопедия. М.
 СО РАН – Сибирское отделение РАН
 СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
 СОКМ, СМ – Свердловский областной краеведческий музей
 СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 СЭ – Советская этнография.
 ТСА РАНИОН – Труды Секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН
 УдГУ, УдМГУ – Удмуртский государственный университет
 УЗ ПГУ – Ученые записки ПГУ
 ФОН – Факультет общественных наук
 ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
 ЦПО – Центрально-Промышленная область
 ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 26.06.2023

Дата выхода в свет 30.06.2023

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 42,78

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

